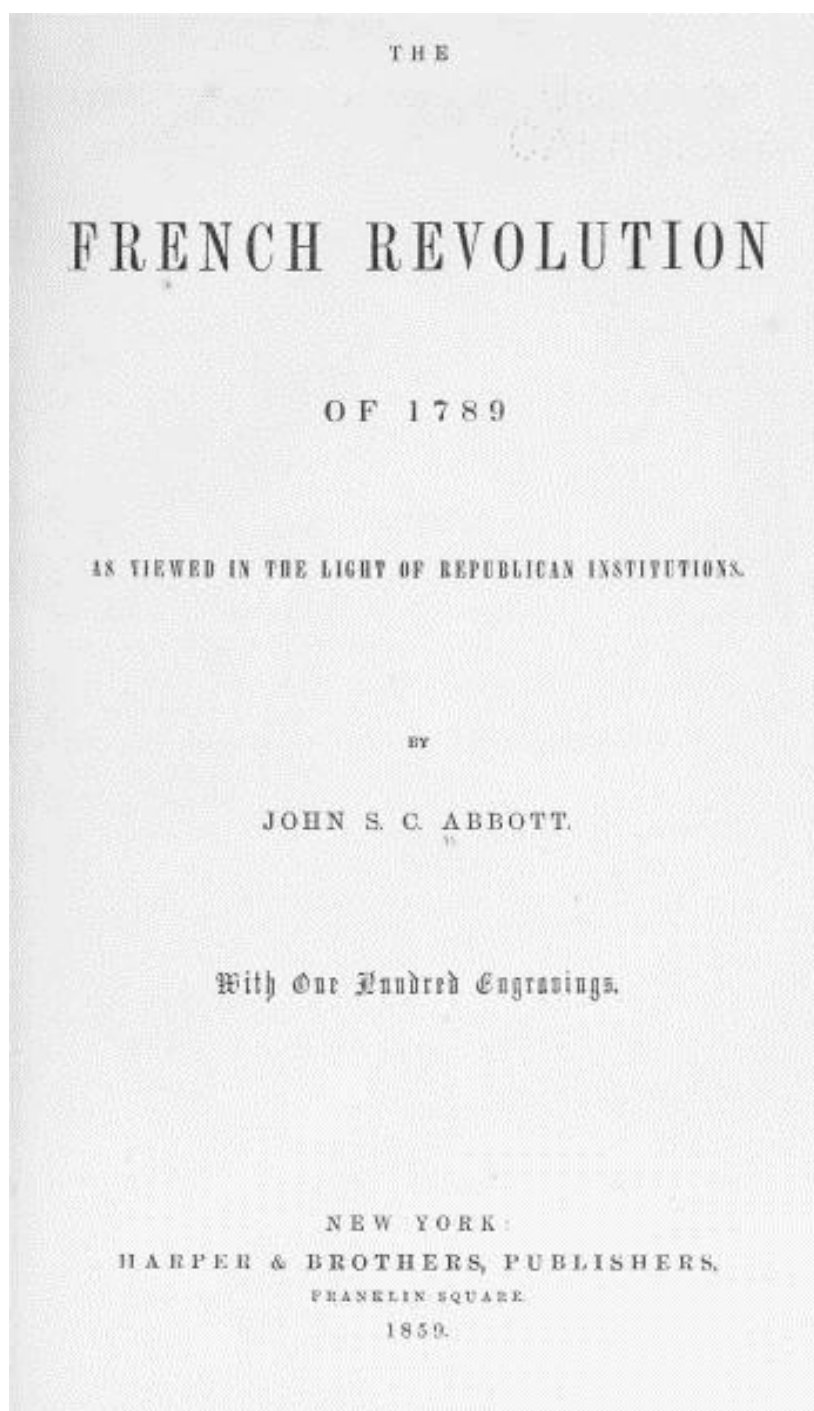

Французская революция 1789 года, рассматриваемая в свете республиканских институтов

Джон С. К. Эббот

Электронная книга проекта Гутенберга о Французской революции 1789 года, рассматриваемая в свете республиканских институтов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Французская революция 1789 года, рассматриваемая в свете республиканских институтов

Автор: Джон С. С. Эббот

Дата выхода: 30 марта 2019 [Электронная книга №59162]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Ричардом Халсом, Грэмом Макретом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 ГОДА, РАССМАТРИВАЕМАЯ В СВЕТЕ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ИНСТИТУТОВ" ***

Электронный текст подготовлен Ричардом Халсом, Грэмом Макретом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Посмотреть <https://archive.org/details/frenchrevolution00abborich>

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 ГОДА, РАССМАТРИВАЕМАЯ В СВЕТЕ РЕСПУБЛИКАНСКИХ
ИНСТИТУТОВ.

АВТОР: ДЖОН С. К. ЭББОТТ.

С Сотней гравюр.

НЬЮ-ЙОРК:
ИЗДАТЕЛЬСТВО HARPER & BROTHERS,

ПЛОЩАДЬ ФРАНКЛИНА.
1859 год.

Внесен, согласно Акту Конгресса, в тысяча восемьсот
пятьдесят девятом году компанией

HARPER & BROTHERS,

в канцелярию окружного суда Южного округа Нью-Йорка.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В течение нескольких лет автор этой работы собирал материалы для написания истории Французской революции. С этой целью он посетил Париж, желая также познакомиться с местностями, обессмертившими разнообразные действия этой драмы — возможно, самой запоминающейся трагедии, которая до сих пор разыгрывалась на театре времени. В дополнение к пособиям, которые он, таким образом, почерпнул из краткого пребывания в Париже, он также обнаружил, что библиотека колледжа Боудоин особенно богата всеми теми работами по религиозной и политической философии, которые предшествовали этим событиям и возвещали о них, а также рассказами тех современных историков, которые описывали сцены по мере их возникновения или свидетелями которых они сами были. Губернатор Боудоин, библиотека которого была ядром нынешней библиотеки колледжа, похоже, проявлял особый интерес к сбору всех трудов французских философов и всех произведений современных авторов, имеющих отношение к Французской революции, включая — самое важное из всех — полные архивы Moniteur.

Писатель взялся бы за перо не только для того, чтобы повторить историю, которая так часто и красочно рассказывалась ранее. Но слишком многого ожидают от человеческой натуры, чтобы воображать, что борьба угнетенного народа за освобождение от феодального деспотизма может быть беспристрастно описана в замках знати или при королевских дворах. Неизбежно, что суждение, которое выносится по поводу событий, связанных с такой борьбой, будет пристрастным из-за политических принципов наблюдателя. Точно такая же сделка будет одним осуждаться, а другим приветствоваться. Тот, кто верит в божественное право королей править и в божественную обязанность народа беспрекословно повиноваться, должен осудить народ, который пытается разорвать оковы деспотической власти, и должен аплодировать королям и знати, которые со всей энергией бомб, сабель и железных копыт пытаются сокрушить дух демократической свободы. Напротив, тот, кто принимает доктрину о том, что суверенитет принадлежит народу, должен высоко оценить усилия поработенной нации разорвать цепи рабства и должен осудить усилия королей и знати сковать эти цепи заново. Таким образом, одни и те же факты будут рассматриваться с совершенно иной точки зрения в зависимости от того, находятся ли историки под влиянием политических принципов в пользу равенства прав или аристократических привилегий. Автор этого произведения рассматривает сцены Французской революции с республиканской точки зрения. Его симпатии полностью на стороне угнетенного народа, борющегося за политическую и религиозную свободу. Все писатели, все люди заявляют, что любят свободу.

"Деспоты, - говорит Де Токвиль, - признают, что свобода - это превосходная вещь. Но они хотят всего этого для себя и утверждают, что остальной мир недостойн этого. Таким образом, нет расхождений во мнениях относительно свободы. Мы различаемся только в том, как высоко оцениваем мужчин".^[1]

Начинать историю Французской революции с открытия Генеральных штатов в 1789 году так же нефилософски, как начинать историю Американской революции с битвы при Лексингтоне. Ни один человек не сможет понять эту страшную драму, если не рассмотрит ее в свете тех веков угнетения, которые положили начало ей. Именно в ужасном деспотизме старой монархии Франции следует видеть действительную причину последующей неистовой борьбы народа.

"Революция, - говорит Де Токвиль, - навсегда останется во тьме для тех, кто не заглядывает за ее пределы. Без ясного представления об обществе прежних времен, о его законах, его ошибках, его предрассудках, его страданиях, его величии невозможно понять поведение французов в течение шестидесяти лет, следовавших за их падением".^[2]

Часто создается впечатление, что Революция была внезапной вспышкой слепой бездумной страсти — бурей, грянувшей с безмятежного неба; или подобна ночной битве — массы слепо разбегаются во всех направлениях, а друзья и враги в смятении и ярости поражают друг друга. Но, напротив, Революция нарастала медленно, буря, которая накапливалась веками. Сгущающиеся тучи, отблеск пожаров и рев приближающихся раскатов грома привлекли внимание наблюдателей задолго до того, как буря во всей своей ярости обрушилась на Францию. Тщательное историческое повествование создает порядок из кажущегося хаоса и демонстрирует, проходя через бурную сцену террора и крови, действие причин, почти столь же непреодолимое, как действие физических законов.

Автор свободно выразил свое суждение о событиях, о которых он рассказал.

"Беспристрастность истории, - говорит Ламартин, - это не беспристрастность зеркала, которое просто отражает объекты; это должна быть беспристрастность судьи, который видит, слушает и принимает решения".^[3] Читатель не удивится, обнаружив, что некоторые события, которые историки, облаканные королевскими дворами и баронскими залами, осудили как дерзкие и вульгарные, здесь представлены как героические и благородные.

Каждое великодушное сердце откликнется на чувства, высказанные в этой связи Тьером. "Я старался заглушить, - говорит он, - в своей собственной груди всякое чувство вражды. Я попеременно думал про себя, что, родившись в коттедже, движимый справедливым честолюбием, я был полон решимости приобрести то, в чем гордость высших классов несправедливо отказала мне; или что, воспитанный во дворцах, наследник древних привилегий, мне было больно отказываться от владения, которое я считал законной собственностью. Отныне я больше не мог питать вражды ни к одной из сторон. Я жалел сражающихся и возмещал ущерб, восхищаясь великодушными поступками, где бы я их ни находил".^[4]

Вся эта ужасная трагедия учит одной простой морали. Она заключается в том, что законы должны быть настолько справедливыми, чтобы вызывать одобрение каждого просвещенного христианина, и массы людей должны быть воспитаны в таком разуме и добродетели, чтобы быть способными ценить хорошие законы и иметь склонность их соблюдать. Здесь лежит единственная надежда нашей республики.

Иллюстрации, украшающие эти страницы, выполнены художественным карандашом мистера К.Э. Доплера, который отправился в Париж, чтобы с большей исторической точностью описать как костюмы, так и местность. За доброту господ . Компания Goupil & Co. признательна за привилегию скопировать изысканную гравюру Марии-Антуанетты в здании Революционного трибунала, которая украшает фронтиспис.

Джон С. К. Эббот.

Брансуик, штат Мэн, ноябрь 1858 года.

СНОСКИ:

^[1] "Старый режим и революция", Алексис де Токвиль, Введение, стр. xi.

^[2] *Ib.*, стр. 253.

^[3] Ламартин, "История жирондистов", i, 10

^[4] Тьер, Французская революция, Введение.

ГЛАВА I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ.

Территория Франции.—Характер ее первых жителей.—Завоевание Галлии.—Вторжение варваров.—Франки.—Фарамонд.—Хлодвиг.—Введение христианства.—Клотильда.—Династия Меровингов.—Мартовские поля.—Анекдот о Хлодвиге.—Парижане.—Борьба со знатью.—Вторжение мавров.—Карл Мартелл.—Пипин.—Майские поля.—Карл Великий.—Его политика.—Феодальная система.—Церковь.—Свитки.—Людовик V.—Гуго Капет.—Парламент, учрежденный Филиппом Справедливым	Страница 17
---	----------------

ГЛАВА II.

ДОМА ВАЛУА И БУРБУОНОВ.

Дом Валуа.—Роскошь двора и знати.—Insurrection.—Jaques Bonhomme.—Генрих III.—Генрих IV., Наваррский.—Кардинал Ришелье.—Французская академия.—Регентство Анны Австрийской.—Дворцы Франции.—Благородные и облагороженные.—Преследование протестантов.—Нантский эдикт.—Его отмена.—Бедственное положение протестантов.Смерть Людовика XIV.	25
---	----

ГЛАВА III.

РЕГЕНТСТВО И Людовик XV.

Состояние Франции.—Регентство.—Финансовые затруднения.—Преступления правителей.—Возврат валюты.—Возобновление гонений на протестантов.—Епископ Дюбуа.—Философия Вольтера.—Анекдот Франклина.—Фаворитки короля.—Мадемуазель Пуассон.—Ее Господство.— <i>Parc aux Cerfs</i> .—Показательный анекдот.—Письмо королю.—Свидетельство Честерфилда.—Анекдот Лафайета.—Смерть Помпадур.—Мадемуазель Ланж.—Власть Дюбарри.—Смерть Людовика XV.	34
---	----

ГЛАВА IV.

ДЕСПОТИЗМ И ЕГО ПЛОДЫ.

Представления аристократии.—Мольер.—Упадок дворянства.—Упадок феодальной системы.—Разница между Францией и Соединенными Штатами.—Умерщвление чувств литераторов.—Вольтер, Монтескье, Руссо.—Разложение Церкви.—Дидро.—Энциклопедисты.—Свидетельство Де Токвиля.—Фредерик II Прусский.—Два класса противников христианства.—Огромные налоги.—Нищета народа.—"Старые добрые времена монархии!"	45
--	----

ГЛАВА V.

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ.

Абсолютная власть короля.—Официальные документы.—Бастилия.—Кардинал Балуэ.—Харанкур.—Шарль Арманакский.—Констан де Ренвиль.—Герцог Немурский.—Темницы Бастилии.—Подземелья.—Дессо.—М. Массат.—М. Каталан.Латюд.—Студент.—Апостроф Мишле	53
---	----

ГЛАВА VI.

СУД И ПАРЛАМЕНТ.

Смерть Людовика XV.—Воспитание Людовика XVI.—Морепа, премьер-министр.—Тюрго; его отстранение от должности.—Неккер.—Франклин.—Симпатии к американцам.—Лафайет.—Взгляды двора.—Договор с Америкой.—Популярность Вольтера.—Позор Неккера.—*Королевская битва*.—Неккер отправлен в изгнание.—Порабощение Франции.—Новая расточительность.—Калонн

57

ГЛАВА VII.

СОБРАНИЕ ЗНАТИ.

Меры Бриенны.—Ложе правосудия.—Протест парламента.—Парламент изгнан.—Представление парламента.—Герцог Орлеанский.—Изменнические планы герцога Орлеанского.—Беспокойство королевы.—Бриллиантовое ожерелье.—Месье, брат короля.—Вещица.—Отчаяние Бриенны.—Указ об упразднении парламентов.—Энергия двора.Арест Д'Эспремения и Гойслара. Беспорядки в Гренобле.Ужасающая буря с градом

67

ГЛАВА VIII.

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ.

Отзыв Неккера.—Повторное собрание знати.—Брошюра аббата Сийеса.—Голосование брата короля.—Его предполагаемый мотив.—Основа представительства.—Приготовления к встрече штатов.—Заявление о жалобах.—Мирабо; его угроза.—Сочувствие священников народу.—Протест знати.—Первый бунт.—Заседание Генеральных штатов.Новое усилие привилегированных классов

77

ГЛАВА IX.

СОЗЫВ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ.

Открытие Генеральных штатов.—Проповедь епископа Нанси.—Оскорбление народных депутатов.—Аспект Мирабо.—Смелость третьего сословия.—Журнал Мирабо.—Начало конфликта.—Первое появление Робеспьера.—Решительная позиция Палаты общин.—Мнения викариев.—Смятение знати.—Волнения в Париже.—Национальное собрание.—Присяга

85

ГЛАВА X.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Первые акты Собрания.—Замешательство в суде.—Зал Собрания закрыт.—Перерыв на теннисном корте.—Советы Кабинета министров.—Деспотические меры.—Теннисный корт закрыт.—Ликование Двора.—Союз с духовенством.—Опасность Собрания.—Королевское заседание.—Речь короля

92

ГЛАВА XI.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МЕРЫ.

Речь Мирабо.—Приближение солдат и опасность для Собрания.—Восторг королевы.—Триумф Неккера.—Смущение епископов и знати.—Письмо короля.—Епископы и знать присоединяются к Собранию.—Отчаянная решимость знати.Войска, сочувствующие народу

99

ГЛАВА XII.

БЕСПОРЯДКИ В ПАРИЖЕ.

Маршал Бройль.—Собрания в Пале-Рояле.—Недовольство солдат.—
Заключение и спасение.—Братание.—Петиция к Ассамблее.—Пожелания патриотов.—Передвижение войск.—Речь Мирабо.—Новые угрозы.—
Декларация прав.—Увольнение Неккера.—Волнения в Париже.—Камиль Демулен.—Французская гвардия присоединяется к народу.—Террор в Париже. Характер короля

103

ГЛАВА XIII.

ШТУРМ БАСТИЛИИ.

Собрание обращается с петицией к королю.—Решения Собрания.—
Рассказ месье Дюмона.—Сцены в Париже.—Народ организуется для самообороны.—Новая кокарда.—Аббат Лефевр д'Ормессон.—
Предательство мэра Флесселя.—Персонаж Де Лони, коменданта Бастилии.—Увольнение инвалидов.—Взятие Бастилии. Убийство Де Лони и Флесселя

112

ГЛАВА XIV.

КОРОЛЬ ПРИЗНАЕТ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Разгром кавалерии Ламбеска.—Весть о взятии Бастилии достигает Версаля.—Ужас двора.—Полуночная беседа герцога Лианкура с королем.—Новая делегация Ассамблеи.—Король посещает Ассамблею.—
Короля сопровождают обратно в его дворец.—Непостоянство монарха.—
Депутация отправлена в Отель де Вилль.—Адрес Лафайета.—Лафайет назначен командующим Национальной гвардией

122

ГЛАВА XV.

КОРОЛЬ ПОСЕЩАЕТ ПАРИЖ.

Взгляды патриотов.—Помилование французской гвардии.—Религиозные церемонии.—Отзыв Неккера.—Король посещает Париж.—Акция духовенства.—Король в ратуше.—Возвращение короля в Версаль.—Граф д'Артуа, Полиньяки и другие покидают Францию.—Наглость слуг.—
Страдания народа.—Преследование торговцев зерном.—Бертье из Тулона.—М. Фулон.—Их убийство.—Гуманные попытки Неккера.—Отмена феодальных прав

127

ГЛАВА XVI.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ.

Вооружение крестьян.—Уничтожение феодальных хартий.—Проповедь аббата Фоше.—Три класса в Собрании.—Декларация прав.—Три Собрания.—Власть прессы.—Усилия Уильяма Питта поддержать дворян.—
Вопросы по Конституции.—Две палаты в одной?—Право вето.—Голод в городе.—Королевская тарелка растаяла.—Налог в размере четверти дохода каждого. Заявление Джефферсона

141

ГЛАВА XVII.

КОРОЛЕВСКУЮ СЕМЬЮ ПЕРЕВЕЗЛИ В ПАРИЖ.

Убывающая популярность Лафайета.—Король подумывает о бегстве.—
Письмо адмирала д'Эстена.—Фландрский полк призван в Версаль.—

155

Праздник в бальном зале Версаля.—Восстание женщин; их марш на Версаль.Ужасы ночи на 5 октября.—Королевская семья переправлена в Париж

годаXVIII века.

ФРАНЦИЯ ВОЗРОДИЛАСЬ.

Добрые чувства народа.—Эмиграция получает новый импульс.—
Национальное собрание переехало в Париж.—Учредительное собрание.—
Убийство Франсуа.—Беспокойство патриотов.—Мрачная зима.—Контраст
между епископами и трудящимся духовенством.—Церковные фонды,
конфискованные Ассамблеей.—Церковь, ответственная за деградацию
народа.—Новое разделение Франции.—Избирательное право.—
Гильотина.Рабо де Сент—Этьен

165

ГЛАВА XIX.

КОРОЛЬ ПРИНИМАЕТ КОНСТИТУЦИЮ.

Король посещает Ассамблею.—Его речь.—Священники поднимают
народ.—Королевское жалованье.—Петиция Тальмы.—Взгляды
Наполеона.—Осуждение и казнь маркиза Фавруса.—Дух Новой
конституции.—Национальный юбилей.Королева сочувствует Народному
движению.—Сочинения Эдмунда Берка

175

ГЛАВА XX.

БЕГСТВО КОРОЛЯ.

Беспорядки в Нанси.—Судебное преследование Мирабо.—Выдача
ассигнаций.—Интервью Мирабо королеве.—Четыре политические
партии.—Епископы отказываются приносить присягу Конституции.—
Характер эмигрантов.—Тетушки короля пытаются покинуть Францию.—
Дебаты об эмиграции.—Смущение Ассамблеи.—Смерть Мирабо.—Его
похороны.—Королю запретили посетить Сент-Клу.—Двуличие короля.—
Конференция союзников.—Их план вторжения.—Меры по побегу короля.—
Полет

188

ГЛАВА XXI.

АРЕСТ КОРОЛЕВСКИХ БЕГЛЕЦОВ.

Прибытие в Варенн.—Группа арестованных.—Личное появление короля.—
Гвардейцы братаются с народом.—Возмущение толпы.—Пленники
вынуждены вернуться в Париж.—Смятение г-на де Буйе.—Волнения в
Париже.—Толпа грабит Тюильри.—Акты Ассамблеи.—Решительные
действия Лафайета.—Провозглашение короля.Якобинский клуб.—
Единодушие Франции

200

ГЛАВА XXII.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ ИЗ ВАРЕННА.

Провозглашение Марата.—Трое уполномоченных отправлены навстречу
королю.—Обращение к нации от Ассамблеи.—Медленное и болезненное
возвращение.—Разговор Барнава с королевой.—Жестокость Петиона.—
Страдания королевской семьи.—Прием короля в Париже.—Поведение
королевы.—Благородное признание Лафайета.Заявление короля.Угроза
Буйе

214

ГЛАВА XXIII.

ВОЛНЕНИЯ В ПАРИЖЕ.

Останки Вольтера перенесены в Пантеон.—Решение Ассамблеи о бегстве короля.—Томас Пейн.—Взгляды конституционных монархистов.—Послание Лафайета королю Австрии.—Якобинцы созывают население на Марсово поле.—Мандат якобинцев.—Толпа на Марсовом поле разгоняется военными.—Завершение Конституции.—Примечательный разговор Наполеона.—Король официально принимает Конституцию. Великая, но преходящая популярность Королевской семьи

222

ГЛАВА XXIV.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВОЙНЫ.

Отношение короля и королевы к Конституции.—Законодательное собрание.—Его демократический дух.—Речь короля.—Болезненная сцена.—Королева планирует побег.—Беспорядки в театре.—Увлечение аристократов.—Оскорбление герцога Орлеанского.—Смущение союзников.—Ответы королю от европейских держав.—Эмигранты в Кобленце.—Королевское вето.—Письма короля своим братьям.—Их ответы.—Жестокие указы.—Петион избран мэром.—Король посещает Ассамблею. Подъем Республиканской партии

236

ГЛАВА XXV.

ВОЛНЕНИЯ В ПАРИЖЕ И НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Смерть Леопольда.—Убийство Густава.—Интервью Дюмуре с королевой.—Обсуждение в Ассамблее.—Герцог Брауншвейгский.—Беседа Барнава с королевой.—Беседа Дюмуре с королем.—Увольнение месье Ролана.—Дворец захвачен.—Стойкость короля.—Петион, мэр.—Волнующее интервью королевской семьи. Замечания Наполеона

246

ГЛАВА XXVI.

ТРОН ПОДВЕРГСЯ НАПАДЕНИЮ.

Сердитая беседа короля с мэром.—Решительные действия Лафайета.—Ожидания королевы.—Движение прусской армии.—Усилия священников.—Тайный комитет роялистов.—Террор во дворце.—Взгляд королевы на характер короля.—Вечеринки во Франции. Энергичные действия Ассамблеи.—Речь Верньо

262

ГЛАВА XXVII.

ТРОН РАЗРУШЕН.

Страна объявлена в опасности.—План Лафайета по обеспечению безопасности королевской семьи.—Меры суда.—Празднование сноса Бастилии.—Движение союзной армии.—Противоречивые планы народа.—Письмо жирондистов королю.—Манифест герцога Брауншвейгского.—Непопулярность Лафайета. Нападение на Тюильри, 10 августа.—Королевская семья укрывается в Собрании

271

ГЛАВА XXVIII.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ ЗАКЛЮЧЕНА В ТЮРЬМУ.

Смятение в Собрании.—Штурм Тюильри.—Аспект королевской семьи.—Указ об отстранении от должности.—Ночь в монастыре.—Второй день Ассамблеи.—Королевская семья в плену.—Третий день Ассамблеи.—

286

Храм.—Королевская семья переведена в Храм

ГЛАВА XXIX.

РЕЗНЯ РОЯЛИСТОВ.

Превосходство якобинцев.—Их энергичные меры.—Ассамблее угрожают.—Комиссары отправлены в армию.—Дух придворной партии в Англии.—Речь Эдмунда Берка.—Триумфальное шествие союзников.— Народ собрался *в массовом порядке* противостоять врагу.—Убийство принцессы Ламбаль.—Извинения ассасинов.Робеспьер и Сен— Жюст.Взгляды Наполеона

ГЛАВА XXX.

КОРОЛЬ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД СУДОМ.

Убийство роялистов в Версале.—Господство якобинцев.—Национальный конвент.—Две партии, жирондисты и якобинцы.—Отмена королевской власти.—Мадам Ролан.—Битва при Жемаппе.—Образ жизни в Тампле.— Оскорбления в адрес королевской семьи.—Новые акты строгости.—Суд над королем.—Разделение королевской семьи.—Обвинительный акт.Король просит хлеба

ГЛАВА XXXI.

КАЗНЬ ЛЮДОВИКА XVI.

Завершение экзамена.—Королевский адвокат.—Героизм Мальзерба.— Подготовка к защите.—Благодарность короля.—Судебный процесс.— Затянувшееся голосование.—Результат.—Король просит отсрочить казнь на три дня.—Последняя беседа с семьей.—Подготовка к смерти.Казнь

ГЛАВА XXXII.

ЦАРСТВО ТЕРРОРА.

Обвинения против жирондистов.—Дантон.—Французскому послу приказано покинуть Англию.—Англии объявлена война.—Военно-морской флот Англии.—Внутренняя война.—Заговор с целью убийства жирондистов.—Смелые слова Верньо.—Восстание в Вандее.—Конфликт между Дюмурье и Ассамблеей.—Бегство Дюмурье.—Толпа всполошилась, жирондисты арестованы.—Шарлотта Корде.—Франция *массово* восстает, чтобы дать отпор союзникам.Изменническая капитуляция Тулона

ГЛАВА XXXIII.

КАЗНЬ МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ И МАДАМ Елизаветы.

Мария-Антуанетта в Тампле.—Заговоры с целью спасения королевской семьи.—Юный дофин, оторванный от Матери.—Френсис королевы.—Ее отводят в консьержери.—Унижения и горести.—Королева предстала перед судом.—Письмо своей сестре.—Казнь королевы.—Мадам Елизавета предстала перед судом и казнью.Судьба принцессы и дофина

ГЛАВА XXXIV.

ТОРЖЕСТВУЮЩИЕ якобинцы.

Взгляды жирондистов.—Анекдот Верньо.—Жирондисты предстали перед судом.—Самоубийство Валазе.—Муки Демулена.—Фонфрид и Дюко.— Тайная вечеря жирондистов.—Их казнь.—Герцог Орлеанский; его казнь.— Действие гильотины.—Гуманное законодательство.—Показания

дезодорантов.—Анахарсис Клуцс.Новая эра

ГЛАВА XXXV.

ПАДЕНИЕ ЭБЕРТИСТОВ И ДАНТОНИСТОВ.

Продолжающиеся преследования жирондистов.—Робеспьер выступает против атеистов.—Дантон, Субербийель и Камиль Демулен.—*Старый Кордельер*.—Казнены эбертисты.—Дантон подвергся нападению.—Интервью Дантона с Робеспьером.—Дантон предупредил об опасности.—Камиль Демулен и другие арестованы.—Люсиль, жена Демулена.—Письма.—Казнь дантонистов.—Арест и казнь Люсиль.—Тулон, возвращенный Бонапартом

ГЛАВА XXXVI.

ПАДЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА.

Необъяснимый характер Робеспьера.—Сесиль Реньо.—Праздник в честь Высшего Существа.—Увеличение числа жертв.—Триумвират.—Подозрения в адрес Робеспьера.—Борьба между Робеспьером и Комитетом общественного спасения.—Заговор против Робеспьера.—Заседание 27 июля.—Робеспьер и его друзья арестованы.—Попытки спасти Робеспьера.—Опасность для Конвента.—Казнь Робеспьера и его сообщников

ГЛАВА XXXVII.

ТЕРМИДОРИАНЦЫ И ЯКОБИНЦЫ.

Правление комитетов.—*The Jeunesse Dorée*.—Реакция.—Ходатайство против Фукье Тенвиля.—Апофеоз Руссо.—Битва при Флерюсе.—Жестокий приказ Комитета общественного благосостояния.—Состав двух партий.—Речь Бийо Варенна.—Речь Легенд.—Клуб якобинцев закрыт.—Победы Пишгрю.—Союз между Голландией и Францией.—Продвижение Клебера.Мир с Пруссией.Киберон.Бунт в Лионе

ГЛАВА XXXVIII.

РОСПУСК КОНВЕНТА.

Голод в Париже.—Борьба между Женесс Доре и якобинцами.—Беспорядки.—Сцена в Конвенте.—Война с союзниками.—Новая конституция.—Восстание секций.—Энергия генерала Бонапарта.—Поражение секций.—Рассказ герцогини Абрантес.—Милосердие Конвента.—Его заключительные акты, роспуск и учреждение Директории

ГЛАВА XXXIX.

ДИРЕКТОРИЯ.

Создание Директории.—Тревожное состояние государственных дел.—Новая экспедиция в Вандею.—Смерть дофина.—Освобождение принцессы.—Усмирение Вандеи.—Беспорядки в Лондоне.—Казнь Шаретта.—Наполеон принимает командование итальянской армией.—Первая прокламация.—Триумфы в Италии.—Письмо генерала Гоша.—Мир с Испанией.—Создание Чиспаданской республики.—Переговоры с Англией.—Предполагаемое вторжение в Ирландию.—Мемориалы Вулфа Тона.—Плачевное состояние государственных дел.—Описание Наполеона.—Состав Справочника

СВЕРЖЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ И УЧРЕЖДЕНИЕ КОНСУЛЬСТВА.

421

Провозглашение Наполеона.—Поход в Австрию.—Письмо эрцгерцогу Карлу.—Предварительные условия мира.—Союз партий против Директории.—Триумф Директории.—Агентура Наполеона.—Суровые меры Директории.—Возмущение Наполеона.—Диктатура Директории.—Смятение роялистов.—Кампо-Формийский мирный договор.—Обращение Наполеона к Чиспаданской республике.—Замечания Наполеона.—План вторжения в Индию.—Экспедиция в Египет.—Новая коалиция.—Раштадт

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

ГЛАВА I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ.

Протяженность Франции.—Характер ее первых жителей.—Завоевание Галлии.—Вторжение варваров.—Франки.—Фарамонд.—Хлодвиг.—Введение христианства.—Клотильда.—Династия Меровингов.—Мартовские поля.—Анекдот о Хлодвиг.—Парижане.—Борьба со знатью.—Вторжение мавров.—Карл Мартелл.—Пипин.—Майские поля.—Карл Великий.—Его политика.—Феодальная система.—Церковь.—Списки.—Людовик V.—Гуго Капет.—Парламент, учрежденный Филиппом Справедливым.

Если бы кто-нибудь занял какую-нибудь точку в облаках за пятьдесят лет до рождения нашего Спасителя и посмотрел вниз на ту часть древней Галлии, которая с тех пор стала называться Францией, он увидел бы огромную волнистую равнину площадью около шестисот пятидесяти квадратных миль, ограниченную на севере Рейном, на востоке скалистыми утесами Альп, на юге почти непреодолимыми барьерами Пиренеев, а на западе океаном. Это прекрасное царство, превосходно приспособленное по своим физическим особенностям, климату и почве для обитания человека, в то время было в основном покрыто лесом. Обширные реки с их бесчисленными ответвлениями, текущими во всех направлениях, украшали ландшафт и делали почву необычайно плодородной. Около двадцати миллионов человек, разделенных на более чем сотню независимых племен, населяли эту прекрасную землю. Жизнь для всех них была ареной постоянных сражений. Они всегда жили с боевым оружием в руках, стремясь посягнуть на права других или дать отпор тем, кто давил на них.

При таком положении дел императорский Рим бросил взгляд через Альпы на Галлию и принял решение о ее завоевании и присоединении к империи. Юлий Цезарь во главе сорока тысяч человек спустился по горным ущельям и вступил в Галлию между Женевским озером и горой Юра. После серии кампаний, длившихся десять лет, и после того, как он смел со своего пути своими непобедимыми легионами почти два миллиона человек, ему удалось полностью подчинить себе страну. В нескольких провинциях были назначены римские губернаторы, а в крепостях разместились гарнизоны из тысячи двухсот римских солдат, которые обеспечивали соблюдение законов империи. Искусство, цивилизация и утонченность Рима постепенно распространились на полуварварскую Галлию, и в течение почти четырехсот лет в стране царили всеобщий мир и процветание. Южная часть провинции стала известна своими школами, торговлей и элегантностью.

К концу третьего века Римская империя, истощенная роскошью и пороком, явно пришла в упадок. Затем начался тот могучий поток вторжения с севера, который в конце концов захлестнул всю южную Европу, сметая перед собой почти все остатки могущества и величия цезарей. Армия за армией одетых в кожу воинов, свирепых, как волки, и столь же безжалостных, пересекали Рейн и в ожесточенных и нескончаемых битвах прокладывали себе путь по равнинам Галлии. Почти четыреста лет орды варваров с берегов Северного моря, из степей Татарики, даже из далекого Китая обрушивались на южную Европу. Те, кто был в тылу, теснили тех, кто шел впереди. Эти клановые племена, везде одерживавшие победу, медленно объединялись. Каждое сохранило свои особые законы, язык, обычаи и манеры. Более двух столетий продолжалась эта жестокая война, и вся Галлия представляла собой лишь сцену смятения, ужаса и резни.

Среди болот Нижнего Рейна обитало свирепое племя, называвшееся франками, или Свободными людьми. В начале пятого века Фарамонд, верховный вождь этого племени, человек необычайной энергии и проницательности, заключил союз с несколькими другими соседними племенами, переправился через Рейн в различных местах и после ряда ужасающих конфликтов, которые затянулись на много лет, разгромил галлов под предводительством их римлян и овладел страной почти до реки Сомма. Будучи ведущим вождем объединенных племен, он обладал своего рода превосходством над остальными, что, возможно, можно рассматривать как первую зарю французской монархии. Преемники Фарамонда сохранили его завоевания и постепенно расширяли свои владения, пока не овладели всей страной между Рейном и Луарой.

В 480 году Хлодвиг стал вождем конфедерации. Амбициозный, беспринципный и энергичный, он направил свои армии вторжения к Пиренеям, и в течение тридцати лет почти весь юг Франции представлял собой вулкан из дыма и пламени. Его поход, хотя и сопровождавшийся многочисленными неудачами, был триумфальным, и к концу его карьеры в 511 году почти вся Галлия частично подчинилась его власти.

Христианство ранее проникло в Галлию из Рима. Хлодвиг женился на Клотильде, дочери христианского епископа. В разгар одной из своих битв, когда волна победы Кловис поднял руки и глаза к небу и воскликнул:

"О Бог Клотильды! если ты вмешаешься и даруешь мне эту победу, я навсегда отрекусь от идолов и стану христианином".

Он одержал победу, и на следующее Рождество Хлодвиг был крещен. Но человек более порочный никогда не лицемерил. Совершив самое отвратительное предательство, он приказал убить всех вождей, которых хотя бы в малейшей степени можно было считать его соперниками, и, поставив во главе всех различных племен подвластных его воле вождей, он достиг такого превосходства, которое побудило историков говорить о Хлодвиге как о первом монархе завоеванного королевства. Основанная таким образом династия получила название Меровингов, по имени Меровия, деда Хлодвиги. Из-за этого успешного вторжения франков вся Галлия получила название Франции. Лидеры этих победоносных банд время от времени устраивали общие собрания на открытом воздухе, чтобы обсудить важные движения. Эти собрания были очень масштабными, поскольку все вожди и наместники прибывали в боевом порядке, окруженные пышной и хорошо вооруженной свитой. Поскольку эти собрания обычно проводились в марте месяце, они получили название Мартовских полей, *Марсовых полей*. Интересы конфедерации нередко приводили к необходимости созыва этих ассамблей. Так возникли Генеральные штаты Франции, которые

двенадцать столетий спустя положили начало драме той ужасной революции, которая повсеместно считается самой ужасной трагедией времени.

Инцидент, произошедший во время одного из таких собраний, проводимых Хлодвигом, интересно иллюстрирует характер этого варварского вождя и состояние того времени. Серебряная ваза была включена в награбленное в церкви Реймса после завоевания этого города. Награбленное было разделено в Суассоне. Епископ церкви искренне просил вернуть ему вазу. Хлодвиг поддержал желание епископа. Один из франкских воинов, завидовавший вмешательству своего вождя, одним ударом своего боевого топора разбил вазу, сурово заявив, что Хлодвиг имеет право на свою долю добычи и ни на что больше. Вождь, хотя и пылал от ярости, не осмелился произнести ни слова.

На следующем смотре своих войск Хлодвиг, подойдя к солдату, взял его оружие, как бы для того, чтобы осмотреть его. Объявив его непригодным для использования, он презрительно швырнул его на землю. Когда солдат наклонился, чтобы поднять ее, Хлодвиг одним ударом своего боевого топора размогил ему череп, воскликнув: "Так ты разбил вазу в Суассоне".^[5]

Монархия, созданная таким образом путем узурпации, предательства и крови, была очень ненадежной и призрачной в своей власти. Не было ни признанной метрополии, ни централизации власти, ни общих законов. Вся страна была оккупирована различными племенами захватчиков, каждое из которых подчинялось своим местным вождям, претендовало на независимость, управлялось по своим собственным обычаям и удерживало провинцию, которой оно случайно завладело. Таким образом, верховенство Хлодвиг не было ни точно определено, ни смело заявлено.

Когда Цезарь за пятьсот лет до возвышения Хлодвиг вторгся в Галлию, он обнаружил племя, называемое паризиями, жившее на берегах Сены, а их главная деревня — состоявшая из нескольких варварских глинобитных хижин с соломенными крышами и без труб — располагалась на маленьком острове, окруженном рекой. От названия племени сама деревня впоследствии была названа Парижем. Таково было происхождение этого всемирно известного мегаполиса, который на протяжении веков был центром литературы, науки, искусства и кровавых революций. За время правления римлян население и значение города значительно возросли, и Хлодвиг избрал его своей столицей.

Около трехсот лет преемники Хлодвиг сохраняли свое господство. В течение всего этого периода происходил постоянный конфликт между королем и главами других племен, или знатью, как их постепенно стали называть. Время от времени появлялся энергичный монарх, который захватывал обширную власть. Но, возможно, ему наследовал бы слабый правитель, и знать снова сплотилась бы и предприняла энергичные посягательства на королевские права. Единственное соперничество, однако, было между королем и знатью. Масса людей находилась в жалком рабстве, без каких-либо признанных прав.

В 732 году мавры, переправившиеся через море из Африки и вторгшиеся в Испанию, начали тесниться в боевом порядке через Пиренейские ущелья на равнинах Франции. Успешный полководец Шарль *Мартель* (молот), прозванный так за чудовищные удары, которые он наносил врагу, встретил их и отбросил назад, устроив чудовищную резню. Своими достижениями он приобрел огромную популярность. Поскольку трон в то время занимал очень слабый принц, Карл Мартелл взял бразды правления в свои руки и, хотя номинально был всего лишь прославленным генералом, на самом деле стал правителем Франции.

Удовлетворенный обладанием властью, он не претендовал на королевский титул или считал неразумным хвататься за слишком многое сразу.

После смерти Карла Мартелла его сын Пипин, человек огромной энергии и честолюбия, загнал слабоумного короля Хильдерика III в монастырь и без сопротивления занял его место на троне. Основанная таким образом династия называется Карловингской, от имени Карла Великого, самого прославленного из этой династии королей. Нация сердечно одобрила этот акт. Поскольку Пипин не мог претендовать на трон по праву наследственного происхождения, он основал свой титул на королевской власти, которой в *действительности* пользовался его отец, и на хорошо известном согласии нации. Чтобы еще больше подтвердить свою власть, он обратился к папе Римскому. Церковь была теперь в расцвете своего могущества, и папа, благодарный за услугу, которую Карл Мартелл оказал Церкви, прогнав неверных, с готовностью согласился возвести Пипина на престол с помощью августейших религиозных обрядов.

Пипин, поскольку его ведущие воины теперь стали всадниками, изменил время проведения генеральных собраний с марта на май, поскольку последний месяц был более удобным для заготовки фуража, и поэтому Собрание получило название Майских полей, *Champs de Mai*. На этих собраниях председательствовал король, а сам орган состоял из высшего духовенства и знати. Время от времени допускалась небольшая делегация самых выдающихся людей, которых называли Третьим сословием, *Tiers Etat*. Пипин созвал только духовенство и знать, отказавшись допустить Третье сословие в Ассамблею. Впоследствии некоторые короли допускали Третье сословие, а другие исключали их по своему капризу. Вопросы, касающиеся войны, мира и принятия общих законов, передавались на рассмотрение этого органа и решались большинством голосов. Говорить могли только вожди. Собравшиеся воины шумно и со звоном оружия выражали согласие или несогласие.

Всемирно известный Карл Великий, сменивший своего отца Пипина, взошел на трон в 768 году. Франция в то время повсюду представляла собой аспект упадка и дикого беспорядка. Этот монарх, прославленный как воин и государственный деятель, объединил разнородные и враждующие племена в компактную нацию. И все же масса, хотя и консолидированная, была конгломератом, ее составные части были четко очерчены. Вся Франция подчинилась его власти. Подобно вихрю, он пронесся по Испании со своими армиями. Италия быстро признала его превосходство. Обширная империя Карла Великого вскоре соперничала с империей древнего Рима, охватив почти всю Европу.

Важным моментом в политике Карла Великого было смирение знати. Он хотел окружить свой трон аристократией, пользующейся привилегиями и великолепием, но лишенной всякой политической власти. Он хотел сам назначать правителей провинций и не допускать, чтобы эти должности передавались по наследству графам и герцогам. Поэтому он попытался объединить *народ* с самим собой в противостоянии могущественным баронам. Он также, преследуя ту же цель, усердно добивался расположения Церкви, возлагая многие из самых важных государственных должностей на высших духовных лиц.

Карл Великий приказал Собранию собираться дважды в год. Каждому графу было приказано привести на этот конгресс тринадцать самых влиятельных людей, находящихся под его юрисдикцией. Обычно они собирались двумя группами: церковные лидеры в одном месте, военные в другом. Иногда, по приказу короля, они оба встречались вместе. Король держал свой двор на небольшом расстоянии и через гонцов получал постоянные отчеты от двух органов. Взвесив результаты их обсуждений, он издал свой указ, который все признали законом. Таков был зародыш совещательных собраний во Франции.

Карл Великий основал несколько школ. В них он собрал для серьезного обучения многих молодых людей империи, отбирая низкороджденных, а также сыновей знати. Поскольку он очень желал, чтобы его правление было украшено достижениями литераторов, он часто сам изучал эти школы. Один из историков тех дней пишет:

"Когда после долгого отсутствия Карл Великий вернулся в Галлию, он приказал привести к нему детей, чтобы показать им свои упражнения и стихи. Те, кто принадлежал к низшим классам, выставляли работы, превосходящие всякую надежду, но тем, кто имел благородное происхождение, было что показать. Мудрый монарх, подражая Вечному Судье, посадил тех, кто преуспел, по правую руку от себя и обратился к ним так:

"Тысяча благодарностей, сыновья мои, за ваше усердие в выполнении моих приказов и для вашего же блага. Продолжайте. Старайтесь совершенствоваться, и я вознагражу вас великолепными епископствами и аббатствами, и вы всегда будете в почете в моих глазах".

Затем он обратил сердитое лицо к тем, кто сидел по левую руку от него, и, тревожа их совесть молниеносным взглядом, с горькой иронией и скорее громогласно, чем словами, он обрушился на них с этим ужасным апострофом:

"Но что касается вас, дворяне, вас, сыновей великих, — таких нежных и хорошеньких фавориток, как вы, гордящихся своим происхождением и своим богатством, — вы пренебрегли моими приказами, вашей собственной славой и изучением литературы и предались праздности".

После этого вступления, высоко подняв свою августейшую голову и непобедимую руку, он произнес свою обычную клятву:

"клянусь царем небесным, меня мало волнуют твое благородство и красота, как бы другие ни восхищались тобой. Вы можете быть уверены, что, если вы не загладите свою прошлую небрежность бдительным усердием, вы никогда ничего не получите от Чарльза". "[6]

Куда бы Карл Великий ни водил свои легионы, он крестил побежденных; и покоренные племена и нации называли себя христианами. Невежественные варвары охотно принимали причастие ради белого одеяния для крещения, которое выдавалось каждому обращенному.

Огромная империя Карла Великого при его женоподобных преемниках быстро разваливалась на куски. В ходе непрерывных конфликтов и колебаний вожди племен, или знать, постепенно вернули себе власть, отнятую у них Карлом Великим. На руинах империи возникла феодальная система, и Франция стала монархией, но номинально. Трон, лишенный своей энергии, сохранил лишь тень власти. Надменные герцоги, окруженные своими воинственными слугами и неприступные в массивных замках, которые были делом веков, пользовались по отношению к своим собственным вассалам всеми королевскими прерогативами и часто затмевали монарха богатством и великолепием. Власть герцога над крепостными, обрабатывавшими его акры и робко прятавшимися в поисках защиты под крепостными стенами замка, стала настолько абсолютной, что, выражаясь языком феодального кодекса, герцог "мог забрать все, что у них было, живыми или мертвыми, и заключить их в тюрьму, когда ему заблагорассудится, не отчитываясь ни перед кем, кроме Бога".

Франция снова превратилась всего лишь в скопище независимых провинций, едва ли связанных какими-либо узами союза. Весь ландшафт был усеян замками, прочно построенными на обрыве реки или на скалистом холме. Эти баронские крепости, массивные и мрачные, были окружены башнями с отверстиями для петель и укреплены зубчатыми

стенами. Стены часто окружал ров, а огромная опускная решетка или подвесные ворота могли быть в любой момент опущены, чтобы исключить любой вход. Квартиры были маленькими и неуютными, с узкими зарешеченными окнами. Там был один большой банкетный зал, резиденция баронского великолепия, где сеньор встречался со своими слугами и вассалами в общении, в котором самым странным образом сочетались аристократическое превосходство и демократическое равенство. Каждый рыцарь клялся в верности барону, барон - герцогу, герцог - королю. Суверен мог требовать от своих вассалов военной службы, но не мог осуществлять никакой власти над их крепостными, ни законодательной, ни судебной. Нередко случалось, что у какого-нибудь герцога была большая свита и более богатый доход, чем у самого короля.

Бедный рыцарь выпросил у графа Шампанского приданое для его дочери. Один богатый горожанин, случайно оказавшийся при этом, сказал: "Мой господин уже раздал так много, что у него ничего не осталось". "Вы говорите неправду, - сказал граф, - с тех пор как я поймал вас", - и он немедленно передал его рыцарю, который схватил его за шиворот и не отпускал, пока он не заплатил выкуп в две с половиной тысячи долларов. Французский рыцарь рассказывает эту историю как пример щедрости графа.

Эти лорды часто были разбойниками с большой дороги. Разведчики рыскали по стране, а вооруженные люди, заполнившие их замки, высматривали путешественников. У богатого купца, случайно попавшего к ним в руки, не только отбирали все его товары, но часто бросали в темницу и даже пытали до тех пор, пока он не получал выкуп по цене, соизмеримой с его возможностями.

При таком феодальном господстве старший сын был единственным владельцем. "Что касается младших детей, - восклицает Мишле с возмущенным сарказмом, - то у них огромное наследство! У них есть не меньше, чем у всех магистралей, и сверх того, все, что находится под небесным сводом. Их кровать - это порог отцовского дома, откуда, дрожа и измученные голодом, они могут смотреть на своего старшего брата, одиноко сидящего у очага, где они тоже сидели в счастливые дни своего детства, и, возможно, он прикажет бросить им несколько кусочков, несмотря на рычание собак. "Лежать, собаки, лежать, они мои братья! у них должно быть что-то такое же, как у вас".

Церковь была единственным убежищем для младших сыновей этих великих семей. В ее лоне честолюбивые священнослужители, такие как епископы, архиепископы и кардиналы, часто достигали такой степени блеска и авторитета, которой барон, граф или герцог тщетно пытались подражать. Незамужние дочери укрывались в монастырях или были заперты в уединении, которое было фактически тюремным заключением, в уголках старых замков. Таким образом, монастыри, эти церковные замки, были возведены и содержались главным образом для обеспечения привилегированного класса. Крестьянин на борозде с одинаковым страхом смотрел на епископа и барона и в равной степени считал их своими угнетателями.

Эти гордые епископы приняли характер и надменный вид феодалов. Они презирали ездить верхом на смирном муле, но вскакивали на спину коня, с ржанием готовясь к битве. Они всегда были готовы к схватке и могли наносить такие сильные удары, какие никогда не наносил боевой топор рыцаря. Обеты безбрачия полностью игнорировались. Некоторые брали жен; другие открыто держали наложниц. Эти младшие сыновья знати, одетые в церковные одежды, были признаны настолько опасными личностями, что возникло всеобщее требование, чтобы они поженились. "Миряне настолько убеждены, - говорит один из древних писателей, - что никто не должен быть неженатым, что в большинстве приходов

они не потерпят священника, если у него нет наложницы". Духовные лорды стремились создать Церковь по образцу феодальной системы. Аббатства и епископства со всеми их богатыми владениями переходили по наследству к детям епископов.[7]

Инцидент, произошедший в 911 году, проливает много света на грубость тех варварских времен. Ролло, главарь банды нормандских пиратов, вошел в Сену, совершая ужасные опустошения. Карл IV, которого уместно называть Карлом Простым, встревоженный его успехами и неспособный собрать силы, достаточные, чтобы остановить его, послал архиепископа предложить ему владение Нормандией с титулом наследственного герцога, если он мирно вступит во владение этой территорией и присягнет на верность королю. Ролло с готовностью принял великолепное предложение. При выполнении церемонии принесения присяги на верность, согласно обычаю, Ролло должен был пасть ниц перед королем и поцеловать его ноги. Надменный норманн, когда его пригласили совершить церемонию, с негодованием выпрямился и воскликнул:

"Никогда, никогда я не поцелую ногу или не преклоню колена перед смертным человеком".

После некоторой задержки было решено, что акт почтения должен быть совершен по доверенности, и Ролло приказал одному из своих рослых солдат прижаться губами к ноге короля. Дородный варвар шагнул вперед, словно повинувшись приказу, и, схватив ногу монарха, поднял ее высоко над головой и швырнул монарха ниц на пол. Нормандские солдаты наполнили зал язвительными возгласами смеха, в то время как король и его придворные, запуганные столь свирепыми и непокорными варварами, благоразумно скрывали свое огорчение.

Династия Карловингов занимала трон двести тридцать пять лет. Людовик V, последний представитель этого рода, умер в 987 году. Из-за его лени и слабоумия его называли Бездельником. Когда он сошел в бесславную могилу, энергичный и могущественный аристократ Гуго Капет, герцог острова Франция, сильной рукой заточил наследственного претендента в тюрьму и вззошел на трон. Так была основана третья династия, получившая название Капетингов.

В течение двухсот пятидесяти лет правления Капетингов Францию вряд ли можно было назвать королевством. Хотя имя короля сохранилось, королевская власть исчезла. История Франции в этот период - это всего лишь история независимых феодалов, каждый из которых держал свой двор в своем собственном замке. Ни один из этих королей не обладал властью объединять разнородные и противоречивые элементы. Хрупкое единство королевства было нарушено расовыми различиями, обычаями, языком и законами. Но в этом кажущемся хаосе существовала одна связующая нить - Церковь, которая оказывала почти чудесное влияние на этих некультурных и воинственных людей. Духовенство решительно поддерживало капетингов и сыграло важную роль в возведении их на трон.

С Капетингов начался королевский род, который в своих различных ответвлениях, проходящих через дома Валуа и Бурбонов, удерживал трон в течение восьмисот лет, до падения Людовика XVI в 1793 году.

Примерно в 1100 году мы начинаем слышать первый слабый ропот людей. Некоторые смелые умы отважились выдвинуть предположение, что мужчина должен быть свободен распоряжаться продуктами своего собственного труда, жениться на своих детях без согласия другого человека, ходить и приезжать, продавать и покупать без ограничений. Действительно, в Нормандии крестьяне подняли восстание. Но рыцари в стальных доспехах безжалостно рубили их и топтали железными копытами. Самые известные из жалобщиков

были схвачены и повешены на деревьях в назидание всем роптавшим. Таким образом, людей научили, что из деревьев получаются хорошие виселицы. Когда пришла их очередь, они воспользовались этим знанием.

В 1294 году Филипп Красивый учредил в Париже судебную инстанцию под названием парламент. Это был чисто аристократический орган, и, как правило, он полностью подчинялся желаниям короля. Подобные парламенты были созданы крупными феодальными князьями в своих провинциях. Время от времени между парламентами и королем возникали разногласия, но королю обычно удавалось принудить их к повиновению. Парламент пользовался лишь привилегией регистрировать королевские указы. В правление Людовика XIV. парламент осмелился высказать небольшое возражение против одного из тиранических указов монарха.

Восемнадцатилетний мальчик-король был поражен такой наглостью. Он оставил погоню и, поспешив в зал, вошел в него с хлыстом в руке. Он мог отправить их всех до единого в Бастилию или на плаху, и они это знали, и он это знал. Присутствие короля привело их к согласию, и они сразу же стали покорными, как подбострастные спаниели.

СНОСКИ:

[5] Греческий тур., книга ii., с. 28.

[6] Монах. Сангалл, род. i., с. ii., кв. м., цитируется Мишле.

[7] Смотрите многочисленные доказательства этих утверждений в "Истории Франции" Мишле, стр. 193.

ГЛАВА II.

ДОМА ВАЛУА И БУРБУНОВ.

Дом Валуа.—Роскошь двора и знати.—Insurrection.—Jaques Bonhomme.—Генрих III.—Генрих IV., Наваррский.—Кардинал Ришелье.—Французская академия.—Регентство Анны Австрийской.—Дворцы Франции.—Благородные и облагороженные.—Преследование протестантов.—Нантский эдикт.—Его отмена.—Бедственное положение протестантов.—Смерть Людовика XIV.

В 1328 году прямая линия Капетингов прекратилась из-за смерти Карла IV, который не оставил потомков мужского пола. Знать, собравшаяся в парламенте в Париже, передала корону Филиппу, графу Валуа, племяннику бывшего короля. Он был коронован в Реймсе в мае 1328 года как Филипп VI. Дворяне, получив таким образом короля в соответствии со своими желаниями, пожаловались ему, что они заняли большие суммы денег у богатых купцов и ремесленников, которые им было неудобно выплачивать, и что это не соответствует достоинству французской знати - изводить себя долгами из-за низкородившихся. Король немедленно издал указ о том, что все эти долги должны быть сокращены на четверть, что четырехмесячная отсрочка должна быть предоставлена без учета процентов, а затем, чтобы эти кредиторы-плебеи могли быть приведены к надлежащему состоянию смирения, он приказал всех их заключить в тюрьму, а их имущество конфисковать. Безжалостный монарх

удвоил налоги для народа и создал в Париже двор такого великолепия, что бароны покидали свои замки и устремлялись в столицу, чтобы разделить ее сладострастные наслаждения. Даже соседние короли, привлеченные великолепием парижского двора, поселились в Париже. Знати требовались огромные суммы денег, чтобы поддерживать себя в такой безмерной расточительности. Соответственно, они оставили суровых надсмотрщиков над своими поместьями, чтобы те заставляли крестьян трудиться и вымогали у них каждый возможный фартинг.

Король, чтобы пополнить свой вечно истощающийся кошелек, присвоил себе исключительное право производить и продавать соль по всему королевству. Каждая семья, всегда за исключением дворян, которые тогда были освобождены от всех видов налогов, должна была взять определенное количество по непомерной цене.

Венсен был тогда величайшим банкетным залом Европы. В своем нынешнем упадке он демонстрирует лишь малую толику величия, которое представлял четыреста лет назад, когда его зубчатые стены возвышались над вековым дубовым лесом, окружавшим замок, — когда украшенные перьями и гербами эскадроны встречались в рыцарских поединках и турнирах, и когда в головокружительном великолепии охотничьи отряды лордов и леди проносились по парку. Каким бы блестящим ни было это зрелище, ни один здоровый ум не может созерцать его иначе, как с негодованием. Чтобы прокормить эту роскошь нескольких тысяч дворян, тридцать миллионов людей были ввергнуты в крайнее невежество, нищету и убожество.

И снова у короля и знати оказались пустые кошельки, и они были по уши в долгах. Произвольным указом были отозваны все монеты королевства. Затем они были пропущены через монетный двор в сильно обесцененном виде. Этой обесцененной монетой были выплачены долги, и *затем* был издан приказ рассматривать монету по ее обесцененной стоимости.

По прошествии веков интеллект постепенно рос, и теперь между крестьянами и знатью существовал довольно многочисленный средний класс- ремесленники, торговцы, фабриканты, литераторы и профессионалы. Эти безобразия, в конце концов, стали невыносимыми. Человеческая природа не могла больше терпеть. Этот средний класс стал лидерами слепых и обезумевших масс и в ярости бросил их на своих врагов. Заговор распространился по королевству, и во всех городах и по всей стране одновременно был подан сигнал к восстанию. Это было восстание рабов, сопровождавшееся всеми ужасами, неизбежными при такой войне. Униженное население, мало возвышавшееся над грубостью, было таким же безжалостным, как гиена или волк. Охваченные яростью и отчаянием, ревущими отрядами они ворвались в замки, и вековые обиды были жестоко отомщены. Нам нет необходимости рассказывать эту историю. Насилие, пытки, пламя и кровь истощили их силы. Матери и девы перенесли все, что могут вынести смертные, - ужас, жестокие унижения, стыд и горе. На войне даже утонченные и учтивые люди часто становятся дьяволами; но те, кто был унижен веками невежества и угнетения, когда они впервые разрывают свои оковы, обычно становятся воплощенными дьяволами.

Дворяне так глубоко презирали крестьян, что им и в голову не приходило, что изголодавшиеся, пресмыкающиеся хамы осмелятся даже подумать о том, чтобы выйти из своих глинобитных лачуг и приблизиться к величественному замку на скале, с его башнями, зубчатыми стенами и воинственными защитниками. С таким же успехом овцы могли бы составить заговор против собак и волков. Крестьянин едва ли обладал достаточной индивидуальностью даже для того, чтобы получить имя. Его фамильярно звали Джек Гудман, *Жак Боном*. Это восстание валетов, или жакерии, как его обычно называют, было после

долгих разрушений и кровопролития подавлено. Варварская френсия редко может долго противостоять дисциплинированной доблести. Половина населения Франции пала жертвой меча или последовавших за этим мора и голода.

Это было первое конвульсивное движение, совершенное *людьми*. Хотя они были побеждены и заново сковали свои оковы, у них появились новые представления о силе и праве, о которых они никогда не забывали. Мы уже начинаем слышать многие фразы, которые четыреста лет спустя были у всех на устах, когда монархия и феодальная аристократия были похоронены в одной общей могиле.

Дом Валуа удерживал трон двести шестьдесят один год. В течение этих двух с половиной столетий, по мере того как сменялись поколения, бури войны и горя непрестанно проносились над Францией. История королевства в эти мрачные века - всего лишь летопись интриг духовенства, конфликтов между монархами и знатью и разгрома обезумевших армий. *Третье сословие*, народ, по-прежнему было лишено почти всех социальных и политических прав. Они были унижены невежеством и подавлены невыносимым бременем. Монархия постепенно централизовала власть. Вожди и подначальники конгломерированных племен теряли свою феодальную власть и превращались в дворян высшего и низшего ранга, чье великолепие было достигнуто освобождением от всех государственных забот и огромными налогами с народа. Римско-католическая церковь при папах блистала над Европой почти сверхъестественным великолепием; и высшие сановники Церкви, как владыки духовные, были такими же роскошными, надменными и властолюбивыми, как и любой из владык светских.

Генрих III, последний из рода Валуа, был заколот монахом в 1589 году и умер, не оставив потомства. Генрих Бурбонский, король Наварры, как ближайший родственник, претендовал на корону. Он вззошел на трон как Генрих IV. и после нескольких лет гражданской войны подавил всякую оппозицию. Он был первым из семьи Бурбонов, кто взялся за скипетр, и, безусловно, самым способным и энергичным. Под его энергичным влиянием королевство укрепилось, трон достиг большого превосходства над знатью, а ресурсы королевства были значительно расширены. Генрих IV. был искренне предан интересам Франции. Он поощрял торговлю, мануфактуру и искусство; стремился обеспечить соблюдение справедливых законов, и под его мудрым управлением *народ* заметно преуспел в богатстве и интеллекте. Он удерживал трон двадцать один год, до 1610 года, когда погиб от кинжала наемного убийцы. Хотя Генрих правил *для* народа, он не допускал его ни к какому голосованию в государственных делах. За время его долгого правления не было созвано ни одного собрания, в котором народ имел бы какое-либо представительство.

Генрих IV. после его смерти остался сын Людовик девяти лет. Регентство было возложено на мать этого ребенка, Марию Медичи. Когда этому принцу исполнилось четырнадцать лет, по законам Франции он считался достигшим совершеннолетия. Соответственно, он, будучи еще совсем мальчиком, женился на пятнадцатилетней невесте, Анне Австрийской, и вззошел на трон как Людовик XIII. Двадцать восемь лет этот принц-импотент восседал на троне, все это время оставаясь застенчивым мальчиком, лишенным каких-либо качеств, которые могли бы вызвать уважение. Кардинал Ришелье был во время этого правления настоящим монархом Франции. Безмерно честолюбивый, высокомерный и жестокий, он укрепил деспотизм трона, и все же, благодаря далеко идущей политике, значительно способствовал могуществу и величию королевства. Этот прославленный министр, суровый, мстительный, жестокий, не гнушающийся никакими преступлениями при осуществлении своих планов, имея в своем распоряжении темницы Бастилий Франции и топор палача, почти тридцать лет

удерживал бессильного короля и поработенное королевство в трепетном повиновении своей воле.

Строительство Версальского замка было начато Ришелье. Он также в 1635 году основал Французскую академию, которая с тех пор оказывает столь мощное влияние на литературу и науку по всей Европе. Ришелье умер в декабре 1642 года, а через шесть месяцев, в мае 1643 года, Людовик XIII, который во время своего правления был всего лишь марионеткой в руках кардинала, последовал за ним в могилу. Когда монарх лежал на смертном одре, он подозвал к себе своего маленького пятилетнего сына и спросил его: "Как тебя зовут?" "Людовик Четырнадцатый", - ответил гордый мальчик, которому уже не терпелось взять в руки скипетр. "Еще нет, еще нет", - печально возразил умирающий отец.

Анна Австрийская занимала пост регента в течение девяти лет, пока ее сын, достигнув четырнадцатилетнего возраста, не достиг совершеннолетия и не принял корону. При этом могущественном монархе прочно утвердилось монархия Франции как неограниченный деспотизм. Дворяне, хотя и были лишены всякой политической власти, были наделены такими огромными привилегиями, позволявшими им упиваться богатством и роскошью, что они всегда были готовы объединиться с королем в подавлении любого восстания народа, который в равной степени был ограблен как монархом, так и знатью. Во время долгого правления этого монарха, при Людовике XIV. просидев на троне семьдесят два года, если считать, что его правление началось с того момента, когда он был провозглашен королем после смерти своего отца, Франция добилась огромных успехов в могуществе, богатстве и великолепии. Дворцы возникали почти вопреки мечтам восточного воображения. Салуны Марли, Тюильри, Лувра и Версаля блистали великолепием и были осквернены развратом, с которым не мог соперничать Вавилон в своем самом гнилом разложении. Дворяне, почти полностью отдавшиеся изнуряющему потворству своим желаниям, были неспособны занимать любые должности, требующие интеллектуальной активности и энергии. Так возник класс людей, которые стали учителями, редакторами, научными и литературными писателями, юристами и профессионалами. По мере развития торговли и мануфактур богатство этого класса возрастало, и король, чтобы собрать деньги, часто продавал за огромную цену дворянский титул какому-нибудь разбогатевшему торговцу.

Таким образом, постепенно сформировался многочисленный и могущественный средний класс, богатый и высокообразованный, вышедший из народа и полностью разделявший его симпатии. Знать смотрела на всех этих людей, какими бы богатыми они ни были, образованными умом или утонченными манерами, с презрением, как на низкородившихся. Они отказывались от любых социальных контактов с ними, считая их деградировавшей кастой. Они даже с особым презрением смотрели на тех, кто приобрел дворянские титулы.

Они провели широкую грань между *знатью* и *облагороженными*. Наследственная аристократия, гордившаяся родословной, которую можно было проследить через сотни поколений и которая терялась в дымке древности, восклицала с гордостью, инстинктивно понятной человеческому сердцу:

"Вы можете дать удачливому торговцу в обмен на деньги дворянский титул, но вы не можете таким образом сделать его дворянином; вы не можете таким образом сделать его прямым потомком старых франкских баронов; вы не можете таким образом сделать его лотарингцем, Монморанси, Роганом. Только Бог может создать благородного человека".

Таким образом, они рассматривали человека, который был облагорожен королевским указом или происходил от облагороженного таким образом отца или деда, как нового человека, выскочку, которого вряд ли можно спасти от презрения. Двери их салунов были

закрыты для него, и он повсюду подвергался унижительному пренебрежению. Дворянин, чью родословную можно было проследить на протяжении двух или трех столетий, но чье происхождение все еще было *отчетливо определено*, считался, возможно, принадлежащим к аристократическому календарю, хотя и низкого сословия. Тот факт, что когда-то было время, когда его предки были известны как низкорожденные, был пагубным фактом, который никакие последующие эпохи благородства не могли полностью стереть. Он единственный был истинным дворянином, происхождение которого терялось в глубинах прошлого, линия предков которого уходила так далеко в безвестность ушедших эпох, что никто не мог сказать, когда это началось.

Обычно говорили, что в королевстве было три сословия: духовенство составляло первое, знать - второе, а народ - третье. Но высший класс духовенства, наслаждавшийся епископствами и аббатствами, с их богатым вознаграждением, были сыновьями знати и разделяли все привилегии и народную ненависть, свойственные этому классу. Низшее духовенство, преданное апостольским трудам и бедности, принадлежало народу и разделяло все его симпатии. Таким образом, в действительности существовало всего два класса: *привилегированные и непривилегированные, патриции и плебеи, налогоплательщики и получатели налогов*. Замок, будь то баронский или монастырский по своей архитектуре, был эмблемой одного, а соломенный коттедж - символом другого. Людовик XIV, как свидетельствует мадам де Ментенон, был *потрясен*, узнав, что Иисус Христос общался с бедными и смиренными и свободно беседовал с ними.

Вскоре после вступления на престол Людовика XIV. он пришел к убеждению, что поддержание римской иерархии необходимо для стабильности его власти. Следовательно, он начал серию преследований протестантов, намереваясь полностью изгнать эту веру из Франции. В 1662 году он издал указ, согласно которому ни один протестант не должен быть похоронен иначе, как после захода солнца или до восхода солнца. Протестантским механикам или лавочникам не разрешалось иметь подмастерьев. Протестантским учителям разрешалось обучать только началам букв, и не более двенадцати протестантам разрешалось собираться вместе для богослужения. Ни одна протестантка не могла быть сиделкой в палате младенцев; ни один католик не мог принять протестантизм или жениться на протестантке под страхом изгнания. Католические магистраты были уполномочены входить в покои умирающих протестантов, чтобы уговорить их, задышающих при смерти, вернуться к католической вере. За четыре года, между 1680 и 1684 годами, было издано более двадцати королевских эдиктов против протестантов, постановлявших, среди прочего, что ни один протестант не должен быть юристом, врачом, аптекарем, печатником или бакалейщиком. Детей часто насильно забирали у родителей-протестантов, чтобы они могли быть воспитаны в католической вере.

Мадам де Ментенон, непризнанная жена Людовика XIV, хотела вернуть в лоно Рима молодую леди, мадемуазель де Мургей. Поэтому она написала своему брату:

- Если бы вы могли прислать ее ко мне, вы доставили бы мне огромное удовольствие. Нет других средств, кроме насилия, потому что обращение Де Мургея сильно огорчит членов семьи. Я пришлю вам *секретный ордер*, в соответствии с которым вы возьмете ее к себе домой до тех пор, пока не найдете возможности отослать ее".[8]

Подобные бесчинства происходили постоянно. Рвение к обращению протестантов никогда не достигало такой высоты. В то же время Людовик XIV. мог пренебречь Божьими заповедями и оскорбить моральные чувства нации, путешествуя со своей женой и двумя провинившимися фаворитками, мадам де Монтеспан и мадам Лавальер, в одном экипаже.

Распутство духовенства и разврат двора и знати, хотя и менее замаскированные во время диких сатурналий следующего регентства, никогда не были более повсеместными, чем в это царствование. Это был золотой век королей. Феодализм умер, а демократия так и не родилась. Монархия была абсолютной. Знать, лишенная всякой *политической* власти, существовала просто как роскошный придаток и украшение трона, в то время как народ, не знающий ни власти, ни прав, не предпринимал никаких движений, чтобы смутить государя.[9]

В 1681 году Людовик XIV. начал свою систему обращения протестантов в католическую веру. Он послал кавалерийские полки в провинции, расквартировал их в домах протестантов, поместив от четырех до десяти человек в каждую семью, и приказал этим солдатам сделать все возможное, чтобы заставить протестантов вернуться к католической вере. Последовали сцены, слишком ужасные, чтобы их можно было пересказывать. Тот, у кого хватит нервов вынести этот рассказ, может найти подробные описания зверств в *"Истории Нант-де-Эдит, пар Элиас Бенуа"*.

Жестокие солдаты, свободные от всяких ограничений, совершали все мыслимые излишества. Они бичевали маленьких детей в присутствии их родителей, чтобы крики агонии ребенка побудили родителей отречься от своей веры. Они попирали скромность женщин и девушек и калечили их тела плетью. Они пытали, калечили, уродовали. И когда человеческая природа в своей крайней агонии уступала, измученная жертва была вынуждена подписать отречение от своей веры, заявив, что он сделал это по собственной воле, без принуждения или убеждения. В ужасе протестанты разбегались во все стороны, в поля, леса, в пещеры, и предпринимали отчаянные попытки сбежать из королевства. Множество людей умерло от истощения и голода на обочинах дорог и на морском берегу. Таким образом, большие участки страны были почти обезлюдены. Мадам де Ментенон написала своему брату, прислав ему в подарок крупную сумму денег:

"Я умоляю вас использовать с пользой деньги, которые у вас будут. Земли в Пуату проданы за бесценок. Бедствия протестантов приведут на рынок еще больше товаров. Вы легко сможете великолепно обосноваться в Пуату".

Протестантские страны, Англия, Швейцария, Голландия и Дания, выпустили обращения к этим преследуемым христианам, предлагая им убежище. Суд был встревожен и запретил им покидать королевство под страхом осуждения на галеры, конфискации их имущества и аннулирования всех контрактов, которые они должны были заключить за год до своей эмиграции.[10]

Положение протестантов теперь было крайне плачевным. Суд принял решение полностью уничтожить реформатскую веру. Архиепископ Парижский составил список произведений четырехсот авторов, которые считались нападками на католицизм, и были проведены обыски во всех библиотеках королевства, государственных и частных, на предмет возможного сожжения осужденных книг.

Во Франции насчитывалось от двух до трех миллионов протестантов.[11] Драгуны были разосланы по королевству во всех направлениях по предписанию суда, чтобы любой ценой добиться возвращения к католицизму. Одной из пыток, которые любили применять эти безжалостные фанатики, было лишение своей жертвы сна. Они поддерживали страдальца на ногах и сменяли друг друга в своей жестокой работе: щипали, кололи, выворачивали, тянули веревками, жгли, душили вонючими испарениями, пока после последовательных дней и ночей пыток жертва не была доведена до безумия и готова была пообещать что угодно, лишь бы спастись от своих мучителей. Таким образом, хвастались, что в округе

Бордо, где проживало сто пятьдесят тысяч протестантов, сто сорок тысяч были обращены в христианство за две недели. Герцог де Ноай написал двору, что в округе, в который его послали со своими драгунами, насчитывалось двести сорок тысяч протестантов, но он считает, что к концу месяца не останется ни одного.

В 1598 году Генрих IV Нантским эдиктом предоставил протестантам свободу совести и вероисповедания. Людовик XIV. сейчас издан указ, отменяющий этот указ. В преамбуле отзыва, подписанного 18 октября 1685 года, говорится, что "поскольку лучшая и большая часть наших подданных, исповедующих мнимую реформатскую религию, приняли католическую веру, сохранение Нантского эдикта остается излишним". Затем в нем объявляется, что в королевстве больше не допускается совершение реформированного богослужения. Все протестантские пасторы должны были покинуть королевство в течение пятнадцати дней, и им было запрещено исполнять свои обязанности под страхом каторги. Родителям было запрещено наставлять своих детей в реформатской вере, и им было предписано отправить их в католическую церковь для крещения и ознакомления с католическими школами и катехизисом под страхом штрафа в размере пятисот ливров. Мирянам-протестантам было запрещено эмигрировать под страхом каторги для мужчин и пожизненного заключения для женщин.

Несмотря на наказание, огромное количество людей бежало из королевства. Никакая бдительность не могла защитить такие протяженные границы. Через год после отмены Вобан писал, что Франция потеряла сто тысяч жителей, двенадцать тысяч дисциплинированных солдат, шестьсот офицеров и свои самые процветающие производства. Герцог Сен-Саймон записывает, что "четвертая часть королевства заметно обезлюдела".

Эти преступления, совершенные против религии, наполнили страну неверием. Были даже католики с благородным именем и знатью, такие как Фенелон и Массильон, которые энергично протестовали. Монтескье, Вольтер, Руссо и Мирабо, не делая различия между христианством и Папской церковью, издавали крики негодования, которые резали слух Европы и подрывали основы самого христианства.

Указ об отмене был исполнен со всей строгостью. Парижским пасторам не дали даже пятнадцати дней, отпущенных эдиктом, но приказали уехать через сорок восемь часов. У тех пасторов, у которых были дети старше семи лет, этих детей отобрали. Отцы и матери, у которых таким образом отняли их детей, в бедности и с разбитым сердцем были отправлены в изгнание. "Были замечены старики восьмидесяти или девяноста лет, собиравшие последние остатки своей жизни, чтобы отправиться в дальние путешествия, и не один из них умер, так и не добравшись до лечебницы, где он должен был дать отдых своим уставшим ногам и поникшей голове".^[12]

Суд был встревожен масштабами эмиграции. Стража была выставлена у ворот городов, у бродов через реки, на мостах, на шоссейных дорогах и во всех пунктах отправления на границах. И все же беглецы, днем прячущиеся в пещерах, а ночью передвигающиеся боковыми тропами, в большом количестве ускользали от своих врагов. Были приняты все мыслимые формы маскировки: пастухи, паломники, охотники, камердинеры, торговцы. Знатные женщины — ибо таких было немало среди протестанток, привыкших ко всем деликатесам и поблажкам в жизни, — преодолевали пешком, подвергаясь голоду и бурям, двести или триста миль. Шестнадцатилетние девушки, независимо от их положения в жизни, подвергались одним и тем же трудностям и опасностям. Они уродовали свои лица, носили грубую и рваную одежду, возили тачки, наполненные навозом, или несли тяжелую ношу, чтобы избежать подозрений. Некоторые переоделись мужчинами или мальчиками и заняли

должность слуг; другие притворились невменяемыми или глухонемыми. Таким образом, большое количество людей бежало в Роттердам.[13]

Те, кто был ближе к морскому берегу, прятались на кораблях среди тюков с товарами и в бочонках, сложенных среди груза. Были дети, которые проводили целые недели в таких укромных местах, не издавая ни звука. Некоторые отчаянно выходили в море на открытых лодках, полагаясь на то, что ветер и волны отнесут их в безопасное место. Тысячи людей погибли от холода, незащищенности и голода. Тысячи были схвачены, закованы в цепи и проташены по королевству с насмешками и презрением, а затем приговорены провести остаток своих дней в качестве галерных рабов. Марсельские галеры были переполнены этими жертвами, среди которых было много благороднейших людей, когда-либо живших на земле. Тюрьмы были переполнены женщинами, арестованными во время побега и обреченными на пожизненное заключение.

Подсчитано, что пятьсот тысяч человек нашли убежище в чужих землях. Тысяча триста человек прошли через город Женеву за одну неделю. Англия сформировала из беженцев одиннадцать полков. Одно из лондонских предместий было полностью заселено этими изгнанниками. Г-н де Сисмонди подсчитал, что при попытке к бегству погибло столько же человек, сколько и сбежало. Сто тысяч человек в провинции Лангедок умерли преждевременно, и из них десять тысяч погибли в огне, на виселице или колесовании.[14] Мы не можем не сочувствовать возмущению Мишле, поскольку он восклицает:

"Пусть Революционное царство террора остерегается сравнивать себя с инквизицией. Пусть она никогда не хвастается тем, что за свои два-три года вернула старой системе то, что она делала для нас шестьсот лет! У инквизиции был бы хороший повод посмеяться. Что значат двенадцать тысяч человек, гильотинированных одним, по сравнению с миллионами людей, зарезанных, повешенных, расколотых на колесах, с этой пирамидой из горящих кольев, с теми грудями обгорелой плоти, которые другой возносил до небес. Единая инквизиция одной из провинций Испании утверждает в подлинном памятнике, что за шестнадцать лет она сожгла двадцать тысяч человек!

История сообщит нам, что в свои самые свирепые и неумолимые моменты революция трепетала при мысли об отягчающей смерти, что она сократила страдания жертв, отняла руку у человека и изобрела машину, чтобы уменьшить муки смерти.

"И это также сообщит нам, что Средневековая Церковь исчерпала себя в изобретениях, чтобы усилить страдание, сделать его острым, интенсивным; что она открыла изысканное искусство пыток, изобретательные средства для того, чтобы, не умирая, можно было долго вкушать смерть; и что, будучи остановлена на этом пути непреклонной Природой, которая при определенной степени боли милосердно дарует смерть, она плакала оттого, что не может заставить человека страдать дольше".[15]

Людовик XIV. умер в 1715 году. Он не разрешил созывать ни одно собрание штатов во время своего правления. Все начали проявлять недовольство. Знать была унижена и деградировала и жаждала большей власти. Народ стал очень беспокойным. Более скромный класс духовенства, искренние христиане и настоящие друзья своих прихожан, искренне молились о реформе. Только иезуиты объединились с монархом и его любовницами, чтобы сохранить деспотическую власть. Двор был совершенно коррумпирован; король - бесстыдный распутник. Все обменивалось на деньги. Правосудие было неизвестно. Двор наслаждался безграничной роскошью, в то время как основная масса людей находилась на грани голодной смерти. Бремя стало невыносимым.

Монархия Франции достигла своего расцвета во время правления Людовика XIV. Огромные постоянные армии внушили благоговейный страх Европе и предотвратили восстание у себя дома. Литература и искусство процветали, поскольку король стремился украсить свое правление произведениями гениальных людей. Допускалась большая свобода мнений и высказываний, поскольку ни король, ни придворные, по-видимому, не боялись восстания крестьян больше, чем бунта овец. Были построены огромные сооружения, за которые платили только бедняки и голодающие. И все же немало было тех, кто понимал, что час мести близок. Один из магистратов Людовика XIV. заметил: "Скоро возникнет конфликт между теми, кто платит, и теми, чья единственная функция - получать". Герцог Орлеанский, который был регентом после смерти Людовика XIV, сказал: "Если бы я был подданным, я бы наверняка взбунтовался. Люди - добродушные дураки, раз так долго терпят".

Людовик XIV. оставил трон своему правнуку, мальчику пяти лет. Народ провожал катафалк усопшего монарха до могилы с оскорблениями и насмешливыми выкриками. Седой деспот на смертном одре проявил некоторые угрызения совести. Он оставил своему преемнику такие слова:

"Я, против своей склонности, возложил большие тяготы на своих подданных; но был вынужден сделать это из-за длительных войн, которые я был вынужден вести. Любите мир и не вступайте в войну, за исключением случаев, когда благо государства и благополучие вашего народа делают это необходимым".

К этим словам не прислушивались до тех пор, пока люди в своей ужасной мощи не были воодушевлены яростью и отчаянием.

Нет ничего более скорбного для размышления, чем последние дни Людовика XIV. Он был жертвой невыносимой меланхолии, почти с ужасом ожидая смерти. Почти все его дети и внуки были мертвы. Люди были раздавлены бременем, которое они больше не могли нести. Казначейство задолжало более восьмисот миллионов долларов. Торговля была разрушена, промышленность парализована, а страна необработана и во многих местах почти обезлюдела. Армии Франции были побеждены и унижены; королевству угрожала ужасная война, и король со своего смертного одра слышал проклятия народа, зловеще возвышавшегося вокруг его трона.

СНОСКИ:

[8] Histoire de Madame de Maintenon, et des principaux Evenements du Regne de Louis XIV. Par M. le Duc de Noilles, Paris, 1848.

[9] "В руках мадам де Ментенон, - пишет Сен-Симон, - были мужчины, дела, правосудие, религия - все без исключения, а король и государство были ее жертвами".

[10] В этих обстоятельствах протестанты направили следующую трогательную петицию: "Поскольку для нас невозможно жить без отправления нашей религии, мы вынуждены, вопреки нашим желаниям, умолять ваше величество с глубочайшим смирением и уважением позволить нам покинуть королевство с нашими женами, детьми и нашим имуществом и поселиться в чужих странах". страны, где мы можем свободно воздавать Богу то поклонение, которое считаем необходимым и от которого зависит наше счастье или несчастье в вечности". Это ходатайство встретило лишь реакцию отягчающих обстоятельств.—История. о протестантах Франции, Г. де Фелис, стр. 486.

[11] История протестантов Франции, Г. де Фелис, стр. 405.

[12] История протестантов Франции, Г. де Фелис, стр. 408.

[13] Histoire de l'Édit de Nantes, par Elias Benoît, tome v., p. 953.

[14] Буленвилье.

[15] "Больно постоянно обнаруживать руку духовенства в этих сценах насилия, разграбления и смерти. Достопочтенный Малешерб, барон де Бретей, Рульер, Жоли де Флери, Жильбер де Вуазен, Риппер де Монкю, высшие государственные деятели, самые выдающиеся магистраты, писавшие о религиозных делах того периода, высказались по этому поводу в один голос. Они согласны в том, что указывают на влияние священников, влияние столь же упорное, сколь и непрекращающееся, иногда надменное, иногда гибкое и смиренное, но всегда прибегающее к последним средствам сдерживания и строгости для восстановления религиозного единства ". -История протестантов Франции, Г. де Фелис, стр. 487.

ГЛАВА III.

РЕГЕНТСТВО И ЛЮДОВИК XV.

Состояние Франции.—Регентство.—Финансовые затруднения.—Преступления правителей.—Возврат валюты.—Возобновление преследований протестантов.—Епископ Дюбуа.—Философия Вольтера.—Анекдот Франклина.—Фаворитки короля.—Мадемуазель Пуассон.—Ее влияние.—*Parc aux Cerfs*.—Показательный анекдот.—Письмо королю.—Свидетельство Честерфилда.—Анекдот Лафайета.—Смерть Помпадур.—Мадемуазель Ланж.—Власть Дюбарри.—Смерть Людовика XV.

Правление Людовика XIV. Было правлением восточного монарха. Его власть была неограниченной и неоспоримой. У народа было два могущественных врага - король и знать. Знать, как самая многочисленная, внушала наибольший страх. Следовательно, люди обращались к королям, чтобы те защитили их от знати, подобно тому, как овцы обращаются к своим естественным врагам, собакам, чтобы те защитили их от своих еще худших врагов, волков. Теперь король одержал полную победу над знатью и собрал всю политическую власть в свои руки. Он достиг этого с помощью подкупа, а также силы. Согласие знати с его верховенством было куплено тем, что он возложил на них все почетные должности и получал вознаграждение, освободив их от всех налогов и поддерживая их в праздности, роскоши и пороке, освобождая от тяжелого труда подавленных и голодающих масс. Теперь в стране существовало два класса, и только два, с непроходимой пропастью между ними. С одной стороны, восемьдесят тысяч аристократических семей жили в праздности и роскоши; с другой - двадцать четыре миллиона человек, которые в массе своей жили в крайней бедности, поддерживая своим трудом надменную знать, от которой они получали только оскорбление и презрение.

Людовик XIV. незадолго до своей смерти издал указ о назначении регентского совета на время несовершеннолетия его правнука, молодого короля. Парижский парламент, однако, объявил завещание недействительным и назначил регентом герцога Орлеанского, который считался благосклонным к знати! В течение восьми лет, с 1715 по 1723 год, регент своим бесстыдным расточительством лишь пополнял запас гнева, который накапливался веками. Ничего не делалось для повышения благосостояния народа, и, несмотря на нищету, которая фактически приводила к исчезновению населения в провинциях, великолепные дворцы

Франции демонстрировали сцены сладострастия, с которыми никогда не могло сравниться богатство Востока.

Людовик XIV. потратил на один только Версальский дворец более двухсот миллионов долларов. Крыши этого огромного сооружения покрывали площадь в двадцать пять французских акров. Тридцать тысяч рабочих часто были одновременно заняты украшением великолепного парка на шестьдесят миль в окружности.^[16] Марли с его фонтанами, парками и скверами также был построен с не меньшей экстравагантностью. Оба этих дворца демонстрировали сцены безмерного расточительства, позолоченные высочайшим очарованием внешней утонченности и элегантности. Людовик XIV. оставил нацию в долгу на восемьсот пятьдесят миллионов долларов. В течение нескольких лет расходы превышали доходы почти на тридцать миллионов долларов в год. Регент за семь лет своего расточительного правления увеличил этот долг на сто пятьдесят миллионов долларов.

Теперь в финансах царил ужасный замешательство. Все меры по вымогательству денег, казалось, были исчерпаны, и оказалось невозможным собрать суммы, необходимые для покрытия судебных расходов и выплаты процентов по долгу. Налогообложение дошло до крайности, и больше денег нельзя было занимать. Герцог Сен-Саймон предложил казначейству объявить себя банкротом.

"Потери, - сказал он, - лягут на коммерческие и денежные классы, которых никто не боится и не жалеет. Эта мера, - продолжил он, - также станет благотворным упреком неблагородным классам, научив их остерегаться давать королю займы деньги, которые позволят ему добиться превосходства над знатью".

Герцог Орлеанский, который был только регентом, а не королем, мог сочувствовать этим взглядам. Общее недовольство, однако, было таково, что он не осмелился прибегнуть к столь жестокой мере. Цель была достигнута более окольным путем. Была назначена комиссия придворных для проверки счетов государственных кредиторов. Триста пятьдесят миллионов франков (76 000 000 долларов) были безапелляционно вычеркнуты из их требований. Апелляции не последовало. Этот способ выплаты долгов казался настолько успешным, что комиссия превратилась в палату инквизиции и вызвала к себе всех тех, кто был виновен в том, что давал деньги королю займы. Большинство из них были брошены в тюрьму и им угрожали смертью, если они не выкупят помилование за это преступление большими суммами денег. Регент и знать веселились над бедами этих богатых людей низкого происхождения и наполняли свои кошельки, продавая их покровительство.

Богатый финансист погибал в одной из темниц Бастилии. Его посетил граф и предложил добиться его освобождения за шестьдесят тысяч долларов. "Благодарю вас, господин граф, - последовал ответ, - но мадам, ваша графиня, только что была здесь и пообещала мне свободу за половину этой суммы".

Правление герцога-регента Орлеанского было правлением знати, и они жадно набросились на народ, которого Людовик XIV. он укрылся от их алчности, чтобы ему оставили больше добычи. Была вызвана валюта, и она была отчеканена, одна пятая была урезана от стоимости каждой монеты. Таким способом суд получил почти пятнадцать миллионов долларов.

Вскоре все эти деньги закончились. Горизонт потемнел, и надвигающаяся буря сгустила черноту. Среди знати были такие, кто испытывал отвращение к этим безобразиям. В Париже была организована партия, выступающая против регента. Они направили петицию о том,

чтобы Генеральные штаты могли собраться для обсуждения дел королевства. Все, кто подписал эту петицию, были отправлены в Бастилию. Генеральные штаты не созывались более ста лет. Последнее заседание состоялось в 1614 году. Он состоял из 104 депутатов от духовенства, 132 от дворянства и 192 от народа. Три сословия встретились отдельно и выбрали своих представителей. Но представители народа в этом собрании проявили столько духа, что съезд был внезапно распущен королем, и ни король, ни знать не пожелали снова заслушивать их.

Теперь был создан банк с номинальным капиталом в шесть миллионов франков (1 200 000 долларов). Акции были приобретены путем оплаты половины деньгами, а половину - ничем не стоящими государственными векселями. Таким образом, *реальный* капитал банка составлял 600 000 долларов. После этого были выпущены векселя на сумму в три тысячи миллионов франков (600 000 000 долларов). Денег, конечно, на какое-то время было достаточно. Вскоре пузырь лопнул. Эта операция значительно усилила финансовый крах, в который была вовлечена нация. Пятьсот тысяч граждан были ввергнуты в банкротство.^[17] Парламент Парижа, хотя и состоял из привилегированного класса, оказал небольшое сопротивление подобным безобразиям и был без промедления сослан в Понтуаз.

Дюбуа, один из самых печально известных людей, когда-либо опозоривших даже двор, орудие регента и все же глубоко презираемый им, однажды утром имел наглость попросить вакантный архиепископский пост Камбрэ. Дюбуа даже не был священником, и это требование показалось настолько нелепым и дерзким, что регент разразился смехом, воскликнув:

- Если я должен даровать архиепископство такому негодяю, как ты, где мне найти такого негодяя-прелата, чтобы посвятить тебя?

"У меня здесь есть один", - сказал Дюбуа, указывая на прелата-иезуита, который был готов совершить это святотатственное деяние. Дюбуа пообещал Роану, что, если тот посвятит его в сан, он вернет благосклонность двора к партии иезуитов. Дюбуа покорила одну из любовниц регента, и надутый развратник был рукоположен в сан архиепископа Камбрейского. Теперь Дюбуа находился в очереди на повышение. Вскоре он сменил митру на кардинальскую шапку, а в 1722 году был назначен премьер-министром. Тьма средневековья миновала, и эти скандалы разыгрались при полном свете 18 века. Люди смотрели на это с ропотом презрения и негодования. Просить, требовать почтения к такой церкви было слишком.^[18]

Печально известный иезуит Лаверн де Трессан, епископ Нанта, посвятивший Дюбуа в сан, пробудил ото сна самые суровые постановления Людовика XIV. Людовику XV. тогда было четырнадцать лет. Были изданы королевские указы, приговаривающие к пожизненным галерам любого мужчину и к пожизненному заключению любую женщину, которая должна посещать богослужения, отличные от католических. Проповедники протестантизма были обречены на смерть; и любой человек, который укрывал такого проповедника или который пренебрегал доносом на него, был отправлен на галеры или в темницу. Все дети должны были быть крещены викарием прихода в течение двадцати четырех часов после их рождения и до четырнадцати лет находиться под руководством католических наставников. Сертификаты католичества были необходимы для получения всех должностей, всех академических степеней, всех допусков в торговые корпорации. Это ужасное попрание прав человека было встречено духовенством с почетом. Когда мы размышляем о семенах, посеянных королем и двором таким образом, мы не можем не удивляться тому революционному урожаю, который был собран.

Таким образом, католическая церковь стала совершенно отвратительной даже самым набожным христианам. Они предпочли философию Монтескье, атеизм Дидро, неверие Вольтера, сентиментализм Руссо этому безжалостному и кровавому демону, принявшему имя католической церкви и размахивающему скипетром деспотизма, который заливал Францию кровью и горем. Меч преследования, который некоторое время покоился в ножнах, был снова обнажен и обагрен кровью. Многие протестантские священники были расколоты на колесовании, а затем обезглавлены. Преследование приняло все формы оскорблений и жестокости. Тысячи бежали из королевства. Религиозные собрания окружались драгунами и обстреливались со свирепостью дикарей, убивая и калеча без разбора мужчин, женщин и детей. С помощью плетей, пыток, тюремного заключения и конфискаций у протестантов были вымоганы огромные суммы денег. Особенно охотно искали дворян, юристов, врачей и богатых купцов.

Захват протестантских детей сопровождался безымянными бесчинствами. Солдаты с мечами в руках во главе со священниками врывались в дома, переворачивали все в поисках, совершали жестокое насилие над родителями и, не обращая внимания на их стенания и отчаяние, хватали перепуганных детей, особенно маленьких девочек, и загоняли их в монастыри.

Столь жестокий фанатизм был отвратителен интеллекту и общей совести того времени. Обезумевшие священники могли легко спровоцировать жестокое и раздраженное население на любые бесчеловечные поступки, но разумные люди всех партий осуждали подобную нетерпимость. Однако стоит отметить, что мало кто из *философов* того времени отваживался выступать за религиозную терпимость. Как правило, они ненавидели христианство во всех его формах и вовсе не были расположены защищать одну секту от преследований другой. Вольтер, однако, был исключением. Он провел полтора года в Бастилии по обвинению в написании клеветы на правительство, которую он не писал. Когда суду было доказано, что он не писал клевету, он был освобожден из тюрьмы и выслан из Франции. Через несколько лет после этого Вольтер, вернувшись во Францию, оскорбил дворянина, шевалье де Рогана. Шевалье презрительно послал своего слугу наказать поэта. Вольтер, взбешенный унижением, послал вызов Де Рогану. За преступление, связанное с вызовом дворянину, он снова был брошен в Бастилию. Через шесть месяцев он был освобожден и снова сослан. Вскоре после этого его *философские труды* были приговорены парламентом к сожжению, и был издан приказ о его аресте. В течение многих лет он был вынужден скрываться. Так он научился сочувствовать преследуемым. В своем виртуозном трактате о веротерпимости и в своих благородных призывах к семье убитого протестанта Жана Каласа он говорил громкими голосами, которые будоражили слух Франции. Когда Франклин в Париже навестил Вольтера вместе со своим внуком, он сказал: "Сын мой, упали на колени перед этим великим человеком". Престарелый поэт, которому тогда было за восемьдесят, дал мальчику свое благословение с характерными словами: "*Бог и свобода*". Философия Вольтера опрокинула самый презренный из деспотизмов. Его отсутствие религии установило другой деспотизм, столь же невыносимый.

Несчастный регент скончался в припадке в апартаментах своей любовницы в 1723 году. Молодому королю было тогда четырнадцать лет. Он был застенчивым мальчиком, не думавшим ни о чем, кроме собственного потакания своим слабостям. Однажды, будучи ребенком, он смотрел из окон Тюильри в сад, который был заполнен толпой.

"Посмотри туда, мой король, - сказал Виллеруа, его наставник. - все эти люди принадлежат тебе. Все, что ты видишь, - твоя собственность; ты хозяин этого".

Людовик XV. активно применял эти принципы на практике в течение своего долгого правления, длившегося пятьдесят девять лет. В пятнадцать лет он женился на Марии, дочери Станислава, изгнанного короля Польши. Мария не была красавицей, но за время жизни, полной забвения и страданий, у нее развился характер замечательной красоты и истинного благочестия. О Франции тех бесславных лет сохранилось очень мало сведений, достойных названия истории. Перо может рассказать только постыдную историю ребячества, греха и угнетения. Утомленный и вялый от изнурительных волнений, король однажды внезапно увлекся камвольной работой, и весь двор пришел в смятение, поскольку подражающие дворяне и духовенство были заняты в салонах Версаля шерстью, иголками и холстом.

Король на одном из своих частных ужинов обратил внимание на даму, мадам де Майи, чья живость привлекла его. Просто чтобы помучить королеву, он принял ее за свою фаворитку и ввел в покои, из которых он исключил свою кроткую и добродетельную жену. Марии оставалось только плакать и молить Бога о утешении. У мадам де Майи была сестра, смелая, энергичная девушка, мадемуазель де Несль. Она приехала ко двору с визитом, и после энергичных усилий ей удалось вытеснить свою сестру и занять ее унижительное место. Смерть внезапно отпустила ей все грехи, но была еще одна сестра из той же печально известной семьи, мадам Турнель, которая попыталась утешить короля, бросившись в его объятия. Король принял ее, и она стала его признанной фавориткой и некоторое время сохраняла положение султанши королевского гарема. Куда бы она ни направлялась, за ней следовала свита придворных дам. Все были вынуждены отдать дань уважения царствующей фаворитке того времени, ибо вся власть была в ее руках, и она распределяла награды и наказания. Король присвоил этой виновной женщине, которая была столь же жестока, сколь и виновна, титул герцогини Шатору. Мадам де Тенсен, одна из придворных дам, в конфиденциальном письме Ришелье, написанном в это время, пишет:

- Похоже, короля не касается то, что происходит в его королевстве. Говорят даже, что он избегает придавать какое-либо значение происходящему, утверждая, что лучше ничего не знать, чем узнавать неприятные новости. Если Бог явно не вмешается, физически невозможно, чтобы государство не развалилось на куски".

Даже мадам Шатору, сама одна из самых коррумпированных членов этого беспрецедентно коррумпированного суда, заметила подруге:

"Я не мог бы поверить всему тому, что вижу сейчас. Если не будет принято никаких мер по исправлению такого положения вещей, рано или поздно произойдет великое переверот".^[19]

Хотя герцогиня Шатору была фавориткой правления, у нее была еще одна младшая сестра, которая была членом королевского гарема. Принцесса крови, мадемуазель Валуа, и принцесса Конти также были в этом печально известном поезде. Эти возмутительные факты должны быть изложены, поскольку они необходимы для понимания Французской революции. До этого времени к королю, о котором народ знал очень мало, относились с любовью. Они смотрели на него как на единственный барьер, защищающий их от знати. Вскоре после этого мадам Шатору заболела и умерла в угрызениях совести, горько взывая о пощаде и обещая, если удастся сохранить ей жизнь, исправиться и покаяться. Народ так ненавидел ее, что вооруженный эскорт проводил ее останки до могилы, чтобы защитить их от народного насилия.

Король на какое-то время был весьма огорчен смертью этой женщины, которая получила над ним большую власть. В то время как во дворце царили распутство и безграничная

расточительность, банкротство разоряло купцов и ремесленников, а в крестьянских хижинах царила нищета.

У жителя Парижа по фамилии Пуассон была дочь изумительного изящества и красоты. Мадемуазель Пуассон вышла замуж за богатого финансиста месье Этуала. Тогда она, сознавая свою красоту и непревзойденную силу обаяния, приняла смелое и виноватое решение броситься в объятия короля. Когда король охотился в Сенартском лесу, она, словно случайно, оказалась у него на пути в открытом карете, одетая так, чтобы подчеркнуть свои прелести как можно ярче. Сладострастный король обратил на нее свой взор и вскоре послал за ней, чтобы она прибыла в Версальский дворец. Королевский приказ был с готовностью выполнен. Она сразу же завоевала расположение короля, утвердилась во дворце и отныне стала великой державой, перед которой вынуждена была преклоняться вся Франция. Ее безутешный муж, который страстно любил ее, умолял ее вернуться к нему, обещая все простить. Она с презрением отказалась повернуться спиной к великолепию Версаля. Получив от короля в знак своего унижения титул маркизы Помпадур, Жаннет Пуассон была возведена на трон как настоящий монарх Франции. Она была женщиной огромного разностороннего таланта, блестящей в общении и обладала непревзойденной силой обаяния. В течение двадцати лет она держала короля в совершенном подчинении своему влиянию. Она ни на минуту не забывала о своем стремлении угодить монарху и управлять им. "Иногда она появлялась перед ним в костюме крестьянки, принимая на себя всю простоту и деревенскую грацию этого персонажа. Она с одинаковой легкостью принимала облик томящейся Венеры или гордую красоту Дианы. К этим переодеваниям часто добавлялось скромное одеяние монахини, когда с притворным смирением и опущенными глазами она выходила навстречу королю".

Вскоре ее власть стала безграничной и непобедимой, ибо сердце у нее было железное, и даже ее женская рука могла выдержать все ужасы судебного изгнания, конфискации, ссылки и Бастилии. Говорят, что острота Фридриха II Прусского за ее счет ввергла Францию во все ужасы Семилетней войны. Самыми знатными дамами в стране были ее фрейлины. Ее управляющий был кавалером ордена Святого Людовика. Когда она выезжала в своем паланкине, шевалье д'Энин, представитель одной из знатнейших фамилий королевства, почтительно шел рядом с ней, держа ее плащ на вытянутой руке, готовый перекинуть его через ее плечо, как только она выйдет.

Она вызвала к себе послов и обратилась к ним с царственным *"мы"*, приняв стиль королевской особы. Она назначала епископов и генералов и заполнила все важные посты Церкви и государства теми, кто оказывал ей почтение. Она увольняла министров и назначала кардиналов, объявляла войну и заключала мир. Вольтер ухаживал за ней и посвятил свою музу прославлению ее красоты и талантов. Монтескье, Дидро и Кенэ ждали ее в прихожей, умоляя о покровительстве. Тех авторов, которые нравились ей, она отправляла на пенсию и почитала; те, кто этого не делал, оставались в бедности и заброшенности. Даже императрица Мария Терезия, стремившаяся к союзу с Францией, написала ей собственноручно, обращаясь к ней как к своему "дорогому другу и кузине". "Мало того, - сказала однажды мадам де Помпадур аббату де Бернису, - мало того, что вся знать у моих ног, но даже моя комнатная собачка устала от их заискивания". Руссо, убежденный в идолопоклонстве нации, отказался присоединиться к молящимся в святилище Помпадур. Она не осмелилась отправить его в Бастилию, но с досадой воскликнула: "Я больше не желаю иметь ничего общего с этой *совой*".

Когда мадам де Помпадур обнаружила, что ее очарование иссякает, она сохранила свое место, потакая аппетитам короля в создании самого печально известного учреждения,

когда-либо терпимого в цивилизованной стране. Лакретель в своей "Истории Франции" так описывает эту мерзость:

"Людовик XV, пресыщенный завоеваниями, которые предлагал ему двор, был движим развращенным воображением, чтобы создать заведение для своих удовольствий такого позорного характера, что после описания разврата времен регентства трудно подобрать термины, подходящие для излишеств подобного рода. Несколько элегантных домов, построенных на территории, называемой *Парком Серф*, недалеко от Версаля, использовались для приема красивых детей женского пола, которые там ожидали удовольствия своего хозяина. Сюда приводили молодых девушек, которых продавали их родители, а иногда и отбирали у них силой. Это умело и терпеливо поощрялось теми, кто служил распутству Людовика; целые годы были заняты развратом девушек, еще не достигших брачного возраста, и подрывом принципов скромности и верности у молодых женщин".

Когда кто-то заговорил с мадам де Помпадур об этом заведении, она ответила:

- Я хочу обладать сердцем короля, и ни одна из этих маленьких необразованных девочек не лишит меня этого.

Если царь во время своих прогулок случайно видел хорошенькое дитя, которое обещало быть необыкновенной красоты, он посылал своих слуг забрать ее у родителей для обучения в его гареме. У родителей был выбор: смириться дома или отправиться в застенки Бастилии. Один случай, рассказанный Сулави в его "Анекдотах правления Людовика XV", иллюстрирует принцип действия:

"Среди юных леди очень нежного возраста, с которыми король развлекался во времена влияния мадам де Помпадур или позже, была также мадемуазель Треселен, которой его величество приказал взять фамилию Бонневаль в тот самый день, когда она была ему представлена. Король был первым, кто заметил это дитя, когда ему было не более девяти лет, на попечении няни, в саду Тюильри, однажды, когда он торжественно отправился в свой добрый город Париж; и вечером, рассказав о ее красоте Ле Бель, слуга обратился к г-ну де Сартину, который разыскал ее и выкупил у няни за несколько луидоров. Она была дочерью господина де Треселена, человека знатного, который не мог терпеливо сносить оскорбление подобного рода. Однако он был вынужден молчать; ему сказали, что его ребенок потерян и что для него будет лучше всего принести себя в жертву, если он не хочет также потерять свою свободу".

Расходы только на *Парк Серф*, по словам Лакретеля, составили 100 000 000 франков — 25 000 000 долларов.

Это не были дела тьмы. Они были открыты как день. Франция, хотя и связанная по рукам и ногам, увидела их, и раздражение переросло в ярость. Луи было отправлено анонимное письмо, в котором очень ярко описывалось разрушительное положение дел и сообщалось о неизбежном потрясении. Мадам де Оссе в своих мемуарах приводит следующий краткий обзор этого письма:

"Ваши финансы в величайшем беспорядке, и подавляющее большинство государств погибло по этой причине. Ваши министры бездеятельны. Против религии ведется открытая война. Энциклопедисты под предлогом просвещения человечества подрывают основы христианства. Все различные виды свободы взаимосвязаны. Философы и протестанты склоняются к республиканизму. Философы бьют под корень, другие подрезают ветви, и

однажды их усилия повалят дерево низко. Добавьте к этому экономистов, целью которых является политическая свобода, в то время как целью других является свобода вероисповедания, и через двадцать или тридцать лет правительство может оказаться подорванным во всех направлениях, и тогда оно с треском падет. Не теряйте времени и наведите порядок в финансовом положении. Затруднения требуют новых налогов, которые изматывают народ и подталкивают к восстанию. Придет время, сир, когда люди станут просвещенными, и это время, вероятно, уже не за горами.

Король прочитал это письмо мадам де Помпадур, а затем, повернувшись на каблуках, сказал:

- Я не желаю больше слышать об этом. Все будет продолжаться так, как есть, пока буду я.

В другой раз Мирабо-старший заметил в гостиной мадам де Помпадур:

"Это королевство находится в плачевном состоянии. Нет ни национальной энергии, ни денег. Она может быть возрождена только завоеванием, подобным китайскому, или каким-то великим внутренним потрясением. Но горе тем, кто доживет до этого. Французский народ ничего не делает наполовину".

Сама мадам де Помпадур полностью осознавала надвигающуюся катастрофу, но льстила себя надеждой, что буря не разразится при ее жизни. Она часто говорила: *"Après nous le déluge"* — *"После нас придет всемирный потоп"*.

Признаки приближающейся гибели были настолько очевидны, что они не могли ускользнуть от внимания любого наблюдающего человека. Даже Людовик XV. сам он не был слеп к развитию событий и лишь надеялся предотвратить революцию, пока продлятся его дни.

Лорд Честерфилд посетил Францию в 1753 году, за двадцать лет до смерти Людовика XV, и написал своему сыну следующее:

"Где бы вы ни были, будьте в курсе дел Франции и уделяйте им особое внимание. Они становятся все серьезнее и, по моему мнению, будут становиться все серьезнее с каждым днем. Французская нация свободно рассуждает, чего она никогда раньше не делала, по вопросам религии и управления. Короче говоря, все симптомы, с которыми я когда-либо встречался в истории, предшествовавшие великим переменам и революциям, теперь существуют и с каждым днем усиливаются во Франции".

Большие трудности с добычей денег и бесчинства, к которым прибегали для достижения этой цели, встревожили придворных. Однажды ночью правительственный чиновник, сидя у постели короля и обсуждая положение дел, заметил:

- Вы увидите, сир, что все это сделает абсолютно необходимым созыв Генеральных штатов.

Король вскочил с постели и, схватив придворного за руку, воскликнул:

Никогда не повторяй этих слов. Я не кровожаден, но если бы у меня был брат и если бы он осмелился дать мне такой совет, я бы пожертвовал им в течение двадцати четырех часов ради сохранения монархии и спокойствия в королевстве".

Неудивительно, что при таком дворе, как этот, христианство подверглось поношению, а неверие восторжествовало.

"Когда я впервые был представлен его величеству Людовику XV, - пишет Лафайет, - я хорошо помню, как обнаружил старшего сына Церкви, короля Франции и Наварры, сидящим за столом между епископом и проституткой. За тем же столом сидел престарелый философ, чьи труды придавали блеск эпохе, в которую он процветал; человек, вся жизнь которого была потрачена на подрыв основ христианства и монархии. И все же в тот момент этот философ был объектом почета монархов и почитания придворных. Вместе со мной вошел молодой аббат, но не для того, чтобы быть представленным королевской семье, а чтобы попросить благословения у этого врага алтаря. Этого престарелого философа звали *Вольтер*, а молодого аббата - Шарль Морис Талейран".

Почти все безбожные писатели того времени — Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер — были людьми безнадежно испорченными в нравственном отношении. Многие из них были достаточно проницательны, чтобы отчетливо видеть разницу между христианством и жизнью распущенных церковников. Но большинство из них ненавидели христианство и его ограничения и были рады воспользоваться развращенностью Церкви, чтобы презирать религию Христа. Но даже тогда не было недостатка в людях самого искреннего и бесстрашного благочестия, которые продвигали христианство своей жизнью и которые героически обличали грех на высоких постах.

Епископа Сенеза вызвали проповедовать перед королем. В духе Исайи и Даниила он упрекнул монарха в его преступлениях в выражениях настолько простых, прямых и едких, что они поразили придворных. Царь был посрамлен, но Бог сохранил своего слугу, как Даниил был сохранен во рву со львами.

Наконец, мадам де Помпадур умерла в 1764 году, и проклятия Франции сопровождали ее до самых похорон. Это был мрачный день, когда ветер и дождь перенесли останки этой несчастной женщины из Версаля в могилу. Теперь король покончил с ней и не снизошел до того, чтобы последовать за ней на похороны. Когда похоронная процессия покидала двор дворца, он стоял у окна, глядя на штормовой воздух, и, посмеиваясь над своей бессердечной остротой, сказал: "Маркизе предстоит довольно дождливый день, чтобы отправиться в свое долгое путешествие". Это замечание является справедливым показателем почти непостижимого бессердечия этого презренного короля.

Мадам де Помпадур испустила дух в Версале в великолепном страдании. Она полностью осознавала ненависть народа и трепетала перед Божьим судом. "Вся моя жизнь, - сказала она в час отчаяния, - была сплошной смертью".

"Действительно, очень разными, - прекрасно пишет Джулия Кавана, - были преклонные годы Марии Лечинской и маркизы Помпадур. Терпеливая и благочестивая королева положила свои страдания к подножию креста. Оскорбленная своим мужем и его любовницами, забытая придворными, глубоко потрясенная потерей своих детей, которых она любила больше всего на свете, она все же нашла в религии мужество, необходимое для того, чтобы поддержать свое горе, и действенное утешение в проявлении безграничной благотворительности".^[20]

Старый король был теперь совершенно поглощен водоворотом распутства; характер и даже самоуважение, казалось, были полностью утрачены. Он огляделся в поисках другой женщины, которая заняла бы место Жаннет Пуассон. В одном из низменных уголков парижского разврата придворные короля нашли девушку необычайной красоты, называвшую себя мадемуазель Ланге. Она занималась шитьем в мастерской модистки, но теперь предалась пороку. Она была представлена сладострастному монарху как новинка, и ей удалось очаровать его. Она получила титул графини Дюбарри и была немедленно

возведена в Версале в качестве признанной фаворитки короля. Порок никогда не возвышается, но всегда опускается по шкале деградации. Король сначала выбирал своих фавориток из дочерей знати, затем он получил одну из класса, которую он притворно презирал как низкородную; и теперь обычная проститутка, взятая со складов позора в Париже, необразованная и с манерами куртизанки, представлена нации как доверенное лицо и управляющая презренного монарха. Все высокородные дамы, привыкшие к развращенности двора, сочли это слишком тяжким оскорблением, чтобы его вынести. Знать, духовенство, философы и народ - все присоединились к этому протесту. Но мадам Дюбарри, обладавшая властью короля, была слишком сильна для них всех. Она уволила и изгнала со двора герцога Шуазеля, королевского министра, и поставила на его пост одного из своих друзей. Затем она с поразительной смелостью распустила парламенты, не оставив Франции даже тени представительной власти. Так она продвигалась шаг за шагом, устраняя врагов и заменяя их друзьями, пока самые знатные люди страны не стали соперничать за честь быть допущенными в салон этой никчемной женщины.

Это ужасающий и возмутительный факт, что за полвека до революции *Францией управляли проститутки*. Настоящей правительницей была бесстыдная женщина, которая до поры до времени сохраняла контроль над деградировавшим и чувственным королем. "Человек, - говорит Де Токвиль, - который попытался бы судить о правительстве по мужчинам, стоящим во главе дел, а не по женщинам, которые влияли на этих людей, впал бы в ту же ошибку, что и тот, кто судит о машине по ее внешнему действию, а не по внутренним пружинам".

Король был теперь так разгневан, что не осмеливался проезжать через Париж, направляясь из своего дворца в Версале в Компьень. Опасаясь оскорблений и бунта народа, если его увидят в столице, он приказал построить дорогу, которая позволила бы ему объехать Париж. Поскольку красивых детей женского пола часто хватало, чтобы пополнить запасы его сераля в *Парке Серф*, у людей сложилось впечатление, что он баловался ваннами с детской кровью, чтобы омолодить свое истощенное тело. Король превратился в объект ужаса.^[21]

Таково было положение дел, когда виновный король заболел оспой и умер в Версале в 1774 году, на шестьдесят четвертом году своего совершеннолетия и пятьдесят девятом году своего правления. Такова вкратце была карьера Людовика XV. Его правление было вершиной всех беззаконий и сделало Революцию неизбежной. История его жизни, какой бы отвратительной она ни была, должна быть рассказана, ибо она необходима для понимания последовавших за этим результатов. Смерч, который был пожат, был всего лишь законным урожаем посеянного ветра. Верно говорит Де Токвиль: "Революция навсегда останется во тьме для тех, кто не заглядывает за ее пределы. Ее можно постичь только при свете предшествовавших ей веков. Без ясного представления об обществе прежних времен, о его законах, его ошибках, его предрассудках, его страданиях, его величии невозможно понять поведение французов в течение шестидесяти лет, последовавших за их падением".

СНОСКИ:

^[16] Путеводитель Галиньяни по Парижу.

^[17] История французской революции, Э.Э. Кроу, том ii., стр. 150.—*Enc. Am.*

^[18] Герцог Сен-Симон, который был одним из членов регентского совета, в своих замечательных мемуарах дает следующий портрет Дюбуа: "Дюбуа был маленьким, худым, тощим человеком с лицом хорька. Все пороки, ложь, алчность, распущенность, честолубие

и самая низменная лесть боролись в нем за господство. Он лгал до такой степени, что отрицал свои собственные действия, когда дело касалось факта. Несмотря на свой разврат, он был очень трудолюбив. Его состояние было огромным, а доход исчислялся миллионами".

[19] Женщины Франции, стр. 91.

[20] Женщины Франции, стр. 170.

[21] Исторический взгляд на Французскую революцию, Ж. Мишле, том i, стр. 46.

ГЛАВА IV.

ДЕСПОТИЗМ И ЕГО ПЛОДЫ.

Представления аристократии.—Мольер.—Упадок дворянства.—Упадок феодальной системы.—Разница между Францией и Соединенными Штатами.—Умерщвление чувств литераторов.—Вольтер, Монтескье, Руссо.—Разложение Церкви.—Дидро.—Энциклопедисты.—Свидетельство Де Токвиля.—Фредерик II Прусский.—Два класса противников христианства.—Огромные налоги.—Нищета народа. — "Старые добрые времена монархии!"

Дав краткий очерк характера Людовика XV, давайте теперь поразмышляем о состоянии Франции в течение его долгого правления. Было подсчитано, что привилегированный класс как в Церкви, так и в государстве насчитывал всего сто пятьдесят тысяч человек. Это была их доктрина, подкрепленная самой строгой практикой, согласно которой оставшиеся двадцать пять миллионов французов были созданы лишь для того, чтобы наслаждаться роскошью; что это была функция, которую Провидение предназначило им выполнять. Все должности, которые могли принести почет и вознаграждение в Церкви, армии, государстве или при дворе, занимали представители аристократии, которые смотрели с нескрываемым презрением на всех тех, кто не был высокородным, каким бы богатым или какими бы выдающимися талантами и литературной культурой они ни отличались. Людовик XV, окруженный куртизанками и распущенными придворными, считал самонадеянностью со стороны Вольтера думать о том, чтобы сидеть за одним столом с королем. "Я могу назначать пенсии Вольтеру, Монтескье, Фонтинелю и Мопертиусу, - сказал король, - но я не могу обедать и ужинать с *этими людьми*". [22]

Придворные Людовика XIV. самым оскорбительным образом проявилось унижение, которое они испытывали, будучи вынужденными пригласить к своему столу Мольера, самого выдающегося комического драматурга Франции. Никакая степень гениальности не могла изгладить позора того, что ты не благородного происхождения. [23] Но, несмотря на высокомерие дворян, они, как класс, подверглись презрению. Все, кто мог прокормить столичный истеблишмент, покинули свои замки и перебрались в Париж. Сельский замок был заперт, в его залах царила тишина, а во дворе колыхалась трава. Только судебный пристав остался выжимать последний фартинг из голодающих арендаторов. Многие знатные семьи пришли в упадок. Их бедность делала их гордость еще более презренной. В нескольких провинциях проживало большое количество этих обедневших аристократических семей, которые постепенно расстались со своими землями и жили в состоянии весьма убогого аристократизма. Они были слишком горды, чтобы работать, и слишком бедны, чтобы жить, не работая. Тюрго свидетельствует, что в провинции Лимузен

проживало несколько тысяч благородных семей, из которых не более пятнадцати имели доход в четыре тысячи долларов в год.[24] Один из офицеров короны написал в 1750 году:

"Дворяне этой части очень высокого ранга, но очень бедны и настолько же горды, насколько бедны. Контраст между их прежним и нынешним положением унизителен. Это очень хороший план - держать их в бедности, чтобы они нуждались в нашей помощи и служили нашим целям. Они сформировали общество, в которое никто не может быть принят, пока не докажет, что имеет четыре четверти. Он не зарегистрирован в письменном патенте, но допускается, поскольку проводится не чаще одного раза в год и в присутствии интенданта. Эти дворяне слушают мессу, после которой возвращаются домой, кто на своих "Росинантах", кто пешком. Вам понравится это забавное собрание".

Во времена феодального величия дворянин действительно был господином крестьянства. Он был их правительством и единственным защитником от насилия. Тогда была причина для феодальной службы. Но теперь дворянин был трутнем. Он получал и все же ничего, абсолютно ничего, не давал взамен. Крестьянин не только ненавидел, но и презирал его и в насмешку называл *стервятником*.

Феодальная система приспособлена только к состоянию полуварварства. Она не может выжить в общественном сознании, как тьма не может существовать после восхода солнца. Когда по мере общественного прогресса дворяне перестают быть полезными и становятся всего лишь трутнями; когда богатые люди с вульгарным характером могут приобретать дворянские титулы, так что дворян перестают считать особой расой, назначенной небом; когда люди из массы, необразованные, приобретают богатство, образование и тот лоск манер, который ставит их наравне с титулованными людьми; когда гениальные и образованные люди, введенные в салоны знати, обнаруживают свое собственное огромное превосходство над своими невежественными, легкомысленными и все же надменными развлекателями; и когда институты литературы, науки и искусства создают образованную аристократию, где богатство, утонченность и высочайшая умственная культура сочетают в себе свое очарование, тогда наследственная аристократия, у которой нет никакой поддержки, кроме наследственной славы, должна умереть. Его час пробил.

Таково было состояние Франции в конце правления Людовика XV. Подсчитано, что в то время во Франции насчитывалось пятьсот тысяч хорошо информированных граждан.[25] Этот факт объясняет как начало Революции, так и ее провал. Их было слишком много, чтобы подчиниться высокомерию знати; отсюда и восстание. Их было слишком мало, чтобы направлять и контролировать разъяренные массы, когда с них было снято давление, и отсюда воцарились террор, анархия и кровь. В Соединенных Штатах, население которых примерно такое же, как во Франции на заре Революции, насчитывается четыре или пять миллионов умных и образованных мужчин. Эти люди поддерживают наши институты. Если бы не они, республика была бы сметена, как мякина на ветру.

Как мы уже говорили, литераторы пользовались покровительством короля и двора, но это было покровительство, которое казалось почти оскорблением каждому благородному уму. Надменный герцог посмотрел бы на выдающегося ученого снисходительно и даже с восхищением и впустил бы его в свой салон как диковинку. Высокородные дамы улыбались ему и снисходили до того, чтобы взять его под руку и выслушать его замечания. Но такое смешение с обществом терзало душу чувством унижения, и никто не выступал с большей горечью против аристократических притязаний, чем те гениальные люди, которые были

наиболее свободно допущены в залы великих. Поэтому они с раздражением интересовались происхождением рангов, и их труды были полны восхвалений равенства и братства.

Именно эта социальная деградация была одним из сильнейших стимулов к революции. Это объединило все промышленные классы Франции, всех, кто достиг богатства, и всех выдающихся интеллектуалов в призыве к реформам. Равенство прав было великим требованием, вырвавшимся таким образом из сердца нации. *Братство* стало лозунгом пробужденных и поднимающихся масс.[\[26\]](#)

Мысль была великим освободителем. Гениальные люди были Титанами, которые сдвигали горы предрассудков и угнетения. Они упростили политическую экономию и сделали ее понятной для массового сознания. Вольтер с острейшим сарказмом и самыми пронзительными оскорблениями обрушивался на развращенность Церкви, несправедливую и пагубную для интересов Франции, представляя эту развращенность как само христианство. Монтескье популяризировал и распространил перед нацией те взгляды на национальную политику, которые могли бы сделать народ процветающим и счастливым; а Руссо с обольстительным красноречием, превосходящего которое мир никогда не видел, будоражил каждое пылкое воображение мечтами о захватывающем, но недостижимом совершенстве. Почти все революционные писатели представляли религию не просто как бесполезное суеверие, но как одно из худших бедствий государства. Таким образом, они лишили человеческое сердце влияния, которое единственное может обуздать страсть и очеловечить душу.

Они представляли человека всего лишь агнцем, кротким и невинным, немым перед стригущими его и стремящимся только к тому, чтобы жить без вреда и счастливо в потоках всеобщей благожелательности и любви. Этот человек, похожий на ягненка, нуждался в религии не больше, чем бабочка или малиновка. Он должен был прожить свой радостный день, не стесненный ни обычаями, ни законами, ни мыслями о будущем, а затем должен был уйти, подобно лилии или розе, выполнив свое предназначение. Смерть, как вечный сон, была краеугольным камнем их поверхностной и деградирующей философии. Сторонники этого сентиментализма были поражены, когда обнаружили, что массы, огрубевшие от невежества и веков угнетения и наученные тому, что нет Бога, перед которым они должны предстать на суде, выходят на арену наций не как агнцы, а как волки, жаждущие крови и безрассудные в опустошении. Развратники во Франции по-прежнему являются неверующими, но они увидели действие своих доктрин и больше не осмеливаются провозглашать их. "Где тот француз наших дней, - говорит Де Токвиль, - который написал бы такие книги, как книги Дидро или Гельвеция?"[\[27\]](#)

К несчастью, роковым образом для свобод Франции стало то, что ведущие писатели были неверующими. Ошибочно принимая порочность христианства за само христианство, они яростно нападали на религию и преуспели в искоренении из человеческих душ всякого представления об ответственности перед Богом. Ничто не могло бы более эффективно ожесточить и демонизировать душу человека. И все же Папская церковь, как возвышающаяся иерархия, стала настолько коррумпированной, таким инструментом угнетения и такой опорой деспотизма, что никакая реформа не могла быть осуществлена иначе, как путем ее свержения.[\[28\]](#) Это была правая рука монарха; это был крепостной вал, который должен был быть разрушен первым.

В Церкви не было ни слова порицания пороку в высших кругах. Она прикрывала своим щитом самые чудовищные злоупотребления и своей инквизиторской цензурой прессы защищала самые отвратительные учреждения. Церковь, ослабленная богатством и

потворством роскоши, также стала настолько дряхлой, что напрашивалась на нападки. Ни один мужчина не мог проявить достаточной наглости, чтобы попытаться ее защитить. Единственным ответом, который надутые и распущенные церковники могли дать своим противникам, были преследования и темница. В Церкви было несколько по-настоящему благочестивых людей; тем не менее, они демонстрировали более яркий контраст с общей испорченностью, которой они были окружены.

Дидро, хотя и получил образование у иезуитов — возможно, *потому, что* он получил образование у иезуитов, — начал свою карьеру с нападок на христианство в своих *Философских трудах*. Он был отправлен в тюрьму, а его книга сожжена общественным палачом. Тем не менее, множество людей читали и так горячо аплодировали, что это побудило его разработать план знаменитой Энциклопедии, которая должна была содержать краткое изложение всех человеческих знаний. В этом грандиозном предприятии он объединил с ним самых способных ученых и писателей того времени — Мабли, Кондильяка, Мерсье, Рейналя, Бюффона, Гельвеция, Д'Аламбера и других. Почти все эти люди, презиравшие *Церковь*, были неверующими в *христианство*. Следовательно, они использовали любую возможность для нападок на религию. Встревоженный суд наложил запрет на это произведение, но не осмелился наказать авторов, поскольку они были слишком многочисленны и могущественны. Таким образом, неверность вскоре вошла в моду. Несмотря на запрет, работа вскоре была возобновлена и стала одним из самых могущественных факторов, положивших начало революции.

"Христианство было ненавистно этим философам, - пишет Де Токвиль, - не столько как религиозная доктрина, сколько как политический институт; не потому, что церковники предполагали регулировать заботы потустороннего мира, но потому, что они были землевладельцами, сеньорами, держателями десятины, администраторами в этом мире; не потому, что Церковь не могла найти места в новом обществе, которое устанавливалось, но потому, что тогда она занимала почетное, привилегированное и могущественное место в обществе, которое должно было быть свергнуто".

Христианство - краеугольный камень истинной демократии. Это безжалостный враг деспотизма, и поэтому деспотизм неизменно ведет свою самую безжалостную войну против Библии. Когда папство стало великим духовным деспотизмом, омрачившим мир, Библия была книгой, которую оно ненавидело и боялось больше всего на свете. Эта коррумпированная иерархия с осторожностью отобрала несколько отрывков о подчинении, которые разрешила прочитать людям, в то время как величественные принципы братства, на которых зиждется весь ее моральный кодекс, были бдительно исключены из общественного сознания. Крестьянин, обнаруженный с Библией, считался таким же виновным, как если бы его поймали с инструментами грабителя или штампами фальшивомонетчика.

Однако было невозможно скрыть тот факт, что Библия была защитником чистоты сердца и жизни. Ее учения создавали в человеческой душе чувство вины, которое невозможно было изгладить. Следовательно, развращенные люди стремились отвергнуть Библию, чтобы успокоить терзаемую упреками совесть. Фридрих II из Пруссии, атеист и презиравший человечество, стал другом и покровителем Вольтера в его яростных нападках на христианство. Людовик XV, стремившийся поддерживать дружественные политические отношения с Пруссией, не решался преследовать признанного друга прусского короля. Придворные, как правило, с радостью внимали этим учениям неверия, которые освобождали их от ограничений христианской морали. Таким образом, у христианства было

два класса ярых противников. Первыми были те, кто не знал, как отличить христианство от его искажений. Они считали христианство и Папскую церковь единым целым и пытались разрушить ненавистное сооружение как бастилию скорби. Другой класс понимал христианство как систему, осуждающую всякую нечистоту и всегда навязывающую уму окончательное суждение. Они были беспокойны под его оковами и трудились над его свержением, чтобы вина могла найти успокоение в неверии.

Часто выражается удивление по поводу слепоты, с которой высшие классы Старого режима позволяли нападать на свои институты. "Но где, - спрашивает Де Токвиль, - они могли бы научиться лучше? Правящие классы могут узнать об опасностях, которых им следует избегать без свободных институтов, не больше, чем их подчиненные могут понять, какие права они должны защищать в тех же обстоятельствах".[29]

Безмерная расточительность двора ввергла нацию в состояние неизъяснимого финансового замешательства. Все бремя налогов, в бесчисленных формах, для поддержания трона в восточной роскоши, для поддержки знати, которая была, возможно, самой расточительной расой людей, которую когда-либо знал мир; для поддержки Церкви, чьи возвышающиеся духовные лица, не выполняя никаких полезных функций, даже не пытались скрыть свои пороки, и которые часто соперничали с самим монархом в высокомерии и величии; для поддержки армии, когда-либо участвовавшей в экстравагантных войнах и использовавшейся для удержания людей в рабстве... все эти налоги, столь огромные, что погрузили массу людей в состояние крайней бедности, унижения и убожества, обрушились только на непривилегированный класс.

Налоги касались всего. Министру, который смог изобрести новый налог, аплодировали как гениальному человеку. Все должности магистратуры были проданы. Судьи платили огромные суммы за свою должность и стократно вознаграждали себя, продавая свои решения. Таким образом, правосудие превратилось в фарс. Продавались дворянские титулы, которые, вводя покупателя в ряды привилегированного класса, ложились более тяжелым бременем на непривилегированных. Все ремесла были выставлены на продажу. Даже такие скромные занятия, как изготовление париков, взвешивание угля, продажа свинины, считались привилегиями и продавались по высокой цене. Едва ли было что-то, что человек мог бы сделать, чего бы он не был вынужден купить за привилегию делать. Человек, который взялся подсчитать количество этих офисов или профессий, на которые была продана лицензия, устав от своей работы, оценил их более чем в триста тысяч.[30]

Армия из двухсот тысяч сборщиков налогов пожирала все подряд. Чтобы вымогать средства у голодающих людей, были приняты самые жестокие меры. Вся энергия галер, виселиц, темниц и дыб. Когда зерно было съедено полностью, забрали скот. Земля, истощенная из-за недостатка навоза, стала бесплодной. Мужчины, женщины и дети впрягались в плуг. Простирались пустыни, население вымирало, и прекрасная Франция превращалась в место могил.

Люди, облагаемые таким налогом, владели лишь одной третью земли, остальные две трети принадлежали духовенству и знати. Из этой трети люди платили налоги и феодальную повинность знати, десятину духовенству и подати королю. Они не пользовались никакими политическими правами, не могли принимать участия в управлении и не имели права занимать какие-либо почетные должности или получать прибыль. Ни один человек не мог получить должность в армии, если он не предъявил свидетельство, подписанное четырьмя дворянами, о том, что он благородных кровей.

Введение налога было совершенно произвольным. Ни один человек не мог сказать в один год, каким будет его налог в следующий. При начислении налога не было никаких принципов, кроме как вымогать как можно больше. Сборщиков налогов посылали в район для сбора в один год одного миллиона франков, возможно, в следующем году это будет два миллиона. Никаким языком нельзя описать смятение, охватившее скромные крестьянские дома, когда эти бакланы, вооруженные деспотической властью, затемнили их двери. Семенная кукуруза была собрана, корова отогнана, свинья выведена из загона. Матери со слезами умоляют оставить их детям еду, но у шерифа, привыкшего к сценам горя, было каменное сердце. Он всегда ходил в окружении группы судебных приставов, защищавших его от насилия. Страшной была месть, которую он мог обрушить на любого, кто вызывал его недовольство.

Крестьянин, чтобы избежать непомерных налогов, облачался в одежды бедности, одевал своих детей в лохмотья и старательно способствовал разорению своего жилища. "Страх, - пишет де Токвиль, - часто делал сборщика налогов безжалостным. В некоторых приходах он не показывался без группы судебных приставов и последователей за его спиной. "Если его не поддержат судебные приставы, - пишет интендант в 1764 году, - налоги не будут уплачены. Только в Вильфранше шестьсот судебных приставов и сопровождающих всегда начеку". "[31]

Действительно, правительство, казалось, хотело сохранить народ в бедности. Дикари отрубают пленнику ногу или руку, чтобы он был более беспомощен в их власти. Таким образом, эти деспотические короли опустошили бы свои королевства налогами и развязали бы войны, которые истощили бы энергию и парализовали промышленность, чтобы народ, обнищавший и пребывающий в невежестве, мог более покорно склониться под ярмо. Войны, которые с бесконечной монотонностью запечатлены в памятниках истории, в основном велись князьями, чтобы привлечь внимание своих подданных. Когда деспот видит, что общественное внимание направлено или, вероятно, будет направлено на какой-либо из его репрессивных актов, он немедленно начинает какую-нибудь войну, чтобы отвлечь мысли нации. Это неизменный ресурс деспотизма. После того, как несколько сотен тысяч людей были убиты, а миллионы денег растрачены в бессмысленной войне, затем устанавливается мир. Но мир приносит людям мало покоя. Теперь они должны трудиться и голодать, чтобы собрать деньги для покрытия военных расходов. Такова, в общем-то, была история Европы на протяжении тысячи лет. Деспоты желают, чтобы над землей поднялись волны крови, чтобы таким образом можно было заглушить крики угнетенных.

Налоговое бремя было настолько непосильным, что с помощью очень точных расчетов было подсчитано, что если доход с акра земли составлял шестнадцать долларов, король брал десять, герцог, как владелец, пять, оставляя один земледельцу. [32] Таким образом, если мы предположим, что крестьянин со своей женой и детьми обработал сорок акров земли, доходы от которых по шестнадцати долларов за акр составили шестьсот сорок долларов, король, герцог и Церковь забрали шестьсот из них, оставив только сорок долларов на содержание рабочих.

Предположим, что в Соединенных Штатах существует городок площадью двадцать квадратных миль с пятью тысячами жителей. Почти все они возделывают землю и настолько обобраны налогами, что могут жить только в глинобитных лачугах и на самой грубой пище. Одетые в лохмотья, они трудятся в полях со своими женами и дочерьми с непокрытыми головами и босыми ногами. Хижины этих фермеров жмутся друг к другу в жалкой грязной деревушке. В деревне есть несколько лавочников, которые приобрели небольшую собственность и стали несколько интеллигентнее. Есть еще врач, и хирург, и бедный, удрученный, полуголодный приходской священник. На одной из возвышенностей города

находится величественный каменный замок с его башенками, парком и прудом с рыбками. Это массивное сооружение принадлежит герцогу. Устав от деревенского одиночества, он покинул замок и живет со своей семьей в мегаполисе, предаваясь всем его дорогостоящим развлечениям. Его кошелек может быть пополнен только за счет денег, которые он может вымогать у земледельцев, окружающих его замок; а его расходы настолько огромны, что его постоянно беспокоит истощенный кошелек.

Летом на несколько недель он приезжает из мегаполиса в свой замок со своими городскими товарищами, чтобы заняться сельскими видами спорта. В его парке в изобилии водятся дикие кабаны, олени, кролики и куропатки. Кабаны и олени бродят по полям фермеров, вытаптывая и пожирая их урожай; но фермер не должен причинять им вреда, иначе навлечет на себя страшное неудовольствие герцога. Кролики и куропатки наводняют хлебные поля; но герцог издал специальное предписание, согласно которому даже сорняки нельзя трогать, чтобы не спугнуть гнездящихся куропаток, что повредит его летней охоте.

Возможно, половина земли в городке принадлежит герцогу, а фермеры являются простыми арендаторами по своему желанию. В прошлые века около половины земли было продано и находится в собственности тех, кто ее обрабатывает. Но даже они должны ежегодно платить герцогу большую земельную ренту за купленную ими землю. Если фермер желает приобрести несколько акров земли у своего соседа, он должен сначала заплатить определенную сумму герцогу за разрешение совершить покупку. В течение трех или четырех дней в неделю фермер вынужден, в качестве феодальной повинности, работать на полях герцога без вознаграждения. Когда он соберет урожай на своей собственной земле, большую его часть он должен отвезти в зернохранилища герцога в качестве налога. Если ему нужно смолотить зерно, или отжать виноград, или испечь хлеб, он должен пойти на мельницу, к винному прессу и печи герцога и заплатить любую пошлину, которую сочтет нужным вымогать. Часто даже использование ручных мельниц было запрещено, и крестьянину приходилось покупать привилегию размалывать зерно между двумя камнями. Он не мог даже зачерпнуть чашу морской воды и дать ей выпариться, чтобы получить немного соли, чтобы не нарушить монополию короля. Если он хочет вывезти что-либо из своих продуктов на рынок, он должен заплатить герцогу за разрешение выехать на шоссе. Ограбленный таким образом под предлогом обычая и закона, фермер безрадостно трудится от колыбели до могилы, едва имея достаточно пищи и крова, чтобы поддерживать себя в приличном рабочем состоянии; и когда он умирает, он оставляет своих детей на ту же жалкую участь. Таково было положение огромной массы французского народа в течение долгого правления Людовика XV.

Это невыносимое рабство распространилось на все мелочи общественной жизни. Конечно, было невозможно, чтобы массы людей не находились в самом низком состоянии невежества и нищеты. Их хижины, лишенные всего необходимого для цивилизованной жизни, были темными и неудобными, и даже веселье, которым они пытались временами скрасить свои страдания, было бессердечным, спазматическим и меланхоличным.^[33]

В 1785 году Томас Джефферсон писал из Парижа миссис Трист из Филадельфии: "Из двадцати миллионов людей, предположительно проживающих во Франции, я придерживаюсь мнения, что девятнадцать миллионов более несчастны, более прокляты во всех обстоятельствах человеческого существования, чем самый явно несчастный человек во всех Соединенных Штатах".^[34]

В том же году он снова пишет М. Беллини, флорентийский джентльмен, профессор колледжа Уильяма и Мэри: "Я нахожу общее состояние человечества здесь крайне плачевным. Истина наблюдения Вольтера постоянно подтверждает, что каждый человек здесь должен быть либо молотом, либо наковальней".

СНОСКИ:

[22] Воспоминания мадам Кампан о Марии-Антуанетте, том i, стр. 388.

[23] *Ib.*

[24] "Высокопоставленные лица продавали свою землю по частям крестьянству, не оставляя за собой ничего, кроме сеньориальной ренты, которая обеспечивала номинальную, но не существенную компетенцию". *Старый режим, Де Токвиль*, стр. 103.

[25] История Французской революции, М. Рабо де Сент-Этьен, стр. 188.

[26] "Сеньор, - с горечью пишет Монтескье, - это человек, который встречается с королем, разговаривает с министром, имеет предков, долги и пенсии".

[27] "Старый режим", *Де Токвиль*, стр. 18.

"Примечательно, что Евангелие - это не что иное, как декларация прав. Его тайны долгое время были скрыты, потому что они нападали на священников и великих". —*М. Рабо де Сент-Этьен*, стр. 174.

[28] "Должны ли мы тогда сказать, горе философизму, что он уничтожил религию, то, что он назвал "уничтожением мерзости" —*выражение infâtie*? Горе скорее тем, кто превратил Святое в мерзость и тление". —*Карлейль, "Французская революция"*, i, 56.

[29] Старый режим, стр. 175.

Граф Сегюр, пэр Франции, в своих Мемуарах очень откровенно описал чувства, с которыми он и молодые дворяне, бывшие его товарищами, относились к трудам философов:

"Мы были расположены с энтузиазмом принять философские доктрины, исповедуемые литераторами, замечательными своей смелостью и остроумием. Вольтер соблазнил наше воображение. Руссо тронул наши сердца. Мы испытывали тайное удовольствие, видя, что их нападки были направлены против старой ткани, которая представлялась нам готической и нелепой. Мы были довольны этой мелкой войной, хотя она подрывала наши собственные ряды, привилегии и остатки нашей древней мощи. Но мы лично не ощущали этих нападений. Пока это была всего лишь война слов и бумаг, которая, как нам казалось, не угрожала превосходству существования, которым мы наслаждались, закрепленному, как мы думали, многовековым владением".

[30] История французской революции, М. Рабо де Сент-Этьен.

[31] Для получения ужасающего доказательства страданий налогоплательщиков обратитесь к страницам Мишле, *Де Токвиля*, любого писателя о *Старом режиме*.

[32] Артур Янг, том i, стр. 574; Путешествия Маршалла, том iv, стр. 322.

[33] "Необходимо соблюдать осторожность, чтобы не неправильно понимать веселость, которую французы часто проявляли в самых тяжелых условиях. Это просто попытка отвлечь

ум от размышлений о несчастье, которое кажется неизбежным". — *"Старый режим"*, Де Токвиль, стр. 167.

[34] Жизнь Джефферсона, Генри Т. Рэндалл, том i, стр. 432.

ГЛАВА V.

БАСТИЛИЯ.

Абсолютная власть короля.—*Официальные документы.*—Бастилия.—Кардинал Балю.—Харанкур.—Шарль Арманакский.—Констан де Ренвиль.—Герцог Немурский.—Подземелья Бастилии.—*Подземелья.*—Дессо.—М. Массат.—М. Каталан.—Латуде.—Студент.—Апостроф Мишле.

Монархия теперь была настолько абсолютной, что король, не считаясь с законом, полностью распоряжался личностями и имуществом всех своих подданных. Он мог конфисковать имущество любого человека. Он мог отправить любого человека в темницу на всю жизнь без суда и даже без предъявления обвинений. Своим избалованным и распутным фаворитам он привык выдавать запечатанные предписания, *lettres de cachet*, пробелы в которых они могли заполнить любым именем, какое им заблагорассудится. С помощью одного из таких предписаний придворные могли затащить любого человека, вызвавшего их неудовольствие, в одну из темниц Бастилии, где ни один солнечный луч больше никогда не порадовал бы его глаза. Об этих запечатанных судебных приказах мы поговорим позже. Они были самыми ужасными орудиями пыток, когда-либо применявшимися деспотизмом.

Бастилия. У восточного въезда в Париж стояла эта всемирно известная крепость и тюрьма. В мрачном величии его восемь башен затемняли воздух, окруженные массивной каменной стеной толщиной в девять футов и высотой в сто футов. Вся она была окружена рвом глубиной двадцать пять футов и шириной сто двадцать футов. Бастилия была объектом, вызывавшим всеобщий трепет. Никто никогда не мог пройти под его сенью, не задумавшись о вздохах, которые непрестанно раздавались под всеми его сводами. Это была вездесущая угроза, великий оплот деспотической власти, чья угроза приводила в ужас даже самые смелые сердца. Легко отважиться на смерть от пули или гильотины; но кто может отважиться на участь кардинала Балю, который в течение одиннадцати лет был заключен в железную клетку, сконструированную таким образом, что он не мог найти подходящего положения для отдыха; или на судьбу Харанкура, который провел пятнадцать лет в клетке Бастилии, при клепке железных прутьев которой потребовался труд девятнадцати человек в течение двадцати дней? Быть таким образом оторванным от жены, детей и дома и быть на всю жизнь обреченным на неземное горе такой участи, должно ужасать даже самую стойкую душу. Останавливаться на этих деталях больно, но они должны быть известны для объяснения сцен насилия и крови, которые они в конечном итоге породили.

Карл Арманакский был брошен в тюрьму не за какое-либо собственное преступление, а за то, что его *брат* оскорбил Карла XI. Четырнадцать лет он провел в темнице, пока его рассудок не был свергнут с престола, а дух сбит с толку и потерян в бедах маньяка. Константин де Ренвиль, нормандский дворянин, находясь в изгнании в Голландии, был обвинен в написании сатирического стихотворения против Франции. На одиннадцать лет он был замурован в одном из самых отвратительных застенков Бастилии. Судя по всему, он был

человеком истинно набожным и после освобождения написал рассказ об ужасах своей тюрьмы, который потряс слух Европы.

Герцога Немурского обвинили в интриге против Людовика XI. Его оттащили от жены, вызвав в ней такой ужас, что она забилась в конвульсиях и умерла. После двухлетнего тюремного заключения он был приговорен к смертной казни. Был воздвигнут эшафот с отверстиями под досками, и троих его детей поместили под досками с непокрытыми головами, одетых в белые одежды и со связанными за спиной руками, чтобы на них могла пролиться кровь их обезглавленного отца и чтобы его страдания усилились, если он станет свидетелем агонии своих детей. Когда страшная трагедия закончилась, эти нежные дети, младшему из которых было всего пять лет, снова были заперты в одном из самых мрачных склепов Бастилии, где они оставались в течение пяти лет. После смерти Людовика XI. они были освобождены. Двое старших, однако, истощенные лишениями и горем, вскоре умерли. Выжил только младший.

Воображение не может представить себе жилища более отвратительного, чем некоторые из этих ужасных притонов. С холодных каменных стен, покрытых вековой плесенью, постоянно капала вода. Скользкий пол кишел рептилиями и всевозможными паразитами, обитающими в темноте и грязи. Узкая щель в стене толщиной в девять футов пропускала несколько рассеянных лучей света, но не хватало воздуха, чтобы проветрить квартиру, где царила гниль. Немного соломы на полу или на доске, поддерживаемой железными прутьями, вделанными в стену, было единственным местом для отдыха. Тяжелые двойные двери толщиной в семь дюймов, снабженные огромными замками и засовами, так же надежно закрывали пленника от мира и от всех знаний о том, что происходит в мире, как если бы он находился в своей могиле. Его арест часто производился так тайно, что даже его друзья не знали о том, что с ним стало; они не могли навести справки у мрачных дверей Бастилии, и несчастный узник был оставлен умирать неизвестным и забытым в своей темнице. Если по какой-либо счастливой случайности его освобождали, то сначала заставляли дать клятву никогда не отменять того, что он видел, или слышал, или перенес в стенах Бастилии.

Таким образом, любой человек, который становился несносным королю или кому-либо из его фаворитов, немедленно отправлялся в эти темницы отчаяния. Кардинал Ришелье наполнил его камеры жертвами своей тирании. Пленник немедленно получал название своей камеры, и его настоящее имя никогда не произносилось в стенах Бастилии.

Бастилия часто бывала переполнена, но во Франции были и другие Бастилии, достаточно вместительные, чтобы удовлетворить все требования самой неумолимой тирании.

Останавливаться на этих деталях тем более необходимо, что Бастилия была закованной в кольчугу рукой, которой аристократическая узурпация подавляла всякое сопротивление и заглушала всякий ропот. Бастилия, с ее массивными стенами, мрачными башнями и пушками, хмуро глядящими из каждой амбразуры, была ужасающей угрозой, которая держала Францию в подчинении. Это была демоническая душа демонического деспотизма. Внушаемый ужас был настолько ужасен, что часто жертве просто предписывалось одним из ордеров с королевской печатью самой отправиться в темницу. Потрясенный и дрожащий каждым нервом, он ни на минуту не осмелился ослушаться. Пospешив в тюрьму, он предался ее мраку, отчаянно надеясь быстрым повиновением сократить годы своего заточения.

В Бастилии и других тюрьмах Франции были подвалы, называемые *темницами*, в которые бросали несчастную жертву и оставляли умирать в забвении. Обычно они имели форму бутылки с узким горлышком и расширяющимся снизу. В одной из таких массивных каменных гробниц глубиной двадцать два фута и диаметром семнадцать-восемнадцать футов, с узким горлом, через которое можно было просунуть пленника, заключенного оставляли в египетской темноте, среди сырости и плесени веков, и, топча кости тех, кто погиб до него, он проводил долгие часы голода и горя, пока смерть не приходила к нему на помощь. Иногда он задерживался таким образом на годы, время от времени ему подбрасывали еду.

Во Франции было двадцать бастилий. В Париже, помимо Бастилии, было тридцать тюрем, куда люди могли быть заключены без приговора, суда или даже предъявления обвинения. Монастыри были в изобилии снабжены темницами. Все эти тюрьмы находились в распоряжении иезуитов. Они были орудиями пыток. Несчастливая жертва, однажды помещенная в эти камеры, была окутана забвением могилы. У богача отняли его богатство и отвезли туда, чтобы он был забыт и умер. Красавицу, чью добродетель не могли разрушить взятки, затащили в эти покои, чтобы она потакала похоти безжалостных угнетателей. Вопль отчаяния, заглушаемый каменными стенами и железными дверями, достигал только ушей Бога.[35]

Во времена правления Людовика XV. было выпущено сто пятьдесят тысяч таких *официальных документов*, что составляет в среднем две тысячи пятьсот экземпляров в год.[36] Король не мог отказать в незаполненном ордере своей любовнице или придворному. Все, кто имел влияние при дворе, могли получить его. Они распространялись так же свободно, как в этой стране члены Конгресса раздавали свои почтовые франки. Один только Сен-Флорентин пожертвовал пятьдесят тысяч. Эти предписания часто продавались по большой цене. Любой человек, который мог его заполучить, имел в своем распоряжении врага. Едва ли можно представить себе более ужасный деспотизм. Таковы были "*старые добрые времена монархии*", как некоторые безумно называли их. Даже во времена мягкого правления Людовика XVI. было выпущено четырнадцать тысяч *официальных документов*. Давайте войдем в тюрьму и поразмышляем о судьбе пленника.

Джентльмен по имени Дессо оскорбил Ришелье, отказавшись выполнить один из его чудовищных приказов. В полночь отряд солдат ворвался в его комнату, оторвал его от постели и потащил по темным улицам в Бастилию, где предал его заживо погребению в одной из своих холодных сырых гробниц из железа и камня. Здесь, в тишине и одиночестве, лишенный всяких сведений о своей семье, а его семья потеряла всякий след, он прожил одиннадцать лет.

"О, кто может сказать, какие дни, какие ночи он провел
В горе без приливов, без волн, без парусов, без берегов!"

Наконец его тюремщик осмелился сообщить ему, что Ришелье находится на смертном одре. Надеюсь, что в такой час сердце надменного кардинала проникнется сочувствием, он написал ему следующее:

— Милорд, вам известно, что в течение одиннадцати лет вы подвергали меня тысяче смертей в Бастилии - страданиям, которые вызвали бы сострадание, если бы были причинены даже самому нелояльному подданному короля. Насколько же больше тогда следует жалеть меня, обреченного погибнуть здесь за неподчинение приказу, выполнение которого отправило бы меня на страшный суд с окровавленными руками и обрекло бы мою душу на вечные страдания. Ах, если бы вы только слышали рыдания, причитания, стоны, которые вы исторгаете у меня, вы бы быстро освободили меня. Во имя вечного Бога, который будет

судить вас так же, как и меня, я умоляю вас, мой господин, сжальтесь над моим горем и, если вы хотите, чтобы Бог проявил к вам милосердие, прикажите разорвать мои цепи до того, как наступит ваш смертный час. Когда этот час настанет, ты больше не сможешь воздавать мне должное, но будешь преследовать меня даже в своей могиле".

Железнодорожный министр был неумолим и умер, оставив свою жертву все еще в темнице. Там Дессо оставался *пятьдесят лет* после смерти Ришелье. Наконец он был освобожден, проведя шестьдесят один год в отвратительной камере площадью всего в несколько квадратных футов. Разум приходит в ужас при мысли о таких горестях. Все это он перенес в наказание за свои *добродетели*. Разум приходит в ужас при мысли о такой участи. Даже уверенность в том, что после смерти наступит страшный суд, приносит лишь небольшое облегчение. Мишле, неверующий в христианское откровение, возмущенно восклицает: "Хотя я и был заклятым врагом варварских вымыслов о вечном наказании, я обнаружил, что молюсь Богу построить ад для тиранов".

Когда мы вспоминаем, что за одно царствование сто пятьдесят тысяч человек были таким образом заключены в тюрьму; что всем избалованным и распутным фаворитам короля, мужчинам и женщинам, были вручены эти незаполненные ордера, которые они могли заполнить любым именем по своему усмотрению; что таким образом можно было вымогать деньги, нарушать семейную добродетель и что каждый мужчина и каждая семья были таким образом отданы на милость самых подлых придворных приспешников, мы можем только удивляться, что вулкан народного возмущения не разразился быстрее и опустошительнее. Это правда, что во многих других странах Европы положение дел было столь же плохим, если не хуже. Но во Франции богатство и интеллект достигли больших успехов, в то время как в центральной и северной Европе поработанные народы были настолько унижены невежеством, что не имели представления о правах, которых их лишили.

Суд потребовал от богатого человека, месье Массата, шестьсот тысяч ливров (120 000 долларов). Ошеломленный таким разорительным требованием, он осмелился возразить. Его потащили в Бастилию, где только паразиты из его темницы могли слышать его бормотание. Г-н Каталан, другой богатый человек, пережив ужасы такого заключения в течение нескольких месяцев, был рад выкупить его за шесть миллионов ливров (1 200 000 долларов).[37]

Вымогаемые таким образом деньги были растрачены с самым бесстыдным расточительством. Иногда король тратил двести тысяч долларов на развлечения в Версале за одну ночь. Ужасы Бастилии сводили на нет все возражения. "Каменный дублет" был одеянием, которое, как шутливо отмечали придворные, они приготовили для роптавших.

1 мая 1749 года дворянин по имени Латюд был арестован одним из этих *секретных* документов и брошен в Бастилию. Ему было тогда всего двадцать лет, и он оскорбил мадам де Помпадур, притворившись, что против ее жизни был составлен заговор. Тридцать пять лет он оставался в тюрьме, терпя невообразимые ужасы. В 1784 году, через несколько лет после смерти как госпожи, так и ее подданного короля, он был освобожден и написал отчет о своем пленении. Это была ужасная история, которая взволновала слух Европы. Красноречиво, учитывая письма Латуде, Мишле представляет людей восклицающими:

"Святая, святая Революция, как медленно ты приближаешься! Я, который ждал тебя тысячу лет в бороздах Средневековья, что! должен ли я ждать еще дольше? О, как медленно течет время! О, как я считал часы! Неужели ты никогда не придешь?"

Молодой человек в иезуитском колледже за час бездумности сочинил сатирический латинский отрывок, потешаясь над слабостями профессоров и короля. Ему немедленно вручили *секретную* грамоту, и в течение *тридцати одного года*, пока молодость и возмужалость не уступили место старости, он оставался стонущим заживо погребенным в одной из темниц Бастилии. Одним из первых актов Революции было разрушение этих отвратительных стен и распашка самого их основания.

Принимая во внимание изложенные здесь факты, нельзя не поражаться тому, как многие говорят о Французской революции, как будто это была просто вспышка человеческой порочности. "Берк понятия не имел, - пишет Де Токвиль, - в каком состоянии оставила нас монархия, о чем он так глубоко сожалел". Мишле, пылая негодованием, которое воспламенило сердца его отцов, восклицает: "Наши отцы разнесли Бастилию на куски, окровавленными руками оторвали от нее камни и зашвырнули их подальше. Позже они снова схватили их и, придав им другую форму, чтобы народ навсегда растоптал их ногами, построили из них Мост Революции".[38]

СНОСКИ:

[35] Исторический взгляд на Французскую революцию, Ж. Мишле, i, 66.

[36] История Бастилии, Сборник Камер.

[37] Старый режим, стр. 191.

ГЛАВА VI.

СУД И ПАРЛАМЕНТ.

Смерть Людовика XV.—Воспитание Людовика XVI.—Морепа, премьер-министр.—Тюрго; его отстранение от должности.—Неккер.—Франклин.—Симпатии к американцам.—Лафайет.—Взгляды двора.—Договор с Америкой.—Популярность Вольтера.—Конфуз Неккера.—*Королевская битва*.—Неккер отправлен в изгнание.—Порабощение Франции.—Новая расточительность.—Калонн.

Когда часы Версаля пробили двенадцать часов ночи 10 мая 1774 года, Людовик XV, покинутый всеми, один в своей комнате, умер. На самых отвратительных стадиях слившейся оспы его тело в течение нескольких дней представляло собой лишь массу разложения. Ужас выгнал всех придворных из той части дворца, которую он занимал, и даже мадам Дюбарри не осмеливалась приблизиться к постели, на которой умирал ее виновный любовник. Нанятая для ухода за ним сиделка не могла оставаться в квартире, а сидела в соседней комнате. У окна была установлена лампа, которую она должна была погасить, как только король умрет. Придворные с нетерпением следили за проблеском этого света, чтобы первыми сообщить Людовику, внуку короля, весть о том, что *он* стал монархом Франции.

Людовику тогда едва исполнилось двадцать лет.[39] Его жене, Марии-Антуанетте, дочери Марии Терезии, королевы Австрии, едва исполнилось девятнадцать. Они были женаты четыре года. Мария-Антуанетта была одной из красивейших женщин, но с младенчества ее воспитывали в вере, что короли и знать созданы для того, чтобы иллюстрировать жизнь весельем и великолепием, а люди созданы только для того, чтобы быть их слугами.[40]

Свеча погасла, и толпа придворных бросилась в апартаменты дофина, чтобы приветствовать его как Людовика XVI. Новость, хотя и ожидаемая, на мгновение ошеломила их обоих, и, заключив друг друга в объятия, они упали на колени, а Людовик воскликнул: *"О Боже! направь нас, защити нас, мы слишком молоды, чтобы править."*^[41] Затем они вошли в большой салон, где приняли поздравления всех высокопоставленных лиц Церкви и государства. Всем не терпелось сбежать из дворца, атмосфера которого была испорчена, и не прошло и часа, как новый двор в экипажах и верхом на лошадях покинул Версаль и быстро направлялся в замок Шуази, один из любимых сельских дворцов Людовика XV. Отвратительные останки короля были оставлены на попечение нескольких младших слуг, которых поспешили похоронить.

Еще не было четырех часов утра. Бессонная ночь, холодный утренний воздух, ужасная сцена смерти, из которой они вышли, угнетали всех. Вскоре, однако, взошло теплое и ослепительное солнце; шутливое замечание рассеяло душевный мрак, и через два часа они прибыли во дворец веселой компанией, ликующей по поводу нового правления. Образование Людовика XVI. было таково, что он был всего лишь мальчиком, застенчивым, не доверяющим себе и совершенно неспособным вести королевство сквозь ужасающую бурю, которая собиралась веками. Он не имел ни малейшего представления об опасностях, которыми была окружена Франция. Это был чрезвычайно любезный молодой человек, с необычайно чистыми для того развращенного века нравами, скромный и домашний по своим вкусам, искренне желавший способствовать счастью Франции. География была единственной областью знаний, к которой он, по-видимому, проявлял какой-то особый интерес. Он с большой проницательностью составил инструкции для кругосветного путешествия Лаперуза в 1786 году и часто сетовал на судьбу этого знаменитого мореплавателя, говоря: *"Я очень хорошо вижу, что мне не повезло"*.^[42] Каким таинственным было правление Бога, что на голову этого великодушного, добросердечного, добросовестного короля были опорожнены, даже до дна, те сосуды гнева, которые развратные и расточительные монархи копили на протяжении стольких царствований!

LOUIS XVI. И ЛАПЕРУЗ.

Луи не обладал сильным характером и, лишенный уверенности в себе, полностью полагался на других. По предложению своей тети Аделаиды он назначил на пост премьер-министра графа Морепа, которому было восемьдесят лет и который, будучи изгнан из Парижа мадам де Помпадур, уже тридцать лет жил на пенсии. Таким образом, Франция была передана в эти часы опасности королю в его детстве и премьер-министру в старческом маразме. Было ли это случайностью? Было ли это Провидением? Облака и тьма окружают Божий престол!

Господин Тюрго был назначен на чрезвычайно трудный и опасный пост - управлять финансами. Он приобрел большую репутацию благодаря мастерству, с которым в течение двенадцати лет руководил правительством провинции Лимузен. Королевство Франция уже было в долгу более чем на четыре тысячи миллионов франков (800 000 000 долларов).^[43] Поскольку доходов ни в коем случае не было достаточно для выплаты процентов по этому долгу и покрытия расходов правительства, постоянно прибегали к новым займам, и национальное банкротство было на грани. Продолжать занимать означало разорение; обложить народ более высокими налогами было невозможно. Можно было принять только две меры. Один из них состоял в том, чтобы провести широкомасштабную и жесткую экономическую реформу, урезав зарплаты, отменив пенсии и синекуры, а также внедрив бережливость в увеселительные заведения двора. Тюрго был слишком хорошо знаком с привычками придворных, чтобы мечтать, что во власти какого-либо министра провести в жизнь эту реформу. Оставался только план побудить духовенство и знать позволить обложить себя налогами и, таким образом, нести справедливую долю расходов государства. Тюрго полностью понимал, какая титаническая задача стояла перед ним при попытке осуществить эту меру, и в письме королю он писал:

"У нас не будет ни банкротств, ни увеличения налогов, ни займов. Мне придется бороться со злоупотреблениями любого рода, с теми, кому они приносят пользу, и даже с добротой, сир,

присущей вашей собственной натуре. Меня будут бояться, ненавидеть и клеветать; но трогательная доброта, с которой вы пожали мои руки в своих, чтобы засвидетельствовать принятие моей преданности вашему служению, никогда не изгладится из моей памяти и должна поддерживать меня в любых испытаниях".[44]

Нескольким реформаторским мерам Тюрго привилегированный класс подчинился, хотя и с неохотой и со многими ропотками; но когда он предложил справедливо и одинаково взимать налог с собственников любого типа, со стороны знати раздался взрыв негодующих возражений, которые заглушили его голос. Предполагать, что *высокородный* мужчина должен облагаться налогом, как *низкородный*, было слишком тяжким оскорблением, чтобы его вынести. Весь привилегированный класс немедленно объединился, решив сокрушить дерзкого министра, таким образом внедрив доктрину равного налогообложения в суд аристократических привилегий.

Мадам Дюбарри в своем "любимчике" четырьмя годами ранее упразднила парижский парламент, который полностью находился под контролем аристократии. Людовик XVI, стремясь к популярности, восстановил парламент. К несчастью для реформы, у дворян теперь был организованный орган, с помощью которого они могли оказать сопротивление. Парламент, духовенство, старый министр Морепа и даже молодая королева - все объединились в шумной атаке на Тюрго, и он был изгнан из министерства, пробыв на своем посту всего двадцать месяцев.[45] Парламент категорически отказался зарегистрировать отвратительный указ. Неопытный и робкий король, напуганный шумом, сдался и покинул своего министра. Если бы король был тверд, он, возможно, добился бы своего; но недостаток способностей приводит к таким же катастрофическим результатам, как предательство, а король, хотя и руководствовался лучшими намерениями, был невежественным и неэффективным. Хотя король вершил *правосудие*,[46] и приказал зарегистрировать указы, они остались мертвыми буквами и никогда не приводились в исполнение.

В Париже жил богатый протестантский банкир, уроженец Женевы, пользовавшийся большой финансовой известностью, Неккер. Его призвали занять место Тюрго. Предупрежденный судьбой своего предшественника и видя, что перед ним стоят точно такие же трудности, он решил прибегнуть к экономии, урезав пенсии и отменив синекуры. Но дворянам в Церкви и государстве это не понравилось так же сильно, как и то, что их обложили налогами, и немедленно их шум возобновился.[47]

Как раз в это время началась американская война за независимость. Вся Франция была в состоянии энтузиазма при виде героического народа, борющегося за свободу. И когда в Париже появилась американская делегация во главе с Франклином, все сердца захлестнул поток, которому не могли противостоять ни король, ни знать. Республиканская простота Франклина в его одежде и манерах произвела необычайное впечатление на все классы общества. Французские дамы, в частности, были щедры на знаки внимания. В его честь было дано несколько праздников, на одном из которых самая красивая из трехсот дам увенчала его лавровым венком, а затем расцеловала в обе щеки. Почти каждый салун был украшен его бюстом с надписью: "Эрипуит кло фульмен, скипетр тиранниса".

Весь скрытый дух свободы, который так долго медленно накапливался, вырвался наружу с силой, встревожившей двор. Немало дворян, испытывавших отвращение к аристократическому гнету, разорявшему Францию, отдали свои симпатии американскому делу. Маркиз Лафайет, которому тогда было всего восемнадцать лет, открыто и с энтузиазмом аплодировал борьбе колонистов. Мария-Антуанетта, инстинктивно ненавидевшая войну, в которой народ сражался против королевской власти, выразила

большое возмущение тем, что Лафайет высказывает такие чувства в Версальском дворце. Иосиф II. уроженец Австрии, брат Марии-Антуанетты, находившийся в то время с визитом при французском дворе, был спрошен одной дамой его мнением о предмете, который теперь занимал умы всех. Он ответил: "Я вынужден отказаться отвечать; мое дело - быть роялистом" (*Мое призвание - быть роялистом*).[48]

Вряд ли сейчас возможно представить себе энтузиазм, с которым американская война в то время вдохновляла Францию. Даже двор ненавидел Англию и желал видеть, как эта деспотичная держава будет унижена. Разум нации только что пробудился и был полностью пробужден от вековой летаргии. Теории, мечты, стремления исчерпали себя, и все же во Франции не было никакого простора для действий. Америка открыла театр героических подвигов. Франция выдвинула теорию свободы, Америка иллюстрировала эту теорию практикой. Народный клич настолько эффективно заглушил все остальные голоса, что даже король был вынужден уступить. Был подписан договор с Америкой, который привлек из казны Франции тысячу двести миллионов франков (240 000 000 долларов) в поддержку независимости Америки.[49] Если бы не существенная помощь, оказанная таким образом флотом и армией Франции, вряд ли можно сомневаться, что американская революция была бы подавлена, Вашингтон и Франклин были бы повешены как предатели, а монархические историки элегантно описали бы ужасы великого американского восстания.[50]

Король, однако, обладал достаточным умом, чтобы оценить самоубийственный поступок, который он был вынужден совершить. С крайней неохотой он подписал договор, который признавал право наций менять свое правительство. Доктрина *суверенитета народа*, таким образом, была узаконена во Франции. Одно это чувство, которому никто не сопротивлялся, могло смести Европу с ее деспотических тронов. Когда король подписывал договор 8 февраля 1778 года, он заметил своему министру: "Вы должны помнить, сэр, что это противоречит моему мнению".[51] Та же слабость, которая сдерживала Людовика XVI. выдать Тюрго его врагам вынудило его совершить этот поступок, который осуждался его взглядами на государственную политику. "Как больно, - пишет он в своей частной переписке, - быть вынужденным по государственным соображениям подписывать приказы и начинать большую войну, противоречащую в равной степени моим мнениям и моим желаниям".[52]

В разгар этих событий Вольтер после двадцатисемилетнего отсутствия, большую часть которого он провел в своем убежище в Ферне, примерно в пяти милях от Женевы, вновь посетил Париж. Ему было тогда восемьдесят четыре года. Суд возненавидел дерзкого поборника коррупции и отказался принять его. Но население приветствовало его с беспрецедентным энтузиазмом. Он посетил театр, где шла его последняя пьеса "Ирэн". Сразу же после его появления вся публика встала и приветствовала его долгими и бурными аплодисментами. Когда, переполненный эмоциями, он поднялся, чтобы уйти, с дрожащими конечностями и залитыми слезами глазами, мужчины самого высокого ранга и красивые женщины столпились вокруг него и буквально понесли его на руках к карете. Он смог только воскликнуть: "Ты хочешь убить меня от радости?" Толпа с зажженными факелами заполнила улицы, освещая его путь как днем, и раздались торжествующие крики, которые привели в ужас придворных в залах дворца. Через несколько недель после этого, 30 мая 1778 года, Вольтер умер. Архиепископ Парижский отказался разрешить ему христианское погребение, и суд запретил упоминать о его смерти в публичных журналах. Его тело вывезли из города и тайно похоронили в старом аббатстве в Шелльере. Это мелкое преследование только разозлило друзей реформы. Через месяц после смерти Вольтера Руссо тоже отошел в страну духов.

Положение Неккера теперь было плачевным. Королевство было вовлечено в чрезвычайно дорогостоящую войну. Суд не согласился бы ни на какое уменьшение своих поблажек, а привилегированный класс не согласился бы на обложение налогами. Неккер был почти в отчаянии. Он брал займы у каждого, кто давал займы, и у и без того измученных людей с печалью, почти с тоской вытягивал каждое су, которое могли выманить самые хитроумные налоги.

"Я никогда не забуду", - написал он, в 1791 году, "после длинной, темной лестницей М. Морепла, ужас и тоска, с которой я привык подниматься по ней, не зная, успех той или иной идеи, что пришло мне в голову, вероятно, если бы в действие, чтобы произвести увеличение доходов, но и вероятно, в то же время сурово но справедливо по той или другой; такая нерешительность и неуверенность, с которой я рискнула смешиваются в моем пред- ний любой из этих сентенций справедливости и права, с которой мое сердце оживилось."

Какое-то время Неккеру удавалось привлекать деньги с помощью займов и аннуитетов, но в конце концов найти кредиторов стало сложнее, и национальное банкротство казалось неизбежным. А что такое национальное банкротство? Это паралич промышленности и широко распространяющийся ужас и горе. Тысячи вдов и сирот получили все свое достояние в национальных фондах. Отсутствие этих средств обернулось для них разорением и голодной смертью. Больницы, школы, приюты для престарелых и немощных — все лишилось бы поддержки. Тысячи людей, работающих в правительстве, и те, кто зависит от них, остались бы в крайней нужде. Банкротство одинокого торговца может привести к бедности многих семей — банкротство нации вызывает бледность на щеках и боль в сердцах миллионов.

В этой ситуации Неккер принял смелое решение опубликовать честный отчет о состоянии финансов, чтобы нация, знать и неимущие могли увидеть разрушение, к которому скатывалось государство. Неккер полагал, что, если бы факты были представлены справедливо, привилегированный класс, ввиду неизбежного в противном случае разорения, согласился бы платить свою долю налогов, что, очевидно, было бы единственной возможной мерой, которая могла бы остановить катастрофу. Следовательно, в 1781 году он опубликовал свою знаменитую книгу *"Свидание с королем"*. Впечатление, которое произвела эта брошюра, было поразительным. Немедленно было разослано двести тысяч копий, и ужасающее откровение разошлось с электрической скоростью по всей стране. Ее читали в салуне, в мастерской и в "Гамлете". Группы тех, кто не умел читать, собирались по всем углам, чтобы послушать, как ее читают другие.

"Мы омочивали нашими слезами, - пишет г-н Рабо де Сент-Этьен, сыгравший в те дни выдающуюся роль, - те страницы, которые гражданин министр запечатлел светлыми и приятными отблесками и где он обращал все свое внимание на процветание французов с чувством, заслуживающим их благодарности. *Народ* благословил его как своего спасителя. Но все те, кто питался злоупотреблениями, объединились против человека, который, казалось, собирался отнять у них их добычу".

Неккер желал ввести в правительство какой-нибудь популярный элемент. Теперь существовала многочисленная группа людей, принадлежащих к непривилегированному классу, энергичных и просвещенных, чей голос должен быть услышан в управлении делами как представителей народа. Поэтому он рекомендовал создать провинциальные парламенты в различных департаментах Франции, в некоторой степени соответствующие нынешним законодательным органам Соединенных Штатов. В некоторых провинциях уже существовали парламенты, но они состояли исключительно из привилегированного класса. Тюрго также

рассматривал провинциальные законодательные органы, которые он хотел бы создать как орган *народа* и состоять только из членов высших эшелонов власти.^[53] Неккер, однако, надеялся примирить дворян, предоставив привилегированному органу равное представительство с непривилегированным в этих собраниях. Одна половина должна была быть представителями духовенства и знати, а другая половина - народа, хотя народ насчитывал миллионы, в то время как духовенство и знать насчитывали всего лишь тысячи.

Отчет Неккера показал, что проценты по государственному долгу поглощают треть доходов; что оставшихся двух третей ни в коем случае не хватает для содержания правительства и что, следовательно, бремя постоянно увеличивается из-за займов и накоплений.^[54] Предложения Неккера предоставить народу право голоса в управлении делами и обложить налогом высокородных мужчин наравне с низкородными вызвали ожесточенную оппозицию. Шторм стал слишком свирепым, чтобы ему можно было противостоять. И король, и премьер-министр поддались его ярости, и Неккер, как и Тюрго, был с позором изгнан из министерства и отправлен в изгнание. Сердца людей последовали за поверженным министром к его отступлению. Эти безобразия лишь сделали более заметной грань, отделявшую привилегированных от непривилегированных, и воодушевили и объединили массы. Знаменитый финансист, выйдя на пенсию, написал свой знаменитый труд об управлении финансами, труд, который внес большой вклад в просвещение общественного сознания.^[55] Интеллект нации, как никогда раньше, был привлечен к обсуждению государственных дел. В гостиной, бухгалтерии, мастерской, на ферме и в поле все были заняты обсуждением одной великой темы, которая привлекла всеобщее внимание. И все же знать и ее сторонники с необъяснимым увлечением сопротивлялись всем мерам реформы; своеобразная иллюстрация римской пословицы "Кем является Бог вульв пердере приускам деменат" (*кого Бог хочет уничтожить, того он сначала сводит с ума*).

Действительно, оппозиция была достаточно грозной, чтобы привести в ужас любого министра. Там было восемьдесят тысяч дворян, унаследовавших гордость и престиж феодальной власти, и тысячи, зависевшие от их улыбок, сплотились вокруг них как союзники. В армии были офицеры, которые были либо потомственными дворянами, либо, что еще хуже, богатыми людьми, купившими дворянские титулы. Существовало сто тысяч человек, которые различными путями приобрели иммунитет от бремени государства и, таким образом, находились в пределах привилегированного класса, которых ненавидел народ, хотя и презирала знать. Существовало двести тысяч священников, связанных сильнейшими из возможных узами с иерархией, - скромный класс, зависящий в своем положении и хлебе насущном от своих духовных владык и обязанный самыми торжественными клятвами повиноваться своим начальникам. И эти священники, которым были доверены ключи от рая и ада, как предполагали непросвещенные массы, держали миллионы людей в подчинении у самых непокорных сил суеверия. В уединенных помещениях монастырей проживало шестьдесят тысяч человек, многие из которых были до крайности распущены и по необходимости подчинялись духовенству. Там были главные фермеры, сборщики податей и вся огромная армия чиновников, которые были всего лишь агентами двора.

"Эта огромная масса людей, - говорит г-н Рабо де Сент-Этьен, - владела всей Францией. Они держали ее в тысяче цепей. Они объединились в то, что было названо *высокой нацией*. Всем остальным были люди".^[56]

Хотя привилегированный класс и его иждивенцы, которых мы перечислили выше, насчитывали всего несколько сотен тысяч, возможно, не пятьсот тысяч в целом, а народ насчитывал около двадцати пяти миллионов, все же вся власть принадлежала аристократии. Основная масса людей была просто рабами, безоружными, неорганизованными, необразованными. Они были унижены и удручены веками угнетения и не имели возможности объединиться или произнести единый голос, который был бы услышан.

Сразу же после М. Неккера в министерстве финансов пришли М. Флери и М. д'Ормессон. Они оба были честными людьми с благими намерениями, но вскоре были раздавлены бременем, которое ни один из них был вообще не в состоянии вынести. Их имена почти не запоминаются. Морепа к тому времени был мертв. Американцы с помощью Франции добились независимости, и Франция и Англия снова обрели мир. Теперь король избрал министром финансов г-на де Калонна из парламента. Он был человеком блестящего гения, с удивительно изысканными манерами, но распущенным и экстравагантным. Король надеялся, избрав Калонна, ослабить оппозицию парламента, которая с каждым днем становилась все более ожесточенной против короны. Какое-то время новый министр пользовался огромной популярностью. Его высокая репутация финансового специалиста и его обходительность позволили ему получить крупные займы; и благодаря продаже и закладу имущества короны ему удалось на несколько месяцев получить денег в избытке. Двор снова взбунтовался, предаваясь сладострастию. Прекрасный дворец Сен-Клу был куплен у герцога Орлеанского для королевы, и на его украшение были потрачены огромные суммы. Дворец Рамбуйе был приобретен как охотничье поместье для короля. Мария-Антуанетта устраивала в Версале бесчисленные дорогостоящие развлечения, и ходили слухи о сценах безмерной экстравагантности, которые там демонстрировались. Благонамеренный, слабоумный король, не имевший вкуса к придворным удовольствиям и способностей к управлению делами, либо не сознававший опасности, грозящей государству, либо отчаявшийся найти какое-либо средство, оборудовал мастерскую в Версале, где большую часть своего времени проводил в кузнице под руководством кузнеца, мастера замки и ключи. Этот человек, Гамин, записал:

"Король был добрым, снисходительным, робким, любопытным, любил поспать. Он страстно любил работать кузнецом и прятался от королевы и двора, чтобы вместе со мной подпиливать и ковать изделия. Чтобы установить его наковальню и мою, неизвестную всему миру, пришлось прибегнуть к тысяче хитростей".[\[57\]](#)

Существует тайная сила, называемая *общественным кредитом*, которая быстро приведет такую карьеру к завершению. Государственный кредит к этому времени был исчерпан. Больше денег нельзя было занимать. Налоги на некоторое время вперед уже были заложены в счет погашения займов. Люди, раздавленные своим бременем, не могли вынести никакого увеличения налогов. Казалось, наступил кризис. Теперь Калонн осознал свое положение и был подавлен масштабом трудностей, в которые он был вовлечен. Существовал только один способ возмещения ущерба — *немедленное сокращение расходов и включение привилегированного класса в процесс начисления налогов*. Кто бы ни пытался это сделать, он был разгромлен аристократическим парламентом. Сможет ли Калонн добиться успеха? После долгих и тревожных размышлений он осознал, что будет невозможно убедить парламент согласиться на такую реформу, что было бы очень опасно созывать заседание Генеральных штатов, где *народ* мог бы заявить о себе, и все же было важно иметь какой-нибудь общественный орган, на который он мог бы опереться в поисках поддержки. Поэтому он рекомендовал королю созвать собрание знати, состоящее из таких лиц, которых король

выберет из духовенства, знати и магистратуры, все они принадлежат к привилегированному классу. Такое собрание никогда не созывалось с тех пор, как Ришелье созвал его в 1626 году.

LOUIS XVI. КАК СЛЕСАРЬ.

СНОСКИ:

[38] Исторический взгляд на Французскую революцию, Ж. Мишле, том I, стр. 64.

[39] Людовик XVI. родился 22 августа 1754 года. В мае 1770 года, когда ему не исполнилось и шестнадцати, он женился на Марии-Антуанетте. В мае 1774 года он хотел, чтобы через три месяца ему исполнилось двадцать лет. Мария-Антуанетта родилась 2 ноября 1755 года. Ей было всего четырнадцать лет и шесть месяцев, когда она вышла замуж. Ей было всего восемнадцать лет и шесть месяцев, когда она стала королевой Франции.—*Американская энциклопедия*.

[40] "Прошло шестнадцать или семнадцать лет с тех пор, как я видел королеву Франции в Версале; и, конечно, никогда еще на этом шаре, к которому она, казалось, едва прикасалась, не возникало более восхитительного видения! Я видел ее прямо над горизонтом, украшающую и подбадривающую возвышенную сферу, в которой она только начала двигаться, сверкающую, как утренняя звезда, полную жизни, великолепия и радости". — *Размышления Берка*.

[41] Мемуары Марии-Антуанетты, мадам Кампан, I, 75.

[42] Американская энциклопедия, статья Людовика XVI.

[43] Американская энциклопедия, статья Людовика XV.

[44] Краткое изложение революции, рассказ М. Лакретеля.

[45] "На самом пороге бизнеса он должен предложить обложить налогами духовенство, дворянство, сам парламент! Крик негодования и изумления разносится по всем галереям замка. Месье де Морепа вынужден возвращаться. Бедный король, который несколько недель назад написал (Тюрго): *"Я хочу, чтобы ты и мои люди стремились к народу"* ("Никто, кроме нас с тобой, не любил народ"), теперь должен написать заявление об увольнении и позволить Французской революции свершиться мирно или нет, как она может". —*Карлайл, Французская революция*, i, 41.

"Дворяне и прелаты, по-видимому, считали себя униженными, если им приходилось вносить свой вклад в ремонт дорог; и они, без сомнения, заявили бы, что их достоинство и их существование, сами права собственности находятся под угрозой, если бы они сейчас, впервые в истории монархии, подверглись визитам сборщика налогов". —*Лекции о Французской революции, Wm. Смит*, том i, стр. 102.

[46] *Правосудие* представляло собой судебное разбирательство, в ходе которого король со своим двором направлялся в парламент и там, восседая на троне, регистрировал в своем присутствии те указы, которые парламент не одобрил. —*Американская энциклопедия*.

[47] Нет необходимости упоминать Де Ключи, который сразу же сменил Тюрго, но занимал свой пост всего шесть месяцев и ничего не предпринимал.

[48] *Женщина во Франции*, Джулия Кавана, стр. 211. Воспоминания Марии-Антуанетты, мадам Кампан, том i, стр. 375.

[49] *История. Фил. de la France, par Ant. Фантен Десодоард*, т. i., стр. 28. Одуэн утверждает, что война обошлась Франции с 1778 по 1782 год в тысячу четыреста миллионов ливров (280 000 000 долларов).

[50] "Королева никогда не скрывала своей неприязни к американской войне. Она не могла себе представить, как кто-либо мог посоветовать монарху стремиться к унижению Англии путем нападения на суверенную власть и оказания помощи народу в организации республиканской конституции. Она часто смеялась над энтузиазмом, с которым Франклин вдохновлял французов". — *Воспоминания мадам Кампан о Марии-Антуанетте*, ii, 29.

[51] *Лекции о. преподобного*, написанные Wm. Смит, i., 109.

[52] *Cor. Conf. de Louis XVI.*, ii., 178.

[53] *Лекции Уильяма Смита о Французской революции*, i., 115.

[54] "Представление о том, что наши болезни не поддаются лечению и что никакой человеческий разум не может их излечить, усугубляло всеобщую скорбь. Мы увидели, что погружаемся в пучину долгов и государственных обязательств, одни только проценты по которым поглощали третью часть доходов и которые, отнюдь не будучи пущены в ход ликвидации, постоянно накапливались за счет займов и предвосхищений". —*История Французской революции, М. Рабо де Сент-Этьен*, том i, стр. 19.

[55] "Итак, Неккер, подобно Атласу, несет финансовое бремя в течение пяти лет. Без жалования — ибо он отказался от него, — поддерживаемый только общественным мнением и заботой своей благородной жены. Он тоже должен разработать свою схему налогообложения; духовенство, дворянство должны облагаться налогами - как простой

тюрго. Пусть Неккер тоже уйдет; не без сожалений". —*Карлайл, "Французская революция", том i, стр. 46.*

[56] М. Рабо де Сент-Этьен, том i, стр. 22.

[57] Воспоминания о правлении Людовика XVI, аббата Сулавизэ, том ii., стр. 191.

ГЛАВА VII.

СОБРАНИЕ ЗНАТИ.

Меры Бриенны.—Ложе правосудия.—Протест парламента.—Парламент изгнан.—Представление парламента.—Герцог Орлеанский.—Изменнические планы герцога Орлеанского.—Беспокойство королевы.—Бриллиантовое ожерелье.—Месье, брат короля.—Вещица.—Отчаяние Бриенны.—Указ об упразднении парламентов.—Энергия суда.—Арест Д'Эспремения и Гойслара.—Беспорядки в Гренобле.—Ужасная гроза с градом.

Нотабли, числом сто сорок четыре человека, почти все духовные лица, дворяне или облагороженные, собрались в Версале 29 января 1787 года. Калонн ожидал, что этот орган, тщательно отобранный королем, посоветует всем орденам действовать сообща и беспристрастно нести бремя налогообложения. Опираясь на моральную силу этого совета, он надеялся, что мера может быть приведена в исполнение. Он представил свое изложение событий. Хотя он пытался скрыть худшее, известные люди были потрясены. За несколько лет было занято триста пятьдесят миллионов долларов, а ежегодный дефицит составлял тридцать пять миллионов долларов.[58] Он осторожно предложил свой план беспристрастного налогообложения. Это послужило сигналом к общей атаке на обреченного министра. Его буквально заглушили свистом. Не только Собрание знати, но и духовенство, парламент, зная по всему королевству набросились на него, возглавляемые даже королевой и архиепископом Парижа; и Калонн, оставшись без друга, был вынужден сложить с себя полномочия и бежать из Франции.[59]

Духовенство было чрезвычайно разгневано Калонне, поскольку сочло предложение обложить налогом имущество Церкви святотатством. Самым активным из противников Калонна был Бриенн, архиепископ Тулузы. Он был смелым, решительным, амбициозным человеком и под влиянием королевы был назначен преемником Калонна. "Поскольку общественное доверие было утрачено, - сказал шутник, - был вызван архиепископ, чтобы похоронить останки".[60] Дух недовольства и угрозы с каждым днем становился все более распространенным и тревожным, а Революция набирала силу.

Среди собравшихся таким образом знаменитостей было несколько горячих сторонников народной свободы. Лафайет был, пожалуй, самым заметным из них. Он смело выступал против *lettres de cachet* и других злоупотреблений. Граф д'Артуа, впоследствии Карл X, упрекал его за эту вольность. Лафайет твердо, но с осторожностью ответил: "Когда знатного человека вызывают высказать свое мнение, он должен высказать его".[61]

Одним из первых действий Бриенна было упразднение Собрания знати.

Их сессия продолжалась всего девять недель и была распущена 25 мая 1787 года. Затем он некоторое время боролся среди неразрешимых затруднений, пока не был вынужден предложить ту же меру, которая уже трижды с презрением отвергалась и которая с позором изгнала трех министров из Парижа, — *обложение дворян налогами*. Он сделал все, что было в его силах, чтобы подготовить почву для этого предложения, и соединил этот неприятный законопроект с другим, менее неприятным, надеясь, что они оба могут быть приняты вместе. Но духовенство и знать были начеку.

Две трети территории королевства были захвачены Церковью и знатью. Только одна треть принадлежала народу. Бриенн предложил ввести *территориальный налог, который должен был бы одинаково ложиться на всех землевладельцев*. Мгновенно раздался крик негодования со стороны всего привилегированного класса, и крики "Долой его!", "Выгоните его вон!" разносились от замка к замку и от монастыря к монастырю.

Это был *обычай*, а не закон, согласно которому ни один королевский указ не мог вступить в силу до тех пор, пока он не был зарегистрирован парламентом; и это был *обычай*, а не закон, согласно которому, если парламент отказывался зарегистрировать указ, король мог провести то, что называется *судом*; то есть мог вызвать парламент в свое присутствие и приказать зарегистрировать указ. Поскольку король мог изгнать, заключить в тюрьму или обезглавить любого человека по своему усмотрению, ни один парламент до сих пор не осмелился ослушаться королевского приказа.

Парламент отказался зарегистрировать указ, облагающий имущество духовенства и знати. Король безапелляционно вызвал к себе весь непокорный корпус. Это было 6 августа 1787 года. В огромной веренице экипажей все участники, числом около ста двадцати человек, выехали из Парижа в Версальский дворец. Там король собственными устами приказал им зарегистрировать указ. Повинуясь королевскому приказу, он был зарегистрирован, и парламент, угрюмый и раздраженный, снова откатился в метрополию. Люди созерцали эту сцену в молчаливом ожидании, и тысячи людей окружили парламент по его возвращении и приветствовали их одобрительными возгласами.

Ободренный сочувствием народа в этом конфликте с судом, парламент отважился внести в свои протоколы протест против насильственной процедуры; и, чтобы получить еще больше силы от народного одобрения, они выступили со странным заявлением, что парламент вообще не компетентен регистрировать налоговые указы; что для принятия этого акта необходим авторитет трех сословий королевства, созданных в Генеральных штатах. Это была действительно неслыханная доктрина, поскольку парламент веками регистрировал подобные указы. Это, однако, соответствовало своей цели; это сразу и с энтузиазмом привлекло народные массы на их сторону.

Этот призыв к Генеральным штатам был первым решающим шагом к привлечению людей на места. Шумные толпы окружили дворец, где проводил свое заседание парламент, и с хлопками в ладоши и криками восприняли известие о принятых резолюциях. Король, возмущенный, издал *letters de cachet* ночью 14-го, а на следующее утро все они были арестованы и отправлены в экипажах в ссылку в Труа, унылый город примерно в ста милях от Парижа. Благословения народа последовали за парламентом; [62] "ибо бывают ссоры, - говорит Карлейль, - в которых даже сатана, приносящий помощь, не был нежеланным гостем".

Париж теперь был охвачен волнениями. На стенах были развешаны вызывающие плакаты, а на улицах происходили разгневанные собрания. Два брата короля, впоследствии Людовик XVIII. и Карл X., въехали в Париж в парадных экипажах, чтобы вычеркнуть из протоколов парламента возмутительные протесты и резолюции. Они пришли с хорошо вооруженной свитой. Бушующие толпы хмурились и шипели, и были рассеяны только блеском меча.

В течение месяца парламент оставался в Труа, чрезмерно устав от изгнания. Тем временем у Бриенны не было денег, и она не могла их раздобыть. Обе партии были готовы к соглашению. Корона согласилась отменить *налог с дворян* и созвать Генеральные штаты через пять лет. Парламент согласился зарегистрировать указ о *займе* в размере ста миллионов долларов, бремя которого должно было лечь только на *народ*. Благодаря этому изгнанный парламент был возвращен 20 сентября. "Он вышел, - сказал Д'Эспремений, - покрытый славой. Он вернулся весь в грязи.

20 сентября король лично предстал перед парламентом, чтобы представить эдикт о займе и обещание созвать Генеральные штаты по истечении пяти лет.

В то время в парламенте заседал двоюродный брат короля, герцог Орлеанский, один из высших дворян королевства.^[63] Унаследовав от своего отца огромную собственность в Орлеане и наследник, через свою жену, обширных поместий герцога Пентьевра, он считался самым богатым человеком Франции с доходом в семь миллионов пятьсот тысяч франков в год (1 500 000 долларов). В течение многих лет он предавался безмерному разврату. Его волосы сваялись, кровь была испорчена, а загорелое лицо было покрыто карбункулами.^[64] Насытившись чувственными удовольствиями, страсть к политическим отличиям овладела его душой. Как наследник герцогства Пентьевр, он с нетерпением ожидал должности верховного адмирала. Готовясь, он отважился на морскую кампанию и командовал арьергардом флота мсье д'Орвилье в битве у Ушана. Ходили слухи, что во время битвы он прятался в трюме корабля. Придворные, раздраженные его надменностью и ревниво относившиеся к его власти, с радостью поверили этой истории и засыпали его карикатурами и эпиграммами. Некоторое время спустя он поднялся на воздушном шаре, и поскольку ранее он спускался в шахту, где проявил лишь слабое самообладание, было заявлено, что он продемонстрировал всем элементам свою трусость.^[65] Король лишил его, таким образом, осмеянного, звания адмирала и передал его своему племяннику, сыну графа д'Артуа.

Герцог Орлеанский был взбешен нанесенным оскорблением и жаждал мести. Находясь в таком состоянии духа и отказываясь явиться ко двору, он подвергся другому унижению, еще более возмутительному. Между старшей дочерью герцога Орлеанского и сыном графа д'Артуа, герцогом Ангулемским, был заключен супружеский союз. Предполагаемой невесте был назначен доход в размере четырехсот тысяч франков (80 000 долларов) в год. Она получила поздравления двора, и министрам иностранных дел было поручено уведомить свои дворы о приближающейся свадьбе, когда Мария-Антуанетта, встревоженная слабым здоровьем двух своих сыновей и полагавшая, что сын графа д'Артуа все же может стать наследником французского престола, расторгла брак и решила, что ее дочь, а не дочь герцога Орлеанского, должна выйти замуж за молодого герцога Ангулемского.^[66]

Герцог Орлеанский теперь был готов пойти на любые отчаянные меры ради мести. Хотя он был одним из самых высокопоставленных и богатых аристократов Европы, он горел желанием броситься в объятия народной партии и возглавить их в любых насильственных действиях в их нападках на корону.^[67]

Когда Людовик XVI. встретился с парламентом, чтобы обеспечить регистрацию эдикта о новом займе, против него была организована сильная оппозиция, и он столкнулся с

молчанием и мрачными взглядами. Король не намеревался устраивать *судилище* со своими *приказами*, а просто королевское заседание для дружеского совещания. Но антагонизм был настолько очевиден, что он был вынужден воззвать к своей королевской власти и *приказать* зарегистрировать эдикт. Герцог Орлеанский встал и, с покрасневшими щеками и вызывающим тоном, выразил протест. Двое членов парламента, его сообщники, осмелились поддержать его. Этого оскорбления королевская особа вынести не могла. Герцог был немедленно отправлен в ссылку в одно из своих сельских поместий, а двое других дворян были отправлены в тюрьму.

Теперь между королем и парламентом начался ожесточенный конфликт. Парламент принял указ, осуждающий произвольные аресты. Король распоряжением совета отменил этот указ. Парламент подтвердил это. Король был в высшей степени раздражен, но, учитывая, что объединенный парламент и народный голос были настроены против него, он не осмелился прибегнуть к крайним мерам. Людовик XIV. отправил бы каждого из них в Бастилию или на эшафот. Но времена Людовика XIV. прошли.

На первый взгляд может показаться странным, что в этом конфликте *народ* встал на сторону парламента. Но власть короны была той великой силой, которой они должны были страшиться и которую они хотели видеть униженной. Для них гораздо важнее было ограничить *деспотизм суда*, чем принять единственный закон о налогообложении в их пользу. Дальновидные люди, должно быть, привели население к столь мудрому решению. Неравенство в налогообложении было лишь одним из бесчисленных недостатков, которым подвергался народ. Что им было нужно, так это тщательная реформа в правительстве, которая должна была исправить все злоупотребления. Для достижения этого в первую очередь необходимо было покончить с деспотизмом. Поэтому их симпатии были на стороне парламента в его борьбе против короны, хотя так случилось, что конфликт возник по вопросу, противоречащему народным интересам.

Герцог Орлеанский начал всерьез подумывать о свержении своего кузена и узурпации короны. Имея в своем распоряжении почти безграничное богатство и поставив себя во главе народной партии, набиравшей теперь такую несокрушимую силу, он считал, что осуществить этот план нетрудно. Он путешествовал по Англии, вложил там крупные суммы, подружился с сыновьями короля, принцем Уэльским и герцогом Йоркским. Суд Сент-Джеймса был крайне возмущен двором Людовика XVI. за помощь в освобождении Америки. Следовательно, герцог Орлеанский не сомневался, что он может положиться на дружбу Англии при введении во Франции новой династии.^[68]

И вот парламенты, которые были организованы во многих провинциях, объединились с парламентом Парижа и направили свои протесты против деспотизма короны. Мрак теперь царил в салонах Версаля. Мария-Антуанетта, с бледными щеками и озабоченным челом, бродила по покоям удрученная и почти отчаявшаяся. Ее окружали рощи и сады, украшенные цветами, статуями и фонтанами. Дворец, который был ее домом, превосходил по архитектурному величию и всем приспособлениям для сладострастного наслаждения любое жилище, когда-либо прежде воздвигнутое на земле. Подобострастные слуги и льстивые придворные предвосхищали ее желания, и ее колесница со сверкающими всадниками, подобно метеору, пронеслась по чарующим дорогам, созданным искусством при содействии богатства королевства, и все же, вероятно, во всем королевстве, будь то чердак, хижина или вспаханное поле, не было женщины, у которой сердце было бы тяжелее, чем то, что билось в груди королевы. Король был безвредным, безобидным, слабоумным человеком,

проводившим большую часть своего времени в кузнице. Было хорошо известно, что королева, энергичная и авторитетная, была настоящей главой правительства, и что каждый энергичный поступок исходил от нее. Вследствие этого она стала особенно неприятна парламенту, а через него и народу; Париж был наводнен самой гнусной клеветой на нее.

В то время по Версалью разгуливала распутная женщина замечательной красоты, графиня Ламотт. Она подделала векселя против королевы и приобрела великолепное жемчужное ожерелье ценой в триста тысяч долларов. В интригу был вовлечен кардинал Роан. О сделке заговорила вся Европа. Королеву обвинили в мошеннической сделке с распутной женщиной с целью обмана ювелира, а также обвинили в огромной расточительности в желании добавить к и без того бесценным драгоценностям короны другие на сумму в триста тысяч долларов. Королева была невиновна, но общественное мнение, доведенное до отчаяния, хотело верить во все дурное о ней. Мужчины, изможденные, голодные и без работы; женщины, оборванные и голодающие, с умирающими от голода детьми на руках, постоянно повторяли грязные обвинения против королевы как воровки, сообщницы проститутки, той, кто готова была видеть, как люди умирают от голода, если бы она могла только повесить жемчуг себе на шею. Эта история получила такое всеобщее признание и вызвала такое всеобщее раздражение, что Талейран заметил: "Вспомните об этой жалкой истории с ожерельем. Я бы ничуть не удивился, если бы это привело к падению французской монархии".

В дополнение ко всему этому за границей распространился слух, что дети Марии-Антуанетты были незаконнорожденными; что король не обладал достаточными способностями для правления; что его следующий брат, по имени Месье, впоследствии Людовик XVIII, был вовлечен в заговор с парламентом с целью низложения Людовика XVI с трона и создания правительства знати, номинальным главой которого должен был стать Месье. Ни в коем случае нельзя исключать, что этот план был разработан. Он объясняет многие действия дворян на первых этапах революции.^[69]

Второго брата короля, графа д'Артуа, очень элегантного и образованного светского человека, любителя удовольствий и обладавшего сходными вкусами с молодой и красивой королевой, обвинили, хотя, вероятно, и безосновательно, в том, что он был ее любовником и отцом ее детей. Он воздвиг сразу за стенами Парижа, в Булонском лесу, прекрасный маленький дворец, который называл *Багатель*. Это было средоточие самого утонченного сладострастия и самых дорогих удовольствий.

Теперь королева не знала, куда деваться от оскорблений, которыми ее так безжалостно осыпали. Тщетно было пытаться что-то ответить. Ее возвышенный дух до такой степени поддерживал ее, что позволял ей появляться на людях с достоинством. Но в своем будуаре она плакала от всей муки разбитого и отчаявшегося сердца. "Однажды утром в Трианоне, - пишет мадам Кампан, - я вошла в покои королевы, когда она была в постели. На ее кровати лежали письма, и она горько плакала. Ее слезы смешивались с рыданиями, которые она время от времени прерывала восклицаниями: *"Ах! если бы я была мертва. Негодяи! чудовища! что я с ними сделал?"* Я предложил ей воду из цветов апельсина и эфир. *"Оставь меня, если ты любишь меня; лучше было бы убить меня сразу."* В этот момент она обняла меня за плечи и снова разрыдалась."^[70]

Парламент зарегистрировал указ о предоставлении займа в сто миллионов долларов. Для них это не было бы бременем. Налогом за долг должны были облагаться только люди. Но общественный кредит был мертв. Никто не давал займы. Бриенна также осыпали

пасквилями, карикатурами и ядовитыми оскорблениями, пока, затравленный со всех сторон, он почти не отвлекся.[71] Сгорая от лихорадки и трепеща нервами, он мерил шагами пол своей комнаты, готовый к любому отчаянному поступку, который мог бы избавить его от горя. Всем этим пользовались парламент в Париже и двенадцать парламентов в департаментах, ибо целью дворян, которые в основном составляли эти органы, было отвоевать у монархии ту феодальную власть, которую у них отняли энергичные короли. Народ был готов поддержать дворян, хотя и своих врагов, в их нападении на корону, и дворяне также стремились призвать народ на помощь в их опасном конфликте. Однако некоторые из дворян, более дальновидные, решительно выступали против созыва Генеральных штатов. Большинство, однако, возоблагодало и постановило созвать совещание штатов, но с оговоркой, что до его созыва должно пройти пять лет.

Теперь Бриенн был доведен до отчаяния. Он решил свергнуть парламенты. Втайне он вынашивал план создания ряда судов низшей инстанции, где можно было бы рассматривать все мелкие дела, и высшего суда для регистрации указов. Таким образом, парламентам абсолютно нечего было бы делать, и их можно было бы упразднить за ненужностью. Эти суды, высший из которых должен был называться *Пленарным судом*, а остальные - *Великими судебными приставами*, должны были состоять из тщательно отобранных придворных, которые должны были подчиняться желаниям короля.[72]

Это была разумная мера, но требовавшая строжайшей секретности при ее исполнении. Такой государственный переворот должен произойти как внезапный удар, или такой могущественный орган, как парламент, был бы в состоянии отразить удар. Затем все королевство было разделено на ряд провинций, над каждой из которых председательствовал губернатор, называемый интендантом, назначаемый королем. Королевский эдикт должен был быть тайно передан в руки каждого из этих интендантов с подробными указаниями, как действовать, и они должны были быстро и тайно организовать суды так, чтобы в назначенный день все было выполнено, новый механизм приведен в движение, а власть парламентов уничтожена. Это было настолько важно, что требовалось соблюдать строжайшую секретность, что ночью переодетых печатников перевели в один из версальских салонов, где они принесли свой шрифт и установили пресс для печати королевского эдикта. У дверей и окон их рабочей комнаты стояли часовые, и им подавали еду. Г-н д'Эспремений, один из самых активных и влиятельных членов парламента, заподозрив какую-то хитрость, сумел за взятку в две с половиной тысячи долларов раздобыть копию указа. В величайшем волнении он поспешил обратно в Париж и предстал перед парламентом с эдиктом в руках. Это было 3 мая 1788 года. Члены совета, затаив дыхание, слушали чтение документа, который был для них смертным приговором. Указ требовал, чтобы все военные были собраны в назначенный день, готовые к действию. Интенданты должны были направить вооруженные силы в те города провинций, где заседали парламенты, и, когда должны были быть организованы новые суды, привести указ в исполнение. Никто из интендантов или командующих войсками не знал, что должно было быть сделано, но во все эти места должны были быть разосланы доверенные агенты короля, чтобы в один и тот же день и в один и тот же час приказ мог быть получен и приведен в исполнение по всей Франции.

За этим чтением поначалу последовала всеобщая вспышка негодования. Затем они дали клятву, рискуя своей жизнью, сопротивляться любым мерам, направленным на свержение старых французских парламентов. Весть о том, что заговор раскрыт, быстро дошла до Версальского двора. Ожесточенные страсти теперь добавляли ярости битве. Были выпущены два *секретных письма* с требованием арестовать Д'Эспремения и другого

активного члена оппозиции, Гойлара, и заставить их замолчать в Бастилии. Предупрежденные об опасности, они сбежали через люки и по крышам домов во Дворец правосудия, разослали гонцов во все стороны, чтобы созвать членов Совета, а затем, отбросив маскировку, облачились в служебные одежды. Не прошло и часа, как началось заседание парламента и весь Париж был охвачен волнением. Парламент немедленно проголосовал за то, чтобы эти два члена не были выданы и чтобы их заседание было постоянным и не подлежало переносу до тех пор, пока не будет прекращено преследование двух жертв. Все аллеи Дворца правосудия были наводнены толпой возбужденных граждан, сбитых с толку этим открытым и смертельным антагонизмом между парламентом и судом. Весь день, и всю ночь, и весь следующий день, в течение тридцати шести часов, продолжалась сессия бурных дебатов и яростных оскорблений. Снова мрачная ночь опустилась на бессонный Париж. Но внезапно послышалась дробь барабанов, звук горна и топот вооруженных людей. Капитан д'Агуст во главе королевских войск выступил из Версаля маршем с пехотой, кавалерией и артиллерией. Сурово и быстро, при свете факелов, солдаты продвигались вперед, расчищая себе путь сквозь толпы, толпившиеся во дворах и аллеях Дворца правосудия.^[73]

Во главе шеренги солдат с блестящими штыками и заряженными мушкетами д'Агуст, солдат с чугунным лицом и сердцем, поднялся по лестнице, громко бряцая оружием, вошел в зал и именем короля потребовал г-на Дюваля д'Эспремения и г-на Гойлара де Монсабера. Поскольку он не знал этих людей, он призвал их выйти вперед и сдаться. На мгновение воцарилась глубокая тишина, а затем послышался голос: "Мы все д'Эспремения и Монсаберы". Некоторое время царил сильный шум, так как множество голосов повторили этот крик.

Когда порядок был восстановлен, президент поинтересовался, будет ли д'Агуст прибегать к насилию. "Для меня большая честь, - отвечает капитан, - получить от его величества поручение выполнить приказ его величества. Я бы с радостью выполнил приказ без насилия, но в любом случае я его выполню. Я покидаю сенат на несколько минут, чтобы обсудить, какой метод они предпочтут". В сопровождении своей охраны он покинул зал.

Через некоторое время крепкий капитан вернулся со своей хорошо вооруженной свитой. "Мы уступаем силе", - сказали два советника, сдаваясь. Их собратья собрались вокруг своих арестованных товарищей для прощальных объятий, но солдаты прервали эту сцену, схватив их и потащив по извилистым коридорам к задним воротам, где их ждали два экипажа. Каждого посадили в карету с угрожающими штыками на боку. Народ молча наблюдал за происходящим. *Пока* они не осмеливались заговорить. Но они усвоили урок. д'Эспремения был доставлен в древнюю крепость на одном из островов Иер в Средиземном море, примерно в четырнадцать милях от Тулона. Гойслар был доставлен в тюрьму в Лионе.

д'Агуст, расправившись со своими пленниками, вернулся в Зал Собраний и приказал членам парламента разойтись. Они были вынуждены выстроиться в шеренгу, числом сто шестьдесят пять человек, под штыками гренадеров. д'Агуст запер двери, положил ключи в карман и вместе со своими батальонами двинулся обратно в Версаль.

Парижский парламент теперь превратился в улицу. Но в казне по-прежнему не было денег. Провинциальные парламенты были встревожены и вынашивали планы сопротивления новым судам. Наступило 8 мая, когда декрет, обнародованный теперь повсюду, должен был быть приведен в исполнение. Интенданты и королевские уполномоченные повсюду наталкивались на организованную оппозицию. Провинциальная знать объединилась с парламентами, поскольку теперь это была всего лишь борьба знати против неограниченной

власти короны. Депутация из двенадцати человек была направлена бретонским парламентом с протестом в Версаль. Все они были отправлены в Бастилию. Была послана вторая депутация, гораздо более многочисленная. Агенты короля встретили их и угрозами прогнали обратно. Была назначена третья, еще более многочисленная, для подхода к Версалью разными дорогами. Король отказался их принять. Они провели встречу в Париже и пригласили Лафайета и всех патриотически настроенных бретонцев в Париже посоветоваться с ними.^[74] Так возник якобинский клуб.

Восемь парламентов были изгнаны. Но в Гренобле они отказались подчиниться *официальной* литературе. Набат возвестил тревогу, и грохот пушек заставил массы в городе и в горах броситься с таким оружием, какое они смогли захватить, на защиту парламента. Королевский генерал был вынужден капитулировать и уйти в отставку, оставив свое поручение неисполненным. Знать обратилась к массам и вооружила их, чтобы помочь в сопротивлении королю, и таким образом показала им свою силу. Создается впечатление, что сверхъестественный разум направлял события к кризису ужасной революции. Таким образом, четыре парламента получили возможность бросить вызов королевской власти.

Попытка учредить новые суды потерпела полный провал. Духовенство, знать и народ были против этого. Всеобщая буря ненависти и презрения обрушилась на всех, кто занял должности в этих судах. Пленум Суда провел всего одно заседание, а затем истек под шипение всех классов. Король, казалось, внезапно лишился власти.

"Пусть королевский уполномоченный, - говорит Вебер, - войдет в один из этих парламентов, чтобы зарегистрировать эдикт, весь трибунал исчезнет, оставив комиссара наедине с секретарем и президентом. Указ зарегистрирован, уполномоченный ушел, и весь трибунал спешит вернуться, чтобы объявить такую регистрацию недействительной. Дороги запружены депутациями парламентов, направляющимися в Версаль, чтобы рукой короля вычеркнуть их списки, или возвращающимися домой, чтобы исписать новую страницу новыми резолюциями, еще более смелыми".^[75]

Денег по-прежнему не было, и Бриенна была в отчаянии. Он с тоской посмотрел на свое залитое светом шато в Бриенне, с его тихими рощами и зелеными лужайками. Там, пока происходили эти сцены, почти в тени своего замка сидел "смуглый, молчаливый мальчик по имени Наполеон Бонапарт". Этот мальчик, забывший о детских забавах, с живейшим интересом наблюдал за сражением и неустанными занятиями, днем и ночью, набирался сил, чтобы выйти на арену. Он уже встал на его сторону как непримиримый враг феодальных привилегий и друг народных прав. Он уже навлек на себя неодобрение своих учителей той энергией, с которой он отстаивал в своих работах доктрину равенства. "Темы Наполеона, - сказал один из его учителей, - подобны пылающим снарядам, вылетающим из вулкана".

В этих страшных сценах, предвещающих надвигающиеся наводнения и землетрясения, Бог в ужасной тайне своего провидения принимал энергичное участие. 13 июля этого, 1788 года, вся страна на сто двадцать миль вокруг Парижа была опустошена одной из самых страшных бурь с градом, которые когда-либо уничтожали урожай. Не осталось ни одной зеленой травинки. Жестокий голод неизбежно должен был обрушиться на обезумевшую Францию. Ужас овладел всеми сердцами. Теперь было спешно решено, что Генеральные штаты должны быть собраны в следующем месяце мае. Королева в тот день стояла у одного из окон Версаля, бледная, дрожащая и погруженная в мрачные мысли. В руке она держала чашку кофе, который, казалось, машинально потягивала. Подозвав мадам Кампан, она сказала ей:

"Великий Боже! какие новости будут обнародованы сегодня. Король созывает Генеральные штаты. Это первый удар барабана, дурное предзнаменование для Франции. Эта знать погубит нас".[76]

Бриенн, который теперь занимал пост премьер-министра, написал Неккеру, умоляя его вернуться на пост финансового контролера. Неккер отказался. Он не желал брать на себя управление финансами вместе с премьер-министром Бриенны. Банкротство с его национальным позором и широко распространяющимися страданиями было уже близко. 16 августа был издан указ, согласно которому все платежи в королевскую казну должны производиться на три пятых наличными, а на оставшиеся две пятых - векселями с процентами. Поскольку казначейство не имело кредита, банкноты были сравнительно бесполезны. Это было фактическое банкротство, при котором государство предложило заплатить шестьдесят центов за доллар. Объявление этого указа вызвало новую волну волнения и ужаса по всему королевству.

Граф д'Артуа посетил королеву и сообщил ей об ужасном волнении, охватившем общественное сознание. Она молча села и заплакала. Бриенн, бледный, изможденный и дрожащий, напуганный бушующей сейчас бурей, ухитрившись обеспечить себе состояние в размере ста пятидесяти тысяч долларов в год, подал в отставку, сел в свой экипаж и уехал в Италию, оставив короля в одиночку бороться с Революцией.[77]

Во время этих конфликтов за власть между королем и знатью стон двадцати пяти миллионов человек, раздавленных колесами колесницы феодальной аристократии, не остался незамеченным Небесами. Час возмездия, если не возмездия, приближался. Долгие века люди ждали его прихода с надеждой, которая никогда не откладывалась. Поколение за поколением приходило и уходило, а отцы и матери, сыновья и дочери все еще трудились на бороздах и в цехах, восклицая: "О Боже, как долго!" Близился рассвет после, казалось бы, бесконечной ночи, но это был рассвет не яркого, а зловещего дня. Франция в то время представляла собой зрелище миллионов, живущих в нищете, нескольких тысяч, добывающих тяжелейшим трудом самое необходимое для жизни, и нескольких сотен, бунтующих в богатстве и роскоши.

СНОСКИ:

[58] История философии французской революции, часть вторая. Фантен Десододардс, т. i., стр. 58.

[59] "Калонн опубликовал работу о Французской революции. В конце он в общих чертах излагает свой план. Ничто не может быть более разумным; и это остается вечным обвинением для влиятельных людей во Франции, особенно для той их части, которая составляла Ассамблею знати ". — *Лекции о Французской революции, Wm. Смит*, том i, стр. 122.

[60] Montgaillard, том i, стр. 300.

[61] В то время существовал номинальный налог в размере двух двадцатых со всех доходов, который духовенство и знать должны были платить как остальные. Однако им в значительной степени удавалось уклоняться от этого налога. "Принцы крови, например, - пишет Буйе в своих Воспоминаниях, - которые зарабатывали от двадцати четырех до двадцати пяти миллионов в год (5 000 000 долларов), заплатили за своих двух двадцатилетних только 188 000 ливров (37 600 долларов) вместо 2 400 000 (480 000 долларов). Герцог Орлеанский,

председательствовавший в комитете, к которому я принадлежал в Собрании нотаблей, сказал мне однажды после совещания, в ходе которого мы рассмотрели и одобрили создание провинциальных администраций: "Знаете ли вы, сэр, что эта штука будет стоить мне по меньшей мере 300 000 ливров (60 000 долларов) в год?" - "Как же так, милорд?" - Спросил я. - В настоящее время, - ответил он, - я договариваюсь с интендантами и плачу почти столько, сколько мне нравится. Провинциальные администрации, напротив, заставят меня заплатить то, что строго причитается". — *Мемуары Буйе*, стр. 41.

[62] "Это тело сначала мужественно выдержало обрушившийся на них удар. Но вскоре люди, привыкшие к удовольствиям Парижа, сбросили маску стоицизма, которую они на себя напялили, и спасли себя от изгнания, пообещав принять взгляды двора при условии, что не будет предложено нового налогообложения". — *Дезодорды*, том i, стр. 68.

[63] Маркиз Ферьер, дворянин высокого ранга, был депутатом от знати. Он был горячим покровителем старых мнений и обычаев и настойчиво голосовал за большинство своего ордена. В своих очень интересных Мемуарах он так пишет о герцоге Орлеанском, на которого, конечно, не мог смотреть равнодушно. "Герцог сам был лишен талантов и унижен пьянством; жаден до денег до такой степени, что было бы совершенно предосудительно у частного человека, но что было позорно и унижительно у принца. У него были все пороки, которые могут сделать преступление отвратительным, и ни одного из блестящих качеств, благодаря которым оно могло бы быть в какой-то степени проиллюстрировано в глазах потомков. Мертвые чувства герцога необходимо было так или иначе оживить, чтобы могло показаться, что у него есть чего-то желающее, и поэтому они предоставили ему верховную власть в виде титула генерал-лейтенанта королевства; все государственные деньги в его распоряжении и, в случае, которого он должен был ускорить, корону для его детей, а он сам, таким образом, положил начало новой династии".

[64] Карлейль, Французская революция, том i, стр. 48.

[65] Современная биография.

"У берегов Ушанта слышен морской гром. Во время которого наш юный принц спрятался в трюме! Наш бедный юный принц превращает свои оперные аплодисменты в насмешливые тирады и не может стать гранд—адмиралом — источником для него бед, которые можно назвать бесконечными". - *Карлайл, Французская революция*, том i, стр. 43.

[66] Это была принцесса, которая впоследствии испытала такие ужасные страдания в тюрьме Тампля вместе со своим братом, дофином. Она была освобождена Наполеоном, а затем вышла замуж за герцога Ангулемского.

[67] Desodoards, том i., стр. 28. Thiers, том i., стр. 23.

[68] Desodoards, том i, стр. 50.

[69] История философии. de la Rev. de Fr. par Ant. Фантен Десодоардс, том i, стр. 45.

[70] Воспоминания Марии-Антуанетты, мадам Кампан, том i, стр. 243.

[71] "Париж - это то, что они образно называют наводнением брошюр (*regorgé des brocheters*), наводнением и водоворотом снов. Горячий поток от столько патриотов-риди-писателей, все на точке кипения; каждый риди-писатель сейчас, в час извержения, бушует, как исландский гейзер! Против чего что может поделаться рассудительный друг Морелле;

Ривароль, неуправляемый Лингве (за это хорошо платят), источающий *холодность*?" — Карлайл, том i, стр. 91.

[72] Монгайяр, том i, стр. 405.

[73] The following was the commission of D'Agoust: "J'ordonne au sieur d'Agoust, capitaine de mes gardes françaises, de se rendre au palais à la tête de six companies, d'en occuper toutes les avenues, et d'arrêter dans la grand chambre de mon parlement, ou partout ailleurs, messieurs Duval d'Espréménil et Goislard, conseillers, pour les remettre entre les mains des officiers de la prévôte de l'hôtel."—*Desodoards*, tome i., p. 82.

[74] Карлайл, том i, стр. 101.

[75] Вебер, том i, стр. 275.

[76] Кампан, том iii., стр. 104.

ГЛАВА VIII.

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ.

Отзыв Неккера.—Повторное собрание знати.—Брошюра аббата Сийеса.—Голосование брата короля.—Его предполагаемый мотив.—Основа представительства.—Организация встречи штатов.—Заявление о жалобах.—Мирабо: его угроза.—Сочувствие викариев народу.—Протест знати.—Первый бунт.—Заседание Генеральных штатов.—Новые усилия привилегированных классов.

Король снова обратился к Неккеру, как к человеку, пользующемуся доверием народа. Объявление о его отзыве наполнило Францию энтузиазмом. Палили пушки, звонили колокола, и массы людей хлынули по улицам Парижа и Версаля с ликующими криками. Это было 24 августа 1788 года. Первым восклицанием Неккера, услышавшего о своем отзыве, было: "Ах! если бы я мог вспомнить пятнадцать месяцев архиепископа Тулузского". В казне он нашел всего двести пятьдесят тысяч франков (50 000 долларов). Хотя беспорядок и разорение быстро нарастали, репутация Неккера была такова, что ему немедленно предложили займы, и государственные фонды выросли на тридцать процентов.[78]

Немедленно были сделаны приготовления к созыву Генеральных штатов, и было публично объявлено, что он состоится 27 апреля. В течение ста семидесяти пяти лет не проводилось заседаний Генеральных штатов, и теперь встал вопрос: как будут избираться члены? кто будет голосовать? из скольких человек должно состоять это собрание? какая пропорция должна быть от привилегированного, а какая от непривилегированного класса? Были приглашены ученые и популярные писатели, чтобы высказать свое мнение по этим вопросам. Немедленно появились тысячи политических брошюр, и все умы в стране были взбудоражены.[79] Важнейший и наиболее волнующий вопрос заключался в том, какую долю должны занимать люди в этом собрании? Непривилегированный класс составлял девяносто восемь сотых нации; привилегированный класс - две сотых. И все же привилегированный класс неумолимо требовал, чтобы у него было две трети представителей, а у народа - одна треть. Это поставило бы людей в безнадежное меньшинство и оставило бы их полностью во власти привилегированного класса.

Для решения этих волнующих вопросов 6 сентября 1788 года нотабли были снова созваны. Это был тот же орган, который созвал Калонн. Парламент твердо заявил о том, чтобы

предоставить народу представительство всего в одной трети, предоставив треть дворянам и треть духовенству. Король и Неккер были полностью уверены, что такое соглашение ни в коем случае не могло удовлетворить нацию — что это было бы насмешкой над народом, которая только разозлила бы его. Они надеялись, что эти тщательно отобранные представители знати, хотя и принадлежащие к аристократии, будут готовы предоставить девяносто восьми человекам по крайней мере равный голос с двумя представителями аристократии.

Аббат Сийес написал брошюру, которая произвела глубокое впечатление на всю Францию. Таким образом, он задал три вопроса и ответил на них: "Что такое третье сословие? Весь народ. Чем он до сих пор был при нашей форме правления? Ничем. Чего он хочет? Стать чем-то".

Но теперь знатные люди были встревожены, и между защитниками древних традиций и национальной справедливости завязалась жаркая дискуссия. Только один из нескольких комитетов, на которые были разделены представители знати, проголосовал за предоставление народу равного представительства с привилегированными классами. Месье, впоследствии Людовик XVIII, был председателем этого комитета. Когда королю сообщили об этом голосовании, он заметил: "Пусть они добавят мой голос: я отдаю его охотно".^[80] После месячной сессии, 12 декабря, ничего не добившись, the Notables исчезли, чтобы больше не появляться навсегда.

Вопрос все еще оставался нерешенным, а шум становился все громче и возбужденнее. Это была жизненно важная борьба. Дать народу равный голос означало смерть аристократической узурпации. Дать привилегированному классу два голоса, народу — один, означало безнадежно увековечить злоупотребления. Этот вопрос мог быть решен только властью короля. 27 декабря Неккер представил королю доклад, в котором рекомендовал непривилегированному классу прислать такое же количество делегатов, как и привилегированному.^[81] В соответствии с этим отчетом 24 января 1789 года был издан королевский указ.^[82] Недовольство со стороны знати доходило почти до восстания. В Бретани дворяне, которые направили решительный протест, отказались посылать каких-либо делегатов в Генеральные штаты, вероятно, надеясь, что дворяне и духовенство в целом последуют их примеру и что таким образом мера может быть сорвана.

Но события развивались подобно океанским приливам. Ничто не могло их остановить. Шла подготовка к выборам. В народе каждому мужчине старше двадцати пяти лет, платившему налог, разрешалось голосовать.^[83] Более величественного зрелища земля редко видела. Двадцать пять миллионов человек внезапно получили право всенародного голосования. Было подано от пяти до шести миллионов голосов. Город Париж был разделен на шестьдесят округов, каждый из которых выбирал двух выборщиков, и эти выборщики должны были выбрать двадцать депутатов. Людям также было предписано направить письменное заявление о своих жалобах с инструкциями депутатам относительно реформ, которые они хотели бы провести. Эти заявления с жалобами, которые в настоящее время представлены в тридцати шести компактных томах-фолиантах, представляют собой ужасающее свидетельство того безобразия, с которым люди сталкивались на протяжении веков. Соблюдая приличия, с достоинством и поразительным единодушием в достижении цели, люди собрались на избирательные участки.^[84]

Среди знати было несколько человек, которые выступали за реформы. В Провансе дворянство в своем провинциальном парламенте протестовало против королевского эдикта, заявив, что подобные нововведения, как правило, "умалют достоинство дворянства". Один

из них, граф Мирабо, осмелился возразить против такой наглости и выступить в защиту прав народа. Он был человеком необычайного гения и мужества, и ни перед одним смертным или собранием смертных нельзя было заставить его трепетать. Он упорствовал и стоял в страхе, а весь парламент в приступе ярости набросился на него. С поразительной силой оскорбительного красноречия он отвергал их обвинения и смотрел на них свирепо и непреклонно. Это был мужчина геркулесового сложения, с гигантской головой, густо покрытой лохматыми локонами, и он был бы чрезвычайно красивым мужчиной, если бы его лицо не было ужасно изуродовано оспой. Он был человеком железных нервов и души и не знал, что значит чего-либо бояться. Подобно большинству дворянства и высшего духовенства, он вел распутную жизнь. Парламентское собрание в буре гнева исключило его из своего состава. Он покинул палату представителей, но, уходя, со зловещей угрозой воскликнул:

"Во всех странах и во все времена аристократы неумолимо преследовали каждого друга народа; и с удесятеренной неумолимостью, если бы таковой сам происходил из аристократии. Именно так последний из Гракхов погиб от рук патрициев. Но он, пораженный смертельным ударом, взметнул пыль к небесам и воззвал к божествам—мстителям; и из этой пыли родился Марий - Марий, прославившийся не столько истреблением кимвров, сколько свержением в Риме тирании знати".[85]

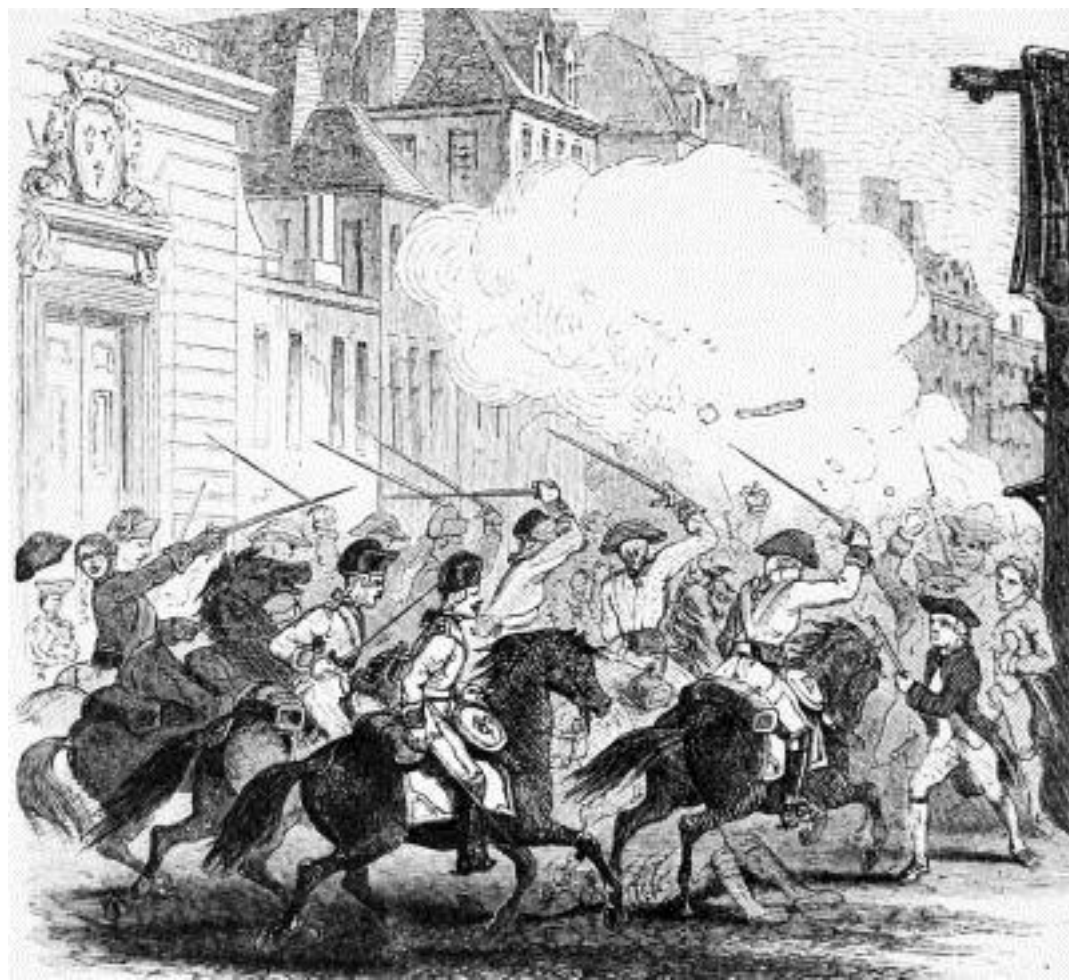
Теперь Мирабо бросился в объятия Третьего сословия. Чтобы лучше отождествлять себя с ними, он, как говорят, нанял магазин в Марселе и повесил свою вывеску — *Мирабо, торговец шерстью*. Благодаря такому влиянию он был избран депутатом от Третьего сословия как в Эксе, так и в Марселе. Его избрали с энтузиазмом — под звон колоколов, грохот пушек и народное признание. Он решил согласиться с избранием Экса. Его безмерная дерзость вскоре была востребована, чтобы дать отпор надменности двора.[86]

Дворяне добились решения о том, что народу не должно быть разрешено тайное голосование, но он должен голосовать громким голосом. Они лелеяли надежду, что низшие люди, столь зависимые от высших и богатых классов, не осмелятся открыто голосовать вопреки желаниям своих начальников.[87] Считалось, что таким образом дворяне смогут контролировать всенародные выборы. Чтобы сделать это более определенным, народу на своих первичных собраниях предстояло только выбрать *выборщиков*; и эти выборщики должны были выбрать делегатов. Таким образом, тогда был двойной шанс для запугивания и подкупа.

Но люди достигли интеллектуального прогресса, намного превосходящего представления знати. У них было инстинктивное представление о своих правах, и в присутствии своих хмурых лордов они, не испытывая страха, но проявляя уважение, выбирали выборщиков, которые были бы верны народному делу.[88] Таким образом, дворянам не только не удалось привнести аристократический элемент в народную ветвь, но, к их большому огорчению, они обнаружили, что очень мощная народная партия была брошена в ряды духовенства.[89] Высшие должности в церковной иерархии, которые давали владельцу огромный доход и не требовали труда, как правило, находились в руках знати, надменной, нетерпимой, объединенной во всех своих симпатиях со своими братьями из привилегированного класса. Но викарии, пасторы церквей, которые проповедовали, посещали богатых и наставляли детей, усердно работая и живя в нужде, пришли из среды простых людей. Они были знакомы со страданиями своих прихожан и искренне им сочувствовали. Многие из этих викариев были людьми непритворного благочестия. Почти каждый писатель, пишущий о Революции, вынужден отдать им должное.[90]

Было решено, что Генеральные штаты будут состоять из тысячи двухсот членов. Следовательно, народ должен был выбрать шестьсот человек, а духовенство и знать - шестьсот. Но, поскольку три ордена проводили свои выборы отдельно, два привилегированных класса имели право на триста человек каждый. Двести викариев были выбраны как представители духовенства. И хотя эти приходские служители испытывали благоговейный страх перед своим церковным начальством и вряд ли осмелились бы открыто голосовать вопреки их желаниям, все же и дворяне, и епископы понимали, что сердцем они с народом. Было также очень небольшое меньшинство среди дворян, которые были защитниками народного дела, некоторые из благородных побуждений, как Лафайет, а некоторые из низменных побуждений, как герцог Орлеанский. Томас Джефферсон, находившийся в это время в Париже, написал через четыре дня после открытия Генеральных штатов мистеру Джею: "Предполагалось, что церковные выборы прошли бы в целом в пользу высшего духовенства; напротив, низшее духовенство получило пять шестых этих депутатий. Это сыновья крестьян, которые выполняли всю тяжелую службу за десять, двадцать и тридцать гиней в год, и чьи притеснения и нужда, контрастирующие с гордостью и роскошью высшего духовенства, сделали их вполне склонными смирять последнее".

Эти факты и согласие, с которым неопытная толпа сделала этот первый великий шаг к национальному возрождению, вызвали изумление и тревогу во всей аристократической Европе. Трепетали как короли, так и знать. Все государства Европы, как и Франция, были угнетены феодальным деспотизмом. Все народы Европы могли бы, подобно французам, требовать реформ. Грозный аспект, который представляло это народное единство мыслей и действий, вызвал такой ужас, что многие ведущие дворяне Франции объединились, среди которых был граф д'Артуа, брат короля, впоследствии Карла X., и написали угрожающее письмо королю, чтобы побудить его нарушить свое обещание и запретить заседание Штатов.^[91]

ПЕРВЫЙ БУНТ В СЕНТ-АНТУАНСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ.

Однако теперь было уже слишком поздно отступать. Поезд пришел в движение, и остановить его было невозможно. Встреча была назначена на 27 апреля, но была отложена до 4 мая. Теперь была предпринята еще одна попытка, еще более отчаянная, предотвратить встречу. С помощью подкупа, секретных агентов и ложных слухов в Париже были спровоцированы беспорядки. Очевидно, было решено, что если бы пятьдесят тысяч человек можно было выпустить на улицы, умирая от голода и без работы, для грабежа и разрушения, это дало бы разрешение на концентрацию армии в Париже; обманутых бунтовщиков можно было бы легко расстрелять, и можно было бы правдоподобно утверждать, что общественное спокойствие требует отсрочки заседания Штатов. Толпу разбудили тайные подстрекатели. Тут и там были умело расставлены ружья, которые они могли захватить. На их пути стояли две телеги с брусчаткой. В течение двадцати четырех часов буйная масса людей была предоставлена делать все, что им заблагорассудится, очевидно, ожидая, пока беспорядки наберут силу.

Но попытка провалилась; это оказалась всего лишь искусственная толпа, и вспышка чуть не заглохла сама по себе. Один дом, принадлежавший господину Ревейону, был разграблен, а бутылки с вином из его погреба разнесены по улицам. Наконец были вызваны солдаты, и при первом же выстреле бунт был подавлен. Неизвестно, сколько человек было убито картечью. Суд предпринял глупую попытку преувеличить беспорядки и представил, что люди были свирепы в насилии. Другие, со стороны народа, утверждали, что множество людей собралось из любопытства посмотреть, что происходит, что улицы были забросаны картечью и что сотни невинных зрителей были убиты. М. Байи, напротив, говорит, что бунтовщики разбежались, как только появились солдаты, и что никто не пострадал.

Суд не рискнул возбуждать расследование в связи со вспышкой заболевания.[92]

Холодные зимние ветры теперь проносились над Францией. Вся промышленная энергия страны была парализована. Потеря урожая вызвала всеобщий голод, а голод привел к эпидемии. Мужчины, женщины и дети без числа бродили по дорогам и, повинаясь естественному инстинкту, стекались в Париж. Жители города с ужасом смотрели на эти толпы с изможденными лицами и в лохмотьях, которые заполнили их тротуары. Их нельзя было накормить, а голодающие люди не желают спокойно лежать и умирать, когда у них есть сильные руки, способные захватить ту пищу, которую богатые могут получить за деньги. Красноречивые и страстные писатели того времени полностью раскрыли перед нацией злоупотребления, которым она подвергалась на протяжении веков, и все же народ с удивительным терпением и долготерпением спокойно ожидал заседания *Генеральных штатов*, как единственного средства для удовлетворения своих жалоб.

4 мая 1789 года в Версале были созваны Генеральные штаты. Духовенство и знать явились по королевскому указу в великолепных пурпурных одеждах, расшитых золотом, и в шляпах с перьями. Депутатам Третьего сословия было предписано появляться в простых черных плащах и шляпах с надвинутыми полями, как знак их неполноценности.[93] В субботу, 2 мая, король устроил для делегатов прием в великолепном зале для аудиенций дворца. Когда представлялся кто-нибудь из знати или высшего духовенства, обе створчатые двери распахивались, когда объявлялось его имя; но когда представлялся представитель Третьего сословия, распахивалась только одна дверь. Это нарочитое унижение, конечно, раздражало людей, которые на самом деле были самыми выдающимися в королевстве и сознавали свое огромное превосходство над коррумпированной и разлагающейся аристократией.[94]

ТРИ ОРДЕНА.

На Парижском проспекте в Версале был огромный зал под названием *Зал меню*, которого больше не существует. Он был достаточно велик, чтобы вместить тысячу двести депутатов, и в его просторных галереях и широких боковых проходах могли собраться четыре тысячи зрителей. Это был великолепный зал, украшенный по этому случаю высшими произведениями искусства. Здесь король мог встретиться со всеми представителями трех орденов. Но дворяне и духовенство уже разработали план по-прежнему удерживать власть в своих руках, настаивая на том, чтобы Штаты собирались в трех отдельных палатах и отдавали три отдельных голоса. Таким образом, триста дворян и триста священнослужителей отдали бы два голоса, а шестьсот человек - только один. Это был последний шанс для привилегированного класса сохранить свое господство, и в этой битве они будут сражаться до отчаяния. Люди также были полны решимости не допустить, чтобы их таким образом обошли. Привилегированный класс, преисполненный решимости осуществить свой план, приготовил для себя два зала поменьше, один для знати и один для духовенства.

СНОСКИ:

[77] Бриенн, в дополнение к архиепископству Тулузы, был назначен архиепископом Санса и Людовика XVI. получено для него от Пия VI. кардинальская шапка. Кардинал Ломени, как его тогда называли, впоследствии вернулся во Францию, где был арестован и 19 февраля 1794 года был найден мертвым на полу своей камеры на 67—м году жизни. - *Enc. Am.*

[78] Элисон, *Hist. о Европе*, том i, стр. 63.

[79] "Ибо, смотрите, этот чудовищный двадцатимиллионный класс, до сих пор бессловесные овцы, о стрижке которых эти другие должны были договориться, теперь тоже появляется с надеждами! Оно перестало или перестает быть немым. Оно говорит через брошюры. Сплошные памфлеты, словно занесенные снегом правительственные магистрали". — *Карлайл*, том i, стр. 112.

[80] Labaume, том ii., стр. 323.

Предполагалось, что граф Прованский, впоследствии Людовик XVIII, тогда интриговал, чтобы завоевать популярность, чтобы свергнуть своего брата и занять его место. "Le Comte de Provence," writes Villaumé, "intrigoit et profitait des fautes du roi, pour se frayer un chemin vers le trône."—*Hist. de Rev. Fr., par Villaumé*, vol. i., p. 13.

[81] Rapport fait au Roi dans son Conseil, le 27 Décembre, 1788.

[82] Эдикт о созыве Штатов содержал следующие настроения: "Мы нуждаемся в объединении наших верных подданных для оказания помощи в преодолении трудностей, возникающих из-за состояния финансов, и установлении, в соответствии с нашим самым горячим желанием, прочного порядка в тех частях правительства, которые влияют на общественное благосостояние. Мы желаем, чтобы три сословия вместе посовещались по вопросам, которые будут представлены на их рассмотрение. Они доведут до нашего сведения пожелания и недовольства народа таким образом, чтобы посредством взаимного доверия и обмена любезными услугами между королем и народом общественное зло было устранено как можно быстрее.

"С этой целью мы предписываем, чтобы немедленно по получении этого письма вы приступили к избранию депутатов трех сословий, достойных доверия благодаря их добродетелям и духу, которым они воодушевлены; чтобы депутаты были наделены полномочиями и инструкциями, достаточными для того, чтобы они могли заниматься всеми государственными делами, и ввели такие средства правовой защиты, которые сочтут целесообразными для пресечения злоупотреблений и установления постоянного и прочного порядка во всех звеньях правительства, достойного отеческой любви короля и революций столь благородного собрания".—*Калонн, Etat de la France*, стр. 315.

[83] Мишле, том i, стр. 75.

[84] "Я убежден, что те общества (как индийцы), которые живут без правительства, в своей общей массе наслаждаются бесконечно большей степенью счастья, чем те, которые живут при европейских правительствах. Среди первых общественное мнение занимает место закона и ограничивает мораль так же сильно, как законы когда-либо где-либо сдерживали. Среди последних, под предлогом управления, они разделили свои нации на два класса — волков и овец. Я не преувеличиваю". — *Томас Джефферсон. Жизнь Генри С. Рэндалла*, том i, стр. 464.

[85] Tils Adoptif, том v., стр. 256.

[86] Арт. Мирабо, Современная биография.

[87] "Народные собрания должны были голосовать путем аккламации (*высоким голосом*). Они не предполагали, что низшие люди при таком способе избрания в присутствии знати будут обладать достаточной твердостью, чтобы противостоять им, — достаточной уверенностью, чтобы произносить другие имена, кроме тех, которые были им продиктованы". — *Мишле*, том i, стр. 76.

[88] "Долгожданное наконец пришло; чудесные вести о победе, освобождении, предоставлении избирательных прав волшебным звуком звучат в каждом сердце. Это пришло к гордому сильному человеку, чьи сильные руки больше не будут загибаться. Усталый поденщик слышал об этом; нищий с коркой хлеба, увлажненной слезами. Что? дошла ли надежда и до нас? Голод и лишения не должны быть вечными? Хлеб, который мы добыли у сурового глеба, и с трудом наших мускулов собрали, и размололи, и замешали в буханки, не был тогда совсем для другого, но мы нарежем его и насытимся?"—*Карлайл*, том i, стр. 118.

[89] "Прелаты и почтенное духовенство были крайне обеспокоены количеством кюре и священнослужителей низшего ранга, которые присутствовали на них в качестве членов Генеральных штатов. Из их разговоров, привычек и манер было очевидно, что они разделяли чувства *высших* слоев Общества, с которыми они жили в постоянном общении; и что несправедливое лишение представителей среднего звена церковных почестей и вознаграждений вызвало такое же недовольство в церковных классах, какое вызывали завистливые привилегии знати в мирянах". —*История Европы Элисон*, том i, стр. 68.

[90] Мишле, том i, стр. 77. Дезодоранты, том i, стр. 135. Рабо, том i, стр. 41. Де Токвиль, Старый режим, том i, стр. 144.

[91] Michelet, vol. i., p. 78. Mémoire présenté au Roi par Monseigneur Comte d'Artois (Charles X.), M. le Prince de Condé, M. le Duc de Bourbon, M. le Duc d'Enghien, et M. le Prince de Conti.

[92] Было опровергнуто, что дворяне были виновны в этом акте. Доказательства см. в "Воспоминаниях Бенсенваля", том ii, стр. 347; "Дневник сентября", стр. 411; "Разоблачение справедливости"; "Воспоминания Байи", том ii, стр. 51. М. Рабо де Сент-Этьен пишет: "Если агенты деспотизма изобрели эту адскую уловку, как считалось впоследствии, это добавляет еще одно преступление ко всем тем, в которых деспотизм уже стал виновен".

[93] "В спешном порядке был подготовлен зал; были выбраны костюмы, и на *ярусах по этому поводу был прикреплен унижительный значок*." Мужчины не менее ревниво относятся к своему достоинству, чем к своим правам. С совершенно справедливой гордостью инструкции запрещали депутатам снисходить до какого—либо унижительного церемониала". —*Тьер*, т. i, стр. 35.

[94] М. Рабо де Сент-Этьен, том i, стр. 43.

ГЛАВА IX.

СОБРАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ.

Открытие Генеральных штатов.—Проповедь епископа Нанси.—Оскорбление народных депутатов.—Аспект Мирабо.—Смелость третьего сословия.—Журнал Мирабо.—Начало конфликта.—Первое появление Робеспьера.—Решительная позиция Палаты общин.—Мнения викариев.—Смятение знати.—Волнения в Париже.—Национальное собрание.—Присяга.

4 мая 1789 года, в день открытия Генеральных штатов, состоялось торжественное шествие. Почти весь Париж съехался в Версаль, который находится всего в десяти милях от столицы, и бесчисленные тысячи людей из окрестных регионов заполнили проспекты придворного

города. Улицы были украшены гобеленами. Тротуары, балконы и крыши домов были заполнены зрителями. Радость сияла почти на каждом лице,^[95] чувствовалось, что после долгой ночи наступает день процветания. Двор, духовенство и знать предстали в необычайном великолепии; но по мере продвижения процессии было замечено, что взгляды толпы, не ослепленные великолепием расшитых одежд и развевающихся плюмажей, были прикованы к шестистам народным избранникам в их простых одеждах — авангарду батальонов свободы. Когда они продвигались вперед, их повсюду приветствовали хлопками в ладоши и одобрительными возгласами, которые, казалось, сотрясали небеса.

"Восторженная, чарующая сцена! - восклицает Ферьер, - которой я слабо стремлюсь отдать должное. Музыкальные группы, расположенные через определенные промежутки времени, наполняли воздух мелодичными звуками. Военные марши, грохот барабанов, звук труб, благородные песнопения жрецов, попеременно звучавшие без диссонанса, без смятения, оживляли это триумфальное шествие к храму Всемогущего".

По прибытии в церковь три ордена расселись на скамьях, установленных в нефе. Король и королева занимали троны под балдахином из пурпурного бархата, усыпанного золотыми *лилиями*. Принцы и принцессы вместе с высшими должностными лицами короны и придворными дамами занимали видные места, отведенные для них, рядом с их величествами. После самых впечатляющих церемоний и музыкального сопровождения величественного хора, "не сопровождаемого грохотом инструментов", епископ Нанси произнес проповедь, в которой выразил мнение, что религия составляет процветание наций.^[96]

Это была благородная речь, наполненная политической мудростью и христианской философией. Эти два понятия невозможно разделить. В ярких красках он изобразил пороки финансовой системы и показал нищету и деморализацию, которые она неизбежно навлекла на людей. "И именно, - сказал он, - во имя доброго короля, справедливого и чувствующего монарха эти жалкие насильники совершают свои варварские поступки". Это высказывание, столь лестное для личности короля, столь обличающее институты Франции, было встречено всеобщим взрывом аплодисментов, несмотря на святость места и этикет французского двора, который не допускал аплодисментов в присутствии короля даже в театре.^[97] Этими религиозными церемониями день был завершен.

На следующий день, 5 мая, двор и все депутаты трех орденов собрались в большом зале, чтобы выслушать инструкции короля. И здесь, опять, народные избранники столкнулись с оскорблением. Для них была отведена особая дверь, черный ход, к которому они подходили по коридору, где их держали в тесноте в течение нескольких часов, пока король, двор, знать и духовенство не вошли торжественно через парадные двери и не заняли свои места. Затем открылась задняя дверь, и народным избранникам в той одежде, которая была навязана им как знак неполноценности, было разрешено войти гуськом и занять скамьи в нижнем конце зала, которые были оставлены для них.^[98]

Когда они вошли, галереи были заполнены зрителями. Король и королева восседали на великолепно украшенном троне. Двор в своем высочайшем великолепии почти окружал трон. Знать и духовенство в парадных одеждах с плюмажами занимали места на возвышении. Все взгляды были прикованы к депутатам, когда они входили один за другим, просто одетые, с надвинутой шляпой в руке. Мирабо, в частности, привлек всеобщее внимание. Он был аристократом не только по рождению и крови, но и по вкусу и манерам. Дух мести загнал его в ряды народа. Направляясь по проходу к своему месту, он бросил

угрожающий взгляд на украшенную перьями и вышивкой знать, с мест которой его согнали, и улыбка, надменная и горько-угрожающая, тронула его губы.[99]

Речь короля была принята благосклонно. Он с достоинством предстал перед представителями и очень уместно произнес сердечные и примирительные слова, которые вложил в его уста Неккер. Закончив свою речь, он сел и надел шляпу с плюмажем. Духовенство и знать, согласно обычаю, сделали то же самое. Но, к их удивлению, представители Третьего сословия также, как бы инстинктивным одновременным движением, надели свои широкополые шляпы на головы. Дворяне, пораженные тем, что они сочли такой наглостью народа, повелительно закричали: "Шляпы долой, шляпы долой!" Но шляпы остались, словно приклеенные к голове. Король, чтобы унять волнение, снова обнажил голову. Это заставило дворян и духовенство сделать то же самое. Третье сословие немедленно последовало их примеру, и до конца заседания все сидели с непокрытыми головами.[100] Когда собрались последние Генеральные штаты, Третье сословие было вынуждено броситься на колени в присутствии короля и обращаться к нему только на коленях.[101]

Когда Неккер поднялся, чтобы заговорить, все взгляды были прикованы к нему, а уши настороже. Как орган короля и его совета, министр должен был сообщать об истинных мнениях и намерениях двора. Духовенство и знать были приятно разочарованы, но народ, сидевший на задних скамьях, слушал молча и печально. Они не услышали ни одной из тех благородных идей равенства и свободы, которые были готовы воспринять с восторгом. Неккер, очевидно, был загнан в угол королем, двором и знатью, которые теперь объединились в чувстве, что растущая мощь Третьего сословия должна быть подавлена. Так закончился второй день.

Мирабо завела журнал, в котором для всеобщего сведения велись записи о работе Генеральных штатов. Суд незамедлительно издал указ, запрещающий публикацию этого журнала, а также запрещающий выпуск любого периодического издания без разрешения короля. Таким образом, была восстановлена жесткая цензура прессы, и депутаты были лишены возможности любого эффективного общения со своими избирателями. Это была еще одна мера безрассудства. Это побудило отдельных членов организации выпускать письменные журналы, которые читались в салунах, клубах и на углах улиц взволнованным толпам, и это побудило тысячи людей собраться на просторных галереях зала, чтобы послушать дебаты. Таким образом, ораторы были воодушевлены присутствием четырех тысяч самых искренних людей, готовых аплодировать каждому высказыванию в защиту народной свободы. Общественное мнение также все больше раздражалось мелким преследованием; настолько, что в конце концов король счел небезопасным приводить в исполнение указ, и непокорный Мирабо вскоре возобновил публикацию своего журнала под названием "*Письма к моим избирателям*".[102]

На следующий день депутаты Третьего сословия в назначенный час отправились в зал заседаний, но не нашли там ни духовенства, ни знати. Эти две партии, решившие увековечить разделение орденов, встретились в своих соответствующих залах и организовались как отдельные организации. Третье сословие, принявшее название Палаты общин, воздержалось от любых органических мер и ждало, когда к ним присоединятся их коллеги. Таким образом, дела продолжались несколько дней. Со стороны духовенства и знати были предприняты все усилия, чтобы заманить Палату общин в ловушку какой-нибудь меры, которая подразумевала бы их организацию в качестве Третьего сословия, но все было напрасно. Предполагая, что это было собрание граждан, собранных законной властью,

чтобы дожидаться, пока другие граждане смогут организовать политическое собрание, они просто выбрали временного председателя для сохранения порядка и ждали.[103]

Таким образом, здесь предстояло решить жизненно важный вопрос, должны ли Генеральные штаты составлять один орган, где должно править большинство, или три отдельных органа, где двое могли бы объединиться, составляя вечное большинство, против одного. Из-за этого вопроса весь вопрос о реформе был приостановлен. Все одинаково понимали суть вопроса, и все одинаково видели, что не было места для компромисса. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Объединившись в одно собрание, *народ* имел бы большинство и мог бы отстаивать народные права. Если бы трупов было три, люди оказались бы в безнадежном меньшинстве, имея против себя двоих. Внимание всей Франции было приковано к конфликту, и нация, парализованная всеми своими интересами, начала проявлять растущее нетерпение из-за задержки. "Дворяне, - пишет М. Байи, - постановили, что обсуждение по ордену и право каждого ордена накладывать вето на действия двух других были частью самой конституции монархии, и что они должны поддерживать их как защитников трона и свободы. Какой странный указ! Представители около двухсот тысяч человек, или более, которые являются дворянами, берут на себя смелость решить в свою пользу вопрос, который касается двадцати пяти миллионов человек. Они присваивают себе право вето; они провозглашают полномочия и принципы конституции; и кто они такие в большей степени, чем другие, которые таким образом заявляют?"[104]

Во время этого затяжного конфликта высшее духовенство хитро разработало следующий план, чтобы поставить палату общин в ложное положение: они послали внушительную делегацию во главе с архиепископом Эксским с патетическим намеком на страдания народа и умоляли палату общин созвать конференцию, чтобы облегчить их страдания. Ловушка была хитроумно подстроена. Если Палата общин согласится, это будет началом работы с тремя палатами; если они откажутся, духовенство, очевидно, будет единственным, кто обратит внимание на голодающее население. На мгновение воцарилось сильное замешательство.

В Собрании поднялся молодой человек, которого почти все члены не знали, и спокойным, отчетливым, обдуманном голосом, привлечшим всеобщее внимание, сказал:

"Идите, скажите своим коллегам, что мы ждем их здесь, чтобы они помогли нам облегчить страдания людей; скажите им, чтобы они больше не тормозили нашу работу; скажите им, что наша решимость не должна быть поколеблена подобной уловкой. Если у них есть сочувствие к бедным, пусть они, как подражатели своему Хозяину, откажутся от той роскоши, которая поглощает средства неимущих, уволят тех наглых лакеев, которые их сопровождают, продадут свои великолепные экипажи и с помощью этих излишеств облегчат гибель. Мы подождем их здесь.[105]

Ловушки удалось ловко избежать. Раздался всеобщий гул одобрения, и все спрашивали имя молодого депутата. Это было первое публичное выступление Максимилиана Робеспьера.[106]

Наконец, 27 мая, через двадцать два дня после созыва Штатов, Палата общин направила депутацию в палаты представителей духовенства и знати, призывая их во имя Бога мира собраться в зале Ассамблеи для обсуждения вопросов общественного блага. Это привело к серии совещаний и предложенных компромиссов со стороны короля и двора, которые

продолжались в течение двух недель, и все они оказались безрезультатными. Наконец, 10 июня Мирабо встал и сказал:

"Прошел месяц.^[107] Пришло время сделать решительный шаг. Депутат от Парижа хочет внести важное предложение. Давайте его заслушаем".

Аббат Сийес^[108] Затем поднялся и предложил разослать последнее приглашение другим орденам присоединиться к ним; и, если они откажутся, приступить к делу не как отделение конвента, а как единое целое. Предложение было воспринято с энтузиазмом. Это было в среду. Поскольку следующий день, четверг, был посвящен религиозным торжествам, пятница, 12-е число, была назначена днем, когда должна была быть отправлена эта важная повестка.^[109]

Это последнее обращение было отправлено в следующих словах, которые комитету Палаты общин было поручено зачитать духовенству и знати и копию которых они должны были оставить у себя:

"Господа, депутаты Палаты общин Франции уполномочили нас уведомить вас, что они больше не могут откладывать выполнение обязательства, возложенного на всех представителей нации. Несомненно, настало время, чтобы те, кто претендует на это качество, заявили о себе путем общей проверки своих полномочий и начали, наконец, заботиться о национальных интересах, которые сами по себе, исключая все частные интересы, являются великой целью, к достижению которой все депутаты должны стремиться едиными общими усилиями. Вследствие этого и исходя из необходимости, с которой представители нации должны приступить к делу, депутаты Палаты общин вновь умоляют вас, джентльмены, и их долг предписывает им обратиться к вам, как индивидуально, так и коллективно, с последним призывом явиться в зал Заседаний Штатов, присутствовать, согласиться и, подобно им самим, подчиниться общей проверке полномочий. В то же время нам поручено проинформировать вас, что общий созыв всех созванных судебных приставов состоится через час; что Собрание немедленно приступит к проверке, и что те, кто не явится, будут объявлены неплательщиками".

Этот призыв, столь смелый и решительный, вызвал немалый ужас в обеих привилегированных организациях. Священнослужители встретили это сообщение аплодисментами и высказались за немедленное выполнение. Но их церковное начальство держало их в узде и добилось отсрочки.

Палата общин выждала час, а затем приступила к проверке полномочий депутатов. Это заняло три дня. В первый день пришли трое викариев из духовенства и объединились с ними. Их приняли с энтузиазмом. На второй день прибыло шестеро, на третий - десять, а затем было объявлено, что всего прибудет сто сорок человек. Это вызвало глубокую тревогу у всех высших сановников Церкви и государства. "Аристократия, - говорит Тьер, - немедленно бросилась к ногам короля. Герцог Люксембургский, кардинал де Ларошфуко, архиепископ Парижа, умоляли его обуздать дерзость *Высших* классов и поддержать их права, которые подверглись нападкам. Парламент предложил ему обойтись без Штатов, *пообещав согласиться на все налоги*. Короля окружали принцы и королева. Это было больше, чем требовалось из-за его слабости. Они поспешили отправить его в Марли, чтобы добиться от него решительных мер".

Такое положение вещей обеспечило полное примирение между двором и аристократией. Границы теперь были четко очерчены: король, знать и духовенство на одной стороне, народ - на другой. Волнение в Париже во время этого затяжного конфликта было очень велико. В

саду Пале-Рояля был установлен большой деревянный шатер, где почти постоянно собиралась толпа, чтобы узнать новости, приносимые курьерами из Версаля. На каждом углу, в каждом кафе обсуждалась эта тема. Почти каждый час выпускалась брошюра. "Сегодня их было выпущено тринадцать, - пишет Артур Янг, - вчера - шестнадцать, на прошлой неделе - девяносто два". Тем временем двор сосредоточил войска со всех концов королевства вокруг Парижа и Версаля, и сотня орудий полевой артиллерии угрожала двум городам.

Теперь необходимо было дать Ассамблее название, название, которое определяло бы ее функции. Предположение, что они были нацией, было бы смелым и вызывающим. Признание того, что они были всего лишь *филиалом* национального представительства, было бы парализующим. Собрание было побуждено к быстрым и решительным действиям всеобщим опасением, что двор может использовать армию, собранную теперь в таком количестве, для ареста главных депутатов, роспуска Штатов и, если население Парижа окажет какое-либо сопротивление, окружить город и заставить его заморить голодом. Сийес в знаменитой брошюре, которую он выпустил, чтобы подготовить общественное мнение к этому движению, сказал: "Третье сословие само по себе, как они утверждают, не может сформировать Генеральные штаты. Что ж! тем лучше; оно должно составить Национальное собрание". Орган, который, по всеобщему признанию, представлял девяносто шесть сотых населения страны, мог бы с полным правом называться Национальным.^[110]

Утром 17 июня, после долгого и оживленного обсуждения предыдущего дня, Палата общин собралась для решения этого важнейшего вопроса. Король, двор и аристократия были сильно встревожены. Если эта смелая, решительная организация была *нацией*, то кем были они? Ничего. Люди были чрезвычайно взволнованы и оживлены. Тысячи людей на всех мыслимых транспортных средствах устремились из Парижа в Версаль. Галереи огромного зала, возвышавшегося подобно амфитеатру, были забиты до отказа. Здание было окружено, и широкие проспекты Версаля запружены возбужденной, но упорядоченной толпой.

Члены совета только собрались, когда президент Байи был вызван в кабинет канцлера для получения послания от короля. Было хорошо понятно, что это послание будет для них царственным запретом делать что-либо без согласия трех орденов. Ассамблея немедленно и решительно отложила принятие послания до проведения голосования, которое тогда находилось на их рассмотрении. И снова они были прерваны сообщением от знати, которая в тревоге предприняла отчаянную попытку помешать происходящему. Но Собрание продолжало действовать спокойно и твердо и четырьмя сотнями одним голосом против девяноста провозгласило себя Национальным собранием.

Затем в присутствии четырех тысяч зрителей депутаты встали и с поднятыми руками принесли присягу на верность. Когда они одновременно произнесли слова "*Мы клянемся*", с галерей донесся взрыв одобрительных возгласов, которые были подхвачены теми, кто находился за дверью, и прокатились по улицам подобно раскатам грома. "Vive le Roi! Да здравствует Национальное собрание!" - таков был крик, вырвавшийся из переполненных сердец, и тысячи людей в порыве эмоций склонили головы и заплакали.

Более героического поступка, чем этот, история не зафиксировала. Это было решающее движение. Оно дало людям организацию и выстроило их лицом к лицу против королевской власти и аристократии. Король, двор, знать и высшее духовенство - все были против них. Они были окружены армиями. Они были безоружны и беспомощны, если не считать правоты своего дела. Им угрожали все ужасы ссылки, темницы и эшафота; но, невзирая на все эти опасности, верные священному делу народной свободы, они поклялись в его защите своей

жизнью, своим состоянием и своей священной честью. Даже Элисон, непримиримый враг народных прав, неутомимый защитник аристократических притязаний, вынуждена сказать:

"Невозможно отказать в дани восхищения этим бесстрашным людям, которые, движимые рвением к свободе и любовью к своей стране, отважились на шаг, сопряженный со столькими опасностями и который, по всей видимости, мог бы многих привести в тюрьму или на эшафот. Немногие ситуации можно представить себе более достойными, чем ситуация Байи, увенчавшего научную жизнь патриотическими усилиями, окруженного восхищенным собранием, кумира народа, предметом восхищения Европы".

СНОСКИ:

[95] "Как и нация, я был полон надежды, надежды, которую я тогда не мог считать напрасной. Увы! как можно теперь думать без слез о надеждах и чаяниях, которые тогда повсюду испытывали все добрые французы, каждый друг человечества!" —*Неккер о Французской революции*.

[96] "*Tiers Etat* насчитывала среди своих членов значительную долю таланта и почти всю энергию Франции. В его рядах были ведущие представители адвокатуры, коммерции и медицины, а также многие из самых способных представителей духовенства". —*Элисон*, том i, стр. 69.

[97] Франция и ее революции, по географии. Лонг, Эсквайр, стр. 2.

[98] М. Рабо де Сент-Этьен, том i, стр. 47.

[99] Мадам де Сталь.

[100] Парламентская история, том i, стр. 356.

[101] "Кто бы поверил, что этот безумный суд помнил и сожалел об абсурдном обычае заставлять представителей Третьего сословия произносить речи на коленях? Они не желали прямо отказываться от этой церемонии и предпочли, чтобы президент Третьего сословия вообще не произносил речи". —*Мишле*, том i, стр. 88.

[102] Procès verbal des électeurs rédigé par Bailly et Duveyrier, t. i., p. 34.

[103] "Председателем был месье Байи, простой и добродетельный человек, прославленный и скромный специалист в области наук, который внезапно был перенесен из тихих кабинетных занятий в разгар гражданской войны. Избранный председательствовать на большом собрании, он был встревожен своей новой должностью, счел себя недостойным занимать ее и взялся за нее исключительно из чувства долга. Но, внезапно оказавшись на свободе, он обнаружил в себе неожиданное присутствие духа и твердость. Среди стольких конфликтов он заставил уважать величие собрания и представлял его со всем достоинством добродетели и разума". —*Тьер*, том i, стр. 42.

[104] С негодованием восклицает Десодоардс: "Потомки сикумбрийцев или, я не знаю, каких дикарей, которые много веков назад пришли из лесов Германии, могли ли они предположить в конце восемнадцати столетий, что их кровь была более чистой, чем та, что текла в жилах потомков галлов или римлян, древних жителей из Франции? Притворяются ли они дворянами, потому что они завоеватели? Тогда нам, ставшим теперь более могущественными, останется только переправить их через Рейн, и мы, в свою очередь,

станем победителями и, следовательно, дворянами". - *История философии французской революции, часть вторая. Fantin Desodoards, Citoyen Français.*

[105] "Какое зрелище для Франции! Шестьсот неорганических индивидуумов, необходимых для его возрождения и спасения, сидят там на своих эллиптических скамьях, страстно стремясь к жизни, в болезненном ожидании, подобно душам, ожидающим рождения. Произносятся речи, они красноречивы, их слышно за дверями и снаружи. Разум восстает против разума; нация наблюдает за происходящим со все более глубоким интересом. Так депутаты Палаты общин сидят и вынашивают яйца". —*Карлайл*, том i, стр. 148.

[106] Воспоминания Байи, т. i., стр. 114.—*Дюмон, Сувениры и др.*, т. i., стр. 59.

[107] "Месяц потерян! Месяц открытого голода. Обратите внимание, что в течение этого долгого ожидания богатые сохраняли неподвижность и откладывали все виды расходов. Работа прекратилась. Тот, у кого были только его руки, его ежедневный труд, чтобы прокормить день, пошел искать работу, ничего не нашел —просил милостыню— ничего не получил — его ограбили. Банды голодающих наводнили страну". —*Мишле*, том i, стр. 93.

[108] Аббат Сийес был одним из депутатов, присланных Третьим сословием из Парижа, и единственным священнослужителем в их делегации.

[109] Ходатайство Сийеса заключалось в том, чтобы *вызвать* привилегированных. По результатам голосования Ассамблеи слово "пригласить" было изменено на "пригласить". *Франция и ее революции, Г. Лонг, эсквайр*, стр. 12.

"Ассамблея, - пишет г-н Байи, ее председатель, - совещаясь после проверки своих полномочий, приходит к выводу, что она уже состоит из представителей, присланных непосредственно, по крайней мере, девяносто шестью сотыми от всей нации. Ничто не может быть более точным, чем это утверждение. Четыре сотых, которые отсутствуют, но должным образом вызваны, не могут помешать девяносто шести сотым, которые присутствуют.

"Ассамблея никогда не потеряет надежды объединить в своих рядах всех депутатов, которые сейчас отсутствуют; никогда не перестанет призывать их выполнять возложенное на них обязательство присутствовать на заседании Генеральных штатов. В какой бы момент отсутствующие депутаты ни появились на открывающейся сессии, Ассамблея заранее заявляет, что поспешит принять их, чтобы разделить с ними, после проверки их полномочий, продолжение великих трудов, которые не могут не обеспечить возрождения Франции".

[110] Неккер оценил Третье сословие в девяносто *восемь* сотых населения.

ГЛАВА X.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Первые акты Собраниа.—Замешательство в суде.—Зал Собраниа закрыт.—Перерыв на теннисном корте.—Советы Кабинета министров.—Деспотические меры.—Теннисный корт закрыт.—Ликование двора.—Союз с духовенством.—Опасность Собраниа.—Королевское заседание.—Речь короля.

Первая мера, принятая Национальным собранием, была достойна самой себя. Было проголосовано за то, чтобы налоги, которые уже были установлены законом, хотя и не были юридически установлены с согласия нации, должны быть аккуратно уплачены. Вместо того чтобы отказаться от огромного государственного долга, они присвоили его как свой собственный и передали под защиту нации. Затем они немедленно назначили комитет, который должен был заняться бедствиями народа и разработать меры по их облегчению. Какой огромный контраст между этим великодушием народа и эгоизмом и продажностью двора, сложившимися на протяжении веков! Так завершилось богатое событиями 17 июня 1789 года, которое можно считать почти днем рождения нации Франции. До этого события существование *народа* едва ли признавалось. Хотя колыбель его младенчества сотрясали бури, и хотя в процессе взросления он сталкивался со страшными опасностями и жесточайшими конфликтами, все же его прогресс, несомненно, идет к достоинству и покою.

В ранний час Собрание было закрыто. Курьеры из зала поспешили в ожидающий Париж с радостной вестью. Самое пылкое воображение не может постичь того радостного энтузиазма, который разведка возбудила в метрополии и по всей Франции. Король и его двор находились в это время в нескольких милях от Версаля, во дворце Марли. Духовенство и знать в ужасе послали комитет из своих самых видных членов умолять королевскую власть вмешаться.^[111] Но у короля не хватило смелости на столь решительный поступок. Было настоятельно рекомендовано, чтобы дворянство и духовенство немедленно объединились в единый орган, который должен был составить верхнюю палату; и таким образом, естественно, королевство превратилось бы в монархию, подобную английской, с ее Палатой лордов и Палатой общин. Это была бы в высшей степени благотворная реформа, которая подготовила бы путь для постепенного и безопасного продвижения нации от рабства к свободе. Но с почти непостижимым безумием высшая знать с презрением отвергла всякую идею союза.^[112] Они считали унижительным создавать постоянную ассоциацию с низшим духовенством и с мужчинами, которые в течение нескольких столетий были облагорожены указом короля. Таким образом, создание двух отдельных палат стало невозможным из-за глупости тех самых людей, чье существование зависело от этого. Таким образом, среди знати и духовенства царили смятение и растерянность, в то время как единодушные и энергия пронизывали каждое движение Собрания.^[113]

При таком положении дел значительная часть духовенства, составляющая почти всех приходских священнослужителей, выступала за объединение с Собранием. Герцог Орлеанский также среди знати возглавил небольшое меньшинство дворян, отстаивавших ту же меру. Но двор, как правило, умолял короля немедленно распустить Ассамблею, при необходимости прибегнув к насилию. Народное волнение в Париже и Версале усилилось. Единственная надежда людей была на Ассамблею. Ее роспуск поверг их в отчаяние. Король колебался, сильно желая подавить народное движение, ставшее теперь таким грозным, но все еще опасаясь принять те энергичные меры, с помощью которых только и можно было этого добиться. В конце концов он решил, в соответствии с той системой безрассудства, которая, по-видимому, была внушена суду, прибегнуть к самой худшей мере, которая могла быть принята. В пятницу, 17 июня, большинство духовенства, состоящее из нескольких прелатов и примерно ста сорока викариев, решило выйти из состава сановников Церкви и объединиться с народом в Ассамблее на следующий день. Перспектива такого присоединения к народной ветви власти вселила ужас в ряды привилегированных классов. Делегация епископов и знати ночью поспешила к королю в Марли и убедила его вмешаться, чтобы предотвратить соединение.

Уступив их настойчивости, он согласился запереть зал Собраний на следующий день и приставить солдат охранять вход, чтобы собрания не было. В качестве оправдания этого акта насилия предполагалось, что зал был нужен рабочим для установки декораций в рамках подготовки к королевскому заседанию, которое должно было состояться в понедельник. Таким образом, король выиграл время, чтобы принять решение о мерах, которые он объявит на королевском заседании.[114]

В шесть часов утра в субботу по улицам Версаля были расклеены плакаты, возвещающие об этом указе. В семь часов г-н Байи, председатель Собраний, получил записку от одного из приближенных короля, информирующую его о принятом решении. Собрание было закрыто накануне вечером, чтобы собраться в восемь часов утра. Конечно, было бы правильно, если бы такое сообщение было сделано не президенту в его резиденции, а собравшемуся органу. Это было ненастное утро; потоки дождя, подгоняемые свирепым ветром, затопили улицы. В назначенный час президент в сопровождении нескольких депутатов подошел к зданию парламента. Они обнаружили, что дверь охраняет отряд королевских войск, а перед ней собралось большое количество представителей. В приеме было категорически отказано, и было объявлено, что любая попытка силой проникнуть внутрь будет отражена штыком.[115]

ДВЕРИ СОБРАНИЯ БЫЛИ ЗАКРЫТЫ И ОХРАНЯЛИСЬ.

Собрание и народ были сильно встревожены: меры насилия уже были приняты. Возникла угроза их немедленного роспуска, что привело к краху всех надежд на реформы. Дождь все еще лил как из ведра. В Версале не было зала, к которому они могли бы прибегнуть. Некоторые предлагали немедленно перебраться в Париж, где они могли бы положиться на защиту народных масс. Эта мера, однако, была отклонена как слишком революционная в своем аспекте. Кто-то предположил, что в городе есть старый полуразрушенный теннисный корт, и было немедленно решено собраться на его тротуарах. Шестьсот депутатов, доведенных теперь до высшей степени возбуждения, сопровождаемые огромной толпой сочувствующих и аплодирующих людей, прошли по улицам к теннисному корту без мебели. Здесь, где не было даже места для президента, Собрание было организовано, и Байи твердым голосом произнес следующую клятву, которая была немедленно повторена настолько полно и сильно всеми устами, что разнеслась по обширному залу, окружавшему здание:

"Мы торжественно клянемся никогда не расходиться и собираться везде, где того потребуют обстоятельства, до тех пор, пока конституция королевства не будет утверждена на торжественной основе".

Затем эту декларацию подписали все депутаты, за исключением одного человека; и это Собрание так благородно уважало частную свободу, что позволило ему выразить свой протест по поводу декларации.

Было уже четыре часа пополудни, и Собрание, увековечившее это место как колыбель свободы, закрыло заседание.

На следующий день была суббота, а королевское заседание было назначено на понедельник. Возбуждение при дворе в Марли теперь доходило почти до оцепенения. Министр Неккер предлагал меры примирения и составил план, который, вероятно, был бы принят народом, поскольку никто тогда не желал свержения монархии.^[116] Все лидеры Ассамблеи были едины в желании сохранить монархическую форму правления. Поскольку они были окружены тронами, образцом для них была Англия, а не Америка. Они хотели конституционной монархии, в которой голос народа был бы услышан и где все граждане жили бы, пользуясь равными правами. Их пожелания были мудрыми и благородными. Неккер, совещавшийся наедине с королем и его кабинетом министров, наконец-то поделился своими взглядами с королем и большинством членов кабинета, когда вошел придворный и что-то прошептал королю. Король немедленно встал и, попросив совет дождаться его возвращения, покинул комнату.

"Это может быть только послание от королевы, - сказал г-н де Монморен Неккеру. - принцы крови убедили ее вмешаться и убедить короля отложить свое решение".

Так оно и было. Через полчаса король вернулся, отказался дать согласие на план до следующего заседания и распустил совет. Королевское заседание также было отложено до вторника.

В понедельник, 22-го числа, король провел очередной совет в Версале. Два его брата, граф Прованский (Людовик XVIII) и граф д'Артуа (Карл X.), вместе с четырьмя другими сановниками привилегированного класса встретились с советом и приняли активное участие в его обсуждениях. Проект Неккера был здесь обсужден и почти с негодованием отвергнут. И все же самые убежденные роялисты признают, что это было чрезвычайно выгодно привилегированному классу, и ни один республиканец не может читать это без удивления, что тогда народ так много мог уступить аристократическим притязаниям.^[117] Но все же этот план, в котором Неккер пошел на крайние уступки, чтобы умиловить суд, был категорически отклонен, и был принят другой, оскорбительный по своему тону, властный в своих требованиях и совершенно деспотический в своих принципах, и Собрание должно было быть сурово распущено. Неккер тщетно протестовал и, наконец, в унижении и отчаянии заявил, что он не может одобрить такое послание своим присутствием и что ему придется уйти в отставку со своего поста. Слабый, колеблющийся король был единодушен в суждениях и сердцем с Неккером, как и один или два других министра; но королева, унаследовав дух австрийского деспотизма, действуя через двух братьев короля и большинство придворных, отстаивала свою точку зрения. Это возбужденное обсуждение продолжалось до полуночи воскресенья, а затем было слишком поздно предлагать вызывающее послание на следующий день. В результате королевское заседание было перенесено на вторник.^[118]

Чтобы помешать Собранию собраться в понедельник на теннисном корте, где к ним могли бы присоединиться викарии, граф д'Артуа сообщил смотрителю, что желает, чтобы в этот день на теннисном корте играли. В понедельник утром, когда Собрание, согласно объявленному перерыву, собралось у дверей, они обнаружили, что вход охраняется, и их исключили под предлогом того, что граф д'Артуа пожелал получить это помещение для собственного развлечения. Таким образом, Собрание, состоящее теперь из семисот или восьмисот самых прославленных людей Франции, представителей двадцати пяти миллионов человек, было снова вытеснено на улицы, потому что молодой дворянин пожелал занять их комнату, чтобы сыграть партию в мяч.

Некоторые из молодых помощников шерифа, раздраженные таким обращением, высказались за то, чтобы силой проникнуть внутрь. Но вооруженные отряды, все под командованием офицеров-аристократов, маршировали по улицам, штыки сверкали по всему залу, и пятьдесят тысяч солдат были в пределах досягаемости. Двор не скрывал своего веселья, когда снова наблюдал, как Собрание бродит без дома, как бродяги по улице. Теперь знать ликовала. Они вынудили короля принять их план. Собрание должно было быть с позором распущено, и под рукой были достаточные силы пехоты, кавалерии и артиллерии для выполнения их высокомерного указа. Они больше не боялись Ассамблеи. Они больше не стеснялись открыто высмеивать их.^[119]

Эти представители народа, оскорбленные таким образом до предела, какое-то время пребывали в большом замешательстве. Однако случилось так, что викарии, проголосовавшие за объединение с Третьим сословием, числом около ста сорока человек,^[120] во главе с архиепископом Вьеннским, встретились в церкви Святого Людовика, намереваясь оттуда процессией присоединиться к Ассамблее. Они немедленно отправили в Палату общин приглашение починить церковь, где они собрались, и, взяв себя в руки на хоре, покинули неф для своих гостей. Затем духовенство спустилось и объединилось с Палатой общин, где их встретили криками, объятиями и слезами. Это был торжественный час, и эмоции, слишком глубокие, чтобы выразить их словами, взволновали все сердца. Теперь накапливались страшные опасности. До ушей депутатов дошли слухи о том, что суд намеревается насильственно распустить и разогнать Ассамблею. Это положит конец всем надеждам на реформы. Марширующие и контрмарширующие войска, новые полки, входящие в город, приближающиеся сотни орудий полевой артиллерии, пушки, хмуро стоящие перед дверью их зала, ликующие взгляды и вызывающая осанка их врагов - все это было предзнаменованием какого-то решающего действия.^[121]

Наступило утро 23 июня. Было темно и штормило. В назначенный час, в десять часов, члены Собрания отправились в зал Ассамблеи, чтобы встретиться с королем и двором. Различными путями они получили намеки на меры, которые должны были быть приняты против них, и на лицах у всех читалась тревога. Когда они приблизились к залу, они обнаружили, что то же самое неуважение, которое они получили 5 мая, должно было повториться с новыми проявлениями. Суд хотел унижить простолюдинов; они лишь разозлили их. Главный вход, как и прежде, был зарезервирован для духовенства и знати. Членов Палаты общин проводили к боковой двери, которая еще не была открыта, где они остались стоять толпой под дождем. Они предприняли несколько попыток проникнуть внутрь, но не смогли и в конце концов укрылись от непогоды в соседнем сарае.^[122]

Тем временем два привилегированных класса приблизились с необычной демонстрацией помпезных экипажей и великолепных ливрей. Шеренги солдат охраняли их, музыкальные оркестры приветствовали их, и с самым показным парадом уважения их проводили на их места. Затем боковая дверь распахнулась, и члены Общины в промокшей и перепачканной

одежде гуськом вошли, чтобы занять оставленные для них задние скамьи. Они обнаружили аристократию на своих местах, как судей, ожидающих приближения преступников. Знать и высшее духовенство не могли подавить чувства ликования. Теперь Община должна была подвергнуться упреку, осуждению и сокрушению.^[123]

Военные подразделения патрулировали улицы и были размещены вокруг здания. Четыре тысячи гвардейцев были вооружены, и, кроме того, несколько полков находилось в окрестностях Версаля, в пределах часового перехода. Шумная масса людей из Парижа и Версаля хлынула вокруг здания и затопила все прилегающие проспекты. Когда карета короля и королевы, окруженная военной свитой, приблизилась, не было слышно ни единого приветственного голоса. Толпа смотрела молча и мрачно. Король был чрезвычайно удручен, ибо его рассудок и сердце в равной степени осуждали меры, которые он был вынужден принять. Королева была потрясена зловещей тишиной и начала опасаться, что они действительно зашли слишком далеко. Когда несколько голосов прокричали "Да здравствует герцог Орлеанский!", она правильно истолковала это приветствие своих непримиримых врагов как намеренное оскорбление, и было замечено, что она побледнела и чуть не упала в обморок.

Король вошел в зал вместе с королевой, двумя своими братьями и министрами, за исключением Неккера. Отсутствие Неккера настолько отвлекло все мысли, что королевское представление было проигнорировано. Здесь снова монарха была принята в тишине, прерываемой лишь слабыми аплодисментами знати.

Король едва знал, как произнести высокомерные, вызывающие слова, которые были вложены в его уста. Это был ягненок, пытающийся подражать рычанию льва. Он обратился с несколькими словами к Собранию, а затем передал свое заявление в руки одного из своих секретарей для прочтения.^[124]

В нем говорилось о его намерении сохранить различие между тремя сословиями и о том, что они должны голосовать раздельно; что они могут время от времени собираться вместе, с согласия короля, для голосования по налогам. Постановление Палаты общин о создании Национальной ассамблеи было объявлено незаконным и недействительным. Депутатам было запрещено получать какие-либо указания от своих избирателей. Никому из зрителей не разрешалось присутствовать на заседаниях Генеральных штатов, независимо от того, собирались ли они вместе или в разных палатах. В организации армии не допускалось никаких новшеств. Дворяне, и только дворяне, должны были быть офицерами. Старые феодальные привилегии должны были оставаться неизменными. Никакие церковные реформы не должны были допускаться без санкции духовенства.^[125]

Таковы были запреты. Затем наступили преимущества. Король обещал утвердить равенство налогообложения, *когда духовенство и знать согласятся на такое налогообложение*. Король пообещал принять любые финансовые меры и расходы, которые будут рекомендованы Генеральными штатами, если он сочтет такие меры *совместимыми с королевским достоинством*. Он предложил штатам — которые, как следует помнить, должны были быть собраны в трех палатах, при этом духовенство и дворянство, таким образом, могли перевесить Палату общин двумя голосами против одного — *предложить меры по отмене официальных документов*, меры, которые не должны мешать власти подавлять мятеж и тайно наказывать тех, чьи родственники будут опозорены привлечением их к суду. Им также было предложено найти способы совместить свободу прессы с уважением, подобающим религии, и с честью граждан. В заключение король пригрозил, что, если палата общин откажется подчиниться этим заявлениям, он немедленно распустит

Штаты и снова полностью возьмет бразды правления в свои руки. Это обращение было закончено следующими словами:

- Я приказываю вам, джентльмены, немедленно разойтись и завтра утром отправиться в комнаты, соответствующие вашему приказу.^[126]

Затем король со своим двором покинул зал. Большая часть знати и почти все епископы последовали за ним. Ликование сияло на их лицах, ибо они полагали, что теперь Национальное собрание окончательно разгромлено.

СНОСКИ:

[111] Мишле, том i, стр. 105.

[112] "Партия, которая называла себя защитницей трона, с бесконечным презрением отзывалась о власти короля Англии. Низвести короля Франции до жалкого положения британского монарха было, по сути, отвратительно и предательски". — *Соображения о Французской революции, мадам де Сталь*.

[113] Мадам де Сталь, том i, стр. 106.

[114] Мишле, том i, стр. 106.

Маркиз Ферьер, депутат от знати и ярый сторонник аристократических притязаний, пишет в своих воспоминаниях: "Двор, не в силах больше скрывать от себя истинную правду о том, что все их мелкие уловки по разделению орденов служили только для того, чтобы способствовать их объединению, решил распустить Генеральные штаты. Необходимо было удалить короля из Версаля, убрать с дороги Неккера и прикрепленных к нему министров. Была организована поездка в Марли. Предлогом послужила смерть дофина. Над разумом короля успешно поработали. Ему сказали, что давно пора прекратить неслыханные предприятия Третьего сословия; что скоро у него будет только имя короля. Кардинал Рошфуко и архиепископ Парижа бросились к ногам короля и умоляли его спасти духовенство и защитить религию. Парламент отправил секретную депутацию, предложив план, как избавиться от Генеральных штатов. Хранитель печати, граф д'Артуа, королева - все объединились. Таким образом, все было улажено, и приказом короля было объявлено королевское заседание и приостановлено заседание Штатов под предлогом принятия мер в зале".

[115] "Депутаты стоят группой на парижской дороге, на этом отвратительном *Версальском авеню*, громко жалуясь на оказанное им унижение. Предполагается, что придворные смотрят из своих окон и хихикают". — *Карлайл*, том i, стр. 156.

"Прилично ли, - пишет М. Байи в своих Мемуарах, - чтобы члены Национального собрания или даже депутаты Палаты общин, как вам все еще угодно их считать, были таким образом извещены о намерениях короля, о приостановке их собственных заседаний, только через глашатаев и объявления, вывешенные на стене, подобно тому, как жители города были бы извещены о закрытии театра?"

[116] "Совершенно очевидно, что, смешанное с небольшим личным тщеславием, самое искреннее желание счастья Франции и счастья человечества было основным мотивом Неккера". — *Лекции о Французской революции, Ум. Смит*, том i, стр. 287.

"Давайте не будем забывать, что в тот период все Собрание было роялистским, без исключения". —*Мишле*, т. i, стр. 108.

[117] Для получения полной информации об этом проекте см. *uvvres de Necker*, том vi., стр. 119. Мишле безжалостно осуждает Неккера за представление проекта, который, хотя и обеспечил проведение нескольких реформ, все же позволил деспотическому двору добиться такого влияния. Но если министр не смог осуществить даже этот проект, что он мог сделать с человеком, предъявляющим еще большие требования? Британское правительство с его королем, палатами лордов и общин было образцом для Неккера, хотя он по-прежнему допускал придворные полномочия, которые народ Великобритании не потерпел бы ни на час. Но французский двор с *презрением* взирал на ограниченные полномочия короля и знати Англии и не соглашался ни на какое сближение с правившим там правительством. *Уровень Etat* был бы более чем удовлетворен английской конституцией. Тогда никто не желал свержения монархии.

[118] Смит, Лекции о Французской революции, i., 192; Мишле, i., 110.

[119] Мишле, i., 110.

[120] М. Рабо де Сент-Этьен, стр. 53, говорит, что духовенство проголосовало за объединение ста сорока девятью голосами против ста двадцати шести.

[121] "Дворянство, с которым я общаюсь, - пишет Артур Янг, - наиболее отвратительно придерживается всех старых прав, как бы тяжело они ни давили на народ. Они и слышать не хотят о том, чтобы хоть в малейшей степени уступить духу свободы, кроме как платить равные земельные налоги, которые, по их мнению, являются всем, что можно разумно потребовать".

"Было слишком поздно", - пишет ВМ. Смит, "и когда слишком поздно, что они добрались даже до этого момента."

[122] М. Рабо де Сент-Этьен, i., 56.

[123] *Id.*, 57; Michelet, i., 112.

[124] История. Часть, том ii, стр. 15.

[125] "Дворяне аплодировали статье, освящающей феодальные права, послышались громкие, отчетливые голоса, произносившие: "Тишина там!" —*Мишле*, том i, стр. 115.

[126] Мистер Элисон странно говорит, что "Эти указы содержали все элементы рациональной свободы, отменяли денежные привилегии, регулировали расходы королевской семьи, обеспечивали свободу прессы, регулировали уголовный кодекс и личную свободу подданных". —*Элисон, История. of Europe*, том i, стр. 74. Французский народ так не думал. Посмотрите возмущенное неприятие Мишле насмешек над этими декретами. —*Мичиган, История О. преподобного*, том i, стр. 115. М. Рабо де Сент-Этьен, член Собрания, пишет: "В этих льготах, которые король таким образом обещал нации, не упоминалось ни о столь желанной конституции, ни об участии Генеральных штатов во всех законодательных актах, ни об ответственности министров, ни о свободе прессы; и почти все, что составляет гражданскую свободу, было обойдено полным молчанием. Тем не менее притязания привилегированных сословий были поддержаны, деспотизм правителя был санкционирован, а Генеральные штаты были унижены и подчинены его власти". —*История преподобного О.*, том i, стр. 56.

Маркиз Ферьер пишет: "Зал был окружен солдатами и стражей. Все вокруг трона было безмолвным и меланхоличным. Сама декларация никого не удовлетворила, и король говорил скорее как деспот, который приказывает, чем как монарх, обсуждающий с представителями своего народа интересы великой нации".

ГЛАВА XI.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МЕРЫ.

Речь Мирабо.—Приближение солдат и опасность для Собрании.—Восторг королевы.—Триумф Неккера.—Смущение епископов и дворян.—Письмо короля.—Епископы и дворяне присоединяются к Собранию.—Отчаянная решимость дворян.—Войска, сочувствующие Народу.

Когда король в сопровождении знати и духовенства покинул зал, палата общин осталась на своих местах. Теперь наступил кризис. Не было альтернативы, кроме сопротивления или покорности, бунта или рабства. На мгновение воцарилась полная тишина. Но дух неукротимой решимости светился на каждом лице. Мирабо поднялся первым. В нескольких из тех страстных фраз, которые гремели над Францией подобно громким нотам, он воскликнул:

"К чему этот диктаторский язык, эта демонстрация оружия, это нарушение национальной святыни? Кто тот, кто отдает приказы нам — нам, к кому только двадцать пять миллионов людей обращаются за счастьем? Давайте вооружимся нашей законодательной властью, вспомним нашу клятву — ту клятву, которая не позволяет нам расходиться, пока мы не установим конституцию!"[\[127\]](#)

Пока он еще говорил, маркиз де Брезе, один из королевских офицеров, заметив, что Собрание не расходится, вышел на середину зала и громким властным голосом, по приказу которого почти пятьдесят тысяч солдат были готовы выступить в поход, потребовал:

- Ты слышал приказ короля? - спросил я.

"Да, сударь, - ответил Мирабо с горящими глазами и громовым тоном, который заставил Брезе дрогнуть перед ним, - мы действительно слышали приказ короля; и вы, у которого нет ни места, ни голоса в этом доме, не тот человек, чтобы напоминать нам о его словах. Идите, скажите тем, кто вас послал, что мы здесь силой народа и что ничто не прогонит нас отсюда, кроме силы штыка".[\[128\]](#)

Офицер, маркиз, повернулся к президенту, как бы спрашивая его решения.

"Ассамблея, - сказал г-н Байи, - решила вчера собраться после королевского заседания. Этот вопрос должен быть обсужден".

- Должен ли я передать этот ответ королю? - спросил маркиз.

"Да, сэр", - ответил президент. Маркиз удалился. В зал вошли вооруженные солдаты в сопровождении рабочих, чтобы убрать скамейки и разобрать помещение. Солдаты окружили здание, и лейб-гвардия двинулась к дверям. Но слово президента остановило рабочих, и они стояли со своими инструментами в руках, с восхищением созерцая спокойное величие Собрании. Личная охрана теперь выстроилась в очередь перед залом, и

положение ее членов было полно опасности. Ожидалось, что все видные депутаты будут арестованы. Затем было проведено голосование, объявляющее личность каждого члена Собрания неприкосновенной и объявляющее виновным в государственной измене любого, кто попытается арестовать любого из представителей нации.

Тем временем знать ликовала. Они считали, что народное движение теперь окончательно подавлено. Толпой они поспешили к резиденциям двух братьев короля, графа Прованского и графа д'Артуа, со своими поздравлениями. Затем они отправились к королеве и заверили ее, что работа выполнена и все в безопасности. Королева была в приподнятом настроении и встретила их с улыбками. Представляя им своего сына, юного дофина, она сказала: *"Я вверяю его дворянству"*.

Но в этот самый момент на улицах раздались громкие крики, переросшие в гул бесчисленных голосов, который проник в самые сокровенные покои Версальского дворца. Всем не терпелось выяснить причину. Весь народ синхронным движением собрался вокруг апартаментов господина Неккера и восторженно аплодировал ему за отказ присутствовать на королевском заседании.

Это проявление народных чувств было настолько решительным, что радость сменилась тревогой. Даже опасения королевы были вызваны, и за Неккером немедленно послали. Он вошел во дворец в сопровождении многотысячной толпы, заполнившей обширный двор. И король, и королева умоляли Неккера отозвать свою отставку, король добродушно сказал: *"Что касается меня, то я вовсе не настаиваю на этом заявлении"*.

Неккер охотно выполнил их просьбу.^[129] Покидая дворец, он сообщил собравшимся, что должен оставаться на своем посту. Это объявление было встречено с безграничной радостью. Когда ликующие крики толпы разнеслись по замку, вошел Брезе, чтобы сообщить королю, что депутаты все еще продолжают свое заседание, и спросить распоряжений. Король нетерпеливо прошелся раз или два взад-вперед по комнате, а затем поспешно ответил: *"Очень хорошо! оставь их в покое"*.

На следующий день, в среду, 24 июня, Ассамблея собралась в своем зале и вела дела так спокойно, как будто их никто и не прерывал. Духовенство, присоединившееся к ним в церкви Святого Людовика, все еще решительно продолжало с ними, несмотря на запрет, и в этот день половина оставшегося духовенства присоединилась к Собранию. Несколько человек из знати также перешли на сторону противника. Эти два тела, сломленные таким образом, теперь были совершенно бессильны и быстро погружались в ничтожество. Тысячи людей постоянно толпились на галереях и в проходах Национального собрания, в то время как никто, казалось, и не думал о двух залах, где по отдельности находились немногочисленные представители духовенства и знати.

На следующий день, 26 июня, после долгих и захватывающих дебатов, в ходе которых подавляющее большинство дворян решило твердо выступать против унии, сорок семь человек из их числа во главе с герцогом Орлеанским и Лафайетом, а также многие из самых выдающихся талантов и добродетелей отправились в Ассамблею, где их приняли с искренними проявлениями радости. Один из дворян, Клермон Тоннер, выступая от имени остальных, сказал:

"Мы подчиняемся своей совести, но с болью расстаемся с нашими коллегами. Мы пришли к согласию в общественном возрождении. Каждый из нас сообщит вам о степени активности, которую позволяет ему его миссия".^[130]

Теперь король написал письмо своему "верному духовенству" и "верноподданной знати", призывая их присоединиться к Ассамблее без дальнейших проволочек. . В соответствии с этой просьбой, на следующий день, 27 июня, оставшаяся часть дворянства и духовенства вошла в зал заседаний и объединилась с Третьим сословием. Маркиз Ферьер, который был одним из дворян, объединившихся в это время с Ассамблеей, записывает:

"Теперь для дворянства было тяжким унижением присоединиться к Третьему сословию. Виконт де Ноай заверил дворян, что союз будет лишь временным; что войска подходят и что через пятнадцать дней все изменится. Король направил дворянам второе письмо, в котором заверял, что от этого союза зависит безопасность государства и его собственная безопасность. Собрание знати шумно поднялось, к ним присоединилось меньшинство духовенства, и они в молчании вошли в зал *Этажей*.

Но едва знать и сановники Церкви вошли в зал Собрания, как уже пожалели о своем шаге. Ассамблея энергично продвигалась к формированию конституции, которая устранила бы злоупотребления. "Многие дворяне, - говорит Ферьер с поразительной откровенностью, - вышли бы из Собрания, но частичное отделение ничего бы не дало. Их заверили, что войска приближаются, похвалили за сопротивление, которое они уже оказали, и убедили, что они должны еще немного скрываться. И действительно, тридцать полков теперь маршировали на Париж. Предлогом было общественное спокойствие; реальной целью был роспуск Собрания". Все еще прибегали ко многим мелким уловкам, чтобы поддерживать видимость четких приказов. В самый день объединения они попытались отстранить гражданина г-на Байи от президентства и посадить на его место священнослужителя, кардинала де Ларошфуко. Движение было оперативно проверено.^[131] Они в течение некоторого времени входили в зал после открытия заседаний и стояли вместе, отказываясь сесть за стол переговоров с депутатами. Но г-н Байи, благодаря своему благоразумию и твердости, отстаивал права Собрания и сохранял достоинство своего поста. Действительно, для Франции было странным зрелищем видеть простого гражданина, прославленного только добродетелями и талантами, стоящим во главе гордейшей знати и высших сановников Церкви.

Ведущие члены Ассамблеи были патриотами, стремящимися к реформам, а не к революции. Ожидалось, что этот союз будет способствовать гармонии.

"Какой честью для Франции будет, - сказал Мирабо, - что эта великая революция не стоила человечеству ни оскорблений, ни преступлений". Описав кровавые сцены, сопровождавшие революции в Англии и Америке, он продолжил: "Мы, напротив, имеем счастье видеть революцию того же характера, вызванную простым объединением просвещенных умов с патриотическими намерениями. Наши битвы - это всего лишь дискуссии. Наши враги - это всего лишь предрассудки, которые действительно можно простить. Наши победы, наши триумфы, столь далекие от жестокости, будут благословлены самими побежденными.

"История слишком часто фиксирует поступки, достойные только самых свирепых животных, среди которых через большие промежутки времени мы иногда можем различить героев. Теперь есть основания надеяться, что мы начали историю человека, историю братьев, которые, рожденные для взаимного счастья, соглашаются, даже когда они расходятся, поскольку их цели одни и те же, а различаются только средства".

Этот триумф Третьего сословия привел в ярость привилегированные классы, и они жаждали мести. Было очевидно, что их исключительная власть оказалась под угрозой, и они решили любой ценой добиться роспуска Собрания. Вскоре всем стало очевидно, что замышлялось насилие; что зрел тайный заговор; что знать объединилась с Собранием только для

достижения сиюминутной цели и что Собрание должно быть разогнано силой, лидеры наказаны, а все, кто вмешается в их защиту, должны быть расстреляны.^[132]

"Я никогда не мог установить, - пишет Неккер, - насколько далеко зашли их проекты на самом деле. Там были секреты за секретами, и я полагаю, что даже сам король был далек от того, чтобы быть знакомым со всеми из них. То, что было задумано, вероятно, состояло в том, чтобы склонить монарха, как того требовали обстоятельства, к мерам, о которых они поначалу не осмеливались говорить с ним. Со мной, прежде всего, соблюдалась сдержанность, и разумная, поскольку мое недомогание ко всему подобному было решено".

Дворяне снова стали высокомерными и вызывающими. Открыто они заявили о своих намерениях разгромить Собрание и хвастались, что с армией в пятьдесят тысяч человек они приведут народ к соглашению.^[133] Заряженные пушки уже были размещены напротив зала и направлены на двери Собрания. Это состояние угрозы взволновало парижан до предела и объединило всех горожан от рождения до детей для защиты своих прав. Французские солдаты, вышедшие из скромных домов простых людей, сочувствовали всем этим чувствам своих отцов и братьев. Женщины, встречая солдат на улицах, спрашивали: "Будете ли вы стрелять в своих друзей, чтобы увековечить власть ваших и наших угнетателей?" Вскоре последовал очень решительный ответ: "Нет! мы не будем". Таким образом, солдаты, которых собрали, чтобы внушить страх столице, вскоре были замечены в самых дружеских отношениях с горожанами, прогуливающимися с ними рука об руку, понимающими проблемы, которые теперь волновали нацию, и, очевидно, готовыми отдать свою энергию защите народного дела.

СНОСКИ:

^[127] Священник месье Рабо де Сент-Этьен, один из самых выдающихся членов Ассамблеи, который в конце концов погиб на гильотине, пишет: "С тех пор эти памятные выражения были выгравированы на бюсте Мирабо, который был выполнен для общества *друзей Конституции*. Был удален оттиск, на котором мы видим не потупленный взгляд хитрого заговорщика, а пылкий вид и позицию благородного человека, искренне желавшего благополучия своей стране; и таким человеком был *Мирабо*."

^[128] Мишле, том i, стр. 116. "Посреди ночи Байи был вызван и конфиденциально проинформирован о том, что Неккер не одобряет принятые меры и что он не будет присутствовать на заседании и, вероятно, будет уволен. Между Байи и Собранием было решено, что королю не следует давать ответа, что бы он им ни сказал. Впоследствии король намекнул Байи, что он не желает, чтобы тот давал ответ. И при этих крайне неблагоприятных обстоятельствах королевское заседание открылось". — *Лекции Уильяма Смита о Французской революции*, том i, стр. 269.

^[129] Мишле, том i, стр. 118.

^[130] Тьер, о. *преподобный*, том i, стр. 51.

^[131] Воспоминания Байи, том i, стр. 252, 257, 260.

^[132] Многочисленные доказательства заговора см. В Мемуарах Мармонтеля, литератора с блестящими достижениями, который в то время проживал в Париже.

[133] "До революции число дворянских семей во Франции не превышало 17 500. Если считать по пять человек в семье, то там могло быть около 90 000 дворян. Бедствия революции, должно быть, сократили их число до менее чем 40 000 человек". -- *"Апре-ле-Конгресс Экс-ла-Шапель" аббата де Прадта, примечание в конце главы ix.*

ГЛАВА XII.

БЕСПОРЯДКИ В ПАРИЖЕ.

Маршал Бройль.—Собрания в Пале-Рояле.—Недовольство солдат.—Заключение в тюрьму и спасение.—Братание.—Петиция в Ассамблею.—Пожелания патриотов.—Передвижение войск.—Речь Мирабо.—Новые угрозы.—Декларация прав.—Увольнение Неккера.—Волнения в Париже.—Камиль Демулен.—Французская гвардия присоединяется к народу.—Террор в Париже.—Характер короля.

Несмотря на то, что Национальное собрание было организовано таким образом, в воздухе поползли слухи о том, что объединение было лишь временным и что суд готовился к какому-то акту насилия. Жители Парижа пребывали в сильном брожении, весь бизнес застопорился, у беднейших классов не было работы, а их семьи фактически погибали от голода. Войска постоянно маршировали по улицам, и пятидесятитысячная армия, теперь переданная под командование ветерана маршала Бройля, окружила город Версаль. Просторный сад Пале-Рояля в Париже, окруженный самыми блестящими магазинами Европы, был местом массового сбора населения, с тревогой наблюдавшего за развитием событий. Людям в их нищете ничего не оставалось, как собраться вместе, чтобы услышать новости из Версаля. Часто десять тысяч человек собирались в саду, где страстные ораторы разглагольствовали об их правах и неправоте. Герцог Орлеанский, обладавший безграничным богатством, поощрял каждое повстанческое движение. Он был готов настолько отказаться от аристократических привилегий, что принял бы конституцию, подобную английской, если бы его, как главу народной партии, можно было посадить на трон, с которого он надеялся свергнуть своего кузена Людовика XVI.

Вскоре стало очевидно, что в армии, как и в государстве, существует *Иерархический уровень*. Французская гвардия, состоящая из трех тысяч шестисот отборных солдат, с высочайшим уровнем дисциплины и снаряжения, была расквартирована в Париже. Они начали вторить ропоту населения. Декларация короля информировала их о том, что никакие реформы в армии недопустимы; что простой солдат должен быть навсегда отстранен от всякого продвижения по службе. Рядовые и младшие офицеры были обречены терпеть весь тяжелый армейский труд и самые неминуемые опасности, но не должны были разделять ни одной из ее почестей или вознаграждений. Войсками командовали молодые дворяне, как правило, самые распутные и невежественные люди, которые выставляли себя на поле боя только в дни парадов и никогда не снисходили даже до того, чтобы показаться в казармах.

Недовольство солдат дошло до ушей их офицеров. Понимая, что благодаря общению с народом войска могут стать союзниками народа на основе общей симпатии, офицеры приказали гвардейцам больше не выходить на улицы и отправили их в заключение в казармы. Это, конечно, усилило их раздражение, и, будучи предоставлены сами себе и от нечего делать, они проводили собрания, очень похожие на те, на которых они присутствовали в Пале-Рояле, и обсуждали свои жалобы и состояние монархии.[134] Патриотический энтузиазм среди них быстро набирал силу, и они дали клятву, что не будут стрелять по народу. Полковник полка арестовал одиннадцать наиболее видных участников

этого движения и отправил их в тюрьму Аббатства, где они должны были ожидать военного трибунала и такого наказания, какое могло бы их постигнуть. Это было 30 июня.^[135] Вечером того же дня, когда огромная и взволнованная толпа собралась в Пале-Рояле, слушая ораторов, которые, несмотря на неоднократные муниципальные запреты, сообщали обо всем, что происходило в Версале, пришло известие об аресте солдат. Молодой человек, мсье Луртало, редактор парижской газеты, взобрался на стул и сказал:

"Это храбрые солдаты, которые отказались проливать кровь своих сограждан. Давайте пойдем и освободим их. На помощь!"

Тотчас же раздался крик, поднявшийся из тысячи голосов в саду и эхом разнесшийся по улицам: "В Аббатство!" Толпа хлынула из ворот и, хватая на ходу топоры и ломы, с каждым мгновением увеличиваясь в числе, вскоре прибыла к тюрьме, насчитывая шесть тысяч человек. Там не было силы, которая могла бы хоть на мгновение противостоять им. Двери были быстро выбиты, солдаты освобождены и с триумфом препровождены в Пале-Рояль. Здесь их обеспечили едой и жильем, а также поместили под охрану гражданской гвардии.

По пути в Пале-Рояль кавалерийскому эскадрону было приказано атаковать народ. Они приблизились на полном скаку, а затем, не обращая внимания на своих офицеров, натянули поводья и, приподняв фуражки, с истинно французской вежливостью отдали честь своим друзьям-гражданам. Затем произошла сцена *братания*, подобная которой может быть только во французской столице. Мужчины и женщины выбегали из домов и лавок, протягивая драгунам кубки с вином, крича "Да здравствует король! Да здравствует нация!"^[136]

Народ все еще был склонен любить своего короля. Они инстинктивно чувствовали, что его симпатии на их стороне. До сих пор они желали только реформ, а не свержения монархии. Однако эти сцены проинструктировали двор, что они не могут полагаться на французскую гвардию в исполнении кровавых приказов, которые они собирались издать. Поэтому были немедленно предприняты энергичные усилия по сосредоточению в метрополии боеспособных сил иностранных наемников, швейцарских и немецких войск, которые были бы менее щепетильны в расстреле и топтании железными копытами французского народа. Парижане отчетливо понимали это движение, и едва ли можно представить себе более возмутительную меру. Следует отметить, что граждане, убедившись в том, что они освободили одного солдата, обвиняемого в том, что они считали преступлением, немедленно отправили его обратно в тюремную камеру.

На следующий день, 1 июля, население Пале-Рояля, которое до сих пор находилось под руководством самых добродетельных, умных и влиятельных граждан, направило в Национальное собрание в Версале запрос, призывающий их обратиться к королю с просьбой о помиловании солдат. Это было беспрецедентное движение. Граждане, до сих пор лишенные всех политических прав, никогда раньше не осмеливались сообщать о своих желаниях своим правителям. Даже тогда привилегированные классы в Собрании сочли это очень дерзким.^[137] Ассамблея очень благоразумно ответила парижанам, призывая их воздерживаться от всех актов насилия и заверяя их, что поддержание надлежащего порядка необходимо для процветания их дела.^[138] В то же время Ассамблея направила депутацию к королю, умоляя его о помиловании солдат.

Однако войска по-прежнему быстро приближались к городу из разных частей королевства. Знать и высшее духовенство чинили всевозможные препятствия на пути обсуждения или

действий Собрания, и для всех было очевидно, что готовился заговор с целью его насильственного роспуска.[\[139\]](#)

Придворные не могли скрыть своего ликования и начали открыто хвастаться, что час их триумфа близок. Пятнадцать полков швейцарских и немецких войск находились сейчас между Парижем и Версалем. Предполагалось, что они без сопротивления откроют огонь по французским гражданам. Было совершенно очевидно, что двор старательно пытается спровоцировать беспорядки в Париже, что может потребоваться обращение к военным. С другой стороны, лидеры революции делали все, что было в их силах, чтобы успокоить народ. По городу была распространена очень удачная брошюра, содержащая следующие чувства:

"Граждане! министры, аристократы, пытаются подстрекать к мятежу. Будьте мирными, безмятежными, подчиняйтесь порядку. Если вы не нарушите драгоценную гармонию, царящую сейчас в Национальном собрании, самая благотворная и важная революция будет совершена безвозвратно, не вызвав ни крови нации, ни слез человечества".

Человек приходит в замешательство, узнав, что эти чувства вышли из-под пера Жан-Поля Марата![\[140\]](#)

На следующий день, 2 июля, король направил депутации Ассамблеи ответ о том, что солдаты должны быть помилованы, как только в столице будет восстановлен порядок. По получении послания в Пале-Рояле стражников отвели обратно в тюрьму, откуда они были быстро освобождены по помилованию короля.

3 июля, когда г-н Байи сложил с себя полномочия председателя Собрания, архиепископ Вьенский, один из высших духовных лиц, горячо поддерживавший народное дело, был избран президентом, а маркиз де Лафайет, столь же преданный народным правам, был избран вице-президентом. Таким образом, две наиболее важные должности в Ассамблее были возложены на людей, избранных из высших слоев привилегированного класса. Но этот акт примирения ни в малейшей степени не примирил людей, которые были полны решимости любым способом увековечить деспотизм.

Положение дел с каждым часом становилось все более угрожающим. Новые полки иностранцев непрерывно входили в столицу и занимали все проспекты, ведущие в Париж и Версаль. По улицам скакали конные эскадроны, а по тротуарам обоих городов грохотала тяжелая артиллерия. Елисейские поля, площадь Людовика XV, Марсово поле представляли собой разбитый лагерь. Вокруг французских гвардейцев, запертых в своих казармах, были расставлены часовые, чтобы помешать им вступать в какие-либо сношения с гражданами или с другими солдатами.[\[141\]](#) Версаль был окружен армиями, и артиллерийская батарея была направлена к самым дверям Собрания.

В пятницу, 10 июля,[\[142\]](#) Мирабо выступил в Ассамблее и предложил приостановить обсуждение Конституции, пока королю будет направлена петиция с призывом вывести эти грозные армии.

"Свежие войска, - сказал он, - ежедневно продвигаются вперед; все сообщения перехватываются. Все мосты и аллеи превращены в военные посты. Движения, публичные и тайные, поспешные приказы и контрзаключения привлекают всеобщее внимание. Солдаты спешат сюда со всех сторон. Тридцать пять тысяч человек уже расквартированы в Париже и Версале. Ожидается прибытие еще двадцати тысяч человек. За ними следуют эшелоны с артиллерией; отмечены места для батарей; все коммуникации защищены, каждый проход перекрыт; наши улицы, наши мосты, наши общественные аллеи превращены в военные

пункты. События, получившие общественную известность, сокрытые факты, секретные приказы, поспешные контрзаказы - словом, приготовления к войне бросаются в глаза каждому и наполняют негодованием каждое сердце".

В то же время по Парижу была распространена брошюра, в которой говорилось, что 13-го числа король проведет еще одно королевское заседание; что он решил привести в исполнение свои заявления от 23 июня; что Национальное собрание должно быть распущено насильственным путем, его лидеры арестованы, а Неккер изгнан из королевства.

Эта новость вызвала большой переполох в городе, и толпа в Пале-Рояле начала поговаривать о вооружении в целях самообороны. Вечером того же дня артиллерийская рота, размещенная в Доме инвалидов, прибыла в Пале-Рояль, чтобы побрататься с находившимися там людьми. Горожане устроили им ужин на Елисейских полях, где к ним присоединились многие солдаты из других полков, и дружеское веселье продолжалось допоздна теплой летней ночью.^[143]

Эта речь Мирабо была встречена аплодисментами, и депутация из двадцати четырех человек была направлена с петицией к королю. Адрес был составлен Мирабо и пользуется всемирной известностью.^[144]

"Не следует скрывать, - говорит Байи, - что Мирабо был в Собрании его главной силой. Ничто не могло быть более величественным, более твердым, более достойным данного случая, чем это обращение к королю. Великим качеством Мирабо была смелость. Именно это укрепило его таланты, направило его в управлении ими и развило их силу. Каким бы ни был его моральный облик, когда обстоятельства однажды возвысили его, он обрел величие и чистоту и был вознесен своим гением на вершину мужества и добродетели".

Хотя Неккер искренне советовал вывести войска, король, оказавшийся теперь в руках своих худших советников, ответил Собранию почти оскорбительно. Он утверждал, что войска были собраны для поддержания общественного порядка и защиты Собрания; и что, если бы члены Собрания боялись своих защитников, они могли бы переместиться в Нуайон или Суассон, города примерно в пятидесяти или шестидесяти милях к северу от Парижа, где, лишенные защиты столицы, они были бы полностью во власти своих врагов.^[145]

"Мы не просили разрешения убежать от войск, - возмущенно возразил Мирабо, - но просили, чтобы войска были выведены из столицы".

Получив этот ответ от короля, Лафайет представил Ассамблее декларацию прав, основанную на Декларации независимости Америки, которая является почти евангелием народной свободы. Вполне вероятно, что Томас Джефферсон, находившийся тогда в Париже, помог Лафайету подготовить этот документ. В нем утверждалось, что природа создала всех людей свободными и равными, что суверенитет принадлежит *нации* и что никто не может претендовать на власть, которая не исходит от народа.

Вечером этого дня, в субботу, 11 июля, когда Неккер одевался к ужину, он получил записку с сообщением о своем увольнении. В то же время конфиденциальное письмо от короля сообщало ему, что монарх не в состоянии предотвратить его смещение, и настоятельно призывало министра без промедления покинуть королевство и никому не сообщать о его увольнении, чтобы это не вызвало общественных беспорядков.^[146] Неккер, верный оказанному ему доверию, спокойно поужинал, а затем сел в свой экипаж, как будто для

вечерней прогулки с женой, направился в Нидерланды, к ближайшей границе, и быстро продвигался сквозь ночь.

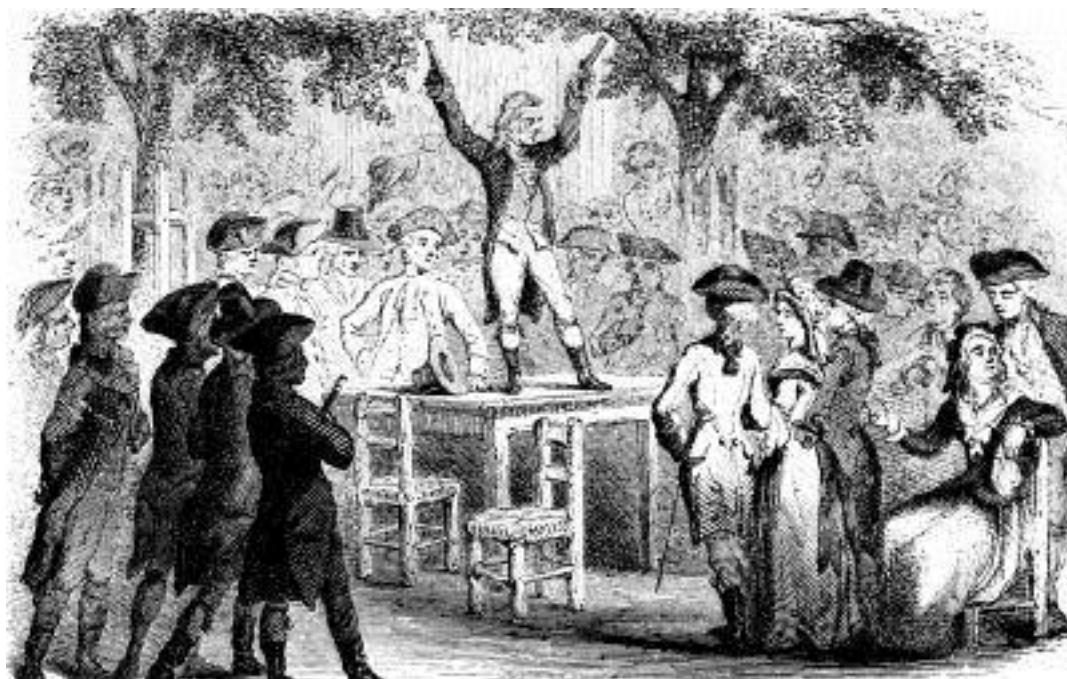
На следующий день была суббота, 12 июля. Ранним утром в войсках наблюдалась необычайная активность. Пехота и артиллерия маршировали и контрмаршировали по улицам Парижа и Версаля. Следующий день, понедельник, был тайно назначен для великого *государственного переворота*, в ходе которого Национальное собрание должно было быть разогнано, а граждане Парижа, если они окажут какое-либо сопротивление, должны были быть скошены картечью. На высотах Монмартра были возведены редуты, где можно было разместить пушки, которые контролировали бы метрополию. Были вывешены огромные плакаты, призывающие людей оставаться дома и не собираться на улицах. Многочисленный штаб маршала Бройля скакал во всех направлениях, вызывая отвращение у народа своим наглым и важным видом.^[147] На Севрском мосту была установлена пушечная батарея, отрезавшая все прямое сообщение между Версалем и Парижем. Площадь Людовика XV. была заполнена войсками, что напоминало разбитый лагерь. На прилегающих Елисейских полях швейцарская гвардия с четырьмя артиллерийскими орудиями была выстроена в боевой порядок.

Люди недоумевали, что все это значит. В ранний час сад Пале-Рояля был заполнен встревоженной и вопрошающей толпой. Около десяти часов неизвестный объявил, что Неккер уволен и что организовано новое министерство, состоящее из членов, наиболее решительно настроенных против народных реформ. Эти новости объясняли грозную военную демонстрацию и вызвали всеобщую тревогу и негодование. Молодой человек, Камиль Демулен, вскочил на стол в растрепанном платье, с растрепанными волосами, покрасневшим лицом, с глазами, блестящими от негодования и слез, и, держа в каждой руке по пистолету, чтобы защититься от полиции, закричал:

"К оружию! к оружию! Это увольнение - всего лишь предвестие нового Варфоломея. Этой ночью швейцарские и немецкие войска пойдут маршем на нашу резню. У нас есть только один ресурс - это защитить себя".

Толпа немедленно подхватила страстный клич: "К оружию! к оружию!" Нужен был объединяющий знак. Демулен сорвал с дерева зеленый лист и прикрепил его к своей шляпе. Мгновенно все каштаны, украшавшие сад, были облетевшими, и лист стал залогом единения. Мгновенная вспышка привела все население к признанной униформе и грубой организации.

За час была завербована армия численностью более ста тысяч человек, воодушевленная бессмертным энтузиазмом и нуждавшаяся в лидерах и оружии. Теперь началось движение, которое должно было рассеять, как мякину, батальоны иностранных наемников и повергнуть в прах двор и трон. Но, увы человеку! пламя, поддерживающее домашний очаг, может превратить дворцы, храмы и счастливые дома в руины. Возникла новая сила, которая оказалась столь же слепой и невежественной, сколь и не поддающейся сопротивлению. Если бы население было проникнуто христианскими принципами и разумом, результатом их влияния были бы только благословения.

КАМИЛЬ ДЕМУЛЕН В ПАЛЕ-РОЯЛЕ.

В этот дикий час смятения толпа была сбита с толку и не знала, что делать. У них не было ни оружия, ни признанных лидеров, кроме Национального собрания в Версале, от которого они теперь были отрезаны отрядами войск.

Неподалеку находился музей восковых фигур. Несколько человек подбежали к месту происшествия и вынесли бюсты Неккера и герцога Орлеанского, которому, как говорили, также угрожали изгнанием. Украсив эти бюсты крепом, они пронесли их по улицам с похоронными почестями. Когда многотысячная процессия приблизилась к площади Людовика XV, к ним подошел отряд немецких войск, чтобы атаковать их. Но у этих солдат было мало решимости для выполнения своей работы, и они были быстро обращены в бегство градом камней. Затем рота драгун перешла в атаку. Безоружная процессия была разбита и обращена в бегство во всех направлениях. Бюсты были разрублены на куски саблями солдат, а один человек, французский гвардеец, который побрезговал бежать, был зарублен.

Французские гвардейцы все это время были заперты в своих казармах, а принц Ламбеск разместил эскадрон немецких драгун перед их квартирами, чтобы помешать им прийти на помощь народу. Но теперь ничто не могло их удержать. Они не выдержали, перепрыгнули через железные перила и яростно атаковали ненавистных иностранцев. Драгуны бежали перед ними, а принц Ламбескский, командовавший ими, отступил к саду Тюильри и, войдя в ворота, атаковал находившихся там людей. Один старик был убит, а остальные обратились в бегство.

Однако французская гвардия немедленно построилась в боевой порядок и встала между горожанами и королевскими войсками. Тем временем на Марсовом поле были собраны внушительные силы швейцарских и немецких войск. Они получили приказ выступить к площади Людовика XIV. и выбить французскую гвардию. Повинуясь команде, они промаршировали к месту, а затем сложили оружие, наотрез отказавшись стрелять в своих товарищей.^[148]

Однако население, не подозревая о поддержке, которую оно получало от солдат, находилось в состоянии возбуждения. Женщины и дети, которые приятно проводили день на

Елисейских полях и которые с визгом бежали от лошадей и сабель драгун, быстро разнесли весть о штурме по всему городу. Последовала неопишуемая сцена смятения. Толпа бегала взад и вперед в поисках оружия. На всех шпилях каждый колокол забил тревогу. Население, насчитывавшее почти миллион душ, было охвачено сильнейшими эмоциями негодования и ужаса.[149]

"Было бы трудно, - пишет Бертран де Мольвиль, - описать беспорядок, брожение и тревогу, царившие в столице в этот ужасный день. Город, взятый штурмом и отданный на растерзание солдатам, не мог представить более ужасной картины. Представьте себе отряды кавалерии и драгун, на полном скаку пробивающиеся через разные части города к назначенным им постам; артиллерийские эшелоны, с чудовищным грохотом катящиеся по тротуарам; банды плохо вооруженных головорезов и женщин, опьяненных бренди, бегающих по улицам, как фурии, взламывающие лавки и сеющие повсюду ужас своим воем, смешанным с частыми выстрелами в воздух; все заграждения в огне; тысячи контрабандистов, пользующихся суматохой, чтобы поспешить со своим товаром; набатный звон колоколов. почти во всех церквях; большая часть горожан заперлась дома, заряжая ружья и пряча свои деньги, документы и ценные пожитки в подвалах и садах; а ночью по городу шествовали многочисленные патрули горожан всех сословий и даже обоих полов, поскольку многих женщин видели с мушкетами или пиками на плечах. Такова точная картина состояния Парижа 12 июля".

Чтобы усилить тревогу, было напечатано и распространено по городу перехваченное письмо маршала Бройля, в котором маршал писал принцу Конде, что большая часть Национального собрания - голодные волки, готовые сожрать дворянство; что с пятидесятитысячным войском он быстро разгонит их и толпу глупцов, которые им аплодируют.[150]

Когда солнце село и город окутала тьма, суматоха усилилась, и ночь прошла в бессоннице, ужасе и замешательстве. Все опасались, что рассвет возвестит о наступлении ужасного дня. Сообщение о беспокойном состоянии метрополии было доведено до Ассамблеи в Версале, вызвав сильную тревогу в умах совещающихся там патриотов. Знать ликовала. Они искренне желали такого насилия со стороны народа, которое заставило бы короля восстановить древний порядок вещей силой картечи и штыка.[151]

Месье Байи, человек незапятнанного характера, чья чистота и чей патриотизм никогда не могут быть подвергнуты сомнению, приводит следующее свидетельство честности Людовика XVI:

"Деспотизм - это то, что никогда не приходило в голову королю. У него никогда не было никаких желаний, кроме счастья своего народа, и это было единственное соображение, которое когда-либо можно было использовать как средство влияния на него. Если и приходилось прибегать к каким-либо актам власти, то его никогда нельзя было убедить, кроме как показав ему, что нужно достичь какого-то блага или избежать какого-то зла. Я убежден, что он никогда не рассматривал свой авторитет и не желал поддерживать его иначе, как как лучшее средство поддержки и обеспечения спокойствия и умиротворенности общества. Поскольку мы сейчас говорим о причинах, вызвавших это возрождение страны, давайте назовем первую из них - характер Людовика XVI. Будь король менее хорошим человеком, а министры более ловкими, и у нас не было бы революции".

СНОСКИ:

[134] "Французские гвардейцы, эти великодушные граждане, восставшие против своих хозяев, выражаясь языком деспотизма, но верные нации, первыми поклялись никогда не поднимать оружие против нее". — *М. Рабо де Сент-Этьен*, том i, стр. 62.

Мистер Элисон называет это "*бунтом и изменой французской гвардии*". Одно и то же явление приобретает совершенно разные аспекты, рассматриваемые с разных точек зрения.

[135] *М. Рабо де Сент-Этьен*.

[136] *История. Парламентар, том ii., стр. 32. Мишле, том i., стр. 127.*

[137] *История монтаньяров, книга Альфонса Эскироса, стр. 15.*

[138] *Тьер, том i, стр. 61.*

[139] "Говоря по этому поводу, я не могу удержаться от замечания о невежливом поведении знати и епископов. Поскольку их целью было только распустить Ассамблею, дискредитировать ее деятельность, когда президент задал вопрос, они покинули зал, пригласив депутатов своей партии следовать за ними. Своим бессмысленным поведением они сочетали оскорбительное презрение как к Собранию, так и к людям, присутствовавшим на заседаниях. Вместо того чтобы слушать, они смеялись и громко разговаривали, тем самым укрепляя народ в неблагоприятном мнении, которое у него сложилось о них; и вместо того, чтобы стремиться вернуть доверие и уважение народа, они стремились только заслужить его ненависть и презрение". — *Ферьер, т. ii., стр. 122.*

[140] *Histoire des Montagnards, par Alphonse Esquiros, p. 15.*

[141] *Франция и ее революции, Джордж Лонг, эсквайр.*

[142] *Некоторые авторитетные источники утверждают, что 9-й.*

[143] *Франция и ее революции, Джордж Лонг, эсквайр, том i, стр. 25.*

[144] Говорят, что это знаменитое обращение к королю было составлено месье Дюмоном, а основные идеи были переданы ему Мирабо. Несколько выдержек дадут представление о духе произведения.

"В чувствах вашего собственного сердца, сир, мы ищем истинной безопасности для французов. Когда войска наступают со всех сторон, когда вокруг нас образуются лагеря, когда столица осаждена, мы с удивлением спрашиваем друг друга: "Неужели король усомнился в верности своего народа? Что означают эти угрожающие приготовления? Где враги государства и короля, которых нужно усмирить?"

- Опасность, сир, неотложна, универсальна, превосходит все расчеты человеческого благоразумия.

"Опасность исходит от провинций. Если они когда-нибудь встревожатся за нашу свободу, в наших силах будет уже не сдерживать их порывистость.

"Опасность грозит столице. С каким чувством народ, находящийся в состоянии нищеты и терзаемый острой тоской, увидит, как толпа угрожающих солдат оспаривает остатки его существования?

Опасность грозит солдатам. Они могут забыть, что церемония зачисления сделала их солдатами, и вспомнить, что мужчинами их сделала природа.

Опасность, сир, еще ужаснее. И судите о ее масштабах по тревогам, которые привели нас к вам. Мощные революции возникали по причинам гораздо менее поразительным.

"Сир, мы заклинаем вас именем нашей страны, во имя вашего собственного счастья и вашей собственной славы вернуть ваших солдат на посты, с которых их увели ваши советники. Пришлите обратно эту артиллерию" и т.д.

[145] Маркиз Ферьер признает неискренность двора в ответе короля. "Собрание разглядело, - пишет он, - ловушку, расставленную для них. Они потеряли бы всю свою власть, если бы хоть раз удалились от безопасности, которую обеспечивали окрестности Парижа. Зажатые между двумя лагерями (Фландрией и Парижем), они оказались бы во власти двора". — *Смотри также Историю. Фил. de la Rev. de France, par Ant. Fantin Desodoards*, том первый, стр. 150.

[146] Соображения мадам де Сталь и др., глава xii.

[147] Элисон, том i, стр. 73.

[148] Miguet, том i, стр. 50. Тьер, том i, стр. 62.

[149] Нижеследующий дневник, который король вел в эти бурные дни, особенно ярко иллюстрирует слабость его характера. Мы приводим его в том виде, в каком он содержится в интересной работе "*История горцев*" Альфонса Эскироса.

"1 июля 1789 года, среда. Ничего; депутация из Штатов. Четверг, 2 июля. Сел верхом на коня у ворот Мэн, чтобы поохотиться на оленя в Порт-Ройяле; взял одного. Пятница, 3-е число. Ничего. Суббота, 4-е число. Охотился на оленя в Бутаре; поймал одного и подстрелил двадцать девять дичи. Воскресенье, 5-е число. Вечерня и благословение. Понедельник, 6-е число. Ничего. Вторник, 7-е число. Охотился на оленя в Порт-Ройяле; взял двух. Среда, 8-е число. Ничего. Четверг, 9-е. Ничего; делегация из Штатов. Пятница, 10-е. Ничего; ответ депутации из Штатов. Суббота, 11-е число. Ничего; отъезд месье Неккера. Воскресенье, 12-е. Ничего; отъезд месье Монморена, Сен-Приста и Люцерна. Воскресенье, 12-е. Ничего; принял лекарство".

Таков был послужной список предшественника Наполеона на троне Франции, когда монархия шаталась до основания.

[150] Франция и ее революции, по географии. Лонг, эсквайр, том i, 23.

[151] "В этот день траура и ужаса заговорщики дали волю чувству вины. В Версале, в той оранжерее, где были размещены или, правильнее сказать, рассредоточены в засаде немецкие войска Нассау, принцы, принцессы, фавориты, мужчины и женщины, развлекались музыкой на боевых инструментах. Они осыпали солдат ласками и подарками, а последние среди своих жестоких оргий тешили себя мыслью о разгоне Национального собрания и покорении королевства. Ужасная ночь! когда придворные танцевали под эту иностранную музыку и наслаждались идеей резни". — *М. Рабо де Сент-Этьен*, том i, стр. 66.

ГЛАВА XIII.

ШТУРМ БАСТИЛИИ.

Собрание обращается с петицией к королю.—Решения Собрания.—Рассказ М. Дюмона.—Сцены в Париже.—Люди объединяются для самообороны.—Новая кокарда.—Аббат Лефевр д'Ормессон.—Предательство мэра Флесселя.—Персонаж Де Лони, коменданта Бастилии.—Увольнение инвалидов.—Взятие Бастилии.—Убийство Де Лони и Флесселя.

Следует помнить, что при выборах депутатов в Генеральные штаты Париж был разделен на шестьдесят секций, каждая из которых выбрала двух выборщиков. Эти сто двадцать выборщиков, состоявших из самых богатых и влиятельных граждан Парижа, немедленно встретились и провели ночь, обсуждая вопрос об анархии, в которую так внезапно погрузился город. Теперь городу приходилось в равной степени опасаться двух врагов — двора и черни; принцев, епископов и знати королевства, располагавших армиями и ресурсами королевства, с одной стороны, и голодающей толпы, разъяренной нищетой и ожесточенной веками жестокого правления, с другой. Это были два врага, с которыми Революции когда-либо приходилось бороться. Толпа восторжествовала в царстве террора. *Наполеон* спас революцию от их окровавленных рук. Князья с помощью всех деспотий Европы одержали победу при Ватерлоо, и Революция была *на время подавлена*.

Рано утром в понедельник, 12 июля, избиратели направили депутацию в Национальное собрание в Версале с требованием создать гражданскую гвардию для поддержания порядка. Они дали правдивое и, конечно же, ужасное описание беспорядков, царивших в городе.[\[152\]](#)

Ассамблея немедленно направила комитет из двадцати четырех членов к королю, умоляя его вывести иностранные войска из столицы. Но королева и двор теперь получили такое влияние на слабоумного короля, что он был вынужден послать ответ, что он не должен вносить никаких изменений в свои меры и что Ассамблея не сможет достичь никакой полезной цели, вмешиваясь в дела метрополии.

Предполагалось, что в этот день вооруженные банды должны были выступить маршем для разгона Собрания. В Версале было публично заявлено, что парламент, состоящий из знати, должен быть внезапно организован в Версале, что все депутаты Третьего сословия должны быть привлечены к суду за государственную измену, что те представители духовенства и знати, которые высказались в их пользу, должны быть приговорены к бессрочному заключению, а те, кто был особенно активен в борьбе за народную свободу, должны быть отправлены на эшафот.[\[153\]](#)

В рамках подготовки к этому событию за день до этого (воскресенье, 12-го) новое министерство, крайне враждебное народному делу, заняло свои места в кабинете короля; Неккер, беглец, спешил в Нидерланды; пятидесятитысячные войска под командованием маршала Бройля, самого решительного защитника аристократических привилегий, заполонили окрестности Парижа и Версаля; и войскам 12-го числа был отдан приказ начать движение, предшествовавшее великому событию.[\[154\]](#)

При таких опасных обстоятельствах Собрание с поистине возвышенным героизмом решило, если им суждено погибнуть, погибнуть при исполнении долга. Ни один беспристрастный человек не может читать хроники тех дней, не отдавая дань восхищения тем людям, которые таким образом подвергли опасности свободу и жизнь во имя прав народа. "Я много изучал историю, - говорит Де Токвиль, - и я осмеливаюсь утверждать, что не знаю ни одной другой

революции, в начале которой столько людей были бы проникнуты столь искренним, бескорыстным патриотизмом, столь поистине великим".[155]

Когда Ассамблея получила ответ короля, отказывающегося вывести войска, единственным ответом, который она могла сделать, было принятие резолюций. Не испугавшись угроз, которые могли бы потрясти самое отважное сердце, они решили:

1. Что господин Неккер унес с собой сожаления нации.
2. Что долгом короля было немедленно вывести иностранные войска.
3. Что советники короля, *любого ранга*, были ответственны за нынешние беспорядки.
4. Объявить нацию банкротом было позорно.[156]

Это были смелые решения. Третье, как было хорошо понятно, относилось к королеве и двум братьям короля. Четвертое заклеило позором меру, которую суд уже принял, фактически объявив себя банкротом и производя выплаты только на бумаге.[157] После принятия этих резолюций члены Ассамблеи оказались в такой опасности, что сочли за лучшее держаться вместе для взаимной защиты. Они объявили свою сессию постоянной и в течение семидесяти двух часов, днем и ночью, продолжали сидеть на своих местах, одна половина совещалась, в то время как другая половина спала на своих скамейках. Лафайет, который был одним из самых решительных в этой спартанской группе, сменил достопочтенного президента на посту председателя.[158]

В течение всего понедельника даже король не знал, что происходит в Париже; и Ассамблея, поскольку все сообщения между Версалем и метрополией были прерваны, находилась в состоянии самого тягостного ожидания. Каждое мгновение они боялись получить известие о том, что город подвергся нападению, и лязг боевых оркестров и оружия вокруг них заставил их на мгновение ожидать прибытия военных сил для их ареста. Ночью 13-го было сделано мало дел, и уставшие участники продолжали разговаривать группами или дремать на своих местах.

Наступило утро вторника, 14 июля, — приснопамятный день. Ассамблея в сильнейшей тревоге возобновила работу по подготовке конституции. В течение целого дня из города не поступало никаких определенных известий, и все же был слышен грохот пушек, возвещавший о серьезных и кровопролитных беспорядках. М. Дюмон, писавший под *псевдонимом* Гренвельт,[159] так описывает сцену, очевидцем которой он был:

"Но именно вечером (14 июля) зрелище, представленное Собранием, было поистине величественным. Я не буду пытаться описать различные эмоции радости, горя и ужаса, которые в разные моменты волновали тех, кто был просто зрителями и незнакомцами в Собрании. Но это выражение неуместно; никто из нас не был незнакомцем. Что касается меня, то я чувствовал себя французом, потому что я чувствовал себя мужчиной. Ничто не могло быть более отвлекающим, чем наша неопределенность относительно состояния Парижа, откуда никому не разрешалось выходить. Виконт де Ноай[160] после неоднократных прерываний ему, наконец, удалось уйти; но сведения, которые он принес, только усилили наше нетерпение и тревогу.

Он знал, что множество людей в поисках оружия ворвались в Госпиталь для военных инвалидов; что Бастилия осаждена; что уже произошло много кровопролития; что войска,

стоявшие лагерем на Марсовом поле, с минуты на минуту должны были выступить на помощь этой крепости, что невозможно было сделать, не затопив кровью весь Париж.

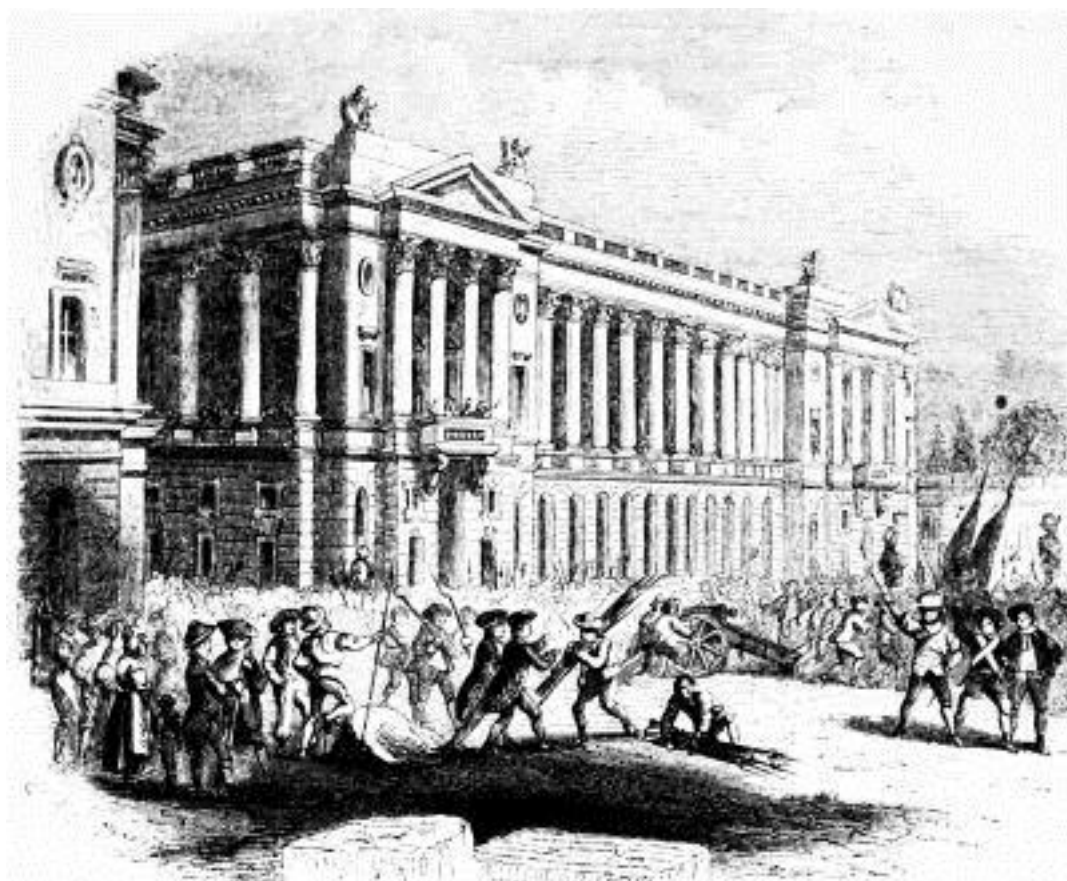
"При этом ужасном известии Собрание было охвачено ужасом. Некоторые члены совета вскочили со своих мест в каком-то произвольном порыве, словно решив поспешить на защиту своих сограждан. Другие были за то, чтобы немедленно ворваться к королю, чтобы возразить ему по поводу случившегося; сказать ему: "Узрите плоды ваших советов; услышите крики ваших жертв; посмотрите на разрушения, которые вот-вот поглотят вашу столицу; скажите, вы король или убийца своего народа?"

Но эти бурные эмоции уступили место более умеренной мере - отправке многочисленной депутации к королю, чтобы сообщить ему о бедствиях, угрожавших Парижу, и снова призвать его вывести армию. Прошло много времени, а депутация не возвращалась. Никто не мог объяснить задержку. Тем временем пришло сообщение, что два депутата от палаты избирателей Парижа желают получить допуск. Им немедленно было приказано войти. Не было слышно ни дыхания; каждое ухо было настороже; каждый глаз напряжен; каждый разум напряжен. Из-за какой-то необъяснимой ошибки прошло некоторое время, прежде чем они вошли. Никогда еще нетерпение не было доведено до такой степени. Наконец они появились в баре".[161]

Но давайте оставим Ассамблею слушать в полночь 14-го числа рассказ депутатов из Парижа, а сами отправимся в город, чтобы стать свидетелями происходящих там сделок. В три часа утра в понедельник шумные массы людей заполнили улицы. Заграждения, у которых взимался налог со всех продуктов питания и других товаров, поступавших в город, были захвачены, подожжены и теперь пылали. Каждую минуту ожидалось, что войдут войска, чтобы прочесать улицы картечью; и с каждой колокольни бил набат, призывая народ к оружию. Тысячи тех, кто наводнял город, бездомных скитальцев, были измождены и изнурены голодом и не знали, где взять кусок хлеба.

Ходили слухи, что в монастырях лазаритов было запасено огромное количество пшеницы. Неудержимая, как наводнение, голодная толпа хлынула в двери и заполнила монастырь от чердака до погреба. В хранилищах они обнаружили огромное количество вина и более пятидесяти телег пшеницы. Они свободно пили вино, сами себя кормили и отправляли пшеницу на рынок для раздачи. Но они не позволяли *воровать*. Один негодяй, уличенный в воровстве, был немедленно повешен населением![162]

Затем они обыскали город в поисках оружия. Все шпаги, мушкеты и пистолеты из частных домов были доставлены сюда. В мастерских оружейников имелся небольшой запас. Королевский арсенал, содержащий в основном редкости и образцы древних доспехов, был разграблен, и, хотя все ценные предметы, представляющие интерес, остались нетронутыми, было изъято все имеющееся оружие. Тюрьма Ла Форс была заполнена должниками. Население выломало двери и освободило этих несчастных людей, заключенных в тюрьму без каких-либо преступлений. Тюрьма Шатле была заполнена осужденными. Эти преступники, услышав о беспорядках и освобождении узников Ла Форс, набросились на их надзирателей и попытались выбить их двери. Те же самые люди, призванные смотрителями Шатле, вошли во двор тюрьмы и пикой и штыком загнали осужденных обратно в их камеры.

РАЗГРАБЛЕНИЕ КОРОЛЕВСКОГО АРСЕНАЛА.

Толпы людей собрались вокруг ратуши, где встретились избиратели, требуя оружия и немедленного создания гражданской гвардии. Но избиратели двигались с большой осторожностью. Они не считали себя уполномоченными учреждать гвардию без одобрения Ассамблеи; а Ассамблея не осмелилась принять эту меру без согласия короля.

Волнение, наконец, стало таким сильным, а назойливость - столь настоятельной, что выборщики направили людей к мэру города. Мэр Флессель был чиновником короны, но он немедленно подчинился призыву народа и прибыл в Отель-де-Виль. Здесь он притворился, что полностью на их стороне, заявил, что он их отец и что он будет председательствовать на их собраниях только после избрания народа. Это заявление было воспринято с приливом энтузиазма. Было немедленно решено создать гражданскую охрану.

В то время в Париже проживало около миллиона человек, и почти каждый трудоспособный мужчина горел желанием встать на стражу для защиты города. Недостатка в людях не было, но пока еще не было эффективной организации и не было оружия. Избиратели очень стремились избежать восстания и поначалу желали лишь иметь достаточно сильную стражу, чтобы защитить город. Поэтому они постановили, что каждый из шестидесяти округов должен избрать и вооружить двести своих наиболее уважаемых граждан. Эти двенадцать тысяч человек составили бы замечательную полицию, но очень плохую армию. Однако ситуация так быстро приближалась к критической, а опасность так быстро возрастала, что во второй половине того же дня было решено, что гвардия этого гражданина будет состоять из сорока восьми тысяч человек и что цвета кокарды будут синими и красными. Лафайет предложил добавить белый, старый цвет Франции, сказав: "Таким образом, я дарю вам кокарду, которая обойдет весь мир".

Затем выборщики назначили комитет, который должен был денно и ночью следить за безопасностью города. Таким образом, новое и независимое правительство со своей сильной армией обороны, полностью оторванное от трона, было создано за один день. Это был внезапный рост неконтролируемых событий, которые не планировала никакая человеческая мудрость. "Но кому, - спросил мэр Флессель, - должна быть принесена присяга на верность?" "Собранию граждан", - тут же ответил выборщик.

Каждый мыслящий человек ясно видел, что дело приближается к страшному кризису. Маршал Бройль, гордый и самоуверенный, находился в Версале, постоянно совещаясь с двором и имея под своим командованием пятьдесят тысяч человек, превосходно вооруженных и снаряженных, все они могли в течение нескольких часов быть сосредоточены на улицах Парижа. Бенсенваль собрал свои силы из нескольких тысяч швейцарских и немецких солдат, кавалерии и артиллерии на Марсовом поле. Огромная крепость Бастилия, со стенами толщиной в сорок футов у основания и десять наверху, возвышающимися своими мрачными башнями на сто двадцать футов над землей, с пушками, заряженными картечью, которые уже вылетали из каждой амбразуры, чтобы прочесать улицы, господствовала над городом. В нем находилось около восьмидесяти французских солдат; но, поскольку существовали опасения, что на них нельзя было полностью положиться, в качестве подкрепления были брошены сорок швейцарских солдат, которые были бы столь же слепо послушны, как мушкеты, которые они держали на плече. Каждую минуту до города доходили слухи, что маршал Бройль приближается со всеми своими войсками. По-прежнему не удавалось раздобыть ни оружия, ни боеприпасов.

При таком положении вещей было получено сообщение о том, что большое количество пороха было погружено на лодку из Отеля инвалидов и плывет вниз по Сене, чтобы быть доставленным в Версаль. Люди немедленно побежали к избирателям и получили приказ изъять порох и доставить его в отель. Это было сделано незамедлительно. Героический священник, аббат Лефевр, имевший большое влияние на население, взял на себя опасную задачу охранять порох в одной из нижних комнат Ратуши и распространять его среди людей. В течение сорока восьми часов этот храбрый человек охранял свое опасное сокровище среди огнестрельного оружия и наплыва толпы. Один пьяный мужчина, пошатываясь, курил среди бочек.[\[163\]](#)

Теперь не хватало только оружия. Было хорошо известно, что где-то в городе имелись большие запасы оружия, но никто не знал, где его найти.

Мэр Флессель, которого люди теперь начали подозревать, что он вводит их в заблуждение просто для того, чтобы выиграть время для вступления королевских войск в город, будучи убежденным указать на границу, сказал, что мануфактура в Шарлевиле обещала прислать ему тридцать тысяч ружей, и что двенадцать тысяч он ожидает с минуты на минуту. Вскоре было доставлено большое количество коробок с надписью "оружие". Мэр приказал хранить их в магазине, пока у него не будет времени раздать их. Но нетерпеливые люди так раззадорили избирателей, что те взломали ящики и обнаружили, что они наполнены мусором. Обманывал ли их мэр? многие с тревогой спрашивали. Флессель, сильно смущенный, отправил людей в два монастыря, где, по его словам, было спрятано оружие; но монахи быстро распахнули двери, и никакого оружия обнаружено не было.

Вскоре стало очевидно, что Флессель шутит с людьми, надеясь держать их безоружными до тех пор, пока не придут войска, чтобы безжалостно раздавить их. Он был хорошо известен как распутный человек, враждебный народной свободе, и, несомненно, был предателем и шпионом в ратуше, действовавшим в сношениях с двором.[\[164\]](#)

Выборщики приказали изготовить тридцать тысяч копий. Каждый кузнец немедленно был занят, каждая кузница сияла, и в течение тридцати шести часов, днем и ночью, без перерыва, звенели наковальни, пока не были готовы пики. Весь этот день понедельника люди думали только о том, чтобы защититься, но снова наступила ночь, еще одна ночь ужаса, смятения и бессонницы.

Бастилия была величайшим ужасом Парижа. Пока она оставалась в руках врагов, с ее неприступными стенами и тяжелыми орудиями, контролирующими город, безопасности не было. Повинуясь инстинкту, в ночь на 13-е парижане решили, что Бастилия должна быть взята. Имея в своих руках эту крепость, они могли защитить себя и дать отпор своим врагам. Но как можно было взять Бастилию? Очевидно, она была такой же неприступной, как Гибралтарская скала. Ничто не могло быть более нелепым, чем мысль о штурме Бастилии. "Идея, - говорит Мишле, - ни в коем случае не была разумной. Это был акт веры".

Бастилия стояла в самом сердце Сент-Антуанского предместья, огромная, массивная и почерневшая от времени, мрачная эмблема королевских прерогатив, вселяющая своей таинственной силой и угрозой ужас и отвращение в каждого, кто проходил под сенью ее башен. Даже детские виды спорта не осмеливаются приблизиться к той эмоциональной атмосфере, которой они, казалось, были окутаны.

Г-н де Лони был комендантом крепости, он был не солдатом, а подлым, корыстолюбивым человеком, презираемым парижанами. Он ухитрился всеми видами жестокости и вымогательства извлекать из заведения доход в размере двадцати пяти тысяч долларов в год. Он уменьшил количество дров, на которые имели право продрогшие заключенные; получил большую прибыль от дрянного вина, которым снабжал тех, кто был в состоянии купить, и даже разбил маленький садик на территории ограды, лишив таким образом тех заключенных, которые не находились в заключении в темнице, привилегии гулять там, на которую они имели право претендовать. Де Лони ненавидели не только как коменданта Бастилии, но и лично как жадного, грязного, безжалостного человека. Мемуары Лингве о взятии Бастилии сделали имя Де Лони печально известным по всей Европе. Такие люди обычно трусы. Де Лоней был одновременно бездушным и слабоумным. Не будь он и тем, и другим, Бастилия не была бы взята.^[165]

У людей по-прежнему не было оружия. Было установлено, что в Отеле инвалидов имелся большой запас, но как их можно было захватить без какого-либо оружия для нападения? Сомбрюэль, губернатор, был твердым и бесстрашным человеком, и, в дополнение к своим обычным силам, которых было вполне достаточно для обороны, он недавно получил сильный артиллерийский отряд и несколько дополнительных пушек, показывая, что он готов к бою. В пятнадцати минутах ходьбы от дома инвалидов Бенсенваль был разбит лагерем с несколькими тысячами швейцарских и немецких солдат, соблюдавших высочайшую дисциплину и снабженных всеми самыми грозными боевыми припасами. Каждую минуту по улицам ходили слухи, что войска из Версаля выступили в поход во главе с офицерами, от которых веяло угрозами и резней.

Со скоростью электричества по улицам разнесся слух, что в складском помещении Дома инвалидов хранится большое количество оружия. К девяти часам утра 14-го тридцать тысяч человек предстали перед Инвалидами; некоторые были с пиками, пистолетами или мушкетами, но большинство из них были безоружны. Викарий Сент-Этьена возглавил своих прихожан в этой борьбе за свободу. Когда этот бесстрашный человек шел во главе своей паствы, он сказал им: "Дети мои, давайте не забывать, что все люди - братья". Тревожный звон колоколов на шпилях, казалось, придавал движению религиозный характер. Эти

возвышенные голоса, привыкшие призывать толпу к молитве, теперь самым громким образом призывали ее к защите своих гражданских и религиозных прав.[\[166\]](#)

Сомбрюэль сразу понял, что население можно оттолкнуть только чудовищной резней, и что, вероятно, даже это при возбужденном состоянии общественного сознания было бы безрезультатным. Он не осмеливался взять на себя ответственность за стрельбу без приказа короля и не мог получить ответа на послания, которые отправлял в Версаль. Хотя его пушка, заряженная картечью, могла бы унести жизни тысяч людей, он не рискнул отдать роковой приказ стрелять. Горожане одновременно бросились врассыпную, перепрыгнули через траншеи, перелезли через низкую стену — ведь отель не был крепостью — и, подобно неудержимому наводнению, заполнили огромное здание. Они нашли в оружейной комнате тридцать тысяч мушкетов. Схватив все это и шесть пушек, они, повинаясь общему инстинкту, бросились к Бастилии, чтобы атаковать этими слабыми средствами одну из сильнейших крепостей в мире — крепость, которую армия под командованием великого Конде тщетно осаждала двадцать три дня![\[167\]](#)

Де Лони с вершины своих башен в течение многих часов слышал рев восставшего города. Когда он теперь увидел приближающуюся черную массу из бесчисленных тысяч человек, он побледнел и задрожал. Все пушки, заряженные картечью, были высунуты из иллюминаторов, и несколько телег с булыжниками, пушечными ядрами и старым железом были доставлены на верхушки башен, чтобы сбросить их вниз и сокрушить нападавших. Двенадцать больших крепостных орудий, сильно заряженных картечью, охраняли единственный вход. Ими управляли тридцать два швейцарских солдата, которые без зазрения совести открыли бы огонь по французам. Восемьдесят два французских солдата, составлявшие остаток гарнизона, были размещены на башнях и на отдаленных постах, где они могли действовать эффективно, не вступая так сразу в конфликт с атакующей стороной.

Человек с очень бесстрашным и решительным характером, г-н Тюрио, был послан избирателями из Ратуши призвать Бастилию к капитуляции. Подъемный мост был опущен, и его впустили. Губернатор принял его во главе своего штаба.

"Я призываю вас, - сказал Тюрио, - от имени народа, во имя чести и нашей родной земли".

Губернатор, каждую минуту ожидавший прибытия войск для разгона толпы, отказался сдавать крепость, но ответил, что готов дать клятву, что не будет стрелять в народ, если они не будут стрелять в него. После долгого и волнующего интервью Тюрио вышел к тем, кто прислал его в Отель-де-Виль.

Едва он вышел из массивных ворот и пересек подъемный мост через ров, который немедленно был поднят позади него, как люди начали атаку. Последовала сцена замешательства и переполоха, которую невозможно описать. Сто тысяч человек, заполнивших все улицы и переулки, выходящие к Бастилии, столпившиеся у всех окон и на крышах соседних зданий, вели непрерывную стрельбу, безвредно расплющивая свои пули о каменные стены толщиной в сорок футов и высотой в сто футов.[\[168\]](#)

Французские солдаты в гарнизоне неохотно открывали огонь по своим родственникам и друзьям. Но швейцарцы, послушные властям, открыли по толпе смертоносный огонь пулями и картечью. Пока шло сражение, в Отель-де-Виль было доставлено перехваченное письмо, в котором Бенсенваль, командующий войсками на Марсовом поле, призывал Де Лони оставаться твердым, заверяя его, что он скоро придет на помощь.[\[169\]](#) Но, к счастью для народа, даже эти иностранные войска отказались идти маршем на защиту Бастилии.

Французские гвардейцы теперь вырвались из своих казарм и, ведомые своими младшими офицерами, пришли с двумя артиллерийскими орудиями в грозном строю, чтобы присоединиться к народу. Они были встречены громом аплодисментов, которые заглушили даже рев битвы. Они энергично открыли огонь из своих батарей по крепости, но их ядра безвредно отскакивали от неприступной скалы.

Очевидно, Весь Париж единой волей объединился против великого оплота тирании.^[170] В драке участвовали мужчины, женщины и мальчики. Священники, знать, богатые горожане и оборванные и истощенные жертвы голода плечом к плечу шли в ожесточенную атаку.^[171] Французские солдаты теперь стремились сдаться, но швейцарцы, защищенные от любой возможности причинить вред, преднамеренно и безошибочно стреляли в любого, кого хотели. Прошло уже четыре часа сражения, и хотя в крепости был ранен всего один человек, сто семьдесят один горожанин был либо убит, либо ранен. Французские солдаты подняли флаг перемирия на башнях, в то время как швейцарцы продолжали стрелять вниз. Это движение повергло Де Лони в отчаяние. Сто тысяч человек осаждали его крепость. Король не послал ему на помощь никаких войск, а три четверти его гарнизона покинули его и уже вступали в сношения с нападавшими. Он знал, что люди никогда не смогут простить ему кровь их отцов и братьев, которой он обагрил их улицы, — что смерть была его неизбежным уделом. В состоянии почти бреда он схватил спичку из пушки и бросился к складу, полный решимости взорвать цитадель. В хранилищах находилось сто тридцать пять бочонков пороха. Взрыв подбросил бы Бастилию на воздух, похоронил бы под ее руинами сто тысяч человек и разрушил бы треть Парижа.^[172] Два младших офицера скрестили перед ним штыки и предотвратили осуществление этого ужасного замысла.

Какие-то негодяи схватили молодую леди, которую они считали дочерью губернатора, и хотели угрозой сжечь ее на башнях на глазах у ее отца заставить его сдаться. Но горожане быстро вырвали ее из их рук и доставили в безопасное место. Было уже пять часов, а штурм начался в двенадцать часов пополудни. Французские солдаты внутри смастерили белые флажки из салфеток, прикрепили их к штыкам и размахивали ими со стен. Постепенно сквозь дым стали видны флаги перемирия; стрельба прекратилась, и по толпе прокатился крик, эхом разнесшийся по улицам Парижа: "Бастилия сдается". Эта крепость, которую Людовик XIV. и Тюренн объявили неприступной, не сдалась под натиском нападавших, ибо они не произвели на нее никакого впечатления. Она была завоевана тем общественным мнением, которое пронизывало Париж и которое разгромило его гарнизон.^[173]

Массивные порталы распахнулись, и огромная толпа, живой потоп, устремившись сломя голову, ворвалась внутрь. Они взбирались на башни, проникали в камеры и спускались в подземелья и темницы. В ужасе они смотрели на орудия пыток, которыми терзали и ломали бывших жертв угнетения. Как ни возбуждали их раздоры и ни выводило из себя пролитие крови, но один человек в крепости, швейцарский солдат, пал жертвой их ярости.

Победивший народ теперь выступил в шумной процессии, чтобы доставить своих пленников, губернатора и солдат, в Отель-де-Виль. Те из населения, чьи родственники погибли в междоусобице, пришли в ярость и громко требовали крови Де Лони. Двое очень могущественных людей встали по обе стороны от него для его защиты. Но шум усилился, давление стало более непреодолимым, и как раз в тот момент, когда они входили на Гревскую площадь, защитники губернатора были побеждены — он был сражен ударом сабли, ему отрубили голову, и он поднял в воздух окровавленный и ужасный трофей на пике.

В разгар великой суматохи двое швейцарских солдат Бастилии, которых население считало принимавшими активное участие в канонаде, были схвачены, несмотря на самые

энергичные попытки спасти их, и повешены на фонарном столбе. По толпе прошел слух, что было найдено письмо от мэра Флесселя, которого уже сильно подозревали в предательстве, адресованное Де Лони, в котором он сообщал:

"Я развлекаю парижан кокардами и обещаниями. Продержитесь до вечера, и вас сменят".[174]

В толпе, заполнившей зал и окружившей его, поднялся громкий ропот. Кто-то предложил доставить Флесселя в Пале-Рояль для народного суда. Шум нарастал, опасность была неминуемой. Бледный от страха, он спустился с помоста и в сопровождении огромной толпы направился к Пале-Роялю. На повороте первой улицы к нему подошел неизвестный мужчина и застрелил его из пистолета. Разъяренные негодяи немедленно отрубили ему голову, и ее с диким торжеством пронесли на пике по улицам.

Французские гвардейцы вместе с большим количеством народа сделали все, что могли, чтобы подавить эти кровавые акты. Французские и швейцарские солдаты принесли присягу на верность нации и под охраной французской гвардии были отправлены в безопасные места, где им предоставили жилье и продовольствие. Так завершился этот насыщенный событиями день. Падение Бастилии сломало правую руку монархии, парализовало ее нервы и нанесло ей смертельный удар. Монарх Франции из своего дворца в Версале слышал отдаленные раскаты канонады и все же записал в своем ребяческом дневнике: "Ничего!"[175]

СНОСКИ:

[152] "Таким образом, Париж, без судов, без полиции, без охраны, во власти ста тысяч человек, которые праздно бродили посреди ночи и по большей части нуждались в хлебе, считал себя на грани осады извне и разграбления изнутри; считал, что двадцать пять тысяч солдат были расставлены вокруг, чтобы блокировать его и перекрыть все поставки провизии". , и что это стало бы добычей голодающего населения". - *Мемуары Мармонтеля*.

[153] История. Фил. de la Rev. Fr., par Ant. Фантен Десодоардс, т. i., стр. 148.

[154] Профессор Уильям Смит в своих очень способных и откровенных лекциях, прочитанных в Кембриджском университете, Англия, хотя его симпатии в этом конфликте на стороне суда, пишет:

"В целом, мне кажется, не может быть никаких сомнений в том, что суд вынашивал грандиозный план роспуска Национального собрания и утверждения власти короны. Эта военная сила должна была быть задействована, и в зависимости от степени ее успеха, по всей вероятности, произошло бы подавление духа свободы, даже национальной свободы, существовавшего тогда во Франции. Меньшего нельзя предположить; можно поверить гораздо большему". —*Лекции о Французской революции*, том i, стр. 251.

[155] "Старый режим и революция", М. де Токвиль, стр. 190.

[156] Мишле, том i, стр. 136.

[157] "Они собирались производить платежи бумажными деньгами без какой—либо другой гарантии, кроме подписи неплатежеспособного короля". -*Мишле*, том i, стр. 137.

[158] "Список запрещенных лиц был составлен в комитете королевы. Шестьдесят девять депутатов, во главе которых были поставлены Мирабо, Сийес и Байи, должны были быть заключены в цитадель Меца, а оттуда выведены на эшафот как виновные в мятеже. Сигналом, согласованным для этого Варфоломеевского собрания народных представителей, была смена министерства". —*История монтаньяров, книга Альфонса Эскироса*, стр. 15.

[159] Лекции о Французской революции, Wm. Смит, том i, стр. 241.

[160] Луи, виконт Ноайский, был депутатом от знати. Вместе с Лафайетом, Рошфуко и другими он горячо поддерживал дело народной свободы. Он проголосовал за объединение с Национальным собранием и был первым, кто призвал духовенство и дворянство отказаться от своих привилегий, как наносящих ущерб общему благу. Когда Революция оказалась в руках низких и никчемных людей, он ушел с государственной службы; но когда Наполеон пришел на помощь, он снова вступил в армию и впоследствии был убит в битве с англичанами.—*Enc. Am., Art. Noailles*.

[161] "Лучшая часть Собрания, - пишет Ферьер, - незнакомая со всеми интригами, которые могли разворачиваться, была встревожена печальными сообщениями, которые циркулировали, и в ужасе от планов двора, которые, как они были уверены, привели к захвату Парижа, роспуску Собрания и массовым убийствам граждан. Тем временем придворные приверженцы скрывали свою радость под маской безразличия. Они пришли на заседания, чтобы посмотреть, какой оборот примут обсуждения, насладиться своим триумфом и унижением Ассамблеи. Ассамблею они считали уничтоженной".

[162] Мишле, том i, стр. 38; Гео. Лонг, эсквайр, том i, стр. 28.

[163] "Этим героическим человеком был аббат Лефевр д'Ормессон. Ни один человек не оказал большей услуги Революции и городу Парижу". —*Мишле*, том i, стр. 140.

"Один патриот, находясь в состоянии алкогольного опьянения, настоял на том, чтобы посидеть и покурить на краю одной из бочек с порохом. Там он курил, ни от кого не зависящий, пока аббат не купил его трубку за три франка и не раскурил ее далеко". —*Карлайл*, том i, стр. 191.

[164] Луи Блан, История французской революции, том ii., стр. 365.

[165] Мишле, том i, стр. 156.

[166] Histoire des Montagnards, par Alphonse Esquiros, p. 16.

[167] М. Рабо де Сент-Этьен, том i, стр. 66.

[168] "Его стены, толщиной в десять футов у верхушек башен и тридцать или сорок у основания, могли бы долго смеяться над пушечными ядрами. Его батареи, обстреливая Париж, могли бы тем временем полностью разрушить Марэ и Сент-Антуанское предместье. Его башни, пронизанные окнами и бойницами, защищенные двойными и тройными решетками, позволили гарнизону в полной безопасности устроить ужасную резню нападавшим". —*Мишле*, том i, стр. 143.

[169] Тьер, том i, стр. 69.

[170] "Старики, - говорит Мишле, - которые имели счастье и горе видеть все, что произошло за эти беспрецедентные полвека, заявили, что великие и национальные достижения

Республики и Империи носили, тем не менее, частичный, не единодушный характер. Но только 14 июля было днем всего народа". — *Мишле*, том i, стр. 144.

[171] История монтаньяров у Альфонса Эскироса, стр. 17.

[172] Мишле, том i, стр. 156.

[173] "Собственно говоря, Бастилия не была взята, она сдалась. Мучимый нечистой совестью, он сошел с ума и потерял всякое присутствие духа". — *Мишле*, том i, стр. 156.

ГЛАВА XIV.

КОРОЛЬ ПРИЗНАЕТ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Разгром кавалерии Ламбеска.—Весть о взятии Бастилии достигает Версаля.— Ужас двора.—Полуночная беседа герцога Лианкура с королем.—Новая делегация Ассамблеи.—Король посещает Ассамблею.—Короля сопровождают обратно в его дворец.—Непостоянство монарха.—Депутация отправлена в Отель де Вилль.—Адрес Лафайета.—Лафайет назначен командующим Национальной гвардией.

В то время как в Париже происходили эти сцены, двор, плохо осведомленный о действительном положении дел, готовился в тот же вечер всеми сосредоточенными войсками монархии утопить восстание в Париже в крови, разогнать Собрание, отправив в темницу и на эшафот его видных членов и заново заковать в кандалы деспотизма, которые веками сковывали народ Франции по рукам и ногам.

Г-н Бертье, один из высших офицеров короны, которому помогал его тесть, г-н Фулон, заместитель военного министра, активно руководил войсками и отдавал приказы о наступлении. Сознывая, с каким сопротивлением им придется столкнуться, и невзирая на кровавую бойню, которая за этим последует, они спланировали одновременное нападение на город с семи разных точек. Не испытывая никаких опасений, что Бастилия может быть взята или что население, каким бы отчаянным оно ни было, сможет оказать сколько-нибудь эффективное сопротивление дисциплинированным войскам короны, они были воодушевлены надеждой, что настал решающий час для победы двора.

Королева не могла скрыть своего ликования. Вместе с герцогиней Полиньяк, одной из самых надменных особ аристократической партии, и другими придворными она отправилась в Оранжерею, где был расквартирован полк иностранных войск, своим присутствием возбудила энтузиазм солдат и распорядилась о том, чтобы среди них свободно раздавали вино и золото. В упоении момента солдаты пели, танцевали, кричали, бряцали оружием и клялись в вечной верности королеве.[176]

Но эти радужные надежды вскоре рухнули. Было видно облако пыли, вихрем пронесшееся по проспекту Парижа. Это была кавалерия Ламбеска, летящая перед народом. Вскоре после этого запыхавшийся гонец ворвался в зал суда и объявил, что Бастилия взята и что войска в Париже отказались стрелять в народ. Пока он еще говорил, пришел другой человек с известием, что Де Лони и Флессель оба убиты. Королева была глубоко тронута и горько плакала. "Мысль о том, - пишет мадам Кампан, - что король потерял таких преданных подданных, ранила ее в самое сердце". Придворные были в смятении. До них дошла истина, что, хотя народ был доведен до крайности, на войска больше нельзя было положиться в защите двора.

Массы, взбешенные оскорблениями и агрессией привилегированных классов, все еще ценили добрый характер короля и говорили о нем с уважением и даже привязанностью. Двор прилагал все усилия, чтобы скрыть от Людовика отчаянное положение дел, и в свой обычный час, в одиннадцать часов, он отправился в свою постель, никоим образом не сознавая, что скипетр власти вышел из его рук.

Герцог Лианкур, должность великого магистра гардероба которого позволяла ему входить в покои короля в любое время, был искренним другом Людовика. Он не мог видеть, как тот так слепо устремляется к разрушению, и, соответственно, войдя в его комнату и сев у его постели, он правдиво рассказал ему о событиях в Париже. Король, изумленный и встревоженный, воскликнул: "Да ведь это восстание!" - Нет, сир, - ответил Лианкур, - это революция!

Король немедленно решил, что на следующее утро без всяких церемоний посетит Национальное собрание и попытается примириться. Видные придворные, теперь полностью осознавшие свою опасность, собрались в салонах герцогини Полиньяк, некоторые уже предлагали бежать из королевства, чтобы обратиться за помощью к иностранным королям. В эти полуночные часы Собрание все еще совещалось в большом беспокойстве. Многие члены, совершенно измученные непрерывной работой днем и ночью, дремали на скамьях. Всем было известно, что эта ночь была назначена для большого штурма; и у всех на устах ходил слух, что зал Собрания был подорван, чтобы всех депутатов могло взорвать на воздух.

Париж в этот час представлял собой сцену ужасного смятения. На мгновение ожидалось, что придут королевские войска с кавалерией и артиллерией и что с высот Монмартра на преданный город обрушатся бомбы. Мужчины, женщины и дети готовились к обороне. Бастилия охранялась, в ней был размещен гарнизон. Тротуары были разобраны, возведены баррикады и вырыты рвы. Окна были освещены, чтобы пролить дневной свет на улицы. Камни мостовой и тяжелую мебель перенесли на крыши домов, чтобы сбросить их на атакующие колонны. Каждый кузнец был занят ковкой копий, и тысячи рук отливали пули. Буйные толпы бесхарактерных и отчаявшихся людей пронесли по улицам, бунтуя во всеобщей анархии. Лозунгом, установленным гражданскими патрулями, были "Вашингтон и Свобода". Так прошла ночь на 14 июля в Версальском замке, в зале Ассамблеи и на улицах Парижа.

В два часа ночи 15-го числа Ассамблея прекратила свои обсуждения на несколько часов, и члены, хотя заседание все еще продолжалось, стремились к такому отдыху, какой они могли получить на своих местах. В восемь часов обсуждение возобновилось. Было решено послать депутацию из двадцати четырех человек, чтобы снова умолять короля уважать права народа и больше не допускать, чтобы его доводили до безумия оскорблениями и притеснениями. Когда депутация собиралась уходить, Мирабо встал и сказал: "Скажите королю, что окружающие нас иноземные орды получили вчера ласку, поощрение и взятки от двора; что всю ночь напролет эти иностранные сателлиты, объевшиеся денег и вина, в своих нечестивых песнях предсказывали порабощение Франции и призывали к разгрому Национального собрания; скажите ему, что в самом его дворце придворные танцевали под эти нечестивые песни и что это было прелюдией к Варфоломеевской резне".

Едва он произнес эти слова, как вошел герцог Лианкур и объявил, что король лично прибудет на Ассамблею. Двери распахнулись, и, к изумлению Собравшихся, вошел король без охраны и эскорта, в сопровождении только двух своих братьев. Его приветствовали аплодисменты. Короткой и трогательной речью король покориł себе сердца всех. Он заверил их в своем доверии к Ассамблее; что он никогда не помышлял о ее насильственном роспуске; и что он

искренне желает объединиться с Ассамблеей для проведения консультаций в наилучших интересах нации. Он также заявил, что отдал приказ о выводе войск как из Парижа, так и из Версаля и что отныне его администрацией должны руководствоваться советы Национального собрания.^[177]

Эта примирительная речь была встречена большинством депутатов бурными аплодисментами. Аристократическая партия была, однако, сильно огорчена и, удалившись поодиночке, шепотом и хмурыми взглядами дала выход своему раздражению; но общие аплодисменты заглушили слабый ропот знати. Почти все Собрание встало в честь короля, когда он уходил, и, окружив его в бурной радости, они сопровождали его обратно во дворец. Огромная толпа из Парижа и Версаля заполонила улицы, наполняя воздух своими лояльными и поздравительными криками. Королева, с тревогой сидевшая в своем будуаре, услышала шум и пришла в сильный ужас. Вскоре ей объявили, что король возвращается с триумфом: она вышла на балкон и посмотрела вниз, на широкую улицу, заполненную бесчисленной толпой. Король шел пешком; депутаты окружили его, скрестив руки, чтобы защитить от толпы, которая буйно бурлила вокруг, всячески проявляя привязанность и радость.

Народ действительно любил добросердечного короля, но они уже понимали ту слабость в его характере, которая в конечном итоге привела к его гибели. Женщина из Версаля пробилась через депутатов к королю и с большой простотой сказала:

- О, мой король! вы совершенно искренни? Не заставят ли они вас снова изменить свое мнение?

"Нет, - ответил король, - я никогда не изменюсь".

Слабый Людовик и сам этого не знал. Тогда он был искренен; но менее чем через час он снова заколебался, не решаясь, проводить ли свою мирную политику уважения справедливых требований народа или бежать из королевства и призвать на помощь иностранных деспотов, чтобы погасить разгорающееся пламя свободы кровью. Было хорошо известно, что королева, братья короля и Полиньяки были непримиримыми врагами реформы и что именно благодаря их советам Ассамблее и нации угрожало насилие.^[178]

Как только королеву увидели на балконе рядом с сыном и дочерью, аплодисменты раздались с удвоенной силой. Но теперь к одобрительным возгласам начал примешиваться ропот. Прозвучало несколько проклятий в адрес несносных членов суда. По-прежнему всеобщий голос был полон энтузиазма в верности; и когда королева спустилась к подножию мраморной лестницы и бросилась в объятия короля, всякий ропот утих, и уверенность и счастье, казалось, наполнили все сердца.^[179]

Во дворце немедленно был созван совет кабинета министров для обсуждения следующего шага, который необходимо предпринять. Собрание вернулось в свой зал и немедленно избрало депутацию из ста человек во главе с Лафайетом, чтобы передать муниципальному правительству в Отель-де-Виль в Париже радостную весть об их примирении с королем. Заранее был отправлен курьер, чтобы сообщить о приближении делегации.

Было уже два часа пополудни. Депутация покинула Версаль, сопровождаемая огромным эскортом гражданских солдат и сопровождаемая толпой, которой не было числа. Они были приняты в Париже с почти безумным энтузиазмом. В течение всей ночи горожане, мужчины, женщины и дети, возводили баррикады, разрывали тротуары и готовились со всеми

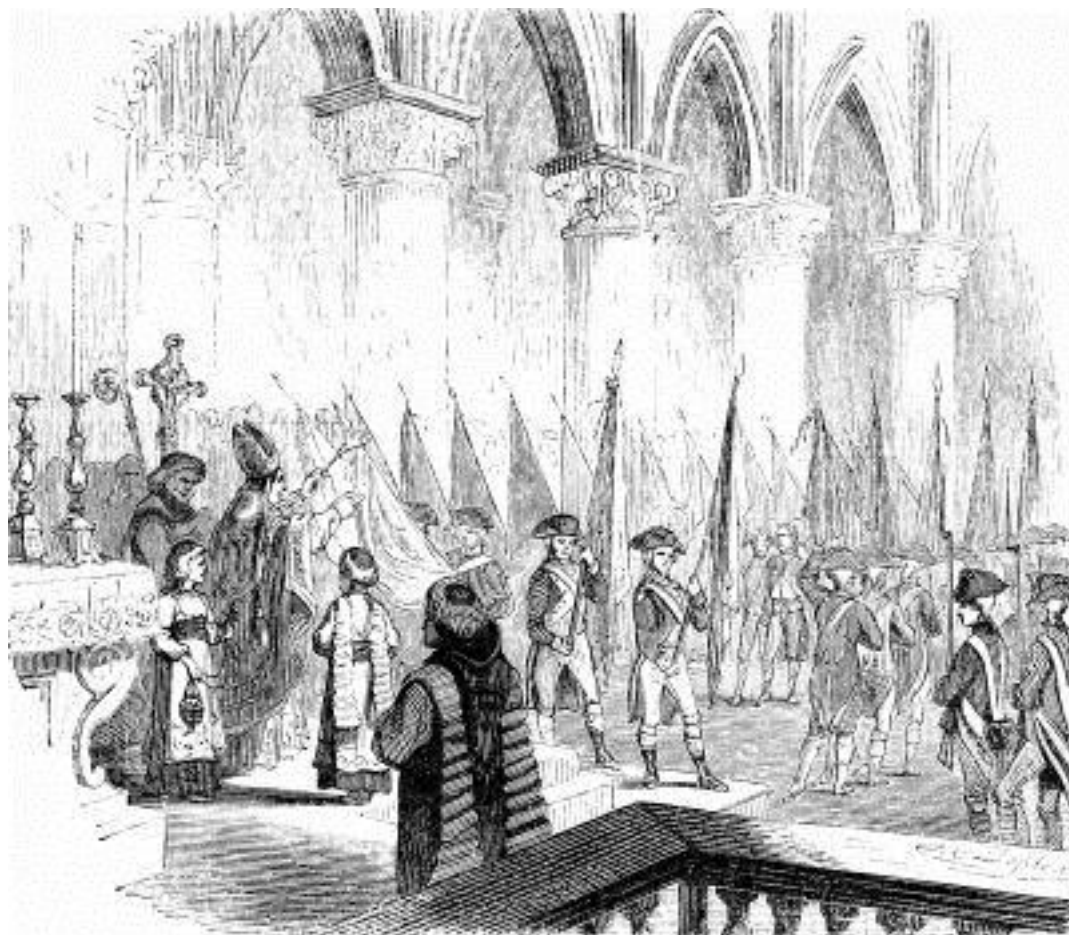
мыслимыми видами оружия и мерами нападения и защиты отразить предполагаемую атаку артиллерии и кавалерии короны. Отцы и матери, побледнев от ужаса, предвкушали ужасные сцены разграбления города жестокими солдатами. Невыразимой была радость, которой они предались, обнаружив, что король теперь открыто называет себя их другом и поддерживает народное дело. Окна и балконы были переполнены, улицы усыпаны цветами, а депутатов приветствовали размахиванием носовых платков и радостными возгласами.

На площади Людовика XV. депутаты вышли из экипажей, и их провели через сад Тюильри, встреченных музыкой военных оркестров, в вестибюль дворца. Там их встретила комиссия муниципалитета во главе с одним из священнослужителей, аббатом Фоше, который проводил их в Отель-де-Виль.

Лафайет обратился к избирателям, проинформировав их о речи короля и описав возвращение монарха в свой дворец посреди Национального собрания и народа Версаля, "защищенного их любовью и нерушимой верностью". Затем Лалли Толлендал, отличавшийся замечательным красноречием, обратился к выборщикам и собравшейся толпе. Он говорил о короле, которого любил, в самых возвышенных выражениях хвалебной речи и с таким напором, столь убедительным и волнующим душу, что его немедленно увенчали венком из цветов и в суматохе торжественно пронесли к окну под аплодисменты тысяч людей, заполнивших улицы. Любовь к королю, казалось, была инстинктом населения. Крики "Да здравствует король!" раздались из огромного собрания, которые разносились от улицы к улице по всем переполненным магистралям столицы.

Король санкционировал создание Национальной гвардии, но у гвардии все еще не было главнокомандующего. Правительство Парижа также после смерти Флесселя осталось без главы. В зале Ассамблеи находился бюст Лафайета, подаренный Соединенными Штатами городу Парижу. Он стоял рядом с бюстом Вашингтона. Когда обсуждался важный вопрос, кому следует доверить командование Национальной гвардией, подразделением, которое теперь насчитывало сотни тысяч человек и было разбросано по всему королевству, Моро де Сен-Мери, председатель муниципалитета, встал и, не произнеся ни слова, молча указал на бюст Лафайета. Этот жест был решающим. Зал наполнился всеобщими криками одобрения. Тому, кто сражался в битвах за свободу в Америке, таким образом, было доверено командование гражданской армией Франции. Затем М. Байи был избран преемником Флесселя, но не с титулом прево де Маршана, а с более полным титулом мэра Парижа.

27 сентября знамена Национальной гвардии, каждое из которых было предварительно освящено в церкви своего района, были доставлены в собор Парижской Богоматери и там с величайшей помпой гражданских, военных и религиозных церемоний были посвящены служению Богу и нации.

БЛАГОСЛОВЛЯЮ ЗНАМЕНА.

СНОСКИ:

[174] Впоследствии не появилось никаких убедительных доказательств существования этого письма.

[175] История монтаньяров, книга Альфонса Эскироса, стр. 17.

[176] Герцогиня Полиньяк была самой близкой подругой королевы. Хотя она получала доход от короны в размере двухсот девяноста тысяч франков (58 400 долларов) в год, по сравнению с другими представителями знати она считалась бедной. Королева выделила ей великолепные апартаменты в Версальском дворце у подножия мраморной лестницы. Салоны герцогини были местом встречи придворных во всех их заговорах против народа. Здесь возник тот аристократический клуб, который вызвал к жизни антагонистические популярные клубы по всему королевству. — *Мадам Кампан*, том i, стр. 139; *Вебер*, том ii, стр. 23.

[177] История. Фил. de la Rev. Fr., par Ant. Фантен Десодоардс, том i, стр. 165; М. Рабо де Сент-Этьен, том i, стр. 69; История. Парламент., том ii., стр. 117.

[178] Неккер, говоря о заговорах суда, пишет: "Я никогда не мог с уверенностью установить, какой замысел рассматривался. Были тайны и после-тайны, и я убежден, что сам король был причастен не ко всем из них. Возможно, в зависимости от обстоятельств, это было сделано для того, чтобы вовлечь монарха в меры, о которых они не осмелились сообщить ему заранее". — Т. ii., стр. 85.

ГЛАВА XV.

КОРОЛЬ ПОСЕЩАЕТ ПАРИЖ.

Взгляды патриотов.—Помилование французской гвардии.—Религиозные церемонии.—Отзыв Неккера.—Король посещает Париж.—Действия духовенства.—Король в Ратуше.—Возвращение короля в Версаль.—Граф д'Артуа, Полиньяки и другие покидают Францию.—Наглость слуг.—Страдания народа.—Преследование торговцев зерном.—Бертье из Тулона.—М. Фулон.—Их убийство.—Гуманные попытки Неккера.—Отмена феодальных прав.

Теперь было создано новое правительство, укрепленное властью, о которой ни двор, ни народ еще даже не подозревали. Верховной властью теперь были Национальное собрание и муниципалитет Парижа. Миллион человек были готовы обнажить меч и встать в строй, чтобы привести в исполнение свои указы. Отныне король был всего лишь конституционным монархом; хотя он никоим образом не осознавал этого, его деспотическая власть ушла, и ее уже никогда не восстановить. Революция достигла теперь таких успехов, что ничего не оставалось, кроме как осуществить те планы, которые можно было счесть необходимыми для благосостояния Франции. Революция до сих пор была почти бескровной. И если бы не вмешательство окружающих деспотов, которые объединили свои армии, чтобы заново сковать французский народ цепями феодальной аристократии, последующие ужасы Революции, по всей вероятности, никогда бы не произошли. Люди мудрости и чистейшего патриотизма стояли во главе этих народных движений. Каждый предпринятый шаг был сделан с умом. Целью, к которой все стремились, была *реформа*, а не *революция*—правление конституционной монархии, подобной английской, а не царство террора.

О республике тогда даже не думали. Монархия соответствовала привычкам и вкусам людей и оставляла бы их по-прежнему в симпатии к великой семье правительств, которые их окружали. Лафайет, Талейран, Сийес, Мирабо, Байи и все другие лидеры этого великого движения хотели только привнести дух личной свободы в монархию Франции.

Но когда все окружающие деспотии объединились и привели в движение свои армии для вторжения во Францию, решив, что французский народ не должен быть свободным, и когда аристократия Франции объединилась с этими иностранными захватчиками, чтобы заново поработить эти миллионы, которые только что разорвали свои цепи, поднялся дух отчаяния, который привел ко всем последующим бедам. Мы не можем сказать, каким был бы результат, если бы не объединение этих иностранных королей, но мы *действительно* знаем, что результаты, которые *последовали*, были прямым и законным следствием этого объединения.

Следует помнить, что французская гвардия, встав на сторону народа, отказалась стрелять в народ. Это неповиновение королевским офицерам было, конечно, актом государственной измены. Герцог Лианкур, выступая от имени короля, сказал: "Король *прощает* французских гвардейцев". При произнесении неприятного слова *простите* по залу пробежал недовольный ропот. Несколько присутствовавших охранников немедленно поднялись на трибуну, и один из них, как представитель остальных, твердо и благородно сказал:

"Мы не можем принять *помилование*. Нам оно не нужно. Служа нации, мы служим королю, и происходящие сейчас сцены доказывают это".

Лаконичная речь была встречена бурными аплодисментами, и больше о помиловании ничего сказано не было. Низшее духовенство, принимавшее активное участие в этих движениях, не забывало о своих обязательствах перед Богом. Казалось, весь народ сочувствовал этому религиозному чувству. По предложению архиепископа Парижского было немедленно принято решение, и выборщики, депутаты и новые магистраты в сопровождении огромного стечения горожан и в сопровождении французской гвардии направились в собор Парижской Богоматери, где было благоговейно произнесено торжественное благодарственное пение. Затем Лафайет и Байи принесли служебную присягу.

По возвращении депутации на Ассамблею в Версаль Лалли Толлендаль сообщила, что всеобщий крик парижан был за отзыв Неккера, с которым министр, как считалось, отождествлял народное дело. Немедленно было внесено предложение направить депутацию к королю с просьбой о его отзыве. Едва они приступили к обсуждению этого вопроса, как от Людовика было получено сообщение об увольнении несносных министров, сопровождаемое незапечатанным письмом, адресованным Неккеру, в котором он призывал его вернуться на свой пост. Воодушевленные благодарностью за этот поступок, Собрание немедленно обратилось к королю с выражением благодарности.

Население Парижа выразило искреннее желание, чтобы король нанес им визит. Во второй половине дня и вечером 16-го числа версальский двор серьезно обсуждал вопрос о том, должен ли король бежать из королевства под защитой иностранных войск, которые он мог собрать вокруг себя, и обратиться за помощью к иностранным державам, или же ему следует продолжать выражать согласие с народным движением и посещать людей в Париже. Королева была за побег. Она сказала мадам Кампан, что после долгого обсуждения, при котором она присутствовала, король, нетерпеливый и усталый, сказал: "Что ж, господа, мы должны решить. Должна ли я уйти или остаться? Я готова сделать и то, и другое". "Большинство, - продолжила королева, - было за то, чтобы король остался. Время покажет, был ли сделан правильный выбор".^[180]

Король очень опасался, что, бессильный отправиться в Париж, он может быть убит. Готовясь к этому событию, он принял причастие Вечери Господней и назначил своего брата, впоследствии Людовика XVIII, наместником Франции, на случай его задержания или смерти. Рано утром следующего дня, 17 июля, он трогательно попрощался со своей плачущей, расстроенной семьей, чтобы посетить бурлящий мегаполис. Его бледное и меланхоличное лицо произвело впечатление на каждого наблюдателя. Королева, которая была крайне враждебно настроена к этому движению, была почти в отчаянии. Она немедленно удалилась в свои покои и занялась написанием обращения к Собранию, которое решила вручить лично на случай, если короля возьмут в плен.^[181]

Было десять часов утра, когда король покинул Версаль. Он ехал в неприметном экипаже, без всякой охраны, но в окружении целого корпуса пеших депутатов.^[182]

Было три часа пополудни, когда длинная процессия прибыла к воротам города. До сих пор они шли молча. Затем месье Байи, новоназначенный мэр, встретился с ним и вручил ему ключи от города, сказав: "Это ключи, подаренные Генриху Четвертому. Он отвоевал свой народ. Теперь народ отвоевал своего короля".

Двести тысяч человек, ныне составляющих Национальную гвардию, были выстроены в боевом порядке, чтобы встретить своего монарха. Они выстроились вдоль проспекта в четыре-пять человек в ряд от Севрского моста до Ратуши. У них было всего 30 000 мушкетов и 50 000 пик. Остальные были вооружены саблями, пиками, косами и вилами. Революция до сих пор была движением не партии, а нации. Даже матроны и молодые девушки были

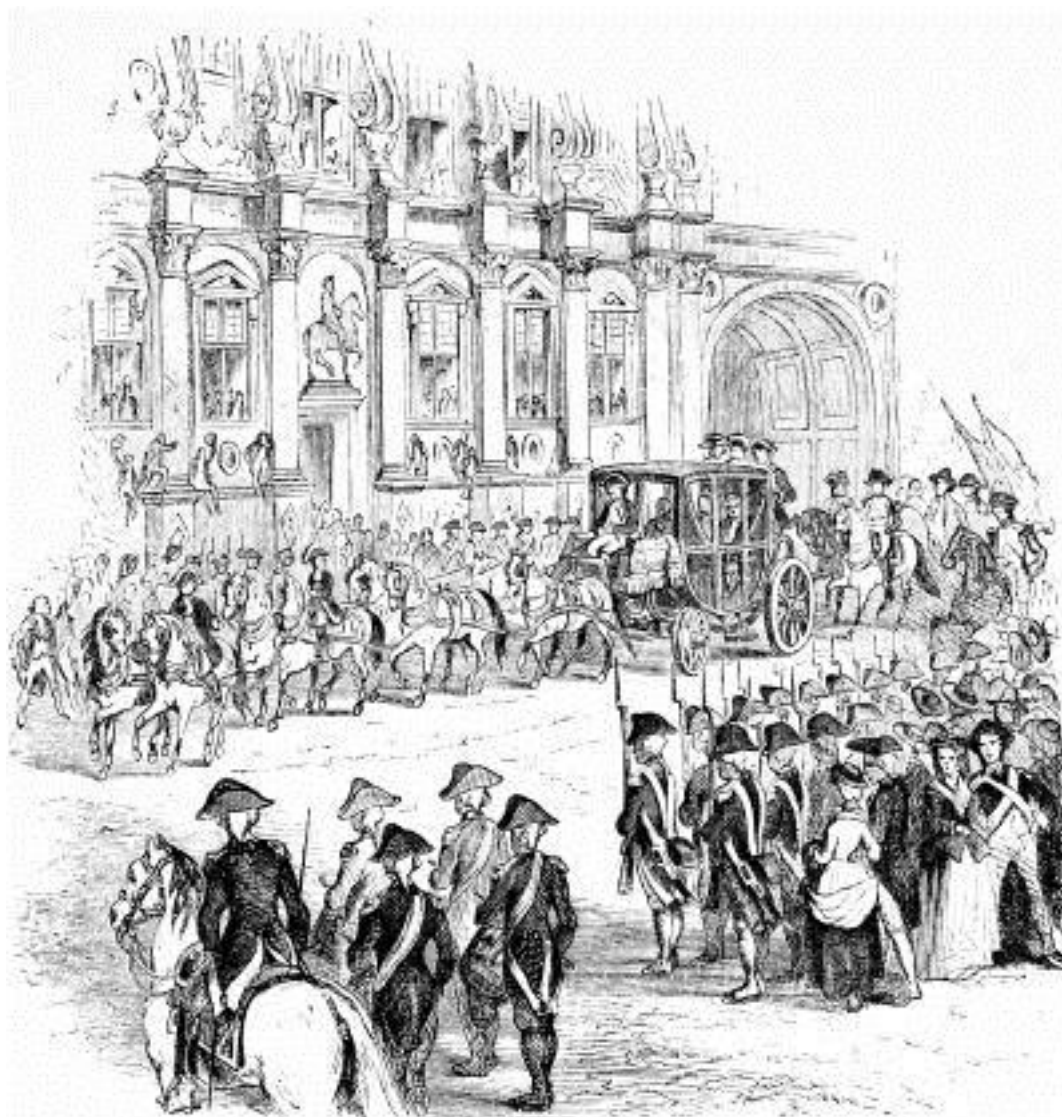
замечены стоящими вооруженными рядом со своими мужьями и отцами. Духовенство, низшее духовенство и некоторые епископы, не забывая, что они были мужчинами и гражданами, также были там в этот час опасности для своей страны, посвятив все свое влияние делу свободы. Они не стали бесславно прятаться под своими священническими одеяниями от ответственности за этот величайший из конфликтов за права человека. Из толпы постоянно доносились крики: "Да здравствует Нация!" Пока еще не было слышно ни одного голоса, восклицающего "Да здравствует король!" Народ снова заподозрил неладное. По толпе ходили слухи о неумолимой враждебности двора, и было много опасений, что вечно колеблющийся король снова поддержит дело аристократической узурпации. Пройдя через эти линии Национальной гвардии, когда все население Парижа столпилось на крышах домов, балконах и тротуарах, король, наконец, в четыре часа пополудни прибыл в ратушу, резиденцию нового правительства. Он вышел из кареты и поднялся по лестнице под стальным навесом, образованным гренадерами, скрестившими штыки над его головой. Это было задумано не как унижение, а как исключительный акт чести.^[183]

Король занял свое место в центре просторного зала, который представлял собой необычный вид. Зал был переполнен знатью города и королевства, и те, кто находился ближе к центру, с истинно французской вежливостью опускались на колени, чтобы те, кто находился дальше, могли увидеть короля. Затем Байи подарил королю трехцветную кокарду. Он получил ее и немедленно приколот к своей шляпе. Это было принятие народного дела. Это было встречено восторженными криками, и "Да здравствует король!" сорвалось со всех уст с почти безумной энергией. Слезы навернулись на глаза короля, и, повернувшись к одному из своей свиты, господину де Кубьеру, он сказал: "Мое сердце нуждается в таких криках народа".

- Сир, - ответил Кубьер, - народ любит ваше величество, и вашему величеству никогда не следовало сомневаться в этом.

Король ответил с глубокой чувственностью: "Французы любили Генриха Четвертого; а какой король больше заслуживал того, чтобы его любили?"

Король не мог забыть, что любовь народа не защитила Генриха от кинжала убийцы. Моро де Сен-Мерри, председатель Собрания выборщиков, в своем обращении к королю сказал: "Вы были обязаны своей короной рождению; теперь вы обязаны ею только своим добродетелям".^[184] Затем был зачитан протокол заседания муниципалитета, и король молча дал свое согласие на назначение Лафайета командующим Национальной гвардией, Байи мэром Парижа и на приказ о полном разрушении Бастилии. Было также предложено установить на его месте памятник Людовику XVI, "Восстановителю общественной свободы, национального процветания, Отцу французского народа". Для монарха это были часы ужасающего унижения. Однако он переносил их с духом мученика, тщетно пытаясь напустить на себя вид доверия и сердечности.

ПРИБЫТИЕ КОРОЛЯ В ОТЕЛЬ-ДЕ-ВИЛЬ, 17 июля 1789 года.

Когда Байи вывел его на балкон, чтобы показать народу с трехцветной кокардой на шляпе, и крики триумфа, подобные раскатам грома, раздались из несметной толпы, слезы навернулись на глаза короля, и он склонил голову в молчании и печали, словно представляя себя жертвой для жертвоприношения. Кто-то шепнул монарху, что ожидается, что он выступит с речью. Два или три раза он пытался это сделать, но его голос прерывался от волнения, и он мог только почти нечленораздельно воскликнуть: "Вы всегда можете положиться на мою привязанность!"

Когда король возвращался сквозь огромную толпу в Версаль, волна энтузиазма была явно в его пользу. Крики "Да здравствует король!" почти оглушили его. Толпа понесла его на руках к колеснице. Какая-то женщина бросилась ему на шею и заплакала от радости. Люди выбегали из домов с кубками вина для его фореиторов и свиты. Несколько слов, слетевших с его губ, эхом прокатились бы по толпе и, возможно, спасли бы монархию. Но Луи был человеком слабоумным и начисто лишенным такта. Он был доволен оказанным ему почтением и, невозмутимый в своей необъятной полноте, сидел, развалившись в своей колеснице, с добродушной улыбкой на лице, но не произнес ни слова. Было уже больше девяти часов вечера, когда он вернулся в Версальский дворец. Королева и ее дети встретили его на лестнице и, судорожно рыдая, бросились в его объятия. Держась вместе, они поднялись в салон. Там королева заметила трехцветную кокарду, которую король забыл

снять со шляпы. Королева отшатнулась и, презрительно посмотрев на это, воскликнула: "Я не думала, что вышла замуж за плебея". Однако добродушный король, благополучно вернувшись, забыл обо всех своих унижениях и поздравил себя с тем, что обошлось без насилия.

"К счастью, - сказал он, - не было пролито ни капли крови; и я твердо убежден, что по моему приказу никогда не прольется ни капли французской крови".[185]

Пока эти сцены происходили 17 июля, граф д'Артуа, второй брат короля, Конде, Полиньяки и большинство других лидеров аристократической партии бежали из Франции. Организованный ими заговор провалился, нация восстала против них, и на колеблющегося короля нельзя было положиться. Их единственной надеждой теперь было призвать объединенную энергию иностранных деспотизмов, чтобы остановить распространение той свободы во Франции, которая в равной степени угрожала всем их тронам. Теперь дворец был заброшен и мрачен, как могила. В течение трех дней король печально расхаживал по опустевшим залам, и никто из его старых друзей, кроме Бенсенваля и Монморена, не мог подбодрить его и дать совет. Его слуги, сознавая, что он утратил свою царственную власть, стали беспечны вплоть до дерзости. Даже французская гвардия несла караул в Версале только по приказу, полученному от парижских курфюрстов.[186]

19-го Бенсенваль вручил королю на подпись приказ. В кабинет вошел лакей и заглянул через плечо короля, чтобы посмотреть, что он пишет. Людовик, пораженный такой беспримерной наглостью, схватил щипцы, чтобы размозжить голову негодяю. Бенсенваль вмешался, чтобы предотвратить недостойный удар. Король пожал руку своего друга и, залившись слезами, поблагодарил его за вмешательство. Так низко пал потомок Людовика XIV. в своем собственном дворце в Версале.[187]

Теперь во Франции фактически не существовало правительства. Королевская власть была полностью свергнута, и Национальное собрание едва успело осознать, что вся власть перешла в его руки. Даже в Париже муниципалитет, ныне занимающий там верховную власть, никоим образом не смог организовать эффективное правительство. Королевство опустошил голод. Века жестокого правления привели к такому крайнему обнищанию людей, что они фактически умирали от голода. "Хлеба! хлеба!" - раздавался повсюду крик, но хлеба достать было невозможно. Много вареной травы и корней папоротника для пропитания. Повсюду глаз встречал бледных и изможденных людей в состоянии отчаяния. Король, по конституции человеколюбивый, глубоко переживал эти беды своих подданных. С некоторой видимой показухой, вполне простительной в данных обстоятельствах, он время от времени выходил и собственноручно помогал изможденным нищим, которых встречал повсюду. По натуре он был одним из добрейших людей, но у него не было ни единого качества, которое подходило бы ему на роль правителя великого народа. Нация была на грани голода, а монарх раздавал золото нищим вместо того, чтобы принимать энергичные меры по оказанию помощи.

LOUIS XVI. РАЗДАВАТЬ ДЕНЬГИ БЕДНЫМ.

Когда Национальное собрание заседало утром 18 июля, со всех концов страны поступали сообщения о насилии и беспорядках. Парижские избиратели предприняли самые энергичные усилия по снабжению города продовольствием. В его стенах находилось около миллиона человек. Огромное количество людей прибыло в город из сельской местности в надежде раздобыть продовольствие. Никакой закон не мог сдержать такое множество людей, фактически умирающих от голода. Поскольку лучше умереть от пули или штыка, чем от голода, они во что бы то ни стало врывались в жилища богачей и в склады, чтобы раздобыть еду, если только их нельзя было обеспечить каким-либо другим способом. Беспорядки того времени остановили все промышленные предприятия, и, таким образом, миллионы обнищавших людей остались без денег, без работы и без еды.

В одной из деревень близ Парижа поступило сообщение, что богатый фермер спрятал большое количество зерна, чтобы обогатиться за счет его продажи по непомерной цене. Изможденная толпа мужчин, женщин и детей окружила его жилище и угрожала повесить фермера, если он не отдаст свои припасы. Ассамблея поспешно направила депутацию из двенадцати членов, чтобы попытаться спасти жизнь несчастного торговца зерном.^[188] Пока они занимались этим делом, прибыла делегация из предместья Сан-Антуан, заявившая, что несчастные жители этого предместья последние пять дней были без работы и без хлеба, и умоляющая принять какие-нибудь меры, чтобы спасти их от голодной смерти. Депутаты

немедленно выделили девять тысяч долларов на их помощь. Четыре тысячи из этой суммы были переданы архиепископом Парижа.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ТОРГОВЦЕВ ЗЕРНОМ.

Гнев людей в эти дни бедствий был особенно направлен против тех, кого они считали монополистами, кого обвиняли в том, что они лишили рынок самих источников жизни. Страдания людей и их отчаяние были настолько сильными, что пришлось послать военные оркестры из города Парижа для конвоирования провизии через голодающие районы. Крестьяне, видевшие, как их дети на самом деле задыхаются и умирают от голода, нападали на автоколонны со свирепостью волков, и, хотя казалось абсолютно необходимым сопротивляться им даже до смерти, никто не мог их строго винить.

Там были двое мужчин, г-н Фулон и г-н Бертье, которые были заметными членами суда и которые оба проявляли очень активную враждебность к народному делу. После свержения министерства Неккера эти люди были призваны в новое министерство, враждебное народу. Сообщалось, что меесье Фулон, который был тестем меесье Бертье, часто говорил: "Если люди голодны, пусть едят траву. Это достаточно хорошо для них; мои лошади это едят".^[189] Также утверждается, что он произнес ужасную угрозу: "Францию нужно косить, как мы косим луг". Он слыл человеком с большим состоянием, и народ долгое время его ненавидел. Эти жестокие высказывания, которые так и не были доказаны против него, но которым все поверили и которые полностью соответствовали его сложившемуся характеру, довели гнев народа до высшей степени.^[190]

Бертье, его зять, по признанию даже роялистов, был очень жестокосердным человеком, беспринципным и жадным.^[191] Несмотря на пятидесятилетний возраст, он был жестоким

распутником и, казалось, радовался возможности начать войну с парижанами, которые его ненавидели. Он проявил "дьявольскую активность", - говорит Мишле, - собирая оружие, войска, все вместе и производя патроны. Если Париж не был опустошен огнем и мечом, то это была не его вина".[192]

И Бертье, и Фулон теперь были во власти народа. Ни двор, ни королевская армия не имели никакой силы защитить их, и до их ушей донесся громкий и глубокий ропот. Бертье попытался бежать из Франции, чтобы присоединиться к роялистам, которые уже эмигрировали. Убегая ночью и прячась днем, за четыре ночи он добрался до Суассона. Фулон применил стратегию притворной смерти. Он распространил слух, что скоропостижно скончался от апоплексического удара. Его похоронили по доверенности с большой pompой, один из его слуг случайно умер в нужный момент. Затем он отправился в дом друга, где спрятался. О нем забыли бы, если бы вся Франция не ненавидела его так сильно. Те, кто знал его лучше всех, ненавидели его больше всего. Его слуги и вассалы обнаружили мошенника и, выслеживая его, нашли в парке его друга.

"Ты хотел дать *нам* сена, - сказали они. - Сам поешь".

Настал ужасный час слепой народной мести. Они привязали ему на спину охапку сена, на шею накинули ошейник из чертополоха, а на грудь привязали букет крапивы. Затем они пешком отвели его в Париж, в Отель-де-Виль, и потребовали, чтобы его справедливо судили и законно наказали. В то же время Бертье был арестован, когда он спешил к границе.

Муниципалитет был в большом замешательстве. У них не было полномочий выносить решения в качестве уголовного суда. Старые суды были распущены, а новые еще не были созданы. Было шесть часов утра, когда его представили в Отель де Виль. Весть о его аресте быстро распространилась по Парижу, и вскоре Гревская площадь была запружена возбужденной толпой. Фулона знали повсюду, равно как и ненавидели. Лафайет стремился отправить его под защиту тюрьмы, чтобы впоследствии он мог предстать перед судом за свои бесчеловечные поступки.

"Господа, - обратился Лафайет к народу, - я не могу винить ваше негодование против этого человека. Я всегда считал его великим преступником, и для него нет слишком сурового наказания. Он понесет заслуженное наказание. Но у него есть сообщники, и мы должны их знать. Я отведу его в аббатство, где мы выдвинем против него обвинения, и он будет судим и наказан в соответствии с законами".[193]

Люди аплодировали этой речи, и Фулон безумно присоединился к ним в аплодисментах. Это возбудило у них подозрение, что с целью его спасения готовится какой-то заговор. Мужчина из толпы выкрикнул:

"Какой смысл судить человека, которого судили эти тридцать лет?"

Этот крик был смертным приговором Фулону. Он вновь разжег пламя негодования, и теперь оно горело неугасимо. Разъяренное население требовало свою жертву. Порывы толпы были подобны волнению океана во время шторма. Бесчисленные тысячи людей напирали, сметая с пути выборщиков, судей и свидетелей, и Фулон был схвачен, никто не может сказать, кем и как, пока, наконец, его не нашли на улице с веревкой на шее, в то время как толпа пыталась повесить его на фонарном столбе. Дважды утюг перерезал шнур, и старик на коленях молил о пощаде. Но разъяренное население было неумолимо. Была добыта третья веревка, и вскоре бедняга безжизненно болтался в воздухе.

Пока происходили эти сцены, Бертье привезли в город. Он был в кабриолете, чтобы люди могли увидеть своего бесчеловечного преследователя. Страшная толпа окружила его, наполняя воздух угрозами и проклятиями. Перед ним несли плакат с надписью крупными буквами:

"Он пожирал имущество народа; он был рабом богатых и тираном бедных; он ограбил короля и Францию; он предал свою страну".[194]

УБИЙСТВО БЕРТЬЕ.

Несчастливого потащили вверх по ступенькам Ратуши. Но теперь толпа взяла верх. Больше не существовало ни закона, ни даже подобия власти. Национальная гвардия предприняла попытку доставить его в аббатство, но в тот момент, когда они появились со своим пленником на улице, толпа неудержимо набросилась на него. Схватив ружье, он дрался как тигр, но вскоре пал, пронзенный штыками.[195] Драгун вырвал ему сердце и отнес его, истекающее кровью, в Ратушу, говоря: "Вот сердце Бертье!"[196] Этот человек попытался смягчить свою жестокость, заявив, что Бертье стал причиной смерти его отца. Его товарищи, однако, сочли такую жестокость позором для своего корпуса. Они сказали ему, что он должен умереть, и что они все будут сражаться с ним по очереди, пока он не будет убит. Он был убит той ночью.[197]

Эти акты насилия вызвали отвращение Байи, мэра и Лафайета. Имея такие доказательства того, что и муниципалитет, и Национальная гвардия были бессильны, и Лафайет, и Байи подали в отставку.

Однако самые искренние просьбы друзей Франции убедили их остаться на своем посту.[198]

По всему королевству распространился слух, что беглые принцы и знать собирают силы на границах для вторжения во Францию, что армии иностранных деспотов находятся в их распоряжении и что все роялисты Франции сговорились приветствовать их. Паника, охватившая королевство, была ужасающей. Франции, которая только начинала дышать атмосферой свободы, угрожали более тяжелые цепи рабства, чем когда-либо прежде. Энергия частично лишенных избирательных прав людей была доведена до предела. Каждый город и каждая деревня любого значения организовали муниципальное управление в согласии с муниципалитетом Парижа. Крестьянство в сельских округах, ненавидя дворян, которые долгое время угнетали их, нападало на их замки и сжигало их. Произошло всеобщее восстание Третьего сословия против тирании привилегированных классов, атаковавших эту тиранию единственным имеющимся в ее распоряжении инструментом — слепой грубой силой. За одну неделю три миллиона человек приняли военный облик и организовались для защиты королевства. Трехцветная кокарда стала национальной формой.

Национальное собрание, сосредоточенное на разработке конституции, было сильно встревожено сообщениями об этих широко распространенных актах насилия; тем не менее ежедневно прибывали делегации с клятвами почтения из разных провинций и признанием власти национальных представителей.

Неккер находился в изгнании в Базеле. Он оставил Полиньяков гордыми и могущественными в Версале; *они* теперь были беглецами. Однажды утром один из Полиньяков поспешил в квартиру Неккера и сообщил ему о свержении двора и торжестве народа. Неккер только что получил эти известия, когда курьер вложил ему в руку письмо короля, отзывающее его в министерство. Величайший из триумфов ожидал его с того момента, как его карета въехала во Францию, и до тех пор, пока он не был встречен с восторгом на улицах Парижа. Народ, который с незаконной жестокостью наказал Фулона и Бертье, которые так бесчеловечно организовали заговор с целью свержения их свобод, был полон решимости осудить и других, которые с такой же злобой организовали заговор против них. Неккер гуманно решил, что следует принять акт о всеобщей амнистии. Многие из его друзей уверяли его, что пытаться добиться принятия такой меры небезопасно; что преступления придворных слишком велики, чтобы их можно было так легко забыть; что возмущенная нация, увидев, что Неккер защищает интересы суда, подумает, что его подкупили; и что таким образом он только обеспечит себе разорение. Но Неккер, полагаясь на свою популярность, решил провести испытание. 29 июля он отправился в Отель де Виль. Когда он прошел по улицам и вошел в просторный зал, его встретили бурными аплодисментами. Считая свою популярность равной появлению, он потребовал всеобщей амнистии. В пылу момента это было одобрено одобрительными возгласами. Неккер удалился в свои апартаменты, довольный своим успехом; но еще до захода солнца он обнаружил, что был жестоко обманут. Ассамблея, возглавляемая Мирабо, безапелляционно протестовала против этой узурпации власти муниципалитетом Парижа, утверждая, что этот орган не имеет полномочий ни осуждать, ни миловать. Мера по амнистии была отменена Собранием, и содержание заключенных под стражей было подтверждено.

Главный вопрос, который сейчас волновал Ассамблею, заключался в том, какие меры следует принять, чтобы навести порядок в хаосе, в который была погружена Франция. Все

старые суды были практически уничтожены. С санкции национальных властей не было организовано ни одного нового суда. Знать и все их друзья, совещаясь с эмигрантами и иностранными деспотами, составили заговор с целью восстановления господства деспотической власти. Народ был в состоянии ужаса. Униженные, отчаявшиеся, порочные бандитские орды наводняли страну, сжигая и мародерствуя без разбора. Было предложено опубликовать указ, предписывающий народу вести себя мирно, платить такие налоги и повинности, которые еще не были отменены, и пока подчиняться старым законам королевства, какими бы отвратительными и несправедливыми они, несомненно, ни были.

Пока обсуждался этот вопрос, виконт де Ноай и герцог д'Агийон, оба выдающиеся представители знати, взошли на трибуну и заявили, что тщетно пытаться утихомирить народ силой, что единственный способ умиротворить его - устранить причину их страданий. Затем они, хотя оба принадлежали к привилегированному классу, благородно признали чудовищность агрессии, при которой во имя феодальных прав угнетался народ, и проголосовали за отмену этих зверств.

Примечательно, что в ходе этой великой революции самые смелые и способные сторонники народных прав вышли из среды самой знати. На некоторых повлияли самые чистые мотивы, какие только могут тронуть человеческое сердце. У других, возможно, преобладали эгоистичные и амбициозные мотивы. Среди наиболее активных участников всех этих движений мы видим Лафайета, Талейрана, Сийеса, Мирабо и герцога Орлеанского. Если бы не помощь этих людей, каковы бы ни были мотивы, повлиявшие на то или иное дело, народное дело не смогло бы восторжествовать. И вот теперь мы видим, как в Национальном собрании восстают двое самых выдающихся дворян и сами предлагают полную отмену всех феодальных прав.

4 августа 1789 года в Национальном собрании разыгралась эта памятная сцена, одна из самых замечательных, которые когда-либо происходили на земле. Вся знать, по-видимому, была охвачена пароксизмом великодушия и бескорыстия. Один из депутатов *ярусов Национального собрания*, г-н Керенгал, переодевшись крестьянином, нарисовал ужасающую картину страданий народа под феодальным гнетом.^[199] Дискуссии больше не было. Ни один голос не защищал феодализм. Дворяне один за другим отказывались от всех своих прерогатив. Духовенство отказалось от своей десятины. Депутаты городов и провинций отказались от своих особых привилегий, и в одну короткую ночь все те обычаи и законы, по которым на протяжении веков одного человека грабили, чтобы обогатить другого, были развеяны по ветру. Было установлено равенство прав между всеми людьми и всеми частями французской территории. Louis XVI. затем был провозглашен восстановителем французской свободы. Было постановлено, что в его честь должна быть отчеканена медаль в память о той славной ночи. И когда архиепископ Парижский предложил признать Божью благодать на торжественном богослужении, которое должно быть отслужено в королевской часовне в присутствии короля и всех членов Национального собрания, это было поддержано одобрительными возгласами. На протяжении всей этой волнующей сцены, когда приносились жертвы, каких земля никогда прежде не видела; когда дворяне отказывались от своих титулов, пенсий и доходов; когда города и корпорации отказывались от своих привилегий и денежных иммунитетов; когда прелаты отказывались от своей десятины и своих пособий, не было слышно ни единого голоса протеста. Все Собрание — духовенство, знать и *высшие чины и так далее* — двигалось как один человек. "Казалось, - говорит г-н Рабо, - что Франция была близка к возрождению в течение одной ночи. Настолько верно, что

счастье народа легко достижимо, когда те, кто правит, меньше заняты собой, чем народом".[200]

Впоследствии, однако, выяснилось, что это кажущееся единодушие не было реальным. "Порыв, - пишет Тьер, - был всеобщим; но среди этого энтузиазма легко было заметить, что некоторые из привилегированных лиц, столь далекие от искренности, желали только ухудшить положение". Это была мера, которую приняли безжалостные дворяне, чтобы восстановить свою власть. Обнаружив, что они не могут противостоять этому потоку, они попытались увеличить его мощность и придать импульс его стремительному движению, чтобы он мог не только смести весь мусор, который накапливался веками, но и затопить все плодородные поля и обратить в беспорядочное запустение все промышленные предприятия и все творения искусства. Теперь их единственной целью было ввергнуть Францию в состояние совершенной анархии в отчаянной надежде, что из хаоса они смогут восстановить свой древний деспотизм; что народ, ввергнутый в беспримерную нищету, сможет сам умолять о восстановлении древнего режима.

Это объединение высших представителей аристократии и духовенства, приводившее в ярость толпу, неизмеримо увеличивало трудности патриотов. Придворная партия, со всем своим богатством и влиянием — богатством и влиятельностью, которые накапливались веками, — разбросала своих эмиссаров повсюду, чтобы сеять раздор, разжигать восстания, побуждать толпу ко всяческим жестокостям, чтобы Революция получила позорную известность в Европе и была отвергнута во Франции. Почти в каждом акте насилия, который *немедленно* совершался, отчетливо прослеживалась рука этих подстрекателей из дворцов и замков. Действительно, обычно предполагалось, что даже Бертье и Фулон были вырваны из-под защиты Лафайета придворными эмиссарами. И британское правительство так систематически обвинялось в подстрекательстве к беспорядкам во Франции, что герцог Дорсетский, британский посол в то время, счел необходимым представить официальное опровержение обвинения.

СНОСКИ:

[180] Мадам Кампан, Мемуары, стр. 251.

[181] "Она выучила этот адрес наизусть", - пишет мадам Кампан. - Я помню, что все начиналось такими словами: "Джентльмены, я пришел, чтобы передать в ваши руки жену и семью вашего государя. Не допусти, чтобы те, кто был соединен на Небесах, были разлучены на земле". Пока она повторяла это обращение, ее голос часто прерывался от слез и горестного восклицания: "Они никогда не позволят ему вернуться".

[182] В "Парламентской истории", том ii, стр. 130, записано, что короля сопровождали 100 депутатов; Тьер утверждает, что 200; Луи Блан - 240; Мишле - 300 или 400. М. Рабо де Сент-Этьен, член Собрания, говорит, что короля сопровождал весь состав депутатов; и М. Ант. Очевидец Фантен Десодоард пишет: "L'Assemblée Nationale, entière l'accompagnait à pied dans son costume de seremonie", том i, стр. 34. Вероятность того, что было выбрано 100 человек, но все ушли.

[183] Мишле, том первый, стр. 173.

[184] Histoire de la Revolution Française, par Louis Blanc, vol. ii., p. 420.

[185] Мадам Кампан, Мемуары и т.д., ii., 59.

[186] Мишле, 186.

[187] Мишле, 175.

[188] "Его спасла только депутация Ассамблеи, которая проявила себя достойно восхищения мужеством и человечностью, рисковала своими жизнями и спасла человека только после того, как люди на коленях умоляли его". — *Мишле*, стр. 186.

[189] Бертран де Молевиль свидетельствует, что это было обычным выражением в устах Фулона. — *Летописи*, том i, стр. 347.

[190] "Старик (Фулон) полагал, что такой бравадой порадует молодых военных и зарекомендует себя в предвидении приближающегося дня, когда двор, желая нанести какой-нибудь отчаянный удар, будет присматривать за закоренелым злодеем". — *Мишле*, том ii., стр. 10.

[191] Воспоминания Болье, том ii., стр. 10.

[192] "У Фулона был зять по сердцу — Бертье, интендант Парижа, проницательный, но жестокосердный человек и беспринципный, как признаются роялисты. Распутник в возрасте пятидесяти лет, несмотря на свою многочисленную семью, он покупал со всех сторон, как говорили, маленьких девочек двенадцати лет. Он хорошо знал, что парижане ненавидят его, и был слишком счастлив, найдя возможность начать с ними войну". — *Мишле*, стр. 184.

[193] Апелляция в существовавшие тогда суды обеспечила бы суд над Фулоном его собственными коллегами и сообщниками, древними магистратами, единственными судьями, имевшими тогда право действовать. Это было очевидно для всех. См. Мишле, стр. 187.

[194] Два друга свободы, том ii., стр. 60.

[195] "Эти люди, - говорит Мишле, - которых Мирабо так хорошо назвал отбросами общественного презрения, как будто восстановлены в правах наказанием. Виселица становится их апофеозом. Теперь они стали интересными жертвами — мучениками монархии; их легенда будет продолжать обрастать жалкими вымыслами. Мистер Берк причислил их к лику святых и молился на их могиле". — *Исторический взгляд на Французскую революцию*, стр. 190.

[196] Сэр Арчибальд Элисон, верный своим инстинктам сторонника аристократической узурпации, тщательно скрывает характер этих людей, которые навлекли на них месть толпы. Беспристрастная история, разоблачая свирепость толпы, не должна скрывать тех бесчинств, которые довели народ до безумия.

[197] "Неоспоримым фактом является то, что большинство жителей Парижа не смотрели на убийство Фулона и Бертье с ужасом и отвращением. Эти двое были настолько непопулярны, что их смерть рассматривалась как акт правосудия, лишь нерегулярный в своем исполнении. Французы все еще привыкли быть свидетелями отвратительного наказания в виде пыток и колеса; и поэтому общество может извлечь урок из того, что зрелище жестоких казней имеет тенденцию разрушать чувства человечности". *Франция и ее революции, Джордж Лонг, эсквайр*, стр. 47.

[198] "Народ и ополчение действительно столпились вокруг Лафайета и обещали предельное послушание в будущем. На этом условии он возобновил командование; и впоследствии он

имел удовлетворение от предотвращения многих беспорядков своей собственной энергией и рвением войск". — *Тьер*, том I, стр. 76.

[199] "Вы бы предотвратили, - сказал Керенгал, - сожжение замка, если бы поспешили заявить, что ужасное оружие, которое в нем содержится и которое веками мучило людей, должно быть уничтожено. Пусть это оружие, документы о праве собственности, которые оскорбляют не только скромность, но даже человечность, которые унижают человеческий род, требуя, чтобы людей запрягали в повозку, как рабочих животных, которые вынуждают людей проводить ночь, взбивая пруды, чтобы лягушки не потревожили сон их сладострастных повелителей, пусть они будут доставлены сюда. Кто из нас не составил бы искупительную стопку из этих печально известных пергаментов? Вы никогда не сможете вернуть людям спокойствие, пока они не будут избавлены от разрушения феодализма".

[200] "Та ночь, которую враг Революции назвал в то время Святым Варфоломеем собственности, была всего лишь Святым Варфоломеем злоупотреблений". — *Mure*, стр. 54.

ГЛАВА XVI.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ.

Вооружение крестьян.—Уничтожение феодальных хартий.—Проповедь аббата Фоше.— Три класса в Собрании.—Декларация прав.—Три ассамблеи.—Власть прессы.—Усилия Уильяма Питта поддержать дворян.—Вопросы по Конституции.—Две палаты в одной?— Вето.—Голод в городе.—Королевская тарелка растаяла.—Налог в размере четверти дохода каждого.—Заявление Джефферсона.

Совершенно истощенная казна вынудила Людовика XVI. и французский двор созвать Генеральные штаты. Народные избранники, одержав победу над привилегированными классами, объединились в Национальное собрание, а затем приступили к выработке конституции, которая должна была ограничить деспотическую власть короны. Хотя среди знати и высшего духовенства было несколько человек, искренне поддерживавших народное дело, огромная масса привилегированного класса крепко держалась вместе в отчаянных попытках вернуть себе свою несправедливую власть. Многие из них теперь были эмигрантами, рассеянными по всей Европе и умолявшими иностранные суды вмешаться в их дела. Старая роялистская армия численностью около двухсот тысяч человек, хорошо оснащенная и превосходно дисциплинированная, все еще сохраняла свою организацию и все еще находилась под командованием своих старых офицеров, дворян; но рядовой состав этой армии был из народа, и их симпатии были на стороне народного дела.

Теперь дворяне были готовы к самому жестокому акту государственной измены. Они хотели передать военно-морские арсеналы Франции английскому флоту, чтобы Англия, обладая большими запасами военного имущества, могла без сопротивления перебросить в королевство любое количество солдат, в то время как пруссаки и австрийцы, возглавляемые дворянами-эмигрантами, вторглись во Францию с востока. Английское правительство, однако, которое впоследствии стало соучастником заговора французской знати, согласившись на захват Тулона, еще не было готово к смелому шагу вторжения во Францию просто для того, чтобы заковать французский народ в цепи деспотизма.

Английский посол Дорсет, проживавший в Версале, раскрыл заговор министрам короля. Они, однако, хранили тайну, пока она не была раскрыта в перехваченном письме из Дорсета графу д'Артуа (впоследствии Карлу X). Это открытие значительно усилило тревогу нации.

Опасности теперь множились со всех сторон. Самые ужасные слухи о вторжении заполнили воздух. Банды мародеров, изможденных, голодных, жестоких, пронесли по стране, сжигая, пожирая и разрушая. Сначала предполагалось, что это передовые батальоны захватчиков, посланные эмигрантами, чтобы принудить Францию к подчинению. Тревога переросла в ужас. Матери, почти обезумев от страха, искали укрытия для своих детей. Крестьянин утром побежал на свое поле посмотреть, не опустошено ли оно. По ночам он дрожал, опасаясь, что, проснувшись, увидит пожар и разруху. Закона не существовало. Войска короля внушали особый страх. Командовали самые дерзкие из дворян, и деньгами и вином они пытались подкупить особенно немцев и швейцарцев, чтобы те подчинились их желаниям.

Именно эта опасность вооружила Францию. Деревни, крестьяне - все объединились, чтобы защититься от этих ужасных разбойников. В арсеналах старых замков хранилось оружие. Охваченные отчаянием, разбуженные толпы одновременно осадили все эти замки, потребовали и захватили оружие, необходимое для их защиты. Это было как волшебное движение. Внезапная опасность, повсюду угрожающая, везде привела к одному и тому же результату. За одну короткую неделю Франция оказалась вооруженной и готовой к войне. Три миллиона человек пришли с поля и из цеха и яростно требовали: "Где разбойники? Веди нас навстречу нашим врагам, кем бы и где бы они ни были".[201]

Лорды через час оказались беспомощными. Крестьяне, до сих пор такие ручные и раболепные, теперь были солдатами, преисполненными решимости и гордящимися своей вновь обретенной силой. Ужасным было возмездие. Замки пылали — погребальные костры феодализма - на каждом холме и в каждой долине. Можно только удивляться, что час возмездия откладывался на столько веков, и что, когда он настал, разъяренные, деградировавшие, озверевшие массы не приступили к еще большим зверствам. Хотя совершались жестокие поступки, от которых покалывает в ушах, все же в целом преобладало милосердие.

Во многих случаях лорды, которые по-доброму относились к своим крепостным, были защищены своими вассалами, как дети защищают отца. Таким образом, маркиз Монфермаль был защищен от беды. В Дофине замок подвергся нападению во время отсутствия лорда. Его супруга была дома одна с детьми. Крестьяне оставили замок и его обитателей невредимыми, уничтожив только те феодальные хартии, которые были титулами деспотизма.

Эти титулы, начертанные на тонком пергаменте и украшенные великолепными печатями, были гордостью благородного семейства — свидетельством их древности. Их хранили с большим почтением, помещали в дорогие шкатулки, которые, обернутые бархатом, были надежно помещены в дубовые сундуки, и эти сундуки, окованные железом и с тяжелыми замками, охранялись в укрепленной части феодальной башни. Крестьяне всегда с благоговением взирали на башню архива. Они понимали значение этих титулов - знаков их унижения, авторитета, к которому апеллировали лорды в поддержку своей тирании, наглости и безымянных безобразий.

"Наши земляки, - пишет Мишле, - отправились прямиком в тауэр. На протяжении многих веков эта башня, казалось, насмехалась над долиной, стерилизуя, опустошая, угнетая ее своей смертоносной тенью. Страж страны в варварские времена, стоявший там как часовой, позже он стал объектом ужаса. В 1789 году что это было, как не отвратительный свидетель рабства, вечное оскорбление - каждое утро повторять человеку, тащащемуся на работу, о вечном унижении его расы? "Работай, работай дальше, сын рабов! Зарабатывай на чужую

выгоду. Работай без надежды". Каждое утро и каждый вечер, в течение тысячи лет, а может, и больше, эта башня была проклята. Настал день, когда должна была наступить осень.

"О славный день, как долго ты приближался! Как долго наши отцы напрасно ожидали тебя и мечтали о тебе! Надежда на то, что их сыновья наконец увидят тебя, была единственной, кто мог поддержать их, иначе они бы больше не согласились жить. Они умерли бы в своих мучениях. И что позволило мне, их товарищу, трудящемуся рядом с ними на борозде истории и испившему их горькую чашу, возродить страдающее Средневековье и при этом не умереть от горя? Не ты ли это был, о славный день, первый день свободы? Я жил для того, чтобы рассказать твою историю!"

До сих пор религиозные чувства Франции, выраженные почти всеми пасторами и значительной частью их христианской паствы, горячо поддерживали революцию. Только высшее духовенство, епископы, архиепископы и кардиналы, которые обычно были младшими сыновьями знати и, таким образом, были заинтересованы в продолжении злоупотреблений, объединились с лордами. Как в Национальном собрании, так и в самой нации рабочее духовенство было одним из самых заметных сынов свободы. В церквях проводились религиозные службы в память о падении Бастилии.^[202] Огромный собор Парижской Богоматери был переполнен, чтобы послушать проповедь аббата Фоше, который посвятил памяти павших в тот раз дань уважения своему необычайному красноречию. Он выбрал для своего текста слова святого Павла: "Ибо, братия, вы призваны к свободе". — Гал. ст. 13.

"Лжетолкователи божественного оракула, - сказал аббат, - желали во имя неба держать народ в повиновении воле своих хозяев. Они освятили деспотизм. Они сделали Бога сообщником тиранов. Эти лжеучителя ликуют, потому что написано: *"Отдайте кесарю то, что принадлежит кесарю"*. Но то, что не кесарево, то стоит воздавать ему? И свобода не принадлежат к кесарю. Это заложено в природе человека".^[203]

Аббат, несомненно, правильно прочитал божественные оракулы. Краеугольный камень истинной демократии можно найти только в слове Божьем. Представленное там откровение о Боге как общем отце и обо всем человечестве как о его детях, состоящих из одной крови, братьях — это то откровение, на котором основан великий фундаментальный принцип демократии, равенство прав. Самое высшее достижение политической мудрости - это осознание божественного слова: *"Что бы вы ни хотели, чтобы другие делали с вами, делайте и вы то же самое с ними"*.

Вся аудитория была взволнована ясным и красноречивым изложением политики Евангелия Христа. Когда оратор покидал священный собор, его приветствовали самыми громкими аплодисментами. На его чело была возложена гражданская корона, и две роты Национальной гвардии сопровождали его домой под развевающиеся знамена, звук труб и одобрительные возгласы толп, заполонивших улицы.^[204]

В то время как Франция пребывала в состоянии смятения и террора, ей угрожало вторжение из-за границы, дома ее преследовали разбойники, дворяне замыслили государственную измену, закон был бессильным, а воцарилась всеобщая анархия, Национальное собрание с тревогой обсуждало вопрос о восстановлении порядка в стране и установлении царства справедливости и процветания. Старое здание было разрушено. Предстояло возвести новое. Но теперь в Ассамблее появились три заметные партии.

Первая состояла из знати и высшего духовенства, которые все еще, как единое целое, придерживались двора и которые нетерпеливо разжигали беспорядки по всему королевству,

надеясь таким образом заставить нацию, как единственное спасение от анархии, вернуться к старой монархии.

Вторая группа состояла из большей части Собрания, искренних, умных, патриотически настроенных людей, искренне выступавших за свободу, но за свободу, ограниченную законом. Почти все они были монархистами, желавшими привить *монархии Франции* институты, аналогичные институтам республиканской Америки. Английская конституция была в основном их образцом.

Только начинала формироваться третья партия, небольшая по численности, состоящая из буйных, дальновидных, энергичных людей, жаждущих свержения всех институтов и обычаев прошлого и внезапного наступления совершенно новой эры. Не принимая во внимание невежество масс и полную неопытность французов в самоуправлении, они хотели освободиться от всех ограничений свободы и закона и окунуться в самую дикую свободу.

Первый и третий классы, аристократы и ультрадемократы, объединились рука об руку, чтобы свергнуть умеренных, как называлась средняя партия, каждый из которых надеялся таким образом установить господство своих собственных принципов. Таким образом, они оба были готовы раздражать массы и поощрять насилие. Это были два непримиримых врага, с которыми Революции, а впоследствии и Империи при Наполеоне, когда-либо приходилось бороться. Деспотизм и якобинство всегда были двумя союзными врагами рациональной свободы во Франции.

Патриоты средней, или умеренной партии, которые еще не получили какого-либо особого названия, поскольку партии в Собрании только начинали собирать свои силы для борьбы, искренне сожалели обо всех сценах насилия. Подобные сцены только мешали их усилиям по возрождению Франции.

Теперь Ассамблея с большим рвением приступила к составлению декларации прав, которая должна быть представлена народу в качестве символа веры в свободу. Считалось, что если бы можно было принять такое вероучение, основанное на тех самоочевидных истинах, которые согласуются с универсальным чувством права, то людей можно было бы побудить сплотиться вокруг этого вероучения с определенной целью.

В течение двух месяцев, с 1 августа по начало октября, Ассамблея была занята обсуждением Билля о правах и Конституции. Но оказалось, что теперь внезапно возникли три Ассамблеи вместо одной, каждая могущественная в своей сфере, и что между этими тремя очень быстро зарождался дух соперничества и антагонизма.

Первым было Национальное собрание в Версале, первоначально состоявшее из тысячи двухсот депутатов, но теперь сократившееся из-за эмиграции и других причин отсутствия примерно до восьмисот.

Вторым было муниципальное правительство Парижа, состоявшее из трехсот представителей различных секций или приходов города и проводившее свои заседания в Отель-де-Виль. Поскольку Париж считал себя Францией, муниципалитет Парижа начал присваивать себе верховную власть.

Третьим было колоссальное собрание парижан, огромная, шумная, возбудимая масса, каждый день собирающаяся в саду Пале-Рояля. Это собрание, с каждым днем становившееся все более высокомерным, часто насчитывало от десяти до двенадцати тысяч человек. Оно постоянно заседало. Здесь собирались представители всех низших сословий, мужчины и женщины. Страстные ораторы, обладающие огромной силой народного

красноречия, но невежественные и часто совершенно беспринципные, взбирались на столы и стулья и страстно отстаивали свои грубые идеи.

Размышляющие люди вскоре начали смотреть на это собрание с тревогой. По стране прокатился громкий ропот, предвещавший только зло; но освобожденная Франция не могла начать свою карьеру с запрета свободы слова. Лафайет с тревогой наблюдал за этим зловещим сборищем и прислушивался к лжи, преувеличениям и безрассудству, которыми его ораторы вводили в заблуждение население, но вмешаться не мог. Действительно, вскоре выступать за закон и порядок стало опасным для любого члена этого собрания. Его сразу же обвинили как аристократа, и ему грозила участь Бертье и Фулона.

И теперь внезапно возникла другая сила, затмившая все остальные, — сила свободной прессы. Газеты и брошюры наводнили страну. Их читали повсеместно, ибо общественное сознание было настолько возбуждено, что те, кто не умел читать сам, жадно слушали чтение других на углах улиц, в лавках и лачугах.^[205]

Теперь Франция была обречена на кровь и горе. Легко сказать, что если бы население было добродетельным и просвещенным, все шло бы хорошо; или если бы дворяне и высшее духовенство объединились с истинными патриотами, свобода могла бы быть спасена. Но население не было добродетельным и просвещенным, а дворяне были настолько непреклонно враждебны всем народным правам, что были полны решимости скорее довести Францию до разорения, чем отказаться от своих привилегий. Францию, какой она была тогда, не смогла бы спасти никакая земная мудрость. Роялисты открыто заявили, что единственный шанс восстановить старую систему правления - это прибегнуть к гражданской войне, и они были готовы прибегнуть к столь ужасному средству.

Одним из самых популярных журналов был "Друг народа" Марата. Этот журнал уже заявлял, что в Национальном собрании полно аристократов и что оно должно быть распущено, чтобы уступить место лучшему.^[206] "Мы вырвали власть, - писал Марат, - у знати, но передали ее в руки богатого класса. Чего мы добились? Люди по-прежнему бедны и голодают. Нам нужна еще одна революция". "Да, - эхом откликнулась парижская толпа, - нам нужна еще одна революция".

Рев из Пале-Рояля зловеще донесся до ушей Версальского собрания и муниципалитета в ратуше. И теперь все голодающие представители профессий и занятий начали собираться вместе для обсуждения и совместных действий. Первыми пришли слуги, лишенные места, крова, хлеба, чьи хозяева бежали из восставшего Парижа в деревню или эмигрировали. Местом их встречи был внутренний двор Лувра. Солдаты спорили в Оратории, парикмахеры - на Елисейских полях, портные - на Колоннаде.^[207] Эти органы вскоре превратились, так сказать, в комитеты великого центрального конгресса населения, когда-либо собиравшегося в Пале-Рояле.

Благороднейшие люди в Национальном собрании уже начинали впадать в уныние. Однако они твердо продолжали усилия по переустройству общества на основе справедливости и свободы. Мера, которой теперь было сосредоточено главным образом их внимание, заключалась в принятии Конституции, которой должен был предшествовать Билль о правах. Лафайет был активен в этом движении, и ему, несомненно, помогал Томас Джефферсон, тогдашний американский посланник в Париже.

Эта знаменитая декларация прав, принятая 18 августа 1789 года, была простым изложением тех принципов, которые основаны на природе и истине и которые выгравированы во всех сердцах. Это были аксиомы, которыми должен руководствоваться каждый разумный

законодатель при формировании справедливого свода законов. Он провозглашает, что все человечество рождается свободным и равным; что целями, которых должны достичь правительства людей, являются свобода, сохранность собственности и защита от угнетения; что суверенитет принадлежит нации и исходит от народа; что закон является выражением воли народа; что расходы правительства должны возлагаться на управляемых пропорционально их имуществу; что все взрослые жители мужского пола имеют право голоса; что свобода состоит в свободе делать все, что не наносит вреда другому, и не должно иметь никаких ограничений, кроме вмешательства в права других.[208]

Это были благородные чувства, благородно выраженные; и, хотя они вызывали отвращение в монархической Европе, были почитаемы в республиканской Америке. Таковы были принципы, против которых с оружием в руках восстала деспотическая Европа, созданная гением Уильяма Питта.[209] Битва была долгой и кровопролитной. Погибли миллионы. Ужасная драма была закрыта на сезон триумфом деспотов при Ватерлоо.[210]

Теперь Ассамблея обратила свое внимание на организацию законодательного органа страны. Всепоглощающий вопрос заключался в том, должен ли Национальный конгресс или парламент собираться в одной палате или в двух; если в двух, то должна ли верхняя палата быть аристократическим, наследственным органом, как Палата лордов в британском парламенте, или выборным республиканским сенатом, как в Американском конгрессе. Дискуссия была долгой и страстной. Народ не согласился бы на *наследственную* Палату лордов, которая оставалась бы почти неприступной крепостью аристократической узурпации. Они, однако, были склонны согласиться с тем, чтобы верхняя палата состояла исключительно из духовенства и знати, но избиралась народом. На это соглашение надменные лорды категорически отказались дать свое согласие. Они были в равной степени против *выборов* в верхнюю палату даже знати и духовенства, поскольку высшие лорды и высшие сановники Церкви смотрели на низшую знать и на работающее духовенство почти с таким же презрением, с каким они относились к народу. Видя, что знать враждебно относится к любым разумным мерам, народные массы становились все более и более раздраженными. Огромное собрание в Пале-Рояле вскоре стало единодушным в требовании только одной палаты. Лорды были их врагами, и в палате лордов они могли видеть только убежище для старого и отвратительного феодализма и непреодолимый барьер на пути реформ.[211]

Когда проводилось голосование, за одну палату голосовало пятьсот человек и всего сто - за две палаты.[212] То, что не удалось организовать две палаты, несомненно, было бедствием для Франции. Но увлечение дворянства теперь уже во второй раз помешало этому в высшей степени благотворному сдерживанию поспешного законодательства.

Следующим вопросом, который предстояло решить, было *королевское вето*. Все были едины в том, что законы должны быть представлены королю для его одобрения или отказа. Единственный вопрос заключался в том, должно ли право вето быть абсолютным или ограниченным. Право короля Англии является абсолютным. Полномочия президента Соединенных Штатов ограничены. Вся Франция была взволнована этим вопросом. Здесь аристократия предприняла свою последнюю отчаянную попытку и яростно сражалась. Многие члены народной партии, встревоженные быстрым развитием событий, выступали за абсолютное вето. Однако его несоответствие всем просвещенным принципам свободы было слишком очевидным, чтобы его можно было скрыть. То, что каприз одного-единственного человека, к тому же, возможно, слабого или распутного, постоянно нарушает указы двадцати

семи миллионов человек, казалось настолько абсурдным, что против этого восстала вся нация.

Судьба свободы, казалось, зависела от этого вопроса, поскольку абсолютное вето позволило бы суду через короля отменить все популярные меры. Толпы в Париже стали беспокойными и угрожающими. Членам Национального собрания были разосланы письма с угрозами. Парижская толпа даже заявила о своей решимости пройти маршем до Версаля и изгнать с Собрания тех, кто выступает за вето. Следующее письмо, адресованное епископу Лангрскому, тогдашнему председателю Ассамблеи, может быть представлено как образец многих писем, которыми был наводнен зал:

"Патриотическое собрание Пале-Рояля имеет честь довести до вашего сведения, сэр, что, если аристократическая фракция, образованная частью дворянства и духовенства, вместе со ста двадцатью невежественными и продажными депутатами, продолжит нарушать всеобщее согласие и по-прежнему настаивать на абсолютном праве вето, полторы тысячи человек готовы *просветить* свои загородные резиденции и дома, и особенно ваш собственный".[213]

"Я никогда не забуду, - пишет Дюмон, - как в один из таких дней я поехал в Париж с Мирабо и какую толпу людей мы застали ожидающими его карету около лавки книготорговца Ле Сэя. Они бросились к нему, умоляя его со слезами на глазах не подвергаться абсолютному вето".

"Они были в панике. "Господин граф, - сказали они, - вы отец народа. Вы должны спасти нас. Вы должны защитить нас от этих негодяев, которые возвращают деспотизм. Если король получит это право вето, какая польза от Национального собрания? Мы все рабы! Все отменено".[214] На шумном собрании в Пале-Рояле было столько же таланта, сколько и в Национальном собрании, и больше страстного, пламенного красноречия. Это беспорядочное объединение получило название Патриотического собрания и с каждым часом увеличивало свое влияние и смелость своих требований. Камиль Демулен был одним из самых популярных ораторов. Он был утонченным, проницательным, остроумным, полностью владея страстями своей постоянно меняющейся, возбудимой аудитории. Он мог играть их эмоциями в свое удовольствие, и хотя не был *серьезным* человеком, поскольку шутники редко бывают такими, он был нетерпеливым и безрассудным".[215]

Однако Святой Хуруге был великим оратором для народа, Мирабо из Пале-Рояля. Маркиз по происхождению, он перенес длительное заключение в Бастилии по *письму о розыске*. Угнетение свело его с ума, и он был совершенно серьезен. Каждый день он произносил самые яростные ругательства в адрес той аристократической власти, каблуком которой он был раздавлен. Это был человек высокого роста, со страстной жестикуляцией и голосом, подобным реву быка.

В понедельник, 30 августа, в Пале-Рояль поступило сообщение о том, что Мирабо находится под угрозой ареста. Сент-Хуруге немедленно возглавил отряд из полутора тысяч человек и отправился в Версаль для его защиты. Это была толпа, угрожавшая насилием, и Лафайет во главе отряда Национальной гвардии остановил их и отогнал назад. Теперь начал подниматься ропот против Лафайета и Национальной гвардии. Ходили слухи, что Лафайет был в сговоре с аристократами. Волнение снова быстро нарастало, поскольку люди боялись, что, в конце концов, их предадут и снова обратят в рабство.

ЛАФАЙЕТ ДЕЛАЕТ СМОТР НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

Взволнованное собрание в Пале-Рояле направило депутацию в Версаль к Мунье, одному из самых влиятельных и по-настоящему патриотичных депутатов, объявив ему, что двадцать тысяч человек готовы выступить в Версаль, чтобы изгнать аристократов из Собрания. В то же время президент получил обращение от граждан Ренна, в котором говорилось, что те, кто должен голосовать за абсолютное вето, являются предателями своей страны. В этих обстоятельствах король направил Национальному собранию послание, в котором заявил, что ему следует удовлетвориться ограниченным, или, как это тогда называлось, *приостанавливающим* правом вето. При принятии этого вопроса абсолютное вето было отклонено, а приостанавливающее вето было принято 673 голосами против 355. Благодаря этой мере вето короля приостановило бы действие любого законодательного акта в течение двух последующих сессий Законодательного органа. Если после этого Законодательный орган все еще настаивал, вето короля отменялось, и закон вступал в силу. Это давало королю гораздо большую власть, чем обладает президент Соединенных Штатов. Две трети голосов обеих палат могут немедленно принять любые меры против вето президента. Также были приняты постановления о свободе мнений, вероисповедания и прессы.

Поскольку эти вопросы были таким образом решены, было решено, что принятые на данный момент меры носят конституционный, а не законодательный характер; и что, следовательно, они должны быть представлены королю не для его санкции, а для промульгирования. Было также единогласно принято решение о том, что корона должна быть наследственной, а личность короля неприкосновенной, при этом только министры несут ответственность за меры правительства. Республиканским глазам это кажется мягкими мерами реформы, хотя большинство авторов, посвященных Французской революции в монархической Европе, самым суровым образом осудили их. Если бы знать уступила этим разумным реформам, последовавшим за ними ужасов можно было бы избежать. Если бы объединенная Европа не поднялась с оружием в руках против революции, возрождение Франции, возможно, было бы достигнуто мирным путем. [216]

В каждой нации есть тысячи невежественных, деградировавших, несчастных, которым нечего терять и есть на что надеяться от анархии. Обитатели притонов преступности и позора, которых сдерживают только строгие ограничения закона, радуются возможности разграбить жилища трудолюбивых и богатых и обрушить волну разорения на дома

добродетельных и счастливых. Этот класс брошенных мужчин и женщин ужасающим образом увеличивался. Они стекались в город со всех концов королевства, и Париж был переполнен призраками, изможденными и оборванными, чьи отвратительные и изможденные черты говорили только о пороке и нищете. Сийес выразил Мирабо свою тревогу в связи с зловещим аспектом происходящего.

"Вы выпустили быка на волю, - ответил Мирабо, - а теперь жалуетесь, что он бодается рогами".[217]

Много было сказано о *мотивах*, повлиявших на Мирабо.

Какими бы ни были его мотивы, его поведение было последовательным. Все его слова и действия были в пользу свободы, поддерживаемой сильным законом. Он желал свержения аристократической наглости и феодального гнета, от которых он так жестоко страдал. Он хотел сохранить монархическую форму правления и установить конституцию, которая должна была обеспечить всем гражданам равенство прав.[218]

Феодализм теперь был уничтожен, и принята свободная конституция. Тем не менее, бизнес пребывал в застое, бедняки были лишены работы и голодали. В качестве благотворительного акта муниципалитет Парижа нанял семнадцать тысяч человек на раскопки на высотах Монмартра за двадцать су в день. Страдания были настолько велики, что офис муниципалитета был переполнен торговцами, умоляющими о приеме на работу на этих условиях. "Я часто видел, - пишет мэр Байи, - хороших торговцев, мерсеров и ювелиров, которые молились о том, чтобы их приняли в число нищих, занятых на Монмартре рытьем земли. Суди, что я выстрадал".

Городские власти тратили по две тысячи долларов в день на продажу хлеба бедным дешевле себестоимости; и все же были эмиссары суда, которые скупали этот хлеб и уничтожали его, чтобы усилить общественное бедствие.[219] 19 августа в Париже было достаточно продовольствия, но только на один день. Байи и Лафайет были в агонии беспокойства. В Париже царило такое смятение, что все богатые уезжали. За три месяца в Отель-де-Виль было подписано шестьдесят тысяч паспортов.[220]

Вооруженные банды рыскали по стране, закупая продовольствие везде, где его можно было найти, и доставляя его в город. Шестьсот человек Национальной гвардии были размещены днем и ночью для защиты кукурузного рынка от нападения. Удивительно, что, когда население находилось в таком бедственном положении, было совершено так мало актов насилия.[221]

Это несчастье тронуло доброе сердце короля. Он отправил почти всю свою посуду на переплавку и чеканку на монетный двор для помощи бедным. Этот благородный пример вдохновил других. Был вызван всеобщий энтузиазм, и зал Национального собрания был переполнен благотворительными организациями, вносящими добровольные взносы в помощь бедным. Богатые мужчины присылали свои тарелки, патриотически настроенные дамы дарили свои шкатулки с драгоценностями, а жены торговцев, художников и механиков приносили полученные ими свадебные подарки и украшения, украшавшие их жилища. Фермеры присылали мешки с зерном, и даже бедные женщины и дети предлагали свои лепты. Пришел школьник с несколькими золотыми монетами, которые ему прислали

родители на карманные расходы. Этот поток благотворительности стал трогательным проявлением характерного великодушия и импульсивности французского народа.[\[222\]](#)

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ВКЛАД.

Но частная благотворительность, какой бы обильной она ни была, совершенно неадекватна потребностям нации. Эти суммы вскоре были израсходованы, а безработные бедняки по-прежнему ползали по улицам голодными и изможденными. Планы Неккера относительно займов были сорваны. Никто не хотел давать займы. Кому он должен был давать займы? Старый режим умирал; новый еще не родился. В этой ужасной чрезвычайной ситуации Неккер предложил отчаянную меру - ввести налог в размере четверти дохода каждого человека, заявив, что другого спасения от банкротства нет. Проценты по государственному долгу больше не могли быть выплачены, жалованье солдатам было заплачено, а казна совершенно пуста. Предложение напугало Собрание, но Мирабо взошел на трибуну и в одном из своих самых страстных обращений поддержал эту меру одобрением.[\[223\]](#) Рассеянное состояние королевства, однако, помешало претворению в жизнь акта, принятого с таким энтузиазмом.[\[224\]](#)

Томас Джефферсон был в то время, как мы уже упоминали ранее, американским посланником в Париже, и лидеры революции постоянно консультировались с ним. В своих воспоминаниях, говоря об этих событиях, он пишет:

"Первый вопрос, должен ли быть король, не встретил возражений, и было с готовностью решено, что правительство Франции должно быть монархическим и наследственным.

"Должен ли король давать отрицательное заключение на законы? Это отрицание должно быть абсолютным или только приостанавливающим действие? Будут ли законодательными палатами две или только одна? Если два, должен ли один из них быть наследственным, или пожизненным, или на определенный срок; и назначаться королем или избираться народом?"

"Эти вопросы выявили сильные расхождения во мнениях и породили отталкивающие комбинации среди патриотов. Аристократия была скреплена общим принципом сохранения древнего режима или того, что должно было быть ближе всего к нему. Сделав это своей полярной звездой, они двигались фалангой, отдавая преимущество по каждому вопросу меньшинству патриотов и всегда тем, кто выступал за наименьшие изменения. Черты новой конституции, таким образом, приобретали устрашающий вид, и эти разногласия в их рядах вызвали большую тревогу среди честных патриотов.

"В таком непростом положении вещей я получил однажды записку от маркиза де Лафайета, в которой сообщалось, что он должен привести компанию из шести или восьми друзей, чтобы пригласить меня на обед на следующий день. Я заверил его в радушном приеме. Когда они прибыли, это были сам Лафайет, Дюпон, Барнав, Александр Ламет, Блакон, Мунье, Мобур и Дагу. Это были ведущие патриоты с честными, но расходящимися мнениями, сознававшие необходимость создания коалиции путем взаимных жертв; знавшие друг друга и поэтому не боявшиеся взаимно раскрыть себя. Это последнее было существенным принципом при отборе. С этой целью маркиз пригласил меня на совещание и назначил время и место, преднамеренно рассчитывая поставить меня в неловкое положение.

Когда скатерть была убрана, а вино поставлено на стол, в американской манере, маркиз представил цели конференции, кратко напомнив им о положении дел в Ассамблее, о том, каким образом реализуются принципы Конституции, и о неизбежном результате, если только не будет сдерживаться большим согласием между самими патриотами. Он заметил, что, хотя у него тоже есть свое мнение, он готов пожертвовать им ради своих собратьев по тому же делу; но теперь должно быть сформировано общее мнение, иначе аристократия поддержит все, и что, о чем бы они сейчас ни договорились, он, как глава национальной силы, поддержит.

Дискуссии начались в четыре часа и продолжались до десяти часов вечера, в течение которых я был молчаливым свидетелем хладнокровия и прямоты аргументации, необычных при столкновении политических взглядов; логических рассуждений и целомудренного красноречия, не обезображенных безвкусной мишурой риторики или декламации и поистине достойных того, чтобы их поставили в один ряд с лучшими диалогами древности, переданными нам Платоном, Ксенофонтом и Цицероном. Результатом стало то, что король должен иметь право приостанавливающего действия вето на законы, что Законодательный орган должен состоять только из одного органа и выбираться народом. Этот конкордат решил судьбу Конституции. Все патриоты сплотились вокруг установленных таким образом принципов, согласовали с ними каждый вопрос и низвели аристократию до ничтожества и бессилия".^[225]

СНОСКИ:

^[201] "Наша революция, - сказал Наполеон на острове Святой Елены, - была естественным толчком, столь же непреодолимым по своим последствиям, как извержение Везувия. Когда таинственный синтез, происходящий в недрах земли, достигает такой критической точки, что за ним следует взрыв, начинается извержение. Незаметное проявление недовольства

людей происходит точно таким же образом. Во Франции страдания народа, моральные сочетания, порождающие революцию, достигли зрелости, и, соответственно, произошел взрыв".

[202] Мадам де Жанлис, которая была свидетельницей разрушения Бастилии, в своих полных сплетен, но очень интересных мемуарах пишет: "Я испытала самую изысканную радость, став свидетельницей разрушения этого ужасного памятника, в котором были замурованы и где погибло, без каких-либо судебных формальностей, так много невинных жертв. Желание показать это моим ученикам побудило меня отвезти их из Сен-Ле на несколько часов в Париж, чтобы они могли увидеть из сада Бомарше всех парижан, участвовавших в разрушении Бастилии. Невозможно дать представление об этом зрелище. Его нужно было увидеть, чтобы представить его таким, каким оно было. Эта грозная крепость была покрыта мужчинами, женщинами и детьми, которые с невыразимым рвением трудились на самых высоких башнях и зубчатых стенах. Поразительное количество рабочих, их активность, их энтузиазм, радость, с которой они смотрели, как рушится этот ужасный памятник деспотизма, руки мстителя, которые, казалось, были руками Провидения и которые с такой быстротой уничтожали труд многих веков, — все это зрелище одинаково поражало воображение и сердце". - *Воспоминания о временах Французской революции мадам графини де Жанлис*, том iii, стр. 261.

[203] История монтаньяров, книга Альфонса Эскироса, стр. 18.

[204] "Тирания, - сказал Фоше, имея в виду скелеты, найденные в Бастилии, - заточила их в стенах этих подземелий, которые, по ее мнению, были навечно непроницаемы для света. Настал день откровения. Кости восстали, услышав голос французской свободы. Они восстают против столетий угнетения и смерти, пророчествуя о возрождении человеческой природы и жизни наций". — *Дюссо, "Утро сентября"*.

[205] Однажды на острове Святой Елены темой разговора стала свобода прессы. Спутники императора с большим оживлением обсуждали этот вопрос, он внимательно слушал их замечания. "Ничто не может устоять, - сказал один из них, - перед влиянием свободной прессы. Она способна свергнуть любое правительство, взбудоражить любое общество, разрушить любую репутацию". "Опасен только его запрет, - сказал другой, - который является опасным. Если его ограничить, он становится миной, которая должна взорваться; но если предоставить его самому себе, это всего лишь разогнутый лук, который не может нанести раны".

"Свобода печати, - сказал Наполеон, - не подлежит обсуждению. Его запрет при представительном правительстве является грубым анахронизмом, откровенным абсурдом. Поэтому, вернувшись с Эльбы, я предоставил прессу всем ее излишества, и я уверен, что пресса ни в коем случае не способствовала моему падению".

В последнем письме Наполеона своему сыну он пишет: "Мой сын будет вынужден разрешить свободу печати. В наши дни это необходимо. Свобода печати должна стать в руках правительства мощным подспорьем в распространении во всех самых отдаленных уголках империи здравых доктрин и добрых принципов. Предоставить это самому себе значило бы заснуть на пороге опасности. После заключения всеобщего мира я бы учредил Управление прессы, состоящее из самых способных людей страны, и я бы распространил свои идеи и намерения даже до самой отдаленной деревушки". — *Лас Касас*.

[206] Мирабо, Камиль Десмулен, Бриссо, Кондорсе, Мерсье, Карра, Горсас, Марат и Баррер - все издавали журналы, и некоторые из них имели очень большой тираж. "Ами народа" в

исполнении Марата была очень энергичной композицией. Мирабо напечатал десять тысяч экземпляров своего *Провинциального журнала*. Но, безусловно, самой популярной и влиятельной газетой была "*Революции Парижа*", неизвестным редактором которой был Лустало, искренний, усердный, трудолюбивый молодой человек, умерший в 1792 году в возрасте двадцати девяти лет. Часто продавалось двести тысяч экземпляров его статьи. — *Michelet*, том i, стр. 240.

[207] Миге, стр. 64.

[208] Месье Рабо де Сент-Этьен, христианский патриот и один из самых активных членов Национального собрания, пишет: "Возможно, что все короли Европы могут сформировать коалицию против скромной страницы писания; но после ряда пушечных выстрелов, когда эти властители уничтожат триста или четыреста тысяч человек и опустошат двадцать стран, этого не произойдет". тем менее верно то, что *люди рождаются свободными и равными в своих правах и что нация является сувереном*. И вполне возможно, что их упорство могло привести к открытию других истин, до которых, если бы не гнев этих великих князей, человечество никогда бы не додумалось". — *Политические размышления*, стр. 176.

[209] "Все войны Европейского континента против Революции и против Империи были начаты Англией и поддерживались английским золотом. Наконец цель была достигнута; не только древний род был восстановлен на троне, но и Франция была сведена к своим первоначальным границам, ее военно-морские силы уничтожены, а торговля почти уничтожена". — *Американская энциклопедия, Искусство. Великобритания*.

[210] "Уильям Питт, - сказал император Наполеон на острове Святой Елены, - был хозяином европейской политики. Он держал в своих руках нравственную судьбу народов. Он разжег огонь раздора по всей вселенной; и его имя, как и имя Эрострата, будет вписано в историю среди пламени, причитаний и слез. Первые искры нашей революции, затем сопротивление, которое было противопоставлено национальной воле, и, наконец, последовавшие за этим ужасные преступления - все это было его работой. Двадцать пять лет всеобщего пожара; многочисленные коалиции, которые подлили масла в огонь; революция и опустошение Европы; кровопролитие народов; ужасающий долг Англии, благодаря которому поддерживались все эти ужасы; пагубная система займов, из-за которой угнетаются народы Европы; всеобщее недовольство, которое преобладает сейчас, — все это должно быть приписано Питту.

Потомство заклеит его как бич, и человек, которого так превозносили в его время, впоследствии будет считаться гением зла. Не то чтобы я считал его умышленно жестоким или сомневался в том, что он был убежден в правильности своих действий. Но у Святого Варфоломея были и добросовестные защитники. Папа и кардиналы отпраздновали это *Te Deum*, и у нас нет причин сомневаться в искренности их поступков. Такова слабость человеческого разума и суждений! Будь то следствие восхищения и благодарности или результат простого инстинкта и симпатии, Питт был и останется кумиром европейской аристократии. В его характере действительно было что-то от Sylla. Его система сдерживала народное дело и привела к триумфу знати.

Что касается Фокса, то не следует искать его образец среди древних. Он сам является образцом, и его принципы рано или поздно будут править миром. Несомненно, смерть Фокса стала одним из роковых событий в моей карьере. Если бы его жизнь продлилась, дела приняли бы совершенно другой оборот. Дело народа восторжествовало бы, и мы установили бы новый порядок вещей в Европе".

[211] Высшее дворянство Великобритании состоит из 26 герцогов, 35 маркизов, 217 графов, 65 виконтов, 191 барона. Каждый из них носит титул *лорда* и имеет право по рождению на место в Палате лордов, за исключением пэров Шотландии и Ирландии, которые получают место в Палате лордов только путем депутации, шотландские пэры выбирают 16, а ирландские 28. Кроме того, есть шесть архиепископов и 42 епископа, которые в силу своей должности именуются *лордами* и имеют место в Палате лордов. Низшая знать, состоящая из баронетов и рыцарей, не имеет никаких привилегий, кроме чести своего титула. Их численность составляет где-то от одной до двух тысяч. Высшая знать, включая сановников Церкви, шесть архиепископов и 42 епископа, в 1813 году насчитывала 554 семьи. Общий доход *светской знати*, по словам Колкухуна, составлял 25 000 000 долларов, что составляет в среднем около 48 000 долларов в год на каждую дворянскую семью. Согласно тому же авторитету, общий доход *духовных лордов* составлял 1 200 000 долларов, что в среднем составляло 25 000 долларов в год для каждого. Англичане говорят, что эти дворяне чрезвычайно ценны. Так и должно быть. Они стоят достаточно. Смотрите Enc. Am., Арт. Великобритания.

[212] Мишле. М. Рабо де Сент-Этьен сообщает, что 911 для одного, 89 для двоих. Элисон, не выдавая своих полномочий, заявляет 499 за одного, 87 за двоих.

[213] Французские революции с 1789 по 1848 год, Т.У. Редхед, том i, стр. 59.

[214] Сувениры Мирабо, стр. 156.

[215] "Что всегда будет удивлять тех, кто знаком с историей других революций, так это то, что в этом жалком и изголодавшемся Париже, лишенном всякой власти, было, в целом, очень мало серьезных актов насилия. Одного слова, одного разумного замечания, иногда шутки было достаточно, чтобы остановить их. Только в первые дни после 14 июля были совершены случаи насилия. Люди, полные мысли, что их предали, искали своих врагов наудачу и были близки к тому, чтобы совершить несколько жестоких ошибок. Г-н де Лафайет несколько раз вмешивался в критический момент, и на него обращали внимание. В этих случаях г-н де Лафайет был поистине великолепен. В своем сердце, в своей любви к порядку и справедливости, он нашел слова и счастливые высказывания выше своей натуры". —*Мишле*, том i, стр. 227.

[216] "Я иногда слышу, как говорят, что французам следовало бы довольствоваться установлением принципов для своего собственного конкретного государства, не распространяя эти принципы за границей среди других наций. Но действительно ли это их вина, если их принципы настолько общие, что их можно применить ко всем людям, всех времен и всех стран? Более того, разве это не доказательство превосходства их принципов, которые не зависят ни от возраста, ни от предрассудков, ни от климата? Изобрели ли они их злонамеренно и для того, чтобы навязать их королям и великим? И есть ли на свете человек настолько глупый, чтобы не решаться перестроить свое разрушенное жилище, потому что у других может возникнуть искушение перестроить свое? Если французский язык понимают по всей Европе, виноваты ли в этом французы? Должны ли они, опасаясь, что их будут слушать и им будут подражать, соблюдать строгое молчание или говорить на языке, отличном от их родного?" —*История революций Франции, М. Рабо де Сент-Этьен*, стр. 180.

[217] Дюмон, том первый, стр. 66.

[218] "Подробности поведения Мирабо пока полностью неизвестны, но, вероятно, скоро будут известны. В моих руках было несколько важных документов, и особенно документ, написанный в форме исповедания веры, который представлял собой его тайный договор с

двором. Мне не разрешается предавать гласности ни один из этих документов или упоминать имена их владельцев. Я могу только утверждать, что будущее в достаточной степени продемонстрирует, когда все эти статьи будут опубликованы.

"Что я могу утверждать со всей искренностью, так это то, что Мирабо никогда не имел никакого отношения к предполагаемым заговорам герцога Орлеанского. Мирабо покинул Прованс с единственной целью - бороться с произволом власти, от которого он страдал и который его разум, а также чувства учили его считать отвратительным. В его манерах чувствовалась большая фамильярность, которая проистекала из ощущения его силы. Отсюда часто предполагалось, что он друг и сообщник многих людей, с которыми у него не было общих интересов. Я уже говорил и повторяю это, у него не было партии. Мирабо оставался бедняком до своей связи с двором. Затем он наблюдал за всеми сторонами, старался заставить их объясниться и был слишком уверен в собственной значимости, чтобы давать легкомысленные обещания". — *История о. преподобного, М.А. Тьер*, том i, стр. 94.

[219] История французской революции, Париж, стр. 54.

[220] *Revolutions de Paris*, т. 11, № 9, стр. 8.

[221] "Иногда грузы с мукой изымались и задерживались при прохождении через соседние населенные пункты, чьи потребности были острыми. Версаль и Париж делились вместе. Но Версаль сохранил, как говорили, лучшую часть и выпекал превосходный хлеб. Это было большим поводом для зависти. Однажды, когда жители Версаля были настолько неосторожны, что отказались от поставок, предназначенных для парижан, Байи, честный и почтительный Байи, написал господину Неккеру, что, если мука не будет доставлена, тридцать тысяч человек отправятся за ней завтра. Страх придал ему смелости. Часто случалось, что в полночь у него оставалась лишь половина муки, необходимой для утреннего рынка". — *Мишле*, стр. 231.

[222] Даже куртизанки выступили со своими пожертвованиями. Национальное собрание получило следующее письмо, сопровождаемое кошельком с золотом:

"Джентльмены! У меня есть сердце, чтобы любить. Я накопил кое-что, занимаясь любовью. Я отдаю это в ваши руки в знак уважения к стране. Пусть моему примеру подражают мои товарищи всех рангов". — *История. des Montagnards, par Alphonse Esquiros*, p. 21.

[223] М. Рабо де Сент-Этьен, том i, 89.

[224] Элисон.

ГЛАВА XVII.

КОРОЛЕВСКУЮ СЕМЬЮ ПЕРЕВЕЗЛИ В ПАРИЖ.

Убывающая популярность Лафайета.—Король подумывает о бегстве.—Письмо адмирала д'Эстена.—Фландрский полк вызван в Версаль.—Праздник в бальном зале Версаля.—Восстание женщин; их марш на Версаль.—Ужасы ночи 5 октября.—Королевская семья переправлена в Париж.

Пресса теперь начала нападать на Байи и Лафайета как на союзников аристократов. Собрание в Пале-Рояле становилось первостепенной, ужасающей силой, угрожавшей разорением всем, кто выступал за умеренные меры. Самые яростные выступления

будоражили население, и было очевидно, что их лидеры могли легко направить их на любой путь разрушения. Национальное собрание заполнили письма с угрозами, и одно из них, исполненное особой жестокости, было подписано святым Хуруге. Хотя он объявил его подделкой, его арестовали и заключили в тюрьму. Муниципальные власти также запретили дальнейшие собрания в Пале-Рояле, и Лафайет с Национальной гвардией разогнал собрания.

Теперь король всерьез подумывал о бегстве, чтобы на безопасном расстоянии от Парижа, окруженный отборными войсками, диктовать условия своему народу или, в случае его отказа, готовиться к войне с помощью иностранного оружия. Примерно в ста восьмидесяти милях к северо-востоку от Парижа, на границе Франции, находился город Мец. В городе проживало около пятидесяти тысяч человек, а его укрепления, построенные Вобаном, были самого обширного и грозного вида. Маркиз де Буйе, один из самых преданных слуг короля, а впоследствии один из самых активных агентов, побуждавших иностранные державы выступить против Франции, командовал тамошним гарнизоном из тридцати тысяч отборных солдат, решительных роялистов, которых приучили относиться к народному движению с презрением.

План побега короля в Мец был хорошо продуман. Там к нему должны были присоединиться двор, знать со всей своей свитой, древние парламенты провинций, все состоявшие из аристократического класса, и все солдаты, которых офицеры-роялисты могли склонить последовать за ними на это свидание. Затем, используя всю энергию огня и крови, Франция должна была быть возвращена в подчинение старому режиму.

Лафайет знал об этом плане, и все же он не осмеливался разглашать его народу, так как знал, что это спровоцирует жестокую и ужасную вспышку. Он видел опасность, в которую была вовлечена королевская семья, и желал их защиты. Он видел, какая гибель угрожала свободам Франции, и свобода, за которую он боролся, была для него дороже жизни. Если бы король был либо безжалостным деспотом, либо надежным другом свободы, тогда путь Лафайета к исполнению долга был бы прост. Но король был дружелюбным, исполненным добрых намерений, слабовольным, колеблющимся человеком, настоящим орудием неумолимого двора.

Трудно представить себе ситуацию более затруднительную, чем та, в которой оказался Лафайет. Он возглавлял Национальную гвардию и был осведомлен обо всех заговорах двора. Он хотел быть верным своему государю, а также хотел быть верным своей стране. Без попустительства или, по крайней мере, тайного согласия Лафайета королю вряд ли удалось бы сбежать.

Старый адмирал Д'Эстен был командующим Национальной гвардией в Версале. Он был человеком благородного происхождения, с великодушным характером, и, хотя с истинным патриотизмом он поддерживал народное дело, он, как и Лафайет, выступал за монархию и был искренне дружелюбен к королю. 13 сентября он обедал с Лафайетом в Париже. Здесь маркиз раскрыл изумленному адмиралу ужасную тайну во всех подробностях: что барон Бретей, один из самых непримиримых врагов революции, договаривается с австрийским послом о сотрудничестве Австрии; что восемнадцать полков уже принесли присягу на верность двору; что роялисты в большом количестве уже собираются в Меце; что дворяне и духовенство объединили усилия для сбора средств, так что обеспечено получение полутора тысяч франков (300 000 долларов) в месяц; что уже приняты меры для обеспечения безопасности Австрии. осадить Париж, перекрыть все поставки и заморить город голодом,

чтобы подчинить его; и что более шестидесяти тысяч представителей духовенства и знати были обязаны сплотиться вокруг короля.

Д'Эстен был потрясен этим известием. Он знал, что если бы население было проинформировано о заговоре, это привело бы его во френсис, что никакая земная сила не смогла бы защитить королевскую семью от их ярости и что мгновенно от Рейна до Пиренеев вспыхнула бы жесточайшая гражданская война. Сознывая слабоумие короля и то, что королева была инициатором всех решительных мер, он немедленно направил ей очень серьезное письмо. В письме, длинном, серьезном и умоляющем, он написал следующее:

"Необходимо — этого требуют мой долг и моя верность, — чтобы я положил к ногам королевы отчет о визите, который я нанес в Париж. Меня хвалят за то, что я крепко сплю в ночь перед штурмом или военно-морским сражением. Осмелюсь утверждать, что я не робкого десятка в гражданских делах, но должен признаться вашему величеству, что всю ночь не смыкал глаз.

"Мне сказали — и, боже милостивый! каковы были бы последствия, если бы это распространилось среди народа — мне сказали, что короля должны были увезти в Мец. Лафайет сказал мне об этом шепотом за обедом. Я боялся, что его услышит кто-нибудь из домашних. Я заметил ему, что одно слово из его уст может стать предзнаменованием смерти. Я умоляю ваше величество даровать мне аудиенцию как-нибудь на этой неделе".[226]

Такую тайну нельзя было долго хранить. Вскоре об этом начали открыто говорить на улицах как о подозрении, как о слухе. Под предлогом защиты Национального собрания от любого насилия со стороны парижской черни король вызвал в Версаль полк из Фландрии. Это был полк, на офицеров и солдат которого он мог положиться и который должен был помочь ему в бегстве. Войска вошли в город маршем с внушительным количеством артиллерии и пехоты, вызывая все большее подозрение, и были расставлены в качестве охраны вокруг дворца.

Именно 23 сентября этот фландрский полк вошел в Версаль и был расквартирован вокруг королевского замка, таким образом удвоив личную охрану короля. Было также замечено, что на улицах Версаля собралось очень необычное количество офицеров, по оценкам, от тысячи до тысячи двухсот.[227] 1 октября в зале Оперы во дворце в честь этих офицеров был дан обед. Не жалели средств, чтобы придать пышности *празднику*, на который были приглашены все, кого, вероятно, можно было склонить к сотрудничеству с двором. Вино лилось рекой, и глубокой ночью, когда все были в бреду, король и королева вместе с молодым дофином вошли в банкетный зал. Они были приняты почти с восторгом. Ложи Оперы были переполнены придворными дамами, что только усиливало энтузиазм. Король, королева, дофин произносили тосты с восторженными криками. Когда кто-то предложил "за нацию", тост был с презрением отклонен. Когда королевская семья совершала обход столов, оркестр грянул: "О Ричард, о мой король, весь мир покидает тебя". Офицеры вскочили на стулья и столы, обнажили шпаги и поклялись в вечной верности королю. И тут разыгралась сцена, которую невозможно описать никаким языком. Офицеры забрались в ложи и получили сердечные приветствия дам; революционное движение было жестоко проклято; трехцветная кокарда, символ народных прав, была растоптана ногами, а вместо нее из рук дам была принята белая кокарда, эмблема власти Бурбонов. На следующий день во дворце состоялось еще одно подобное развлечение, на которое было приглашено еще большее количество гостей, и веселье было еще более захватывающим и бурным. Придворные, с той глупостью, которая всегда отличала их поведение, теперь были настолько воодушевлены, что начали с дерзкими угрозами выражать свое ликование.

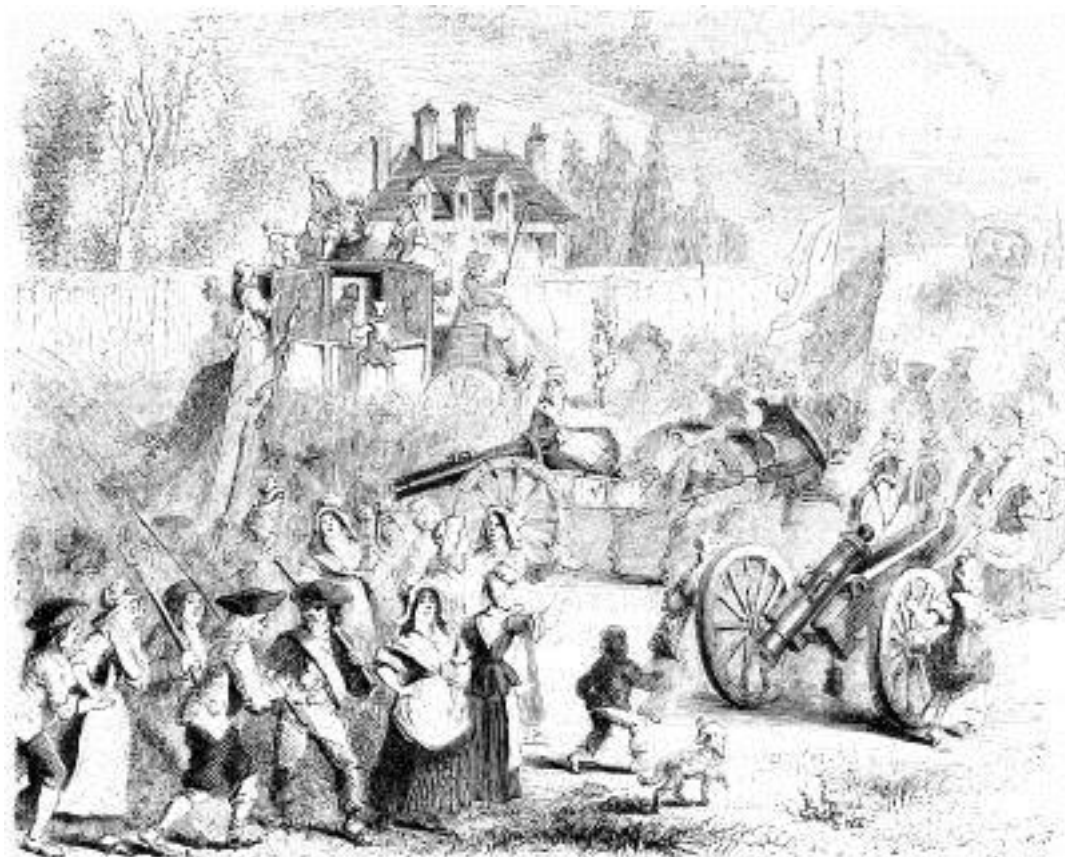

ПРАЗДНИК В БАЛЬНОМ ЗАЛЕ ВЕРСАЛЯ, 1 октября 1789 года.

Весть об этих *празднествах* быстро распространилась по Версалию и Парижу, вызвав сильное возмущение. Двор пировал, люди голодали. Версаль был полон ликования; Париж - траура. Деспотизм ликовал в ожидании своего триумфа, в то время как нации угрожала потеря ее недавно приобретенных прав. Король до сих пор откладывал свое согласие на Конституцию. Беспокойство охватило Национальное собрание, и смущенный ропот наполнил улицы Парижа — ужасные слухи о приближающейся войне, о союзе с немецкими князьями, об усиливающемся голоде и угрозе блокады Парижа. "Мы должны доставить короля в Париж, - говорили все, - иначе двор увезет его, и немедленно начнется война".

Наступило утро 5 октября, темное, холодное и ненастное. Улицы заливал проливной дождь. В то утро в Париже были тысячи людей, которые ничего не ели в течение тридцати часов.^[228] Женщины, в частности, из более скромного класса, находились в ужасном состоянии нищеты. Население Парижа фактически умирало с голоду. Энергичная женщина, наполовину обезумевшая от горя, схватила барабан и зашагала по улицам, яростно барабанила в него, время от времени выкрикивая: "Хлеба! хлеба!" Вскоре она собрала толпу женщин, которая быстро увеличилась с нескольких сотен до семи или восьми тысяч. Люди с удивлением смотрели на это странное явление, какого земля, возможно, никогда прежде не видела. Подобно нарастающему наводнению, живой поток прокатился по улицам, и вскоре

послышался крик: "В Версаль!" Повинуясь общему инстинкту, бурлящая масса устремилась вдоль Тюильри и через Елисейские поля к Версалю. У нескольких наиболее свирепых женщин были пистолеты. Случайно обнаружив пару пушек, они захватили их, а также лошадей, чтобы тащить тяжелые машины, на которых восседали женщины-фурии, распевая революционные песни.

ЖЕНЩИНЫ ПАРИЖА МАРШИРУЮТ К ВЕРСАЛЮ.

Лафайет в ужасе устался на это странное явление. Войска Национальной гвардии отказались остановить их, заявив, что они не могут противостоять голодающим женщинам, которые собирались просить хлеба у своего короля. Лафайет был бессилен. В то утро у него под ружьем было тридцать пять тысяч солдат, кавалерия, пехота и артиллерия. Ему оставалось только следовать за женщинами, чтобы понаблюдать за началом событий. За этими войсками, наступавшими во всем сверкающем боевом доспехе, следовала беспорядочная масса, никто не может сказать, сколько тысяч жителей Парижа, всех классов, характеров, условий жизни. Город, казалось, опустел от своих жителей, так как дорога в ВерСайль, протяженностью десять или двенадцать миль, была заполнена буйной толпой. По-видимому, ни у кого не было какой-то определенной цели, но каждый собирался посмотреть, что будут делать другие.

Были отправлены курьеры, чтобы предупредить короля и королеву о надвигающейся опасности. Добродушный, глупый король отправился в Медон, чтобы развлечься погоней за зайцами. Ничто не может более убедительно показать его полную неспособность управлять великим королевством, чем то, что он был занят в такой час. За королем послали, и он быстро вернулся в Версаль. Мария-Антуанетта обладала всей энергией и героизмом своей матери, Марии Терезии. Когда ее попросили немедленно обеспечить ей побег с двумя детьми, она ответила:

"Ничто не заставит меня расстаться с моим мужем. Я знаю, что они хотят убить меня, но я дочь Марии Терезии и научилась не бояться смерти".

Короля уговаривали бежать, но он опасался, что его бегство может побудить Собрание объявить трон вакантным и возложить корону на голову герцога Орлеанского, который, вероятно, с этой целью громогласно поддерживал народное дело. Из окон Версаля королевская семья вскоре увидела огромную толпу, бредущую по грязи и дождю к Версалью. Говорят, что в толпе было несколько мужчин, переодетых женщинами, которые придавали импульс и направление массе. Человек по имени Майяр, гигантского роста и обладавший замечательным тактом, преуспел в получении поста лидера. При таком тревожном положении дел король направил Ассамблее послание о частичном принятии Конституции. Пока Ассамблея обсуждала этот вопрос, в зал вошли женщины. Вошел Майяр, и женщины столпились за ним. Почтительно, но искренне, от имени женщин, он рассказал о голодном положении Парижа и пожаловался на оскорбление, нанесенное нации на празднике во дворце.

Было уже три часа дня. Дождь все еще лил. Приближалась темная, ненастная ночь, и улицы Версаля были заполнены бесчисленными тысячами самых отчаявшихся мужчин и женщин, совершенно лишенных крова. Встревоженное Собрание обратилось к своему председателю М. Мунье с просьбой отправиться во дворец и ходатайствовать о новых мерах помощи. М. Мунье был вынужден позволить двенадцати женщинам сопровождать его. Король принял их любезно. Женщины ловко выбрали предводительницей своей депутации очень красивую юную цветочницу, но семнадцати лет от роду, с удивительно изящной фигурой и прекрасными чертами лица. Девушка, охваченная своими ощущениями, тщетно пыталась заговорить и упала в обморок. Король заключил ее в объятия, обнял так, словно она была его ребенком, и проявил такую отеческую заботу, что полностью завоевал сердца всех женщин. Они покинули дворец с такими восторженными рассказами о доброте царя, что амазонки снаружи обвинили их в подкупе и в ярости были готовы разорвать их на куски. Бедную цветочницу повесили бы на подвязках к фонарному столбу, если бы солдаты не спасли ее.

Король созвал совет, заседание которого продолжалось до десяти часов. И все же, по какому-то непростительному пренебрежению, не было принято никаких мер, чтобы удовлетворить нужды изголодавшейся толпы. Было почти семь часов вечера, когда прибыл Лафайет с Национальной гвардией.^[229] Солдатами гвардии, интеллигентными гражданами, можно было управлять только благодаря *личному влиянию* их генерала. *Власть* устанавливается только временем и консолидированными институтами. Лафайет поспешил во дворец, чтобы заверить королевскую семью, что он сделает все, что в его силах, для обеспечения их безопасности. Король, однако, не доверил охрану дворца Лафайету, поскольку считал, что может больше полагаться на фландрский полк, швейцарских наемников и свою собственную лейб-гвардию, чем на Национальную гвардию, все они были преданы народному делу.

В суматохе тех ужасных часов не все входы во дворец были защищены. Лафайет, однако, выставил эффективную охрану на всех закрепленных за ним аванпостах. Всю ночь, до пяти часов утра, Лафайет не спал, отправляя патрули и следя за общественным спокойствием. Затем, убедившись, что все спокойно, он бросился на диван отдохнуть, поскольку последние двадцать четыре часа был постоянно и напряженно занят. Группы продрогших, изголодавшихся людей собрались вокруг больших костров, которые они развели на улицах, и в одном месте они пожирали наполовину прожаренное мясо убитой ими лошади. Королева, измученная бессонницей, удалилась в свои покои. Король также отправился в свои покои, которые соединялись с покоями королевы коридором, через который они могли

проходить друг за другом. Двое солдат охраняли дверь в покои королевы. Кое-кто из толпы, бродившей вокруг дворца, обнаружил, что ворота не охраняются, и, беспрепятственно войдя во дворец, поднялся по лестнице и, слепо продвигаясь вперед, подошел к двери апартаментов королевы. Солдаты героически сопротивлялись им и кричали другим, чтобы спасали королеву. Она услышала крик и, вскочив с постели, в ночной рубашке бросилась в комнату короля. Разбойники решительно двинулись вперед и обнаружили, что королевское ложе покинуто. Несколько лейб-гвардейцев поспешили на место и остановили их дальнейшее продвижение; а солдаты Лафайета, стоявшие на небольшом расстоянии, услышав шум, поспешили им на помощь.

Шум разбудил толпу, и немедленно завязался конфликт между солдатами и возбужденной толпой. Лафайет, который еще не заснул, вскочил со своего ложа и, поспешив во дворец, обнаружил, что несколько человек из королевских войск были на грани смерти. Один из бандитов нацелил мушкет на Лафайета, но толпа схватила его и разбила его мозги о мостовую. Лейб-гвардейцы и гренадеры Лафайета вскоре очистили дворец, и весь двор признал, что они обязаны Лафайету своими жизнями. Мадам Аделаида, тетя королевы, обняла его, воскликнув: "Генерал, вы спасли нас".[\[230\]](#)

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА КОРОЛЕВСКИХ АПАРТАМЕНТОВ КОРПУСНОЙ ГВАРДИЕЙ, 5 октября 1789 г.

Наступило утро 6-го числа, и вся толпа, столпившаяся вокруг дворца, в один голос потребовала, чтобы король отправился в Париж. Был проведен совет, и судом было решено, что король должен подчиниться. Людям из окон были брошены листки бумаги с объявлением об этом решении. Теперь раздались громкие крики: "Да здравствует король!" Но раздавались угрожающие голоса против королевы, которую ненавидели как австрийку и как ту, кто пытался привести австрийские армии, чтобы сокрушить свободу во Франции.

"Мадам, - обратился Лафайет к королеве, - король едет в Париж; что вы собираетесь делать?"

"Сопровождайте короля", - последовал бесстрашный ответ королевы.

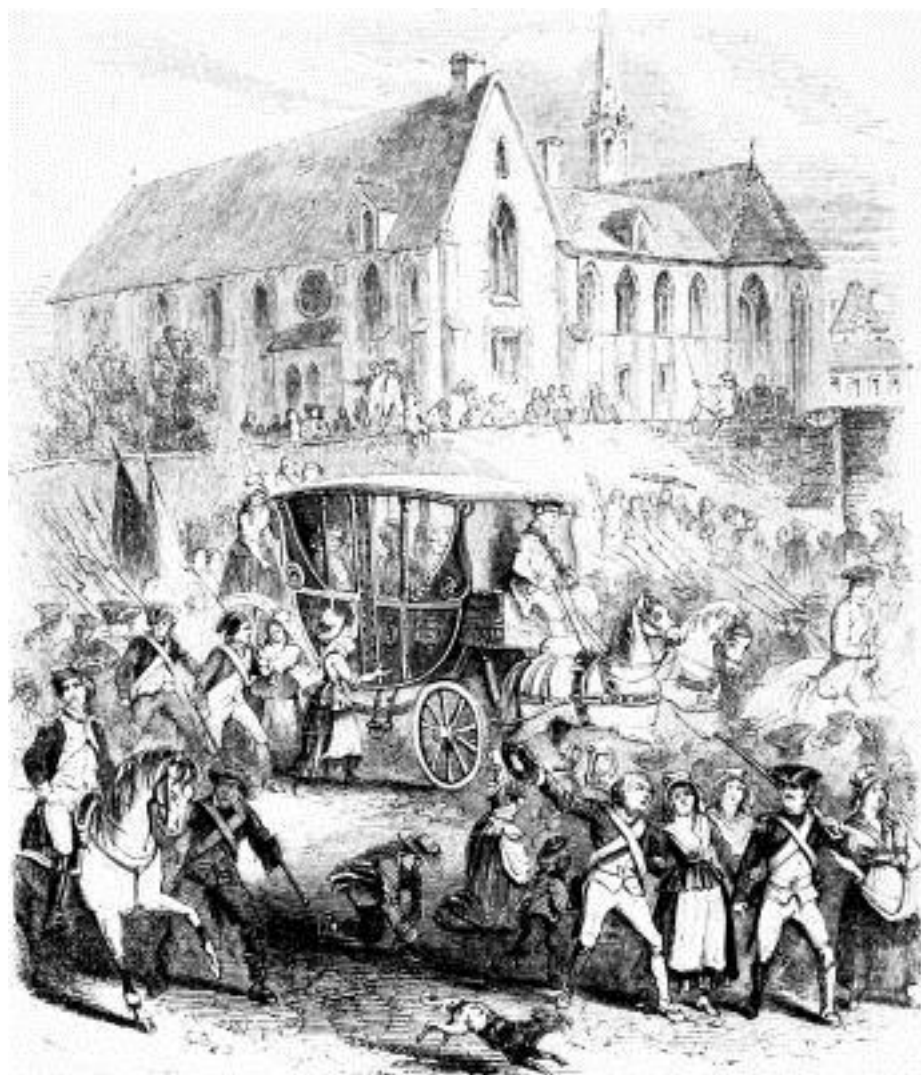
- Тогда пойдемте со мной, - предложил генерал.

Он вывел королеву на балкон, откуда она смотрела на толпу, взволнованную, как океан во время шторма. Все взгляды тут же были прикованы к ней, когда она стояла рядом с Лафайетом и держала за руку своего маленького сына, дофина. Ропот толпы немедленно сменился выражениями восхищения. Лафайет взял ее руку и, поднеся к губам, почтительно поцеловал. Почти всеобщий крик "Да здравствует королева!" был ответом толпы на этот изящный и своевременный акт. Затем королева вернулась в комнату и обратилась к Лафайету: "Мои стражники, вы не можете что-нибудь для них сделать?" "Дайте мне один", - сказал Лафайет и, выведя солдата на балкон, представил его народу и вручил ему трехцветную кокарду. Стражник поцеловал его и прикрепил к своей шляпе. Люди были довольны, примирились и приветствовали его сердечными аплодисментами. Многие из гвардейцев были взяты в плен, и все они были бы убиты толпой, если бы не энергичные усилия Лафайета выволить их из их рук.

ЛАФАЙЕТ СПАСАЕТ ГВАРДИЮ, 6 октября 1789 г.

Ассамблея, узнав о намерении короля отправиться в Париж, приняла резолюцию о том, что Ассамблея неотделима от личности короля, и назначила сотню депутатов для сопровождения его в столицу. Двое телохранителей короля были убиты, а какие-то негодяи отрубили им головы и выставляли их напоказ на пиках.[\[231\]](#)

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ ПЕРЕПРАВЛЕНА В ПАРИЖ 6 октября 1789 года.

Был час дня, когда кареты с королевской семьей покинули Версаль.^[232] Вся парижская толпа, мужчины и женщины, шумная, галдящая толпа, двинулась вперед. Сразу же за экипажами суда прибыла сотня депутатов, также в каретах. Затем прибыла Национальная гвардия. За огромным поездом следовали повозки, груженные зерном и мукой, в сопровождении гренадеров. Никто не был таким злобным и безжалостным, как униженные женщины, составлявшие столь значительную часть этой толпы. "Теперь у нас будет хлеб, - воскликнули они, - потому что с нами пекарь, его жена и сын пекаря".

Этой громоздкой массе потребовалось семь часов, чтобы ускорить свое медленное продвижение к Парижу. Короля проводили в ратушу, где он был принят мэром города г-ном Байи. Королевская семья вышла из своих экипажей при свете факелов и вошла в большой зал, где их встретили одобрительными возгласами. После завершения церемонии приема муниципалитетом Парижа короля и его семью проводили в Тюильри. Огромный дворец уже сто лет не был резиденцией королевской семьи, и его просторные и бедно обставленные апартаменты представляли собой лишь унылый вид. Вокруг дворца была расквартирована Национальная гвардия, и таким образом Лафайет был назначен ответственным за сохранность особы короля. Так закончились насыщенные событиями дни 5 и 6 октября 1789 года. Король теперь был фактически пленником, и знать больше не могла пользоваться его именем для установления с помощью иностранных армий деспотизма во Франции.

СНОСКИ:

[225] Мунье, который решительно выступал за две палаты и абсолютное право вето, в своем докладе своим избирателям пишет, ссылаясь на некоторые частные и дружеские конференции, проведенные в это время:

"Эти конференции, дважды возобновлявшиеся, оказались безуспешными. Они были возобновлены в доме американца, известного своими способностями и добродетелями, который обладал как опытом, так и теорией институтов, необходимых для поддержания свободы. Он высказал мнение в пользу моих принципов".

Этим американцем, несомненно, был Томас Джефферсон. Он видел опасность, которой грозила Революция, и то, что свобода нуждалась в такой же надежной защите от слепых порывов населения, как и от посягательств двора. Два дома, возможно, остановили бы стремительный рост разрушений, но вряд ли смогли бы предотвратить катастрофу. Веками знать "сеяла ветер". Это было Божьим повелением, что они должны "пожать бурю". "За беззакония отцов Он наказывает детей".

[226] Бруйон: Письмо М. д'Эстена по-королевски (в "Истории парламента", том iii, стр. 24).

[227] "Le ministre de la guerre multiplia les congés de semestre, afin d'avoir un corps de volontaires royaux, composé de douze cent cents officiers."—*Villiaumé*, p. 34.

[228] Moniteur, том i, стр. 568. Histoire de Deux Amis de la Liberté, t. iii.

[229] Тьер, том первый, стр. 106.

[230] "Месье де Лафайет был настолько оклеветан, и, тем не менее, его характер настолько чист, настолько последователен, что имеет смысл посвятить ему по крайней мере одну заметку. Его поведение пятого и шестого октября было поведением постоянной самоотверженности, и все же оно было представлено как преступное людьми, которые были обязаны этому своими жизнями. Дух партии, чувствуя опасность допущения каких—либо добродетелей конституционалисту, отверг услуги Лафайета и затем начал ту длинную серию клеветы, которой он с тех пор подвергался". —*Тьер*, т. i, стр. 108.

[231] Тьер, том i, стр. 111.

[232] "Я видел ее величество в ее кабинете за мгновение до ее отъезда в Париж. Она едва могла говорить. Слезы текли по ее лицу, к которому, казалось, прилила вся кровь в ее теле. Она оказала мне услугу, обняв меня, и протянула руку для поцелуя г-ну Кампану, сказав нам: "Немедленно приезжайте, чтобы поселиться в Париже". Мы совершенно заблудились; нас, вероятно, замучили до смерти. Плененные короли всегда очень близки к этому". — *Мадам Кампан*, том ii, стр. 84.

ГЛАВА XVIII.

ФРАНЦИЯ ВОЗРОДИЛАСЬ.

Добрые чувства народа.—Эмиграция получает новый импульс.—Национальное собрание переносится в Париж.—Учредительное собрание.—Убийство Франсуа.—Беспокойство патриотов.—Мрачная зима.—Контраст между епископами и трудящимся духовенством.—Церковные фонды, конфискованные Ассамблеей.—Церковь,

ответственная за деградацию народа.—Новое разделение Франции.—Избирательное право.—Гильотина.—Rabaud de St. Etienne.

Королевская семья находилась сейчас в Париже. Однако бедняки все еще умирали от голода. Ночь на 6 октября прошла без беспорядков. Было темно, почти до черноты, и потоки дождя заливали улицы. Ранним утром 7-го огромная толпа заполнила сад Тюильри, желая хоть мельком увидеть короля. Все они, казалось, были воодушевлены самыми добрыми чувствами к своему государю. Король, в ответ на неоднократные призывы, появился на балконе и был встречен всеобщими одобрительными возгласами. Все члены королевской семьи, казалось, разделяли эту популярность. Мадам Елизавета, сестра короля, принцесса редкой красоты как внешне, так и по характеру, велела открыть окно и уселась за угощение в присутствии тысяч зрителей. Мужчины, женщины и дети, огромное множество людей, собрались у окна, и слова доброты, любви и радости были у всех на устах.

"Теперь к нам вернулся наш король", - сказали они. "Он избавлен от своих плохих советников и теперь будет таким, каким он всегда хотел быть, нашим добрым отцом".

Этот щедрый, доверчивый дух принял такое полное владение общественном сознании—люди, несмотря на нестерпимые обиды, которые они испытывают на протяжении стольких веков, так были готовы простить—это не слова Дисотношении было произнесено, даже инородное тело-гвардия короля, или высокомерные лорды и дамы-аристократки, которые сопровождали суда в Париже. Люди даже приветствовали этих дворян, с которыми они так долго боролись, и обращались к ним со словами доброты.[\[233\]](#)

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ СОБИРАЕТСЯ ПРЕДСТАТЬ ПЕРЕД НАРОДОМ.

Однако знать была так встревожена этим триумфом народа, что эмиграция получила новый импульс. Сто пятьдесят депутатов-роялистов Национального собрания немедленно получили паспорта и покинули королевство. Некоторые дворяне отправились в Турин. Граф д'Артуа (Карл X.) поселился в своей резиденции у своего тестя, короля Сардинии. Эмигранты, рассеянные таким образом по всем дворам Европы, были заняты попытками сплотить аристократические дворы для подавления народной свободы во Франции. Эмиграция по всей стране была настолько обширной, что, как говорили, шестьдесят тысяч человек отправились только в Швейцарию.

Король, напротив, казался довольным любовью своего народа. Он шел без охраны сквозь толпы, заполонившие Елисейские поля, и везде к нему относились с уважением. 9 октября, через три дня после своего прибытия в город, он отправил письмо в собрание в Версале, информируя этот орган, что свидетельства любви и верности, которые он получил от города Парижа, побудили его обосноваться там на своей обычной резиденции.^[234]

Соответственно, он предложил Ассамблее перенести ее заседание в Париж. Каким бы невероятным это ни казалось, слабоумный король послал за своими кузнечными инструментами, установил кузницу и развлекался тем, что возился с замками напильником и молотком.^[235]

Архиепископ Парижский бежал вместе с эмигрантами. 19 октября Национальное собрание покинуло Версаль и провело свое первое заседание в Париже, в помещении архиепископского дворца, из которого вскоре переехало в манеж Тюильри, гораздо более просторное помещение, подготовленное для его размещения.^[236] Поскольку главной целью Собрания теперь была реорганизация правительства на основе свободной конституции, покидая Версаль, оно отказалось от названия Национального собрания и приняло в Париже название Учредительного собрания. Таким образом, одно и то же тело в течение пяти месяцев называлось тремя разными именами. Сначала это были Генеральные штаты, начиная с периода их заседания 5 мая и до объединения трех орденов 27 июня. Затем это было Национальное собрание до его переезда из Версаля в Париж 19 октября. Затем оно получило название Учредительного собрания и просуществовало почти два года, до 30 сентября 1791 года, когда срок его действия истек и новый орган, Законодательное собрание, начал свою сессию.

Революционная буря на какое-то время, казалось, утихла, и актов насилия было совершено лишь несколько. Жители Парижа все еще ужасно страдали от голода, и 21 октября несколько полуголодных негодяев схватили пекаря по имени Франсуа, которого обвинили в том, что он утаил свой хлеб, и в минуту возбуждения, прежде чем полиция успела вмешаться, вздернули его на фонарном столбе, а затем отрубили ему голову.

Этот поступок был осужден даже самыми яростными революционерами, и Ассамблея воспользовалась чувствами, вызванными этим возмущением, чтобы ввести военное положение против бунтующих народных собраний. Этот закон, который был почти повторением закона об английских беспорядках, подвергся критике со стороны многих журналов как грубое нарушение прав людей. Робеспьер в Ассамблее и Марат в своем широко распространенном журнале открыто осуждали это.

Зверское убийство Франсуа, который был щедрым и милосердным человеком и совершенно невиновен в преступлении, в котором его обвиняли, произвело глубокое впечатление. Это свидетельствовало о быстром и пугающем росте насилия толпы. Король и королева отправили его молодой вдове письмо с соболезнованиями и денежным подарком на сумму

около двух с половиной тысяч долларов. Городские власти Парижа направили комитет из своих членов навестить ее и утешить. Лафайет, оскорбленный и возмущенный совершенным безобразием, прочесал предместья в поисках негодяев, совершивших это деяние. Двое главарей были арестованы и переданы немедленному суду.

Они были приговорены к смертной казни, а на следующее утро повешены на той же Гревской площади, которая была ареной этого безобразия. Это было единственное убийство, совершенное парижской толпой во время Революции, за которое закон был достаточно силен, чтобы наказать.^[237]

УБИЙСТВО ПЕКАРЯ ФРАНСУА.

В других частях королевства время от времени происходили акты насилия. Хлеб стоил так дорого, что торговцев зерном обвиняли в том, что они накапливают огромные запасы ради спекуляции. Невежественная толпа в некоторых случаях серьезно жестоко обращалась с подозреваемыми в этом преступлении. Таким образом, невинные часто подвергались наказанию, поскольку насилие толпы с такой же вероятностью обрушится на невиновных, как и на виновных.

Теперь многие из самых умных сторонников реформ начали опасаться, что нация заходит "слишком быстро и слишком далеко". Сцены 5 октября и всемогущество толпы, проявившееся в тот день, внушили страшные опасения на будущее. Даже Лафайет считал, что спасение дела свободы зависит от укрепления власти короля. Он убедил короля прислать герцога Орлеанского из Парижа, и когда герцог пожелал вернуться, он послал ему сообщение, что на следующий день после его возвращения ему придется драться с ним на дуэли.

Мирабо объединился с Лафайетом в этих усилиях остановить нацию в ее безудержном порыве и обеспечить конституционную свободу, придав силу монархической руке. Они оба придерживались мнения, что Франции, окруженной могущественными и ревнивыми монархиями, с миллионами крестьян, непривычных к самоуправлению, не умеющих ни читать, ни писать и почти столь же необразованных, как овцы, которых они пасли, нужен трон, основанный на свободной конституции.^[238] Даже в Ассамблее Мирабо осмелился призвать к тому, что необходимо восстановить силу исполнительной власти.^[239] Но суд ненавидел и Лафайета, и Мирабо и был против любого умаления их собственных исключительных привилегий. Они не соглашались ни на какие компромиссы, и все усилия умеренной партии оказались тщетными.

Началась мрачная зима, и не было ни денег, ни работы, ни хлеба. Аристократы по всему королевству паковали свои сундуки и отправляли перед собой через границы все средства, которые им удавалось собрать. Они хотели сделать Францию как можно более слабой и несчастной, чтобы народу было легче снова подчинить феодальное иго армиям иностранных деспотов. Отсюда ужасающий рост нищенства. Только в Париже их было двести тысяч. Это одно из величайших чудес, что такая масса людей, буквально умирающих от голода, могла оставаться такой спокойной. Ресурсы королевства были исчерпаны в течение зимы, чтобы прокормить миллионы нищих во всех городах Франции. Теперь все взоры были обращены к Национальному собранию в поисках мер по оказанию помощи.

УЛИЧНЫЕ ПОЖАРЫ ДЛЯ БЕДНЫХ.

Богатство духовенства было огромным. Милостыня, которая наполнила Европу нищенством, всегда представлялась католической церковью как первый акт благочестия. На протяжении долгих веков суеверий умирающих заставляли во искупление безбожной жизни завещать свое имущество Церкви, чтобы оно раздавалось в качестве милостыни людям. Таким образом, многие богатые грешники получили отпущение грехов, и, таким образом, духовенство владело пожертвованиями, которые составляли пятую часть земель королевства и оценивались в четыре тысячи миллионов франков (800 000 000 долларов).^[240]

Несмотря на это огромное богатство Церкви, почти все приходские пасторы, усердные и верные служители христианства — а таких было много, людей истинной жизни и

непритворной религии — находились в крайней бедности. Все епископы были *дворянами*, ибо даже Людовик XVI. никого другого не избрал бы. Эти епископы часто были самыми распутными и сладострастными людьми и наслаждались доходом в миллион франков (250 000 долларов) в год. Работающее духовенство, напротив, происходившее из народа, редко получало более двухсот франков (40 долларов) в год. Они были настолько бедны, что полностью зависели от благотворительности своих прихожан.[241]

Собрание предположило, что эти сокровища были доверены Церкви на благо народа; что роскошествующие священнослужители, не оправдав оказанного им доверия, утратили право на дальнейшее раздачу милостыни. После очень ожесточенной борьбы Мирабо внес предложение о том, чтобы имущество Церкви было в *распоряжении* государства. Многие представители низшего духовенства проголосовали за резолюцию, и она была принята большинством в 568 голосов против 346. Сорок депутатов отказались голосовать. Эта мера сразу же предоставила в руки Собрания огромные ресурсы и неизбежно привела в десятикратное раздражение привилегированные классы, а также прокатила волну тревоги по всем обширным владениям папы. Это был сигнал для католической Европы подняться с оружием в руках против Революции. Поскольку под давлением времени было невозможно принудительно продать огромное имущество Церкви без огромных жертв, были выпущены облигации, называемые *ассигнациями*, присвоенные или обеспеченные этим церковным имуществом.

Таким образом, надменная Галликанская церковь была лишена своего несправедливо нажитого и еще хуже использованного богатства. Сановники этой Церкви всегда были самыми закоренелыми противниками возвышения народа. Сокровища, которые были отняты у бедных и вымоганы у умирающих как дар Богу для поощрения человеческой добродетели, они использовали, чтобы ковать цепи для людей, и растрачивали в бесстыдном расточительстве.

Почти все дворяне были неверующими, учениками Вольтера. В течение многих лет, упиваясь вином и развратом, они презирали религию. Но теперь они внезапно стали очень набожными, поддержали дело своих благих товарищей, епископов, и протестовали против наложения нечестивых рук на сокровищницу Господа. По всей Европе две самые грозные силы, светская и религиозная аристократия, теперь объединились против народных реформ. Именно этот принцип побудил английского аристократа-протестанта и австрийского епископа папской области выступить заодно против возрождения Франции.

Были некоторые французские дворяне и епископы, которые признавали, каковы бы ни были их мотивы, права народа и вставали на его сторону. Талейран, епископ Отенский, предложил эту меру, и Мирабо поддержал ее со всей энергией своего красноречия.

Деграция народа является осуждением папской церкви. На протяжении многих веков обязанность возвышения народа возлагалась на духовенство. Вместо того чтобы наставлять своих прихожан, формы богослужения были превращены в бессмысленную пантомиму; молитвы возносились на неизвестном языке; слово Божье было скрыто от их взора. Богатые становились неверующими и атеистами и, грабя бедных, наслаждались расточительством. Бедняки озверели и одичали, и их удерживали в узде только ужасы ожесточающего душу суеверия.

Нет надежды на мир во всем мире, кроме как в том учении Христа, которое проповедует братство людей. Там, где это братство признано и распространяются его симпатии, царит мир. Аристократическая церковь во Франции была инструментом суда в унижении и порабощении людей. Ужасный день возмездия был всего лишь неизбежным

осуществлением божественного закона. Человек, раздавленный и растоптанный своим братом-человеком, может терпеть это век, столетие, но придет время, когда он больше не сможет этого терпеть, и ярость его восстания будет пропорциональна глубине и мраку темницы, в которой он был замурован.^[242] Прогресс мира направлен к справедливости, равенству и природе. Если этот прогресс не будет мирным, он будет жестоким и кровавым. Жизненные энергии души человека нельзя вечно подавлять.

Франция в течение некоторого времени была разделена на тринадцать крупных провинций, объединенных в разные периоды и обладавших различными иммунитетами и разнообразием обычаев и законов. Ассамблея разрушила все эти старые барьеры, чтобы придать нации характер единства. Королевство было разделено на восемьдесят три департамента, каждый из которых занимал площадь около пятидесяти четырех квадратных миль. Эти департаменты были разделены на округа, а округа - на коммуны. Это деление чем-то напоминало деление Соединенных Штатов на штаты, округа и города.

Избирательное право было распространено на всех граждан мужского пола в возрасте двадцати пяти лет, которые проживали в избирательном округе один год, которые заплатили прямой налог в размере стоимости трехдневного труда, около шестидесяти центов, которые не были на положении прислуги и которые были зачислены в Национальную гвардию. Их называли *активными* гражданами. Остальное население считалось *пассивными* гражданами. Чтобы иметь право на *должность* магистрата или представителя, требовалось платить прямой налог в размере около десяти долларов, а также быть землевладельцем. Аристократы считали такое расширение избирательного права ужасно радикальным и демократичным. С другой стороны, демократия из своих низов с величайшей горячностью и возмущением протестовала против ограничения избирательного права и должностных полномочий налогоплательщиками и владельцами собственности.

"Есть только один объединенный голос, - воскликнул Камиль Демулен, - в городе и в стране, против этого декрета о десятидолларовой цене (*декрет марка д'Аржанта*). Во Франции создается аристократическое правительство, и это самая заметная победа, которую аристократы когда-либо одерживали в Ассамблее. Чтобы продемонстрировать абсурдность декрета, необходимо лишь упомянуть, что Руссо, Корнель, Мабли в соответствии с ним не могли иметь на это права. Что же касается вас, презренные священники, вы, лживые мошенники, понимаете ли вы, что даже вашего Бога вы лишаете права голоса?^[243] Иисуса Христа, которого вы признаете божественным, вы отбрасываете в ряды толпы. И вы хотите, чтобы я уважал вас, вы, жрецы позорного Бога (*единственного пролетария*), который даже не является активным гражданином? Уважайте ту бедность, которую облагородил Иисус Христос".^[244]

Такие яростные призывы произвели глубокое и раздражающее впечатление на армию из двухсот тысяч нищих в Париже и на миллионы совершенно обнищавших жителей Франции. "Мы свергли аристократию рождения, - восклицали ораторы черни, - только для того, чтобы ввести еще более ненавистную аристократию кошелька". Работающее духовенство, которое было в числе первых сторонников реформы, почти все до единого были эффективными членами умеренной партии и сердечно сотрудничали с Лафайетом в стремлении предотвратить превращение свободы в беззаконие. Духовенство имело большое влияние, и поэтому злоба популярных ораторов и писателей постоянно направлялась против них.^[245]

Затем Ассамблея отменила жесткую пошлину на соль.^[246] Старые парламенты старых провинций, самые коррумпированные органы, какие, возможно, когда-либо существовали, и послушные инструменты аристократического угнетения, были упразднены, и на их место

были заменены новые суды народного характера. Все судебные процессы были публичными; никакое наказание по обвинению в совершении преступления не могло быть назначено иначе, как двумя третями голосов суда. Для вынесения смертного приговора требовалось четыре пятых голосов. Отмена Нантского эдикта была отменена, и, таким образом, нескольким тысячам протестантов, которые долгое время были изгнаны из Франции, было разрешено вернуться и пользоваться всеми своими политическими правами. Было постановлено, что все граждане, независимо от их состояния, должны подчиняться одним и тем же законам и судиться одними и теми же судами. Обвиняемые в преступлении должны были предстать перед судом присяжных, но не раньше, чем суд предварительно определит, что доказательства против них достаточно веские, чтобы оправдать их арест. Примечательно, что и Робеспьер, и Марат были самым серьезным образом настроены на отмену смертной казни. Во время этой дискуссии доктор Гильотен настаивал на применении в качестве высшей меры наказания новой машины, которую он изобрел.

"С помощью моей машины, - сказал доктор, - я могу отрубить вам голову в мгновение ока, и вы этого не почувствуете".

Эти слова, произнесенные самым искренним образом, вызвали общий взрыв смеха в Собрании. Но прошло несколько месяцев, прежде чем многие из этих депутатов были привязаны к доске и испытали на себе эффективность острого лезвия. Введение гильотины было задумано как мера гуманности. Таким образом, несчастный человек, обреченный на смерть, должен был быть спасен от ненужных страданий.[\[247\]](#)

Меры, принятые Учредительным собранием, кажутся республиканским глазам справедливыми и умеренными. Опыт, правда, доказал, что безопаснее иметь две законодательные палаты, сенат и нижнюю палату, чем одну, но последующие указы, принятые этой палатой, были явно продиктованы не страстью, а патриотизмом и чувством справедливости.[\[248\]](#)

Духовенство теперь прилагало огромные усилия, чтобы поднять крестьянство по всему королевству на борьбу с революцией. Религиозный фанатизм исчерпал всю свою энергию. Парламенты старых провинций, состоявшие исключительно из знати, также вновь востребовались и разразились яростными протестами. Они стали активными участниками организации оппозиции, очернения действий Собрания и подстрекательства доверчивой толпы к насилию. Ассамблея наказала парламенты, упразднив их все.

Суд резко обвинил Ассамблею в узурпации власти, что вызвало у Мирабо ответ, который наэлектризовал Францию.

"Вы спрашиваете, - сказал он, - как, будучи депутатами, мы превратились в конвент. Я вам скажу. В тот день, когда, обнаружив, что наш зал собраний заперт, ошестинившийся и оскверненный штыками, мы поспешили в первое место, которое могло нас вместить, и поклялись, что скорее погибнем, чем откажемся от интересов народа, - в тот день, если мы и не были конвентом, то стали им. Пусть они теперь идут и выискивают из бесполезной номенклатуры гражданских лиц определение слов "Национальный съезд"! Господа, вы все знаете поведение того римлянина, который, чтобы спасти свою страну от большого заговора, был вынужден выйти за рамки полномочий, предоставленных ему законами. Придирчивый трибун потребовал от него клятвы в том, что он уважал их. Он думал этим коварным предложением не оставить консулу иного выбора, кроме лжесвидетельства или постыдного признания. "Я клянусь, - сказал этот великий человек, - что я спас республику". Джентльмены, мы также клянемся, что спасли содружество".

Этот возвышенный апостроф поднял на ноги все Собрание. Обвинение в узурпации больше не повторялось.

В то же время были предприняты огромные усилия, чтобы заставить Ассамблею принять резолюцию о том, что "католическая, апостольская и римская религия является и всегда будет религией нации, и что ее богослужение является единственно разрешенным". Поскольку один из придворных настаивал на этом решении и ссылался в качестве прецедента на какой-то нетерпимый указ Людовика XIV, Мирабо посеял смятение в сердцах придворных, воскликнув:

- А как могло случиться, что в правление, озаглавленное отменой Нантского эдикта, не были освящены все виды нетерпимости?"

Затем, указав на витрину Лувра, он продолжил глубоким и торжественным тоном, от которого трепетали все сердца:

"Вы апеллируете к истории? Не забывайте, что из этого самого зала я вижу окно, из которого король Франции, вооруженный против своего народа отвратительной группировкой, скрывавшей личные интересы под маской религии, выстрелил из мушкета и дал сигнал к Варфоломеевской резне!"

Эффект был электрическим, и дух нетерпимости был сокрушен.

Истинное христианское милосердие, которое предполагало Собрание, было сердечно принято массами нации. Мы любим отмечать тот факт, что подавляющее большинство католического населения было в восторге от того, что протестантам восстановили их гражданские и религиозные права. Даже Мишле, как бы враждебно он ни относился ко всей богооткровенной религии, свидетельствует: "Единодушие было впечатляющим, и это было одно из зрелищ, наиболее достойных того, чтобы призвать Божье благословение на землю. Во многих частях страны католики ходили в храмы протестантов и объединялись с ними, чтобы вместе вернуться благодаря Провидение. С другой стороны, протестанты присутствовали на католическом богослужении. Высоко над всеми алтарями, каждым храмом и каждой церквушкой на небесах появился божественный луч".^[249] Везде, где протестанты составляли большинство, они представляли собой самое трогательное зрелище братства.

Протестант г-н Рабо де Сент-Этьен был избран председателем Собрания — должность в то время более высокая, чем у трона. Он был сыном знаменитого протестантского мученика Севеннского, на которого долгие годы охотились, как на дикого зверя, когда он прятался в лесных берлогах, спасаясь от жестокости религиозных преследований. Достопочтенный родитель был еще жив и получил от своего сына письмо, содержащее заявление: "Председатель Национального собрания у ваших ног".

Высшие духовные лица были, однако, возмущены этим триумфом религиозной свободы. Им удалось в Монтобана и Ниме настроить толпу римско-католиков против протестантов. Невежественное население, возбужденное суевериями, схватилось за оружие, закричало "Долой нацию!" и обрушилось с самой жестокой резней на протестантов. Однако жестокое восстание было вскоре подавлено, причем без каких-либо ответных действий.^[250] Епископы предали анафеме каждого священника, дружественного Революционной революции, и навлекли на всех таких ненависть и презрение фанатичного населения. Епископ, который при старом режиме имел доход в восемьсот тысяч франков (160 000 долларов) и наслаждался своими дворцами, лошадьми и наложницами, призвал гнев Божий на викария,

который теперь получал от государства тысячу двести франков (240 долларов). Власть папских священнослужителей была настолько сильна, что большинство скромных викариев в конце концов были вынуждены отказаться от Революции и снова сплотиться вокруг скипетра папы.

Воздух все еще был полон слухов о заговорах с целью разогнать Собрание и увезти короля под защиту армии роялистов в Мец, где дворяне могли заставить его одобрить их курс на вторжение во Францию с иностранными армиями. 25 декабря маркиз Фаврюс был арестован по обвинению в организации заговора с целью захвата короля тридцатитысячной армией и убийства Лафайета и Байи. Говорили, что тысяча двести всадников были готовы в Версале, чтобы похитить короля, и что мощные силы, состоящие из швейцарцев и пьемонтцев, были организованы для похода на Париж. Сообщалось, что брат короля, граф Прованский, впоследствии Людовик XVIII, участвовал в заговоре и снабжал заговорщиков крупными суммами денег. Луи был готов к тому, чтобы его похитили как бы насильственным путем, но не желал брать на себя какую-либо ответственность, предпринимая меры по побегу. Он принял довольный вид и с такой очевидной сердечностью заявлял о сотрудничестве в принятии Ассамблеей мер по возрождению Франции, что многие предположили, что он искренне поддерживал народное дело.

СНОСКИ:

[233] Неопровержимые доказательства того, что таково было состояние общественного сознания, см. Вебер, том i, стр. 257; Болье, том ii, стр. 203; Друзья свободы, том iv, стр. 2-6; Мишле, том i, стр. 284.

[234] Вебер, очевидец приема короля в Париже, хотя и был ревностным роялистом, свидетельствует, что прием был самым добрым и ласковым со стороны народных масс. См. Вебер, том ii, стр. 228. См. также Артур Янг, том i, стр. 264-280.

[235] Замок Тюильри, пар-Руссель, в Истории. Часть, том iv., стр. 195.

[236] С тех пор этот зал был разрушен. Он стоял на месте, которое сейчас занимают дома № 36 и 38 по улице Риволи.

[237] Даже самые ревностные революционные журналы с неизмеримой суровостью осудили убийство Франсуа. Loustalot exclaimed, "Des Français! des Français! non, non de tels monstres n'appartiennent à aucun pays; le crime est leur element, le gibet leur patrie."

[238] 15 марта месье де Ламарк отнесся к Мирабо с одобрением придворных, но нашел его очень прохладным. Когда Ламарк надавил на него, он сказал, что трон может быть восстановлен, только установив его на основе свободы; что, если двор захочет чего-то другого, он будет противодействовать, вместо того чтобы служить ему. -Мишле, стр. 328.

[239] В подтверждение правильности этих замечаний смотрите заявления Мирабо, Лафайета и Александра де Лам.

[240] Мишле, том i, стр. 290.

[241] В армии было такое же неравенство. Согласно военному бюджету 1784 года, офицеры получали сорок шесть миллионов франков, а все солдаты - всего сорок четыре. "Это правда, - говорит Мишле, - что при Людовике XVI было добавлено еще одно жалование, выплачиваемое дубинкой. Это должно было имитировать знаменитую дисциплину Пруссии

и, как предполагалось, содержало в себе весь секрет побед Фридриха Великого: человеком управляли, как машиной, и наказывали, как ребенка ". Солдаты Империи знали, как оценить перемены.

[242] "Каждый был знаком с моралью прелатов и невежеством низшего духовенства. Викарии обладали некоторыми достоинствами, но не обладали информацией. Где бы они ни правили, они были препятствием для любого совершенствования людей и приводили их к регрессу. Приведу лишь один пример: Пуату, цивилизованный в шестнадцатом веке, стал варварским под их влиянием; они готовили для нас гражданскую войну в Вандее". —*Мишле*, стр. 222.

[243] В ходе этого обсуждения были выявлены некоторые любопытные факты, касающиеся способа получения части огромных доходов Церкви. Духовенство Презерватива пообещало простым, добросердечным крестьянам в обмен на большое количество зерна, что они будут каждый год проводить двести пятьдесят душ из чистилища прямо в Рай. В некоторых местах был установлен регулярный тариф за помилование преступников. Отпущение грехов за инцест можно было купить за один доллар, за поджог требовался один доллар с четвертью, за отцеубийство - один доллар, а за все грехи, вместе взятые, можно было получить отпущение грехов примерно за шестнадцать долларов. Эти цены кажутся очень умеренными. Но следует помнить, что крестьяне были *чрезмерно* бедны и не могли заплатить большие суммы даже для того, чтобы сбежать из чистилища. —*Виллиауме*, стр. 52.

[244] История монтаньяров, книга Альфонса Эскироса, стр. 25.

[245] В Сент-Антуанском предместье, население которого составляло тридцать тысяч человек, говорят, что было всего двести *активных граждан*. Марат в своих обращениях к "несчастливым гражданам предместий" призывал их голосовать, несмотря на постановление Ассамблеи. "Никакая сила под солнцем, - сказал он, - не может лишить вас избирательного права, которое присуще самому обществу".

[246] Цена на соль немедленно упала с четырнадцати су за фунт до менее чем одного су.—*Вильяуме*.

[247] Впервые гильотина была применена только в марте 1792 года,

[248] "Правительство Революции быстро устанавливалось. Ассамблея предоставила новому режиму его монарха, его национальное представительство, его территориальное деление, его вооруженные силы, его муниципальную и административную власть, его народные суды, его валюту, его духовенство; она договорилась о своем долге и нашла средства для восстановления собственности без несправедливости". —*Миге*, стр. 87.

[249] "Французская революция" Мишле, стр. 358.

[250] "Что делала Национальная ассамблея в это время в Париже?" Его более чем христианская кротость представляет собой удивительное зрелище". —*Мишле*, стр. 365.

ГЛАВА XIX.

КОРОЛЬ ПРИНИМАЕТ КОНСТИТУЦИЮ.

Король посещает Ассамблею.—Его речь.—Священники будят население.—Королевское жалованье.—Петиция Тальмы.—Взгляды Наполеона.—Осуждение и казнь маркиза

Фавруса.—Дух новой конституции.—Национальный юбилей. Королева сочувствует Народному движению. —Труды Эдмунда Берка.

4 февраля король, к всеобщему удивлению, без какого-либо предварительного объявления, вошел в зал Ассамблеи. Его появление было встречено взрывом приветствий. Весть об этом движении с электрической скоростью распространилась по Парижу, и тысячи зрителей быстро заполнили все части зала, чтобы послушать речь короля. Король поднялся на помост и обратился к Собранию со словами, полными достоинства и красноречия, которые, казалось, были выше его натуры. В каждой фразе была такая искренность, что никто не мог усомниться в том, что он высказывал свое истинное мнение. Эта замечательная речь содержала следующие выражения:[251]

"Джентльмены, критические обстоятельства, в которых оказалась Франция, привели меня к вам. Вашему взору предстает великая цель, но необходимо, чтобы она была достигнута без какого-либо усиления возбуждения и без каких-либо новых конвульсий. Должен сказать, что я надеялся подвести вас к этому в более приятной и спокойной форме, когда у меня возник план собрать вас и объединить для общественного блага таланты и мнения представителей нации; но мое счастье и моя слава не в меньшей степени связаны с успехом ваших трудов.

"Я думаю, что пришло время, когда для интересов государства важно, чтобы я присоединился более недвусмысленным и очевидным образом к осуществлению и успеху всего, что вы запланировали на благо Франции. Я не могу воспользоваться более знаменательным случаем, чем когда вы подчиняетесь моим указам, направленным на создание новой организации в королевстве, которая должна оказать столь важное и благоприятное влияние на счастье моих подданных и на процветание этой империи.

"Вы знаете, джентльмены, более десяти лет назад, в то время, когда пожелания нации относительно провинциальных собраний еще не были выражены, я начал заменять такой вид управления тем, который был санкционирован древней и давней привычкой. Вы усовершенствовали эти взгляды несколькими способами, и наиболее существенным, без сомнения, является то равное и мудро рассчитанное деление, которое, разрушая древние перегородки между провинциями и устанавливая общую и завершенную систему равновесия, теснее объединяет все части королевства в одном и том же духе, в одних и тех же интересах. Эта грандиозная идея, этот спасительный дизайн - все это ваше собственное. Я буду способствовать, я буду поддерживать всеми доступными мне средствами успех этой огромной организации, от которой зависит благополучие Франции.

"Пусть повсюду будет известно, что монарх и представители нации объединены одним интересом, одним желанием. Я искренне верю, что когда-нибудь каждый француз без исключения признает пользу от полного подавления различий в порядке вещей и условиях жизни. Несомненно, те, кто отказался от своих денежных привилегий, те, кто больше не будет устанавливать, как прежде, порядок в государстве, оказываются жертвами, важность которых я полностью осознаю; но я убежден, что у них хватит великодушия искать компенсации во всех общественных преимуществах, на которые надеется учреждение национальных собраний.

"Я буду защищать, следовательно, я буду отстаивать конституционную свободу, принципы которой были одобрены общественным желанием, в соответствии с моим. Я сделаю больше и, действуя совместно с королевой, которая разделяет все мои чувства, я как можно скорее приспособлю разум и сердце моего сына к новому порядку вещей, созданному обстоятельствами. Я приучу его с самых первых лет жизни искать счастья в счастье французов и всегда признавать, что, несмотря на язык льстецов, мудрая конституция

защитит его от опасностей неопытности и что справедливая свобода придает новую ценность чувствам привязанности и верности, которые нация на протяжении стольких веков столь трогательно доказывала своим королям".

Эти благородные слова, произнесенные со всей искренностью, на какую был способен слабый и колеблющийся ум, были восприняты с самыми восторженными выражениями удовольствия и благодарности. Зал наполнился громом аплодисментов, в котором шумно соединились галереи. Вся прошлая ревность, казалось, была забыта навсегда, и королева и дофин разделили всеобщее одобрение. Толпа с аплодисментами проводила короля обратно в Тюильри, в то время как Собрание проголосовало в знак благодарности ему и королеве.

Таким образом, король публично принял Конституцию еще до того, как она была завершена, и пообещал поддерживать ее. Каждый депутат принес присягу соблюдать "Конституцию, принятую Национальным собранием и королем". Пример оказался заразительным, и клятва была повторена с торжествами и иллюминациями в каждом районе Парижа и по всем городам и деревням Франции.

До сих пор принятые реформы были, в целом, в высшей степени мудрыми и соответствовали настоящим требованиям благосостояния нации. Если бы привилегированные классы присоединились, как им следовало бы сделать, к этим мерам правосудия и внесли свой вклад в поддержание закона и порядка, все могло бы быть хорошо, и "Илиада бед", которая последовала за ними, возможно, никогда бы не была известна. Но дворяне и высшее духовенство делали все, что было в их силах, чтобы подтолкнуть толпу к насилию, наполнить Францию беззаконием и кровью, чтобы они могли более эффективно апеллировать к религиозному фанатизму внутри страны и к деспотизму за границей, чтобы выковать цепи и заново заковать их в права граждан.

Теперь были предприняты все усилия, чтобы объединить духовенство против революции — поднять невежественные и суеверные массы криком о том, что религия в опасности, и двинуть армии окружающих монархий на вторжение во Францию. Представители Церкви и государства были ответственны за этот ужасающий взрыв толпы, который можно было бы легко подавить, если бы они объединились с истинными патриотами в защиту свободы и закона.[\[252\]](#)

Во многих сельских округах священники подстрекали фанатичное население к насильственному сопротивлению. Многие священники находились в состоянии почти обязательного подчинения высшему духовенству. Приученные к *послушанию* как к главному закону Церкви, они объединили свои усилия с усилиями разгневанной знати, и таким образом в нескольких отдаленных районах Франции были спровоцированы толпы против Революции. Здесь начался конфликт между народом и духовенством. Чистая демократия и истинное христианство встречаются и обнимаются. У них есть только один дух — братство, милосердие. Деспотизм и церковность также являются естественными союзниками по духу. Папа и король, кардинал и герцог по всей Европе стали сообщниками.

Ассамблея с большой деликатностью предложила самому королю установить размер дохода, необходимый для надлежащего содержания короны. Он установил сумму в двадцать пять миллионов франков (5 000 000 долларов). Это огромное жалованье, в двести раз превышающее то, которое получает президент Соединенных Штатов, было немедленно одобрено путем аккламации. Против было подано всего четыре голоса. Ничто не может более убедительно показать, чем это, добрые чувства народа к монарху и *тогдашнее* желание просто привить монархии институты свободы.

Революция гуманно протянула руку помощи всем униженным и обманутым классам, протестантам, евреям, неграм, рабам, театральным актерам. Безжалостное запрещение театральных деятелей - одно из самых замечательных противоречий и безобразий старого режима. Несомненно, это были очень ничемные мужчины и женщины; но то, что Церковь отказала им в браке или погребении, действительно удивительно. "О, варварские предрассудки!" - воскликнул Мишле. "Два первых человека Англии и Франции, автор *"Отелло"* и *"Тартюфа"*, разве они не были комедиантами?"

Несмотря на общий декрет о предоставлении демократических избирательных прав, провозглашенный Ассамблеей, всемирно известный Тальма, обратившись к Церкви с просьбой о проведении обряда венчания, который могла совершать только Церковь, получил категорический отказ. Он направил в Национальное собрание следующую характерную петицию:

"Я взываю к помощи конституционного закона и отстаиваю права гражданина, от которых Конституция меня не лишает, потому что я представитель театральной профессии. Я выбрал спутницу жизни, с которой хочу быть связан узами брака. Мой отец дал свое согласие. Я обратился к кюре Сен-Сюльпис с просьбой опубликовать объявление о помолвке. После первого отказа я вручил ему судебную повестку. Он отвечает шерифу, что передал этот вопрос своему церковному начальству, и они проинструктировали его, что Церковь отказывается совершать обряд венчания для актера, если он сначала не откажется от этой профессии. Я, правда, могу отказаться от своей профессии, жениться и на следующий день снова заняться своей профессией. Но я не хочу показать себя недостойным той религии, на которую они ссылаются против меня, и недостойным Конституции, обвиняя таким образом ваши декреты в ошибке, а ваши законы - в бессилии".^[253]

Именно такими способами Римская церковь начала чинить всевозможные препятствия на пути свободы и раздражать людей, радующихся своему новому получению избирательных прав.

Это был большой шаг, который предпринял Наполеон, когда впоследствии наградил Крестом Почетного легиона прославленного трагика. "Моей целью, - говорит Наполеон, - было разрушить всю феодальную систему, организованную Карлом Великим. Я искал истинные заслуги среди всех слоев огромной массы французов и стремился организовать истинную и всеобщую систему равенства. Я желал, чтобы каждый француз был допущен ко всем государственным должностям при условии, что он обладает талантами и характером, достаточными для выполнения своих обязанностей, независимо от того, кем может быть его семья. Одним словом, я стремился уничтожить до последнего следа привилегии древней знати и установить правительство, которое, хотя и держало бразды правления твердой рукой, оставалось бы *народным правительством*. Олигархи всех стран Европы вскоре поняли мой замысел, и именно по этой причине Англия развязала против меня войну не на жизнь, а на смерть. Знатные семьи Лондона, так же как и венские, считают себя имеющими законное право занимать все важные должности в государстве. Они рассматривают свое рождение как замену талантам и способностям".

Вскоре после вступления Наполеона в должность консула он восстановил во Франции христианскую религию, которую революционная ярость уничтожила. В соответствии со своими неизменными принципами он установил полную свободу мнений и вероисповедания. Некоторые из восстановленных священников начали проявлять большую часть своего бывшего высокомерия. В Париже умерла знаменитая актриса. Священник, переняв нетерпимость старого режима, отказался похоронить ее останки по-христиански.

Наполеон распорядился, чтобы на следующий день в "Монитор" была помещена следующая статья, выражающая его решительное осуждение:

"Викарий церкви Святого Роша в момент галлюцинации отказался от обряда погребения мадемуазель Камеройи. Один из его коллег, человек здравомыслящий, принял процессию в церкви святого Фомы, где отпевание было совершено с обычной торжественностью. Архиепископ Парижа отстранил викария Святого Роша на три месяца, чтобы дать ему время вспомнить, что Иисус Христос заповедал нам молиться даже за наших врагов. Будучи, таким образом, призван размышлением к надлежащему пониманию своих обязанностей, он может узнать, что все эти суеверные обряды, порожденные эпохой легковерия или безумного воображения, ведут только к дискредитации истинной религии и были запрещены недавним Конкордатом Французской церкви".

Судебный процесс над маркизом Фаврюсом был продолжен. 18 февраля он был признан виновным в подготовке убийства Байи и Лафайета, в захвате и похищении короля, а также в разжигании восстания и гражданской войны. Палач приговорил его к тому, чтобы он был доставлен к главным дверям собора Парижской Богоматери на тележке, босиком, с непокрытой головой, одетый просто в ночную рубашку, с веревкой на шее, с горящим факелом в руках и с ярлыком на груди и спине, на котором были написаны слова "Заговорщик против государства". После того как он на коленях попросил прощения у Бога, нации, короля и правосудия, он должен был зачитать вслух свой смертный приговор, а затем быть доставлен на Гревскую площадь и повешен. Этот жестокий приговор был немедленно приведен в исполнение, суд, сознавая свое бессилие, не предпринял никаких попыток спасти его.

Это был первый случай, когда был повешен дворянин, и толпа, считая его печально известным заговорщиком против прав народа, радовалась его казни. Они с восторгом наблюдали это свидетельство того, что царство *равенства* действительно началось; что меч возмездия отныне с такой же уверенностью обрушится на голову *высокородного*, как и на голову *низкородного* преступника.

Прошел уже почти год со дня падения Бастилии, и Франция, даже в разгар голода, почти доведенная до истощения, перешла от господства самого отвратительного деспотизма к господству конституционной свободы. Никогда прежде столь масштабная революция не совершалась так мирно. Порабощенный народ разорвал и сбросил свои оковы и получил гражданские права. Вместо того чтобы обрушиться на своих прошлых угнетателей в беспорядочной резне, они пощадили их, отняв у них только исключительные привилегии тирании. Ассамблея стремилась только к конституционной свободе и миру со всем миром. Декреты, принятые Учредительным собранием, по сути, совпадали с декретами, принятыми республиканской Америкой.

МАРКИЗ ФАВРЮС ЗАЧИТЫВАЕТ СВОЙ СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР.

В правительство были внедрены принципы свободы; *регистрационные грамоты*, самые гнусные инструменты угнетения, которые когда-либо знал мир, были упразднены; феодальные препятствия и притеснения любого рода устранены; избирательное право установлено и стало почти всеобщим; почетные должности и денежное довольствие в государстве были открыты для всех, но с малейшими ограничениями; провозглашена свобода вероисповедания, протестантам, евреям, неграм и театральным деятелям предоставлены избирательные права; законы унифицированы, уголовная юриспруденция реформирована, монастыри - эти прибежища праздности и порока упразднены, а военная сила страны вверена гражданам страны. Такой трансформацией от рабства, коррупции и ужаса старого режима был перевод из темницы в сияние дня. Все это было сделано почти без насилия. Придворные то тут, то там расстреливали несколько сотен человек, некоторые замки были сожжены, и имело место несколько актов насилия толпы; но то, что двадцатимиллионная нация смогла так бескровно осуществить столь масштабные перемены, всегда должно быть чудом.

Но армии аристократической оппозиции собирались, чтобы сокрушить эту свободу, которая угрожала распространиться на другие государства. Деспотическая Европа объединилась и со всеми своими накопленными армиями обрушилась на народ Франции. Недавно освобожденный народ сражался, чтобы защитить себя от новых цепей, со всей слепой яростью отчаяния. Затем последовали сцены крови и горя, которые потрясли мир.[\[254\]](#)

Французский народ, не подозревая о надвигающейся ужасной буре, готовился к великому национальному юбилею. Он должен был состояться 14 июля, в годовщину падения Бастилии. На фестивале должна была быть представлена вся Франция. Марсово поле, обширный плац в Париже, длиной в милю и шириной в полмили, простирающийся от военного училища до берегов Сены, было выбрано местом проведения этого национального праздника. Центр был сделан гладким, как пол, а удаленная земля была уложена по бокам таким образом, чтобы создать склоны в форме амфитеатра, способного вместить почти полмиллиона зрителей. Но предстояла такая огромная работа, что в конце концов возникли опасения, что поле не будет готово к назначенному празднику вовремя. Как только была выдвинута эта идея, весь Париж в порыве энтузиазма вызвался помочь в этом нелегком труде.

Более экстраординарной сцены энтузиазма земля никогда не видела. Все головы и сердца были наэлектризованы. Мужчины, женщины и дети всех возрастов и званий рассредоточились по полю и участвовали в тяжелом труде. Картезианский монах и философ-скептик, монахиня в капюшоне и мускулистая женщина-рыба, торговцы, юристы, студенты, эрудиты, седовласые патриоты и порывистые юноши, матроны и девы, хрупкие леди и суровые дочери тяжелого труда гармонично сливались в огромные группы, всегда разнообразные, постоянно движущиеся, но управляемые инженерами с почти военной точностью. Движущиеся палатки и переносные ресторанчики, украшенные трехцветными лентами, добавляли веселости зрелищу. Трубы возвещали атаку на земляные валы, и умелые руки энергично приводили в действие все мощные механизмы - тачки, мотыги и лопаты. Музыкальные группы оживляли сцену, смешиваясь с криками радости и песнями братского сочувствия. Таким образом, триста тысяч человек одновременно трудились на этой просторной арене, воздвигая алтарь для великого таинства французской свободы. Это была работа любви. Долгие сумерки позволили им работать до тех пор, пока часы не пробили девять. Затем группы разделились. Каждый отправился на станцию своего отделения и двинулся процессией, сопровождаемый триумфальной музыкой и зажженными факелами, к своему дому. Даже маркиз Ферьер, каким бы закоренелым роялистом он ни был, не может сдержать своего восхищения этой удивительной драмой. "Разум опускался, - говорит он, - под тяжестью восхитительного опьянения при виде целого народа, который снова опустился до сладостных чувств первобытного братства".

ПОДГОТОВКА К ФЕСТИВАЛЮ На МАРСОВОМ ПОЛЕ.

Таким образом, поле было подготовлено, и долгожданный день настал. Многочисленные делегаты из всех восьмидесяти трех департаментов Франции прибыли в Париж, чтобы принять участие в праздновании предоставления стране избирательных прав. Утро 14-го выдалось темным и ненастным. Тяжелые тучи заволокли небо, и дождь хлынул потоками. Несмотря на неблагоприятную погоду, в ранний час четыреста тысяч зрителей заняли свои места в огромном амфитеатре протяженностью три мили.

Делегаты, числом двадцать тысяч человек, выстроились под восемьдесятю тремя знаменами с символикой департаментов Франции, выстроились в линию на месте разрушенной Бастилии и в сопровождении великолепного строя линейных войск, моряков королевского военно-морского флота и Национальной гвардии прошли маршем по многолюдным улицам Сен-Мартен, Сен-Дени и Сент-Оноре, а также по *Королевскому кур-ла-Рейн* к сооруженному через реку лодочному мосту. Всю дорогу их встречали одобрительными возгласами, и дамы роскошно угощали их, доставая из окон в корзинах вино, ветчину и фрукты. Местные жители кричали "Да здравствуют наши парижские братья!", и парижане отвечали им соответствующими приветствиями, проявляя безграничное гостеприимство и любящую доброту.

Для патриота Лафайета это был час невыразимого триумфа. Когда он проезжал вдоль строя на благородном коне, его повсюду приветствовали криками искренней привязанности. Человек, которого никто не знал, протиснулся сквозь толпу и, подойдя к генералу с бутылкой в одной руке и стаканом в другой, сказал:

- Генерал, вам жарко. Выпейте стакан.

Подняв бутылку, он наполнил стакан и протянул его Лафайету. Маркиз взял бокал, на мгновение задержал взгляд на незнакомце и залпом выпил вино. Эта уверенность Лафайета в толпе вызвала взрыв аплодисментов.[\[255\]](#)

Как раз в тот момент, когда процессия вышла на поле и крики тысяч собравшихся зазвучали в воздухе, дождь прекратился, тучи разошлись, и выглянуло солнце в великолепном сиянии. Теперь зрелище приобрело вид несравненного величия. Недалеко от центра поля был сооружен огромный алтарь внушительной античной архитектуры, на просторном помосте высотой в двадцать пять футов которого собрались триста священников в белых стихарях и широких трехцветных поясах. Возле этого алтаря возвышался величественный трон, на котором восседал король, признанный суверен Франции, в сопровождении королевы, двора и всех депутатов того Учредительного собрания, которое даровало Франции неоценимое благо свободной конституции.

Тент, украшенный золотыми *лилиями*, украшал и защищал трон. Пятьдесят тысяч солдат Национальной гвардии в новой блестящей форме, с развевающимися знаменами, боевыми перевязями, сверкающим оружием и богато убранными лошадьми заполнили пространство вокруг алтаря и трона. Затем четыреста тысяч зрителей заполнили возвышающиеся сиденья, которые тридцатью концентрическими рядами окружали это обширное пространство. Крыши всех домов и шпили в окрестностях кишели ликующей толпой, и даже отдаленные высоты Монмартра, Сен-Клу, Медона и Севра, казалось, были переполнены толпами, собравшимися поглазеть на великолепное зрелище. Капли слез прошедшей грозы, свисавшие с листьев и дрожавшие на каждой травинке, блестели на солнце, словно предвещая, что день тьмы и печали миновал и забрезжил свет, когда слезы должны были высохнуть у каждого из глаз.

Все сердца трепетали от волнения. Была отслужена месса, и орифламма, национальное знамя Франции, и знамена восьмидесяти трех департаментов были благословлены Талейраном, епископом Отена. Затем благодарность Богу была выражена в величественном *Te Deum*, исполняемом двенадцатью сотнями музыкантов. Раскат грома из собранных пушек произнес национальное "Аминь" в честь этих торжественных богослужений.

Лафайет, как представитель вооруженных сил королевства, как на суше, так и на море, взошел на алтарь и в присутствии более полумиллиона зрителей от имени армии и военно-морского флота принес присягу на верность. Затаившая дыхание тишина воцарилась в зале, и все взгляды были прикованы к этому патриоту двух континентов, когда он произносил торжественные слова:

"Мы клянемся в вечной верности нации, закону и королю; поддерживать, насколько это в наших силах, Конституцию, принятую Национальным собранием и королем, и оставаться связанными с каждым французом неразрывными узами братства". "Мы клянемся в вечной верности нации, закону и королю".

Когда он приблизился, все знамена развевались, каждая сабля сверкала, и шестьдесят тысяч голосов кричали, как раскаты грома: "Мы клянемся в этом!"

Затем председатель Национального собрания повторил клятву, и все депутаты и четыреста тысяч зрителей ответили: "Мы клянемся в этом".

Затем король встал перед своим тронном. Громким, отчетливым голосом, который, казалось, разнесся в неподвижном воздухе до самой отдаленной части огромного и переполненного амфитеатра, он повторил торжественную клятву,

"Я, король Франции, клянусь нации использовать все полномочия, делегированные мне конституционным законом государства, для поддержания Конституции, утвержденной Национальным собранием и принятой мной".

ГРАНДИОЗНЫЙ ПРАЗДНИК На МАРСОВОМ ПОЛЕ.

Более возвышенного момента никогда не было в истории нации. У каждого сердце трепетало, а тысячи глаз были затуманены слезами. Даже королева была взбудоражена энтузиазмом, вызванным этой сценой. Вдохновленная порывом, который пылал в каждой груди, она встала, вышла вперед, к народу, и, подняв на руки своего прекрасного мальчика, маленького дофина, громко сказала:

"Посмотри на моего сына! он присоединяется, как и я, к той же клятве".

Все взоры были прикованы к этому действию, и слова, которые она произносила, повторялись с электрической скоростью вдоль строк. Энтузиазму не было границ. Зрители поднялись со своих мест, и воздух наполнился ревом пятисот тысяч голосов, когда все мужчины, женщины и дети закричали: "Да здравствует король! Vive la Reine! Vive le Dauphin!" Толпы на Монмартре, Сен-Клу, Севре и Медоне подхватили этот крик и повторили его гулким эхом. А затем раздался новый раскат, еще более громкий, когда батарея за батареей артиллерии на поле боя, на мостах, на улицах и на высотах одновременно смешивали свои величественные голоса с бряцанием боевых оркестров и приветствиями возрожденной Франции.

Казалось, Бог улыбнулся этому юбилею своих облеченных избирательными правами детей. Все облака рассеялись. Ярко светило солнце, и Величие небес, по-видимому, снизошло до того, чтобы принять видное участие в церемониях этого богатого событиями дня. В заключение огромный хор снова пропел "*Te Deum*", и гулкая пушка провозгласила "Мир нации и хвалу Господу".

В тот же час вся Франция, собравшаяся в восьмидесяти трех департаментах, принесла одинаковую клятву верности нации, закону и королю. Казалось, разногласия миновали. Не было слышно ропота. Ни один человек не подал голоса протеста. Общая волна ликования неудержимо прокатилась по стране. С горы на гору грохот пушек разносил весть, из долины в долину перезвон церковных колоколов подхватил и повторил радостный звук, и от центра Парижа до океана, до Рейна, Альп и Пиренеев двадцать четыре миллиона человек за один час подняли крик освобождения. Такой крик никогда ни до, ни после не доносился с земли до ушей Бога.

В течение недели эти ликования продолжались в Париже. Марсово поле было превращено в огромный балльный зал, где тысячи людей слушали чарующую музыку и в порыве братской любви предавались пиршествам, танцам и всевозможным играм. Ночью город сверкал иллюминациями, и пламя фейерверков превращало тьму в день. Деревья на Елисейских полях были украшены яркими лампами, проливавшими мягкий свет на самые привлекательные сцены. Не было ни опьянения, ни суматохи, ни замешательства. Представители всех классов смешались, с добрыми словами на устах у каждого и добрыми взглядами, сияющими с каждого лица. Каретам не разрешалось въезжать на эти проспекты, чтобы богатые и бедные могли одинаково участвовать в празднестве. Огненные пирамиды были расставлены через равные промежутки времени посреди массы листвы. Белые платья дам, прогуливавшихся по этим затененным аллеям, музыка, танцы, игры, взрывы смеха вселили почти в каждого обманчивую надежду, что старый мир забот и печалей исчез, уступив место новой зре всеобщей любви и радости.[\[256\]](#)

Территория Бастилии была превращена в открытую площадь, а у входа на территорию была надпись "*Ici l'on danse*" (Танцую здесь). Веками стоны узника разносились под сводами этой отвратительной тюрьмы. Стоны теперь прекратились, и счастливые сердца трепетали от возбуждения от песни и танца.

Лафайет устроил великолепный смотр Национальной гвардии. Король, королева и дофин присутствовали на смотре и были тепло встречены народом. Королева приняла примирительный вид и милостиво протянула делегатам руку для поцелуя.

Делегаты от департаментов, прежде чем покинуть Париж, все вместе отправились засвидетельствовать свое почтение королю. В один голос они выразили ему свое уважение, благодарность и привязанность. Вождь бретонцев опустился на колени и протянул монарху свой меч.

"Сир, - сказал он, - я вручаю вам чистый и священный меч верных бретонцев. Он никогда не будет запятнан иначе, как кровью твоих врагов".

LOUIS XVI. И ДЕПУТАЦИЯ БРЕТОНЦЕВ.

Сердце добросердечного короля было тронут. Он вернул меч и, обвив руками шею вождя бретонцев, сказал прерывающимся от волнения голосом:

- Этот меч не может быть в лучших руках, чем у моих дорогих бретонцев. Я никогда не сомневался в их верности и привязанности. Заверьте их, что я отец, брат и друг всех французов".

На мгновение воцарилась тишина, и все были одинаково тронуты трогательной сценой. Затем вождь бретонцев ответил:

"Сир, все французы, если я могу судить по нашим сердцам, любят и будут любить вас, потому что вы гражданин короля".

Многие из самых влиятельных людей Англии с восхищением созерцали эту грандиозную реформу, в ходе которой, выражаясь языком профессора Уильяма Смита, одного из самых искренних английских писателей, "предполагалось, что Учредительное собрание освободило страну от мирского и духовного рабства; правительство опиралось на свободные принципы; Бастилия была разрушена, *письменные свидетельства* отменены, феодальные препятствия и притеснения любого рода устранены, установлена свобода вероисповедания, система права унифицирована, уголовное судопроизводство реформировано, монастыри упразднены; и благодаря поскольку вооруженные силы состояли из граждан страны, свобода и все эти новые и весомые преимущества, казалось, были навсегда защищены от махинаций произвольной власти".

The *аристократия* Англии и Европы, однако, была встревожена. Эмансипация *народа* во Франции угрожала их эмансипации во всем цивилизованном мире. Эдмунд Берк

поддерживал дело аристократии. С непревзойденным красноречием он подтолкнул Англию и Европу к войне. Ввиду своих яростных оскорблений Мишле восклицает языком, который еще будет признан миром не слишком суровым:

Мистер Питт, чувствуя уверенность в европейском союзе, не колеблясь заявил в открытом парламенте, что одобряет каждое слово обличительной речи Берка против революции и Франции — позорной книги, полной клеветы, грубых оскорблений и оскорбительного шутовства; в которой автор сравнивает французов с рабами на галерах, разрывающими свои цепи, попирает ногами декларацию прав человека, рвет ее на куски и плюет на нее. О! какое жестокое, болезненное открытие. Те, кого мы считали нашими друзьями, оказались нашими злейшими врагами".[257]

Тридцать тысяч экземпляров памятных "Размышлений" Берка были проданы почти за день. Правители Европы были в таком приподнятом настроении, что выразили ему свою благодарность. Дворяне и высшее духовенство Франции писали ему благодарственные письма, а знать Англии расточала ему свои аплодисменты. Эти "Размышления" объединили аристократическую Европу против народных прав, и у людей не осталось иного выхода, кроме как защищать свои свободы мечом.

СНОСКИ:

[251] Полный текст речи см. в Thiers, vol. i., стр. 126.

[252] М. Фромон в своих мемуарах, озаглавленных *"Обзор различных исторических событий, связанных с революцией"*, очень откровенно пишет: "Я тайно отправился в Турин (январь 1790 г.), к французским принцам, чтобы заручиться их одобрением и поддержкой. На совете, который состоялся по моему приезду, я продемонстрировал им, что, если бы они вооружили сторонников алтаря и трона и поставили интересы религии рука об руку с интересами королевской власти, это спасло бы и то, и другое. Настоящим аргументом революционеров была сила, и я чувствовал, что настоящим ответом была сила. Тогда, как и сейчас, я был убежден в этой великой истине — что *только религиозное рвение может подавить республиканскую манию*."

"Вследствие этого страха (перед новым порядком вещей) они тайно привели в действие наиболее эффективные средства для разрушения внутренних ресурсов и срыва предложенных планов, некоторые из которых были рассчитаны на восстановление порядка, если бы ими мудро руководили и поддерживали".

[253] "Нет страны в мире, - говорит Вольтер, - где было бы так много противоречий, как во Франции. Король выплачивает актерам жалованье, а кюре отлучает их от церкви".

[254] "Вся Европа — с одной стороны Австрия и Россия, с другой Англия и Пруссия — постепенно склонялась к одной и той же мысли, ненависти к Революции. Однако разница заключалась в том, что либеральной Англии и философствующей Пруссии потребовалось немного времени, чтобы перейти от одного полюса к другому — заставить себя солгать, отречься от своих принципов и признать, что они были врагами свободы". — *Мишле*, стр. 327.

[255] Мемуары маркиза Ферьерского.

[256] Никто, знакомый с писаниями того времени, не подтвердит, что это описание слишком преувеличено. В этом пункте патриоты и роялисты сходятся во мнении. См. Ферьер, т. ii., стр. 89, со стороны роялистов, и Альфонс Эскирос, стр. 38, со стороны революционеров.

ГЛАВА XX.

БЕГСТВО КОРОЛЯ.

Беспорядки в Нанси.—Судебное преследование Мирабо.—Выдача ассигнаций.—Интервью Мирабо королеве.—Четыре политические партии.—Епископы отказываются приносить присягу Конституции.—Характер эмигрантов.—Тетушки короля пытаются покинуть Францию.—Дебаты об эмиграции.—Смущение Ассамблеи.—Смерть Мирабо.—Его похороны.—Королю запретили посетить Сен-Клу.—Двуличие короля.—Конференция союзников.—Их план вторжения.—Меры по побегу короля.—Бегство.

Торжественные дни на Марсовом поле, посвященные принятию Конституции, вскоре прошли. Двадцать тысяч делегатов, наевшись досыта, разошлись по домам; Учредительное собрание возобновило свою работу.[258] Заботы и тяжкий труд жизни снова тяжело легли на измученные налогами и обнищавшие миллионы французов.

Бельгийцы, подражая Франции, начали борьбу за свободу. Король Франции разрешил Австрии направить свои войска через французскую территорию в Бельгию, чтобы сокрушить патриотов. Многие из наиболее влиятельных противников революции все еще покидали Францию и объединялись с вооруженными эмигрантами на границах. Англия, Австрия, Сардиния и Пруссия явно заключали союз, чтобы наказать французских патриотов и восстановить тиранию отвратительного старого режима. Суд, ободренный этим разбирательством, хвастался быстрым разгромом, который должен был сокрушить сторонников реформы, и начал судебное преследование Мирабо, герцога Орлеанского и других представителей народной партии за подстрекательство к движению 5 и 6 октября, когда королевская семья была перевезена из Версаля в Париж. Эти движения вызвали большую тревогу, и даже королевские войска в Меце и Нанси, которые в основном состояли из швейцарцев и немцев, вступили в братство с населением.

Был издан указ о новом выпуске облигаций на восемьсот миллионов, или *ассигнаций*, которые довольно обильно пополнили казну. Никогда еще не было бумажной валюты, созданной на основе столь ценного залога или подкрепленной более обширным и несомненным обеспечением. Ассигнации представляли собой все общественное достояние и могли в любое время быть обменены на наиболее ценную земельную собственность. Тем не менее, Талейран с исключительной точностью предсказал путаницу, которая в конечном итоге возникла в результате этих проблем.

В величественном ходе событий Неккер на некоторое время канул в лету. Король был вынужден отозвать его. Ненавидимый двором, забытый Собранием, забытый народом, он вскоре счел свое положение невыносимым и, подав прошение об отставке, удалился в Швейцариюэрланд, откуда с безопасного места наблюдал за ужасающими сборищами революционной бури.

Гражданская война, несомненно, разразилась бы в тот момент, когда двор смог бы завладеть личностью короля. Податливый характер монарха немедленно поддался бы влиянию, которое его окружало, и двор при таких обстоятельствах без труда убедил бы его санкционировать любые акты насилия, чтобы восстановить свою власть. Но пока король

находился в Париже, в руках Собрания, он санкционировал декреты Собрания, и, таким образом, аристократы не могли вести войну против патриотов, не ведя в то же время войны против короля. Иностранные монархии невозможно было склонить к этому шагу. Таким образом, удержание короля означало мир; его бегство - гражданскую войну. Двор строил бесчисленные планы по осуществлению его побега. Лафайет, возглавлявший Национальную гвардию, полностью осознавал ответственность за его охрану с предельной бдительностью. Король, по-видимому, был предоставлен полной свободе, но за ним постоянно наблюдали. Королева чрезвычайно стремилась к бегству. Король постоянно колебался, но в целом под влиянием таких советников, как Мирабо и Лафайет, был склонен принять Революцию. Его также преследовала мысль, что его кузен, герцог Орлеанский, хотел запугать его и обратить в бегство, чтобы Ассамблея объявила трон вакантным и вложила скипетр в руки герцога как заклятого друга и сторонника Революции.

Мирабо начал свою карьеру как один из самых ярких сторонников реформ, но теперь он хотел остановить продвижение революционной колесницы, поскольку утверждал, что она вышла за рамки своей истинной цели. Некоторые объясняли его поведение взяточничеством со стороны суда. Его друзья говорят, что на него повлиял только его собственный патриотический разум. В Сент-Клу на вершине холма, венчающего самую высокую часть парка, есть бывшая беседка, утопающая в зелени. Королева назначила собеседование с Мирабо в этом уединенном месте.

Гениальный государственный деятель, который, казалось, держал в своих руках судьбы Франции, однажды вечером выехал верхом из Парижа под предлогом визита к другу. Избегая внимания, он свернул на боковую дорожку, пока не добрался до задних ворот парка. Здесь в темноте его встретил дворянин, который проводил его к покоям королевы, ожидавшей его приема. Его здоровье уже было подорвано распутством и неустанными трудами. Его щеки ввалились, глаза воспалены, желтоватый цвет лица и дряблая полнота свидетельствовали о разрушительных последствиях болезни; но, несмотря на все эти недостатки, его добродушие и учтивая осанка делали его одним из самых очаровательных людей.^[259]

Королеве было тогда тридцать пять лет. Заботы и горе, к сожалению, омрачили ее изумительную красоту. Ее гордый дух был огорчен тем, что она была вынуждена искать поддержки у одного из лидеров народа. Но мало что известно о том, что происходило во время этой частной беседы. В конце церемонии Мирабо сказала королеве:

- Мадам, когда ваша августейшая мать удостоивала чести присутствовать кого-либо из своих подданных, она никогда не отпускала его, не позволив поцеловать ей руку.

Королева, отвечая на галантность, милостиво протянула руку. Мирабо, низко поклонившись, поцеловал его, а затем, подняв голову, гордо сказал:

- Мадам, монархия спасена.^[260]

Внезапно Мирабо разбогател, обзавелся каретой, роскошно обставил свой дом и устраивал великолепные приемы. Он немедленно начал курс осторожных, но энергичных мер по свержению Конституции и установлению другой, менее демократической, которая должна была придать королевской власти больше стабильности и эффективности. Он подтвердил, что это было необходимо для мира и процветания Франции, и что вместо того, чтобы быть подкупленным двором, он подкупил двор своими взглядами.

"Но предположим, суд откажется, - сказал один из его друзей, - утвердить ваши планы?"

"Они обещали мне все", - ответила Мирабо.

"А если предположить, что они не сдержат своего слова?" на это ответили.

"Тогда, - сказал Мирабо, - я свергну трон и установлю республику".

Вряд ли можно отрицать, что Конституция была слишком демократической для монархии и едва ли достаточно демократической для республики. При естественном ходе событий общественное мнение склонялось либо к укреплению трона, либо к еще большему ограничению его прерогатив. Теперь во Франции было четыре партии. Первая состояла из старых аристократических классов духовенства и знати, ныне в основном эмигрантов, занятых созданием коалиции окружающих монархий для подавления Революции и восстановления огнем и мечом отвергнутого деспотизма бурбонов.

Второй класс состоял из короля и Мирабо, причем королева неохотно соглашалась с его принципами, и других представителей знати и священников, которые были склонны, одни по собственному выбору, а другие из сознания необходимости, частично принять Революцию. Они были готовы принять конституцию, которая должна была серьезно ограничить старые прерогативы короны. Но они хотели отказаться от принятой ныне конституции и сформировать другую, менее демократическую, которая по-прежнему предоставляла бы королю многие прерогативы.

Третья партия состояла из подавляющего большинства Ассамблеи, возглавляемой искренними и бесхитростными патриотами, такими как Лафайет, и поддерживаемой, вероятно, подавляющим большинством самых чистых и лучших людей королевства, которые поддерживали конституцию, принятую нацией. Хотя они и не считали ее совершенной, они чувствовали, что это благородный шаг в правильном направлении и что спасение свобод Франции теперь зависит от верности этой конституции.

Существовал четвертый класс, беспокойный, буйный, неосведомленный, состоявший из низшей части населения, которых крик "Аристократия" когда-либо приводил во френсис, которые были готовы к любым актам насилия и которые считали тиранией ту твердость закона, которая защищала порядок, собственность и жизнь. Они занимали самую низкую из возможных демократических платформ.

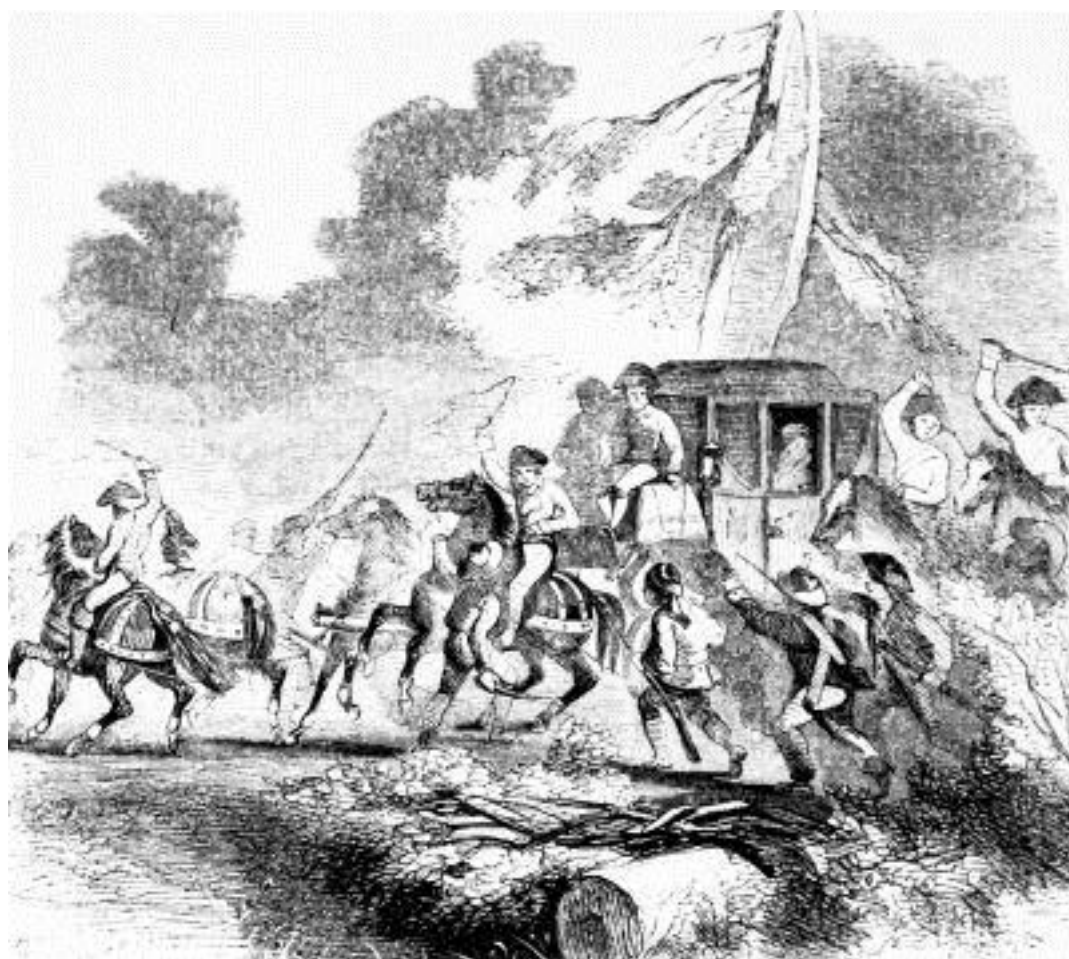
Таково было положение Франции, когда Учредительное собрание теперь пыталось укрепить новые институты и вывести гармонию из хаоса, в который была ввергнута нация. Находясь в этих условиях беспрецедентной опасности, объединенная Европа искала возможности наброситься на обезумевшую нацию.

Все государственные служащие были обязаны принести присягу новой конституции. Духовенство, будучи связанным законами Римской церкви, обратилось к Папе за инструкциями. В то же время противостоящие епископы и знать написали папе римскому, призывая его воздержаться от своего согласия.^[261] Король санкционировал указы. Папа под разными предлогами откладывал ответ. Вследствие этого многие епископы и викарии отказались принести присягу. Ассамблея не была расположена ждать решения иностранного монарха и, приняв тех епископов и викариев, которые принесли присягу, немедленно назначила новых епископов и викариев на место тех, кто отказался. Справедливо и откровенно Ассамблея заявила, что она не желает насиловать совесть, но что

она не может назначать государственными служащими тех людей, которые отказались принести присягу на верность Конституции королевства. Это усилило раздражение и позволило многим епископам обратиться к фанатичному населению с призывом подняться на защиту Церкви, находящейся в опасности.

Теперь эмигранты собрались в Кобленце, на территории курфюрста Тревского, и в других пунктах границы.^[262] Эти люди, составлявшие то, что называлось двором, состояли в основном из высшей знати, которая долгое время была избалована милостями монархии и которая с презрением смотрела на дворян сельских округов. Надменные, распутные и легкомысленные, они презирали любое обращение за поддержкой к народному ополчению, даже к народному фанатизму. Единственным средством, к которому они могли бы прибегнуть, были армии Англии, Австрии и Пруссии. Сельская знать, с другой стороны, и сельские епископы тайно организовывали своих друзей внутри королевства, чтобы яростно обрушиться в гражданской войне на патриотов, как только солидные батальоны союзников пересекут границы.^[263]

При таком положении вещей тетки короля решили покинуть Францию. Они ехали в своем экипаже по дороге в Рим до Арне-ле-Дюка, когда их арестовали. Лихорадочное состояние общественного сознания привело к подозрениям, что их эмиграция может ускорить надвигающуюся опасность. Ассамблея обсудила вопрос о том, следует ли разрешить дамам уехать. Вопрос был решен благодаря проницательной вылазке Мену.

ТОЛПА, ВЫСТУПАЮЩАЯ ПРОТИВ БЕГСТВА ТЕТУШЕК КОРОЛЯ.

"Вся Европа, - сказал он, - будет поражена, узнав, что большое Собрание потратило несколько дней на то, чтобы решить, будут ли две пожилые дамы служить мессу в Париже или в Риме".

Достойные дамы продолжили путешествие без перерыва. Следующий по старшинству брат короля, которого обычно называли месье, впоследствии Людовик XVIII, остался с королем в Париже. Однако следующий брат, граф д'Артуа, впоследствии Карл X., активно участвовал вместе с эмигрантами в Кобленце. Теперь на рассмотрение Ассамблеи был вынесен очень сложный вопрос, касающийся эмиграции. Запрещать французским гражданам выезжать из Франции или въезжать во Францию по своему усмотрению казалось грубым актом тирании. С другой стороны, враги возрожденной Франции ежедневно покидали королевство со всеми ресурсами, которые они могли собрать; и с границы, где они замыслили иностранную и гражданскую войну, они постоянно проникали в королевство, чтобы подготовиться к вторжению.

Мирабо, который в это время готовил побег короля, со своей обычной горячностью и непреодолимой дерзостью выступал против любого закона, запрещающего эмиграцию.[\[264\]](#)

"Я признаю, - сказал он, - что в настоящий момент этой свободой пользуются плохо. Но это никоим образом не санкционирует эту абсурдную тиранию. Я прошу вас помнить, что я всю свою жизнь боролся с тиранией и что я буду бороться с ней везде, где я ее найду. Популярность, к которой я стремился и которой наслаждался, - не слабая трость. Я воткну ее глубоко в землю и заставлю ее взойти на почве справедливости и разума. И теперь я торжественно клянусь, что, если будет принят закон против эмиграции, я клянусь не подчиняться вам".[\[265\]](#)

Ассамблея действительно оказалась перед дилеммой. Они не могли запретить эмиграцию, не нарушив грубо декларацию прав, которую они только что приняли с торжественностью, привлечшей внимание всего мира. Они не могли допустить такого потока эмиграции, не подвергнув Францию разорению, поскольку было хорошо известно, что дворяне со всем богатством, которое они могли накопить, пересекали границы только для того, чтобы организовать свои армии для вторжения во Францию.

Мирабо никогда не проявлял такой силы, как в этом случае, наводя ужас на Собрание и командуя им. Ему удалось приостановить эту меру. Это, однако, был его последний триумф. Болезнь быстро разрушала его организм, и приближалась смерть. Внезапный приступ колик приковал его к постели, и вскоре всякая надежда на выздоровление исчезла. Он по-прежнему был кумиром народа, и толпы людей в затаившем дыхании молчании толпились вокруг его жилища, желая получить сводки о его здоровье. Король и народ одинаково скорбели, ибо оба опирались на эту сильную руку.

Он не смог сдержать выражения удовлетворения при виде своих трудов и достижений. Своим слугам он сказал: "Поддержите этого руководителя, величайшего во Франции". "Уильям Питт, - заметил он, - министр подготовки. Он правит с помощью угроз. Я бы доставил ему неприятности, если бы был жив".[\[266\]](#) Утром в день своей смерти он сказал дежурному:

- Открой окно. Я умру сегодня. Все, что сейчас можно сделать, - это окутать себя благовониями, увенчать себя цветами, окружить себя музыкой, чтобы спокойно погрузиться в вечный сон".

Вскоре, в пароксизме крайней агонии, он потребовал опиум, сказав: "Ты обещал избавить меня от ненужных страданий".

Чтобы успокоить его, ему поднесли чашку, и он был обманут, уверив, что в ней содержится желанный смертельный опиат. Он проглотил лекарство и через мгновение скончался на сорок втором году жизни. Это было 2 апреля 1791 года. Его смерть вызвала глубокое горе. Все стороны наперебой воздавали почести его останкам. Нация объявила траур, были устроены пышные похороны, и тело было опущено в гробницу с помпой, превосходящей ту, которая сопровождала погребение древних королей Франции. До сих пор лелеются подозрения, что Мирабо умерла жертвой яда.[\[267\]](#)

Похороны Мирабо были самыми впечатляющими, популярными и масштабными из всех, зарегистрированных в истории, за исключением того беспрецедентного проявления национальной благодарности и скорби, которое сопровождало перенос останков Наполеона с острова Святой Елены в дом инвалидов. Подсчитано, что в похоронном представлении Мирабо приняли участие четыреста тысяч человек. Улицы были окутаны трауром, а тротуары, окна, балконы и крыши домов были заполнены печальными и молчаливыми зрителями.

Лафайет возглавлял огромную процессию, за ним следовало все Учредительное собрание и весь клуб якобинцев, которые плотной массой выступали главными скорбящими по этому случаю, хотя Мирабо некоторое время держался в стороне от их бурных собраний. Было восемь часов вечера, когда процессия прибыла к церкви Святого Евстафия, где Черутти произнес надгробную речь. Затем двадцать тысяч солдат Национальной гвардии разом пустили в ход оружие. От удара закачались сами стены церкви, разнесся на атомы каждое оконное стекло.

Наступила ночь, и при свете сотен тысяч факелов процессия возобновила свой путь. Были изобретены новые музыкальные инструменты, которые тогда были услышаны впервые, — тромбон и тамтам. Когда огромная процессия пересекала улицы в мрачных тенях ночи, освещенная отблесками мерцающих факелов, звоном колоколов, сливающимся то с завываниями песнопений, то с раскатами реквиемов боевых оркестров, все элементы возвышенности, казалось, вместе воздействовали на сердце и вселяли благоговейный трепет в душу. Было около полуночи, когда саркофаг опустили в усыпальницу в церкви Святой Женевиевы, над порталом которой были начертаны следующие слова:

"AUX GRANDS HOMMES LA PATRIE RECONNAISSANTE."

Мирабо был главным духом Революции. После его смерти множество людей боролось за лидерство, и ни один человек не обладал достаточной известностью, чтобы достичь и удержать его. Похороны Мирабо были похоронами освобожденной Франции. С этого часа Революция стремительно катилась к гибели.

"Время, - пишет Мишле, - которое раскрывает все, не выявило ничего такого, что действительно доказывало бы обоснованность упрека в государственной измене. Реальная транзакция Миры бо была ошибкой, серьезной, фатальной ошибкой, но такой, которую тогда в разной степени разделяли все. В то время все люди, принадлежавшие к любой партии, от Казалеса и Мори до Робеспьера и даже Марата, верили, что Франция придерживается роялистских взглядов. Все люди хотели короля. Число республиканцев было поистине незаметным. Мирабо считал, что необходимо иметь короля, обладающего властью, или вообще без короля. Это правда, что Мирабо, по-видимому, получал суммы для покрытия расходов на свою огромную переписку с Департаментами - своего рода министерство, которое он организовывал в своем собственном доме. Он использует это тонкое выражение — это оправдание, которое его не оправдывает, — что он не был куплен; что ему заплатили, а не продали.[\[268\]](#)

ПОХОРОНЫ МИРАБО.

Смерть Мирабо, казалось, парализовала надежды короля, и теперь он решил не жалеть сил для своего побега. 18 апреля король сел в свою карету в Версале, намереваясь отправиться в Сен-Клу. По городу распространился слух, что он подумывает о бегстве. Население собралось и остановило лошадей. Лафайет немедленно поспешил на место с отрядом гвардейцев, разогнал толпу, которая не предприняла ничего иного, кроме как воспрепятствовать отъезду короля, и расчистил проход. Однако король, который теперь хотел, чтобы все выглядело так, будто его держат в плену, как, несомненно, фактически и было, отказался идти и в негодовании вернулся во дворец.

По совету своих министров он отправился в Ассамблею и горячо пожаловался на нанесенное ему оскорбление. Собрание приняло короля с величайшей добротой, сердечно поприветствовало и заверило, что должно быть сделано все возможное, чтобы предотвратить возможное повторение подобного безобразия.

Чтобы обезоружить подозрения и успокоить общественное мнение, король 23 апреля направил иностранным послам письмо, в котором заявлял, что у него нет намерения покидать Францию, что он полон решимости быть верным присяге, которую он принес Конституции, и что все те, кто намекает на что-либо противоположное, являются его врагами и врагами страны. Однако вскоре после этого он заявил посланному к нему от императора Леопольда посланнику, что это письмо никоим образом не содержало его истинных чувств, но что оно было вырвано у него опасностью его положения.^[269]

Конференция иностранных держав состоялась 20 мая 1791 года в Мантуе, в Италии, где тогда случайно находился Леопольд, император Австрии и брат Марии-Антуанетты. На этой конференции граф д'Артуа выступил от имени эмигрантов. Пруссию представлял майор Бишофвердер, Англию - лорд Элджин, а Людовика XVI. графа де Дюрфора. По этому случаю

были представлены несколько других королевств и княжеств Европы. Граф де Дюрфор вернулся с этой конференции к Людовику XVI. в Париж и привез ему следующее секретное заявление от имени императора Леопольда:[270]

Австрия намеревалась собрать тридцать пять тысяч человек на границах Фландрии. В то же время пятнадцать тысяч человек из небольших немецких государств должны были атаковать Эльзас. Пятнадцатитысячное швейцарское войско должно было двинуться маршем на Лион, а король Сардинии, на дочери которого женился граф д'Артуа, должен был напасть на Дофине. Король Испании, двоюродный брат Людовика XVI, должен был собрать двадцатитысячное войско на склонах Пиренеев, чтобы обрушиться подобно лавине на южную Францию. Пруссия обязалась сердечно сотрудничать. Король Англии, несмотря на красноречие памфлета Берка, все еще не мог решиться призвать свободолюбивых англичан участвовать в этом позорном крестовом походе против независимости и вольности братского королевства. Но король, как курфюрст Ганновера, обязался принять активное участие в войне. Протест против Революции должен был быть составлен от имени всего дома Бурбонов, чье *божественное право* на деспотизм во Франции было поставлено под сомнение французским народом, и этот протест должен был быть подписан теми ветвями бурбонов, которые занимали троны Испании, Неаполя и Пармы.[271]

Составив таким образом планы вторжения, Людовик XVI. решил немедленно совершить побег к границе. Тогда он мог бы встать во главе этих иностранных армий и принудить Францию к повиновению, а тех патриотов, которые боролись за свободу, отправить в темницу и на эшафот.

Никогда еще положение нации не было более опасным или, по-видимому, более безнадежным. Этого надвигающегося разрушения было достаточно, чтобы ввергнуть любой народ в безумие отчаяния. Трудно носить оковы рабства, даже если ты никогда не знал ничего лучшего. Но после того, как однажды мы разорвали эти цепи и вкусили сладости свободы, сковать кандалы заново - это то, что мало кто из человеческих душ может вынести.

В намерения короля не входило немедленно покидать Францию. Он договорился съездить в Монмеди, примерно в двухстах милях от Парижа, по очень старой шалонской дороге через Клермон и Варенн. Маркиз де Буйе, генерал, всецело преданный придворной партии, разбил лагерь в Монмеди, чтобы принять короля, под предлогом наблюдения за враждебными движениями на границах. Небольшие отряды кавалерии также были очень незаметно размещены в разных точках дороги для оказания помощи в бегстве. Все приготовления были сделаны для начала 20 июня.[272]

Король, хотя в целом и был достойным человеком и обладал некоторыми превосходными чертами характера, в некоторых моментах был слаб почти до слабоумия. Вся энергия семьи была на стороне королевы, и она вместе с маркизом Буйе спланировала побег. Однако их желаниям часто мешало упорство короля. Лафайет был полностью обманут, и лишь немногим даже при дворе была доверена эта тайна. Тем не менее, слухи о бегстве неоднократно циркулировали, и народ пребывал в состоянии постоянной тревоги, как бы двор не увез короля. Они с трудом верили, что сам король желает присоединиться к эмигрантам и начать войну против Конституции, которую он поклялся принять.

Швейцарская гвардия все еще окружала Тюильри. Однако они были размещены только на внешних постах. Внутренняя часть дворца, лестницы и коммуникации между комнатами были заняты Национальной гвардией, на которую нация могла больше полагаться. По

давнему обычаю, войска должны были быть таким образом размещены по всему дворцу, чтобы королевская семья могла быть защищена от дерзости или от любого всплеска народного насилия. После ужасных сцен 5 и 6 октября стало как никогда важно, чтобы королевская семья была окружена сильной охраной. Но хотя формальной обязанностью этой стражи была только защита короля от оскорблений, у нее также была секретная миссия предотвратить побег короля.

Лафайет, которому было доверено все дело, подавленный ответственностью своей должности, постоянно, днем и ночью, посещал посты. Офицерам, несшим ночную вахту, он отдал секретный приказ, согласно которому королю не разрешалось покидать дворец после полуночи. Таким образом, король действительно был пленником, и он полностью осознавал это, хотя и прилагал все возможные усилия, чтобы скрыть от него этот унижительный факт.

Г-н Буйе и королева были вынуждены уступить прихотям короля и принять меры, которые грозили сорвать план. Король настоял на постройке огромной кареты, которая могла бы вместить всю компанию, хотя необычный вид кареты мгновенно привлек бы все взгляды; он настоял на том, чтобы ехать очень редким маршрутом, который возбудил бы любопытство каждого, кто увидит проезжающую карету; он настоял на размещении военных отрядов вдоль маршрута, хотя Буйе настаивал на том, что такие отряды, если они малочисленны, не смогут оказать никакой услуги, а если велики, вызовут подозрения; он настоял на том, чтобы взять с собой гувернантку детей, потому что гувернантка сказала, что она слишком сильно любит детей, чтобы разлучаться с ними, хотя Буйе настаивал, чтобы вместо обременительной гувернантки они взяли с собой в экипаж офицера, привыкшего путешествовать и способного помочь в любой непредвиденной ситуации. Король, хотя и был непостоянен, как ветер, в вопросах первостепенной важности, был, как все слабые люди, непреклонен в мелочах.[\[273\]](#)

В полночь 20 июня король, королева, мадам Елизавета, сестра короля, двое королевских детей и мадам Турзель, их гувернантка, тщательно переоделись в одной из внутренних комнат Тюильри. Осторожно спустившись тремя группами подряд по темному лестничному пролету и выйдя через ворота, которые специально оставили без охраны, беглецы, смешавшись с группами людей, которые в это время постоянно покидали замок, пересекли Карусель и, выбрав разные улицы, ощупью продвигались в темноте, пока все они не встретились на набережной Театен, где их ожидали две наемные кареты. В затаившем дыхании молчании они заняли свои места. Граф де Ферсен, прусский дворянин, молодой, красивый, полный энтузиазма, проникнутый рыцарским восхищением Марией-Антуанеттой, позаботился обо всех приготовлениях к побегу из города. Переодетый кучером, он сопровождал короля, который вел молодого дофина за руку. Граф немедленно сел на козлы кареты, в которой ехала королевская семья, и быстро проехал около двенадцати миль до маленького городка Бонди, где просторная карета, построенная для короля, ожидала у дверей англичанина, мистера Кроуфорда. В тот же час аналогичным образом брат короля, граф Прованский, впоследствии Людовик XVIII, покинул Люксембургский дворец и всю ночь путешествовал со своей семьей во Фландрию, где благополучно пересек границу.

В Бонди король, королева, мадам Елизавета, двое детей - Марии Терезии около десяти лет и семилетнему Людовику со своей гувернанткой - заняли свои места в большой карете. Один из телохранителей короля, переодетый слугой, сидел на козлах, а другой, в качестве лакея, сзади. Г-н де Валлори ехал верхом, чтобы поскакать вперед и отдать приказ о подаче

лошадей. Фрейлины королевы, которые по странному увлечению были включены в состав группы, сели в другую карету.

Маркиз де Буйе, энергичный, героический человек, обнаружив, что он не может контролировать действия короля, сделал все, что было в его силах, чтобы отвести подозрения, которые мог вызвать этот странно выглядящий кортеж. Он подготовил паспорт, в котором гувернантка была представлена как немецкая баронесса мадам де Корфф, путешествующая со своими двумя детьми. Король был ее камердинером, королева - ее камеристкой. Вошедшее в поговорку богатство немецких баронов и особый стиль экипировки, к которому они, к счастью, привыкли, благоприятствовали этой идее.^[274]

Утро только начинало рассветать, когда граф Ферсен поцеловал руки королю и королеве и оставил их продолжать их опасное путешествие, а сам направился к границе через Фландрию. Карету тянули шесть лошадей, которые мчались на предельной скорости, причем конные эстафеты проводились короткими этапами. Наконец взошло яркое и жизнерадостное солнце. Местность улыбалась во всей зелени цветущего июня. Каждый оборот колес уносил их все дальше от Парижа. Было маловероятно, что их бегство обнаружат до позднего утра. В те дни не было телеграфа, по которому можно было бы молниеносно послать разведданные, чтобы остановить их бегство. Поскольку преследователи были на шесть или восемь часов раньше и у них были в изобилии свежие лошади, побег казался теперь почти несомненным. Надежда зародилась в их сердцах.

Несколько незначительных помех задержали их продвижение, и было около трех часов дня, когда они въехали в Шалон, примерно в девяносто милях от Парижа. Королева с ликующей улыбкой воскликнула: "Все идет хорошо. Если бы нас вообще могли остановить, это было бы уже раньше".

В Шалоне они обменялись лошадьми. Теперь король чувствовал себя в безопасности, поскольку маркиз де Буйе разместил отряды войск во всех важных пунктах между Шалоном и Монмеди. С характерной неосторожностью, поскольку в Шалоне карета была окружена зеваками, король высунул голову из окна, показав толпе свое хорошо знакомое лицо. Почтмейстер сразу узнал короля, но, будучи сам ярым роялистом, не выдал его тайны, а помог запрячь свежих лошадей и приказал фореиторам ехать дальше.

Примерно в десяти милях от Шалона находится Сомвильский мост, пересекающий узкий ручей, где стояли герцог Шуазель и г-н Гогела с пятьюдесятью гусарами. Они должны были обеспечить проезд короля, а затем остаться и перекрыть дорогу всем преследователям. Верные плану, они были у моста вместе с конными гусарами в назначенный час. Странное скопление вооруженных сил в этом месте возбудило любопытство крестьян, и собралась огромная толпа. Все умы по всей Франции были тогда в очень напряженном состоянии. Толпа увеличивалась, и в соседних деревнях начали бить в набат. Поскольку королевские кареты появились на пять или шесть часов позже, чем ожидалось, герцог Шуазель, чтобы унять волнение, покинул место, и люди разошлись.

Вскоре после ухода отряда прибыл король и был удивлен, не обнаружив войск. Это было между четырьмя и пятью часами вечера. В большом замешательстве и тревоге он быстро проехал еще два часа до Сент-Менехуля, где должен был найти другой отряд войск; но герцог Шуазель послал вперед в Сент-Менехуль и Шалон, сообщив тамошним отрядам, что он шесть часов ждал прибытия короля; что план, вероятно, провалился; что среди народа быстро нарастает волнение; и что отрядам лучше отступить.

Король, не подозревавший обо всем этом, был поражен и сбит с толку тем, что по-прежнему не находил войск, и, естественно, но неосмотрительно снова выглянул в окно. Возбужденная толпа, собравшаяся вокруг экипажей, заподозрила, что в них находится королевская семья. Молодой человек по имени Друэ, сын почтмейстера, сразу узнал короля по его сходству с оттиском на монетах, находившихся в обращении. Никому не сообщая о своем открытии, он сел на лошадь и, свернув на перекрестную дорогу, проскакал двенадцать-пятнадцать миль до Варенна, чтобы сообщить в муниципалитет и добиться ареста группы.

СНОСКИ:

[258] "Я прочитал много историй революций и могу подтвердить то, что признал один роялист в 1791 году, что никогда еще ни одна великая революция не стоила меньше кровопролития и слез. В действительности, только один класс, духовенство, мог с некоторой долей правды назвать себя ограбленным; и, тем не менее, результатом этого грабежа стало то, что основная масса духовенства, голодавшая при старой системе из—за жалованья нескольких прелатов, получила, наконец, безбедные средства к существованию". -*Мишле*, стр. 417.

[259] "Если бы я никогда не жил с Мирабо, — говорит Дюмон, - я бы никогда не узнал, что человек может сделать за один день - какие вещи можно разместить в промежутке в двенадцать часов. День для этого человека - это больше, чем неделя или месяц для других. Масса дел, которыми он руководил вместе, была потрясающей; от замысла до исполнения не терялось ни минуты". — *Дюмон*, стр. 311.

[260] *Мишле*, стр. 333.

[261] Тьер, том первый, стр. 166. Ferrières, t. ii., p. 198.

[262] "Многие эмигранты вступили в армию в состоянии полной нищеты. Другие расточительно тратили последние остатки своего состояния. Все были в хорошем настроении, потому что жизнь в лагере была свободной и радостной. Они были уверены, что к концу осени вернутся в свои великолепные дома, в свои рощи, в свои леса и в свои голубятни". *Воспоминания Шатобриана о герцоге де Берри*.

[263] Смотрите Обзор различных историй о революции, стр. 62; также Мемуары Шатобриана о герцоге де Берри.

Говоря об Англии, Мишле справедливо замечает: "Первая власть - это аристократия, вторая аристократия и третья аристократия. Эта аристократия продолжает непрерывно пополнять свое тело всеми теми, кто становится богатым. Быть богатым, чтобы быть благородным, - вот поглощающая мысль англичанина. Собственность, особенно территориальная и феодальная, является религией страны". — "*Французская революция*" *Мишле*, стр. 432.

[264] "Собрание закончилось в половине шестого, и Мирабо отправился в дом своей сестры, своей близкой и дорогой наперсницы, и сказал ей: "Я вынес себе смертный приговор. Теперь со мной все кончено, потому что они убьют меня". — *Мишле*, стр. 461.

[265] Своеобразный характер Мирабо иллюстрируется следующим достоверным анекдотом. Однажды он зачитывал Ассамблее доклад о некоторых беспорядках в Марселе, которые, как он утверждал, были спровоцированы сторонниками двора. Аристократическая партия беспрестанно перебивала его такими оскорбительными эпитетами, как "клеветник, лжец, убийца, негодяй". Он на мгновение остановился, посмотрел на них с невозмутимой улыбкой и сказал своим самым сладким тоном: "Джентльмены, я подожду, пока эти любезности не будут исчерпаны". — *Дюмон*, "*Сувениры*", стр. 278.

[266] Английский *народ* в то время в целом симпатизировал Революции. Аристократическое правительство Англии было настроено к нему смертельно враждебно. В 1792 году Сэмюэл Тейлор Кольридж, в то время главный научный сотрудник колледжа Иисуса в Кембридже, написал Оду Франции, начинающуюся словами:

"Когда Франция в гневе подняла свои гигантские конечности
И с клятвой, поразившей воздух, землю и море,
Топнула своей сильной ногой и сказала, что будет свободна,
Засвидетельствуйте мне, как я надеялся и чего боялся".

Вследствие этой оды и его признанной приверженности принципам Революции он стал настолько несносен своему начальству, что был вынужден внезапно покинуть колледж, не получив ученой степени. *Энциклопедия английской литературы, статья С.Т. Кольриджа.*

[267] М. Тьер, при стремительности своего повествования, не всегда точен в деталях. Датой смерти Мирабо он называет 20 апреля. Минье относит это ко 2 марта. Почти все другие источники согласны со 2 апреля. Действительно, замечательно, что по такому вопросу существует такое разнообразие высказываний. Событие в то время считалось настолько знаменательным, что якобинский клуб проголосовал за то, чтобы годовщина его смерти в будущем отмечалась с похоронной помпой.

[268] Мирабо утверждает, и его друзья утверждают за него, и, вероятно, справедливо, что он хотел быть посредником между революцией и монархией - спасти королевскую власть и свободу, полагая, что в сложившихся обстоятельствах королевская власть необходима для свободы. Но безрассудство суда сводило на нет все усилия. Они не соглашались ни на какие меры справедливости и умеренности. Суд хотел только сделать его непопулярным. Мирабо увидел свое положение, из которого никакая борьба не могла его вывести, и умер от разочарования и горя. Если бы он тогда не умер, то через несколько месяцев неминуемо погиб бы на эшафоте. See *Mémoires de Mirabeau*, vol. viii.

[269] Бертран де Молевиль.

[270] Минье, стр. 101. Вильяуме, стр. 91.

[271] Фокс и другие наиболее выдающиеся английские простолюдины выразили в парламенте свои симпатии французским патриотам. Были предприняты очень энергичные усилия по объединению партии вигов в оппозиции к свободе во Франции. В Берлингтон-Хаусе состоялось собрание. Мистер Берк был органом аристократии. Оживленная дискуссия продолжалась с десяти часов вечера до трех часов утра. Но разногласия были признаны непримиримыми и привели лишь к постоянному отчуждению Фокса и Берка.—*Смотрите Лекции о Французской революции профессора У. М. Смита*, том i, стр. 84.

[272] "Принцы, - пишет М. Фромон, - задумали план формирования легионов из всех верноподданных короля. Желая стать во главе тех роялистов, которыми я командовал в 1789 году, я написал графу д'Артуа, умоляя его королевское высочество даровать мне чин полковника, составленный так, чтобы каждый роялист, собирающийся собрать легион, мог надеяться на подобную милость. Членам его совета показалось настолько странным, что *простолюдин* стремится к военному званию, что один из них сердито сказал мне: "Почему ты не попросил епископства?" — *Обзор различных религиозных отношений в духе революции*, стр. 62.

[273] "Более того, что огорчает нас, среди прочего, в этом путешествии в Варенн и уменьшает представление, которое мы хотели бы иметь о доброте сердца короля, это безразличие, с которым он пожертвовал своим отъездом и бросил на смерть людей, которые были искренне привязаны к нему. В силу обстоятельств Лафайет оказался невольным опекуном короля и нес ответственность перед нацией за свою персону. Различными способами, а иногда даже компрометируя Революцию, он показывал, что превыше всего остального желает восстановления королевской власти как гарантии порядка и спокойствия. Были все основания предполагать, что при ошеломляющем известии об отъезде короля Лафайет будет разорван на куски.

"Лафайет, получавший предупреждения из разных источников, не верил никому, кроме самого короля. Он подошел к нему и спросил, есть ли хоть доля правды в этих сообщениях. Людовик XVI дал такой решительный, простой ответ и в такой добродушной манере, что Лафайет ушел полностью удовлетворенный, и только для того, чтобы успокоить беспокойство публики, он удвоил бдительность". - *Мишле*, стр. 573.

[274] Паспорт был оформлен следующим образом: "De par le roi. Mandons de laisser passer Madame le Baron de Korff, se rendant à Franckfort avec ses deux enfants, une femme de chambre, un valet de chambre, et trois domestiques."

ГЛАВА XXI.

АРЕСТ КОРОЛЕВСКИХ БЕГЛЕЦОВ.

Прибытие в Варенн.—Отряд арестован.—Личное появление короля.—Гвардейцы братаются с народом.—Возмущение толпы.—Пленники вынуждены вернуться в Париж.—Смятение г-на де Буйе.—Волнения в Париже.—Толпа грабит Тюильри.—Акты Собрания.—Решительные действия Лафайета.—Провозглашение короля.—Якобинский клуб.—Единодушие Франции.

Экипажи быстро покатали вперед, в то время как королевская семья сидела озадаченная и молчаливая, но совершенно не готовая к надвигающейся беде. Час езды привел их в Клермон. Здесь король нашел два кавалерийских эскадрона под командованием графа де Дюма. Но снующие туда-сюда отряды драгун возбудили подозрение, и население Клермона было встревожено и в тревоге собралось вокруг экипажей.

Муниципальные власти проверили паспорта путешественников и, найдя все, по-видимому, в порядке, разрешили им следовать дальше, но, вызвав отряд Национальной гвардии, запретили драгунам покидать город. Драгуны, чьи симпатии были на стороне народа и которые не знали, с какой миссией их вели офицеры, немедленно побратались с гвардией, а их командир, граф Дюма, был обязан быстроте своего коня тем, что избежал ареста. Была полночь, когда экипажи прибыли в Варенн. Этот маленький городок расположен на обоих берегах узкой речки, соединенной мостом. На одном конце моста находится башня, поддерживаемая массивной и мрачной аркой, которую нужно пройти с осторожностью, чтобы попасть на мост, и где самое незначительное препятствие помешало бы любому продвижению; "пережиток, - говорит Ламартин, - феодальной системы, при которой дворяне захватывали крепостных и где, по странному возмездию, народу было суждено захватить монархию".

Королевская семья, совершенно измученная бессонницей, тревогами и двадцатичетырехчасовым путешествием, уже спала, когда показались редкие городские огни. Здесь они должны были сменить лошадей, и королю недвусмысленно сообщили, что они найдут лошадей *перед тем, как переправятся через реку*. Однако впоследствии было решено, не сообщая об изменении королю, что свежие лошади должны быть размещены по другую сторону моста. Таким образом, экипажи могли пересекать мост на полной скорости и, в случае каких-либо народных волнений, легче было произвести смену лошадей и выехать на другую сторону.

Король и королева, сильно встревоженные отсутствием лошадей, сами вышли из кареты и стали ощупью бродить по темным улицам, тщетно разыскивая их. Кое-где в домах тускло горело несколько огней, но все остальное было безмолвием и мраком полуночи. Король даже постучал в несколько дверей, где виднелся свет, и спросил, нет ли реле. Полусонные спящие не могли сообщить ему никаких сведений.

Таким образом, в путешествиях конными эстафетами по Европе у каждой эстафеты есть свои фореиторы, которые проходят только назначенный этап. Почтальоны, доставившие карету с последней почтовой станции, совершенно не заботясь о достоинстве своих пассажиров, выполнив назначенную задачу, устав от ожидания, пригрозили распрячь лошадей и оставить карету на улице до прибытия посыльного. С помощью взяток король убедил их перейти мост и продолжить путешествие.

Как только они вошли в арку под башней, чтобы перейти мост, и их окутала почти египетская тьма, лошади были остановлены повозкой, преградившей путь. Несколько человек схватили уздечки вожakov, а один всадник выкрикнул в окно кареты ужасные слова:

"Именем нации, остановитесь! Вы везете короля".

Друз успешно осуществил свой замысел. Выбрав более короткую дорогу, чем та, по которой ехала карета, он поехал прямо к конюшне, сообщил свой секрет хозяину гостиницы и послал его поднять тревогу, в то время как сам с несколькими товарищами, которых он наспех собрал, забаррикадировал мост телегой и другими тяжелыми предметами, какие только смог найти. Задержка на другой стороне как раз дала им время сделать это до того, как карета въедет в сводчатый проход.

Король и королева были как громом поражены, и сердца их упали в смятении. Они сразу же заметили признаки великого смятения. Звонили деревенские колокола. Во мраке вспыхивали огни. На улицах, казалось, нарастал неопределенный шум, в то время как на мосту собирались толпы. Один человек с фонарем в руке наполовину вошел в вагон и осветил лица каждого из пассажиров. Затем пассажирам было приказано выйти и предъявить свои паспорта. Друз, взяв паспорта, проводил пленников в их экипаже обратно от моста до дверей мэра маленького городка, бакалейщика по фамилии Соссе.

Здесь разгорелся настоящий спор. Паспорта были оформлены правильно. Вечеринка соответствовала описанию. Все они заявили, что это баронесса де Корфф со своей свитой. Соссе, казалось, был удовлетворен. Но Друз, молодой человек необычайного ума и энергии, потребовал:

"Почему паспорт не подписан председателем Национального собрания? И если вы иностранцы, то как получилось, что у вас есть влияние, чтобы нанять пятьдесят драгун для сопровождения вас в Сент-Менехоулде и еще столько же в Клермоне? И почему в Варенне вас ждет отряд гусар?"

LOUIS XVI. АРЕСТОВАН В ВАРЕННЕ.

В пылу ссоры стало совершенно очевидно, что фальшивые слуги не были прислугой и что мнимая баронесса не привыкла проявлять власть над своей мнимой горничной и камердинером. К этому времени собралось достаточное количество Национальной гвардии, чтобы предотвратить возможность спасения пленников гусарами. Королева, видя, что все дальнейшие попытки обмана были бесполезны, и возмущенная неуважением, с которым обращались с ее мужем, воскликнула:

- Поскольку ты признаешь его своим королем, говори с ним с уважением, которым ты обязан ему!

СЦЕНА В ВАРЕННЕ.

Вся компания до сих пор оставалась в вагоне. Суматоха быстро нарастала. Звонили колокола, стреляли пушки, били барабаны, и толпа мужчин и женщин в растрепанных платьях, нетерпеливо кричащих, быстро собиралась вокруг пленников. Вдалеке были видны спешащие туда-сюда огни, и вооруженные люди беспорядочными группами, охваченными возбуждением и ужасом, неслись со всех сторон. Со всем уважением Соссе, который, по-видимому, был очень гуманным человеком, уговорил их выйти и для их же собственной безопасности войти в дверь бакалейной лавки. Они так и сделали и уселись на ящики, бочки и мешки, которые были разбросаны вокруг. Теперь король, чтобы уберечь себя от дальнейших оскорблений, воззвал к лояльности своих подданных. Он встал и с достоинством сказал толпе:

- Да! Я твой король. Взгляни на королеву и моих детей. Мы умоляем вас относиться к нам с тем уважением, которое французы всегда проявляли к своим суверенам".

За исключением той учтивости манер, которая является почти наследием высокого происхождения, во внешности короля не было ничего, что внушало бы почтение. Хотя он был довольно образованным и образованным человеком, он был полностью лишен каких-либо административных навыков или какой-либо инициативности. Он украсил бы почти любую ситуацию в личной жизни, будучи добросердечным, добросовестным, образцовым

человеком. Костюм слуги, управляющего, наставника, клерка гораздо больше соответствовал его способностям и характеру, чем знакам отличия королевской семьи. Его фигура была раздута дряблым ожирением, результатом ненасытного аппетита и ленивых привычек. Ноги у него были слишком короткими для его тела; выражение лица - неинтеллектуальным и бесстрастным.

Когда в ту ночь он предстал перед крестьянами и горожанами Варенна, измученный усталостью и ужасом, в убогой одежде *камердинера*, в растрепанном парике, с толстыми щеками, бледными и сморщенными, с мертвенно-бледными губами, ошеломленный и безмолвный, он вызвал сначала чувства удивления, затем презрения, затем непритворной жалости. "Как, это король! это королева!" - изумленно воскликнула толпа. Это жалкое зрелище вызвало слезы на глазах даже у многих самых враждебных и упрямых.

Варенн находился всего в тридцати милях от Монмеди, который, хотя и находился во Франции, находился непосредственно на границе с Германией. Таким образом, жители Варенна находились всего в нескольких часах пути от тех ужасных армий Континента, которые угрожали захлестнуть Францию пламенем и кровью. Зная, что их город, возможно, одним из первых столкнется с ужасами войны, они жили в эпицентре самых страшных тревог. Они надеялись, что король в глубине души сочувствует нации и встанет во главе нации, чтобы противостоять захватчикам. Удивление, горе и негодование боролись в их сердцах, когда они обнаружили, что король на самом деле пытается бежать из Франции, чтобы присоединиться к их врагам. Никто, кроме тех, кто живет на границе в такое время, не может в полной мере осознать ужасное значение слов *враг*.

"Что?! - воскликнула толпа. - Король бежит, бросает нас, своих детей, и становится предателем нации; переходит на сторону *врага*, чтобы помочь им сжечь наши дома и всех нас истребить!"

Одни плакали, другие проклинали, третьи угрожали расстрелять короля на месте. Простодушные крестьяне были, по сути, просто детьми. Их воспитали в том, что они относились к монархии по-отечески, а к королю - как к своему отцу. Шуазель и Гогела, которые, как следует помнить, стояли у Сомвильского моста с пятьюдесятью гусарами, теперь со своим отрядом с грохотом вышли на улицы Варенна. В то же время прибыл граф Дюма, который в одиночку сбежал от своих драгун, они бросили его в Сен-Менехуле.

Бакалейная лавка была окружена толпой, вооруженной мушкетами, вилами и топорами. Несмотря на многочисленные яростные угрозы, офицеры пробились сквозь толпу и вошли в магазин. Там они обнаружили королевскую семью в плачевном состоянии. Маленький мальчик Луи, дофин, счастливо спал на низкой раскладушке. Его сестра Мария Терезия, на три года старше, в великом ужасе сидела на скамейке между своей гувернанткой и тетей Элизабет, дрожащей рукой держась за их руки. Король и королева стояли рядом с месье Соссом, умоляя его разрешить им продолжить свой путь.

Шуазель, многозначительно взявшись за рукоять своей шпаги, смело сказал королю: "Сир, пожалуйста, немедленно отдайте приказ отправляться. У меня сорок гусар. Нельзя терять времени. Через час они будут завоеваны народом".

Это было правдой. Гусары были немцами. Слепо повинаясь своим офицерам, они понятия не имели о поручении, с которым их послали. Теперь они были окружены народом и с удивлением и сочувствием слушали их рассказ о событиях. В этот критический момент муниципалитет Варенна в сопровождении находившихся в том месте офицеров Национальной гвардии вошел в магазин. Привыкшие с давних пор почитать и почти обожать

королевскую особу, поскольку сельские округа ни в коей мере не уступали Парижу в пренебрежении к трону, офицеры бросились на колени перед королем и сказали:

"Во имя Бога, сир, не оставляй нас; не покидай королевство".

"В мои намерения не входит покидать Францию, - ответил король, -. Нанесенные мне оскорбления вынуждают меня покинуть Париж. Я еду только в Монмеди и приглашаю вас сопровождать меня туда; только, прошу вас, прикажите приготовить мои экипажи".

Муниципальные власти удалились совещаться, умоляя короля подождать до рассвета. Было уже два часа ночи. Шансы на спасение с каждым мгновением уменьшались. Толпа, вооруженная таким оружием, какое только могла в данный момент захватить, стала грозной; мост был так забаррикадирован, что по нему нельзя было пройти; и на верность гусар можно было полагаться мало. Однако неподалеку был брод, где ручей можно было перейти верхом. Шуазель и Гогеля умоляли короля, королеву и дам немедленно сесть верхом, причем король держал дофина в седле, и под защитой сорока гусар переправиться через ручей и попытаться совершить побег.

Королева, чей личный героизм никогда не покидал ее, посмотрела на своих детей, подумала о пулях, которые могут обрушиться на них, и, уступая материнской любви, заколебалась. Король также, который никогда не позорил себя проявлением трусости, думал только об опасности для тех, кто был ему дороже жизни, и сказал:

- Но можете ли вы заверить меня, что в этой борьбе выстрел не может поразить королеву, мою сестру или детей? Кроме того, муниципалитет не запрещает нам проехать; он просто просит меня подождать до рассвета. Кроме того, маркиз де Буйе находится в Стенэ, но в двадцати четырех милях отсюда. Он не может не узнать о моем задержании, и завтра утром он будет здесь со своими войсками".

Прошел еще один томительный час волнений, суматохи и нарастающего возбуждения, и часы пробили три. Гусары были теперь полностью завоеваны народом и пили с ним "За нацию".

Муниципальные власти, недолго поразмыслив, вернулись к королю с этим коротким, но ужасным сообщением:

"Народ, будучи категорически против продолжения путешествия короля, решил направить курьера в Национальное собрание, чтобы быть проинформированным о его намерениях".

Теперь г-н де Гогеля вышел в бурлящую толпу, чтобы оценить, возможно ли пробиться сквозь нее. Сев на коня, он медленно объехал вокруг дома, когда к нему подошел Друэ и сказал: "Вы хотите увезти короля, но живым он вам не достанется".

Карета была окружена отрядом Национальной гвардии. Гогеля приблизился к карете с несколькими гусарами, которые все еще нерешительно выполняли его приказ, когда майор, командовавший отрядом Национальной гвардии, сказал ему: "Еще один шаг, и я застрелю тебя".

Гогелат прищпорил свою лошадь, когда раздался выстрел из пистолета. В него попали две пули, и он упал на землю, истекая кровью. Он, однако, смог подняться и войти в лавку, но гусары немедленно с одобрением провозгласили себя солдатами нации. Гогелат заметил также, что в конце улицы были установлены две пушки, которые, казалось, были готовы

открыть по ним огонь. Возможности сбежать силой больше не было, если только г-ну де Буйе не подоспеет вовремя со своими хорошо обученными драгунами.

Когда Гогелат, раненый и весь в крови, снова предстал перед королевской семьей, они представляли собой душераздирающее зрелище. Королева сидела на скамейке между двумя ящиками со свечами, жалобно умоляя жену бакалейщика заступиться за них перед ее мужем.

- Вы мать, мадам, - сказала королева, - вы жена; судьба жены и матери в ваших руках. Подумай, что я должна вытерпеть ради этих детей, ради моего мужа. По одному твоему слову я буду в долгу перед тобой. Королева Франции будет обязана вам больше, чем своим королевством, больше, чем жизнью.

В человеческом сердце есть безотчетный инстинкт, который говорит, что со стороны женщины было бы *благородно* пойти на все, чтобы спасти королеву. Всеобщее сердце отдает дань уважения бескорыстной благотворительности, даже когда она бездумна и ошибочна. Но в данном случае добрая женщина с очень естественным и прозаичным здравым смыслом сказала:

Хотел бы я, чтобы в моей власти было помочь вам. Но благослови меня господь! вы думаете о своем муже, а я думаю о своем. Каждая женщина за своего мужа".

Эта речь, конечно, не свидетельствовала о героической натуре. Но очевидно, что мсье Соссе теперь был бессилен спасти короля. События вышли далеко из-под его контроля. Если бы он мог какой-либо хитростью способствовать бегству, его собственная жизнь была бы неизбежной расплатой. Это было бы изменой нации. Человечество также, казалось, властно требовало, чтобы король был остановлен. Его побег поставил бы его во главе иностранных и враждебных армий, которые опустошили бы Францию ужасами войны и погасили бы разгорающееся пламя свободы кровью.

Королева, чей энергичный ум предвидел ужасное будущее, была потрясена и разрыдалась. Король потерял всякое самообладание и был сбит с толку, как ребенок. Люди, которые начали опасаться, что войска Буйе могут прийти на помощь, толпились у дверей и кричали: "Назад, назад в Париж".

Королю было предложено показать себя, чтобы он мог успокоить народ. Он подошел к окну и посмотрел на возбужденную толпу, на которую несколько факелов бросали зловещий свет. Сначала при виде короля воцарилась глубокая тишина. Народ тогда, разносторонний, как дети, был так тронут появлением короля в его раболопной одежде и с его измученным горем лицом, что многие заплакали; и хотя не было услышано ни единого оскорбительного слова, многие сочувственно воскликнули: *Да здравствует король!*

День тогда только начинал рассветать. Постепенно взошло солнце и осветило странное зрелище. Пушки, барабаны, набатные колокола разбудили всю округу. Десять тысяч человек уже собрались в Варенне, запрудив узкую улочку, где находилась бакалейная лавка. Со всех сторон было видно, как сельские жители спешат в город, поскольку странная весть о попытке побега и аресте распространилась повсюду. По мере того как толпа на улицах увеличивалась, а ночной мрак рассеивался ярким сиянием дня, суматоха поднималась все выше и выше. Всякое сочувствие к королевской семье, казалось, уступило место чувству негодования из-за того, что они тайком уезжают, чтобы возглавить иностранные армии, ведущие войну против свободы Франции.

В семь часов дверь отворилась, и король, к своему удивлению, увидел офицера Национальной гвардии Парижа. Его одежда была в беспорядке, сам он был запылен и измучен поспешным путешествием. Этот человек был сильно взволнован, когда очутился в присутствии короля, и мог только пробормотать прерывистыми и почти бессвязными фразами:

"Сир, весь Париж убит; возможно, убиты наши жены и дети; вы не пойдете дальше; сир, интересы государства; да, сир, наши жены и наши дети".

Королева схватила офицера за руку и, подведя его к скромной кровати в углу, где спали двое королевских детей, Мария и Людовик, совершенно измученные, сказала ему, указывая на детей:

"Разве я тоже не мать?"[275]

Король, прервав ее, резко повернулся к офицеру и сказал:

- Чего ты хочешь? - спросил я.

"Сир, - ответил он, - у меня есть постановление Ассамблеи".

"Где это?" - спросил король.

"Он у моего товарища", - последовал ответ.

В этот момент дверь открылась, и вошел г-н де Ромеф. Он был адъютантом маркиза де Лафайета и истинным патриотом, в то же время королевская семья хорошо знала его как друга короля. Он вошел, держа указ в руке, сильно взволнованный; и когда он увидел унижительное положение монарха Франции и осознал самую тягостную обязанность, возложенную на него, он не мог сдержать своих чувств, но склонил голову и горько заплакал. На земле нет ни одного великодушного сердца, которое не сочувствовало бы этому горю.

Когда королева подняла глаза и увидела вошедшего г-на де Ромефа, она воскликнула с удивлением и негодованием:

- Что, сэр, это вы? О! Никогда бы не поверил, что такое возможно. Ромеф печально ответил: "Мы выполнили только свой долг, но мы надеялись, что не догнали ваши величества".[276]

Король взял из рук Ромефа постановление Собрания и торопливо зачитал его. Это был приказ, предписывающий всем государственным служащим "остановить всеми доступными им средствами *похищение короля* и не допустить продолжения путешествия".

Король с негодованием швырнул указ на кровать, где спали дети, и воскликнул словами, истинность которых он тогда до конца не осознавал:

-Во Франции больше нет короля.

Королева с простительной, но весьма неразумной страстью схватила декрет Национального собрания и швырнула его на пол, яростно заявив:

"Это не осквернит моих детей".

"Мадам, - печально обратился Ромеф к королеве, к которой он был очень привязан, - во имя вашей безопасности, вашей славы я умоляю вас сдерживать свое горе. Вы бы предпочли, чтобы кто-нибудь, кроме меня, был свидетелем этих страстей?"

Мягкий упрек привел королеву в чувство, и она собралась с духом, обрела выдержку, спокойствие и достоинство. Душевные муки той ужасной ночи уже превратили ее волосы из каштановых в снежно-белые.

Были большие опасения, что войска Буйе могут прийти и спасти короля. Поэтому приготовления к отъезду были ускорены. В карету запрягли шесть лошадей, и королевская семья, несмотря на то, что они делали все, что было в их силах, чтобы вызвать задержку, была вынуждена занять свои места. Королева никому не позволила прикоснуться к своему сыну, но сама отнесла его на руках в карету.

Печальный кортеж начал свое медленное продвижение к Парижу в сопровождении четырех тысяч солдат Национальной гвардии.

Г-н де Буйе, как мы уже упоминали, находился в Стенэ, всего в восьми лье от Варенна, с несколькими солдатскими полками под его командованием, ожидая прибытия короля. Если бы король достиг этой стадии, он был бы в безопасности. Буйе был в состоянии сильного беспокойства и ночью выехал вперед на расстояние шести миль от Варенна, надеясь встретиться с королем. Озадаченный задержкой и опасаясь, как бы его не бросили солдаты, которым он мало доверял, он поехал обратно в Стенэ и только прибыл туда в половине пятого утра, когда получил известие, что король арестован, что бьют в набат, что вся страна поднята на ноги и национальная гвардия в Стенэ, Меце и Вердене быстро формируется для защиты *нации*.

При таких обстоятельствах оставался только один полк, в котором служил М. Буйе мог доверять любому — королевской крови Германии — и только одному офицеру, своему собственному сыну, которому он мог довериться.

Буйе был энергичным и храбрым человеком. Он немедленно вызвал немецкий полк и под влиянием страстных высказываний и огромных взяток каждому солдату убедил их отправиться на выручку. Почти со скоростью урагана эти сильные драгуны на конях пронеслись по пространству между Стенэ и Варенном. Было четверть десятого, когда они достигли города. Национальная гвардия, предвидя это движение, была усиленно выставлена для их отражения. Когда Буйе производил рекогносцировку, готовясь к атаке, ему сообщили, что король отсутствовал более полутора часов; что мост разрушен, улицы забаррикадированы; что г-н де Шуазель, г-н де Гогела и г-н де Дюма взяты в плен; что их гусары побратались с народом; что гарнизоны Меца и Вердена быстро приближаются, чтобы атаковать его, и что вся страна вокруг кишит войсками и национальной гвардией, встревоженными нависшей над нацией опасностью.

Лошади драгун были совершенно измотаны вынужденным переходом в двадцать четыре мили; сами солдаты проявляли явные признаки нерешительности. Всякая надежда исчезла. Буйе медленно, печально, молча возвращался по своим следам. В Стенэ народный энтузиазм завоевал все сердца. Солдаты бросили его, и он чудом спасся, перебравшись через границу в Люксембург.

Теперь мы должны вернуться в Париж, чтобы записать сцены, которые произошли там после бегства короля. В семь часов утра 21 июня слуги Тюильри, войдя в покои короля и королевы, обнаружили постели нетронутыми, а комнаты пустыми. Тревога быстро распространилась по

дворцу и, подобно лесному пожару, распространилась из замка по улицам и в предместья. "Король сбежал!" - было у всех на устах. Бесчисленная многотысячная толпа устремилась к Тюильри. Они толкались в дверях и поднимались по лестницам, исследуя все таинственные внутренние помещения дворца. Самые мерзкие и деградировавшие представители населения города всегда оказываются первыми в таких случаях. Благоговейный трепет, который они поначалу испытывали, вскоре сменился насмешками.

Портрет короля был вынесен из его спальни и повешен у ворот замка. Торговка фруктами высыпала всю корзину вишен на кровать королевы и села на кровать, чтобы продать свое предприятие, сказав: "Сегодня очередь нации расслабиться". Кто-то надел шапочку из гардероба королевы на голову молодой девушке. Она презрительно швырнула его на пол и растоптала, сказав: "Это запятнает мой лоб".

В течение нескольких часов весь город пребывал в состоянии сильного замешательства. Отъезд короля ассоциировался у всех с приближением иностранных армий, бомбардировкой Парижа, прохождением драгун по улицам, убийством патриотов и угасанием свободы. Зазвонили тревожные колокола, барабаны ударили к оружию, затрещали пулеметы, и Национальная гвардия собралась на всех своих сборищах. Но посреди этих тревог появилось явление, которое вызвало сильную тревогу в сердцах всех друзей просвещенной свободы и порядка.

Оно состояло из огромных скоплений изможденных, жалкого вида людей, самых никчемных и покинутых среди населения большого города, под предводительством своих свирепых вождей, вооруженных пиками и одетых в красные шапочки - *bonnet rouge*. Сантер, пивовар, необразованный человек, обладавший огромной энергией и огромной способностью разжигать страсти населения, повел по улицам отряд из двух тысяч таких краснокожих. Теперь негодование народа достигло наивысшей степени против короля и всех, кто, как предполагалось, потворствовал его бегству. Лафайета громко обвинили в государственной измене за то, что он позволил королю сбежать. Только его хладнокровие и присутствие духа спасли его от ярости толпы.

В девять часов Учредительное собрание собралось, спокойное, но полностью сознающее важность положения дел. Президент немедленно сообщил им, что месье Байи, мэр Парижа, приехал сообщить им, что король и королевская семья были *похищены* ночью какими-то врагами нации. Эти благородные люди вели себя в этот кризис со свойственной им сдержанностью и достоинством. Не решаясь предположить, что король лжесвидетельствовал, нарушив клятву, которую он так торжественно принес в поддержку Конституции, они приняли более благородную идею о его похищении.

Лафайету в восемь часов сообщили о побеге, и он немедленно поспешил в Тюильри, где встретил г-на Байи, мэра Парижа, и г-на Богарне, председателя Национального собрания. Они оба были подавлены важным положением дел и оплакивали часы, которые должны пройти, прежде чем будет созвано Собрание и издан указ, разрешающий преследование. Курс, которого придерживался Лафайет в этом случае, был достоин его героической и благородной натуры. Он показал себя последовательным учеником своего большого друга и образца Вашингтона.

"Считаете ли вы, - спросил Лафайет, - что арест короля и королевской семьи абсолютно необходим для общественной безопасности и только он может уберечь нас от гражданской войны?"

"На этот счет не может быть никаких сомнений", - ответили оба.

- В таком случае, - ответил Лафайет, - я беру на себя всю ответственность за этот арест.

Он немедленно отдал приказ Национальной гвардии по всей Франции арестовать короля.^[277] Это было передано в руки двух его офицеров, которые немедленно отправились в погоню.

Покинув Тюильри, Лафайет поспешил верхом в отель де Виль. Он проходил мимо возбужденных толп, которые яростно проклинали его, обвиняя в предательском соучастии в бегстве короля. Прибыв на Гревскую площадь, перед Ратушей, он обнаружил одного из своих офицеров, герцога д'Омона, в руках разъяренной толпы, которая была готова его убить.

Лафайет мгновенно нырнул в толпу, своим властным голосом и жестом внушил им благоговейный страх и, подвергая неминуемой опасности собственную жизнь, спас своего друга. Минутное колебание, проявление трусости - и оба неизбежно погибли бы. Разъяренный человек, почти обезумевший от ярости, подошел к Лафайету и, потрясая кулаком перед его лицом, воскликнул:

- Ты предатель. Ты позволил королю сбежать, и теперь Франция разрушена.

- Насколько разорен? Лафайет ответил, безмятежно улыбаясь. "Во Франции двадцать пять миллионов жителей; жалование короля составляет двадцать пять миллионов франков. Каждый из нас получает по двадцать су от Людовика XVI. это освобождает нас от этой выплаты".

Эта шутка вызвала общий смех, и слова, повторенные в толпе, вскоре восстановили добродушие. Героизм Лафайета также поразил их воображение, и, когда он уезжал, его приветствовали аплодисментами.

Затем он поспешил в Собрание, которое только что было созвано. Некоторые депутаты заподозрили его в пособничестве бегству, и, когда он вошел, поднялся небольшой ропот. Он, однако, взошел на трибуну и добился заслушивания. Он предложил, чтобы Собрание допросило его заместителя по командованию, г-на де Гувииона, которому была особо доверена охрана Тюильри.

"Я отвечаю за этого офицера, - сказал он, - и беру на себя ответственность за его действия".

Месье де Гувиион был вызван в их бар и засвидетельствовал, что все обычные выходы из дворца тщательно охранялись. Король мог сбежать только переодетым и каким-то необычным способом. Месье Байи подтвердил это свидетельство, и Лафайет был восстановлен в доверии патриотов.

Люди, подозревавшие Лафайета, отказались пропустить *помощников*, которых он послал, через заграждения. Ассамблея немедленно издала приказ, санкционирующий действия Лафайета, и офицерам было разрешено удалиться. Затем были вызваны министры короля, и был издан указ о том, что все приказы должны приниматься только от Собрания. Со спокойствием, поистине величественным, и с единодушием, которое, по-видимому, пронизывало каждое действие, мысль и решение, были начаты приготовления к встрече с ужасающим вторжением, которое надвигалось.

Было постановлено защищать Конституцию любыми способами. Ассамблея взяла на себя регентство. По всем дорогам, ведущим к границам, были отправлены курьеры для ареста каждого человека, покидающего королевство. Из арсеналов было заказано оружие для более эффективного вооружения Национальной гвардии. Эти меры были настолько явно

справедливыми и жизненно важными, что наиболее заинтересованные сторонники старого деспотизма не осмеливались возражать.

В то время как он был занят принятием этих указов, вошел г-н де ла Порт, суперинтендант гражданского списка, принес с собой личную записку и памятную записку, которые он получил от короля. Мемориал был датирован 20 июня и был написан и подписан королем. Оно было озаглавлено *"Обращение короля ко всем французам по случаю его отъезда из Парижа"*.

В этом длинном изложении своих жалоб король жаловался, что у него есть только *временное право вето*; что его жалованье было урезано до пяти миллионов долларов в год, чего было недостаточно для его безбедного существования; что ему очень плохо жилось во дворце Тюильри; что ему постоянно досаждали Национальное собрание, клубы и журналы и что ему не аплодировали должным образом, когда он появлялся на публике. Он резко осудил декреты Национального собрания и признался, что по собственной воле покинул Париж, чтобы на безопасном расстоянии от Парижа восстановить свою утраченную власть.^[278]

Г-н де ла Порт положил это письмо и приложенную к нему личную записку к нему на стол, заявив, однако, о своем желании, чтобы личная записка не была прочитана. С деликатностью и честью, достойными увековечения памяти, оно было возвращено ему нераспечатанным. Мемориал был зачитан и заслушан в почтительном молчании. Собрание, сожалея о слабости короля, не предприняло по этому поводу никаких действий.

ИНТЕРЬЕР ЯКОБИНСКОГО КЛУБА.

Когда Национальное собрание заседало в Версале, депутацией от Бретани был организован клуб под названием "Бретонский клуб". Он состоял из патриотически настроенных членов Собрания. После переезда Ассамблеи в Париж этот клуб проводил свои заседания в старом прокуренном монастыре монахов-якобинцев и поэтому получил название Якобинский клуб. Оно быстро росло, принимая членов, не принадлежащих к Ассамблее, пока не насчитало тысячу двести членов только в Париже. Ее дочерние клубы были созданы по всему королевству и были заполнены самыми яркими сторонниками реформ. Менее чем за два года они насчитывали две тысячи четыреста обществ во стольких же городах.

Якобинский клуб вскоре стал настолько сильно и яростно демократичным, что Лафайет, который был одним из его первоначальных членов, и другие наиболее консервативные патриоты покинули его шумные собрания. Теперь этот клуб быстро брал бразды правления в свои руки и использовал толпу в качестве своего непобедимого и устрашающего орудия защиты, оружием, которым обладала Революция неисчислимой и ужасной силы. Вскоре он стал безжалостным и деспотическим сувереном Франции, более безжалостным и деспотичным, чем любой другой суверен, когда-либо сидевший на троне.

Лафайет, покинув Собрание, поспешил в клуб якобинцев, который уже соперничал с Собранием по численности и влиянию. Здесь ему также удалось остановить поток клеветы, который начал обрушиваться на него. Выходя из клуба, он встретил на набережной Вольтера Камиллу Демулен. Пылкий журналист, находясь в состоянии крайнего возбуждения, поспешил к белому коню, на котором ехал Лафайет, и воскликнул:

"Месье де Лафайет, больше года я постоянно плохо отзывался о вас. Настало время уличить меня во лжи. Докажите, что я клеветник. Покройте меня позором, спасая государство".

Лафайет пожал руку Демулену, патриотизм которого он уважал, и ответил:

"Я всегда считал вас добропорядочным гражданином. Вы увидите, что вас обманули. Наша общая клятва - жить свободным или умереть. Все идет хорошо. В Ассамблее царит только одно чувство. Общая опасность объединила все партии".

"Но почему, - возразил Демулен, - Ассамблея делает вид, что говорит о *смещении* (просвещении) короля в своих указах, когда сам король пишет, что сбежал по собственной воле?" Какая низость или какая измена использовать в Ассамблее такие выражения, когда нам угрожают три миллиона штыков!"

"Слово *перенос*, - ответил Лафайет, - является ошибкой при диктовке, которую Ассамблея исправит. Такое поведение короля печально известно".

Известие о бегстве короля вызвало переполох во всех департаментах Франции. Это было расценено как сигнал как к внешней, так и к гражданской войне, и все ожидали, что немедленно услышат топот вражеских легионов. С удивительным единодушием народ Франции сплотился, чтобы противостоять кризису. Из Жиронды в Ассамблею было направлено послание, в котором говорилось:

"У нас восемьдесят тысяч человек, зачисленных в Национальную гвардию, и все они готовы выступить в поход. Но у нас не так много оружия, как у нас есть бесстрашные и патриотичные люди. Пришлите нам оружие".

Муниципалитет Вильпо прислал сообщение: "Мы все готовы скорее быть разорванными на ленточки, чем допустить нарушение целостности Конституции".

"Наши поля, - писали жители Алье и Ниверне, - покрыты урожаями и людьми. Люди и урожаи одинаково готовы служить стране, если она в них нуждается".

"Нас немного, но мы полны решимости", - писали жители маленького городка в Нормандии. "У нас всего двести человек, способных носить оружие, но они молоды, сильны и отважны. Все они готовы броситься на любого врага, который вторгнется на землю Франции".

Бордо заверил Ассамблею, что немедленно отправит две тысячи четыреста человек навстречу врагу. Все королевство было охвачено патриотическим энтузиазмом. Дамы, всегда участвовавшие в служении благородному делу, прислали Собравшимся свои драгоценности со словами:

"Замените эти украшения на оружие. Не в наших силах сражаться за нашу страну; но мы можем, по крайней мере, помочь вооружить наших храбрых защитников".

Торговцы покидали свои лавки, ремесленники - лавки, а рабочие - поля, чтобы трудиться в качестве добровольцев, возводя укрепления вокруг незащищенных городов. Казалось, все сердца трепетали от одних и тех же надежд и страхов, и все руки были объединены в одном патриотическом труде. Сторонники двора, немногочисленные, хранили молчание, ожидая подхода иностранных армий, прежде чем сбросить маски и признаться в своей измене.

СНОСКИ:

[275] Мирабо после своего интервью с Марией-Антуанеттой доверительно заметил другу: "Ты знаешь королеву. Сила ее ума поразительна. Она мужественный человек". — *Дюмон*, стр. 211.

[276] Наполеон на острове Святой Елены, выступая в свете последующих событий, сказал: "Национальное собрание никогда не совершало такой большой ошибки, как при возвращении короля из Варенна. Беглец и беспомощный, он спешил к границе и через несколько часов был бы за пределами французской территории. Что они должны были делать в этих обстоятельствах? Очевидно, что они способствовали бы его побегу и объявили трон вакантным из-за его дезертирства. Таким образом, они избежали бы позора правительства-цареубийцы и достигли бы своей великой цели - создания республиканских институтов. Вместо этого, вернув его, они обременяли себя сувереном, которого у них не было справедливых причин уничтожать, и потеряли неоценимое преимущество избавиться от королевской семьи без акта жестокости".

[277] Наши читатели, как правило, не разделят восклицания Ламартина: "Это была диктатура, и самая личная из всех диктатур, которую, таким образом, принял на себя один человек, занявший место Собрания и всей нации. Он, опираясь на свой личный авторитет и право своей гражданской предусмотрительности, нанес удар по свободе и, возможно, по жизни законного правителя нации. Этот приказ руководил Людовиком XVI. на эшафот, ибо это вернуло народу жертву, которая только что вырвалась из их лап". — *История жирондистов, Альфонс де Ламартин*, том i, стр. 75.

[278] История преподобного отца, пар Виллиаме, стр. 13.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ ИЗ ВАРЕННА.

Провозглашение Марата.—Трое уполномоченных отправлены навстречу королю.— Обращение к нации от Ассамблеи.—Медленное и болезненное возвращение.— Разговор Барнава с королевой.—Жестокость Петиона.—Страдания королевской семьи.—Прием короля в Париже.—Поведение королевы.—Благородное признание Лафайета.—Заявление короля.—Угроза Буйе.

Почти сразу после бегства короля клуб якобинцев стал самой грозной силой во Франции. Он объединил всех отчаянных и безрассудных сторонников реформ. Марат, один из самых популярных и энергичных ее членов, на следующее утро после бегства короля обратился к населению Парижа со следующим воззванием:[\[279\]](#)

"Люди! узрите верность, честь, религию королей. Вспомните Генриха III. и герцога де Гиза. За одним столом со своим врагом Генрих принял причастие и поклялся на том же алтаре в вечной дружбе. Едва он встал из-за стола, как раздал кинжалы своим сторонникам, вызвал герцога в свой кабинет и там увидел, как тот упал, покрытый ранами. Доверьтесь же клятвам принцев!

Утром 19-го Людовик XVI. смеялся над своей клятвой и заранее наслаждался тревогой, которую вызовет у вас его бегство. Австрийка соблазнила Лафайета. Людовик XVI, переодетый в рясу священника, бежал вместе с дофином, его женой, братом и всей семьей. Сейчас он смеется над безрассудством парижан и скоро будет купаться в их крови. Граждане! этот побег давно готовился предателями из Национального собрания.

Вы на грани разорения; поспешите обеспечить свою безопасность. Немедленно выберите диктатора. Пусть ваш выбор падет на гражданина, который до настоящего времени проявлял наибольшее рвение, активность и интеллект, и сделайте все, что он прикажет вам сделать, чтобы нанести удар по вашим врагам. Настало время отрубить головы Байи, Лафайету и всем негодяям из штаба, всем предателям Ассамблеи. Трибун, военный трибун, или ты потерял без всякой надежды".

Подобные страстные призывы были опубликованы во всех якобинских журналах, и нация воодушевилась. Популярность короля теперь прошла, и почти все считали его предателем, замышлявшим затопить королевство кровью.

В десять часов вечера 22 июня в Париж прибыл курьер с письмом из муниципалитета Варенна, извещавшим об аресте короля. Крик раздавался с улицы на улицу: "Он арестован! он арестован!" Немедленно были назначены три комиссара: Латур Мобур, Петион и Барнав, наделенные полномочиями обеспечить возвращение короля и королевской семьи, и им было предписано соблюдать все уважение, подобающее их рангу. Ассамблея также обратилась к французской нации со следующим обращением:

"14 июля король поклялся защищать Конституцию; поэтому он согласился лжесвидетельствовать. Изменения, внесенные в Конституцию королевства, приписываются *нескольким* фракционерам. Нас *двадцать шесть миллионов* фракционеров. Мы сохранили монархию, потому что считаем ее полезной для Франции. Мы, несомненно, реформировали его, но это было сделано для того, чтобы спасти его от злоупотреблений и эксцессов. Мы выделили ежегодную сумму в размере пятидесяти миллионов франков (10 000 000 долларов) для поддержания законного великолепия трона. Мы оставили за собой право объявить войну, потому что мы не хотели бы, чтобы кровь народа принадлежала министрам.[\[280\]](#)

Французы, все организовано. Каждый человек на своем посту. Ассамблея следит за всеми. Вам нечего бояться, кроме самих себя, если ваши справедливые эмоции приведут вас к совершению какого-либо насилия или беспорядков. Люди, стремящиеся к свободе, должны оставаться непоколебимыми в условиях великих кризисов.

"Взгляните на Париж и подражайте примеру столицы. Все идет своим чередом. Тираны будут обмануты. Прежде чем они смогут подмять Францию под свое ярмо, вся нация должна быть уничтожена. Если деспотизм отважится на это, он будет побежден; или даже если он восторжествует, он восторжествует над ничем, кроме руин".

Давайте теперь вернемся в Варенн и будем сопровождать королевскую семью в их печальном путешествии в Париж. Мы вышли из королевских экипажей под эскортом Национальной гвардии, которые как раз отправлялись из Варенна на обратном пути. Было восемь часов утра. Продвижение к Шалону было медленным, поскольку экипажи могли поспевать только за охраной. Стояла невыносимая жара, и пленники почти задохнулись в облаках пыли. Какое-то время эмоции были слишком глубоки, чтобы их можно было выразить словами, и не было произнесено ни слова. Но часто до ушей короля доносились потоки оскорблений из толпы, которая, казалось, выстроилась вдоль дороги. Временами толпа была настолько плотной, что охранники с некоторым трудом протискивались сквозь нее. Если бы не их штыки, вся королевская семья, вероятно, пала бы жертвами народного гнева.

Уполномоченные Ассамблеи встретили экипажи между Дорманом и Эперне, немедленно приняли командование войсками и взяли королевскую семью под свою опеку. Все население, как бы возбуждено оно ни было, с уважением отнеслось к распоряжениям Собрания. Латур Мобур, джентльмен с благородным характером и близкий друг Лафайета, был горячо привержен Конституции и в то же время стремился спасти монархию. Оба его коллеги были склонны к более радикальной демократии. Надеясь вызвать у них сочувствие в защиту павшего величия, он предоставил своим спутникам честь находиться с королевской семьей в их карете, в то время как сам сел во вторую карету вместе с мадам де Турзель и некоторыми другими дамами из компании. Барнав и Петийон сели в карету короля, чтобы разделить с ним опасность и защитить его от оскорблений. Барнав сел на заднее сиденье, между королем и королевой. Петийон сидел впереди, между Марией Терезией, дочерью короля, и мадам Елизаветой, его сестрой. Маленький семилетний дофин сидел на коленях то у одного, то у другого.

Барнав был молодым юристом с выдающимися способностями и щедрыми порывами. Он был человеком с изысканными манерами, привлекательной личностью и блестящим образованием. Его великодушное сердце было опечалено плачевным состоянием его пленников. Он делал все, что мог, добротой и уважительным вниманием, чтобы смягчить их горе. Однажды к карете подошел несносный священник, демонстративно демонстрируя свою привязанность к придворной партии, которая теперь угрожала Франции вторжением. Разъяренные люди набросились на него, и он, вероятно, был бы убит, если бы не энергичное вмешательство Барнава.

"Французы!" он воскликнул: "Неужели вы, нация храбрых людей, станете нацией убийц?"

Он выпрыгнул бы из кареты, чтобы спасти священника, если бы мадам Элизabet, которая уже оценила его благородный характер, не удержала его за полу сюртука. Она боялась, что и он, теперь почти их единственный защитник, может быть разорван на куски. Сначала королева сидела, плотно прикрытая вуалью, и хранила нерушимое молчание. Но постепенно характер Барнава завоевал уважение всей компании. Король спокойно вступил с Барнавом в беседу о важнейших вопросах дня. Барнав ответил с вежливостью и сочувствием, хотя по-

прежнему был верен своей преданности свободе и искренне отстаивал конституционный трон. Королева, сильно успокоившись, наконец сняла вуаль и постепенно стала общительной и почти доверительной.

Барнав говорил о серьезных ошибках, которые совершили роялисты, отказавшись принять *конституционную монархию*, тем самым подвергнув трон полному свержению, а нацию демократической анархии.

"К каким средствам, - спросила королева, - вы бы посоветовали мне прибегнуть?"

- Популярность, мадам, - последовал ответ.

"Но как, - продолжала королева, - я могла добиться популярности? У меня все это отняли".

"Ах, мадам, - сказал Барнав, - вам было гораздо легче завоевать его, чем мне получить".[\[281\]](#)

Впоследствии королева заметила мадам Кампан, что Барнав "был молодым человеком, полным ума и благородных чувств, и во всех отношениях достойным уважения. Чувство гордости, - продолжала она с искренностью, которая чтит ее память, - заставило его аплодировать всему, что стремится облегчить путь к почестям и славе для класса, в котором он родился. Если власть когда-нибудь снова попадет в наши руки, прощение Барнава уже записано в наших сердцах".

Королевская семья лишь изредка останавливалась на минутку в гостинице, пока меняли лошадей. Днем и ночью они продолжали свой медленный путь, захватив все свои закуски в экипаже. Барнав, с той деликатностью, которая инстинктивна для благородных натур, ни на минуту не забывал о ранге своих августейших пленников. Когда королева настояла на том, чтобы он немного подкрепился, он ответил:

"Мадам, депутаты Национального собрания в столь торжественных обстоятельствах должны беспокоить ваше величество исключительно своей миссией, а ни в коем случае не своими желаниями".

Петион был совсем другим персонажем. Он был одним из тех грубых и вульгарных демагогов, которые так много сделали для того, чтобы опозорить слово *демократия*. Его жестокость вызывала отвращение у всей партии. Он был сторонником равноправия, но социальной наглости. Он демонстрировал грубую фамильярность по отношению к королевской семье, жуя пищу как невежа и выбрасывая кожуру фруктов и кости птицы в окно, рискуя попасть королю в лицо. Король предпринял небольшую попытку завязать с ним разговор, чтобы пробудить хоть какое-то сочувствие.

"Моим желанием было, - сказал король, - увеличить силу исполнительной власти. Я не думал, что этот конституционный акт может быть сохранен без передачи большей власти в руки суверена, поскольку Франция не желает быть республикой".

"Конечно, пока нет, - грубо ответил Петион. - Французы еще недостаточно созрели для республики".

С Петионом больше не разговаривали. Движение экипажей, обремененных эскортом и огромной толпой, запрудившей дорогу, было очень медленным. На возвращение ушло четыре дня. Было семь часов вечера 25-го, когда длинная процессия вступила в Париж. По мере приближения экипажей к пригородам плотность толпы увеличивалась. День выдался

очень жаркий. Ослепительный солнечный свет, отражавшийся от тротуаров и штыков, окружавших карету, был почти невыносим. Вагоны постоянно окутывало густое облако пыли. Заключенные тяжело дышали и были покрыты потом. Один из детей пострадал так сильно, что встревоженная королева воззвала к состраданию толпы.

- Посмотрите, джентльмены, - сказала она, опуская одно из окон, - в каком состоянии мои бедные дети: один задыхается.

Какой-то жестокий негодяй воскликнул низким тоном: "Скоро мы тебя задушим другим способом".

Обычно толпа смотрела на происходящее в изумлении и тишине. Чувства жалости и человечности восторжествовали над негодованием. Конечно, всем не терпелось увидеть короля и королеву, но экипажи окружали хорошо вооруженные конные стражники. Лафайет вышел из города, чтобы встретить кортеж на расстоянии нескольких миль и принять командование. Опасаясь насилия со стороны разъяренного населения Парижа, если огромный кортеж, насчитывающий теперь почти триста тысяч человек и быстро увеличивающийся, проедет по узким улицам города, экипажам было приказано сделать круг и въехать на широкую аллею Елисейских полей, которая вела прямо к Тюильри. В качестве дополнительной меры предосторожности он выстроил войска в глубокую линию по обе стороны проспекта от Барьера л'Этуаль до дворца.

Было решено, что короля следует встречать молча, без аплодисментов и оскорблений. Повсюду были развешаны плакаты с лаконичным объявлением:

"Всякий, кто аплодирует королю, будет выпорот; всякий, кто оскорбляет его, будет повешен".^[282]

Процессия вступила в город под звон сабель, конский топот и смущенный, сдавленный ропот полумиллиона человек. Это был еще один возвышенный поступок в той самой ужасной трагедии времени. Это невозможно описать; это невозможно полностью осознать; этому никогда не было аналогии.

Заполненные толпой, окутанные пылью экипажи въехали в город на исходе одного из самых прекрасных июньских дней. Безоблачное солнце, стоявшее еще час над горизонтом, ослепительно освещало это зрелище, позолотив шпили и купола словно ликующим светом. Вся армия Парижа - всадники, артиллерия и пехота - выстроилась вдоль этого величественного проспекта. Позади них все население Парижа, казалось, затопило поле, заполнив окна, балконы, крыши домов, шпили, деревья и все точки наблюдения.

Лафайет и его штаб появились первыми, когда огромная процессия начала свой въезд. Затем за ними последовала многочисленная кавалькада конных гвардейцев. За ними следовали две королевские кареты, каждая из которых была запряжена шестеркой лошадей и окружена драгунами, сабли которых сверкали в лучах заходящего солнца. Последовало несколько артиллерийских и пехотных полков в компактном порядке, а затем появилась пестрая масса из трехсот тысяч отставших мужчин, женщин и детей, которых это странное событие собрало со всех пригородов столицы.

Воцарилась почти совершенная тишина. Это было похоже на шествие теней ушедших в страну духов. Не было ни звона колоколов, ни пушечных залпов, ни аплодисментов толпы, ни трелей боевых оркестров в реквиемах или джубилатах. Король, униженный, откинулся в

своей карете и спрятался как можно дальше от посторонних глаз. Солдатские штыки сдерживали свирепых негодяев, которые с радостью осыпали бы монарха проклятиями. Та же сила закрыла уста роялистам, которые приветствовали бы своего государя аплодисментами.

Тысячи людей смотрели на эту сцену с молчаливым сочувствием, их глаза были полны слез. Они любили дело конституционной свободы; они оплакивали безрассудство короля. Прием был великолепен в своей уместности. Королю не было оказано никаких почестей, ибо, несомненно, он их не заслуживал. На него не обрушилось никаких оскорблений, ибо это лишь унизило бы тех, кто их оказывал.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ ИЗ ВАРЕННА.

Толпа становилась все более и более плотной по мере того, как экипажи въезжали в сад Тюильри, и путь был настолько загроможден толпой, что проход был обеспечен с немалым трудом. Как только экипажи подъехали к воротам дворца, ближе к концу террасы, королевская семья вышла и прошла сквозь двойную шеренгу Национальной гвардии, выстроенной для их защиты. В этот час несчастья те, кто был наиболее враждебен придворному деспотизму, соперничали друг с другом в своих попытках защитить падшую королевскую семью от унижений. Виконт де Ноай, горячий друг реформ и гуманный, великодушный человек, подошел к королеве, которая последней вышла из экипажа, и

предложил ей руку, чтобы проводить во дворец. Королева с неосмотрительной, но, возможно, простительной гордостью надменно отвергла помощь друга народа и, увидев поблизости одного из придворных, попросила его руки.

Зал Собраний, с тех пор разрушенный, выходил окнами в сад Тюильри. Волнение этого часа приостановило заседание, но оно было немедленно возобновлено, когда король благополучно вошел во дворец. Король казался совершенно спокойным. Лафайет, с глубоким уважением и глубоко тронутый своим сочувствием, явился в апартаменты короля и, не делая ни малейшего намека на разыгравшуюся беспрецедентную сцену, спросил: "Имеет ли ваше величество какие-либо распоряжения для меня?"

"Мне кажется, - ответил король с улыбкой, - что я гораздо больше подчиняюсь вашим приказам, чем вы моим". Поведение королевы в этот трудный час было особенно неудачным. Королевская семья тогда нуждалась во всех друзьях, которых она могла завоевывать. Но королева, потеряв контроль над своими страстями, казалось, бросила вызов всем, кто не был сторонником двора, и попыталась удовлетворить свое негодование, подстрекнув тех, кого она считала своими врагами, теми насмешками на деле, которые еще более раздражают, чем слова.

Предположив, что Лафайет был ее тюремщиком, она подошла к этому благородному патриоту, который был готов пролить последнюю каплю своей крови, чтобы спасти ее от унижения, и вручила ему ключи от своих сундуков. Лафайет, уязвленный столь неблагородным поведением и сочувствующий положению королевы, поклонился, отказавшись принять их, и тоном, полным жалости и огорчения, заявил, что никому и в голову не придет посягать на ее частную собственность.

Несчастливая королева настолько забылась, что раздраженно бросила ключи в шляпу Лафайета, которая лежала на столе. Это было поведение избалованного ребенка. Такой была Мария-Антуанетта. Именно этот дух ускорил ее восхождение на эшафот. Сострадание Лафайета восторжествовало над негодованием. Не обратив внимания на оскорбление, он спокойно ответил:

- Мадам, вы должны извинить меня за беспокойство, которое я доставляю вам, возвращая эти ключи. Я, конечно, не могу к ним прикоснуться.

"Что ж, тогда, - раздраженно ответила королева, - я найду других людей менее щепетильных, чем вы".[\[283\]](#)

Такое поведение королевы только усиливало ее непопулярность. Король был гораздо более внимателен. Хотя он ни в коем случае не равнялся королеве по энергии, у него было гораздо более полное представление о реальном положении дел. Если бы дух королевы был доминирующим, вполне возможно, что Революция в ее зачаточном состоянии была бы подавлена железной рукой. Все дисциплинированные армии Европы были готовы обрушиться на неорганизованное и безоружное население Франции и принудить его к повиновению. Если бы умеренный и гуманный дух короля возобладал, Конституция могла бы быть принята; короля могли бы почитать и любить как конституционного монарха, и Франция могла бы перейти от деспотизма к свободным институтам без кровопролития. Но противоречивый союз непокорной энергии одного и уступчивой умеренности другого сделал гибель неизбежной.

Король вступил в короткую беседу с Лафайетом, в ходе которой преданный патриот сказал своему монарху:

"Ваше величество хорошо осведомлены о моей привязанности к вашей королевской особе, но в то же время вы не были в неведении, что, если вы отделите себя от дела народа, я встану на сторону народа".

"Это правда", - ответил король. "Ты следуешь своим принципам. И я откровенно говорю вам, что до недавнего времени я полагал, что вы окружили меня беспокойной группой людей, придерживающихся вашего собственного образа мыслей, но что ваше мнение о Франции на самом деле не соответствует вашему. Во время моего путешествия я узнал, что меня обманули и что общее желание соответствует вашим взглядам".

Поведение Ассамблеи в этот важный кризис, когда свободы Франции оказались под такой страшной угрозой, было твердым и благородным. В день возвращения короля они издали указы, отстраняющие его от исполнения обязанностей до тех пор, пока комитет из трех человек не заслушает заявления короля и королевы. С той деликатностью, которая до сих пор всегда отличала действия Собрания, эти декреты были приняты в рамках выученных приличий, и король и королева были ограждены от ответа перед всем Собранием, который потребовался бы от любого нарушителя менее высокого ранга. К королевской семье была приставлена охрана, и на нее была возложена ответственность за ее сохранность.^[284]

Барнав, покрытый дорожной пылью, поспешил к Собранию и официально объявил о возвращении короля. И король, и королева прониклись большим доверием к этому благородному молодому человеку, и Барнав помог королю составить декларацию, которая должна была быть представлена членам Ассамблеи в оправдание его бегства.^[285] Король вряд ли мог ожидать, что Ассамблея поверит утверждениям, которые он сделал в этом документе. "У меня никогда не было намерения, - сказал он, - покинуть королевство. У меня не было никаких контактов ни с иностранными державами, ни с моими родственниками, ни с кем-либо из французских эмигрантов. Я выбрал Монмеди, потому что, находясь недалеко от границ, я был бы лучше способен противостоять любому вторжению во Францию, если бы у меня было желание предпринять таковое. Одним из моих главных мотивов покинуть Париж было желание развеять аргумент о моей несвободе, который, вероятно, послужил бы поводом для беспорядков".

Он завершил это заявление словами, характерными для всего его курса. "Во время моего путешествия я убедился, что общественное мнение решительно выступает за Конституцию. Я и представить себе не мог, что смогу в полной мере судить об этом общественном мнении в Париже. Как только я убедился в общей воле, я без колебаний, как никогда не колебался, пожертвовал всем, что имеет для меня личное значение. Я с радостью забуду все испытания, которые мне пришлось пережить, если только смогу обеспечить мир и благополучие нации".^[286]

Таким образом, король вновь пообещал поддерживать Конституцию. Ассамблея приняла эти утверждения в почтительном молчании, хотя они уже не могли верить в искренность короля. Пока король таким образом извинялся, Буйе, бежавший под защиту иностранных армий, направил Ассамблее угрожающее письмо от имени союзных государей Европы, содержащее следующие заявления:

"Я знаю ваши средства защиты", - писал он. "Они ничто; и ваше наказание будет примером для других людей. Послушайте слова человека, который относится к вам и вашему народу с негодованием и ужасом. Я знаю дороги. Я поведу иностранные армии, которые нападут на вас. В Париже камня на камне не будет от вас, если вы посмеете тронуть хоть волос с головы моего короля".[287]

Если бы Буйе хотел спровоцировать нацию на то, чтобы она бросила голову короля врагам свобод Франции в знак вызова, он не смог бы сделать ничего более действенного, чем произнести такую угрозу. Теперь обе стороны энергично готовились к войне. Эмигранты в Кобленце, объявив, что король находится в плену и больше не может иметь никакой собственной воли, провозгласили старшего брата короля (Людовика XVIII) регентом Франции. Были приняты самые энергичные меры по накоплению войск и военного снаряжения для великого вторжения.

СНОСКИ:

[279] Марат, редактировавший "Друга народа", был, по словам Ламартина, "яростью Революции". В его мыслях были неуклюжие кувырки животного, а в его стиле - зубовный скрежет. В каждой строчке его дневника пахло кровью". — *История жирондистов*, том i, стр. 115.

[280] Конституция предоставляла *королю и Собранию* право заключать мир и вести войну. Король горько жаловался, что он больше не уполномочен единолично объявлять войну и заключать мир.

[281] Воспоминания мадам де Кампан, т. ii., стр. 150.

[282] "Киконк аплодирует королевской сыворотке баттонне; киконк причиняет вред сыворотке пенду".

[283] Мемуары Лафайета.

[284] Робеспьер был против этого акта особого уважения и воскликнул:

Что означает это подобострастное исключение? Вы боитесь унижить королевскую власть, передав короля и королеву обычным судам? Гражданин, *гражданка*, любой человек, любое достоинство, каким бы высоким оно ни было, никогда не могут быть унижены законом".

[285] Тьер, том i, стр. 185.

[286] Даже Ламартин говорит: "Король адресовал комиссарам Ассамблеи ответ, недобросовестность которого вызвала улыбку, а не снисхождение его врагов". — *История Ламартина. о жирондистах*, т. i, стр. 105.

"Собрание приняло заявление короля, хотя для них было очевидно, что король не намеревался просто отправиться в Монмеди, где не было сделано никаких приготовлений к его приему, но что он намеревался отправиться в великолепный монастырь Орваль, расположенный в трех лье за границей, в Люксембурге, тогда оккупированном австрийцами. Войска под командованием принца Конде ожидали его прибытия. Бегство короля стало сигналом для лоялистских офицеров дезертировать. Все военнослужащие полка, стоявшего в гарнизоне Дюнкерка, перебежали к австрийцам, унося с собой знамена полка". — *История. de la Rev. Française, par Villiaumé*.

ГЛАВА XXIII.

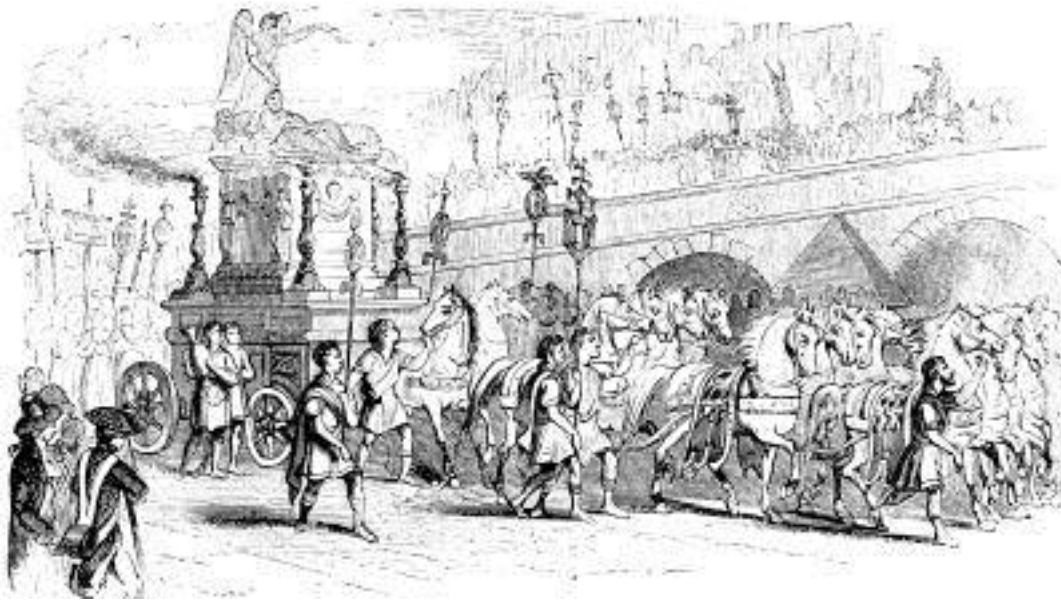
ВОЛНЕНИЯ В ПАРИЖЕ.

Останки Вольтера перенесены в Пантеон.—Решение Ассамблеи о бегстве короля.—Томас Пейн.—Взгляды конституционных монархистов.—Послание Лафайета королю Австрии.—Якобинцы созывают население на Марсово поле.—Мандат якобинцев.—Толпа на Марсовом поле разгоняется военными.—Завершение Конституции.—Примечательный разговор Наполеона.—Король официально принимает Конституцию.—Большая, но преходящая популярность Королевской семьи.

В разгар этих бурных сцен Ассамблея проголосовала за перенос останков Вольтера, которые тринадцать лет пролежали в безвестном аббатстве Шеллиер в Шампани, в парижский Пантеон. 11 июля его гроб был с большой помпой принят у ограды и водружен на пьедестал на древнем месте Бастилии, сооруженном из одного из фундаментных камней крепости. Вольтер когда-то был заключен в этой мрачной цитадели. На пьедестале, на котором стоял гроб, были выгравированы слова:

"Прими на этом месте, где тебя когда-то сковал деспотизм, почести, оказанные тебе твоей страной".

На следующий день яркое солнце пригласило все население Парижа на праздник. Повозка, на которой гроб везли в Пантеон, была запряжена двенадцатью белыми лошадьми, запряженными по четыре в ряд. На них были очень богатые попоны, а вели их фореиторы в старинных одеждах. Процессию возглавлял огромный отряд кавалерии. Заупокойные крики и приглушенный рокот барабанов смешивались с грохотом миниатюрных орудий с соседних высот. Саркофагу предшествовали, окружали и сопровождали Национальное собрание, муниципальные власти города и депутации от всех известных и достойных органов власти Франции. В театрализованном представлении приняли участие ученые, рабочие, художники и, что особенно примечательно, все актеры и актрисы Парижа. Улицы были украшены арками с гирляндами из листьев и венками из роз. Группы красивых девушек, одетых в белое, устилали дорожки цветами. Через определенные промежутки времени звучали музыкальные группы, приветствовавшие приближающуюся машину взрывами мелодии. Перед каждым из главных театров процессия останавливалась, и исполнялся гимн в память о достижениях великого драматурга. Было десять часов вечера, когда огромная процессия достигла Пантеона. Гроб был поставлен между гробницами Декарта и Мирабо.

ОСТАНКИ ВОЛЬТЕРА ПЕРЕНЕСЕНЫ В ПАНТЕОН.

Именно перо Вольтера свергло деспотизм во Франции. Кроме того, именно перо Вольтера так долго изгоняло из человеческих сердец мысли о Боге и будущей ответственности. Таким образом, на месте свергнутого им деспотизма возник другой деспотизм, в тысячу раз более ужасный. Обладая непревзойденной гениальностью и полным отсутствием всяких моральных принципов, он был демоном разрушения, сметающим как хороших, так и плохих в неизбирательное разорение. Он мог заискивать перед печально известным Фредериком и смягчать его пороки. Он всегда был готов преклонить колено перед любовницами Людовика XV. Не было такой гениальной проституции, которая могла бы заставить его покраснеть. Злобный дух, с которым он следовал религии Христа, в полной мере выражен его девизом: *"Сокруши негодяя"*. Гениальность Вольтера побудила Францию попытаться установить свободу без религии. Потрясающий результат, вероятно, отговорит от любого дальнейшего повторения этого эксперимента.

Клуб якобинцев был сильно возбужден умеренностью Собрания и начал требовать полного свержения монархии и установления республики. Вечером 15 июля состоялось собрание клуба, на котором присутствовали четыре тысячи человек. Это была сцена дикого энтузиазма. Лафайет, Барнав и другие, выступавшие за конституционную монархию, были объявлены предателями. Робеспьер и Дантон были ораторами вечера, и их встретили бурными аплодисментами. В Ассамблею была направлена петиция, которая приобрела оттенок приказа и требовала низложения короля как вероломного нарушителя своих клятв. Это был митинг толпы, фактически отвергшей Ассамблею и взявшей на себя как законодательную, так и исполнительную власть. Шумное собрание разогнали только после полуночи. Здесь зародился тот дух беззаконного насилия, который впоследствии превратил Париж в поле крови.

16-го числа уполномоченные представили Ассамблее доклад о бегстве короля. И уполномоченные, и Ассамблея были настроены проявить снисходительность. Они уже были очень встревожены народными волнениями и угрожающей анархией. У них все еще не было желания свергнуть монархию и установить республику. Такая мера была бы полна опасности для Франции в ее расстроенном состоянии и привела бы в тысячекратное раздражение окружающие монархии. Не было никого, на кого они хотели бы обменять своего нынешнего короля. Он был законным монархом, что давало ему огромную власть над всей

аристократией Европы. Он поклялся защищать Конституцию, и теперь согласие стать конституционным монархом было настолько очевидно в его интересах, что можно было надеяться, что он искренне примет это народное дело, которое обеспечит ему всенародную поддержку. Хотя никто не сомневался, что в намерения колеблющегося монарха входило броситься в гущу иностранных армий и с помощью их артиллерии и сабель снова навязать Франции Старый режим, был представлен и принят очень щедрый доклад, снимающий с короля вину.

Под влиянием этих взглядов утверждалось, что король не совершил никакого преступления. Он, несомненно, имел право, если хотел, отправиться в Монмеди. Не было никаких доказательств того, что он замыслил что-то еще, он не нарушил никакого закона. Поэтому Ассамблея постановила, что "в путешествии не было ничего предосудительного".[288]

Якобинская пресса теперь стала очень смелой. "Нет больше короля", - восклицал Бриссо в "*Патриоте*". Давайте будем республиканцами. Таков клич в Пале-Рояле, и он недостаточно быстро набирает обороты".

- Нет короля! нет защитника! никакого регента!" - кричал Фоше в "*Буш де Фер*" ("Железная пасть").

В якобинском клубе было зачитано обращение с открытым требованием уничтожить королевскую власть; и хотя это обращение было воспринято сначала с ропотом — ибо большинство, даже якобинцы, тогда не были готовы к такому шагу, — новая доктрина с поразительной быстротой распространилась среди низших слоев парижан и очень быстро завоевала господство в клубе. Дантон взошел на трибуну якобинского клуба 23 июня и потребовал отречения от престола. "Ваш король, - сказал он, - либо плут, либо идиот. Если нам нужно одно из двух, кто бы не предпочел последнее?"

Якобинский клуб теперь стал очень грозным. Только в Париже он насчитывал уже тысячу восьмьсот членов, каждый из которых был допущен на его заседания по билету. Двести пятьдесят дочерних клубов были разбросаны по главным городам. Она занимала большую часовню монастыря и имела своего президента, своих секретарей, свою трибуну, свой обычный порядок работы и свой журнал, в котором публиковались ее дебаты и резолюции. Многие из самых способных членов Ассамблеи были членами клуба, и их самые мощные усилия красноречия были обращены к клубу, считая, что его голос начинает звучать более убедительно, чем голос Ассамблеи. Якобинский клуб быстро становился великой державой королевства, и в его распоряжении всегда была возбужденная толпа в качестве военной силы.

"Журнал якобинцев", редактируемый Лакло, доверенным лицом герцога Орлеанского, обрушил на монарха поток оскорблений и возражений. Томас Пейн, печально известный поноситель христианства, находился тогда в Париже и был одним из самых жестоких членов якобинского клуба. Он написал подстрекательское обращение, которое было расклеено на всех стенах Парижа, призывая к безапелляционному свержению короля.

Взгляды Лафайета и конституционных монархистов не могут быть переданы лучше, чем красноречивым языком Барнава в речи, обращенной к Ассамблее по этому случаю.

"Я не буду распространяться, - сказал он, - о преимуществах монархического правления. Вы доказали свою убежденность, утвердив ее в своей стране. Некоторые люди, чьи мотивы я не стану оспаривать, ища примеры для приведения, обнаружили в Америке народ,

занимающий обширную территорию со скудным населением, нигде не окруженный очень могущественными соседями, имеющий границы в лесах, а в обычаях - чувства новой расы, и который совершенно не осведомлен о тех искусственных страстях и импульсах, которые приводят к переворотам в правительстве. Они видели республиканское правительство, установленное на этой земле, и отсюда сделали вывод, что подобное правительство подходило и нам.

"Но если это правда, что на нашей территории проживает огромное население; что у нас есть множество людей, преданных исключительно тем интеллектуальным спекуляциям, которые возбуждают честолюбие и жажду славы; что могущественные соседи вынуждают нас объединиться в одно компактное тело, чтобы противостоять им, — если эти обстоятельства полностью зависят от нас, тогда нельзя отрицать, что единственное существующее средство заключается в монархическом правлении.

"Когда страна густонаселенна и обширна, есть только два способа обеспечить ей прочное и постоянное существование. Либо вы должны организовать эти части отдельно, поместив в каждую часть империи часть правительства, поддерживая таким образом безопасность за счет единства, силы и всех преимуществ, проистекающих из большого и однородного объединения, либо вы будете вынуждены централизовать неизменную власть, которая, никогда не обновляемая законом, представляя собой непрекращающиеся препятствия для амбиций, с успехом противостоит потрясениям, соперничеству и быстрым колебаниям огромного населения, взбудораженного всеми страстями, порожденными давно сложившимся обществом.

"Эти факты определяют нашу позицию. Мы можем быть сильными только через *федеративное правительство*, которое ни у кого здесь не хватает безумия предлагать, или через *монархическое правительство*, такое, какое вы создали. Вы доверили *неприкосновенному* королю исключительную функцию по назначению представителей его власти, но вы возложили ответственность на этих агентов.

"Нам наносится огромный ущерб, когда этот революционный импульс, разрушивший все, что можно было разрушить, и который довел нас до точки, где мы должны, наконец, остановиться, увековечивается. Революция не может продвинуться дальше ни на шаг без опасности. На пути к *свободе* первым актом, который следует за этим, является уничтожение королевской власти. В русле *равенства* первое действие, которое должно последовать, - это покушение на всю собственность. Пришло время покончить с революцией. Это должно прекратиться, когда нация станет свободной, и все люди будут иметь равные права. Если она продолжит испытывать трудности, она будет опозорена, и мы вместе с ней. Да! весь мир должен согласиться с тем, что в нынешнем завершении Революции задействованы общие интересы.

"Те, кто проиграл, должны понять, что революцию невозможно повернуть вспять. Те, кто создавал Революцию, должны увидеть, что она достигла своего завершения. Сами короли — если время от времени глубокие истины могут проникать в советы королей, если иногда окружающие их предрассудки позволяют здравым взглядам на великую философскую политику доходить до них — сами короли должны усвоить, что для них существует большая разница между примером великой реформы в правительстве и примером отмены королевской власти; что если мы остановимся здесь, где мы находимся, они все равно останутся королями! Но, каким бы ни было их поведение, пусть вина исходит от них, а не от нас. Возрожденцы империи, неуклонно следуйте своей неизменной линии. Вы были мужественны и могущественны — будьте сегодня мудры и умеренны. В этом будет

заканчиваться славное завершение ваших усилий. Тогда, снова вернувшись к своим домашним очагам, вы получите если не благословение, то, по крайней мере, молчание о клевете".

Хотя эти взгляды на умеренность были в равной степени отвергнуты аристократами и якобинцами, они были приняты с аплодисментами подавляющим большинством Собрания. Аристократы и якобинцы теперь объединились, чтобы всячески мешать работе Собрания. Они оба надеялись с помощью беспорядков и анархии прийти к власти. Толпы начали собираться на улицах Парижа, и в адрес Лафайета и его соратников-конституционалистов раздавались крики об измене. Уже на рыночной площади, в Пале-Рояле и в зале якобинцев отдельные люди осудили Конституцию как тираническую, которую нация так недавно с невыразимым энтузиазмом поклялась поддерживать.[\[289\]](#)

Лафайет, Барнав, Ламеты, Талейран и другие выдающиеся друзья конституционной монархии направили императору Австрии конфиденциальную ноту, заверяя его, что Конституция предоставляет королю столько власти, сколько сейчас возможно получить от французского народа; что любое вторжение союзников во Францию только разозлит народ, приведет к власти якобинцев, поставит под угрозу жизнь короля и что оно не приведет к успеху в восстановлении Старого режима. С королем посоветовались по поводу этой меры, и он дал ей свое одобрение.[\[290\]](#)

Несмотря на эти предупреждения, монархи Европы, опасавшиеся, как бы дух свободы, поднимающийся во Франции, не подорвал их деспотические троны, решили сокрушить патриотов топотом своих драгун. Леопольд Австрийский, Фридрих Вильгельм Прусский и граф д'Артуа вместе с Буйе и другими эмигрантами встретились в Пильнице и 27 августа подписали соглашение о том, что Французская революция была "открытым восстанием", "скандальной узурпацией власти" и что все правительства Европы должны объединиться, чтобы устранить эту неприятность.[\[291\]](#)

Следует помнить, что Якобинский клуб в ходе бурных полуночных дебатов составил петицию к Собранию с требованием низложения короля как лжесвидетеля-изменника. Они хотели демонстрацией народного энтузиазма запугать Ассамблею, чтобы она подчинилась их мандату. Соответственно, все население Парижа было созвано на Марсово поле, чтобы с большим торжеством подписать петицию к Алтарю Федерации, которая еще не была снята.

Рано утром 17 июля начала собираться толпа. Это был субботний день. Кажется, что каждая сцена в драме Революции была разыграна с высочайшим размахом. Вскоре от пятидесяти до ста тысяч человек, включая беднейшие слои населения Парижа, толпились на поле и перелезали через гигантский алтарь.[\[292\]](#) Двое мужчин были схвачены по абсурдному обвинению в том, что они намеревались взорвать алтарь и все, что на нем находилось, с помощью бочки с порохом. Крик "Аристократы!", пронесшийся подобно торнадо по толпе, предотвратил какой-либо судебный процесс и уладил их судьбу. Двое несчастных были буквально разорваны на куски, а их головы были насажены на пики жестокими негодяями, которые теперь начинали выходить из притонов безвестности к уверенности и власти.

Слух об этих убийствах и угрожающем поведении толпы распространился по городу и достиг ушей Собрания. Главных главарей якобинцев нигде не было видно, и утверждалось, что они находились в тайном месте, где могли избежать ответственности, в то время как через своих агентов они подстрекали толпу к демонстрации, которая должна была внушить благоговейный страх Собранию. Посреди самой дикой сцены смятения и неистовства, какую

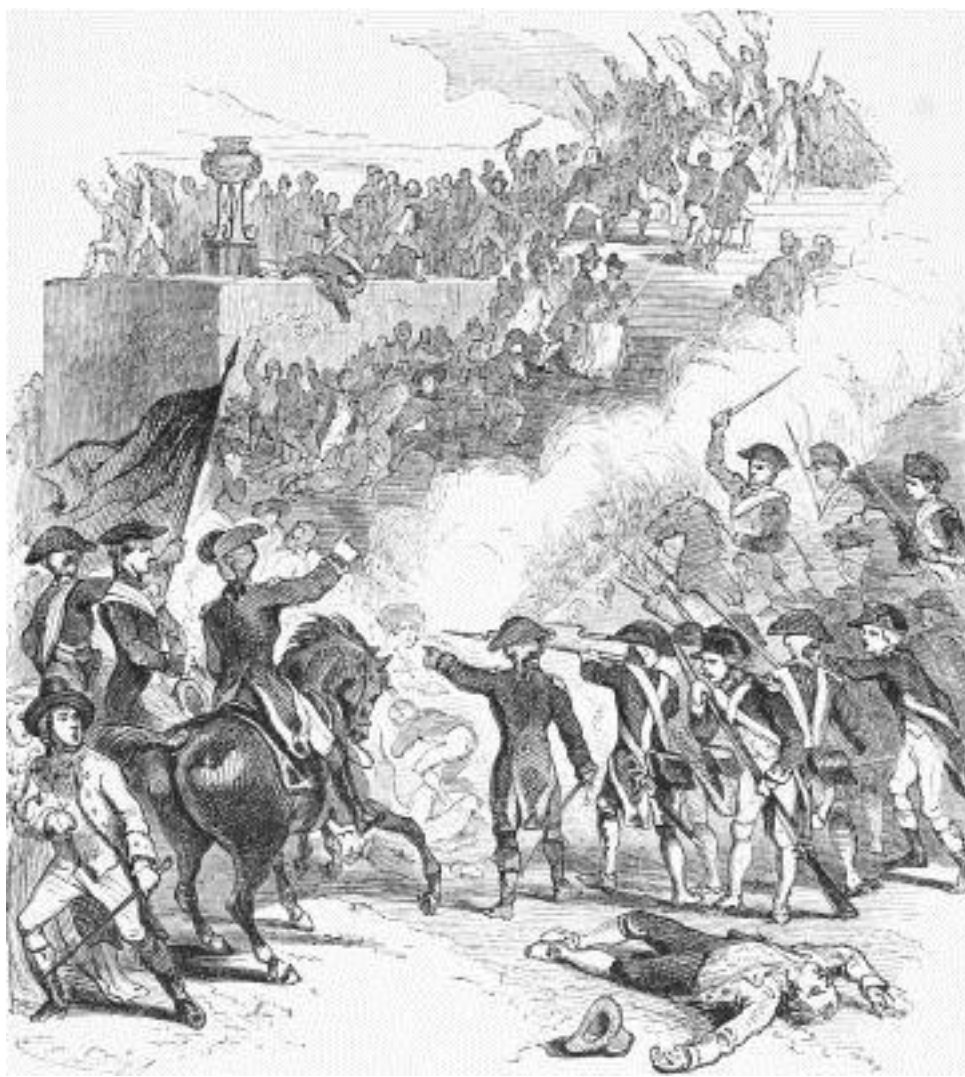
только можно вообразить, *мандат* якобинцев — ибо его нельзя было с полным основанием назвать *петицией*— был положен на алтарь на множестве отдельных листов бумаги и быстро получил шесть тысяч подписей. Это был новый приказ, составленный в данный момент, поскольку оригинал документа найти не удалось. Он гласил следующее:

"Представители народа! ваши труды близки к завершению. Совершенно великое преступление. Людовик бежал, оставив свой пост. Страна на грани разорения. Король арестован, доставлен обратно в Париж, и народ требует, чтобы его судили. Вы заявляете, что он будет королем. Народ этого не желает и поэтому отменяет ваш указ. Короля свергли двести девяносто два *аристократа*, которые сами заявили, что у них больше нет права голоса в Национальном собрании. Ваш указ аннулируется, потому что он противоречит голосу народа, вашего государя. Отмените его. Король преступно отрекся от престола. Примите его отречение".

Ничто не могло быть более отвратительным, чем эта узурпация власти толпой. Ассамблея состояла из представителей двадцати пяти миллионов человек, действовавших в соответствии со спокойной рассудительностью, которой требовали формы закона. И вот шесть тысяч мужчин, женщин и мальчиков, вырвавшихся, возможно, из притонов бесчестия в Париже и вооружившихся пятидесятитысячной толпой самых униженных жителей большого города, которые считаются *нацией*— законодателями и исполнителями законов французского королевства.[293]

Муниципалитет приказал Лафайету с отрядом Национальной гвардии прибыть на место беспорядков и разогнать участников беспорядков. В тот момент, когда появились солдаты, они были встречены свистом, криками и градом камней со стороны населения. Несколько камней попали в Лафайета, и он едва избежал смерти от выстрела из пистолета, выпущенного в него. Отношение толпы было настолько угрожающим, что Лафайет ретировался в поисках более сильных сил. Вскоре он вернулся в сопровождении Байи, мэра города, и всех муниципальных властей, а за ним последовали десять тысяч солдат Национальной гвардии. Красный флаг, возвещавший о том, что в городе введено военное положение, теперь развевался над Ратушей. Топот десяти тысяч человек,[294] вместе с грохотом артиллерии и боем четырехсот барабанов привлекли внимание толпы. Войска, вышедшие через три прохода, пересекавших гласис, были, как по волшебству, выстроены лицом к толпе. Месье Байи верхом на лошади поднял красный флаг в соответствии с законом о массовых беспорядках и приказал толпе разойтись.[295]

Ответом был крик пятидесяти тысяч мужчин, женщин и мальчиков: "Долой красный флаг! Долой Байи! Смерть Лафайету!" Шум стал ужасающим, и на Лафайета и мэра обрушился ливень грязи и камней, а издали в них было произведено несколько пистолетных выстрелов. Толпа, привыкшая к беззаконию, не верила, что муниципальные власти осмелятся приказать солдатам стрелять.

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ 17 ИЮЛЯ 1791 ГОДА.

Лафайет, проявив ошибочную гуманность, приказал авангарду стрелять в воздух. За безобидным залпом последовали крики насмешки и неповиновения. Теперь стало необходимо отдать роковой приказ. Один залп прокатился по полю. За грохотом последовал вопль, когда четыреста убитых или раненых упали на равнину, и когда дым рассеялся, было видно, как вся беспорядочная масса в ужасе летела по набережным и по проспектам. Артиллеристы с хладнокровием натренированных солдат как раз собирались открыть огонь картечью по охваченным паникой беглецам, когда Лафайет, не в силах сделать так, чтобы его голос был услышан сквозь шум, героически бросился под огонь пушек и таким образом спас жизни тысяч людей. Национальная гвардия, опечаленная выполнением долга, столь же тягостного, сколь и властного, вернулась вечером по темным улицам Парижа и разошлась по своим домам.^[296]

На следующий день г-н Байи предстал перед Собранием и с достоинством и мужественной скорбью сообщил о торжестве закона. И Национальное собрание, и муниципалитет Парижа сердечно одобрили поведение Байи и Лафайета. Однако якобинская пресса разразилась самыми яростными нападками. Байи и Лафайет были объявлены убийцами, и было приложено все усилия, чтобы разжечь страсти населения.

Среди таких сцен агитации и насилия Ассамблея завершила свою задачу по формированию конституции. Важный документ, который был лишь частично доработан во время великого

празднования 14 июля 1790 года, теперь был завершен. Однако никто не был полностью удовлетворен Конституцией. Аристократическая партия питала отвращение к демократическому духу, которым она была проникнута, и все же хотела сделать ее еще более возмутительно демократической, чтобы монархическая Европа пришла в еще большее раздражение. Якобинцы подвергли его насмешкам и проклятию, потому что он был недостаточно демократичен. Умеренная партия, представленная такими людьми, как Лафайет и Барнав, хотела наделить короля большей властью, но не осмеливалась предпринимать какие-либо попытки пересмотра Конституции, поскольку аристократы и якобинцы были готовы объединиться против них.

Наполеон в то время был молодым офицером армии, ему было двадцать три года. Его брат Жозеф изучал юриспруденцию в Италии. Вся семья горячо поддерживала народное дело. С самого начала Наполеон был горячим сторонником равных прав и решительным противником насилия толпы. В этот ранний период Революции он выражал взгляды, которых придерживался на протяжении всей своей карьеры.

Примерно в это же время был большой прием, устроенный месье Неккером. Присутствовали все знаменитые мужчины и женщины Парижа. Юный Наполеон, тогда еще совсем мальчишка с виду и почти чужой в Париже, был представлен этому блестящему собранию своим другом аббатом Рейналем. Гений Наполеона и его непревзойденное разговорное красноречие вскоре собрали вокруг него целую группу людей.

"Кто этот молодой человек, - спросил гордый Альфиери, - который собрал вокруг себя такую группу?"

"Он, - ответил аббат, - мой протеже и молодой человек необычайного таланта. Он очень трудолюбив, начитан и добился замечательных успехов в истории, математике и всех военных науках".

Епископ Отенский похвалил солдат за то, что они отказались повиноваться своим офицерам, которые в определенном случае приказали им разогнать толпу ружейным огнем.

"Извините меня, милорд, - сказал наполеон серьезным тоном, привлечшим всеобщее внимание, - если я осмелюсь прервать вас, но, поскольку я офицер, я должен воспользоваться привилегией выразить свои чувства. Это правда, что я молод, и с моей стороны может показаться самонадеянным выступать перед таким количеством выдающихся людей. Но в течение последних трех лет я уделял пристальное внимание нашим политическим проблемам. Я с прискорбием наблюдаю за состоянием нашей страны и скорее навлеку на себя порицание, чем оставлю незамеченными принципы, которые не только несостоятельны, но и подрывают деятельность любого правительства.

"Я, как никто другой, желаю отмены всех злоупотреблений, устаревших привилегий и узурпированных прав. Более того, поскольку я нахожусь в начале своей карьеры, моей наилучшей политикой, а также моим долгом будет поддерживать прогресс народных институтов и продвигать реформы во всех отраслях государственного управления. Но поскольку за последние двенадцать месяцев я был свидетелем неоднократных тревожных народных волнений и видел, как наши лучшие люди разделились на фракции, которые угрожают стать непримиримыми, я искренне верю, что сейчас, *более чем когда-либо*, строгая дисциплина в армии абсолютно необходима для безопасности нашего конституционного правительства и поддержания порядка.

"Нет, если наши войска не будут вынуждены без колебаний подчиняться приказам исполнительной власти, мы подвергнемся слепой ярости демократических страстей, которые сделают Францию самой несчастной страной на земном шаре. Министерство может быть уверено, что, если с каждым днем растущее высокомерие парижской черни не будет подавлено сильной рукой и общественный порядок не будет поддержан должным образом, мы увидим, как не только эта столица, но и любой другой город Франции погрузится в состояние неопишуемой анархии, в то время как настоящие друзья свободы, просвещенные патриоты, работающие сейчас на благо нашей страны, утонут под натиском демагогов, которые, с более громкими призывами к свободе на устах, на самом деле будут всего лишь ордой дикарей, худших, чем нероны древности".[\[297\]](#)

Вся дальнейшая карьера Наполеона соответствовала духу этих замечаний. "Я откровенно заявляю, - сказал впоследствии Наполеон, - что, если бы мне пришлось выбирать между старой монархией и якобинским правлением, я бы бесконечно предпочел первое".

3 сентября Конституция была представлена королю для принятия с пышными церемониями.[\[298\]](#) В девять часов вечера депутация покинула зал Собрания и в сопровождении многочисленного и блестящего почетного караула вошла в Тюильрийский замок. Толпы, запрудившие дорогу, громко зааплодировали. Король, окруженный своими министрами и другими высшими должностными лицами королевства, принял депутацию в своем зале заседаний. Г-н Туре, председатель комиссии, представил королю Конституцию, сказав:

- Сир! представители нации прибыли, чтобы представить вашему величеству конституционный акт, который закрепляет неоспоримые права французского народа, который придает трону его истинное достоинство и возрождает правительство империи".

Король с выражением удовлетворения на лице принял документ и ответил, что изучит его и после кратчайшей возможной задержки сообщит о своем решении Ассамблее. 13-го числа он направил Ассамблее послание, в составлении которого ему помог Барнав и которое содержало следующие примирительные и благородные чувства:

"Я ознакомился с Конституцией. Я принимаю ее и приведу в исполнение. Воля народа больше не вызывает у меня сомнений, и поэтому я принимаю Конституцию. Я добровольно отказываюсь от сотрудничества, на которое я претендовал в этой работе, и заявляю, что, когда я откажусь от него, никто другой, кроме меня самого, не будет иметь права претендовать на это. Пусть отсутствующие, которых сдерживает страх преследований, вернутся в свою страну в безопасности. Давайте согласимся на взаимное прощение прошлого и снимем все обвинения, вытекающие из событий Революции, во всеобщем примирении. Я не имею в виду те, которые были вызваны привязанностью ко мне. Видите ли вы в них какую-нибудь вину? Завтра в полдень я предстану перед Национальным собранием и приму присягу на верность Конституции в том самом месте, где она была составлена".

Это искреннее и сердечное согласие было неожиданным. Оно вызвало взрыв необычайной радости. Лафайет, в ответ на предложение короля, немедленно предложил всеобщую амнистию за все действия, связанные с революцией. Предложение было встречено одобрительными возгласами. На мгновение показалось, что все партии снова объединились, тюрьмы были распахнуты, пленники освобождены, и крики братства и счастья разнеслись по Парижу.

На следующий день король отправился в Ассамблею и занял свое место рядом с президентом. Все члены Ассамблеи приветствовали его стоя, и они оставались стоять, пока он обращался к ним. С самым искренним выражением искренности и удовлетворения король сказал:

"Я пришел, чтобы торжественно освятить здесь признание, которое я дал Конституционному акту. Я клянусь быть верным нации и закону и использовать все делегированные мне полномочия для поддержания Конституции и приведения в исполнение ее указов. Пусть эта великая и памятная эпоха будет эпохой восстановления мира и станет мерилom счастья народа и процветания империи".

Когда король удалился, все Собрание с энтузиазмом провожало его во дворец. Но для некогда абсолютного монарха было горьким испытанием отказаться от своей неограниченной власти и стать конституционным королем. Монарх, хотя и чувствовал себя униженным, все же смог сохранить видимость улыбки и самообладания, пока не оказался в уединении своих собственных апартаментов. Затем он бросился в кресло и, потеряв всякий контроль над собой, разрыдался.^[299] Плачущий король вызывает всеобщее сочувствие. Героическая борьба двадцати миллионов людей за обретение своих свобод также вызывает сочувствие и восхищение каждого благородного сердца.

18 ноября на улицах Парижа была провозглашена Конституция. Было сделано все, что только могло придумать искусство, чтобы придать сцене великолепия.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ НА РЫНОЧНОЙ ПЛОЩАДИ.

Парис снова был в бреду радости. Звонили колокола, гремели артиллерийские залпы, и одобрителные возгласы сотен тысяч людей, смешиваясь с раскатами музыки военных оркестров, наполняли воздух сумятицей всех звуков ликования. Народ никогда не уставал звать короля, королеву, детей к окнам дворца, и всякий раз, когда они появлялись, их встречали взрывами любви и радости.[\[300\]](#)

18-го числа на Марсовом поле состоялся еще один великолепный праздник. Народу была зачитана Конституция. Это было принято ими под одновременный крик трехсот тысяч голосов *"Да здравствует Нация! Vive le Roi!"* Не было слышно ни одного нестройного крика. "После бури те, кто пострадал от нее, так же как и те, кто не пострадал, вместе наслаждаются безмятежностью неба". Вечером Париж и вся Франция засияли иллюминацией и огласились криками миллионов, получивших избирательные права. Взлетели воздушные шары, с которых экземпляры Конституции, как снежинки, посыпались на толпу. Елисейские поля, от Этуаль до Тюильри, сверкали гирляндами, звездами и пирамидами пламени. Каждое дерево пылало дрожащими языками пламени. Величественные оркестры издавали звуки национального триумфа, и толпа, которую никто не мог сосчитать, заполнила этот самый великолепный проспект Европы играми, танцами, криками и песнями ликования.

Лафайет на своем хорошо известном белом коне во главе своего штаба проехал сквозь почти непроницаемую толпу в сопровождении короля, королевы и их детей. Энтузиазм достиг

своего апогея. В воздух полетели шляпы, и из всей могучей массы, словно наэлектризованный симпатией, вырвался крик "*Да здравствует король! Vive la Reine! Vive le Dauphin!*"

Король и королева были вне себя от радости, видя счастье народа и любовь, столь спонтанно и восторженно проявленную к королевской семье. Королева была ошеломлена столь удивительной переменой. Но четыре недели назад королевскую семью вели как пленников по той же улице, окруженную той же бесчисленной толпой, и ни один голос не приветствовал их. Тогда они могли прочесть в каждом взгляде выражение ненависти и неповиновения. Контраст заставил королеву воскликнуть: "Это уже не те люди". Даже ее гордое сердце было тронут, и она впервые начала испытывать некоторое уважение к народным правам. Вернувшись во дворец, она по собственной воле вышла на балкон и представила своих детей толпе, заполонившей террасу. Они получили такое приветствие, какое может исходить только от сердец, светящихся искренностью и радостью. Эти дни радости завершились вознесением благодарности Богу, когда в соборе Парижской Богоматери прозвучало возвышенное песнопение *Te Deum*.

Учредительное собрание, выполнив теперь свою задачу, приготовилось к роспуску. В качестве окончательного ответа всем, кто обвинял его в амбициозных планах увековечить свою власть, и в качестве великодушного проявления патриотической бескорыстности он постановил, что ни один из его членов не должен быть повторно избран в следующий законодательный орган.

В три часа пополудни 30 сентября король в окружении своих министров вошел в Собрание. Он больше не был заложником нации, а ее признанным сувереном; охрана, которую ему поручил закон, теперь находилась под его собственным командованием. При его появлении аплодисменты были такими восторженными и продолжительными, что некоторое время он не мог начать говорить. Затем он сказал:

"Джентльмены, после завершения работы над Конституцией вы приняли сегодняшнее решение о прекращении вашей работы. Я воспользуюсь всеми предоставленными мне полномочиями, чтобы обеспечить Конституции должное уважение и повиновение. Для вас, джентльмены, которые на протяжении долгой и мучительной карьеры проявляли неутомимое рвение в своих трудах, остается выполнить последний долг, когда вы будете рассеяны по лицу империи. Это делается для того, чтобы просветить ваших сограждан относительно духа принятых вами законов; очистить и объединить мнения на примере, который вы подадите, демонстрируя любовь к порядку и подчинение законам. По возвращении домой будьте толкователями моих чувств к вашим согражданам. Скажи им, что король всегда будет их первым и самым верным другом; что он желает, чтобы они любили его, и может быть счастлив только с ними и благодаря им".

Король покинул зал под самые громкие приветствия. Они были последними, которыми его приветствовали. Туре, председатель Собрания, как только король удалился, сказал громким голосом: "Учредительное собрание объявляет свою миссию выполненной и его заседания прекращаются". Так завершилось поистине патриотическое собрание. Оно совершило величайшую и славнейшую революцию, когда-либо совершавшуюся за столь короткое время и с таким небольшим применением насилия. Подавляя в равной степени деспотизм аристократии и беззаконие толпы, он учредил конституцию, содержащую основные элементы свободы, охраняемой законом. В соответствии с этой конституцией Франция могла

бы добиться процветания. Но аристократы и якобинцы объединились в его свержении. Их усилия оказались фатально успешными.

Интересно наблюдать, насколько по-разному одни и те же события воспринимались разными умами. Бертран де Мольвиль, горячий сторонник аристократии, говорит:

Так завершилось это преступное Собрание, чье тщеславие, честолюбие, алчность, неблагодарность, невежество и дерзость ниспровергли самую древнюю и благороднейшую монархию Европы и превратили Францию в арену всех преступлений, всех бедствий и самой ужасной катастрофы. Смогут ли эти вероломные представители когда-нибудь оправдать себя в глазах нации за то, что так недостойно злоупотребили их доверием и их полномочиями?"

С другой стороны, историки-демократы, "Два друга свободы", сожалея о том, что Конституция не была более демократичной, говорят:

"Конституция 1791 года, со всеми ее недостатками, навсегда заслуживает благодарности французского народа, потому что она уничтожила, чтобы никогда не вернуться, все следы феодализма, налагает самые пагубные ограничения на сельское хозяйство, привилегии отдельных лиц, узурпацию священства над гражданской властью и гордые притязания древних корпораций; потому что она осуществила то, чего веками тщетно желала философия и чего никогда не осмеливались предпринять самые абсолютные монархи; и потому что она установила то единообразие, на которое никто никогда не мог надеяться в империи, образованной постепенным приращением аристократии. время от времени и при хорошем правительстве нет такого процветания, которого Франция могла бы не осознать".

Но какова бы ни была оценка, которую политические приверженцы могут дать работе Ассамблеи, ни один разумный человек сейчас не станет отрицать, что подавляющее большинство этого органа были истинными патриотами, искренне желавшими благополучия своей страны. Все признают, что они отменили судебные пытки, поставили всех людей на основе равенства перед законом, отменили возмутительные привилегии, провели масштабную реформу коммерческой юриспруденции, установили свободу вероисповедания и совести, отменили монашеские обеты, отменили отвратительную систему *регистрационных документов*, сделали личную свободу священной, ввели равенство налогообложения и устранили ту провинциальную зависть и ту внутреннюю линию таможен, которые веками серьезно затрудняли внутреннюю торговлю королевства. Все феодальные права были отменены, промышленность поощрялась, а граждане королевства были зачислены в Национальную гвардию для сохранения внутреннего мира и противодействия агрессии.

Эта благороднейшая реформа объединила Европу, атакованную всеми ее боевыми штыками. Преступление погрузило Континент в пучину горя. После почти четверти века пожаров и резни свобода Франции была втоптана в кровавое болото Ватерлоо, и Старый режим был восстановлен.

СНОСКИ:

[287] "Je connais vos moyens de defense; ils sont nul. Et votre châtiment servira d'exemple aux autres peuples. Voilà ce que voit vous dire un homme qui n'a pour vous et votre peuple qu'indignation et horreur. Je connais les chemins; je guiderais les armées étrangères qui vous attaqueront. Si l'on ôte un seul cheven de la tête de mon roi, il ne restera pas pierre sur pierre à Paris. Adieu, messieurs."—*Histoire de la Revolution Française, par Villaumé, p. 160.*

[288] Ассамблея, оправдав короля, осудила Буйе и трех *гвардейцев из Корпуса*, которые сопровождали короля в его бегстве. Невозможно опровергнуть *логику*, с которой Робеспьер выступал против этого решения. "Меры, которые вы предлагаете, - сказал он, - не могут не опозорить вас. Если вы их примете, я требую объявить себя защитником всех обвиняемых. Я буду защитницей трех *гвардейских корпусов*, гувернанткой, даже господина де Буйе. Согласно принципам вашего комитета, *не было совершено никакого преступления*. Там, где нет преступления, *не может быть сообщников*. Джентльмены, посещать более слабого преступника, когда более сильный ускользает, - это трусость. Вы должны осудить всех или оправдать всех". На это ответа не последовало. Собрание проголосовало.

[289] "Теперь начала появляться Республиканская партия. Борьба, которая шла сначала между Собранием и судом, затем между конституционалистами и аристократами, теперь должна была начаться между конституционалистами и республиканцами". —*Минье*, стр. 104.

[290] Вильяуме, стр. 112; Десодардс, стр. 42.

[291] История. de la Rev. Fr., par Villiaumé, стр. 112. "Император Австрии, король Пруссии и граф д'Артуа встретились в Пильнице, где приняли знаменитое заявление от 27 августа, которое, отнюдь не улучшив положение короля, подвергло бы его опасности, если бы Ассамблея в своей мудрости не продолжала следовать своим новым планам, невзирая одновременно на крики толпы дома и иностранных держав". —*Минье*, стр. 107.

[292] История монтаньяров, книга Альфонса Эскироса, стр. 49.

[293] "Легко заметить, сколько поспешных и дрожащих рук начертали на этом документе свидетельства своей ярости или невежества. Многие даже не умели писать. Чернильный круг с крестом в центре отмечает их анонимное присоединение к петиции. Видны некоторые женские имена, и многочисленные имена детей различимы по неточности их почерка, которым руководит другой". —*История жирондистов, Ламартин*, том i, стр. 125.

Этот документ до сих пор хранится в архиве муниципалитета Парижа. На нем можно прочесть имена Шометта, Майяра, Эбера, Орио, Сантера и других, которые впоследствии прославились самыми жестокими и позорными деяниями.

[294] История жирондистов, Ламартин, том i, стр. 126.

[295] Закон о массовых беспорядках, установленный Конституцией, был значительным улучшением Закона о массовых беспорядках Англии. В нем говорилось, что муниципальные чиновники, если общественному спокойствию будет угрожать опасность, должны заявить, что должна быть применена военная сила; и сигналом к этому заявлению должен быть красный флаг на Ратуше, а затем ношение красного флага перед ними по улицам, куда бы они со своими вооруженными силами ни направились. При появлении красного флага все толпы, отказывающиеся немедленно разойтись, считаются преступными и подлежат разгону силой. В толпе не всегда можно услышать *голос*, но всегда можно увидеть *красный флаг*. Толпа, хотя и была таким образом рассеяна, была уполномочена направить шесть человек для изложения своей жалобы правительству.

[296] Существует множество противоречивых мнений сторонников этого события. Самое тщательное расследование привело меня к заявлению, приведенному выше. Когда якобинцы пришли к власти, они отправили Байи на гильотину за этот благородный поступок. Лафайет погиб бы вместе с ним, если бы его не укрыли в застенках Ольмюца. Байи в своем рассказе об этом деле говорит, что было всего двенадцать убитых и примерно столько же раненых.

[297] Описание этого интервью полностью приведено в Эдинбургском журнале Чемберса. Об этом сообщил в этот журнал итальянский джентльмен, ученик Кондорсе, который присутствовал при этом событии.

[298] Работа над Конституцией была начата 17 июня 1789 года и завершена 3 сентября 1791 года.

[299] Воспоминания мадам Кампан, том ii., стр. 157.

[300] Вся современная история едина в свидетельстве об энтузиазме, проявленном по этому поводу.

ГЛАВА XXIV.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВОЙНЫ.

Отношение короля и королевы к Конституции.—Законодательное собрание.—Его демократический дух.—Речь короля.—Болезненная сцена.—Королева планирует побег.—Беспорядки в театре.—Увлечение аристократов.—Оскорбление герцога Орлеанского.—Смущение союзников.—Ответы королю от европейских держав.—Эмигранты в Кобленце.—Королевское вето.—Письма короля своим братьям.—Их ответы.—Жестокие указы.—Петион избран мэром.—Король посещает Ассамблею.—Подъем Республиканской партии.

Монарх Франции, хотя и был лишен абсолютной власти, все же пользовался обширными прерогативами. Ассамблея присвоила ему титул короля Франции, ежегодный доход в пять миллионов долларов, командование армиями и право приостанавливать действие национальных декретов. Король и королева, вероятно, были в то время искренни в своей решимости смириться с переменами и принять Конституцию. В первой беседе, которую Бертран де Мольвиль, роялист, которого король назначил морским министром, имел с королем, монарх сделал следующие замечания:

"По моему мнению, Конституция имеет серьезные недостатки, и если бы я был свободен высказать некоторые замечания Ассамблее, результатом могли бы стать очень полезные реформы. Но теперь уже слишком поздно, и я принял это таким, какое оно есть. Я поклялся привести это в исполнение, и я должен быть и буду строго верен своей клятве".

- Но позволено ли мне, - спросил министр, - спросить ваше величество, совпадает ли мнение королевы по этому вопросу с мнением короля?

"Да, именно так, - сказал король. - она сама вам это скажет".

"Я спустился по лестнице, - продолжает Бертран де Мольвиль в своем интересном повествовании, - к королеве, которая, с чрезвычайной добротой заявив, что она, как и король, чувствует себя в большом долгу передо мной за то, что приняла министерство при таких критических обстоятельствах, добавила эти слова:

"Король ознакомил вас со своими намерениями относительно Конституции. Ты думаешь, что единственный план, которому он должен следовать, - это придерживаться своей клятвы?

"Совершенно верно, мадам", - ответил я.

"Что ж, тогда, - сказала королева, - будьте уверены, ничто не заставит нас измениться. Ну же, господин Бертран, мужайтесь! Я надеюсь, что с терпением, твердостью и настойчивостью еще не все потеряно".^[301]

Непосредственно перед роспуском Учредительного собрания в соответствии с положениями Конституции были проведены выборы в первое *Законодательное собрание*. Этот законодательный орган должен был обновляться каждые два года. Ни один член Конституционного собрания не имел на это права. Следовательно, Законодательное собрание состояло в основном из малоизвестных людей с небольшим политическим опытом. Их было семьсот сорок пять.

Законодательное собрание было созвано 1 октября, на следующий день после роспуска Учредительного собрания, в зале, который занимал этот орган.^[302] На первом заседании было замечено, что внешний вид Ассамблеи сильно изменился; что почти все седые головы исчезли; и что Франция попала в руки молодых людей. Шестьдесят депутатов были моложе двадцати шести лет. Дух нового Собрания был развит в его первых декретах. Была направлена депутация, чтобы сообщить королю, что Собрание организовано. Председатель депутации, согласно придворному этикету, приблизился к королю и, остановившись на расстоянии четырех шагов, поклонился и сказал:

- Сир, Ассамблея сформирована, и нам поручено проинформировать ваше величество.

Сообщив о результатах своей миссии, некоторые депутаты были оскорблены тем, что древние королевские титулы были сохранены.

"Я требую, - воскликнул один из них, - чтобы этот титул *величества* больше не употреблялся".

"Я требую, - воскликнул другой, - чтобы этот титул *сира* был упразднен. Это всего лишь сокращение от слова "сеньор", которое признает суверенитет человека, которому оно дано. Здесь нет иного величия, кроме величия закона и народа. Давайте не оставим королю никакого другого титула, кроме титула короля Франции".

В комнате стояло позолоченное кресло, возвышавшееся над креслом президента, которое занимал король, когда посещал Ассамблею. У членов церкви всегда был уважительный обычай оставаться непокрытыми в присутствии короля и стоять, когда он обращался к ним. По обычаю, обращаясь к Собранию, король должен был сидеть и надевать шляпу.

"Пусть уберут этот скандальный позолоченный стул", - сказал другой. "Пусть между нами и королем будет равенство в том, что касается церемоний. Когда он обнажен и стоит, давайте встанем и обнажим наши головы. Когда он накроется и сядет, давайте сядем и наденем наши шляпы".

Эти указы, отменявшие уважение, подобающее рангу, и вежливость, столь необходимые для смягчения ожесточенности политической борьбы, были быстро приняты. Конституционная партия по всей Франции в целом была подавлена и встревожена, а король был глубоко уязвлен. Он заявил, что Конституция не требует от него подвергать оскорблению монархическое достоинство и что он не будет лично председательствовать на открытии законодательного органа, а возложит эту обязанность на своих министров.^[303] Встревоженное решением короля и признаками общественного неодобрения, Собрание после двухдневных дебатов отменило возмутительные указы.

Якобинцы расценили отмену как поражение и в Ассамблее, в своих клубах и в своих журналах делали все, что могли, чтобы вызвать возмущение населения. Роялистские

журналы также присоединились к ним в попытке подавить это возвращение к умеренности насмешками. "Смотрите, - кричали они, - насколько презренной является эта революция; насколько осознающей свою собственную слабость. Посмотрите, как часто за два дня он обманывал сам себя". Роялисты все еще упорствовали в своих попытках спровоцировать революционную партию на все мыслимые бесчинства, чтобы Европа могла более эффективно подавить Революцию.[304]

7-го числа король отправился на Собрание. Его встретили, по-видимому, единодушными аплодисментами, одни энергично кричали *"Да здравствует король!"*, а другие, еще более энергично: *"Да здравствует наше величество!"* Речь короля была примирительной и была встречена с теплым одобрением. Члены Собрания, однако, оставались на своих местах, пока король обращался к ним. Людовик расценил это как оскорбление, и это ранило его особенно остро.

Королева присутствовала на заседании в частной ложе. Неуважение, с которым обошлись с королем, пронзило ее до глубины души. Она сидела словно в оцепенении молчания, ее лицо, бледное и изможденное, выдавало горечь ее страданий. Король, покинув Собрание, немедленно поспешил в личные апартаменты королевы. Он был так бледен и взволнован, что у королевы вырвался возглас удивления. Несчастный монарх бросился на диван и, прижимая к глазам носовой платок, сказал:

- Все пропало! Ах, мадам, и вы свидетель этого унижения. Что? вы приехали во Францию, чтобы увидеть...

"Эти слова, - пишет мадам Кампан, - были прерваны рыданиями. Королева бросилась перед ним на колени и заключила его в свои объятия. Я остался с ними не из какого-то предосудительного любопытства, а из-за оцепенения, которое сделало меня неспособным определить, что мне следует делать. Королева сказала мне: *"О, уходи, уходи"* с акцентом, который выражал: "Не оставайся свидетелем уныния и отчаяния твоего государя". Я удалился, пораженный контрастом между криками радости за пределами дворца и глубоким горем, которое угнетало монархов внутри".

Королева решила немедленно покинуть Париж и вернуться к своим друзьям в Вену, чтобы в сердце Австрии составить план возвращения трона. Король настолько проникся этим планом, что написал письмо, которое г-н Гогела должен был передать императору. В течение всего дня сад и внутренний двор Тюильри были переполнены людьми, и радостные крики народа наполняли воздух. Невежественное население, полагая, что король и королева разделяют их радость, громко призывало их проветриться в своей карете на Елисейских полях. Отказываться было сочтено неблагоприятным. С тяжелым сердцем они сели в карету и медленно поехали по великолепному проспекту в сопровождении офицеров парижской армии. Здесь их ожидало новое оскорбление. Хотя их неоднократно приветствовали криками *"Да здравствует король!"*, мужчина гигантского роста с громовым голосом держался у окна вагона, постоянно прерывая эти крики криком: *"Нет, не верьте им. Да здравствует Нация!"* Этот единственный зловеющий голос, беспрестанно повторявшийся, глубоко запал в их сердца и стер все впечатления от общественного признания. В глубочайшем унынии они вернулись во дворец.[305]

В ту ночь Париж сиял иллюминациями, и крики радостного веселья наполняли все улицы; но в этих громких аплодисментах королева услышала лишь похоронный звон по монархии, и в полночь, уединившись в своем будуаре, она планировала побег из Франции.

Король и королева сочли чрезвычайно важным публично продемонстрировать видимость содержания. Через несколько вечеров после этого королевская семья посетила Итальянский театр. Когда мадам Дюгюзон пела эти слова: *"Ах! как я люблю свою госпожу"*, - она повернулась к королевской ложе и грациозно поклонилась королеве. Сразу же многие якобинцы в партере закричали: "Никакой госпожи! нет господина! свобода!" Это заставило других кричать: "Да здравствует король! да здравствует королева!" Еще более энергично якобинцы ответили: "Нет короля! нет королевы!" В одно мгновение театр погрузился в хаос. Разъяренные противники от слов перешли к дракам, и на глазах у королевской семьи произошла ожесточенная драка. Весть о драке быстро распространилась по Парижу, и возбужденная толпа быстро собиралась, когда королевская стража окружила короля и королеву и благополучно доставила их во дворец. Это был последний раз, когда королевская семья отважилась посетить театр.[306]

Королева все это время вела частную зашифрованную переписку с иностранными державами и через своих агентов совещалась с Уильямом Питтом в Лондоне. "Королева сказала мне, - пишет мадам Кампан, - что ее тайный посланник был возвращен из Лондона и что все, что ему удалось вытянуть из Питта, которого он нашел тревожно сдержанным, это то, что *он не допустит падения французской монархии*; что позволить революционному духу возвести организованную республику во Франции было бы большой ошибкой в отношении спокойствия в Европе".[307]

Королева пожаловалась, что ее саму сильно смущает высокомерие знати. "Когда я делаю что-либо, - сказала она мадам Кампан, - что не нравится *дворянству*, ко мне относятся с явным пренебрежением. Никто не придет на мои карточные вечеринки, и король останется в одиночестве".[308]

Роялисты, действительно, похоже, предались полному помешательству. Они делали все, что было в их силах, чтобы оскорбить и вывести из себя тех, кто не был их политическими союзниками. Герцог Орлеанский отправился в Тюильри, чтобы присутствовать на королевской церемонии. Придворные, толпившиеся в прихожих, как только он вошел, столпились вокруг него, толкали, наступали ему на пятки и пихали локтями. "Джентльмены, - кричали они друг другу, - следите за посудой!" - подразумевая, что герцогу подсыпали яд в закуски. В конце концов герцог был вынужден удалиться, так и не повидавшись с королевской семьей. Толпа последовала за ним к лестнице и, когда он спускался, плевала на него, покрывая слюной его голову и одежду. Герцог предположил, хотя и ошибочно, что король и королева спровоцировали это непростительное безобразие. Неудивительно, что этот человек, когда пришел его час власти, проголосовал за то, чтобы отправить короля на гильотину.[309]

Королева была неумолима в своей враждебности к Лафайету и часто обращалась с ним с самой раздражающей грубостью. "Ее отвращение, - говорит мадам Кампан, - к генералу росло с каждым днем и стало настолько сильным, что, когда ближе к концу Революции он, казалось, был готов поддержать пошатнувшийся трон, она никогда не смогла бы заставить себя взять на себя столь большие обязательства перед ним".[310] Однажды Лафайет встретился с королевой в частной беседе, пока его помощники ждали его в салоне. Некоторые придворные дамы, чтобы оскорбить Лафайета и его помощников, громко сказали: *"Очень тревожно видеть королеву наедине с мятежником и разбойником"*.

Чувства короля были теперь настолько возмущены, что он не мог беззаботно упорствовать в своей решимости поддерживать новый порядок вещей. Союзные монархи были, однако, настолько смущены принятием королем Конституции и повторным заявлением короля о том,

что он принимает всю систему правительственных реформ, что они некоторое время колебались, приводить ли в исполнение декларацию Пильница. Людовик XVI уведомил все дворы Европы об изменениях, произведенных в правительстве Франции, и с большой церемониальной помпой разослал им всем копию Конституции, изящно отпечатанную на атласной бумаге. Союзники больше не могли притворяться, что они ведут войну против *восставшего народа*. Теперь было необходимо, если они продолжают враждовать, напасть на законного короля и отрицать перед лицом всего мира, что правительство Франции имело какое-либо право смягчать суровость своего деспотизма.

Европейские дворы были совершенно сбиты с толку новым обликом, который, таким образом, приобрели ярмарки аф. Им было необходимо обратить некоторое внимание на вежливое сообщение, которое было им передано. Леопольд Австрийский, казалось, был склонен прекратить конфликт, полагая, что мир будет способствовать безопасности его сестры Марии-Антуанетты. Поэтому он дал мирный ответ. Пруссия и Англия прислали вежливые ответы с заверениями в своих дружественных намерениях. Голландия, итальянские княжества и Швейцария заняли дружественную позицию. Россия была холодной, надменной и сдержанной. Шведский король Густав ответил оскорбительно, что король Франции был пленником и что его согласие на Конституцию было получено по принуждению и, следовательно, не заслуживает уважения со стороны иностранных держав.^[311] Выборщики Трева и Менца, на территориях которых в основном нашли убежище эмигранты, дали уклончивые и неудовлетворительные ответы. Испания также, заявляя, что у нее нет желания нарушать внутреннее спокойствие Франции, не могла скрыть своего недовольства тем, что свободные институты были созданы так близко от ее границ.

Однако эмигранты все еще собирались в Кобленце и готовились к войне. Король колебался. Несомненно, что он направил эмигрантам в Кобленце, по-видимому, самые искренние предписания распастись и вернуться во Францию, приняв новый порядок вещей. Столь же несомненно, что он поддерживал частную переписку с эмигрантами, призывая их проявить настойчивость и отправиться к нему на выручку.^[312]

Это враждебное сборище в Кобленце, постоянно угрожавшее королевству вторжением, держало Францию в состоянии постоянного брожения. Военный министр доложил Собранию, что тысяча девятьсот офицеров армии покинули свои посты и присоединились к грозному врагу. После долгих и очень напряженных дебатов был принят декрет, объявляющий, что французские эмигранты, собравшиеся в Кобленце, предположительно состоят в заговоре против Франции; что, если 1 января следующего года они все еще будут продолжать собираться, они должны быть признаны виновными в заговоре, привлечены к ответственности как таковые и наказаны смертной казнью; и что доходы тех, кто отказался подчиниться этому декрету, должны взиматься при их жизни на благо нации без ущерба для прав жен, детей и законных кредиторов.^[313]

Король 10 ноября вернул этот закон своим *вето*. Это была впечатляющая сцена. Все министры короля в полном составе отправились на Ассамблею. В целом было понятно, что право *вето* должно быть применено. Затаившая дыхание тишина воцарилась в Зале. Законопроект был возвращен президенту с официальной формулировкой: "*Король рассмотрит его*". Со всех концов палаты представителей немедленно поднялся громкий ропот, и министры удалились, оставив Ассамблею в глубоком раздражении. Укрепилось убеждение, что король сочувствует заговорщикам.

Чтобы сгладить это впечатление, король на следующий день издал обращение к эмигрантам, призывая их прекратить беспокоить Францию своими угрозами и, как добропорядочных

граждан, вернуться и уважать установленные законы своей страны. Он умолял их не принуждать его применять к ним суровые меры. Что касается обвинения в том, что он был лишен свободы, он сказал, что *вето*, которым он только что воспользовался в их пользу, было достаточным доказательством свободы его действий. В то же время он опубликовал два очень решительных письма своим двум братьям. Людовику он написал следующее:

"Париж, 11 ноября 1791 года.

"Луи Станисласу Ксавье, французскому принцу, брату короля, — я написала тебе, мой брат, 16 октября прошлого года, и ты не должен был сомневаться в моих истинных чувствах. Я удивлен, что мое письмо не произвело того эффекта, которого я имел право от него ожидать. Чтобы напомнить вам о вашем долге, я привел все аргументы, которые должны были бы тронуть вас больше всего. Ваше отсутствие - предлог для всех недоброжелателей; своего рода наказание для всех обманутых французов, которые воображают, что служат мне, держа всю Францию в тревоге и возбуждении, которые являются мучением моей жизни.

"Революция завершена. Конституция завершена. Франция желает этого; я буду поддерживать ее. От ее укрепления теперь зависит благополучие монархии. Конституция наделила вас правами; она выдвинула к ним одно условие, выполнение которого вы должны выполнить, не теряя времени. Поверь мне, брат, и отбрось сомнения, которые я стараюсь возбудить в тебе относительно моей свободы. Я собираюсь доказать вам самым торжественным актом и при обстоятельствах, которые вас интересуют, что я могу действовать свободно. Докажи мне, что ты мой брат и француз, подчинившись моим мольбам. Твое место рядом со мной; твои интересы, твои чувства в равной степени побуждают тебя прийти и возобновить это. Я приглашаю тебя и, если позволите, приказываю тебе сделать это. (Подпись), Луи".

В том же духе он написал своему брату Чарльзу. Но ни обращение к эмигрантам, ни письма его братьям не произвели никакого эффекта. Граф Прованский (Людовик XVIII.) в своем ответе сказал:

"Содержащийся в письме приказ мне вернуться и занять свое место лично от вашего величества не является свободным выражением вашей воли. Моя честь, мой долг, нет, даже моя привязанность в равной степени запрещают мне повиноваться".

Граф Артуа (Карл X.) ответил:

"Решения, упомянутые в этом письме, предоставили мне новое доказательство морального и физического заточения, в котором наши враги осмеливаются держать ваше величество. После этого заявления ваше величество сочтет естественным, что, верный своему долгу и законам чести, я не должен подчиняться приказам, явно вырванным у вас насилием".

Теперь возникла еще одна очень серьезная трудность. Конституция устанавливает свободу совести и вероисповедания. Однако она справедливо требует, чтобы все государственные служащие приносили присягу на верность Конституции. Церковь так долго находилась в тесном союзе с государством, что этот союз не был разорван, и духовенство, как государственные служащие, получавшие жалованье из национальной казны, следовательно, было обязано приносить присягу. Любой мог отказаться принять эту присягу. Поступая таким образом, он просто лишался работы в стране. Ему по-прежнему разрешалось выполнять функции служения для всех, кто был расположен поддерживать его как своего пастора.

В провинции Вандея большинство духовенства отказалось принести присягу и увлекло за собой огромное большинство простых и суеверных крестьян. Церкви, в которых они служили, были немедленно переданы другим священникам, принявшим присягу. Огромная масса людей покинула церкви и последовала за своими неверующими пасторами в частные дома, амбары и в поля. Был возбужден большой энтузиазм, и священники, не принявшие присягу, попытались настроить народ против своих коллег, принявших присягу, и против людей, принявших их служение. Акты насилия были частыми, и гражданская война была неминуема.

Законодательное собрание было встревожено и попыталось преодолеть возникшую трудность, приняв меры, полностью противоречащие свободному духу Конституции. Они постановили, что неработающих священников следует снова призвать к принесению присяги на верность Конституции; что, если они откажутся, их следует не только лишить всякого жалования, но и удалить из их приходов и даже заключить в тюрьму, если потребуются, чтобы они не подстрекали своих бывших прихожан к гражданской войне. Им также было запрещено пользоваться привилегией частного богослужения. Административные органы были обязаны передать Ассамблее список таких священников с примечаниями относительно поведения каждого из них.

Эти указы, несомненно, были неконституционными. Епископы и священники, которым они угрожали, направили королю серьезный протест против них. Многие из наиболее влиятельных конституционалистов выступали против них как против тиранических и жестоких. Король был так тронут, что сказал своим министрам, которые разделяли его мнение: "Они скорее лишат меня жизни, чем заставят санкционировать подобные указы".

Король вернул законопроект, наложив *вето*, и усилил ненависть, которую это, естественно, вызвало бы, сохранив, вопреки просьбам своих лучших друзей, священнослужителей, не допускаемых к совершению религиозных служб в его часовне. Хотя мы не можем похвалить его *благоразумие* мы должны уважать дух который побудил его сказать:

"Конституция провозглашает свободу религиозного отправления для всех. Король, несомненно, имеет такое же право на эту свободу, как и его подданные".

Все аргументы были на одной стороне, но опасность, более могущественная, чем доводы, - на другой. "Священники, не причинившие вреда, - восклицали, - разжигают гражданскую войну. Закон о самообороне требует, чтобы мы нанесли им удар".

После завершения работы над Конституцией Лафайет, подражая характеру Вашингтона, сложил с себя командование Национальной гвардией и удалился в свои поместья. Байи также подал в отставку с поста мэра Парижа. Командование гвардией было поручено шести генералам, которые должны были осуществлять его поочередно. Предстояло выбрать нового мэра Парижа. Лафайет был кандидатом конституционалистов и представителем той радикальной части республиканцев, которых называли якобинцами. Аристократия, с ее привычным увлечением, поддерживала Петиона своим влиянием и большими денежными затратами. Они опасались, что конституционная монархия может быть сохранена, но они верили, что якобинцы введут такую анархию, которая могла бы обеспечить возвращение старой монархии.

- Маркиз де Лафайет, - сказала королева, - желает стать мэром Парижа только для того, чтобы быть *мэром дворца*. Петион - якобинец и республиканец; но он глупец, неспособный когда-либо стать лидером партии. Он будет никчемным мэром. Кроме того, возможно, что

знание о том, какой интерес мы проявляем к его избранию, может привести его к королю.[314]

Петион был избран подавляющим большинством голосов. Впоследствии король и королева горько оплакивали его избрание. Но таким образом, несмотря на всю эту трагедию, они отвергли тех, у кого единственного хватило духу и способности помочь им.

В разгар этих волнений до Парижа каждый день доходили самые тревожные слухи об угрожающем поведении эмигрантов. По всей длине германских границ, в Страсбурге, Кобленце, Вормсе, они выстраивали свои батальоны и собирали военное снаряжение. Раздраженное этими постоянными и дерзкими угрозами, Собрание направило депутацию из двадцати четырех членов к королю с указом, объявляющим, что от курфюрстов Трева и Менца и других князей Германской империи следует потребовать разогнать эти враждебные сборища, сформированные на их территориях для вторжения во Францию. Г-н де Вобланк, возглавлявший депутацию, сказал королю:

"Сир, если бы французы, изгнанные из своей страны отменой Нантского эдикта, собрались с оружием в руках на границах и находились под защитой германских князей, мы спрашиваем вас, сир, как бы повел себя Людовик XIV?" Потерпел бы он эти собрания? То, что он сделал бы ради своей власти, ваше величество может без колебаний сделать для поддержания Конституции".

Король, стремясь вернуть себе позиции, утраченные из-за его *вето*, решил отправиться в Ассамблею и лично ответить на их послание. Вечером 14 декабря, когда о его приезде было объявлено заранее, он вошел в зал. Его встретили самым ледяным молчанием. Однако вскоре его речь вызвала энтузиазм и аплодисменты.

Он заверил Ассамблею, что горячо сочувствует им во всей их заботе о чести Франции, что он уже дал понять курфюрстам Трева и Менца, что дальнейшее скопление войск в пределах их границ для вторжения во Францию будет считаться поводом к войне. Он сказал, что написал Леопольду, императору Германии, требуя его вмешательства, чтобы предотвратить сбор враждебных Франции войск в пределах Германской империи, и закончил заявлением, что он будет верно охранять Конституцию и что он ценит славу быть королем свободного народа.[315]

Эта речь была встречена бурными аплодисментами, и было немедленно принято решение разослать ее по всем восьмидесяти трем департаментам империи. Сразу же после ухода короля в отставку вошел граф Луи де Нарбонн, военный министр, и сообщил Собранию, что по приказу короля на Рейне должно быть немедленно собрано сто тысяч человек для отражения вторжения; что командовать ими назначены три генерала — Люкнер, Рошамбо и Лафайет; что он собирается немедленно отправиться инспектировать крепости на границе. В то же время все дипломатические агенты, которых обвиняли в покровительстве аристократической партии, были отстранены, а на их место были назначены более демократичные офицеры. Эти меры были настолько популярны и свидетельствовали о том, что король искренне намеревался защищать Конституцию, что даже возмутительные *вето* были приняты без дальнейшего ропота.

Эти меры были приняты энергично. Люкнер и Рошамбо, назначенные маршалами Франции, поспешили к границам. Лафайет вскоре последовал за ними. Батальоны Национальной гвардии сопровождали его, когда он покидал Париж, и повсюду его встречали аплодисментами.

Эмигранты были единодушны в своем стремлении к вторжению во Францию, к полному свержению Конституции и восстановлению Старого режима. Леопольд Австрийский, однако, беспокоясь о безопасности своей сестры Марии-Антуанетты и смущенный принятием королем Конституции, желал добиться некоторого компромисса, при котором Франции была бы разрешена конституция, но гораздо более аристократическая по своим положениям. Густав Шведский и Екатерина Российская стремились к быстрой и энергичной войне. Екатерина написала сильное письмо Леопольду, чтобы побудить его к действию.

"Король Пруссии, - писала она, - за простую невежливость по отношению к своей сестре послал армию в Голландию, чтобы наказать за оскорбление. И будет ли австрийский император терпеливо сносить оскорбления, обрушивающиеся на его сестру, королеву Франции, унижение ее ранга и сана и низвержение с трона короля, который является его шурином и союзником?"[316]

При таком положении дел французскому послу в январе 1792 года было поручено проинформировать австрийское правительство о том, что есть основания опасаться формирования коалиции против суверенитета и независимости Франции, и запросить Леопольда, намеревался ли он вмешаться во французскую революцию. Оказав таким образом давление, австрийский кабинет министров направил ответ, содержащий следующее признание:

Когда Франция показала Европе зрелище законного короля, вынужденного чудовищным насилием бежать, торжественно протестующего против молчаливого согласия, которого они у него вымогали, а немного позже остановленного и заключенного в плен его подданными, — да, тогда шурином и союзником короля *сделал* то, что побудило другие европейские державы присоединиться к нему в заявлении Франции, что все они рассматривают дело его христианнейшего величества как свое собственное; что они требуют, чтобы этот принц и его семья были освобождены и имели право идти, куда им заблагорассудится. ; и они требуют от этих королевских особ неприкосновенности и должного уважения, которые по закону природы и наций должны быть оказаны подданными их принцам; что они объединятся, чтобы отомстить самым решительным образом за каждую дальнейшую попытку, которая может быть совершена или может быть допущена к совершению против свободы, чести и безопасности короля, королевы и королевской семьи; и что, наконец, они не признают конституционными и юридически установленными во Франции никакие законы, кроме тех, которые должны иметь добровольное согласие короля, пользующегося полной свободой. Но если, с другой стороны, эти требования не будут выполнены, они совместно используют все доступные им средства, чтобы положить конец скандальной узурпации власти, которая выглядит как открытое восстание и подавление которой, исходя из опасностей данного примера, касается всех правительств Европы".

Республиканскую партию в Законодательном собрании называли жирондистами, потому что их лидеры, как правило, были выходцами из департамента Жиронда. У них были убедительные, и теперь общепризнанные доказательства того, что король, вместо того чтобы поддерживать Конституцию, вступил в сговор с эмигрантами и иностранными державами с целью ее свержения. Жирондисты, уверенные таким образом, что король враждебен конституционной свободе, но в то же время притворяющиеся ее другом, чтобы он мог более эффективно нападать на нее, стремились к его свержению и установлению республики. Откровенность, конечно, не может их порицать. Двадцать пять миллионов людей не были обязаны отдавать свои свободы в руки монарха, который вступил в сговор с иностранными врагами, чтобы снова поработить их.

Республиканская партия росла так быстро и приобрела такое влияние, что король был вынужден в начале 1792 года отправить в отставку своих министров-роялистов и призвать в свой кабинет лидеров республиканцев Дюмурье, Ролана и других. Он был вынужден с большой неохотой пойти на этот шаг, и вскоре они вынудили его, с еще большей неохотой, объявить войну Австрии.

СНОСКИ:

[301] Бертран де Молевиль, т. vi., стр. 22. Смотрите также Воспоминания мадам Кампан, т. ii., стр. 161.

[302] "Это Собрание (Учредительный орган) состояло из самых внушительных людей, которые когда-либо представляли не только Францию, но и человечество. Члены Учредительного собрания не были французами, они были универсальными людьми. Они были и чувствовали себя служителями Бога, призванными Им восстановить общественный разум, и нашли справедливость во всей вселенной. Декларация прав человека доказывает это. Таким образом, не было ни одного из его апостолов, кто не провозглашал бы мир между народами. Мирабо, Лафайет, сам Робеспьер стерли войну из символа, который они преподнесли нации". — *История. о жирондистах, Ламартин*, том i, стр. 250.

[303] Ламартин, осторожно извиняясь за эти декреты, говорит: "Народ был рабом, освобожденным лишь вчера и все еще дрожащим от лязга своих цепей". — *История. о жирондистах*, т. i, стр. 210.

[304] "Аристократическая партия предпочитала что угодно, даже якобинцев, установлению конституционных законов. Самые необузданные беспорядки казались предпочтительнее, потому что они поддерживали надежду на полную перемену; и двадцать раз, когда лица, мало знакомые с тайной политикой двора, выражали опасения, которые они питали по отношению к народным обществам, посвященные отвечали, что искренний роялист должен поддерживать якобинцев". — *Мадам Кампан*, т. ii., стр. 162.

[305] "Кем является король Людовик и не может не быть, читатели уже знают. Король, который не может ни принять Конституцию, ни отвергнуть Ее, ни вообще что-либо сделать, но с несчастным видом спрашивает: "Что мне делать?" — *Карлайл, История Французской революции*, том ii., стр. 22.

[306] Правительство короля наняло хлопателей в ладоши и аплодирующих. Пятьдесят тысяч долларов в месяц выделялось составителям статей и журналистам. Двести восемьдесят аплодирующих были наняты за три шиллинга каждый в день, чтобы хлопать и кричать всякий раз, когда появлялся король, и заполнять галереи Законодательного собрания всякий раз, когда там появлялся король. Бухгалтерские книги этих расходов все еще существуют. — *Montgaillard*, том iii., стр. 141.

[307] Мадам Кампан, том ii., стр. 189.

[308] Id., 174.

[309] Бертран Молевиль, том i, стр. 177. Бертран был очевидцем этой сцены, которую он наглядно описывает.

[310] Мадам Кампан, том ii., стр. 127.

[311] Российская императрица Екатерина собственноручно написала Марии—Антуанетте письмо, содержащее следующее предложение: "Королям следует продолжать свою карьеру,

не нарушаемую криками народа, подобно тому, как луна продолжает свой путь, не нарушаемый воем собак".-*Мадам Кампан*, том i, стр. 207.

[312] Воспоминания мадам Кампан, т. ii., стр. 172.

[313] Тьер, том первый, стр. 204.

[314] Частные мемуары Бертрана, т. v., стр. 106.

[315] В феврале 1800 года в британской палате общин разгорелись серьезные дебаты о том, кто был агрессором в этой войне. Мистер Питт назвал французов агрессорами. Мистер Фокс, напротив, утверждал, что война была неизбежна со стороны Франции из-за угрожающего поведения германских держав.

[316] Воспоминания о Буйе, стр. 314.

ГЛАВА XXV.

ВОЛНЕНИЯ В ПАРИЖЕ И НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Смерть Леопольда.—Убийство Густава.—Беседа Дюмуре с королевой.—Обсуждение в Ассамблее.—Герцог Брауншвейгский.—Беседа Барнава с королевой.—Беседа Дюмуре с королем.—Увольнение месье Ролана.—Захват дворца.—Сила духа короля.—Петион, мэр.—Трогательное интервью королевской семьи.—Высказывания Наполеона.

1 марта 1792 года скончался император Леопольд. На трон взошел его сын Франциск II, молодой человек двадцати четырех лет. Двор Леопольда был гаремом неприкрытой чувственности и греха. Он не снисходил до того, чтобы прикрывать свои амуры какой-либо завесой. Его привязанности были многочисленными и мимолетными, а его провинившиеся фаворитки общались друг с другом и не боялись хмурых взглядов униженной королевы среди сладострастия дворца. На момент его смерти с ним жила донна Мария, молодая девушка из Тосканы, чье непревзойденное обаяние прославило ее по всей Европе как "прекрасную флорентийку"; очень привлекательная польская девушка, мадемуазель Прокаче; и графиня Валькенштейн, чье обаяние личности и чарующие манеры сделали ее знаменитой при всех европейских дворах. Только этому последнему фавориту он осыпал подарками в виде чеков в Венском банке на сумму в двести тысяч долларов. Были также различные другие из этих фаворитов позора, более низкие по известности и рангу. Можно тщетно искать в анналах римской истории более расточительного монарха. Сразу после его смерти его вдова сказала своему сыну Франциску:

"Сын мой, перед тобой печальные доказательства беспорядочной жизни твоего отца и моих долгих страданий. Не помни о них ничего, кроме моего прощения и его добродетелей. Подражайте его великим качествам, но остерегайтесь впасть в те же пороки, чтобы вы, в свою очередь, не заставили покраснеть тех, кто внимательно следит за вашей жизнью".

Мария-Антуанетта не сомневалась, что ее кузен Франциск будет так же предан ее интересам, как и ее брат Леопольд. Через пятнадцать дней после смерти Леопольда Густав III. король Швеции был убит на балу-маскараде придворной знатью. Его смерть на мгновение сбила с толку эмигрантов, поскольку он был активно занят сбором армии для вторжения во Францию.[317]

Союзники теперь энергично собирали войска и направляли их марш к границам Франции. Некоторые надеялись, что демонстрация внушит французам благоговейный страх и заставит их подчиниться. Другие стремились путем быстрого вторжения вынести вопрос на суд сражения. Ассамблея быстро направила к границе, которой угрожала угроза, три армии обороны. Рошамбо был назначен командующим северной армией во Фландрии, насчитывающей 63 000 человек; Лафайет был направлен в центральную армию в Меце, численность которой составляла 52 000 человек; Люкнер оккупировал Эльзас с 48 000 человек.^[318]

Призвав жирондистов в министерство, генерал Дюмуре, храбрый солдат-ветеран, был назначен в министерство иностранных дел. С большой энергией он проводил мероприятия по обороне Франции. В дополнение к войскам численностью 163 000 человек, дислоцированным вдоль северо-западной границы от Дюнкерка до Безансона, он сформировал четвертую армию для отражения вторжения из Испании через Пиренейские перевалы.

Дюмуре приобрел большую популярность в клубе якобинцев благодаря тому, что часто посещал их собрания и носил красную шапку свободы, эмблему, позаимствованную у фригийцев. Королева была крайне возмущена тем, что человек, сочувствующий якобинцам, был призван в министерство, и, поскольку теперь она искренне сочувствовала эмигрантам и союзникам, ее спровоцировали энергичные меры, принятые для их отпора. Дюмуре был солдатом, а не государственным деятелем; человеком героического характера, храбрым, импульсивным и великодушным. Он имел огромную власть над разумом короля; и королева, желая увидеть его, назначила аудиенцию. В мемуарах Дюмуре мы находим описание этой беседы. Когда его провели в ее покои, он застал королеву с раскрасневшимися щеками, быстро расхаживающей по комнате, и всем своим видом демонстрирующей крайнее возбуждение. Дюмуре, смущенный таким поворотом событий, молча отошел в угол у камина, когда королева повернулась к нему и резко сказала с гневным видом:

"Господин, в этот момент ты всемогущ, но это благодаря благосклонности людей, которые вскоре разбивают своих идолов вдребезги. Твое существование зависит от твоего поведения. Говорят, что вы обладаете большими способностями. Вы должны знать, что ни король, ни я не можем смириться ни с этими нововведениями, ни с Конституцией. Это я говорю вам откровенно. Выбирай свою сторону".

"Мадам, - ответил Дюмуре, - я глубоко огорчен тайной, которой ваше величество только что поделились со мной. Я не выдам ее. Но я стою между королем и моей нацией, и я принадлежу своей стране. Позвольте мне сказать, что благополучие короля, ваше собственное и ваших детей связаны с Конституцией. Вы окружены врагами, которые приносят вас в жертву своим частным интересам. Конституция, когда она обретет силу, не только не принесет несчастий королю, но и станет его счастьем и славой. Абсолютно необходимо, чтобы он согласился установить это прочно и быстро".

Королева никогда не выносила противоречий. Потеряв всякий самоконтроль, она воскликнула громким и сердитым тоном: "Конституция не продержится долго. Береги себя".

Дюмуре спокойно и твердо ответил: "Мадам, мне за пятьдесят; в моей жизни было много опасностей; и, принимая министерство, я прекрасно понимал, что *ответственность* была не самой большой из моих опасностей".

Королева в ослеплении своей страсти сочла нужным истолковать это замечание как намек на то, что она может стать причиной его убийства. С пылающими щеками и слезами, наворачнувшимися на глаза, она ответила:

- Больше ничего не требовалось, кроме как оклеветать меня. Вы, кажется, считаете меня способным стать причиной вашего убийства.

Сцена стала до крайности мучительной, и Дюмуре, сильно взволнованный, ответил:

"Да сохранит меня Бог, мадам, от столь жестокого оскорбления. Характер вашего величества велик и благороден. Вы привели героические доказательства этого, которыми я восхищался и которые привязали меня к вам. Поверьте, я не заинтересован обманывать вас. Я ненавижу анархию и преступность так же сильно, как и вы. Но это не временное народное движение, как вы, кажется, думаете. Это почти единодушное восстание могущественной нации против закоренелых злоупотреблений. Великие группировки раздувают это пламя. Во всех них есть злодеи и безумцы. В Революции я имею в виду только короля и всю нацию; все, что их разъединяет, ведет к их взаимной гибели. Я стремлюсь, насколько это возможно, объединить их. Если я препятствую вашим замыслам, скажите мне об этом. Я немедленно отправлю королю прошение об отставке и спрячусь в каком-нибудь уголке, чтобы оплакивать вашу судьбу и судьбу моей страны".[\[319\]](#)

Этот разговор вернул Дюмуре доверие королевы, и она откровенно и дружелюбно рассказала ему о своих горестях и опасностях.

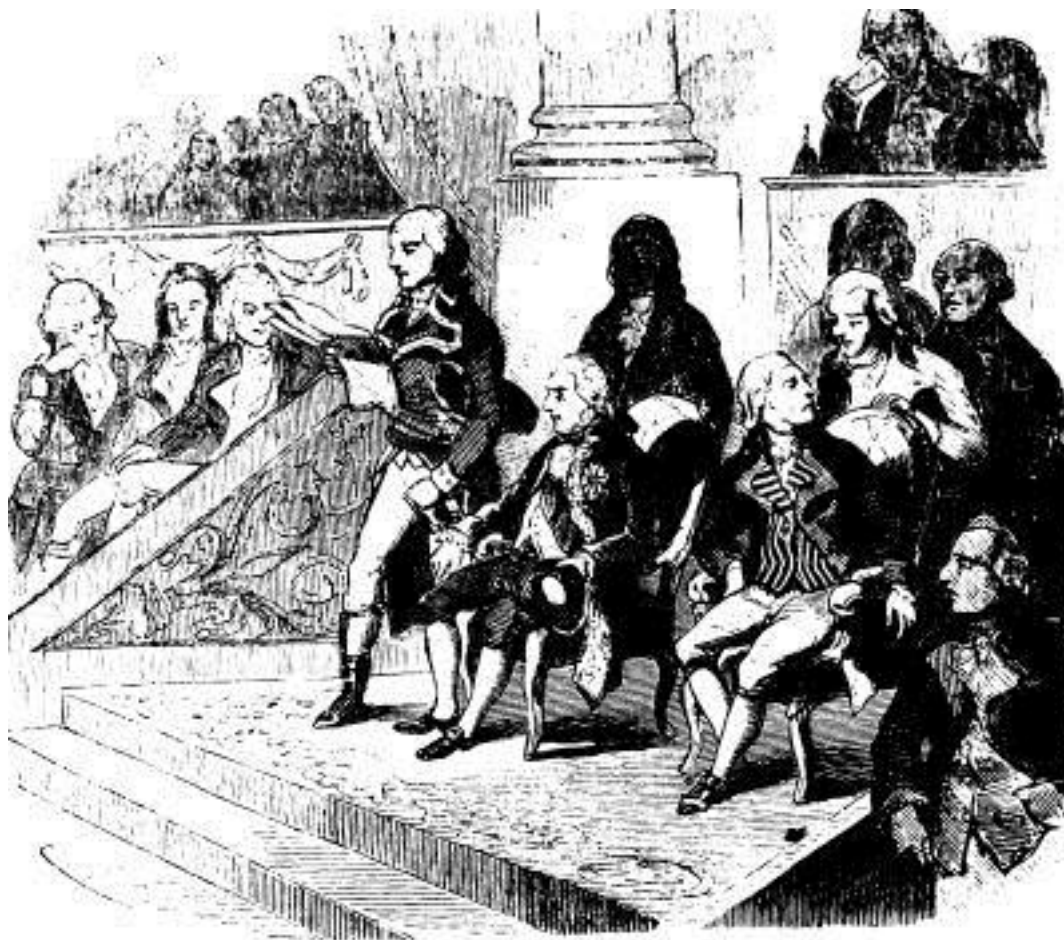
"Ты видишь меня, - сказала она, - очень грустной. Я не осмеливаюсь подойти к окну, которое выходит в сад. Вчера вечером я подошел к окну, выходящему во двор, просто подышать свежим воздухом. Гвардейский артиллерист обратился ко мне с вульгарной бранью, добавив: "Как бы я хотел увидеть твою голову на острие моего штыка!" В этом ужасном саду вы видите с одной стороны человека, сидящего на стуле и читающего вслух самую отвратительную клевету на нас; с другой стороны, военного или аббата, которого волокут через один из бассейнов, осыпают бранью и избивают, в то время как другие играют в мяч или спокойно прогуливаются. Что за обитель! что за люди!"

Австрийская монархия, поддерживаемая другими европейскими державами, теперь направила Франции дерзкое требование о том, чтобы французская монархия была восстановлена почти в ее первоизданной деспотической власти; чтобы три сословия королевства — духовенство, дворянство и *государственные круги*, были восстановлены и чтобы была реституция церковной собственности. Неудивительно, что двадцатипятимиллионная независимая нация возмутилась такой дерзостью. Из Собрания вырвался общий крик негодования, которому вторил народ, и обе стороны с новой силой включились в приготовления к войне.

Король был крайне озадачен. В случае войны победа лишь укрепила бы Революционную партию; поражение выдвинуло бы против него обвинение в государственной измене за слабое ведение военных действий. Но Франция не уступила этому оскорбительному иностранному диктату, и давление общественного мнения на короля было настолько сильным, что он был вынужден, во многом против своей воли, объявить войну. Бледный и измученный король вошел в Собрание и, представив через своего министра отчет о требованиях Австрии, дрожащим голосом прочел свою речь.

"Господа, - сказал он, - вы слышали о результатах переговоров, в которых я участвовал с венским двором. Выводы доклада были единогласно приняты моим советом. Я сам принял их. Все предпочли бы войну, чем видеть, как достоинство французского народа и дальше оскорбляется, а национальная безопасность находится под угрозой. Используя все возможные средства для достижения мира, я теперь, в согласии с условиями Конституции, предлагаю Национальному Собранию войну против короля Венгрии и Богемии".[320]

Предложение было встречено криками "*Да здравствует король*", и декрет был принят подавляющим большинством голосов.[321] В дебатах, которые вызвал вопрос о войне, Собрание проявило большое красноречие. М. Иснард говорил с таким энтузиазмом, что все Собрание поднялось на ноги.

LOUIS XVI. В НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ.

- Вам предлагается капитуляция, - сказал он, - я не собираюсь ее сдавать. Предлагается увеличить власть короля — человека, воля которого может парализовать волю целой нации, — человека, который получает тридцать миллионов (6 000 000 долларов), в то время как тысячи граждан гибнут от нужды. Предлагается вернуть дворянство. Если бы вся знать на земле напала на нас, французы, держа в одной руке свое золото, а в другой шпагу, сразились бы с этим надменным народом и заставили бы его претерпеть наказание за равенство.

"Скажите Европе, что вы будете уважать конституции всех других стран, но что, если против Франции начнется война королей, вы поднимете войну народа против королей. Битвы, которые ведут народы по приказу деспотов, подобны ударам, которые два друга, подстрекаемые вероломным подстрекателем-аллигатором, наносят друг другу в темноте. В тот момент, когда появляется свет, они обнимаются и мстят тому, кто ввел их в заблуждение.

Подобным образом, если в тот момент, когда вражеские армии вступят в бой с нашими, свет философии озарит их взор, народы обнимут друг друга перед лицом свергнутых тиранов, утешенной земли и восхищенных небес".[322]

Верньо, прославленный лидер Жиронды, красноречиво сказал: "Наша резолюция посеяла тревогу среди всех тронов, ибо она дала пример разрушения поддерживающего их деспотизма. Короли ненавидят нашу Конституцию, потому что она делает людей свободными, а они хотели бы править рабами. Эта ненависть проявлялась со стороны императора Германии всеми мерами, которые он принимал, чтобы потревожить нас или усилить наших врагов и поощрить тех французов, которые восстали против законов своей страны.

"Давайте потребуем, чтобы *эмигранты* были рассеяны. Я мог бы потребовать, чтобы их выдали стране, которую они оскорбляют, и наказали. Но нет. Если они были жадны до нашей крови, давайте не будем показывать, что мы жадны до их. Их преступление в том, что они хотели уничтожить свою страну. Пусть они будут бродягами и скитальцами по лицу земли, и пусть их наказанием будет никогда не найти свою страну".

Теперь с обеих сторон велись самые энергичные приготовления к продолжению войны. Франциск Австрийский и Фридрих Прусский встретились во Франкфурте с герцогом Брауншвейгским, генералиссимусом Конфедерации. Герцог, который был женат на сестре Георга III. уроженец Англии, был энергичным солдатом-ветераном, пятидесяти лет от роду. Его штаб-квартира находилась в Кобленце, городке при слиянии Мозеля и Рейна, в штате курфюрста Тревского. Двадцать две тысячи французских эмигрантов собрались там с оружием в руках. Семь французских принцев из Дома Бурбонов готовили их к битве против их родной земли, чтобы сокрушить народ, борющийся за свободу, чтобы заново сковать оковы самого отвратительного деспотизма. Этими принцами были два брата короля, Людовик и Шарль, один впоследствии Людовик XVIII, другой Карл X.; герцог Беррийский и герцог Ангулемский, сыновья Карла; принц Конде, двоюродный брат короля, его сын, герцог Бурбонский, и его внук, герцог Энгиенский. Вся военная знать королевства, за исключением тех немногих, кто принял Конституцию, покинула свои гарнизоны и объединилась в самом жестоком акте государственной измены. Они были не только готовы выступить сами, но и объединили деспотическую Европу, чтобы та выступила вместе с ними, чтобы сокрушить свободы их страны.

Опасность для короля теперь возрастала с каждым часом, ибо он играл двойную роль. Публично объявляя войну, он тайно вел переписку с эмигрантами и иностранными державами, призывая их начать войну против Франции. Некоторые знали об этом, и подозрения в искренности короля быстро распространялись среди народа. У него было много бумаг, которые, если бы их обнаружили, привели бы его к разорению. Чтобы скрыть их, он вмонтировал железный сундук в толстую стену одной из своих квартир. Это сделал доверенный слесарь, который был его компаньоном в кузнице в течение десяти лет. Стена была выкрашена в виде больших камней. Отверстия в панели были замаскированы коричневыми канавками. Но после изготовления этого сейфа король испугался, что его слесарь предаст его, и поэтому доверил портфель со многими своими наиболее важными бумагами заботам мадам Кампан.

28 апреля, через неделю после объявления войны, французы тремя отрядами предприняли очень опрометчивую атаку на три отдельные позиции австрийцев. Но австрийцы, подробно информированные об этом плане, были готовы в большем количестве встретить своих врагов. Недисциплинированные французские войска были отброшены назад в

замешательстве и позоре. Они думали, что король вероломно приказал заманить их в ловушку. Население в целом придерживалось того же мнения. После этого войска с обеих сторон, широко рассредоточенные и плохо обеспеченные боеприпасами, провизией и походным снаряжением, могли только наблюдать друг за другом в течение нескольких недель и готовиться к началу кампании.

Подозрения в неискренности короля быстро распространялись среди народа, в то время как те, кто был знаком с королевской семьей, ясно видели, что они полностью полагались на помощь вооруженных эмигрантов. Барнав, который после возвращения из Варенна поставил под угрозу свое влияние и свою жизнь в попытке спасти королевскую семью, обнаружив, что все его усилия отвергнуты и что король и королева идут к разорению, попросил последней аудиенции у королевы.

"Ваши несчастья, - сказал он, - и те, которые я предвижу для Франции, побудили меня пожертвовать собой, чтобы служить вам. Я вижу, что мой совет не согласуется с мнением ваших величеств. Я предрекаю лишь небольшую пользу от плана, к осуществлению которого вас побуждают; вы слишком далеки от своих помощников; вы погибнете прежде, чем они доберутся до вас. Страстно желаю, чтобы я ошибся в столь прискорбном предсказании. Но я уверен, что заплачу головой за интерес, который вызвали во мне ваши несчастья, и за услуги, которые я стремился оказать вам. В качестве единственной награды я прошу чести поцеловать вашу руку".

Королева с глазами, полными слез, протянула Барнаву руку, и он, с большим волнением запечатлев на ней поцелуй, отклонялся. Однако его преданность королеве стоила ему жизни. Не прошло и года, как его повели на эшафот.

Собрание приняло два декрета, которые были весьма неприятны королю. Один указ предписывал, что любой священник, не являющийся законным гражданином, который должен быть осужден двадцатью гражданами за попытку разжечь вражду, должен быть изгнан из королевства. Другой разбил лагерь из двадцати тысяч человек[323] под стенами Парижа для его защиты. Король, ожидая, что иностранные армии скоро придут и спасут его, наложил вето на обе эти меры. Дюмуре умолял короля санкционировать эти указы, но тщетно, и он был вынужден уйти в отставку со своего поста в министерстве. Его немедленно отправили на границу для оказания помощи в войне против захватчиков. Когда он вошел в кабинет короля, чтобы отчитаться и отклоняться, король сказал:

- Значит, вы собираетесь вступить в армию Лакнера?

- Да, сир, - ответил Дюмуре, - и я рад покинуть этот шумный город. Я сожалею только об одном — ваше величество в опасности.

"Да, - ответил Луи со вздохом, - безусловно".

- Ах! сир, - возразил министр, - вы больше не можете предполагать, что я говорил из каких-либо корыстных побуждений. Позвольте мне умолять вас не упорствовать в вашем роковом решении".

"Не говори больше об этом, - сказал король, - моя сторона принята".

-Ах! сир, - возразил Дюмуре, - вы сказали то же самое, когда в этом самом зале в присутствии королевы дали мне слово.

"Тогда я был неправ, - ответил король, - и я раскаиваюсь в этом".

- Именно сейчас, сир, вы ошибаетесь, - продолжал Дюмуре, - а не тогда. Я вас больше не увижу. Они злоупотребляют вашей религиозной щепетильностью. Они ведут вас к гражданской войне. У вас нет силы, и вы будете побеждены. История обвинит вас в том, что вы стали причиной бедствий Франции".

- Бог мне свидетель, - сказал Людовик тоном глубочайшего огорчения и в то же время нежно положил свои руки на руки Дюмуре, - что я желаю счастья Франции.

Слезы навернулись на глаза Дюмуре, и его голос прерывался от волнения, когда он ответил: "Я не сомневаюсь в этом, сир; но вы несете ответственность перед Богом не только за чистоту, но и за просвещенное направление ваших намерений. Вы думаете, что защищаете религию, а на самом деле разрушаете ее. Священники будут убиты. Вы потеряете свою корону, возможно, свою жену, своих детей".

Наступила минута молчания, во время которой король пожал руку своему верному другу; затем Дюмуре продолжил:

- Сир, если бы все французы знали вас так, как знаю вас я, нашим бедствиям скоро пришел бы конец. Вы желаете Франции счастья. Вы приносили себя в жертву нации с 1789 года. Продолжайте делать это, и наши проблемы скоро прекратятся, будет установлена Конституция, французы вернуться к своему естественному характеру, и остаток вашего правления будет счастливым".

"Я ожидаю своей смерти, - печально ответил король, - и я прощаю своих врагов. Я благодарю вас за проявленную вами чувствительность. Вы хорошо служили мне, и я вас уважаю, и у вас будут доказательства этого, если я когда-нибудь увижу лучшие дни".

Затем король встал и, чтобы скрыть свое волнение, поспешно подошел к окну. Дюмуре медленно собрал свои бумаги, чтобы у него было время взять себя в руки. Когда он выходил из комнаты, король снова подошел к нему и дрожащим голосом сказал: "Прощайте! пусть все счастье сопутствует вам". Они расстались, оба в слезах.[\[324\]](#)

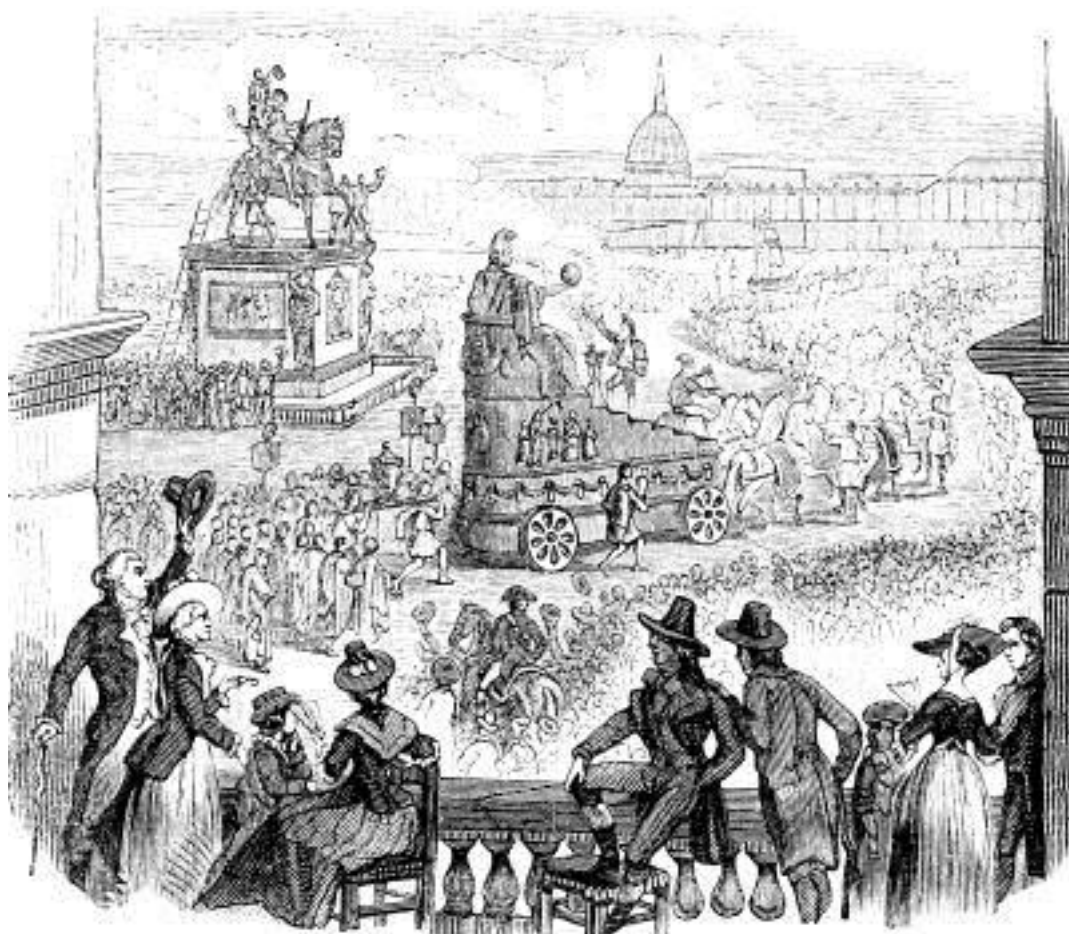
Г-н Ролан, министр внутренних дел, представил королю письмо, в котором призывал его утвердить указы и избрать курс, более соответствующий духу конституционной свободы. Это письмо приобрело всемирную известность. Оно было написано мадам Ролан, женой министра, одной из самых выдающихся женщин того или любого другого возраста. Фактически, она была душой республиканской партии. Лидеры этой партии встречались каждый вечер в ее салоне, и ее проницательность привела к мерам, которые они принимали. Она была женщиной героического склада, наделенной удивительной силой интеллекта и красноречия. В письме содержалось живое описание опасности, которой подвергся король, выступив против установления конституционной свободы во Франции. Это простое высказывание вызвало негодование короля, и он немедленно отправил в отставку республиканского министра Ролана вместе с его сподвижниками Серваном и Клавьером. Роланд представил Собранию письмо, послужившее причиной его отстранения от должности. Оно вызвало негодование Собрания против короля и раздуло Париж почти до пламени ярости. Письмо было напечатано, копии разосланы в восемьдесят три департамента, и было проведено голосование за то, чтобы три министра, которых король отверг, сохранили полное доверие нации. Это было еще одно обвинение против короля, которое значительно усилило его непопулярность.

Вето короля и отставка популярных министров вызвали новую бурю негодования. Ни король, ни королева не могли появиться в окнах дворца, не подвергнувшись самым жестоким оскорблениям в виде языка и жестов со стороны жестоких людей, которые когда-либо наводняли сад.[\[325\]](#)

Король пал духом и впал в самое плачевное состояние умственной и физической слабости. В течение десяти дней он беспокойно бродил по своим покоям с растерянным, отсутствующим взглядом, не произнося ни единого слова даже своей жене и детям и почти не отвечая на обращенные к нему вопросы. Его сестра, мадам Элизабет, пыталась заинтересовать его игрой в триктрак. Он вяло сидел за доской, машинально бросая кости и просто повторяя слова, которые относятся к игре.

"Королева, - говорит мадам Кампан, - вывела его из этого состояния, столь пагубного в критический период, когда с каждой минутой возрастала необходимость действовать, тем, что бросилась к его ногам, настаивая на каждой идее, способной вызвать тревогу, и употребляя все нежные выражения. Она также олицетворяла то, чем он обязан своей семье, и зашла так далеко, что сказала ему, что, если им суждено пасть, они должны пасть с честью, а не ждать, пока их обоих задушат на полу их квартиры".[\[326\]](#)

20 июня состоялось огромное собрание населения Парижа и делегатов из других частей королевства, чтобы отпраздновать годовщину встречи на теннисном корте и представить королю петицию, призывающую его отозвать свое вето. В нескольких кварталах ощущались глубокие опасения по поводу результатов дня. Петион, который в то время был мэром города, не рискнул запретить празднование, но принял меры предосторожности, удвоив охрану Тюильри.

ФЕСТИВАЛЬ В ЧЕСТЬ СВОБОДЫ.

Ранним утром весь город был охвачен волнением, и огромные толпы людей спешили к различным точкам сосредоточения. Собрание собралось в одиннадцать часов и было встревожено возможными проблемами дня, а также взволновано разногласиями в советах. Заседание вскоре стало бурным, конституционалисты хотели подавить беспорядки, которые якобинцы были готовы разжечь. При таком положении дел в Ассамблею было доставлено письмо от пивовара Сантера, который приобрел известность как лидер населения.^[327] В нем говорилось, что граждане просто праздновали годовщину 20 июня; что они были оклеветаны на Собрании; и что они просят допустить их в коллегия адвокатов Собрания, чтобы они могли посрамить своих клеветников.

Чтение этого письма значительно усилило волнение. Среди криков, призывавших к порядку, и сцены неопишимо замешательства было объявлено, что просители с оружием и знаменами длинной процессией из тридцати тысяч человек приближаются к залу. Вся власть закона, казалось, была парализована, царили замешательство и ужас. Вскоре голова процессии, подобно потоку лавы, ворвалась в дверь и, теснимая неудержимой массой сзади, медленно прошла через зал и вышла через противоположный портал. Они несли огромные столы, на которых была разложена Декларация прав. Вокруг этих столов танцевали женщины и мальчики, размахивая оливковыми ветвями и пиками, символически заявляя таким образом о своей готовности к миру или войне.

Огромная процессия медленно прошла через зал, оглушительным хором выкрикивая знаменитое "*Ça ira*" ("Смело вперед!"), вооруженная всем мыслимым оружием и размахивающая знаменами с революционными лозунгами. Несколько человек несли на шестах рваные бриджи, а толпа вокруг кричала: "*Да здравствуют кюлоты!*" Один мужчина нес на острие пика телячье сердце с надписью под ним: "*Сердце аристократа*".^[328]

Эта необычайная сцена продолжалась три часа. У Собрания, взволнованного горем и негодованием, не было иного выхода, кроме подчинения. Толпа, пройдя через зал Собрания, теперь пыталась проникнуть в сад Тюильри, но ворота были закрыты и оборонялись многочисленными отрядами Национальной гвардии. Однако король, возможно, надеясь демонстрацией доверия обезоружить толпу, приказал распахнуть ворота сада. Толпа, подобно наводнению, ворвалась внутрь и вскоре своей могучей массой заполнила все окружение. Некоторые кричали, требуя, чтобы король показался. Другие кричали: "*Долой вето!*" Несколько голосов любезно поддерживали старую отговорку: "Король желает добра, но ему навязывают".

Толпа, которая теперь казалась бесчисленной и почти безграничной, вытекла из сада через ворота, ведущие к Королевскому мосту, проследовала по набережной и через калитки Лувра на площадь Карусель. Вскоре они собрались плотной толпой перед королевскими воротами дворца. Сильная охрана отказала им в пропуске. Сантер подогнал две пушки, чтобы взорвать ворота. Затем два муниципальных чиновника странным образом приказали распахнуть ворота.

Толпа стремительно ворвалась во двор, мгновенно заполнив его, и столпилась в вестибюле дворца. Было уже четыре часа пополудни. Они взобрались по великолепной лестнице, даже втащив пушечное орудие на второй этаж, и засыпали легионами саранчи каждую часть дворца. Везде, где они находили запертую дверь, они быстро срубали ее мечами и топорами.

Король находился в одной из внутренних комнат в окружении нескольких слуг своего дома и нескольких офицеров Национальной гвардии. Его сестра, мадам Елизавета, случайно оказалась с ним; но королева, которая находилась в другой комнате со своими детьми, не смогла присоединиться к своему мужу, настолько внезапным было вторжение. Толпа задержала ее, когда она убегала из зала совета. Она горячо умоляла отвести ее к мужу, но проходившая мимо толпа была такой плотной, что это было невозможно. Друзья поставили ее в угол и подкатали перед ней стол для заседаний совета в качестве барьера.

Там она стояла, оцепенев от ужаса, и глаза ее наполнились слезами, в то время как низкие и жестокие массы, без видимого раздражения, конца или цели, толпились мимо. Ее дочь прижалась к ней, перепуганная и плачущая. Ее сын, которому было всего семь лет, слишком маленький, чтобы понять ужасное значение такого наводнения, взирал на это зрелище наполовину с тревогой, наполовину с довольным изумлением. Кое-кто из дворцовой стражи собрался вокруг группы для ее защиты. Время от времени хмурые взгляды и вызывающее бормотание встревожили королеву больше за своих детей, чем за себя. Кто-то вручил ее сыну красную шапку якобинцев. Королева, надеясь, что это успокоит толпу, надела ее ему на голову.

Как раз в этот момент появился Сантер, проталкиваясь сквозь толпу. Он ласково заговорил с королевой, повторив единственное оправдание, которое можно было для нее придумать: "Мадам, вам навязались". Увидев красную шапочку на голове дофина, он с деликатностью, которую трудно ожидать от такого грубого человека, взял ее и отбросил в сторону, сказав: "Ребенок задыхается". Затем он призвал народ относиться к королеве с уважением.

Молодая девушка остановилась перед королевой и обрушила на нее непрекращающийся град проклятий.

"Разве я когда-нибудь, - спокойно спросила королева, - делала тебе что-нибудь плохое?"

"Нет, - ответила девушка, - не я лично, но вы - причина несчастий нации".

"Вам говорили об этом, - ответила королева, - но вы обмануты. Как жена короля Франции и мать дофина, я француженка. Я никогда больше не увижу свою страну. Я могу быть счастлив только во Франции. Я был счастлив, когда ты любил меня".

Эти слова тронули сердце страстной, но не ожесточенной девушки, и она заплакала, говоря:

- Прошу прощения. Это потому, что я вас не знал. Я вижу, что вы хороший человек.

Пока эти сцены происходили в зале совета, у дверей королевских апартаментов слышались крики толпы, и на панели обрушились тяжелые удары топора. Когда панель, выбитая сильным ударом, упала к ногам короля, он приказал распахнуть дверь. Появился лес пик и штыков, и толпа ворвалась внутрь. Король, с тем мужеством покорности, которое никогда не покидало его, с достоинством выступил вперед, чтобы встретить толпу, и сказал: "Вот и я".

Его друзья немедленно окружили его, образовав своими телами крепостной вал. Толпа, которая, казалось, не имела перед собой определенной цели, отступила, и друзья короля поместили его в оконную проем, где ему было легче защититься от давления. Наступило минутное затишье, а затем возобновились шум и негодование. Некоторые сказали, что у них есть петиция, которую они хотели бы представить королю. Другие кричали: "Никакого вето! Никаких священников! Никаких аристократов! Лагерь под Парижем".

Король стоял на скамье и с изумительным спокойствием взирал на это ни с чем не сравнимое зрелище. Мясник Легенд, один из главарей толпы, выступил вперед и твердым голосом потребовал от имени народа одобрения двух декретов, на которые король наложил вето.[\[329\]](#)

"Здесь не место и не время, - твердо ответил король, - удовлетворять такую просьбу. Я сделаю все, что требует Конституция".

Этот смелый ответ, казалось, привел толпу в ярость, и они как бы вызывающе закричали: "*Да здравствует Нация!*"

"Да, - героически ответил король, - *Да здравствует нация!* и я ее лучший друг".

"Тогда докажи это", - крикнул один из толпы, протягивая ему на конце пики красную шапку якобинцев.

Король взял шапку и надел себе на голову. Толпа ответила криками аплодисментов. День был невыносимо жарким, и король, который был очень тучен, почти задохнулся от жары и толпы. Пьяный парень, у которого были бутылка и бокал, шатаясь, подошел к королю и предложил ему бокал вина, сказав: "Если ты любишь народ, выпей за его здоровье".

Хотя король давно опасался, что его отравят, он взял бокал и без колебаний выпил его содержимое. И снова его приветствовали аплодисментами. Кое-кто из толпы, завидев мадам Элизабет, закричал: "Вот австрийка!" Непопулярность королевы вызвала ропот и проклятия, и принцессе грозила большая опасность насилия. Некоторые из ее друзей, окружавших ее, пытались разуверить толпу.

"Оставь их, - сказала великодушная и героическая принцесса, - пусть думают, что я королева, что у нее может быть время сбежать".

Собрание было немедленно проинформировано о вторжении во дворец.

Конституционалисты были возмущены. Якобинцы были удовлетворены, поскольку они хотели видеть короля и королевскую партию запуганными, чтобы заставить их повиноваться. В Собрании последовала сердитая, почти яростная перепалка. Однако немедленно была отправлена депутация из двадцати четырех человек, чтобы окружить короля, и эта депутация обновлялась каждые полчаса. Но депутаты не могли пробиться сквозь толпу. Вскочив на плечи гренадеров, они тщетно пытались призвать толпу к порядку. Была половина шестого, через полтора часа после начала штурма Тюильри, прежде чем Петион, мэр Парижа, предстал перед королем. Он попытался извиниться за то, что пришел так поздно, сказав:

- Я только что узнал о положении вашего величества.

ШАПКА СВОБОДЫ, ВОЗЛОЖЕННАЯ НА КОРОЛЯ.

"Это очень удивительно, - ответил король, - потому что это продолжалось так долго".

- Было половина пятого, - ответил Петион, - когда я услышал о нападении. Мне потребовалось полчаса, чтобы добраться до дворца, и я не мог преодолеть препятствия, которые отделяли меня от вашего величества до настоящего момента. Но ничего не бойтесь, сир; вы находитесь среди своего народа.

Людовик XVI, взяв руку гренадера, стоявшего рядом с ним, приложил ее к своему сердцу, сказав: "Пощупай, не бьется ли оно быстрее обычного".

Этот благородный ответ снова вызвал аплодисменты. Затем мэр, взобравшись на плечи четырех гренадеров, обратился к толпе, призывая ее разойтись.

"Граждане, мужчины и женщины, - сказал он, - вы сдержанно и с достоинством воспользовались своим правом на подачу петиции. Вы закончите этот день так же, как начали его. До сих пор ваше поведение соответствовало закону, и теперь, именем закона, я призываю вас последовать моему примеру и удалиться".

Толпа повиновалась и медленно двинулась прочь по длинной анфиладе покоев замка. Как только они начали удаляться, король и его сестра бросились друг другу в объятия, и ни один

из них не смог сдержать поток слез. Обнявшись, они вышли из комнаты, чтобы найти королеву. Она со своими детьми только что вернулась в свои апартаменты. Встреча королевской семьи после этих сцен насилия, оскорблений и террора вызвала слезы на глазах у всех зрителей. Один из депутатов, Антуан Мерлен из Тионвиля, хотя и был одним из самых яростных якобинцев, не смог удержаться от слез. Мария-Антуанетта, наблюдавшая за этим и зная его острую враждебность ко двору, сказала:

- Ты плачешь, видя, как жестоко обращаются с королем и его семьей люди, которых он всегда хотел сделать счастливыми.

"Это правда, мадам, - ответил Мерлен, - я оплакиваю несчастья прекрасной, мягкосердечной женщины и матери семейства. Но не поймите меня превратно: я не пролью ни одной слезинки по *королю* или *королеве*; я ненавижу королей и королев".

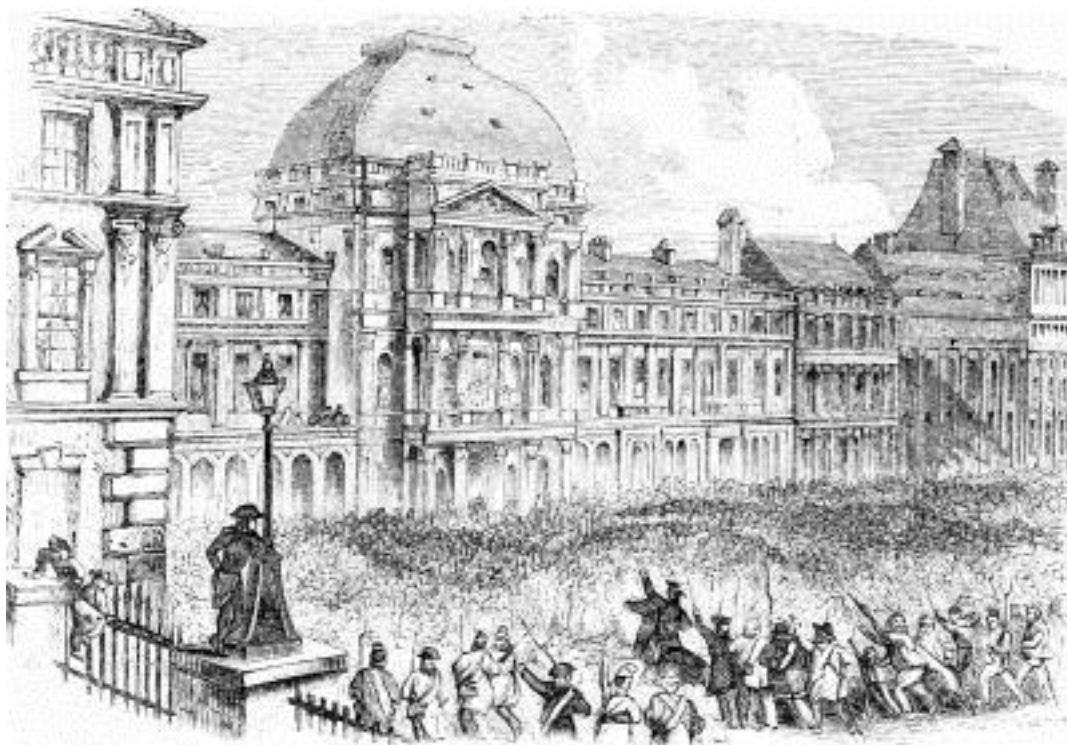
В этот момент король увидел в зеркале, что *красная шапочка* все еще у него на голове. Багровый румянец залил его лицо, и он поспешно сбросил с себя якобинский значок. Опустившись в кресло, он на мгновение закрыл лицо носовым платком, а затем, обратив опечаленный взгляд к королеве, сказал:

"Ах, мадам, зачем я увез вас из вашей страны, чтобы связать вас с позором такого дня!"

Было восемь часов вечера, когда в покоях и коридорах дворца перестало отдаваться эхо голосов и шагов захватчиков-варваров. Постепенно собрались отряды Национальной гвардии, двор и сад были очищены, и ночь с ее тишиной и мраком снова опустилась над несчастной королевской семьей в залах их дворца и над несчастными голодающими изгоями, бродившими по улицам. Так было 20 июня 1792 года.

Наполеон Бонапарт, которому тогда было двадцать два года, находился в Париже и с негодованием наблюдал это зрелище беззакония. Буррьенн так описывает это событие: "В апреле месяце 1792 года я вернулся в Париж, где снова встретил Бонапарта и возобновил дружбу нашей юности. Мне не повезло, и невзгоды тяжело давили на него. Мы проводили время так, как, можно предположить, проводили два молодых человека двадцати трех лет, у которых было мало денег и еще меньше занятий. В это время он искал работу у военного министра, а я - в министерстве иностранных дел.

Пока мы так проводили время, наступило 20 июня, печальная прелюдия к 10 августа. Мы встретились по предварительной договоренности у ресторатора на улице Сент-Оноре, недалеко от Пале-Рояля. Выйдя на улицу, мы увидели толпу, приближавшуюся в направлении рыночной площади, численность которой Бонапарт оценивал в пять-шесть тысяч человек. Это была шайка негодяев, вооруженных всевозможным оружием и выкрикивавших самые грубые оскорбления, пока они быстрым шагом направлялись к Тюильри. Эта толпа, по-видимому, состояла из самых мерзких и распутных представителей населения пригородов.

НАПАДЕНИЕ НА ТЮИЛЬРИ.

"Давайте последуем за толпой", - сказал Бонапарт. Мы опередили их и заняли позицию на террасе, выходящей к реке. Именно там он стал очевидцем следовавших за этим скандальных сцен, и трудно было бы описать удивление и негодование, которые они вызвали в нем. Такая слабость и снисходительность, по его словам, не могут быть оправданы. Но когда король появился в окне, выходящем в сад, в красной шапочке, которую кто-то из толпы только что надел ему на голову, он больше не мог сдерживать своего негодования.

"Что за безумие!" - громко воскликнул он. "Как они могли впустить этот сброд? Почему они не смести четыреста или пятьсот из них пушками?" Остальные бы тогда быстро пустились наутек".

СНОСКИ:

[317] В момент смерти Леопольда все было готово к военным действиям. Двести тысяч человек были вооружены для вторжения. Герцог Брауншвейгский, которому было поручено командование, находился в Берлине, получая последние распоряжения короля. Другой прусский генерал находился в Вене, получая от Леопольда советы относительно времени и точки атаки. Леопольд, чье здоровье было подорвано развратом, внезапно заболел и после двух дней мучительных болей умер в конвульсиях. Его смерть, вероятно, была вызвана неумеренным употреблением наркотиков для восстановления его организма, ослабленного расточительством. Это событие на короткое время парализовало энергию коалиции. См. "Историю жирондистов" Ламартина, том i, стр. 364.

[318] Мемуары графа Матье Дюма, том i, стр. 190.

[319] Мемуары Дюмуре, книга iii., глава vi. Мадам Кампан излагает это интервью с несколько иной окраской. "Однажды, - пишет она, - я застала королеву в крайнем возбуждении. Она сказала мне, что не знала, что делать; что лидеры якобинцев предложили ей себя через Дюмуре или что Дюмуре, отрекшись от партии якобинцев, пришел и предложил себя ей; что она дала ему аудиенцию; что, оставшись с ней наедине, он бросился к ее ногам и сказал

ей, что надел красную шапочку и даже натянул ее на уши, но что он не был и никогда не сможет быть якобинцем; что Революции было позволено докатиться до конца. эта толпа дезорганизаторов, которые, стремясь только к грабежу, были способны на все. Говоря это с необычайной теплотой, он взял руку королевы и с трепетом поцеловал ее, сказав: "Позволь себе спастись". Королева сказала мне, что невозможно верить заявлениям предателя; что все его поведение настолько хорошо известно, что самым мудрым решением было не доверять ему, и, кроме того, принцы настоятельно рекомендовали не доверять никаким предложениям изнутри". — *Мадам Кампан*, т. ii., стр. 202.

[320] Франциск еще не был избран императором Германии.

[321] Кондорсе в статье, которую он составил для изложения мотивов, приведших к этой борьбе, говорит: "Завеса, скрывавшая намерения нашего врага, наконец разорвана. Граждане, кто из вас мог бы подписаться под этими позорными предложениями? Феодальное рабство и унижительное неравенство; банкротство и налоги, которые вы один могли бы платить; десятина и инквизиция; ваши владения, купленные на общественное доверие, возвращены их бывшим узурпаторам; хищные звери восстановлены в своем праве опустошать ваши поля; ваша кровь, обильно пролитая во имя честлюбивых замыслов враждебного дома, — таковы условия договора между королем Венгрии и вероломными французами! Таков мир, который предлагается вам! Нет, вы никогда не примете этого!" — *Изложение г-ном Кондорсе мотивов, побудивших Национальное собрание по официальному предложению короля издать указ о том, что есть основания объявить войну королю Венгрии и Богемии.*

[322] Профессор У. М. Смит из Кембриджского университета, Англия, хотя и не питает симпатий к революционной партии Франции, в своих замечательных лекциях о Французской революции, с присущей ему прямоотой, говорит:

"Тогда возникает вопрос, было ли это (поведение Австрии) вмешательством во внутренние дела Франции, которое оправдывало объявление войны со стороны Франции, или нет? Это тот момент, по которому, учитывая чрезвычайные обстоятельства дела, рассуждения сторон могут расходиться, но я полагаю, что так оно и было. Правители Франции в то время считали себя подвергнутыми угрозе, стигматизации и, насколько это было возможно, запрещенными иностранной державой из-за их поведения по отношению к собственному королю в их собственной стране. Они не могли ожидать ничего, кроме изгнания, тюремного заключения и смерти, если бы эти иностранные державы вторглись в их страну в защиту монархии и добились успеха; и не только это, но в таком случае контрреволюция была неизбежна.

"Я должен признаться, что, при всем моем ужасе перед войной, советами насилия, энтузиазмом и яростью таких людей, как эти жирондисты, и ужасных и виновных людей, таких как эти якобинцы, я должен признаться, что по этому конкретному пункту австрийской войны я, в целом, вынужден согласиться с ними. Я не вижу, как на основе какого-либо другого принципа можно сохранить мир во всем мире или надлежащий суверенитет и независимость наций, и, наконец, на основе какого-либо другого принципа, какие шансы когда-либо могут быть у общего дела свободы человечества".

[323] Дюма, том первый, стр. 213.

[324] Воспоминания Дюмуре.

[325] "Самые грозные крики раздавались вслух даже в Тюильри. Они призывали к разрушению трона и убийству государя. Эти оскорбления приняли характер самых низших

проявлений черни. Однажды королева, услышав взрывы смеха под своими окнами, пожелала, чтобы я посмотрел, о чем идет речь. Я увидел почти раздетого мужчину, повернувшегося спиной к ее покоям. Мое изумление и негодование были очевидны. Королева встала и вышла вперед. Я удержал ее, сказав, что это было очень грубое оскорбление, нанесенное одним из черни". — *Воспоминания Мари-Антуанетты, мадам Кампан*, том ii, стр. 205.

[326] Мадам Кампан, том ii., стр. 206.

[327] Монжуа, один из самых решительных писателей-роялистов, так описывает Сантера: "Мускулистый рост его высокого роста, звучная хрипотца его голоса, его грубые манеры и его непринужденное и вульгарное красноречие, конечно, сделали его героем среди низшего сброда. И, по правде говоря, он завоевал деспотическую империю над отбросами предместий. Он двигал ими по своему желанию, но это было все, что он умел делать или мог сделать, поскольку в остальном он не был ни злым, ни жестоким. Он слепо участвовал во всех заговорах, но никогда не был виновен в их исполнении ни сам, ни те, кто ему подчинялся. Он всегда беспокоился о несчастном человеке, к какой бы партии тот ни принадлежал. Горе и слезы обезоружили его руки". — *История Мари-Антуанетты, автор Монжуа*, стр. 295.

[328] Мадам Кампан говорит: "Одна из них изображала виселицу, к которой была подвешена грязная кукла; под ней были написаны слова "*Мария-Антуанетта в стиле лантерн*". На другой была доска, к которой было прикреплено бычье сердце с надписью вокруг него: "*Сердце Людовика XVI*"; на третьей были изображены бычьи рога с непристойной надписью". — *Мадам Кампан*, том ii, стр. 212.

[329] Леегендр был парижским мясником. Он был одним из самых жестоких лидеров мафии. В 1791 году город Париж делегировал его в Национальный конвент. В 1793 году он проголосовал за смерть короля и за день до его казни предложил якобинцам разрезать его на восемьдесят четыре части и разослать по одной в каждый из восьмидесяти четырех департаментов. Он умер в Париже в 1797 году в возрасте сорока одного года и завещал свое тело хирургам, "чтобы быть полезным человечеству после своей смерти". — *Современная биография*.

ГЛАВА XXVI.

ТРОН ПОДВЕРГСЯ НАПАДЕНИЮ.

Гневное интервью короля и мэра.—Решительные действия Лафайета.—Ожидания королевы.—Движение прусской армии.—Усилия священников.—Тайный комитет роялистов.—Террор во дворце.—Взгляд королевы на характер короля.—Вечеринки во Франции.—Энергичные действия Ассамблеи.—Речь Верньо.

На следующий день после ужасных сцен, произошедших 20 июня, Собрание провело очень бурное заседание. Были предложены различные меры для предотвращения повторения вооруженных петиций и прохождения процессий через зал. Якобинцы, однако, сочувствовали черни, а роялисты, ожидавшие подхода иностранных армий, не желали наводить порядок иначе, как с помощью меча вторжения. Было опасение, что толпа, которая теперь поднялась над властью закона, может снова вторгнуться во дворец. Во второй

половине дня 21-го числа в разных местах начали собираться толпы, но мэру Петиону удалось разогнать их. Затем он поспешил к королю и сказал ему:

- Сир, причин для тревоги больше нет. Порядок восстановлен. Люди успокоились и остались довольны.

Король, который теперь осознал опасность своего положения, пришел в ярость и ответил, сдерживая эмоции: "Это неправда".

— Сир... - возразил Петион.

"Замолчи", - строго сказал король, прерывая его.

"Народному судье не подобает молчать, - ответил Петион, - когда он выполняет свой долг и говорит правду".

"Спокойствие Парижа зависит от вас", - добавил король.

"Я знаю свой долг, - ответил Петион, - и выполню его".

Король больше не мог сдерживаться и страстно воскликнул: "Довольно; иди и исполни это. Удаляйся".

Петион, которого таким образом без промедления выставили за дверь, поклонился и ушел. Сообщение о гневном интервью быстро распространилось по Парижу. По дворцу ходили слухи, что толпа готовится восстать и убить короля и всю королевскую семью. По улицам ходили слухи, что роялисты пытаются спровоцировать народ на восстание, чтобы расстрелять его из артиллерии. Мэр выпустил прокламацию, призывающую людей не позволять себе возбуждать новые волнения. Король издал прокламацию, энергичную и вызывающую по своему тону, но в то же время рассчитанную только на то, чтобы вывести из себя тех, кого он был не в силах сдержать.^[330]

Лафайет, находившийся в это время со своей армейской дивизией на границе, с глубокой тревогой услышал эти новости из Парижа. Если бы суд не помешал его избранию мэром, беспорядков 20 июня могло бы и не произойти. Его единственная надежда для Франции заключалась в Конституции. Вторжение толпы в Законодательное собрание, вторжение во дворец и бесчинства, причиненные королевской семье, повергли его в стыд и ужас. Он видел приближение ужасающего царства анархии и полностью осознавал, что никто не может попытаться противостоять народному потоку, кроме как рискуя своей жизнью. Он написал Ассамблее очень серьезное письмо с протестом и решил немедленно поспешить в Париж и, несмотря на все возможные опасности, попытаться восстановить в своей стране верховенство закона. Приняв все зависящие от него меры, чтобы его временное отсутствие не повредило проводившимся в то время военным операциям, он отправился в столицу и прибыл туда 28 июня.^[331] Он думал, что может положиться на Национальную гвардию, которая поможет ему в поддержании Конституции, и что, бросившись в бой, чтобы спасти монархию и короля, он мог бы в некоторой степени положиться на сотрудничество суда. Но двор ненавидел Лафайета и конституционную свободу и не желал никакой помощи, кроме как от армий союзников, через которых они могли бы диктовать условия вновь поработанному народу.

Лафайет сразу же по прибытии в Париж направил Ассамблее послание, в котором просил разрешения выступить перед ними. В половине второго 28 июня он вошел в зал.

Конституционалисты встретили его аплодисментами. Республиканцы, как жирондисты, так и якобинцы, хранили молчание. Генерал в своей смелой и энергичной речи говорил о позоре, который бесчинства 20 июня навлекли на нацию, и о возмущении, которое они вызвали в армии, и настаивал на том, чтобы зачинщики бунта были привлечены к ответственности; что якобинский клуб, постоянно призывающий к насилию и революции, должен быть подавлен; и что Конституция и законы должны поддерживаться всеми вооруженными силами правительства.

Эта речь вызвала гневные дебаты, в ходе которых Лафайета упрекали в пренебрежении своими обязанностями в армии и вмешательстве в дела, которые его не касались. Лафайет покинул Собрание в разгар прений и отправился во дворец посмотреть, какую помощь он может оказать королю и королеве. Придворные, окружавшие монарха, с присущим им увлечением осыпали Лафайета самыми оскорбительными эпитетами. Король и королева приняли его с большой холодностью и отказались принять от него какое-либо сочувствие или помощь.

"Если бы двор и люди, верные королю, - пишет маркиз де Ферьер, убежденный роялист, - решили поддержать Лафайета, то имелась бы сила, способная уничтожить две фракции. Но королева отвергала любую мысль о том, что она обязана своей безопасностью человеку, которого она решила погубить. Они отказались разделять его взгляды и, таким образом, отвергли единственное средство обеспечения безопасности, предложенное им Провидением. Необъяснимая слепота, если бы объяснение не давалось приближающимся вступлением иностранных войск и оказанным им доверием".

Историк Тулонжон, описывая эти события, говорит: "Удалившись в свой отель, Лафайет принялся обдумывать, какими силами он мог бы воспользоваться. Смотр первой дивизии Национальной гвардии был назначен на следующее утро на рассвете. Король должен был проехать вдоль линии фронта, а Лафайет должен был затем обратиться с речью к войскам. Но мэр Петийон *был уведомлен об их действиях королевой*, которая опасалась успеха Лафайета даже больше, чем якобинцев, и был отдан встречный приказ, и смотр *не состоялся*".

Лафайет вернулся в армию расстроенным и обескураженным. Его уход в отчаянии из Парижа был последним вздохом Конституционной партии. С этого момента якобинцы решили уничтожить его, и в тот же вечер его изображение было сожжено в Пале-Рояле. Бертран де Мольвиль, один из самых лживых и злобных писателей-роялистов, осуждает Лафайета за то, что он таким образом покинул Париж. Но даже профессор Смит, чьи английские симпатии полностью на стороне суда, восклицает:

В связи с этим, конечно, можно спросить господина Бертрана де Мольвиля, что оставалось делать Лафайету, кроме как уехать из Парижа, если король и двор, ради которых он рисковал как своей славой, так и своей безопасностью, не оказали ему ни малейшего уважения? Стоило ли терпеть, что они должны были казаться, по крайней мере, нейтральными и безразличными и сидеть, скрестив руки на груди, в то время как ему предстояло ринуться в бой в Собрании и на улицах Парижа с их разъяренными и кровожадными врагами и с людьми, которые только что напали на короля в его дворце и которые, очевидно, только и ждали возможности отнять у него корону и лишить его жизни; стоило ли это, повторяю, терпеть? Есть много ощущений, которые могут оттолкнуть и осквернить сердце человека, но мало что более подходит для этой цели, чем обнаружить безразличие к предлагаемым услугам и неблагодарность к принесенным жертвам".[\[332\]](#)

И король, и королева знали, что Пруссия уже объединилась с Австрией и тайно ведет восьмидесятитысячную армию под командованием герцога Брауншвейгского на соединение с эмигрантами в Кобленце. Королева думала, что союзники будут в Париже через шесть недель. Ее подробно информировали об их предполагаемых передвижениях; когда они будут в Вердене, когда в Лилле; и она по секрету сообщила своим дамам, что ожидает спасения через месяц.[333]

Опасность, грозившая Франции, была теперь поистине велика, и патриоты были глубоко взволнованы. Приближались иностранные армии. Король не только не предпринимал никаких эффективных мер для защиты королевства, но и наложил вето на указы Ассамблеи о создании армии для защиты столицы, а также, как считалось, находился в симпатиях и предательской переписке с врагом. Франции угрожало вторжение, и французский двор фактически руководил маршем армий вторжения, ослабляя каждую точку обороны и стремясь предать патриотические силы в руки врага. Единственное оправдание, которое история может предложить королю, состоит в том, что он был орудием в руках других и настолько слаб и бесхарактерен, что не осознавал чудовищности своего преступления. Но это оправдание, которое должно было вызвать к нему жалость, не могло быть аргументом в пользу сохранения его на троне.

Хотя всем разумным людям было хорошо известно, что прусские армии готовились объединиться с австрийскими для вторжения во Францию, тем не менее король, грубо нарушив долг, не сообщил об этом Законодательному собранию. Все большие дороги были запружены священниками, дворянами и их сторонниками, спешившими присоединиться к эмигрантам в Кобленце. Курьеры были повсюду, пересекая Европу, от Санкт-Петербурга до Рима, от Стокгольма до Мадрида, от Берлина до Неаполя, открыто объявляя о коалиции всей Европы для подавления революции во Франции и заявляя, что армии двинутся с такой силой, что французы не смогут противостоять им ни одного месяца. Союзники не желали, чтобы их планы были известны и даже преувеличены, поскольку некоторые из них надеялись, что ужаса от угрозы может оказаться достаточно, чтобы заставить французских патриотов подчиниться.[334]

Следовательно, не официально, но под громкие звуки труб было провозглашено, что Испания должна возместить ущерб за войну вступлением во владение четырьмя прекрасными южными провинциями Франции, примыкающими к Пиренеям, — Наваррой, Руссильоном, Лангедоком и Гиенной. Король Сардинии должен был получить прилегающие к его королевству провинции, чьи романтические долины пронизывали нижние Альпы, — Дофини, Прованс, Лионнуа и Бретань. Штатгальтер Голландии должен был распространить свою власть на провинции Фландрия и Пикардия. Австрия должна была захватить прилегающие к Рейну провинции — Эльзас, Лотарингию, Шампань. Швейцарцам предложили "Франш Конте", если они присоединятся к коалиции. И, наконец, Англия должна была вернуть себе свои старые владения в Нормандии и захватить все колониальные владения Франции в обеих Индиях.[335]

Хотя британское *правительство* в то время сильно симпатизировало коалиции, оно не рискнуло открыто присоединиться к альянсу, поскольку массы британского *народа* были искренне солидарны с французскими патриотами и радовались установлению конституционной свободы во Франции. Эти бывшиетравагантные угрозы заполнили Европу. Повсюду предполагалось, что лишь небольшое меньшинство французского народа настроено против Старого режима и что основная масса нации немедленно восстанет и поприветствует вторгшиеся армии.

Во время этой ужасающей бури извне, угрожавшей свободам Франции, большое количество священников, отказавшихся принять Конституцию, использовали всю энергию самого могущественного суеверия, которое когда-либо знала земля, чтобы поднять невежественное крестьянство против гражданских и религиозных свобод. Им сказали, что вечное проклятие было их неизбежной судьбой, если они не были готовы отдать свои жизни в защиту короля и Папы; и что вечное блаженство было верным наследием всех, кто должен трудиться и молиться за святую мать-Церковь. Было хорошо известно, что королева постоянно совещалась с врагом, консультируя, поощряя и помогая всеми денежными средствами, которые она могла получить из доходов Франции. Король был слабоумным, непостоянным человеком, не имевшим собственного решения и полностью находившимся в распоряжении тех, кто его окружал. Находясь в полном подчинении императорских замыслов королевы, он откладывал принятие каких-либо решительных мер для отражения приближающегося врага, срывал постановления Ассамблеи и позволил королеве и ее советникам присвоить его собственное огромное жалование в шесть миллионов долларов, чтобы ускорить наступление иностранных захватчиков на Париж.

В самом дворце Тюильри тайный комитет старых роялистов заседал каждый день, планируя действия врага, информируя их обо всех передвижениях в Париже, давая им советы относительно наилучших точек атаки и организуя в разных частях империи своих сторонников для начала гражданской войны, как только на равнинах Франции раздадутся первые раскаты вражеской артиллерии. Здесь, несомненно, было сочетание несправедливости и возмущения, достаточное, чтобы свести с ума любого человека.^[336]

В течение всего июля внутренние помещения дворца были обителью ужаса. Обитатели, ежечасно опасавшиеся нападения, не имели покоя ни днем, ни ночью. Почти ежедневно раздавались сигналы тревоги о том, что собирается толпа. "В течение целого месяца, - пишет мадам Кампан, - я ни разу не ложилась в постель. Я всегда боялась какого-нибудь ночного нападения. Однажды утром, около часа дня, в прихожей покоев королевы послышались шаги, а затем жестокая борьба и громкие крики, когда камердинер схватил мужчину, который крадучись приближался с кинжалом, очевидно, чтобы убить королеву".

"Я начинаю бояться, - сказала однажды королева, - что они предадут короля суду. Меня они убьют. Но что станет с нашими бедными детьми? Если они убьют меня, тем лучше; они избавят меня от мучительного существования".

"Однажды утром, около четырех часов, в конце июля, - пишет мадам Кампан, - ко мне пришел человек и сообщил, что Сент-Антуанское предместье готовится выступить против дворца. Мы знали, что должно пройти не менее часа, прежде чем население, собравшееся на месте взятия Бастилии, сможет добраться до Тюильри. Мне казалось достаточным для безопасности королевы, чтобы все вокруг нее проснулись. Я тихо вошел в ее комнату. Она спала. Я не стал ее будить.

Король проснулся, как и мадам Елизавета, которая подошла к нему. Королева, поддавшись грузу своих горестей, в тот день проспала до девяти часов, что было для нее очень необычно. Король уже заходил узнать, проснулась ли она. Я рассказал ему, что я сделал, и как старался не нарушать ее покой. Он поблагодарил меня и сказал:

"Я не спал, как и весь дворец. Она ничем не рисковала. Я очень рад видеть, что она немного отдохнула. Увы! ее горе удваивает мое.

Каково же было мое огорчение, когда королева, проснувшись и узнав о случившемся, начала горько плакать от сожаления о том, что ее не позвали. Напрасно я повторял, что это была всего лишь ложная тревога и что ей нужно было собраться с силами.

"Мои силы не иссякли, - сказала она. - несчастье придает нам дополнительные силы. елизавета была с королем, а я спала! Я, которая полна решимости погибнуть рядом с ним. Я его жена. Я не допущу, чтобы он подвергнулся малейшему риску, не разделив его со мной".

Королева, по-видимому, прекрасно поняла характер своего удрученного, лишенного духа, многострадального мужа. "Король, - сказала она, - не трус. Он обладает избытком пассивного мужества, но его обуревают неуклюжая застенчивость, недоверие к самому себе, которое проистекает как из его воспитания, так и из его характера. Он боится командовать и, прежде всего, боится выступать перед большим количеством людей. Он жил как ребенок и всегда чувствовал себя не в своей тарелке под пристальным взглядом Людовика XV до двадцати одного года. Это стеснение подтвердило его робость. При наших обстоятельствах несколько хорошо произнесенных слов, обращенных к парижанам, стократно увеличили бы силу нашей партии. Он не произнесет их. Чего можно ожидать от тех обращений к людям, которые ему посоветовали опубликовать? Ничего, кроме новых оскорблений. Что касается меня, то я мог делать все, что угодно, и при необходимости появился бы верхом на лошади; но если бы я действительно начал действовать, это было бы снабжением оружием врагов короля. Крик против *австрийца* и против власти женщины стал бы всеобщим во Франции, и, более того, показав себя, я превратил бы короля в ничто. Королева, которая не является регентшей, должна при таких обстоятельствах оставаться пассивной или умереть".[337]

Теперь во Франции было три видные партии. Первая - роялисты во главе с королевой и двором, контролирующие вечно колеблющегося короля. Они замыслили с помощью иностранных армий и гражданской войны восстановить политический и церковный деспотизм Старого режима. Эта партия была бы совершенно бессильна, если бы не помощь иностранных деспотов. На втором месте оказалась Конституционная партия во главе с Лафайетом. Король *заявлял*, что принадлежит к этой партии, и временами, возможно, искренне, но, отвергаемый другими, он действовал с такой степенью слабости и непостоянства, которая была равносильна предательству. Первоначально эта партия охватывала почти всю нацию. Никогда более благородные люди не предпринимали национальных реформ, чем лидеры Французской революции. Они стремились только к счастью Франции, стремились к миру со всеми нациями, были решительно консервативны в своих взглядах. У них не было желания свергать французскую монархию, но они хотели только ограничить эту монархию Конституцией, которая должна была обеспечить нации гражданскую и религиозную свободу.

Но Конституционная партия теперь слабела с каждым днем просто потому, что ее лучшие друзья видели, что невозможно поддерживать Конституцию, пока сам король сотрудничает с иностранными армиями для ее свержения. Почему народ должен содержать короля и выплачивать ему жалование в пять миллионов долларов в год только для того, чтобы дать ему возможность свергнуть Конституцию и восстановить отвергнутый деспотизм? Так тысячи самых чистокровных людей Франции с большой неохотой пришли к убеждению, что конституционную свободу можно сохранить, только свергнув короля и установив республику. Первоначально они были решительно за конституционную монархию. Они чувствовали, что переход от абсолютного деспотизма к республиканской свободе был слишком резким. Огромная масса крестьянского населения Франции не умела ни читать, ни писать. Они были совершенно незнакомы с формами народного правления. Они были невежественны, как дети, и почти полностью находились под опекой священников, которым, как они верили,

были доверены ключи от рая и ада. Установление республиканских форм сделало бы Францию еще более неприятной для окружающих монархий, и поэтому они хотели сохранить монархию, и они взяли за образец британскую конституцию, а не американскую республику, желая, однако, внести в свою Конституцию больше народного элемента, чем было допущено в аристократические институты Англии.

Но теперь они обнаружили, к своему удивлению и огорчению, что вся Европа объединилась против их свобод, и что король, вместо того чтобы быть благодарным за то, что ему сохранили трон, оплакивал потерю деспотической власти и сотрудничал с объединенной Европой в деле повторного порабощения Франции. Это не оставляло "друзьям свободы" альтернативы. Они должны либо протянуть руки, чтобы на них снова заковали кандалы, либо они должны свергнуть короля, поднять нацию на отражение вторжения и попытаться провести страшный эксперимент республиканского правительства с беспокойной, непросвещенной и совершенно непривычной к самоконтролю нацией. При старом деспотизме не было надежды. Он нес с собой лишь бедность, цепи и отчаяние. В республиканизме, со всеми его опасностями, была, по крайней мере, *надежда*. Так возник республиканизм. Он был порождением необходимости. В Учредительном собрании не было ни одного человека, который выступал бы за республику.^[338] Но после бегства короля в Варенн республиканские настроения, как единственная надежда нации, быстро набрали силу, и в самом начале работы Законодательного собрания мы видим, что республиканская партия уже организована. С самого начала в этой партии существовало два подразделения — консервативные республиканцы, называемые жирондистами, потому что их лидеры были выходцами из департамента Жиронда; и радикальные демократы, которых называли якобинцами из зала, где клуб проводил свое заседание.

Теперь вся Франция была в состоянии тревоги. Ассамблея приняла очень торжественный указ, объявляющий, что *страна находится в опасности*. Он объявил свое заседание постоянным, чтобы король не мог распустить его. От всех граждан потребовали сложить оружие, чтобы его можно было надлежащим образом раздать защитникам страны. Каждому мужчине, старому и молодому, способному носить оружие, было приказано записаться в Национальную гвардию для общественной защиты. Г-н Верньо, лидер жирондистов, человек высокой добродетели и поразительной силы красноречия, завершил речь, вызвавшую энтузиазм всего Собрания, предложением твердого, но уважительного послания Людовику XVI, которое должно обязать его выбирать между Францией и иностранцами и которое должно научить его, что французы полны решимости погибнуть или восторжествовать с Конституцией.

- Во имя короля, - сказал Верньо, - французские принцы пытались поднять против нас Европу. Именно для того, чтобы отомстить за *достоинство короля*, был заключен Пильницкий мирный договор. Именно для того, чтобы прийти на *помощь королю*, суверен Венгрии и Богемии объявляет нам войну и что Пруссия движется к нашим границам. Так вот, я читаю в Конституции,

"Если король становится во главе армии и направляет ее силы против нации, или если он не противодействует официальным актом предпринятию такого рода, которое может быть осуществлено от его имени, он считается отрекшимся от королевской власти".

"Что такое формальный акт противодействия? Если бы сто тысяч австрийцев двинулись во Фландрию, а сто тысяч пруссаков - в Эльзас, и королю пришлось бы противопоставить им десять или двадцать тысяч человек, совершил бы он формальный акт сопротивления? Если бы король, в обязанности которого входит уведомлять нас о надвигающихся военных

действиях, был осведомлен о передвижениях прусской армии, но не сообщал Национальной ассамблее никакой информации по этому вопросу; если бы был предложен резервный лагерь, необходимый для остановки продвижения врага вглубь страны, и король заменил бы его неопределенным планом, выполнение которого заняло бы много времени; если бы король передал командование армией интригующему генералу (Лафайету), к которому нация относилась с подозрением. Если бы другой генерал (Лакнер), знакомый с победой, потребовал повторного усиления, а король отказался бы сказать ему: *я запрещаю тебе побеждать*, можно ли утверждать, что король совершил формальный акт сопротивления.

"Если бы в то время, когда Франция купалась в крови, король сказал вам: "Это правда, что враги притворяются, что действуют ради меня, ради моего достоинства, ради моих прав, но я доказал, что я не соучастник. Я посылал армии на поле боя; эти армии были слишком слабы, но Конституция не определяет степень их силы. Я собрал их слишком поздно; но Конституция не устанавливает времени для их сбора. Я остановил генерала, который был на грани победы, но Конституция не предписывает побед. У меня были министры, которые обманывали Ассамблею и дезорганизовывали правительство, но их назначение принадлежало мне. Ассамблея приняла полезные указы, которые я не санкционировал, но у меня было право действовать таким образом. Я выполнил все, что предписывала мне Конституция. Поэтому невозможно сомневаться в моей верности ему".

"Если бы царь придерживался этого языка, разве ты не имел бы права ответить: "О царь, те, кто, подобно тирану Лисандру, верили, что истина стоит не больше лжи, те, кто притворялся, что любит законы, просто чтобы сохранить власть, которая позволяла тебе бросать им вызов, — защищали ли они нас, противостоя чужеземным солдатам, чья неполноценность не оставляла даже сомнений в их поражении?" Защищало ли это нас от срыва планов по укреплению внутренних войск? Защищало ли это нас не для того, чтобы обуздать генерала, нарушившего Конституцию, а для того, чтобы сковать мужество тех, кто служил ей? Нет! нет! человек, в котором великодушие французов не возбудило соответствующего чувства, нечувствительный ко всему, кроме любви к деспотизму, ты отныне ничто по сравнению с той Конституцией, которую ты так недостойно нарушил, ничто по сравнению с тем народом, который ты так подло предал".

Это был первый раз, когда кто-либо осмелился заговорить в Ассамблее о лишении короны, хотя это была обычная тема в газетах и на улицах. Речь Верньо была встречена бурными аплодисментами. Встревоженный король немедленно направил Ассамблее послание, в котором сообщил им, что Пруссия объединила свои войска с войсками Австрии в их походе на Францию. Это послание, с таким опозданием переданное, было воспринято Собранием с презрительной улыбкой.

Теперь было неоспоримо очевидно, что врагом французской свободы, которого следовало опасаться больше всего, были король и двор. Г-н Бриссо, который был закадычным другом и горячим восхвалителем Лафайета, больше не мог поддерживать короля. Взойдя на трибуну, он смело выразил чувства нации.

"Наша опасность, - сказал он, - превосходит все, что видели прошлые века. Страна в опасности не потому, что нам не хватает войск — не потому, что этим войскам нужна храбрость. Нет! она в опасности, потому что ее сила парализована. И кто ее парализовал? Человек — *один человек*, человек, которого Конституция сделала своим главой и которого вероломные советники сделали ее врагом. Вам говорят бояться королей Пруссии и Венгрии; я говорю, что главная сила этих королей находится *при дворе*, и именно *там* мы должны сначала победить их. Они советуют вам наносить удары по несогласным священникам. Я

говорю вам нанести удар по *Тюильри*, и вы убьете всех священников одним ударом. Вам приказано преследовать всех мятежных и интригующих заговорщиков. Все они исчезнут, если вы достаточно громко постучите в дверь *кабинета в Тюильри*; ибо этот кабинет - точка, к которой ведут все эти нити, где строится каждая схема и откуда исходит каждый импульс. В этом секрет нашего положения; в этом источник зла, и здесь должно быть применено лекарство".[339]

СНОСКИ:

[330] "Сразу после 20 июня, - пишет мадам Кампан, - королева потеряла всякую надежду, кроме иностранной помощи. Она писала, умоляя свою семью и братьев короля; и ее письма становились, вероятно, все более и более настойчивыми, и выражали ее опасения по поводу запоздалости, с которой, казалось, приближалась помощь ". — *Воспоминания Мари-Антуанетты, мадам Кампан*, т. ii., стр. 214.

[331] "Маршал Лакнер чрезвычайно осудил объявленное Лафайетом намерение отправиться в Париж, "потому что, — сказал он, - *санкюлоты* (оборванцы) отрубят ему голову". Но поскольку это было единственное его возражение, генерал решил выступить в одиночку". - *Воспоминания Лафайета* .

[332] Лекции о Французской революции, том ii., стр. 296. "Королева и двор", - пишет проф. Смит "никогда не мог вынести Лафайета как первого великого деятеля и зачинателя Революции; дело, как он думал, свобод своей страны, но дело, к которому они, к сожалению, не испытывали сочувствия".

"Королева сказала мне, — пишет мадам Кампан, - что Лафайет был предложен им в качестве спасательного средства, но что для них было бы лучше погибнуть, чем быть обязанными своей безопасностью человеку, причинившему им наибольшее зло, или поставить себя перед необходимостью иметь с ним дело". - *Воспоминания Мари-Антуанетты, мадам Кампан*, том ii, стр. 223.

[333] Тьер, том i, стр. 278.

[334] "Король вверил себя союзным державам в отношении Конституции в инструкциях, которые он дал Малле дю Пэну, и больше не был свободен, даже если бы он был склонен из-за какой-либо такой цели, как Конституция, объединиться с Лафайетом, даже несмотря на то, что Лафайет пытался совершить великое пункт, из всех других наиболее желанный, - свержение жирондистов и якобинцев. В целом, следует считать, что двор в настоящее время предпочитает вероятность вторжения союзных держав, а король - возможность некоторого посредничества между ними и народом Франции, то есть шанс на лучшие условия, чем предлагала Конституция. Я думаю, что это следует считать той линией политики, которая была принята сейчас. Это была полная опасностей и, в целом, ошибка; но при том ожидании, которое тогда было столь распространено, определенного успеха союзных держав, ошибка не была противоестественной". — *Проф. Дж. Лекции Смита*, том ii., стр. 295.

[335] История. Фил. de la Rev. de Fr., par Ant. Фантен Десодоардс, т. ii., стр. 45.

[336] "Суд, по—видимому, в сговоре с врагом, не прибегал ни к каким средствам для увеличения армий и возбуждения нации, но, напротив, использовал *вето*, чтобы сорвать меры законодательного органа, и *гражданский список* (королевское жалованье), чтобы обезопасить сторонников во внутренних районах". - *Тьер*, том i, стр. 280.

[337] Мадам Кампан, том ii., стр. 230.

[338] "Становится очевидным, что республики желали только от отчаяния перед монархией, что она никогда не была непреложным фактом, и что накануне ее достижения те, кого обвиняли в том, что они долго прокладывали к ней путь, не пожертвовали бы общественным благом ради нее, но согласились бы на конституционную монархию, если бы она сопровождалась достаточными гарантиями". —*Тьер*, том i, стр. 308.

[339] Месье Бриссо был известным юристом, который в возрасте двадцати лет был заключен в Бастилию за некоторые из своих политических сочинений. Он был страстным поклонником американцев и, отчаявшись из-за непостоянства или вероломства короля в конституционной монархии, пытался обеспечить Франции республику. Примерно через год после произнесения вышеупомянутой речи он погиб вместе с остальными жирондистами на эшафоте.—*Biographie Moderne*.

ГЛАВА XXVII.

РАЗРУШЕННЫЙ ТРОН.

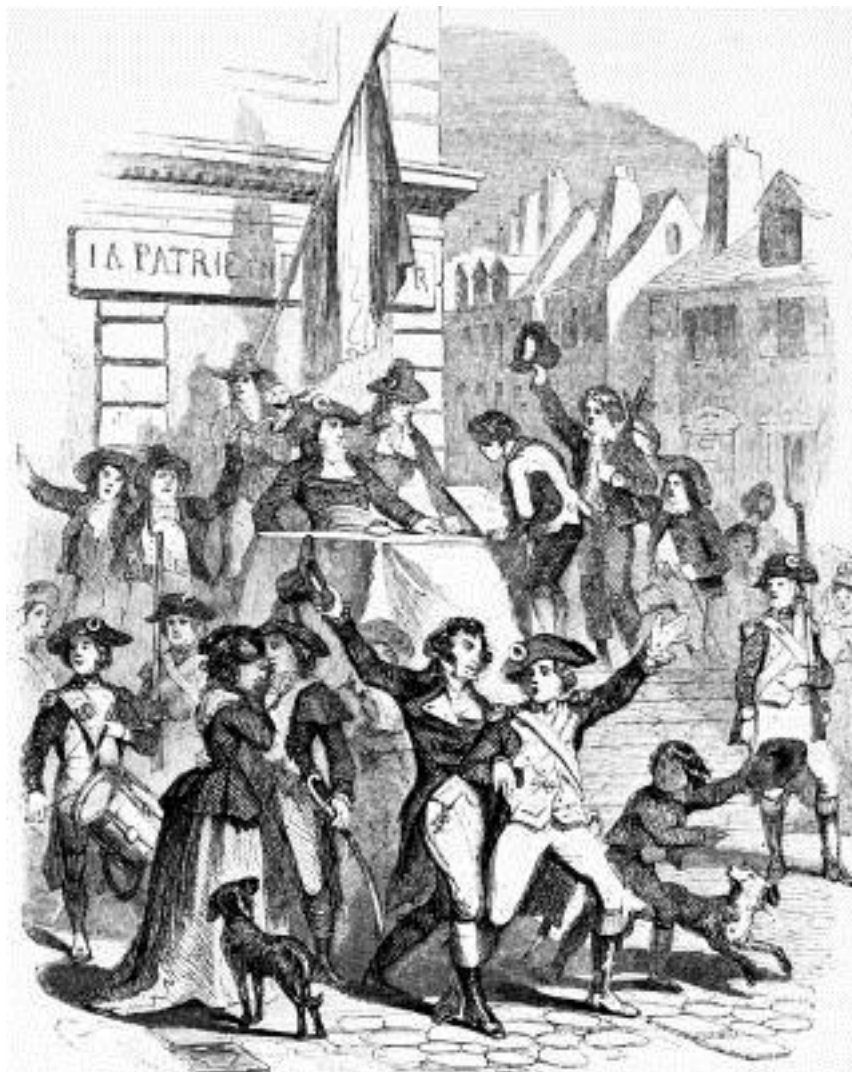
Страна объявлена в опасности.—План Лафайета по обеспечению безопасности королевской семьи.—Меры суда.—Празднование сноса Бастилии.—Движение союзной армии.—Противоречивые планы народа.—Письмо жирондистов королю.—Манифест герцога Брауншвейгского.—Непопулярность Лафайета.—Нападение на Тюильри, 10 августа.—Королевская семья укрывается в Собрании.

Опасность, которой подвергалась страна, теперь объединила конституционалистов и республиканцев, или, скорее, вынудила большинство конституционалистов стать республиканцами. Патриотически настроенный епископ, душа которого светилась духом истинного христианского братства, обратился к собравшимся с таким трогательным призывом, что, подобно примирившимся братьям, обе партии бросились в объятия друг друга, чтобы объединиться в защите той свободы, которая была одинаково дорога им всем.

11 июля по улицам Парижа и всей Франции с большой помпой было провозглашено, что *страна в опасности*. Весь день стреляли из мелкокалиберных орудий. Зазвонили колокола, и во всех кварталах города пробили побудку, созывая Национальную гвардию на посты. Кавалькада коней пронеслась по улицам с большим транспарантом с надписью: *Граждане, страна в опасности*. Во всех главных местах corteж? был остановлен и зачитан законодательный декрет. Во всех частях города были назначены встречи для набора добровольцев. Беспрецедентный энтузиазм охватил все классы. Только в Париже в первый день было записано пятнадцать тысяч человек.

В Ассамблею со всех концов империи посыпались петиции, в которых объявлялось, что король лишился короны, и требовалось его низложения. Эта внезапная перемена, эти смелые высказывания повергли двор в ужас. Жизнь короля теперь была в неминуемой опасности, и он решил, если возможно, совершить побег. Было предложено несколько планов, которые показались ему, с его врожденной целеустремленностью, слишком рискованными, чтобы их осуществлять. Лафайет, с великодушной доверчивостью, все еще пытался поверить, что король искренен в своем принятии конституционной свободы, и он предложил план, который спас бы короля и спас бы Францию, если бы в груди монарха была

хоть капля искренности. Таким образом, со стороны Лафайета было самым благородным забыть оскорбления, которые он получил от двора, и подвергнуть свою жизнь опасности в попытке спасти семью, которая причинила ему только увечья. Его смело задуманный план был столь же патриотичен, сколь и гуманен, и требовалась лишь искренность со стороны короля, чтобы обеспечить его триумфальное исполнение. Со стороны Лафайета было приятной слабостью все еще верить, что короля можно каким-либо образом склонить к поддержке революции. Его предложение вкратце сводилось к следующему:

СТРАНА, ОБЪЯВЛЕННАЯ В ОПАСНОСТИ.

"Генерал Лакнер и я, - сказал он королю, - прибудем в Париж, чтобы присутствовать на праздновании сноса Бастилии 14 июля. На следующий день вместе с нами король со своей семьей посетит Компьень, расположенный в пятидесяти милях к северу от Парижа. Народ будет достаточно нам доверять, чтобы не оказывать сопротивления. В случае сопротивления у нас под рукой будет достаточное количество драгун, чтобы нанести неожиданный удар и освободить вас. Десять эскадронов конной артиллерии должны принять там монарха и сопроводить его к армии на границах. Затем король издаст решительную прокламацию, запрещающую его братьям и эмигрантам предпринимать еще один шаг к вторжению во Францию, заявляющую в выражениях, которые не могут быть истолкованы превратно, о его решимости сохранить Конституцию и объявляющую о его готовности встать во главе армии для отражения нападения врага. Эта решительная мера убедит Францию в том, что король является ее другом, а не врагом. Союзники не смогут продвинуться вперед против Франции,

объединенной под властью ее монарха. Тогда король сможет с триумфом вернуться в Париж, под всеобщие одобрительные возгласы народа, конституционным монархом, любимым и почитаемым своими подданными".[340]

Это был самый мудрый курс, которого при данных обстоятельствах можно было придерживаться. Он был конституционным. Это было бы спасением короля и Франции. Многие из личных друзей короля со слезами умоляли его довериться Лафайету и последовать советам единственного человека, который мог спасти его от гибели. Но непостоянный король был теперь в руках королевы и придворных и управлялся по их усмотрению. Все их надежды были основаны на восстановлении деспотизма в результате иностранного вторжения. Великодушный план Лафайета был отвергнут с холодным и почти оскорбительным отпором.

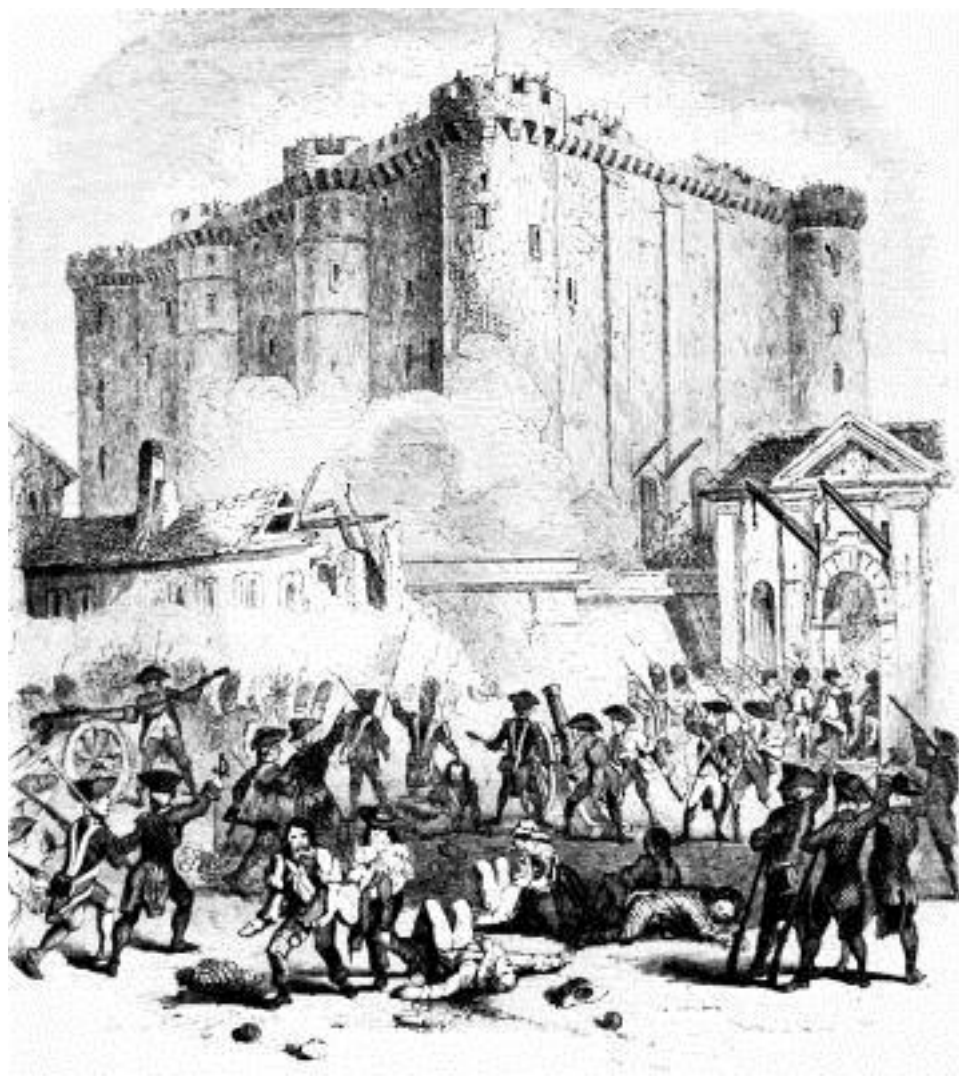
"Лучший совет, - ответил король, - который можно дать Лафайету, - это продолжать служить пугалом для фракций, умело выполняя свой долг генерала".

Королева была настолько уверена, что через несколько недель союзные армии будут в Париже и что любые проявления неуважения со стороны народа только ускорят их продвижение, что, когда Коломб, адъютант Лафайета, возразил против столь рокового решения, она ответила: "Мы очень признательны вашему генералу за его предложение, но лучшее, что могло с нами случиться, - это заточение на два месяца в башню".

Когда Лафайет таким образом рисковал своей жизнью, спасая королевскую семью, он знал, что по приказу королевы против него были составлены клеветнические брошюры, которые оплачивались из королевского жалованья.[341]

Суд тайно и очень энергично набирал защитников для надвигающегося кризиса. Они собрали в Тюильри полк швейцарских наемников численностью около тысячи человек, которые при соблюдении жесткой военной дисциплины должны были хранить верность королю. Большому числу генералов и младших офицеров, убежденных роялистов, было предоставлено жилье в Париже в ожидании любого появления. Несколько сотен провинциальных дворян-роялистов, по-рыцарски преданных монархии, проживали в гостиницах близ Тюильри, всегда имея при себе спрятанное оружие и пропуска, которые давали им доступ во дворец в любое время суток. В городе были организованы тайные отряды лоялистов, которые также были готовы по заданному сигналу броситься на защиту обитателей Тюильри. Слуги в замках были очень многочисленны, и все они были отборными людьми. В парижском гарнизоне также находилось десять тысяч линейных солдат, преданных королю.

Имея под рукой такие ресурсы и имея в союзе почти все монархии Европы, готовые выступить им на помощь, неудивительно, что король и королева почувствовали смелость бросить вызов окружавшим их опасностям.[342] Роялисты ликовали, и уже в провинциях Вандея и на Роне они развернули белое знамя бурбонов, спланивались вокруг него тысячами и начали резню патриотов, которые в этих провинциях были в меньшинстве.

ШТУРМ БАСТИЛИИ.

Таково было положение дел, когда наступило 14 июля, день великого празднования сноса Бастилии. Король и королева не могли избежать участия в церемониях, хотя сильно опасались, что могут быть предприняты попытки их убийства. Для короля был тайно изготовлен нагрудник в виде нижней жилетки, состоящий из пятнадцати складок итальянского шелка, прочно простеганного, который, как было установлено при испытании, защищал от кинжала или пули. Мадам Кампан носила его три дня, прежде чем королю представилась возможность незаметно примерить его. Король, надевая его, сказал:

- Я соглашаюсь на это неудобство только для того, чтобы доставить удовольствие королеве.

Корсет из аналогичного материала был также приготовлен для королевы. Она, однако, отказалась носить его, сказав: "Если повстанцы убьют меня, это будет самое счастливое событие. Это избавит меня от самого печального существования и, возможно, спасет от жестокой смерти остальных членов семьи".

Местом проведения фестиваля было Марсово поле. Было установлено восемьдесят три великолепных шатра, представляющих восемьдесят три департамента Франции. Перед каждым из них было посажено дерево свободы, с верхушек которого развевалось трехцветное знамя. С одной стороны этого обширного плаца было посажено огромное дерево, названное деревом феодализма. Его ветви были увешаны памятниками древней гордости и угнетения — голубыми лентами, диадемами, шляпами кардиналов, ключами

Святого Петра, горностаями, мантиями, дворянскими титулами, щитками, гербами и т.д. В программе дня было указано, что король, заново принеся присягу на верность Конституции, должен был поджечь древо феодализма со всем его грузом давних злоупотреблений.

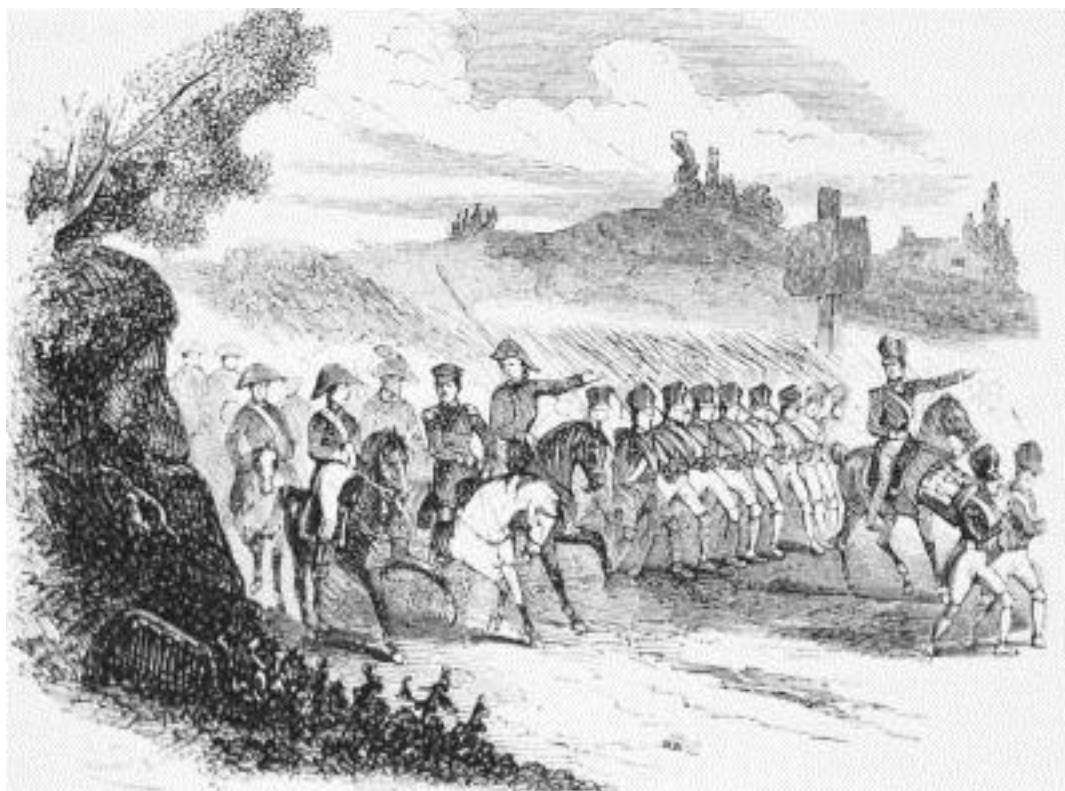
Король и королевская семья присоединились к процессии в Тюильри и с опечаленными сердцами и меланхоличными лицами исполнили свою роль в церемонии. "Выражение лица королевы, - говорит мадам де Сталь, - в этот день никогда не изгладится из моей памяти. Ее глаза наполнились слезами, а великолепие ее платья и достоинство осанки составляли разительный контраст со шлейфом, который ее окружал".

Когда процессия прибыла на Марсово поле, где собралось огромное скопление народа, королева заняла свое место на специально отведенном для нее балконе, в то время как короля медленно провели сквозь почти непроницаемую толпу к алтарю, где должна была состояться присяга. Королева пристально и с тревогой наблюдала за его продвижением с бокалом в руке. Поднимаясь к алтарю, монарх сделал неверный шаг и, казалось, упал. Королева, решив, что он был поражен кинжалом, издала крик ужаса, который пронзил сердца всех вокруг нее. Король, однако, взошел на алтарь и принес присягу.

Тогда люди хотели, чтобы он поджег феодальное древо. Но он отказался, очень уместно заметив, что во Франции больше нет феодализма. Затем некоторые депутаты Собрания подожгли костер, и когда он был объят пламенем, крики толпы свидетельствовали об их радости. Сторонникам короля удалось поднять несколько криков "*Да здравствует король*", которые вызвали мгновенную улыбку на изможденном лице короля. Но это были последние проблески радости. Королевская семья в глубочайшем унынии вернулась во дворец. Они сознавали, что всего лишь исполнили роль пленников, украсив триумф, и больше никогда не появлялись на улицах Парижа, пока их не вели на казнь.

Тревожный декрет Ассамблеи о том, что *страна находится в опасности*, и призыв ко всем вооружаться привели в смятение всю Францию. Беспокойные, жестокие и безответственные всегда первыми идут добровольцами на войну. Их быстро организовали в департаментах в полки и батальоны и отправили в Париж. Таким образом, несмотря на вето короля, в столице быстро собирались огромные силы, и силы, которые чувствовали, что сам король был тайным вероломным врагом, которого им следовало больше всего опасаться. Ассамблея, опасавшаяся заговора внутри страны больше, чем открытой войны из-за границы, теперь направила к границам королевские войска, на верность которых нации они не могли положиться. Суд выступил против этой меры, поскольку они не хотели усиливать даже слабое сопротивление, с которым, как они предполагали, союзникам придется столкнуться, а также хотели сохранить эти войска для их собственной защиты от любого отчаянного народного восстания. Следовательно, король хотел наложить свое вето, но ему сообщили, что он не может безопасно принять эту меру в тогдашнем раздраженном состоянии общественного сознания. Вывод этих войск весьма решительно ослабил силы роялистов в Париже.

Таково было положение дел 28 июля, когда армия союзников, насчитывавшая в своих трех крупных дивизиях сто тридцать восемь тысяч человек, начала свой марш на Францию.

ПРУССАКИ ПЕРЕСЕКАЮТ ГРАНИЦЫ ФРАНЦИИ.

Герцог Брауншвейгский должен был перейти Рейн у Кобленца, подняться по левому берегу Мозеля и двинуться на Париж маршрутом через Лонгвий, Верден и Шалон. Его огромные силы, состоявшие из кавалерии, пехоты и артиллерии, с огромным количеством тяжелых орудий и длинными вереницами обозов и повозок с боеприпасами, покрывали пространство в сорок миль. Принц Гогенлоэ, шедший параллельной линией примерно в двадцати милях слева от него, возглавлял дивизию эмигрантов и гессенские войска. Его маршрут пролегал через Тионвиль и Мец. Граф де Клерфе, австрийский фельдмаршал, которого считали самым способным генералом, противостоявшим французам во время войны за независимость, повел австрийские войска и другую дивизию эмигрантов по другим параллельным дорогам справа, чтобы напасть на Лафайета, который был расположен перед Седаном и Мезьером. Предполагалось, что он легко рассеет слабые силы Людовика XVI. он разрешил разместиться там; а затем ему предстояло быстро наступать на Париж через Реймс и Суассон.[343]

Друзья свободы теперь не видели иного способа спасти Францию от грозящей ей опасности и спасти самих себя от эшафота, кроме как вырвать исполнительную власть у короля и двора, которые сотрудничали с врагом. Это могло быть сделано только с помощью *революции*, поскольку Конституция не давала Собранию права свергать короля. Жирондисты или умеренные республиканцы, ненавидевшие якобинцев и потрясенные анархией, которая могла возникнуть в результате вооружения парижской черни, хотели, чтобы *Ассамблея* узурпировала власть и свергла короля. Якобинцы, надеявшиеся прийти к власти на волнах народных волнений, намеренно решили свергнуть трон, натравив на него разъяренные народные массы. Он призывал к действию ужасную энергию землетрясения и торнадо, зная, что их разрушительные действия, однажды начавшись, не сможет остановить никакая земная сила.

Первоначально разработанный план состоял в том, чтобы поднять народ в огромном количестве, выступить маршем на Тюильри, взять короля в плен и держать его в Венсенском

замке в качестве заложника за хорошее поведение эмигрантов и союзников. Назначенный день настал, и Париж был повергнут в состояние ужасного замешательства. Но двор был предупрежден об этом движении. Дворец был надежно защищен, и в результате некоторого недоразумения выяснилось, что для попытки штурма не было достаточной согласованности действий.

Теперь была сформирована новая схема, энергичная и хорошо приспособленная для эффективного достижения своей цели. По звонку набата сорок тысяч человек должны были выстроиться в предместье Сент-Антуан. Еще одно огромное скопление населения должно было собраться в предместье Сен-Марсо. Все войска метрополии из провинций должны были быть размещены в лагере Марсельского батальона. Затем они должны были одновременно двинуться ко дворцу, заполнить сад и двор Карусели и окружить Тюильри со всех сторон. Здесь они должны были расположиться лагерем со всей военной техникой и укрепить свои позиции рвами, баррикадами и редутами. Кровь не должна была пролиться. Не должно было быть ни нападения на дворец, ни насильственного проникновения. Король должен был подвергнуться блокаде, а Собрание должно было быть проинформировано о том, что население не сложит оружия до тех пор, пока король не будет свергнут, а Законодательный орган не примет меры для обеспечения безопасности страны.^[344] В этом плане было что-то великодушное и возвышенное. Оно старалось тщательно оберегать себя от беспорядков, грабежа и крови. Это было величественное движение народа, поднявшегося в целях самообороны против собственной исполнительной власти в сочетании с иностранными врагами. Барбару, лидер марсельцев, набрасывает этот план карандашом. Он был скопирован Фурнье и принят Дантоном и Сантерром.^[345]

Несколько лидеров жирондистов, стремясь предотвратить надвигающийся ужасный кризис, написали королю благородное письмо, содержащее справедливые и весомые соображения, которые должны были подтолкнуть его к соответствующим действиям. Письмо было написано Верньо, Годе и Генсонне, тремя самыми яркими представителями Законодательного собрания.

"Не следует скрывать, - говорили эти люди королю, - что именно поведение исполнительной власти является непосредственной причиной всех бед, от которых страдает Франция, и опасностей, которыми окружен трон. Они вводят короля в заблуждение, заставляя его предполагать, что именно разгул клубов, маневры отдельных агитаторов и могущественных группировок вызвали и продолжают те беспорядочные движения, которые с каждым днем усиливают насилие и последствия которых никто не может просчитать. Таким образом, предполагать - значит искать причину зла в том, что является всего лишь симптомами. Единственный способ установить общественное спокойствие для короля - окружить себя доверием своего народа. Это может быть сделано только путем заявления в самой торжественной форме, что он не получит никакого усиления своей власти, которое не будет свободно и регулярно предлагаться ему французской нацией без помощи или вмешательства каких-либо иностранных держав.

"Что было бы, возможно, достаточным для немедленного восстановления доверия, так это то, что король заставил бы объединенные державы признать независимость французской нации, прекратить все дальнейшие военные действия и вывести войска, которые угрожают нашим границам. Невозможно, чтобы очень большая часть нации не была убеждена в том, что в силах короля положить конец коалиции; и пока эта коалиция продолжается и ставит общественную свободу в опасное положение, бесполезно льстить королю, что доверие может возродиться".

Двор счел это письмо дерзким, и король прислал ответ, в котором заявил, что ему не следует обращать никакого внимания на содержащиеся в нем предложения.

30 июля прибыли войска из Марселя численностью в пятьсот человек, состоявшие из самых пламенных и буйных духом людей Юга. Клубы, журналы и крики народа в течение некоторого времени требовали от Ассамблеи отстранения короля от должности. Но Собрание, сдерживаемое уважением к Конституции, колебалось с принятием столь революционной и в то же время, по-видимому, столь необходимой меры. Запланированное теперь восстание, если только оно не будет подавлено королевскими войсками, несомненно, достигнет своей цели. Если Ассамблея в своем ужасе не объявит трон вакантным или если король в своем ужасе не отречется от престола, вся королевская семья будет находиться в состоянии блокады, и нельзя будет скрыть, что им грозила опасность стать жертвами ярости неуправляемой толпы. Это был сознательно составленный и энергично претворяемый в жизнь план. Это было последнее и самое страшное средство патриотизма. Человечество потрясено этой мерой. Однако мы не должны забывать, что приближались иностранные армии, и король был заодно с ними и пресекал все меры по эффективному сопротивлению. Двор организовывал сторонников короля, чтобы они объединились с иностранцами во всех ужасах гражданской войны. Двадцатипятимиллионная нация свободных людей снова должна была быть порабощена. Все патриоты, сыгравшие важную роль в обеспечении свободы Франции, должны были быть отправлены в ссылку, в темницу и на эшафот. Если когда-либо и было простительно народу впадать в состояние слепой неуправляемой ярости, то это был народ Франции перед лицом подобных угроз.

Париж был в состоянии паники, когда ужасное заявление герцога Брауншвейгского достигло города. Король направил к союзникам тайного посла Малле дю Пэна, предложив тон манифеста, который он хотел, чтобы они опубликовали. Некоторые из его предложений они приняли и добавили к ним угрозы, столь же жестокие и кровавые, как любые деяния, когда-либо совершенные толпой.

"Их величества, - говорилось в этом манифесте герцога, - император и король Пруссии, доверив мне командование объединенными армиями, собранными по их приказу на границах Франции, я желаю ознакомить жителей этого королевства с мотивами, которые определили действия двух государей, и намерениями, которыми они руководствуются".

Затем он заявил, что одна из целей, которую монархи имели глубоко в сердце, заключалась в том, чтобы "положить конец анархии во внутренних районах Франции; прекратить нападения, направленные против трона и алтаря, восстановить королевскую власть, вернуть королю безопасность и свободу, которых он лишен, и дать ему возможность осуществлять законную власть, которая ему причитается".

Затем он заявил, в нарушение всех правил цивилизованного ведения войны, что "те из национальных гвардейцев, которые сражались против войск двух союзных дворов и которые будут взяты в плен с оружием в руках, будут наказаны как мятежники против своего короля". Это обрекало каждого французского патриота, оказавшего сопротивление захватчикам, на расстрел или повешение.

"Жители городов, поселков и деревень, - продолжалось это свирепое заявление, - которые осмелятся защищаться от войск их императорских и королевских величеств и открывать по ним огонь либо в открытом поле, либо из своих домов, будут немедленно наказаны по всей строгости законов военного времени, а их дома разрушены или сожжены.

"Город Париж и все его жители без различия обязаны немедленно подчиниться королю, предоставить ему полную свободу, обеспечить ему, а также всем королевским особам неприкосновенность и уважение, которыми подданные обязаны своим суверенам. Их императорские и королевские величества возлагают на членов Национального собрания, департамента, округа, муниципалитета и Национальной гвардии Парижа, мировых судей и всех других, кого это может касаться, личную ответственность своими жизнями за все, что может произойти; их упомянутые величества заявляют, кроме того, на свою веру и слово императора и короля, что в случае принуждения или оскорбления дворца Тюильри, что при малейшем насилии, малейшем оскорблении их величеств короля и королевы и королевской семьи, в случае немедленного освобождения дворца. если не будут приняты меры для их безопасности, их сохранения и их свободы, они совершат образцовую и приснопамятную месть, *предав город Париж военной казни и полному уничтожению, а мятежников, виновных в бесчинствах, - наказанию, которое они заслужат.*"[346]

Этот свирепый документ был напечатан во всех роялистских газетах Парижа 28 июля. Король немедленно опубликовал послание, в котором отрицал любое участие в манифесте. Но народ больше не доверял слову короля. Париж был ввергнут в состояние страшного волнения. Сорок восемь секций Парижа собрались и поручили мэру Петиону предстать перед Генеральной ассамблеей и ходатайствовать от их имени о свержении короля. 3 августа Петион во главе многочисленной депутации предстал перед Собранием. В обращении, спокойном, бесстрашном, но ужасном по своей суровости, он проследил весь путь короля с начала Революции и завершил торжественным требованием свергнуть Людовика XVI, как самого опасного врага нации. Ассамблея была смущена своим желанием придерживаться Конституции, которой она поклялась подчиняться. Свержение короля было не конституционным а революционным актом. Последовали долгие и бурные дебаты, в ходе которых зал был завален петициями против короля. Друзья короля снова очень хотели обеспечить его побег. Но король и слушать не хотел об их планах, ибо был настолько увлечен, что верил, что герцог Брауншвейгский вскоре беспрепятственным маршем прибудет в Париж для его спасения.

Симпатия, которую Лафайет проявлял к королевской семье, теперь погубила его в глазах населения. Повсюду его обвиняли в предательстве, и были предприняты решительные усилия, чтобы заставить Ассамблею выдвинуть против него обвинительный законопроект. Но друзья Лафайета в палате представителей сплотились, и обвинение в государственной измене с него было снято четырьмя сотнями сорока шестью голосами против двухсот восьмидесяти. Население было настолько возмущено таким результатом, что осыпало оскорблениями всех, кто голосовал в его пользу, и некоторые из них подверглись жестокому обращению со стороны толпы. Национальное собрание стало непопулярным. Его яростно осуждали в клубе якобинцев и на всех углах улиц. Тем временем повстанческий комитет, сформированный из якобинского клуба, был занят подготовкой к великому восстанию. Все сердца были потрясены, ибо все могли видеть, что сгущается ужасающая черная туча, и никто не мог сказать, каким пределом будут разрушительные действия бури.

В полночь 9 августа раздался заунывный звук набата. От колокольни к колокольне в темном воздухе разносились зловещие звуки. Тысячи барабанов били тревогу на назначенной встрече, и грохот орудий сотрясал город. Через час весь Париж был охвачен смятением. Стук железных копыт, грохот тяжелой артиллерии, топот дисциплинированных батальонов, спешка и рев возбужденной толпы представляли собой самую ужасающую сцену смятения и ужаса. Город с полутора миллионным населением был в конвульсиях. Друзья короля поспешили во дворец, бледными губами объявляя, что страшный час настал. Это событие не

нуждалось в объявлении, поскольку весь город мгновенно содрогнулся от агонии землетрясения. Король, королева, двое детей и мадам Елизавета, дрожа, собрались в одной из комнат дворца, как ягнята жмутся друг к другу, когда вокруг загона воют волки. Мария-Антуанетта была невероятно храброй, но она не могла в тот час смотреть на своих беспомощных сына и дочь и не чувствовать, как сжимается ее материнское сердце. Louis XVI. обладал стойкостью мученика, но не мог равнодушно созерцать горе своей семьи.

Друзья короля быстро сплотились и собрали все свои силы для его защиты. Покои дворца были заполнены джентльменами-роялистами, вооруженными мечами, пистолетами и даже лопатами и щипцами. Девятьсот швейцарских гвардейцев, на которых, как считалось, можно было положиться, были расставлены на лестницах, в холлах и больших салонах. Шестьсот или восемьсот конных драгун находились в одном из дворов. Несколько батальонов Национальной гвардии, наиболее дружественных королю, были размещены в саду с двенадцатью артиллерийскими орудиями.[347] Защитники дворца насчитывали в общей сложности около четырех или пяти тысяч человек. Но многие из них были очень вялыми в своей лояльности, и можно было ожидать, что в любой момент они начнут брататься с населением.[348]

Послали за Петионом, мэром. Он приехал и после неловкой беседы удалился, оставив Мандата, который был главнокомандующим Национальной гвардией, командующим войсками в Тюильри. Ночь была душной. Все окна Тюильри были распахнуты настежь, и заключенные с тревогой прислушивались к шуму, доносившемуся со всех концов города. Королева и мадам Елизавета поднялись на балкон, выходящий на один из самых высоких этажей дворца. Ночь была тихой и прекрасной, луна сияла на западе, а Орион и Плеяды безмятежно сияли на востоке.[349] Там королева и принцесса некоторое время стояли, дрожа и молча, пока звон колоколов, бой барабанов, грохот артиллерийских колес и крики наступающих оркестров наполняли воздух. Со всех сторон, с востока, запада, севера и юга, раздавался зловещий рев токсина, и разъяренные повстанцы в количестве, которое невозможно было сосчитать, по всем улицам и проспектам устремлялись ко дворцу. Мосты, перекинутые через реку, отдавались эхом от их шагов, в то время как пламя костров и отблеск факелов дополняли ужасающую величественность этого зрелища.[350]

Королева нарушила молчание. Указав на луну, она сказала: "Прежде чем эта луна вернется снова, либо союзники будут здесь и мы будем спасены, либо меня больше не будет. Но давайте спустимся к королю.

Это зрелище, казалось, только пробудило энергию Марии-Антуанетты. Дух ее матери-императрицы пылал в ее груди.[351] Ее щеки были бледны как смерть, губы сжаты, глаза горели огнем, и, когда она вернулась в комнату, где стоял ее муж, сбитый с толку и покорный своей участи, она подошла к гренадеру, вытащила из-за пояса пистолет и, протягивая его мужу, сказала:

- Итак, сир! настало время показать себя королем.

Но Людовик XVI. был тихим, терпеливым, выносливым человеком, в его натуре не было ничего имперского. С самой невозмутимой кротостью он взял пистолет и вернул его гренадеру. Мэр Петион, активный член якобинского клуба, не проявил желания оказать действенную помощь в обороне дворца. Но чтобы не казалось, что он возглавляет толпу, покидая Тюильри, он неохотно подписал приказ, разрешающий применение силы для отражения нападения.

Повстанцы организовали повстанческий комитет в Отель-де-Виль и немедленно разослали повестку Мандату предстать перед ними. Дезинформированный мандатарий понял, что повестка пришла от муниципальных властей, и, как и положено по долгу службы, незамедлительно подчинился. Едва он покинул дворец, как королю сообщили, что он был убит толпой. Во дворце больше не было лидера; некому было организовать оборону; некому было отдавать приказы. Солдаты во дворе Тюильри и в Саду безучастно озирались по сторонам и перебрасывались шутками с толпой, столпившейся у железных перил.[\[352\]](#)

Однако теперь было решено, что король спустится во дворы Карусели, расположенные в задней части дворца, и в Сад, расположенный перед ним, чтобы произвести смотр войскам и убедиться в том духе, которым они были воодушевлены.

Король был очень толст, у него была неуклюжая прихрамывающая походка и выражение лица, свидетельствовавшее только о бесстрастности натуры. Он был одет в простой траурный костюм, шелковые чулки и туфли с пряжками. Его платье было в полном беспорядке. В начале ночи он бросился на диван, чтобы отдохнуть, и поэтому его волосы, которые были напудрены и завиты с одной стороны, были без пудры и в беспорядке с другой. Опасаясь, что его могут убить до наступления утра, он провел некоторое время в молитвенных упражнениях со своим духовником, и его смертельно бледные щеки, опухшие глаза и дрожащие губы ясно показывали, что он плакал. Таким образом, он представлял собой всего лишь короля в его деградации. Если бы он был энергичным человеком в военной форме, верхом на лошади, он, возможно, смог бы вызвать энтузиазм войск. Как бы то ни было, он не мог вызвать никаких других эмоций, кроме сострадания, смешанного, возможно, с презрением.

Было пять часов одного из самых ярких летних утра, когда король в сопровождении королевы и своих детей и шести штабных офицеров спустился по мраморной лестнице Тюильри и вошел в королевский двор. Музыка боевых оркестров приветствовала его, начищенное оружие солдат сверкнуло в лучах солнца, когда они подали оружие, и несколько голосов довольно вяло прокричали *Да здравствует король*. Другие, однако, вызывающе кричали *Да здравствует Нация*, показывая тем самым, что многие из тех, кто был мобилизован для его защиты, были готовы объединиться с нападавшими. Король пробормотал несколько бессвязных слов и вернулся во дворец.

Появление королевы в этот ужасный час приковало к себе всеобщее внимание и возбудило энтузиазм даже у ее врагов. Ее покрасневшие щеки, расширенные ноздри, сжатые губы и сверкающий глаз придавали ей имперскую красоту едва ли не больше, чем человеческую. Ее голова была высоко поднята, осанка горда, походка полна достоинства, и она смотрела вокруг на аплодирующих друзей и атакующих врагов с величием мужества, которое трогало каждое сердце. Даже самые пламенные патриоты забыли на мгновение о своей преданности свободе в энтузиазме, вызванном героизмом королевы. Вернувшись во дворец, королева в отчаянии поднялась по лестнице в гостиную, говоря:

"Все потеряно. Король не проявил никакой энергии. Подобный отзыв принес нам больше вреда, чем пользы".

Однако король, вместо того чтобы подняться в свои апартаменты, прошел через дворец в Сад, чтобы ознакомиться с расположением расквартированных там войск. Со своей небольшой свитой он пересек весь Сад. Некоторые батальоны встретили его аплодисментами, другие хранили молчание, в то время как тут и там все чаще раздавались

возгласы: "*Долой вето, долой тирана*". Когда король повернулся, чтобы вернуться по своим следам, угрозы и оскорбления усилились. Некоторые артиллеристы даже бросили свои орудия и ткнули кулаками ему в лицо, осыпая его самыми жестокими оскорблениями. Шум проник внутрь дворца, и королева, побледнев как смерть, опустилась в кресло, воскликнув:

"Великий Боже! они улюлюкают королю. Мы все погибли".

Король вернулся во дворец, бледный, измученный, с потной кожей на лице, переполненный смущением и стыдом. Он немедленно удалился в свой кабинет. Редерер, [353] главный магистрат департамента Сены, который был свидетелем враждебного настроения войск, теперь поспешил в замок и попросил разрешения поговорить с его величеством наедине, без свидетелей, кроме королевской семьи. Он вошел в королевский кабинет и обнаружил короля, упиравшегося локтями в колени и закрывшего лицо руками. Все удалились, кроме королевской семьи и королевских министров.

- Сир, - сказал г-н Редерер, - нельзя терять ни минуты. Ни количество, ни расположение собравшихся здесь людей не могут гарантировать вашу жизнь или жизни вашей семьи. Для вас нет другой безопасности, кроме как в лоне Собрания".

Зал Собрания находился в старом монастыре Фейянов, расположенном на западной стороне Сада, там, где сейчас проходит улица Риволи. Следовательно, королевская семья могла спуститься в Сад, который был заполнен войсками, собранными там для их защиты, и, перейдя Сад, войти в зал, практически не выставляясь на всеобщее обозрение.

Но такое убежище для пылкой королевы было страшнее смерти. Это означало осушить чашу унижения до дна.

"Идите в Ассамблею!" - воскликнула королева. "Никогда! никогда я не найду там убежища. Вместо того чтобы подвергнуться такому позору, я бы предпочел быть пригвожденным к стенам дворца".

"Только там, - ответил месье Редерер, - королевская семья может быть в безопасности. И необходимо немедленно бежать. Возможно, еще через четверть часа мы не сможем дать команду к отступлению.

"Как, - возразила королева, - неужели у нас нет защитников? Мы одни?"

- Да, мадам, - ответил Редерер, - мы одни. Войска в Саду и при дворе вступают в братство с вашими противниками и поворачивают оружие против дворца. Весь Париж на марше. Действия бесполезны. Сопротивление невозможно".

Присутствующий джентльмен, активно продвигавший реформу, рискнул добавить свой голос в пользу немедленного выхода из состава Ассамблеи. Королева сурово повернулась к нему и сказала:

- Тишина, сэр, тишина! Вам подобает молчать здесь. Когда зло совершено, те, кто это сделал, не должны притворяться, что хотят его исправить". [354]

Г-н Редерер продолжил: "Мадам, вы подвергаете опасности жизни вашего мужа и ваших детей. Подумай об ответственности, которую ты берешь на себя".

Король поднял голову, на мгновение устремил на г-на Редерера пустой, полный муки взгляд, а затем, встав, сказал: "*Marchons*" (*Пойдемте*).

Королева, не в силах больше закрывать глаза на случившееся, повернувшись к месье Редереру, нетерпеливо добавила: "Вы, сэр, отвечаете за жизнь короля и за жизнь моего сына".

"Мадам, - ответил месье Редерер, - мы обязуемся умереть рядом с вами, но это все, что мы можем обещать". Было тогда восемь часов утра.

Немедленно был вызван караул из солдат, и печальный кортеж покинул дворец. Швейцарские войска и джентльмены-лоялисты, заполнившие апартаменты, смотрели на происходящее в ужасе и отчаянии. Для них не было очевидного спасения, и они, казалось, были брошены на произвол судьбы. Переступая порог, король подумал о своих друзьях, и сердце его, казалось, исполнилось дурного предчувствия. Он заколебался, остановился и, повернувшись к г-ну Редереру, спросил: "Что будет с нашими друзьями, которые остались здесь?" Г-н Редерер успокоил короля, заверив его, хотя и ложно, что, сбросив оружие и форму, они смогут безопасно сбежать.

Затем они вошли в Сад и пересекли его, не встречая сопротивления, между двумя рядами штыков. Осенние листья устилали дорожки, и молодой дофин развлекался тем, что пинал их на ходу. Для душевной немощи короля характерно, что в такой час он должен был заметить: "Листьев очень много. В этом году они рано опадают".

Когда они подошли к двери у подножия лестницы, ведущей в зал Собраний, они обнаружили там огромную толпу мужчин и женщин, загораживающих вход. "Они не войдут сюда, - раздался крик, - они больше не будут обманывать нацию. Они - причина всех наших несчастий. Долой вето! Долой австрийку! Отречение или смерть!"

"Сир, - сказал один из них королю сочувственным тоном, - не бойтесь. Народ справедлив. Будьте добропорядочным гражданином, сир, и отошлите священников и свою жену подальше от дворца.

Солдаты попытались пробиться сквозь толпу, и в ходе борьбы члены королевской семьи были отделены друг от друга. Дюжий гренадер схватил дофина и поднял его на плечи. Королева, испуганная тем, что у нее отнимут ребенка, издала пронзительный крик. Но гренадеры протиснулись сквозь толпу и, войдя в зал вместе с королем и королевой, положили королевского принца на стол Собрания.

В кресле сидел знаменитый жирондист месье Верньо. Король подошел к нему и сказал:

- Я пришел сюда, чтобы предотвратить великое преступление. Я думал, что не могу быть в большей безопасности, чем с тобой.

- Вы можете положиться, сир, - ответил Верньо, - на твердость Собрания. Его члены поклялись умереть, защищая права народа и конституционной власти".

Король занял свое место. Присутствовало лишь несколько членов совета. Скорбная тишина воцарилась в зале, когда депутаты с опечаленными лицами и сочувствующими сердцами смотрели на короля, королеву, мадам Елизавету, прекрасную юную принцессу и дофина, которого королева держала за руку. Все гневные чувства умерли при виде этого печального зрелища, ибо все почувствовали, что на трон обрушилась буря, которую не могла унять никакая человеческая сила.

СНОСКИ:

[340] Мемуары Лафайета.

"Г-н де Лафайет, по—видимому, был не совсем обескуражен неудачами своего бывшего посольства; ибо 10 июля г-н де Лалли пришел ко мне с длинным письмом, написанным г-ном Лафайетом из его армии, в котором он излагал план, готовый, как он сказал, к исполнению, чтобы открыть королю путь через его врагов и поселить его в безопасности либо в Компьене, либо в северной части Франции, в окружении его конституционной гвардии и его верной армии", -*Бертран де Мольвиль*.

[341] "То, что с тех пор король или роялисты не должны больше выражать сочувствия, — говорит профессор Смит, - возвышенному характеру принципов Лафайета или непоколебимости его лояльности всякий раз, когда он видел, как он думал, короля в опасности, совершенно невыносимо; и нет случаев, когда королевская партия получала бы так мало преимуществ, как тогда, когда желательно, чтобы они проявили немного искренности, немного общей справедливости по отношению к Лафайету". - *Лекции о Французской революции*, том ii, стр. 298.

[342] История жирондистов, Ламартин, том ii., стр. 36.

[343] "Россия и Англия тайно одобряли атаки лиги Европы, пока не сотрудничая с ней". - *Минье*, стр. 142. Британское правительство в то время воздерживалось от активных действий со стороны британского народа, большая часть которого сочувствовала французам в их борьбе за свободу.

[344] "Вожди, - говорит Бертран ду Молевиль, - фракции Жирондистов, которые планировали восстание, в то время не намеревались свергать монархию. Их замысел состоял в том, чтобы свергнуть короля, передать корону его сыну и учредить регентский совет".

[345] "История жирондистов" Ламартина, том 2, стр. 40. Барбару, один из самых активных лидеров этого движения, "человек гения, тонких привязанностей и благородных чувств", в своих мемуарах пишет: "Мы хотели, чтобы это восстание во имя свободы было величественным, как сама Свобода; святым, как это права, которые она одна может обеспечить и достойна служить примером для каждого народа, которому, чтобы разорвать цепи своих тиранов, нужно только показать себя".

[346] "Величайшая сенсация была произведена в нашей собственной стране Великобритании и по всей Европе подобным манифестом, в котором, по правде говоря, говорилось, что две военные державы должны были выступить в соседнее и независимое королевство, чтобы уладить там гражданские разногласия так, как они сочтут наилучшим, и наказать по военному закону, как мятежников и предателей, всех, кто осмелился оказать им сопротивление. Ни один сторонник свободы или общих прав человечества не смог бы ни на мгновение смириться с подобной процедурой. Даже успех якобинцев и анархистов считался предпочтительнее триумфа захватчиков, подобных этим". — *Проф. Лекции Смита об о. преподобном*, том ii., стр. 326.

[347] Сад Тюильри занимает площадь около шестидесяти семи акров. Там могла бы расположиться лагерем целая армия.

[348] Один из офицеров штаба сказал мадам Кампан посреди этой сцены ужаса и смятения: "Положите свои драгоценности и деньги в карманы. Наши опасности неизбежны. Средства защиты бесполезны. Безопасность могла бы быть достигнута благодаря некоторой энергии

короля; но это единственное достоинство, которого ему недостает". —*Мадам Кампан*, том ii, стр. 240.

[349] Редерер, Хроника Чинкванте Журн.

[350] "Список! сквозь тихую полночь; звон далекого штормового колокола. Шпиль за шпилем подхватывают чудесную историю. Чернокожие придворные прислушиваются к окнам, открытым для проветривания; различают звон колоколов на шпилях. Это набат Святого Роха; это, опять же, *это* не святой Жак, названный *де ла Бушери*? Да, господа! или даже Сен-Жермен л'Оксерруа, вы не слышали? Тем же металлом, который бил в шторм двести двадцать лет назад; но тогда по приказу его величества, в канун Святого Варфоломея!" — *Карлайл*, том ii., стр. 138.

[351] "Поведение Марии-Антуанетты было великодушным в высшей степени. Ее величественный вид, австрийские губы и орлиный нос придавали ей вид достоинства, который может быть понят только теми, кто видел ее в тот трудный час". —*Пельтье*.

[352] Там, где сейчас стоят железные перила, отделяющие просторный двор Тюильри от Карусели, названной так потому, что Людовик XIV в 1662 году проводил здесь большой турнир, в 1792 году стояли ряды небольших домиков и сараев. Затем двор был разделен перилами на три части. Центральная, которая была несколько больше остальных, называлась Королевским двором. Королевские войска были размещены в этих дворах, в то время как повстанцы заполняли Карусель. Эти дворы, теперь объединенные в один, предоставляли Наполеону достаточно места для смотра своих войск.

[353] М. Редерер, конституционный монархист, был одним из самых выдающихся людей Революции. Осужденный якобинцами, он был вынужден, как и Лафайет, искать убежища в бегстве. По возвращении Наполеона из Египта он оказал действенную помощь в спасении Франции от анархии, а также в создании Консульства и Империи. Он сердечно сотрудничал с императором в его планах реформ, был главным инструментом при заключении мирного договора между Францией и Соединенными Штатами и принял большое участие в возрождении Неаполитанского королевства Жозефом Бонапартом. Когда Наполеон пал под ударами союзной Европы, Редерер в печали удалился на покой.—*Enc. Am.*

[354] Мадам Кампан, том ii., стр. 274, примечание.

ГЛАВА XXVIII.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ ЗАКЛЮЧЕНА В ТЮРЬМУ.

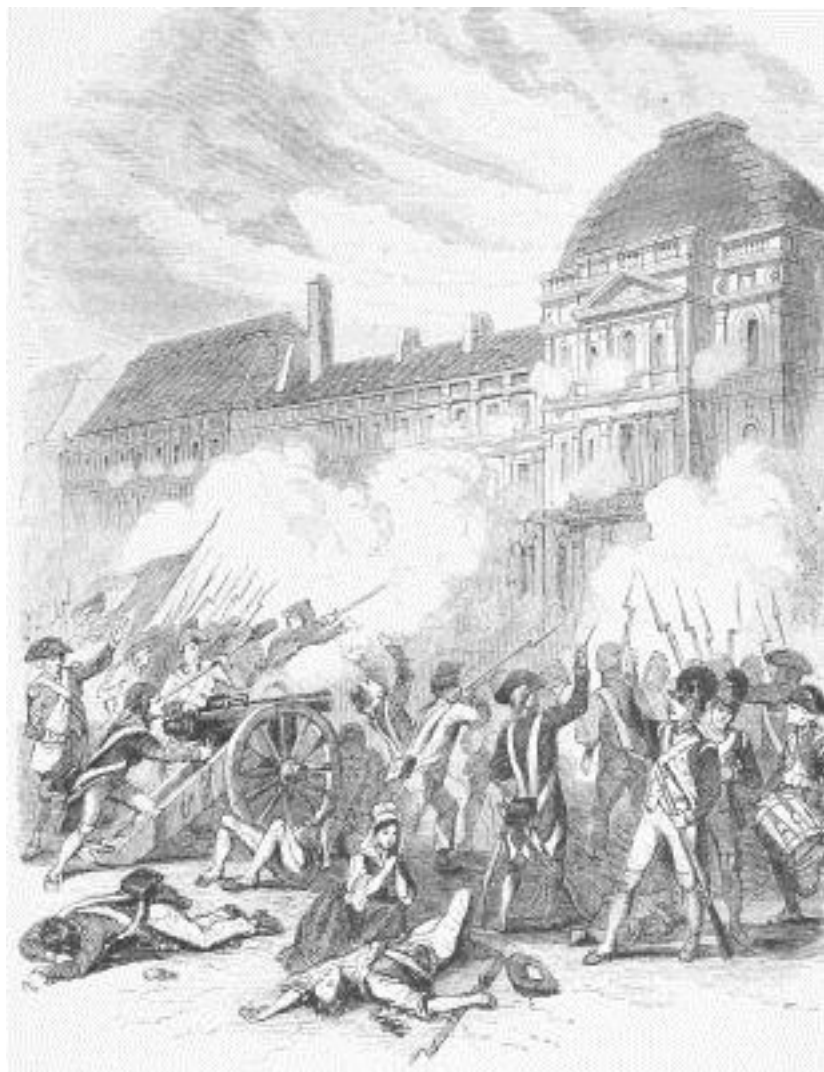
Суматоха и смятение в Собрании.—Штурм Тюильри.—Представитель королевской семьи.—Указ об отстранении от должности.—Ночь в монастыре.—Второй день Ассамблеи.—Королевская семья в плену.—Третий день Ассамблеи.—Храм.—Королевская семья переведена в Храм.

Но мало кто из взволнованных тысяч, заполонивших все подходы к Тюильри, осознавал, что королевская семья сбежала из дворца. Шум быстро усилился, превратившись в сцену ужасающего переполоха. Сначала послышалось несколько ружейных выстрелов, затем мушкетные залпы, затем глухой грохот артиллерии, в то время как крики о наступлении, вопли ярости и вопли раненых и умирающих наполнили воздух. Зал Собрания уже был

переполнен до отказа, и депутаты стояли бессильные и потрясенные. Бурлящая масса напирала на дверь. Под окнами слышались удары, пистолетные выстрелы и предсмертные стоны, и каждую минуту можно было опасаться, что убийцы ворвутся в зал и королевская семья и все ее защитники будут перерезаны. Несколько пуль разбили окна, и одно или два пушечных ядра пробили крышу здания. Все подвергались страшной опасности.

Королю больше некуда было отступать. Рядом с президентским креслом было огорожено железными перилами пространство, предназначенное для репортеров. Несколько членов церкви помогли королю снести часть этих перил, и вся королевская семья нашла там убежище. В этот момент дверь зала подверглась нападению, и мощные удары, казалось, сотрясли все здание. "Нас взяли штурмом!" - крикнул один из депутатов. Однако никому не было спасения ни в каком направлении, и в течение нескольких мгновений все были свидетелями сцены замешательства и ужаса, которые невозможно описать никаким языком.

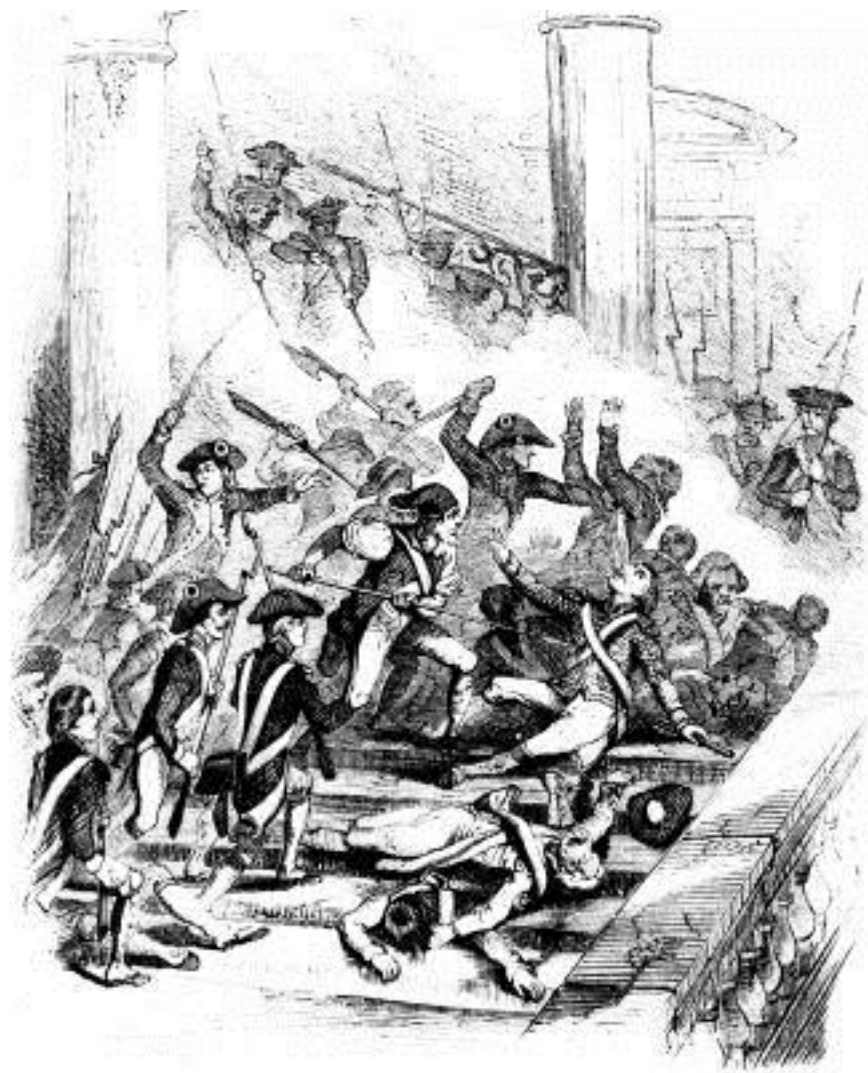
В то же самое время во дворце и вокруг него бушевал ужасный конфликт. Сразу же после отъезда короля все швейцарские войска, которых ненавидели как иностранных наемников, нанятых для уничтожения французов, были втянуты во дворец со двора и в замешательстве смешались в его покоях с лоялистами, офицерами и слугами. Несмотря на огромные размеры дворца, он был так переполнен, что в нем едва хватало места для передвижения.

ШТУРМ ТЮИЛЬРИ, 10 августа 1792 года.

Толпа в "Карусели" атаковала одни из ворот, выломала их и ворвалась в королевский двор, который был почти пуст после ухода швейцарцев. Роты национальной гвардии в Карусели, вместо того чтобы сопротивляться, смотрели одобрительно и, очевидно, были вполне расположены протянуть нападавшим руку помощи. У подножия дворцовой лестницы был установлен большой кусок дерева в виде барьера, и за ним в беспорядке расположились, толпясь на ступенях, швейцарцы и часть Национальной гвардии, которые поддерживали короля.^[355]

Как раз в этот момент все Сент-Антуанское предместье двинулось вперед плотной колонной. Они промаршировали через Карусель, вошли во двор и установили шесть пушечных установок на батарее, чтобы открыть огонь по дворцу. Именно для того, чтобы избежать, по возможности, конфликта, стража была отведена со двора во дворец. Крики бесчисленной толпы приветствовали это боевое движение толпы. Швейцарцы получили приказ от короля не стрелять. Толпа осторожно придвигалась все ближе и ближе к двери и, наконец, ободренная терпением защитников дворца, схватила длинными шестами, к которым были прикреплены крюки, одного за другим часовых и с криками схватила и обезоружила их. Таким образом, пятеро швейцарских военнослужащих были взяты в плен.

МАССОВОЕ УБИЙСТВО КОРОЛЕВСКОЙ ГВАРДИИ, 10 августа 1792 года.

Наконец прозвучал одиночный выстрел, никто не может сказать, с какой стороны. Это был сигнал к пролитию крови. Швейцарцы, столпившиеся на великолепной мраморной лестнице, возвышаясь друг над другом, занимали очень грозную позицию. Они немедленно открыли смертельный огонь. Залп следовал за залпом, и каждая пуля поражала плотную массу, толпившуюся при дворе. В тот же миг из всех окон дворца на врага обрушился шквал выстрелов. Через мгновение тротуар покраснел от крови и был покрыт умирающими и мертвецами. Артиллеристы побросали свои орудия, и вся толпа бросилась врассыпную, топча мертвых и раненых в отчаянных попытках вырваться со двора в Карусель. Через несколько мгновений весь двор был эвакуирован и остался усеян пиками, мушкетами, гренадерскими фуражками и окровавленными телами.

Осаждающие, однако, вскоре сплотились. Следуя за дисциплинированными войсками из Марселя, которыми руководили умелые офицеры, толпа с неописуемой яростью бросилась в атаку. Пушечные ядра, пули и картечь били в двери и окна. Большинство джентльменов-лоялистов бежали потайным ходом через длинную галерею Лувра, в то время как победоносная толпа, вооруженная пиками, штыками и саблями, без сопротивления ворвалась во дворец и ворвалась во все его покои. Швейцарцы сложили оружие и просили пощады. Но безжалостная толпа, разъяренная убийством своих друзей, не знала пощады. Последовала беспорядочная резня, сопровождавшаяся всеми мыслимыми актами жестокости. В течение четырех часов продолжалась бойня, когда обыскивали чердаки, чуланы, подвалы, дымоходы и хранилища, а перепуганных жертв вытаскивали наружу умирать. Некоторые выпрыгивали из окон и пытались убежать через сад. Их преследовали и безжалостно зарубили. Некоторые взбирались на мраморные памятники. Убийцы, не желая причинять вред статуям, укололи их штыками, а затем зарезали у своих ног. Семьсот пятьдесят швейцарцев были убиты в тот кровавый день.

Собрание в эти часы было бессильно и в сильном беспокойстве ожидало исхода боя. Ничто не может более впечатляюще показать слабый и легкомысленный ум короля, чем то, что в такой час, увидев в зале художника Дэвида, он спросил его:

- Как скоро вы, вероятно, закончите мой портрет?

Дэвид жестоко ответил: "Я никогда в будущем не буду писать портрет тирана, пока его голова не будет лежать передо мной на эшафоте".[\[356\]](#)

Королева сидела в надменном молчании. Ее сжатые губы, горящие глаза и пылающие щеки свидетельствовали о чувствах унижения и негодования, которыми она была охвачена. Юная принцесса плакала, и ее воспаленное лицо было покрыто высохшими каплями слез. Дофин, слишком юный, чтобы оценить ужасное значение этой сцены, огляделся с растерянным любопытством.

В одиннадцать часов многократные победные крики, раздавшиеся из Сада, дворца, Карусели и со всех прилегающих улиц и местечек, возвестили о том, что торжество народа было полным. Собрание, теперь охваченное благоговейным страхом, единогласно приняло указ об отстранении короля от должности, увольнении министров-роялистов, отзыве жирондистского министерства и созыве Национального собрания для суда над королем. Пока Верньо с горечью зачитывал этот декрет, к которому было вынуждено Собрание, король внимательно слушал, а затем иронически сказал месье Кустару, стоявшему рядом с ним:

"Это не очень конституционный акт".

"Верно, - ответил месье Кустар, - но это единственное средство спасти жизнь вашего величества".

Собрание немедленно приняло декреты, на которые король наложил вето, изгнав непокорных священников и разбив лагерь под Парижем. Дантон,^[357] чья огромная энергия руководила восстанием, был назначен министром юстиции. Монж, знаменитый математик, по предложению своего не менее знаменитого друга Кондорсе был поставлен во главе Морской пехоты. Лебрен, человек честный и неутомимый, был назначен министром иностранных дел.

Таким образом, все правительство было фактически революционизировано и реорганизовано. В течение всех долгих часов этого дня королевская семья сидела в переполненном Зале, почти задыхаясь от жары и невыносимых страданий, которые невозможно выразить словами. Улицы наполнились шумом, и волны народного возмущения обрушились на старый монастырь Фейянов, даже угрожая выломать двери. Царственные жертвы прислушивались к указам, которые срывали корону с чела короля и передавали его скипетр в руки его самых яростных врагов. В столкновении с защитниками дворца погибло от трех до четырех тысяч человек населения, в отместку за что было убито около восьмисот обитателей Тюильри. Родственники убитых горожан, вне себя от ярости, требовали крови короля как причины смерти их друзей. Для королевской семьи не существовало иного укрытия, кроме как в Собрании. Пятьдесят вооруженных солдат с примкнутыми штыками окружили их в ложе, и все же каждую минуту существовал страх, что народ ворвется внутрь и утолит свой гнев кровью монарха и его семьи.

Король всегда славился своим ненасытным аппетитом. Даже посреди этих ужасающих сцен он был голоден и потребовал еды. Ему приносили хлеб, вино и холодные яства. Он ел и пил с жадностью, к крайнему огорчению королевы, которая не могла не понимать, как мало уважения вызывает поведение короля. Ни она, ни мадам Элизабет, ни дети не чувствовали вкуса никакой пищи. Они лишь время от времени смачивали свои воспаленные губы водой со льдом.

Было уже десять часов вечера. Ночь была тихой и прекрасной. Дневная суматоха закончилась, но страшное возбуждение от этой сцены вывело на променады все население Парижа. Пожары все еще полыхали под деревьями Тюильри, пожирая мебель, выброшенную из окон замка. Зловещее пламя вырвалось из подожженных швейцарских казарм во дворе, перекинулось через крышу дворца и осветило оба берега Сены.

Общее число убитых в течение дня роялистов и революционеров составило более четырех тысяч. Многие из мертвых были убраны родственниками, но земля все еще была покрыта телами убитых, которые были полностью обнажены, поскольку с них сняли одежду те негодяи, которые когда-либо кишели на улицах большого города и которые находят свой карнавал в актах насилия и крови. По приказу повстанческого комитета Ратуши, который сверг муниципальное правительство и узурпировал его власть, эти мертвые тела были собраны и свалены в огромные кучи во дворах, в Саду, на площади Людовика XV и на Елисейских полях. На них было брошено огромное количество дров, и весь город был освещен отблесками этих погребальных костров. Швейцарцы и марсельцы, роялисты и якобинцы были сожжены вместе, а пепел с мостовой был начисто сметен в Сену.

Поскольку эти сцены в полночь происходили на улицах, Ассамблея разослала краткое изложение своих постановлений для оглашения при свете факелов группам людей. Была выражена надежда, что эти указы удовлетворят их и положат конец любым дальнейшим актам насилия на следующий день. Было два часа ночи, когда Ассамблея прервала свое

заседание. В течение семнадцати часов королевская семья сидела в ложе репортеров, перенося все унижения и агонию, которые только могут испытывать человеческие сердца.

В верхней части старого монастыря, над комнатами заседаний Ассамблеи, был просторный коридор, из которого открывался выход в несколько келий, ранее использовавшихся монахами. Эти камеры с каменными стенами и кирпичными полами, полностью лишенные мебели, были мрачными, как темницы тюрьмы. Только здесь король и его семья могли найти убежище на ночь. Некоторые предметы мебели были поспешно собраны из разных частей здания, и четыре из этих комнат были подготовлены для королевского приема. Пятеро дворян, героически поддерживавших короля в эти часы опасности, заняли одну из них, где, завернувшись в свои плащи и растянувшись на полу, они все еще могли всю ночь наблюдать за монархом. Король занял следующую. В ней стояли стол и простая деревянная кровать. Он обвязал голову салфеткой вместо ночного колпака и бросился, хотя и частично раздетый, на свою кровать без занавесок. Королева с двумя детьми заняла соседнюю камеру. Мадам Елизавета с гувернанткой детей мадам де Турзель и принцессой Ламбаль, которая присоединилась к королевской семье вечером, заняли четвертое место. Таким образом, после тридцати шести часов бессонницы и ужаса королевская семья обрела такой покой, какого только могли достичь их взволнованные умы.

Солнце уже давно взошло, когда королева очнулась от своего лихорадочного сна. Она с минуту оглядывалась вокруг с выражением страдания на лице, а затем, прикрыв глаза руками, воскликнула:

"О, я надеялась, что все это было сном!"

Вскоре вся компания собралась в покоях короля. Когда мадам Турзель ввела двух королевских детей, Мария-Антуанетта печально посмотрела на них и сказала:

"Бедные дети! как это душераздирающе - вместо того, чтобы передать им такое прекрасное наследство, сказать: "с нами покончено!"

"Я все еще вижу в воображении, - пишет мадам Кампан, - и всегда буду видеть ту узкую камеру Фейянов, завешенную зеленой бумагой; ту убогую кушетку, на которой свергнутая королева простирала к нам руки, говоря, что наши несчастья, причиной которых она была, усугубляют ее собственные. Там, в последний раз, я увидел слезы, я услышал рыдания той, кому ее высокое происхождение, дары природы и, прежде всего, доброта ее сердца, казалось, были предназначены для украшения трона и счастья ее народа".

Уличный шум все еще проникал в их камеры и предупреждал их о том, что они вступили в еще один опасный день. Возбужденное население все еще охотилось за аристократами и безжалостно убивало их везде, где только можно было найти. В десять часов королевскую семью снова отвели в Ассамблею, вероятно, как в самое безопасное место, которое они могли занять, и там они оставались весь день. Несколько швейцарцев были взяты в плен накануне, и гуманные люди отвели их на Собрание, чтобы спасти их жизни. Толпа теперь громко шумела у дверей зала и пыталась ворваться внутрь, требуя жизни швейцарцев и королевской свиты, называя их убийцами народа. Верньо, президент, был так потрясен их свирепостью, что воскликнул: "Великий Боже, какие каннибалы!"

В какой-то момент двери были так сильно взломаны, что королевскую семью поспешно загнали в один из проходов, чтобы скрыть их от толпы. Король, полностью убежденный в том, что теперь настал его смертный час, умолял своих друзей обеспечить их безопасность бегством. Героически каждый упорствовал в том, чтобы разделить судьбу короля. Дантон

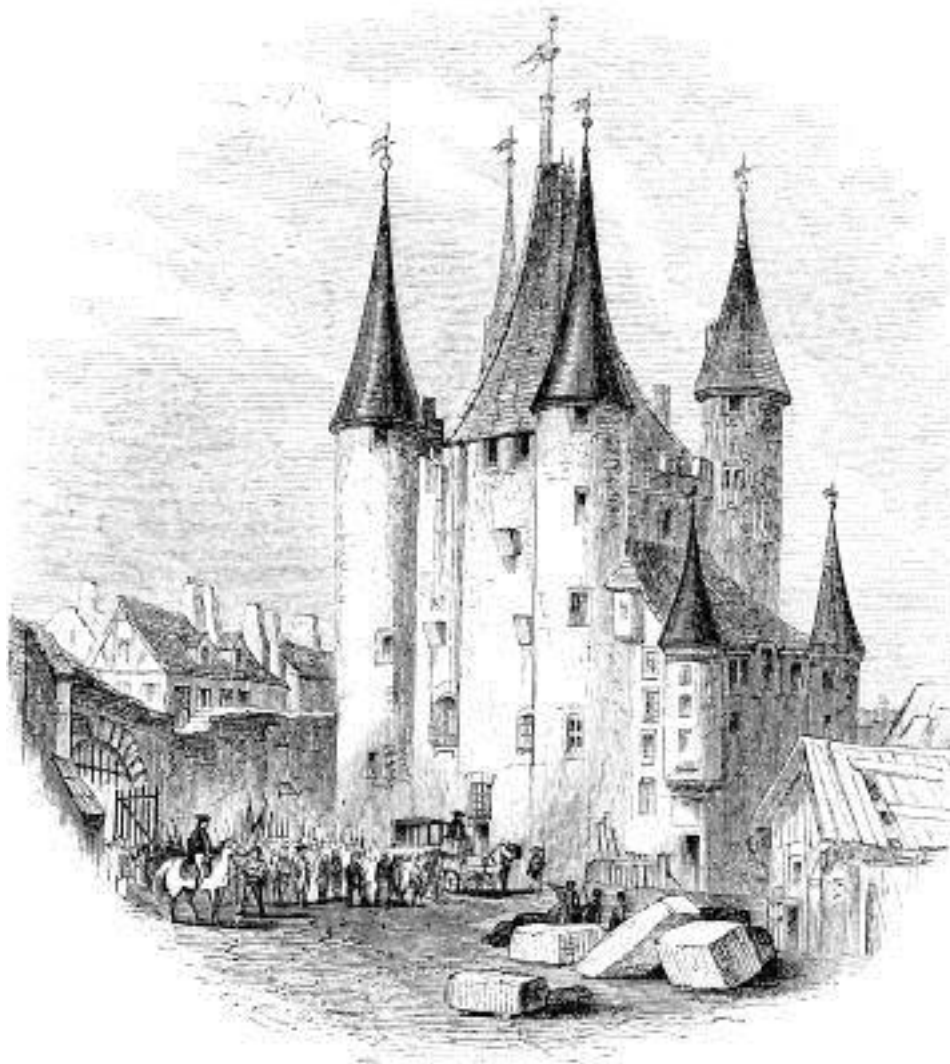
поспешил на Собрание и употребил всю свою грубую энергию, чтобы умиротворить толпу. В конце концов они были умиротворены заверением, что швейцарцы и все другие, кто участвовал в резне людей накануне, будут преданы военному суду и понесут наказание. С большим трудом Ассамблее удалось увести швейцарца и сопровождавшего короля в тюрьму Аббатства.

В конце этого дня короля и его семью снова препроводили в их камеры, но они были помещены под строгую охрану, и их личным друзьям больше не разрешалось сопровождать их. Это последнее лишение было тяжелым ударом для них всех, и король с горечью сказал:

- Значит, я заключенный, джентльмены. Карлу I повезло больше, чем мне. Его друзьям было позволено сопровождать его на эшафот.

Для этой несчастной семьи наступило еще одно утро, и снова их привели в зал Собраний, где они провели утомительные часы очередного дня, перенося все муки мученичества.

В конце концов было решено, что королевская семья в целях безопасности должна быть заключена в башню Храма. Это массивное, мрачное здание, в мрачной архитектуре которого соединились дворец, монастырь, крепость и тюрьма, было возведено и заселено рыцарями-тамплиерами средневековья. Будучи долгое время заброшенным, он теперь приходил в упадок. Это была огромная груда, которая веками росла рядом с местом взятия Бастилии, и вместе с ее дворцом, донжоном, башнями и садом, заросшим сорняками и обломками осыпающихся стен, занимала пространство во много акров.

ХРАМ.

Главная башня была высотой сто пятьдесят футов, толщиной девять футов у основания, окружена широким, глубоким рвом и обнесена чрезвычайно высокой стеной. На эту башню вел очень узкий пролет винтовой лестницы, и она была разделена на четыре этажа, каждый из которых содержал голую, унылую комнату площадью около тридцати квадратных футов. Железные двери в эти комнаты были такими низкими и узкими, что приходилось наклоняться почти вдвое, чтобы войти в них. Окна, представлявшие собой всего лишь щели в толстой стене, были затемнены наклонными ширмами, наложенными на них, а также заперты прочными железными прутьями.

Таковы были апартаменты, которые теперь были отведены бывшим обитателям Тюильри, Версаля и Фонтенбло. Для королевских пленников поездка через Вандомскую площадь и бульвары к Тамплю была утомительной. Огромная толпа выстроилась вдоль дороги. Вся королевская семья вместе с Петионом, мэром, заняли одну карету, и процессия двигалась так медленно, что в течение двух часов жертвы были выставлены на всеобщее обозрение, прежде чем кареты въехали под своды Храма. Было уже поздно, когда они покинули Собрание, и ночные сумерки окутали улицы, прежде чем они добрались до Храма.

Ассамблея передала охрану короля Парижской коммуне и выделила сто тысяч долларов на покрытие расходов королевской семьи до тех пор, пока король не предстанет перед судом. Сознывая, что армия численностью почти в двести тысяч человек находится в нескольких днях пути от Парижа, спеша спасти короля, и что в городе были тысячи роялистов, а во Франции - десятки тысяч, готовых в любой момент отдать свои жизни, чтобы обеспечить побег монарха, и сознавая, что побег короля не только вновь поработит Францию, но и отправит каждого друга Революции в темницу или на эшафот, они сочли необходимым принять самые эффективные меры для надежного удержания короля. Поэтому они больше не позволяли друзьям короля свободно общаться с ним.

Сам храм с помощью надворных построек был быстро превращен в крепость и имел сильный гарнизон Национальной гвардии. Двенадцать уполномоченных непрерывно следили за особой короля. Никому не разрешалось входить в башню Храма без разрешения муниципалитета. Четыреста долларов были переданы королевской семье на мелкие расходы. Большого им не доверили, чтобы это не помогло им сбежать. Единственному сопровождающему, верному камердинеру короля Клери,^[358] было разрешено сопровождать пленников. Не похоже, что власти хотели придать тюремному заключению излишнюю строгость. Для кухни было выделено тринадцать поваров, чтобы их стол мог быть в изобилии накрыт. Только одному из них было разрешено войти в тюрьму и помогать Клери прислуживать за столом, расходы на который за два месяца составили почти шесть тысяч долларов.^[359]

Был час после полуночи, когда королевскую семью вывели из покоев Храма, куда их впервые привели, в их тюрьму в тауэре. Ночь была очень темной. Драгуны с обнаженными саблями маршировали рядом с королем, в то время как муниципальные чиновники с фонарями направляли их шаги. Через мрачные и полуразрушенные залы, под массивными башнями и по заброшенным дорожкам сада, заросшим сорняками и камнями, они ощупью пробирались, пока не достигли порталов башни, вершина которой терялась во мраке ночи. Когда в полном молчании печальная процессия проходила через сад, камердинер короля тихим голосом осведомился, куда следует проводить короля.

"Твой хозяин, - последовал ответ, - привык к позолоченным крышам. Теперь он увидит, как содержатся убийцы народа".

Пленникам были отведены три нижние комнаты башни. Их сопровождали несколько друзей, которые были с ними в эти трудные часы. Все были подавлены унынием, и многие проливали горькие слезы. Тем не менее, они не были в *отчаянии*. Могущественные армии шли им на выручку, и они считали невозможным, чтобы французский народ, совершенно неподготовленный к войне, смог противостоять таким грозным противникам. Так прошла неделя, когда 19-го числа вошли муниципальные чиновники и приказали немедленно изгнать всех, кто не принадлежал к королевской семье. Эта суровая мера была сочтена необходимой из-за заговоров, организованных роялистами для спасения короля. Теперь над ними были приставлены бесчувственные тюремщики, и, совершенно не осведомленные обо всем, что происходило во внешнем мире, они впали в крайнее отчаяние.

СНОСКИ:

[355] "Napoleon se trouvait au 10ième Août à Paris; il avait été présent à l'action. Il m'écrivit une lettre très détaillée, que je lus à mes collègues du directoire du département; voici les deux traits principaux. 'Si Louis XVI. se fût montré à cheval la victoire lui fût restée; c'est ce qui m'a paru, à l'esprit qui animait les groupes le matin.

"Après la victoire des Marseillais, j'en vis un sur le point de tuer un garde du corps; je lui dis,

"Homme du midi, sauvons ce malheureux!

"Es tu du midi?

"Oui!

"Eh, bien! sauvons le!"—*Mémoires du Roi Joseph*, t. i., p. 47.

[356] История жирондистов, Ламартин, том ii., стр. 77.

[357] Дантон был одним из самых яростных якобинцев. Мадам Ролан, политический оппонент, так описывает его: "Я никогда не видела лица, которое так сильно выражало бы буйство жестоких страстей и самую поразительную дерзость, наполовину замаскированную веселым видом, наигранной откровенностью и своего рода простотой, как у Дантона. В 1778 году он был нуждающимся юристом, больше обремененным долгами, чем делами. Он отправился в Бельгию, чтобы пополнить свои ресурсы, и после 10 августа набрался смелости заявить о состоянии в 158 333 фунта стерлингов (791 665 долларов) и купаться в роскоши, проповедуя санкюлотизм и спя на грудах убитых людей ". "Дантон, - говорит Минье, - был великим революционером. Он не считал средства достойными порицания, поэтому они были полезны. В народе его называли Мирабо. Пороки Мирабо были пороками патриция. У Дантона пороки демократа. Он был абсолютным истребителем, не будучи лично свирепым; неумолимый по отношению к массам, гуманный, даже великодушный по отношению к отдельным людям". —*Минье*, стр. 158.

[358] "Клери мы видели и знали, и форма и манеры этого образца первоизданной веры и верности никогда не будут забыты. Джентльменские и покладистые манеры, глубокая серьезность и меланхолические черты лица говорили о том, что печальные сцены, в которых он сыграл столь почетную роль, ни на минуту не выходили у него из памяти". — "*Жизнь Наполеона*" *Скотта*.

[359] История Тьера. Французская революция, том ii, стр. 26.

ГЛАВА XXIX.

РЕЗНЯ РОЯЛИСТОВ.

Превосходство якобинцев.— Их энергичные меры.—Ассамблее угрожают.—Комиссары отправлены в армию.—Дух придворной партии в Англии.—Речь Эдмунда Берка.— Триумфальное шествие союзников.— Народ собрался *в массовом порядке* для сопротивления врагу.—Убийство принцессы Ламбаль.—Извинения убийц.—Робеспьер и Сен—Жюст.—Взгляды Наполеона.

Величественные армии союзников теперь быстро продвигались к Франции, и на границах не было сил, которые могли бы оказать сколько-нибудь эффективное сопротивление. Лафайет находился в Седане, примерно в ста пятидесяти милях к северо-западу от Парижа, во главе двадцатитысячного войска, которое было ему предано. Его оппозиция якобинцам уже привела к тому, что его объявили предателем, и возникло опасение, что он может перейти на сторону врага и своим сильным влиянием увлечь за собой не только свои собственные войска, но и войска генерала Лакнера. Положение патриотов, по-видимому, было отчаянным. Союзники были уверены в триумфальном и быстром походе на Париж, где все, кто кощунственно поднял руку на старый деспотизм Франции, понесут заслуженное наказание.

Якобинский клуб теперь был суверенной властью во Франции. Она была более многочисленной, чем Законодательное собрание, и ее спикеры, более способные и страстные, полностью контролировали население. В результате восстания, или, скорее, революции 10 августа, якобинцы организовали новое муниципальное правительство. Какую бы меру якобинский клуб ни решил применить, она была направлена в комитет, который клуб организовал как городское правительство в Отель-де-Виль. Этот комитет немедленно потребовал принятия декрета Законодательным собранием. Если Собрание проявляло какое-либо нежелание подчиняться, им сообщали, что будут бить в набат, созывать население и возобновлять сцены 10 августа, чтобы вызвать у них желание. Таково было теперь новое правительство, учрежденное во Франции.

The *Парижская коммуна*, как назывался этот муниципальный орган в Ратуше, немедленно приступила к самым энергичным мерам по разгрому заговора роялистов, чтобы они не смогли восстать и присоединиться к вторгшимся армиям союзников. У французских патриотов было два одинаково грозных врага, которых следовало опасаться: эмигранты вместе с союзниками маршировали по границам, составляя почти двухсоттысячную армию, и роялисты во Франции, которые были готовы, как только союзники вступят в королевство, поднять знамя гражданской войны и обрушиться на патриотов с истребляющей силой. Таким образом, лидерам Революции оставался только выбор между убийством и быть убитыми. Было ясно, что теперь они должны либо уничтожить своих врагов, либо быть уничтоженными ими. И все должны признать, что король и двор, отказавшись признать конституционную свободу, привели нацию к этой ужасной альтернативе.

Чтобы предотвратить побег подозреваемых лиц, никому не разрешалось покидать ворота Парижа без самой тщательной проверки своего паспорта. Был составлен список всех лиц, известных как недружелюбные к Революции, и все они были взяты под самое бдительное наблюдение. Гражданам было предписано осудить всех, кто принимал какое-либо участие в резне горожан 10 августа. Было приказано арестовать всех писателей, которые поддерживали дело роялистов, а их печатные издания были переданы писателям-патриотам. В тюрьмы были направлены уполномоченные, чтобы освободить всех, кто был заключен за преступления против суда. Поскольку существовали опасения, что армия под влиянием

Лафайета может проявить враждебность к революционному движению в Париже, которое так эффективно разрушило Конституцию, были направлены комиссары, чтобы просветить солдат и привлечь их к поддержке народа. Сначала предполагалось сделать Люксембургский дворец пристанищем королевской семьи. Парижская коммуна, однако, решила, что общественная безопасность требует, чтобы они содержались под стражей там, где побег будет невозможен, и что их охрана должна быть возложена на мэра Петиона и Сантера, который был назначен командующим Национальной гвардией.

Собрание, встревоженное посягательствами самопровозглашенной *коммуны Парижа*, распорядилось о переизбрании муниципального правительства на место того, которое было распущено восстанием. Коммуна немедленно направила комитет сообщить Собранию, что, если они предпримут какие-либо дальнейшие шаги в этом направлении, следует снова ударить в набат и что чернь, штурмовавшая Тюильри, должна быть направлена против их зала. Депутаты, напуганные угрозой, оставили Коммуну в бесспорном обладании ее властью. Теперь Коммуна потребовала от Собрания назначения специального трибунала для наказания роялистов, стрелявших по людям из Тюильри, и тех, кто "как заговорщики и предатели" был готов присоединиться к союзникам, как только они вступят во Францию. Собрание заколебалось. Коммуна послала Робеспьера во главе депутации сообщить им в тех решительных выражениях, которые он когда-либо имел в своем распоряжении, что страна в опасности, что союзники и эмигранты выступают, что нельзя допустить никакой задержки и что, если декрет не будет принят немедленно, *следует ударить в набат*. Ужасающая угроза возымела действие, и указ, хотя некоторые героически воспротивились, был принят.^[360] Таково было происхождение первого революционного трибунала.

ЛАФАЙЕТ В ТЮРЬМЕ В ОЛЬМЮЦЕ.

Как только уполномоченные из Парижа прибыли в лагерь Лафайета, они по его приказу были арестованы и заключены в тюрьму, а солдаты заново принесли присягу на верность *закону и королю*. Весть об их аресте достигла Парижа 17-го и вызвала сильное раздражение. Лафайет был осужден более яростно, чем когда-либо, и в армию была отправлена свежая депутация. Теперь Лафайет был разорен. Суд был готов повесить его за преданность свободе. Якобинцы жаждали его крови, потому что он сорвал их планы. С каждым часом его положение становилось все более отчаянным, и вскоре стало очевидно, что он больше ничего не может сделать для своей страны и что у него нет иного убежища, кроме бегства. 20-го числа в сопровождении нескольких друзей он тайно покинул свою армию и отправился в Нидерланды. Когда он добрался до австрийских аванпостов в Рошфоре, его арестовали как преступника вопреки всем законам. В строжайшей тайне его перевезли в глубь Австрии и бросили в темницу неприступной крепости Ольмюц. Его единственное преступление заключалось в том, что он хотел ввести *конституционную свободу* в своей стране. В глазах деспотов это был непростительный грех. Здесь мы должны оставить его томиться пять лет в плену, лишенного всякого комфорта. Для его освобождения было предпринято много тщетных усилий. Вашингтон написал письмо непосредственно австрийскому императору от его имени, но безрезультатно. Только после того, как Наполеон, гремя у стен Вены своими непобедимыми легионами, потребовал освобождения Лафайета в 1797 году, двери его темницы распахнулись.[\[361\]](#)

Британский *народ* глубоко сочувствовал Лафайету, но британское *правительство* обрушилось на него с неослабевающей жестокостью. 17 марта 1794 года генерал Фицпатрик обратился в Палате общин к его величеству с просьбой вмешаться в дела короля Пруссии от имени Лафайета. Мистер Фокс выступил в защиту этой меры в речи, исполненной большого красноречия и силы. Ничто не может более ясно показать дух придворной партии в Англии того времени, чем речи, произнесенные ими по этому поводу. Уильям Питт самым бесчувственным образом обрушился на Лафайета, заявив, что "он никогда бы не признал, что Лафайет был настоящим другом свободы или заслуживал добра для своей страны или Европы". "Он сказал, - пишет профессор. Смит, - что читать все это больно — в этом случае он оказался нечувствительным ко всем лучшим представлениям своего образования и естественной интуиции своего понимания. Нет никакого удовольствия читать выдержку из его речи. Возможно, это был самый вульгарный министр, который когда-либо появлялся". Эдмунд Берк выступил с речью, полной безмерных оскорблений. Яркими красками он изобразил все сцены насилия, произошедшие во Франции, и, объявив Лафайета ответственным за все это, завершил словами: "Я бы не стал унижать свою человечность, поддерживая заявление, подобное настоящему, от имени такого ужасного негодяя".[\[362\]](#) Мистер Уиндхэм последовал тому же примеру. Он выразил ликование в связи с бедствиями, обрушившимися на этого великого патриота. "Лафайет, - сказал он, - довел себя до того состояния, в которое неизбежно должны впасть все подстрекатели великих и разрушительных революций; он предал и погубил свою страну и своего короля. Я не сожалею. Я рад видеть, как такие люди испивают до дна чашу бедствий, которую они приготовили для уст других; и я никогда не соглашусь совершить поступок, который придаст значение революции и послужит примером наказания государственной измены и награды мятежу".

Таков был дух двора Сент-Джеймса в то время. Эти речи были произнесены после того, как Лафайет два года томился в застенках Ольмюца, подвергаясь почти всем мыслимым

унижениям, подробности которых с пафосом описал мистер Фокс. Прения завершил г-н Дандас, который поблагодарил г-на Уиндхэма за его замечательную речь. Когда проводилось голосование, только пятьдесят человек сочувствовали Лафайету, в то время как сто тридцать два проголосовали против него.

Два государя Пруссии и Австрии находились теперь в Майнце. Шестьдесят тысяч пруссаков маршировали единой колонной через Люксембург на Лонгвий, справа их окружали двадцать тысяч австрийцев, а слева - двадцать шесть тысяч австрийцев и гессенцев. Эта величественная сила была усилена несколькими сотрудничающими корпусами французских эмигрантов, предназначенными для атаки незащищенных позиций и создания точек сбора для предательства. Ввейдерах беспрепятственно пересекли границы и после короткой и кровавой схватки захватили Лонгви. Они устремились вперед. Слабые, недисциплинированные патриоты не могли оказать сопротивления и быстро бежали перед ними. Тионвиль и Верден были окружены и после короткого, но ужасающего обстрела пулями и снарядами капитулировали. В каждом из этих городов было много роялистов, и они встретили захватчиков со всяческой демонстрацией радости. Их дочери в поздравительной процессии встретили короля Пруссии у ворот и усыпали его путь цветами.

Гарнизон Вердена мог продержаться несколько дней, хотя в конце концов был бы вынужден сдаться. Генерал Борепар очень настойчиво настаивал на том, что они должны поддерживать осаду до последнего возможного момента. Но совет обороны города, на котором лежало решение, проголосовал за немедленную капитуляцию.

- Джентльмены, - сказал Борепар, - я поклялся сдаться только ценой своей жизни. Ты можешь жить в бесчестии, если хочешь этого; но что касается меня, верного своей клятве, вот мои последние слова: *я умираю свободным*.

Тут же он выстрелил себе в голову из пистолета и упал замертво перед ними. Конвент постановил воздать ему почести Пантеона и назначил пенсию его вдове.

САМОУБИЙСТВО БОРЕПАРА.

Победоносные союзники, преодолев эти первые препятствия, теперь ворвались в ущелья Аргонны и в ожесточенных и кровопролитных атаках гнали перед собой войска Дюмуре, которые надеялись в этих заросших лесом проходах оказать врагу эффективное сопротивление. Захватчики теперь победоносно маршировали по большой дороге на Париж, и в столицу постоянно прибывали беглецы, объявлявшие, что армия севера разгромлена и что больше нет никаких препятствий для продвижения врага. Никаким языком нельзя описать ужас, охвативший столицу. Ликование в стане врага было огромным. "Сапожники и портные", как эмигранты презрительно называли патриотов, разбегались, как овцы.[\[363\]](#)

По мере того как каждый день приносили известия о страшных шагах, которые союзники предпринимали к столице, разгорался неопишуемый ужас. Конституционалисты и жирондисты были совершенно парализованы. Но вожди якобинцев — Дантон, Робеспьер и Марат — решили, что если им суждено погибнуть, то их враги-роялисты должны погибнуть вместе с ними. Было известно, что роялисты намеревались, как только союзники окажутся в Париже, восстать, освободить короля и, обладая огромной моральной силой, которую они обретут, имея короля во главе, присоединиться к захватчикам. Тогда революционерам ничего не оставалось бы, кроме ссылки, смерти и темницы.[\[364\]](#)

Теперь им предстояла лишь отчаянная борьба за жизнь. Они должны были либо уничтожить, либо быть уничтоженными. Первой серьезной опасностью, которой мы подверглись, было восстание роялистов в Париже. Было немедленно приказано закрыть заграждения, а на реке выставлены сторожевые катера, чтобы никто не мог сбежать. Под бой барабана каждому человеку было предписано отправляться по домам. Затем уполномоченные в сопровождении вооруженных сил посетили каждое жилище. Партийные линии были настолько четко очерчены, что роялистам было нелегко избежать разоблачения. Когда в дверь постучали комиссары, они в ужасе затаили дыхание. Многие пытались спрятаться в

дымоходах, в подвалах, под полами и в нишах, завешанных гобеленами. Но рабочие, привыкшие ко всем подобным искусствам, сопровождали уполномоченных. Дымились трубы, распахивались двери, раздавался грохот в подвалах, полах и стенах. За одну короткую ночь пять тысяч подозреваемых были вырваны из своих домов и отправлены в тюрьму. Виновным считался каждый, кто не мог доказать свою преданность народному делу.[\[365\]](#)

Враг все еще приближался. "Через три дня, - гласил слух, - пруссаки будут в Париже". Весь город был в состоянии возбуждения и готов на любой отчаянный поступок, который мог бы спасти их от грозящей опасности. Дантон вошел в Собрание и взошел на трибуну с бледным лицом и сжатыми губами. Его выступления ожидала гробовая тишина.

"Враг, - сказал он, - угрожает королевству, и Ассамблея должна доказать, что достойна нации. Именно благодаря конвульсии мы свергли деспотизм; только в результате другой масштабной национальной конвульсии мы отбросим деспотов назад. Пришло время призвать людей *в массовом порядке* выступить против своих врагов. Французская нация желает быть свободной, и она будет свободной".

За этими словами скрывалось ужасное значение, о котором тогда мало кто мог мечтать. Якобинцы и жирондисты были теперь объединены давлением общей и ужасной опасности. Немедленно был издан указ, согласно которому каждый гражданин Парижа, способный носить оружие, должен был отправиться на Марсово поле, чтобы там записаться в марш для отражения союзников. Было утро субботы. В *генеральную службу* ударили, зазвонили в набат, сработали сигнальные ружья, плакаты на стенах и голоса публичных глашатаев призвали всех трудоспособных мужчин на назначенное место встречи. Философствующий Верньо, одним словом, объяснил Парижу необходимость и эффективность этой меры.[\[366\]](#)

"План врага, - сказал он, - состоит в том, чтобы двинуться прямо на столицу, оставив крепости позади себя. Пусть он это сделает. Этот курс станет нашим спасением и его гибелью. Наши армии, слишком слабые, чтобы противостоять ему, будут достаточно сильны, чтобы преследовать его в тылу. Когда он прибудет, преследуемый нашими батальонами, он окажется лицом к лицу с нашей парижской армией, выстроенной в боевой порядок под стенами столицы. Там, окруженный со всех сторон, он будет поглощен землей, которую он осквернил".

Среди шума толпы, хлынувшей на улицы, когда звонили колокола, били барабаны и вооруженные горожане спешили на Марсово поле, широко распространился слух, что роялисты составили заговор с целью расправиться со своими тюремщиками, вырваться из тюрем, освободить короля, завладеть городом, сплотить вокруг себя всех своих союзников и таким образом открыть ворота Парижа пруссакам. Всем было очевидно, что в царившей тогда неразберихе, когда с высот Монмартра ежечасно ожидалось раскаты грома прусских и австрийских батарей, этот план был далек от неосуществимого. Было ясно, что роялисты попытаются это сделать, независимо от того, разработали они уже такой план или нет.

Однако вполне вероятно, что проницательные люди, предвидя эту опасность, намеренно решили натравить толпу парижан на тюрьмы для убийства всех роялистов, прежде чем освободить город от его защитников и выступить навстречу врагу. Пока ошеломленные массы пребывали в состоянии страшного возбуждения, шесть наемных экипажей выехали из Ратуши, увозя двадцать четыре священника-роялиста, отказавшихся принести присягу, в тюрьмы аббатства. Люди, толпившиеся вокруг и следовавшие за экипажами, начали

перешептываться. "Вот предатели, - говорили они, - которые намерены убить наших жен и детей, пока мы находимся на границе".

Первая карета подъехала к воротам тюрьмы. Из нее вышел один священник. Его мгновенно схватили, и он упал, пронзенный тысячей кинжалов. Это был сигнал к массовому убийству. Убийцы набросились на каждый вагон, и через несколько мгновений все, кроме одного, которому чудом удалось спастись, были убиты. Эта отвратительная резня взбудоражила население, как будят тигра, когда он однажды облизал язык в крови. Раздался крик: "За кармелиток, за кармелиток". В этой тюрьме содержались двести священников. Толпа ворвалась внутрь и перебила их всех.

БОЙНЯ У КАРМЕЛИТОК.

Человек по имени Майяр возглавлял эту толпу, состоявшую всего из нескольких сотен человек. Закончив работу у кармелиток и наевшись вина, Майяр воскликнул: "Теперь к аббату". Окровавленная команда бросилась за ним по улицам и ворвалась в двери тюрьмы. Аббатство было заполнено должниками и обычными заключенными, а также подозреваемыми аристократами. Когда толпа хлынула в коридор, один из тюремщиков взобрался на табурет и, обращаясь к убийцам, сказал: "Друзья мои, вы хотите уничтожить аристократов, которые являются врагами народа и которые намеревались убить ваших жен и детей, пока вы были на границе. Вы, без сомнения, правы, но вы добропорядочные граждане, вы любите справедливость, и вам было бы очень жаль пачкать свои руки в крови невинных".

"Да, конечно", - ответил один из лидеров.

"В таком случае, - продолжал тюремщик, - когда вы бросаетесь, как разъяренные тигры, на незнакомых вам людей, разве вы не склонны путать невинных с виноватыми?"

Эти мысли, казалось, произвели на них впечатление, и было немедленно решено, что Майяр должен судить каждого заключенного. Он занял свое место за столом; список заключенных был вложен ему в руки, и заключенные, один за другим, предстали перед его быстрым и ужасным трибуналом. Было решено, чтобы избавить от ненужных страданий, что, когда судья

скажет: "Сэр, вы должны отправиться в тюрьму Ла Форс", - как только заключенного выведут во двор суда, его следует зарубить.

Первым был привлечен швейцарский офицер. "Это вы, - сказал Майяр, - убили людей 10 августа".

"На нас напали, - ответил несчастный, - и мы подчинялись только нашим вышестоящим офицерам".

"Очень хорошо, - сказал Майяр, - мы должны отправить вас в тюрьму Ла Форс".

Его вывели во двор и мгновенно убили. Каждого швейцарского солдата в тюрьме постигла та же участь. Таким образом, работа продолжалась с ужасающей быстротой, пока сто восемьдесят человек не были казнены. Все женщины остались невредимыми. Многие из тех, кто предстал перед трибуналом, были оправданы, и толпа проявила огромную радость, спасая их как своих друзей. Среди этих ужасных сцен были проблески человечности. Губернатор инвалидов был обречен на смерть. Его дочь обхватила отца руками и прижалась к нему с таким отчаянием, что сердца убийц растаяли. Один из них, в странном виде, подарил ей чашу с кровью, сказав: "Если ты хочешь спасти своего отца, выпей эту кровь аристократа". Она схватила чашу и осушила ее. Это выступление было встречено бурными аплодисментами, и ее отец был спасен.[\[367\]](#)

Всю ночь напролет продолжались эти ужасные сцены. В каждой тюрьме Парижа происходили одни и те же массовые убийства, сопровождавшиеся всевозможными ужасами.

Несчастливая принцесса Ламбаль, закадычная подруга Марии-Антуанетты, была заключена в тюрьму Ла Форс. Ее доставили к революционному судье, и после короткого допроса ей приказали "поклониться свободе и равенству; поклониться ненавидеть короля, королеву и членов королевской семьи". "Я принесу первую клятву, - ответила принцесса. - Вторую я не могу принести; это не в моем сердце". Один из судей, желая спасти ее, прошептал ей на ухо: "Поклянись во всем, или ты погибла". Но несчастная принцесса была совершенно сбита с толку ужасом и не могла ни видеть, ни слышать. Ее молодость и красота тронули сердца даже многих из этих жестоких мужчин. Они желали ее спасения и пытались безопасно провести ее через толпу. Кричите, говорили они, "Да здравствует нация", и вам не причинят вреда. Но когда она увидела мостовую, усеянную трупами убитых, она не могла вымолвить ни слова. Ее молчание было принято за вызов. Удар сабли сразил ее. Убийцы набросились на нее, как голодные волки на ягненка. Ее тело было разрублено на куски, и банда негодяев, насадив ее голову и сердце на пики, кричала: "*Давайте отнесем их к подножию трона*". Они бросились по улицам к Храму и закричали, призывая короля и королеву выглянуть в окна. Гуманный офицер, чтобы оградить их от ужасного зрелища, сообщил им о происходящих ужасах. Королева упала в обморок. Когда король и мадам Елизавета склонились над ней, в течение нескольких часов они были потрясены шумом толпы у стен Храма.

Наконец тюрьмы опустели, и сами убийцы устали от крови. Невозможно установить точное число погибших. Оценка варьируется от шести до двенадцати тысяч. Парижская коммуна, которая была всего лишь слугой якобинского клуба, издала приказ о том, чтобы больше не проливалось крови. Предполагая, что убийства требовала общественная опасность и что негодяи, совершившие его, выполнили патриотический, хотя и болезненный долг, они вознаградили их за их работу. Ничто не может более ясно показать ужасное возбуждение общественного сознания, вызванное ощущением надвигающейся опасности, чем то, что

следовало бы разослать циркуляр по всем коммунам Франции, в котором говорилось бы о резне как о необходимом и достойном похвалы деянии. В этом необычном памятном документе, подписанном администраторами Комитета по надзору, авторы говорят:

"Братья и друзья, Ужасный заговор, вынашиваемый судом с целью убийства всех патриотов французской империи, заговор, в котором замешано большое количество членов Национального собрания, девятого числа прошлого месяца поставивший Парижскую коммуну перед жестокой необходимостью использовать силу народа для спасения нации, он не пренебрег ничем, чтобы заслужить блага страны.

"Извещенная о том, что на нее надвигаются варварские орды, Парижская коммуна спешит сообщить своим собратьям во всех департаментах, что часть свирепых заговорщиков, содержащихся в тюрьмах, была предана смерти народом — акты правосудия, которые кажутся ей необходимыми для подавления террором легионов предателей, окруженных ее стенами в тот момент, когда народ собирался выступить против врага; и, без сомнения, нация после долгой череды измен, приведших ее на край пропасти, с готовностью примет это полезное и необходимое средство; и все французы скажут, подобно парижанам: "Мы выступаем против врага, и мы не оставим позади себя разбойников убивать наших жен и детей".

Зачинщики этих зверских деяний защищали эту меру как меру абсолютной необходимости. "Мы все должны идти, - было сказано, - сражаться с пруссаками, и мы не можем оставить этих врагов позади нас, чтобы они поднялись, взяли город и напали на нас с тыла". "Если бы им позволили жить, - говорили другие, - через несколько дней нас бы убили. Это был строго акт самообороны". Дантон никогда не признавался в своем одобрении этой меры и говорил: "Я твердо посмотрел в лицо своему преступлению и совершил его". Марата упрекают в том, что он способствовал этому деянию.^[368] Робеспьер, похоже, неохотно дал свое согласие на резню, но это свидетельствует о том, что он всю ночь в агонии ходил по своей комнате, не в силах уснуть.

В одиннадцать часов вечера 2 сентября Робеспьер и Сен-Жюст вместе удалились из Якобинского клуба в комнату последнего. Сен-Жюст бросился на кровать, чтобы уснуть. Робеспьер в изумлении воскликнул:

- Что, ты можешь думать о сне в такую ночь? Ты что, не слышишь набат? Разве вы не знаете, что эта ночь будет последней для, возможно, тысяч наших собратьев, которые в тот момент, когда вы засыпаете, являются людьми, а когда вы проснетесь, будут безжизненными трупами?"

"Я знаю это, - ответил Сен-Жюст, - и сожалею об этом; и я хотел бы умерить волнения общества; но кто я такой?" Затем, повернувшись в своей постели, он заснул. Утром, проснувшись, он увидел, что Робеспьер торопливыми шагами расхаживает по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы выглянуть в окно и прислушаться к шуму на улице. - Что, ты не спал? - спросил Сен-Жюст.

- Спать! - воскликнул Робеспьер. - Спать, пока сотни убийц убивают тысячи жертв, и их чистая или нечистая кровь рекой льется по улицам! О нет! Я не спал. Я наблюдал за этим, как за раскаянием или преступлением. У меня хватило слабости не закрывать глаза, но *Дантон, он спал.*^[369]

Париж был в это время в состоянии такого всеобщего смятения, правительство настолько дезорганизовано, а восстание произошло так внезапно и так быстро, что Законодательное

собрание, которое не сочувствовало толпе и которое уже было охвачено благоговейным страхом, не решилось на какие-либо меры сопротивления.[\[370\]](#)

Но таким преступлениям не может быть никакого оправдания. Язык слишком слаб, чтобы выразить ужас, с которым к ним должна относиться каждая великодушная душа. Но в то время как мы обрекаем на глубочайший позор сентябрьских убийц, пусть такому же позору будут преданы и те деспоты, которые в яростном стремлении вновь заковать в цепи рабства двадцать пять миллионов свободных людей довели нацию до такого отвратительного безумия. Союзные европейские деспоты довели народ до безумия отчаяния и таким образом подтолкнули его к этому поступку. Пусть никогда не забывают, что именно *деспотизм*, а не *свобода*, посадил дерево, принесшее этот плод. Если правительство страны таково, что для угнетенного народа нет других средств, кроме ужасов восстания, эта страна должна ждать своей гибели, потому что рано или поздно возмущенный народ восстанет. Поэтому, хотя мы с ужасом созерцаем бесчинства, совершенные восставшим народом, с еще большим ужасом мы должны созерцать бесчинства, творимые гордыми угнетателями на протяжении долгих веков, обрекая народ на невежество и деградацию. Те, кто *зверствует* над народом, должны быть последними, кто будет жаловаться на то, что, когда эти люди восстанут во всей своей ужасающей мощи, они ведут себя *как скоты*. Ни для одной нации нет иной безопасности, кроме как в образовании, благочестии и свободе ее масс.[\[371\]](#)

Герцог Брауншвейгский, безудержно наступавший своими сплошными колоннами, разрушавший крепости, прорывавшийся через ущелья, не ожидал никаких препятствий. Но 20 сентября, к своему великому удивлению, он столкнулся с грозной армией, укрепившейся на высотах Вальми, близ Шалона, очевидно, готовой к упорному сопротивлению. Здесь Дюмуре, обладавший большим военным мастерством, сплотил свои отступающие войска. Вся Франция была встревожена и с нетерпением спешила к нему на помощь. Париж, больше не опасаясь восстания роялистов, каждый день отправлял несколько тысяч хорошо вооруженных людей из ворот для укрепления лагеря в Вальми, который находился едва ли в сотне миль от Парижа. У Дюмуре, когда на него напали в первый раз, в его укреплениях было менее сорока тысяч солдат, но их численность быстро возросла до более чем семидесяти тысяч.

Почти все они были неопытными солдатами, но их переполнял огромный энтузиазм, все они боролись за национальную независимость, и многие сознавали, что поражение приведет их лишь на эшафот. Макдональд,[\[372\]](#), который впоследствии так славно руководил колоннами при Ваграме, и Келлерман, который впоследствии возглавил решающую атаку при Маренго, были помощниками Дюмуре. Луи Филипп также, в то время герцог Шартрский и старший сын герцога Орлеанского, проявил себя на стороне патриотов во время ожесточенной борьбы при Вальми.

Герцог Брауншвейгский выдвинул вперед свои батареи и открыл ужасающую канонаду. Колонна за колонной устремлялись к редутам. Но молодые солдаты Франции, крича *Да здравствует Нация*, храбро отражали каждое нападение. Пруссак, к своему невыразимому огорчению, не смогли продвинуться ни на шаг. Здесь битва бушевала с почти непрекращающейся яростью в течение двадцати дней. Французы спешили со всех сторон на поле боя; припасы захватчиков были перерезаны; в их лагере вспыхнула дизентерия; осенние дожди промочили их насквозь; приближалась зима; и они были вынуждены, в замешательстве и унижении, повернуть по своему следу и отступить.

15 октября союзники покинули свой лагерь и начали отступление. Они отступили в полном порядке и снова перешли границу, оставив позади себя двадцать пять тысяч человек,

погибших от болезней, пуль и сабель. Дюмуре преследовал их не слишком энергично, поскольку армия союзников бесконечно превосходила по дисциплине необученные войска под его командованием.

Теперь приближалась зима, в течение которой не следовало опасаться внешнего нападения на Францию. Все правительство было дезорганизовано, и вопрос, волновавший каждое сердце, звучал так: "Что делать с королем?"

Герцог Шартрский, впоследствии Луи Филипп, король Франции, тогда молодой человек, которому было всего семнадцать лет, после энергичного сотрудничества с Дюмуре в отражении захватчиков вернулся в Париж. Он явился на аудиенцию к военному министру Сервану, чтобы пожаловаться на какую-то несправедливость. Дантон присутствовал при этом и, отведя молодого герцога в сторону, сказал ему:

"Что ты здесь делаешь? Серван - всего лишь тень министра. Он не может ни помочь, ни навредить тебе. Зайдите ко мне завтра, и я улажу ваши дела.

На следующий день Дантон, могущественный плебей, принял молодого патриция с видом подчеркнутого превосходства. "Что ж, молодой человек, - сказал он, - мне сообщили, что ваш язык напоминает ропот; что вы порицаете грандиозные меры правительства; что вы выражаете сострадание к жертвам и ненависть к палачам. Берегитесь; патриотизм не допускает равнодушия, и вы должны получить прощение за свое великое имя".

Молодой принц смело ответил: "Армия с ужасом взирает на кровопролитие где угодно, только не на поле битвы. Сентябрьские массовые убийства, по их мнению, позорят свободу".

"Вы слишком молоды, - ответил Дантон, - чтобы судить об этих событиях; чтобы понять их, вы должны быть на нашем месте. На будущее храните молчание. Возвращайтесь в армию; сражайтесь храбро, но не опрометчиво рискуйте своей жизнью. Франция не любит республику; у нее есть привычки, слабости, потребность в монархии. После наших бурь она вернется к ней, либо из-за своих пороков, либо из-за необходимости, и ты будешь королем. Прощайте, молодой человек. Помните предсказание Дантона.[\[373\]](#)

По поводу этих сцен Наполеон заметил на острове Святой Елены 3 сентября 1816 года: "Сегодня годовщина отвратительных воспоминаний; сентябрьской резни, Святого Варфоломея Французской революции. Зверства 3 сентября были совершены не с санкции правительства, которое, напротив, приложило все усилия для наказания за это преступление. Массовые убийства были совершены парижской чернью и были результатом фанатизма, а не абсолютной жестокости. Сентябрьцы не грабили, они только хотели убивать. Они даже повесили одного из своих соратников за то, что тот присвоил часы, принадлежавшие одной из их жертв.

"Это ужасное событие произошло в силу обстоятельств и духа момента. Мы должны признать, что ни одно политическое изменение не происходило без народного гнева, как только массы вступали в бой. Прусская армия прибыла в сотню миль от Парижа. Знаменитый манифест герцога Брауншвейгского был развешан на всех стенах города. Люди убедили себя, что смерть всех роялистов в Париже была необходима для безопасности Революции. Они бежали в тюрьмы и упивались кровью, крича *Да здравствует революция*. Их энергия производила электрический эффект из-за страха, который она внушала одной стороне, и примера, который она подавала другой. Сто тысяч добровольцев вступили в армию, и Революция была спасена.

"Я мог бы сохранить свою корону, настроив народные массы против сторонников реставрации. Вы хорошо помните, Монтолон, когда во главе ваших *предместий*вы хотели наказать предательство Фуше и провозгласить мою диктатуру. Я не выбирал этого. Вся моя душа восстала при мысли о том, что я стану королем другой толпы. Как правило, ни одна социальная революция не может произойти без террора. Каждая революция в принципе является восстанием, которое время и успех облагораживают и делают законным, но одной из неизбежных фаз которого был террор. В самом деле, как мы можем сказать тем, кто обладает состоянием и общественным положением: "*Уходите и оставьте нам свое состояние и свое положение*", не запугав их предварительно и не сделав невозможной какую-либо защиту? Во Франции этот момент был достигнут с помощью фонаря и гильотины".[374]

СНОСКИ:

[360] "Как гражданин, как представитель народа, - сказал один из членов делегации, - я пришел сообщить вам, что сегодня в двенадцать часов ночи зазвонят в набат. Люди устали от того, что за них не мстят. Остерегайтесь, как бы они сами не свершили правосудие. Я требую, чтобы вы немедленно издали указ о назначении каждым отделением гражданина для формирования уголовного трибунала". —*Тьер*, i, 341.

[361] "Как бы они ни были раздражены поведением Лафайета в начале революции, нынешнее поведение монархов по отношению к нему не могло быть оправдано моралью, национальным законодательством или правилами разумной политики. Даже если бы он был виновен в преступлении против своей собственной страны, мы не знаем, какое право имели Австрия или Пруссия признавать это". —*"Жизнь Наполеона"Скотта*.

[362] "Таковы были рассуждения и выражения мистера Берка по этому поразительному поводу. Настолько всецело разум этого выдающегося человека был сейчас взволнован и опрокинут; настолько полностью отчужден от тех возвышенных чувств и того духа филантропической мудрости, которые сделали его речи на американском конкурсе и многие абзацы его Размышлений об этой французской революции столь справедливо предметом восхищения человечества". —*Проф. Дж. Лекции Смита о Французской революции*, том ii., стр. 409.

[363] Жан Дебри, выступая в Ассамблее, с жаром воскликнул: "Для защиты нашей страны должны быть приняты самые незамедлительные и энергичные меры. Не нужно думать о расходах. В течение пятнадцати дней мы будем наслаждаться свободой или встретимся со смертью. Если мы будем побеждены, нам не понадобятся деньги, потому что мы перестанем существовать. Если мы победим, мы все равно не будем испытывать недостатка в деньгах, потому что будем свободны". —*Журнал Джона Мура, доктора медицины*, том i, стр. 116.

[364] "Известие о бегстве Лафайета, вступлении армии коалиции на французскую территорию, захвате Лонгви и сдаче Вердена разразилось в Париже подобно грому и наполнило каждое сердце ужасом, ибо Франция никогда еще так близко не подходила к тем зловещим дням, которые предвещают распад наций. В ней умерло все, кроме желания жить; энтузиазм страны и свобода выжили. Покинутая всеми, страна не отказалась от самой себя. Для ее спасения требовались две вещи — время и диктатура. Время? Героизм Дюмуре позволил это. Диктатура? Дантон принял это от имени Парижской коммуны". —*Ламартин, История. Жир.*, том ii., стр. 119.

[365] Доктор Джон Мур, очень интеллигентный английский врач, который вместе с лордом Лодердейлом находился в Париже во время всех этих сцен, пишет в своем дневнике: "Соответственно, этот поиск производился в течение прошлой ночи и сегодняшнего утра. Комиссаров сопровождал отряд национальной гвардии, и за всеми аллеями участка наблюдали, чтобы никто не смог сбежать. Они пришли в наш отель только около шести утра. Я проводил их по всем комнатам и открыл каждую дверь в наших квартирах. Они вели себя очень вежливо. У нас не было никакого оружия, кроме пистолетов, которые открыто лежали на камине. Они восхищались тонкостью изготовления одной пары, но никогда не предлагали взять их". — Том i, стр. 116.

[366] "Народу говорят, что между герцогом Брауншвейгским и некоторыми предателями в Париже существовал ужасный заговор; что, как только все новые призывы будут завершены и все люди, предназначенные для пограничных войск, выйдут из Парижа, тогда те же самые предатели должны были принять командование большим отрядом людей, теперь рассеянным по столице и ее окрестностям, которые долгое время находились на жалованье у двора, хотя они также скрывались; что эти скрытые лидеры во главе своих скрытых войск должны были открыть тюрьмы и вооружить заключенных, затем отправиться в Тампл, освободить королевскую семью и провозгласить короля; приговорить к смерти всех патриотов, оставшихся в Париже, и большинство жен и детей тех, кто вышел из него маршем против врагов своей страны". — *Дневник Мура*, том i, стр. 144.

[367] "Некоторые необъяснимые и утешительные действия поражают нас среди этих ужасов. Сострадание Майяра, казалось, проявлялось в том, что он заботился о невинных с такой же заботой, с какой его месть проявлялась к виновным. Он рисковал своей жизнью, чтобы спасти жертв от своих казней". — *Ламартин, "История жирондистов"*, том ii., стр. 140.

[368] М. Шабо, патриотический оратор, бывший монахом-францисканцем, говорил в Обществе якобинцев о Марате следующее: "Марата упрекают в кровожадности; в том, что он способствовал недавним массовым убийствам в тюрьмах. Но при этом он действовал в истинном духе Революции, ибо нельзя было ожидать, что, пока наши храбрейшие патриоты находились на границах, мы будем оставаться здесь, подвергаясь ярости заключенных, которым было обещано оружие и возможность убить нас. Хорошо известно, что план аристократов всегда заключался и остается в том, чтобы устроить всеобщую резню простых людей. Теперь, поскольку число последних по отношению к числу первых составляет девяносто девять к одному, очевидно, что тот, кто предлагает убить одного, чтобы предотвратить убийство девяноста девяти, не является кровожадным человеком".

[369] Ламартин, *История жирондистов*, ii., 132.

[370] Доктор Мур, в самых решительных выражениях осуждая жестокость населения, говорит: "В такой отвратительной системе угнетения, в условиях которой французы трудились до революции, когда воля одного человека могла контролировать ход закона, и его мандат вырывал любого гражданина из объятий его семьи и бросал его в темницу на годы или пожизненно — в тюрьму, в которой он жил". в стране, где преобладает такая система правления, восстание, являясь единственным средством исправления положения, не только оправдано, но и является долгом каждого любящего человечество и свою страну, как только представится случай, обещающий успех".

[371] "На фоне беспорядков и печальных событий, произошедших в этой стране в последнее время, невозможно не восхищаться великодушием, которым охвачена вся нация в поддержку своей независимости. Ни одна страна никогда не проявляла более благородного и патриотического энтузиазма, чем тот, который охватывает Францию в этот период и

который разгорается с возрастающим пылом после опубликования манифеста герцога Брауншвейгского и вступления пруссаков в страну. Никто, кроме тех, чей разум затуманен предрассудками или извращен эгоизмом, не откажет в справедливости общему духу, проявленному французами в защиту своей национальной независимости. Отвращение к бесчинствам, совершенным в Париже, не только совместимо с восхищением этим духом, но только такие хорошо информированные умы обладают достаточной откровенностью и чувствительностью, чтобы восхищаться одним, который может испытывать должный ужас перед другим". - *Журнал Джона Мура, доктора медицины*, том i, стр. 160.

[372] "Молодой Макдональд, происходивший из шотландской семьи, переселенной во Францию, был помощником Дюмурье. В лагере Гранпре, под руководством своего командира, он узнал, как спасти страну. Впоследствии, при Наполеоне, он узнал, как проиллюстрировать это. Герой с первого шага, он стал маршалом Франции в конце своей жизни". — *Ламартин, История. Gir., ii., 158.*

[373] История жирондистов, Ламартин, ii., 185.

ГЛАВА XXX.

КОРОЛЬ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД СУДОМ.

Убийство роялистов в Версале.—Господство якобинцев.—Национальный конвент.—Две партии, жирондисты и якобинцы.—Отмена королевской власти.—Мадам Ролан.—Битва при Жемаппе.—Образ жизни в Тампле.—Оскорбления королевской семьи.—Новые строгие меры.—Суд над королем.—Разделение королевской семьи.—Обвинительный акт.—Король просит хлеба.

За резней роялистов в Париже не последовало какого-либо общего насилия по всему королевству, поскольку только в Париже патриотам угрожала неминуемая опасность. Однако в Орлеане несколько роялистов были заключены в тюрьму по обвинению в государственной измене. Эти заключенные были доставлены в Версаль в ночь на 9 сентября для суда. Банда наемных убийц из Парижа бросилась на экипажи, разогнала эскорт и самым жестоким образом убила сорок семь человек из пятидесяти трех.[375] Затем они отправились в тюрьму, откуда были вывезены двенадцать человек и, после упрощенного судебного разбирательства, убиты.

Тем временем проходили выборы в Национальный конвент. Якобинские клубы, которые сейчас в целом доминируют по всей Франции, почти везде контролировали выборы. Некоторые трезвомыслящие патриоты надеялись, что Съезд будет настроен благосклонно и сможет сдерживать нарастающий поток анархии. Но другие, когда они увидели, что в депутаты были избраны самые яростные революционеры и что они смогут внушить благоговейный страх толпе более умеренным патриотам, начали отчаиваться за свою страну. Париж отправил в Конвент Робеспьера, Дантона, Марата, Шабо и других, которые приобрели ужасную известность благодаря сценам ужаса и крови. Жирондисты в Конвенте, Верньо, Кондорсе, Барбару, Генсонне, хотя и составляли значительное меньшинство, были героическими людьми, прославленными умом и добродетелями. Во Франции больше не существовало роялистской партии, даже Конституционной роялистской партии, которая осмеливалась заявить о себе. Двор и союзники довели Францию до абсолютной необходимости создания Республики.

20 сентября Законодательное собрание было распущено, и в тот же час в том же зале начал свою сессию Национальный конвент. Дух жирондистов можно увидеть в их первом движении.

"Граждане представители, - сказал мсье Мануэль, - в этом месте каждая вещь должна быть отмечена знаком такого достоинства и величия, чтобы наполнить мир благоговейным страхом. Я предлагаю поселить председателя Собрания в Тюильри, чтобы на публике его сопровождала охрана, чтобы члены собрания вставали, когда он открывает Собрание. Киней, посол Пирра, будучи представлен римскому сенату, сказал, что они выглядели как собрание царей".

Это предложение было презрительно отклонено якобинцами. Затем Колло д'Эрбуа, один из ведущих якобинцев, предложил немедленную отмену королевской власти. "Слово "король", - сказал он, - по-прежнему является талисманом, магическая сила которого может вызвать множество беспорядков. Следовательно, необходимо упразднить королевскую власть. Короли в моральном мире - то же, что чудовища в естественном. Суды всегда были центром коррупции и работными домами для преступников".

Никто не осмелился этому воспротивиться, и президент объявил, что единогласным голосованием *королевская власть отменяется*. Затем было принято решение о том, что 22 сентября 1792 года следует считать первым днем первого года Республики и что все документы должны соответствовать дате этой эры. Накануне этого дня поступили сведения о канонаде Вальми, в ходе которой армии патриотов отбросили врага. На одну короткую ночь Париж засиял от радости.

Самые прославленные из жирондистов собрались в тот вечер в салоне мадам Ролан и с почти религиозным энтузиазмом праздновали приход Республики. Мадам Ролан, исполнив самое страстное желание своего сердца, казалась сияющей почти сверхъестественным блеском и красотой. Было замечено, что мсье Ролан смотрел на нее с особенным выражением нежности. Благородный и одаренный Верньо почти не разговаривал, и грустные мысли, казалось, омрачали его радость.

В конце представления он наполнил свой бокал и предложил выпить за вечность Республики.

- Позвольте мне, - сказала мадам Ролан, - по обычаю древних, бросить в ваш бокал несколько лепестков роз из моего букета.

Верньо протянул свой бокал, и несколько листьев рассыпались по вину. Затем он сказал словами, явно пророческими относительно их судьбы: "Сегодня вечером мы должны добавить в наше вино не розы, а листья кипариса. Выпивая за республику, запятнанную при ее рождении сентябрьской кровью, кто знает, что мы не пьем за нашу собственную смерть? Неважно; будь это вино моей кровью, я бы осушил его во имя свободы и равенства".

На это все ответили словами *Да здравствует Республика*. Но прошло несколько месяцев, прежде чем почти все присутствовавшие тогда погибли на эшафоте.

БИТВА При ДЖЕМАПЕСЕ.

Тем временем Дюмурье с тридцатью пятью тысячами человек преследовал через Бельгию дивизию отступающих союзников, состоявшую из двадцати пяти тысяч австрийцев под командованием генерала Клерфе. 4 ноября он настиг их, укрепившихся на высотах Жемаппе. Один день ушел на то, чтобы подтянуть свои силы и подготовить батареи к штурму. Шестьдесят тысяч человек теперь были выстроены для смертельной схватки. Сто орудий были наготове, чтобы обрушить на плотные ряды разрушение и смерть. Утром 6-го началась военная буря. Весь день он бушевал с безжалостной яростью. Вечером землю покрыли десять тысяч умирающих, и австрийцы в смятении отступали отовсюду. Эта новая победа вызвала великую радость в Париже и придала революционной партии новое мужество.

Наконец настал день суда над королем. Это было 11 декабря. В течение четырех месяцев королевская семья, с постоянно сменяющимися надеждами и страхами, которые постепенно перерастали в отчаяние, теперь терпела тяготы плена. Король с тем удивительным хладнокровием, которое отличало его во все эти дни испытаний, сразу же после вступления во владение своим мрачным жилищем ввел систему в распорядок своего времени.

Его комната находилась на третьем этаже. Обычно он вставал в шесть часов, брился и тщательно причесывался. Затем он вошел в маленькую комнату или чулан, выходивший из его спальни, и в течение часа предавался благочестивому чтению и молитве. Ему не

разрешили закрыть дверь, потому что муниципальному чиновнику, когда-либо находившемуся в его комнате, было предписано никогда не выпускать короля из виду. Затем он читал до девяти часов, за это время его верный слуга Клери навел порядок в комнате и накрыл стол для завтрака королевской семьи. В девять часов королева, дети и мадам Елизавета поднялись из комнат, которые они занимали внизу, к завтраку.

Трапеза заняла час. Затем вся королевская семья спустилась в комнату королевы, где и провела день. Король занялся обучением своего сына, давая ему уроки географии, которая была любимым предметом изучения короля; учил его рисовать и раскрашивать карты, а также декламировать избранные отрывки из Корнеля и Расина. Королева взяла на себя воспитание своей дочери, в то время как ее собственные руки и руки мадам Елизаветы были заняты рукоделием, вязанием и изготовлением гобеленов.

В час дня, когда погода была хорошей, королевская семья была проведена четырьмя муниципальными служащими в просторный, но полуразрушенный сад для прогулок на свежем воздухе. Чиновники, охранявшие короля, часто менялись. Иногда им случалось быть людьми гуманного характера, которые, хотя и были преданы делу освобождения Франции от ужасного векового деспотизма, все же жалели короля как жертву обстоятельств и относились к нему с добротой и уважением. Но в целом эти люди были вульгарными и бешеными якобинцами, которые радовались возможности совершить королю самую подлую месть. Они написали мелом на стенах тюрьмы: "Гильотина постоянна и готова для тирана Людовика". "Мадам Вето взмахнет". "Маленькие волчата должны быть задушены". Под виселицей, к которой была подвешена фигура, были начертаны слова: "Людовик принимает воздушную ванну". От таких непристойных оскорблений у монарха не было защиты.

Дородный жестокий негодяй по имени Рошер был одним из хранителей Башни. Он расхаживал с важным видом, позвякивая связкой огромных ключей на поясе, и, казалось, гордился своей способностью раздражать мелкими оскорблениями *короля* и *королеву*. Когда королевская семья выходила в сад, он шел впереди них, чтобы отпереть двери. Великолепно гремя ключами и демонстрируя большие трудности в поиске нужного, всю компанию заставляли ждать, пока он со всей возможной задержкой и шумом отодвигал засовы и распахивал тяжелые двери. У последней двери он нередко останавливался с трубкой во рту и пускал табачный дым в лица королю, королеве и детям. Некоторые из стражников, стоявших вокруг, разразились бы оскорбительным смехом при виде этих унижений, которые король переносил с кротостью, кажущейся сверхъестественной.

LOUIS XVI. И КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ В ХРАМЕ.

Рассказ о подобном поведении заставляет кровь закипать в жилах и вызывает почти отвращение к самому названию свободы. Но тогда мы не должны забывать, что именно деспотизм сформировал эти отвратительные характеры; что век за веком короли и знать попирали людей, подавляли их права, терзали струны их сердец, обрекая отцов и матерей, сыновей и дочерей миллионами на нищету, деградацию и горе. Пришло время людям восстать при любой опасности и разорвать эти цепи. А пока человечество должно оплакивать беды Людовика XVI. и его несчастные домочадцы, человечество не может забыть, что есть другие семьи и другие сердца, которые претендуют на ее сочувствие, и что это тот самый Людовик XVI. в это самое время он делал все, что было в его силах, с помощью армий иностранных деспотов, чтобы снова привести миллионы французов под власть самого безжалостного деспотизма. И нельзя подвергать сомнению, что, если бы короли и знать восстановили свою власть, они совершили бы более ужасную месть вновь поработанному народу, чем народ совершил по отношению к ним.

В течение часа королевская семья продолжала гулять по саду. С крыш соседних домов и верхних окон их было видно. Каждый день в полдень на этих крышах и у окон толпились те, кому не терпелось увидеть печальную группу пленников. Часто их подбадривали жесты привязанности со стороны неизвестных друзей. Иногда нежные слова были написаны заглавными буквами, или цветок, к которому был прикреплен камешек, падал к их ногам. Эти знаки любви, какими бы незначительными они ни были, пролились бальзамом на их

израненные сердца. Они так высоко ценили их, что, невзирая на дождь, холод и снег, а также на невыносимые оскорбления своих охранников, они каждый день с нетерпением ждали своей прогулки по саду. Они признавали определенные населенные пункты принадлежащими их друзьям, говоря: "Такой дом нам предан; такая история для нас; такая комната лояльна; такое окно дружелюбно".

В два часа королевская семья вернулась в королевскую комнату, где был подан ужин. После обеда король прилег вздремнуть, в то время как королева, мадам Елизавета и юная принцесса занялись шитьем, а дофин поиграл в какую-то игру с Клери, чье имя должно с честью передаваться потомкам как верное в несчастье. Когда король просыпался после дневного сна, он обычно читал вслух своей семье в течение часа или двух до ужина. Вскоре после ужина королева со своими детьми и мадам Елизаветой удалились в свои комнаты на ночь. С сердцами, связанными вместе этими ужасными горестями, они никогда не расставались иначе, как с нежным и печальным прощанием.[\[376\]](#)

Такова была монотонная жизнь королевской семьи в течение четырех месяцев, пока они жили в Храме перед судом над королем. Но почти каждый день их заключения к ним применялся какой-нибудь новый акт строгости. По мере того как армии союзников приближались, и город за городом падали под их бомбардировками, а Париж был охвачен паникой ужаса, опасения о заговоре короля с роялистами, а также об их восстании и помощи захватчикам в развязывании гражданской войны привели к принятию мер предосторожности, наиболее неприятных для пленников.

Муниципальные служащие никогда не выпускали из поля зрения ни одного члена королевской семьи, за исключением тех случаев, когда они ночью ложились спать. Затем они заперли двери и поставили кровати у входа в каждую квартиру, и там спал офицер, чтобы исключить всякую возможность выхода. Каждый день Сантер, командующий Национальной гвардией, вместе со своими подчиненными посещал с инспекцией все помещения. Сначала королевской семье разрешалось пользоваться пером, чернилами и бумагой, но вскоре эта привилегия была отменена, и, наконец, была принята жестокая и бесполезная мера - у них отобрали все острые инструменты, такие как ножи, ножницы и даже иголки, тем самым лишив дам не только большого утешения, но и возможности починить свою ветшающую одежду. В намерения Законодательного собрания не входило подвергать королевскую семью ненужным страданиям. В начале их заключения им было вручено четыреста долларов на мелкие расходы, и управляющему Тамплем было приказано приобрести для них все, что им могло понадобиться, при этом Конвент выделил пятьсот тысяч франков (100 000 долларов) на их расходы.[\[377\]](#)

Им не разрешалось просматривать ежедневные журналы, которые информировали бы их о триумфальном шествии союзников, но время от времени им присылали статьи, в которых фиксировались победы Республики. Клери, однако, придумала очень хитрый способ, чтобы дать им некоторую информацию о происходящих событиях. Он нанял газетчика, который ежедневно проходил мимо окон Храма под предлогом продажи газет и выкрикивал основные подробности, содержащиеся в них. Клери, хотя и была явно занята по хозяйству, всегда была уверена, что в назначенный час окажется у окна и внимательно прислушается. Ночью, склонившись над кроватью короля, чтобы поправить занавески, он торопливо прошептал новость, которую узнал таким образом. Все это требовало величайшей осторожности, поскольку в комнате постоянно находился муниципальный служащий, наблюдавший за каждым движением.

Ранним утром 11 декабря весь Париж был в волнении, ожидая суда над королем, который должен был начаться в этот день. Бой барабанов на улице, построение военных эскадронов в назначенных местах встречи, топот копыт и грохот артиллерии по мостовой проникали даже в мрачные покои Темпла и ужасающим образом звучали в ушах находившихся там жертв.

Королевская семья сидела за завтраком, когда услышала эти зловещие звуки, и они серьезно заинтересовались причиной. После некоторого колебания королю сообщили, что мэр Парижа скоро прибудет, чтобы проводить его на суд, и что войска, собравшиеся вокруг Тампля, должны составить его эскорт. От него также потребовали немедленно проститься со своей семьей и сказали, что ему не разрешат снова увидеться с ними до окончания судебного разбирательства. Выражение душераздирающей боли и потоки слез сопровождали это жестокое расставание. Король искренне и с горящими глазами умолял, чтобы, по крайней мере, он мог насладиться обществом своего маленького сына, говоря:

- Что, джентльмены? лишите меня даже присутствия моего сына — семилетнего ребенка!

Но уполномоченные были неумолимы. "Коммуна считает, - сказали они, - что, поскольку во время судебного разбирательства вы должны хранить *все в тайне*, ваш сын обязательно должен быть заключен либо с вами, либо со своей матерью; и это наложило лишение на того родителя, который, благодаря своему полу и мужеству, был лучше всех способен выдержать это".

Королеву с детьми и мадам Елизавету проводили в нижние комнаты. Король, охваченный горем, бросился в кресло, закрыл лицо руками и, не произнося ни слова, оставался неподвижным, как статуя, в течение двух часов. В полдень М. Шамбон,^[378] Мэр Парижа вместе с Сантером, командующим Национальной гвардией, и группой офицеров, все в трехцветных шарфах, вошли в покои короля.

Шамбон торжественно и прерывающимся голосом сообщил королю о неприятной цели их миссии и призвал его от имени Конвента как *Людовика Капета* предстать перед их коллегией адвокатов.

"Господа, - ответил король, - Капет - это не моя фамилия. Это имя одного из моих предков. Я бы хотела, чтобы моему сыну, по крайней мере, разрешили побыть со мной в течение тех двух часов, которые я ждала вас. Однако такое обращение - лишь часть системы, применявшейся ко мне на протяжении всего моего заключения. Я следую за вами не из-за приказов Конвента, а потому, что мои враги более могущественны, чем я"

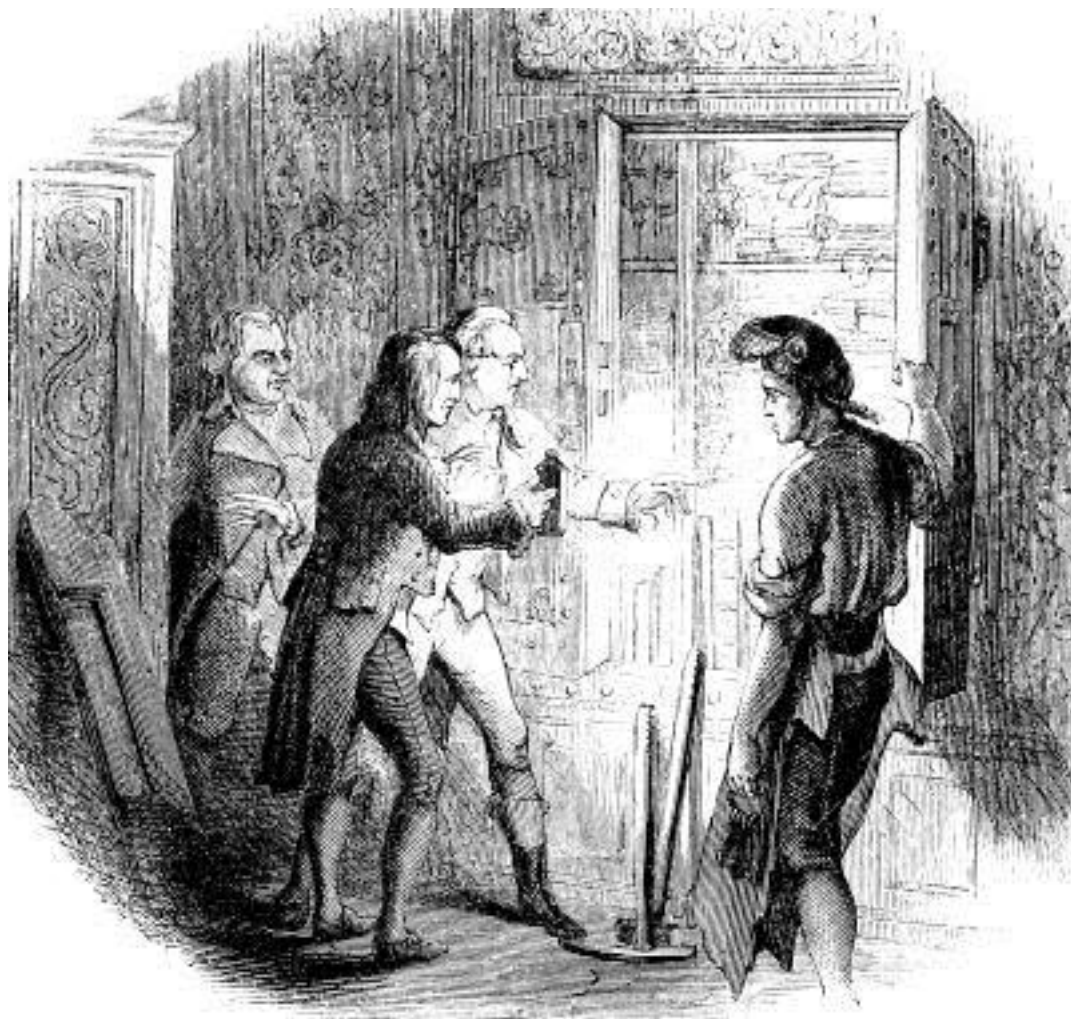
Немедленно поднявшись, он надел пальто, взял шляпу и вслед за мэром в сопровождении штаба офицеров спустился по лестнице тауэра.

Перед массивным порталом Храма была остановлена карета мэра, окруженная охраной из шестисот отборных людей. Многочисленный отряд кавалерии в качестве авангарда, тащивший шесть пушек, возглавлял печальную процессию, которая вела монарха на судилище и на смерть. Такой же отряд кавалерии следовал в арьергарде с тремя пушками. Эти меры предосторожности были сочтены необходимыми для защиты от любого возможного спасения со стороны роялистов. Каждый солдат был снабжен шестнадцатью патронами, и батальоны маршировали в таком порядке, чтобы они могли мгновенно построиться в боевую линию. Национальная гвардия выстроилась вдоль улиц, по которым они проезжали, в тот день в Париже было сто тысяч человек с оружием в руках.

Кавалькада медленно двигалась по бульварам. Крыши домов, окна, тротуары были запружены бесчисленными тысячами людей. Король, лишенный бритвы, не мог побриться, и его лицо было покрыто лохматыми волосами; его природная полнота, истощенная заключением, привела к тому, что одежда на нем висела свободно и обвисла; черты его лица были измождены тревогой и страданием. Таким образом, к сожалению, все в его внешности в совокупности представляло собой аспект, вызывающий скорее отвращение, чем симпатию. Процессия прошла по Вандомской площади, а оттуда к монастырю Фейянов. Король вышел. Сантер взял его под руку и повел в зал заседаний Конвента. На мгновение воцарилась глубокая тишина. Все были поражены торжественностью происходящего. Президент Баррере,[\[379\]](#) нарушил молчание, сказав:

Граждане! Перед вами Людовик Капет. На вас обращены взоры Европы. Потомки будут судить вас с непреклонной суровостью. Сохраняйте, в таком случае, достоинство и бесстрастное хладнокровие, приличествующие судьям. Вы собираетесь преподать великий урок королям, великий и полезный пример народам. Вспомните ужасное молчание, которое сопровождало Людовика из Варенна, — молчание, которое было предвестником народного суда над королями". Затем, повернувшись к королю, Баррер сказал: "Людовик, французский народ обвиняет тебя. Садись и выслушай обвинительный акт". Было тогда два часа дня.

Был зачитан грозный обвинительный акт. Король был признан лично ответственным за все акты враждебности народной свободе, которые произошли во время его правления. Подробное, правдивое, беспристрастное перечисление этих действий, которые мы описали на предыдущих страницах, составляло обвинение. Король внимательно выслушал чтение без каких-либо видимых эмоций. Обвинение состояло из пятидесяти семи отдельных пунктов. По мере того, как они медленно зачитывались, один за другим, президент делал паузу после каждого и обращался к королю: "Что вы можете ответить?" Но перед обвиняемым были открыты два пути, соответствующих королевскому достоинству. Первый заключался в том, чтобы отказаться от любого ответа и укрыться в неприкосновенности, которой его наделила Конституция. Другой был готов смело признать, что он принял меры, в которых его обвиняли, полагая, что для благополучия Франции необходимо остановить стремительный прогресс революции. Ни то, ни другое не спасло бы ему жизнь, но и то и другое спасло бы его память от многих поношений. Но король, жестоко лишенный всякого совета со своими друзьями, неожиданно привлеченный к суду и ошеломленный таким количеством обвинений, к сожалению, избрал наихудший из возможных путей. Вину за некоторые поступки он возлагал на своих министров; некоторые факты он отрицал; а в других случаях он не только увиливал, но и опускался до явной лжи. Когда мы размышляем о слабой натуре короля и смятении ума, вызванном часом такого ужасного испытания, мы должны снисходительно судить несчастного монарха. Но когда король отрицал даже существование железного сундука, который Конвент уже нашел, и получил доказательства того, что он сам его закрыл, и когда он отрицал соучастие с союзниками, доказательства которого, написанные его собственной рукой, были найдены в железном сейфе, неудивительно, что эффект должен был быть крайне неблагоприятным для его защиты.[\[380\]](#)

ОБНАРУЖЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО СЕЙФА.

Этот допрос продолжался три часа, к концу которых король, который ничего не ел после прерванного завтрака, был настолько измотан, что едва мог стоять. Затем Сантер провел его в соседнюю комнату для заседаний. Однако, прежде чем удалиться, король потребовал копию обвинения и адвоката, который помог бы ему в его защите. В зале заседаний король увидел мужчину, который ел от маленькой буханки хлеба. Изнемогая от голода, монарх приблизился к этому человеку и шепотом попросил кусочек для себя.

- Спрашивай вслух, - сказал мужчина, отступая, - чего ты хочешь. Он опасался, что его заподозрят в каком-то тайном сговоре с королем.

"Я голоден, - сказал Людовик XVI, - и прошу у вас кусочек хлеба".

"Разделите это со мной", - сказал мужчина. "Это спартанский завтрак. Если бы у меня был корень, я бы отдал тебе половину".

Король сел в карету, доедая свою корочку. Ему предшествовала и сопровождала его та же кавалькада, что и утром. Те же толпы заполнили улицы и все места наблюдения. Несколько жестоких негодяев, оскорбленных беспомощностью, кричали *Да здравствует Революция!* время от времени до его слуха болезненно долетали строфы гимна "Марсельезы". Мэр Шамбон и прокурор Шометт ехали в карете вместе с королем. Луи, съевший столько от половины буханки хлеба, сколько ему было нужно, все еще держал в руке кусочек.

"Что мне с этим делать?" - спросил простодушный монарх. Шометт избавил его от смущения, выбросив его в окно.

"Ах, - сказал король, - жаль выбрасывать хлеб, когда он так дорог".

"Верно, - ответил Шометт. - моя бабушка часто говорила мне: "Малыш, никогда не трать впустую ни крошки хлеба; ты не сможешь его испечь".[381]

- Месье Шометт, - возразил Луи, - ваша бабушка, как мне кажется, была женщиной с большим здравым смыслом.

Была половина седьмого, и ночной мрак окутал Храм, когда Людовика снова повели вверх по лестнице башни в его мрачную камеру. Он жалобно умолял разрешения снова увидеться со своей семьей. Но Шамбон не осмелился удовлетворить его просьбу, послушавшись приказов Коммуны.

Самые легкомысленные поступки часто развивают характер. Известно, что дневные труды и невзгоды не испортили аппетит короля и что в тот вечер он съел на ужин "шесть котлет, значительную порцию мяса птицы, два яйца, выпил два бокала белого вина и один бокал вина Аликанте и сразу же отправился спать".[382]

В течение этих ужасных часов королева, мадам Елизавета и дети находились в состоянии мучительного ожидания, даже не зная, что короля ведут на казнь. Однако поздно вечером Клери зашел к ним в комнату и сообщил все подробности, которые ему удалось собрать относительно королевского экзамена.

- Упоминалось ли что-нибудь о королеве? - спросила мадам Елизавета. "Ее имя не упоминалось, - ответила Клери, - в обвинительном акте".

— Ах, — возразила принцесса, - возможно, они требуют жизни моего брата, поскольку это необходимо для их безопасности; но королева ... эти бедные дети... какое препятствие их жизни могут представлять для их честолюбивых замыслов?

СНОСКИ:

[374] Наполеон на острове Святой Елены, 394.

[375] Пельтье.

[376] Королева разделаила дофина, когда он повторил следующую молитву, сочиненную королевой и запомнившуюся и записанную ее дочерью: "Всемогущий Боже, сотворивший и искупивший меня, я люблю тебя! Сохрани дни моего отца и моей семьи. Защити нас от наших врагов. Дай моей матери, моей тете, моей сестре силы, которые им нужны, чтобы справиться со своими проблемами". —*Ламартин, "История жирондистов"*, том ii, стр. 287.

[377] "Мы не должны преувеличивать недостатки человеческой природы и предполагать, что, добавляя отвратительную низость к ярости фанатизма, хранители заключенной семьи наложили на нее недостойные лишения с намерением сделать воспоминание о ее былом величии еще более болезненным. Недоверие было единственной причиной некоторых отказов. Таким образом, в то время как страх перед заговорами и секретными сообщениями не позволял им впускать внутрь тюрьмы более одного надзирателя, для приготовления их пищи было задействовано многочисленное учреждение. Тринадцать человек были заняты на кухне, расположенной на некотором расстоянии от башни. Отчет о расходах Тампля, где соблюдается величайшая благопристойность, где о заключенных упоминают с уважением,

где восхваляется их трезвость, где Людовика XVI оправдывают за низкий упрек в чрезмерном пристрастии к вину, — эти отчеты, не вызывающие подозрений, приводят к тому, что общие расходы на стол составляют за два месяца 28 745 ливров (5749 долларов)". — *Тьер*, т. ii., стр. 26.

[378] "М. Шамбон, преемник Байи и Петиона, был образованным и гуманным врачом, которого общественное уважение, а не благосклонность революционеров возвысили до звания первого магистрата Парижа. Человек с умеренными принципами, добрый и сердечный, привыкший по своей профессии сочувствовать несчастным, вынужденный выполнять приказы, противоречащие его чувствам, жалость этого человека была видна под непреклонностью судьбы". — *Ламартин, История. des Girondistes*, vol. ii., p. 321.

[379] "Баррере спасся во время различных волнений Революции, потому что он был человеком без принципов и характера, который менялся и приспосабливался ко всем обстоятельствам. У него была репутация талантливого человека, но я таковым его не считал. Я нанял его писать, но он не проявил никаких способностей. Он использовал много цветов риторики, но ни одного веского аргумента". — *Наполеон на острове Святой Елены*.

[380] Гамен, слесарь, который в течение десяти лет работал на короля и с ним вместе и который помогал ему в изготовлении этого железного сейфа, подло выдал секрет. Все документы были изъяты и переданы Конвентом комитету из двенадцати человек, который должен был изучить их и представить доклад по ним. Этот Иуда получал в качестве вознаграждения от Конвента пенсию в размере двухсот сорока долларов в год. Посмотрите Францию и ее революции, по Географии. Лонг, Эсквайр, стр. 241.

ГЛАВА XXXI.

КАЗНЬ ЛЮДОВИКА XVI.

Окончание экзамена.—Королевский совет.—Героизм Мальзерба.—Подготовка к защите.—Благодарность короля.—Судебный процесс.—Затянувшееся голосование.—Результат.—Король просит отсрочить казнь на три дня.—Последнее интервью со своей семьей.—Подготовка к смерти.—Казнь.

Как только король покинул Собрание, это собрание пришло в большое смятение вследствие обращения Людовика за помощью к советнику. Однако после оживленных дебатов, которые продолжались до следующего дня, было принято решение удовлетворить просьбу короля, и немедленно была отправлена депутация, чтобы проинформировать короля о результатах голосования и спросить, какого адвоката он выберет. Он выбрал двух самых выдающихся юристов Парижа — М. Тронше и М. Мишень. Троншес энтузиазмом принял опасное поручение. Таргет с малодушием, которое опозорило его имя, написал письмо в Конвент, в котором заявил, что его принципы не позволят ему взять на себя защиту короля.[383] Достопочтенный Мальзерб, которому тогда было семьдесят лет, немедленно написал письмо президенту, умоляя разрешить ему взять на себя защиту монарха. Этот выдающийся государственный деятель, друг монархии и личный друг монарха, жил уединенно в своей загородной резиденции и не принимал участия в Революции. С разрешения Общины, после тщательного обыска, его провели в Храм. Неуверенным шагом он вошел в королевскую тюрьму. Louis XVI. сидел и читал Тацита. Король немедленно встал, заключил Мальзерба в сердечные объятия и сказал:

- Ах, это ты, мой друг! В каком положении ты меня находишь! Посмотрите, до чего довела меня моя страсть к улучшению положения людей, которых мы оба так любили! Зачем вы пришли сюда? Твоя преданность подвергает опасности только твою жизнь и не может спасти мою".

Мальзерб с глазами, полными слез, попытался подбодрить короля словами надежды.

"Нет!" - печально ответил монарх. "Они осудят меня, ибо обладают и властью, и волей. Неважно; давайте займемся делом так, как будто мы хотим его добиться. Я действительно добьюсь этого, поскольку не оставлю пятна на своей памяти".

Двум защитникам короля было разрешено присоединиться к ним третьему, г-ну Дезезе, адвокату, достигшему большой известности в своей профессии. В течение двух недель они были заняты почти день и ночь подготовкой к обороне. Мальзерб приходил каждое утро с ежедневными газетами и готовился к вечерним трудам. В пять часов пришли Тронше и Дезезе, и они все вместе проработали до девяти.

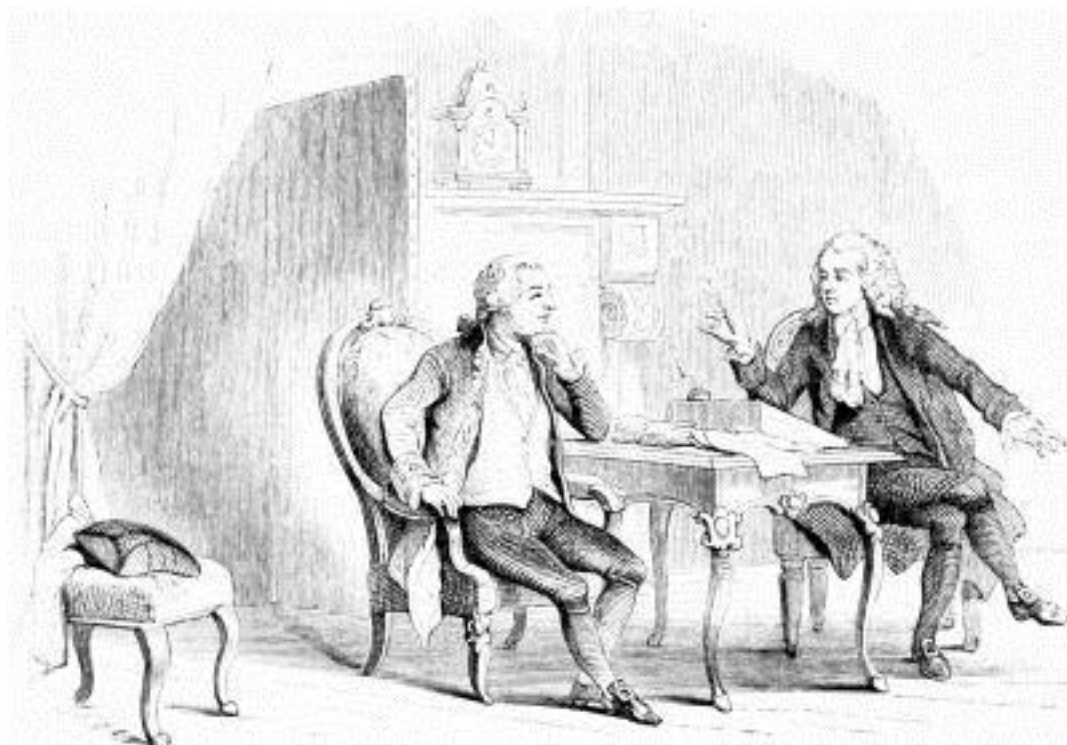
Тем временем король написал свое завещание - очень трогательный документ, в каждой строке которого сквозит дух христианина. Ему также удалось настолько ускользнуть от бдительности своих надзирателей, что он завел небольшую переписку со своей семьей. Королева наколола булавкой послание на клочке бумаги, а затем спрятала бумагу в клубок ниток, который опустила в ящик стола на кухне, где Клери взял его и передал своему хозяину. Ответ был возвращен аналогичным образом. Это была всего лишь неудовлетворительная переписка, которую таким образом можно было продолжать; но даже это было невыразимым утешением для пленников.

Наконец план обороны был завершен. Мальзерб и король изложили факты, Тронше и Дезезе сплели их все в чрезвычайно красноречивое и трогательное обращение. Дезезе зачитал его вслух королю и его приближенным. Нарисованная им трогательная картина превратностей судьбы королевской семьи была настолько трогательной, что даже Мальзерб и Тронше не смогли удержаться от слез, и слезы полились из глаз короля. По окончании чтения король повернулся к Дезезе и в духе истинного величия души сказал:

"Я вынужден просить вас принести болезненную жертву. Вычеркните из своей мольбы осуждение. Мне достаточно предстать перед такими судьями и доказать свою полную невиновность. Я не трону их чувства".[\[384\]](#)

Дезезе очень неохотно согласился на эту просьбу, но был вынужден уступить. После того как Тронше и Дезезе удалились в тот вечер, король, оставшись наедине с Мальзербом, казалось, был озабочен какой-то всепоглощающей мыслью. Наконец он сказал:

"Теперь у меня появился новый источник сожалений. Дезезе и Тронше ничем мне не обязаны. Они посвящают мне свое время, усилия и, возможно, свою жизнь. Как я могу отплатить им? У меня ничего нет; и если бы я оставил им наследство, оно не было бы выплачено; кроме того, какое состояние могло бы погасить такой долг?"

LOUIS XVI. И ПОЗАНИМАТЬСЯ СПОРТОМ.

- Сир, - ответил Мальзерб, - их совесть и потомство вознаградят их. Но в твоей власти оказать им услугу, которую они будут ценить больше, чем все те, которые ты имел в своей власти оказать им раньше".

- Что это? - спросил король.

"Сир, примите их", - ответил Мальзерб.

На следующий день, когда они вошли в его покои, король подошел к ним и молча прижал каждого к своему сердцу. Это трогательное свидетельство благодарности короля и его обнищания было для благородных сердец этих благородных людей достаточным вознаграждением за весь их труд и опасности.

Наступило 26 декабря, день, назначенный для последнего судебного разбирательства. Рано утром весь Париж был охвачен волнением, и все военные силы столицы снова были приведены в порядок. Торжественность события, казалось, придала характеру короля необычайное достоинство. Он был опрятно одет, борода его была выбрита, а черты лица были безмятежными и почти величественными в выражении невозмутимого смирения. Ехая в карете с мэром Шамбоном и командующим Национальной гвардией Сантером, он весело беседовал на самые разные темы. Сантер, невзирая на этикет, который не позволял подданному надевать шляпу в присутствии своего монарха, сидел в шляпе. Король повернулся к нему и сказал с улыбкой:

- В прошлый раз, сэр, когда вы отвозили меня в Темпл, в спешке вы забыли свою шляпу; и теперь, я вижу, вы полны решимости восполнить это упущение.

Войдя в Конвент, король занял свое место рядом со своим адвокатом и с большим интересом выслушал зачитывание своей защиты, наблюдая за выражениями лиц своих судей, чтобы увидеть, какой эффект это произвело на их умы. Время от времени он что-то шептал, и даже с улыбкой, Мальзербу и Тронше. Конвент принял защиту в глубоком молчании.

Оборона состояла из трех передовых дивизий. Во-первых, утверждалось, что по Конституции король неприкосновенен и не несет ответственности за действия короны - что ответственность несут только министры. Во-вторых, он утверждал, что Конвент не имел права судить короля, поскольку Конвент были его обвинителями и, следовательно, не могли выступать в качестве его судей. В-третьих, протестуя, как указано выше, против неприкосновенности короля и недействительности Конвенции для его осуждения, он затем перешел к обсуждению индивидуальных обвинений. Некоторые обвинения были с триумфом отвергнуты, особенно обвинение в пролитии французской крови 10 августа. Было ясно доказано, что агрессорами были люди, а не Людовик XVI. Как только Дезез закончил свою защиту, сам король встал и сказал в нескольких словах, которые он записал и запомнил:

Вы слышали доводы моей защиты. Я не буду их повторять. Обращаясь к вам, возможно, в последний раз, я заявляю, что моя совесть ни в чем меня не упрекает и что мои защитники сказали вам правду. Я никогда не боялся, что мое публичное поведение подвергнется тщательному анализу. Но я с прискорбием узнаю, что меня обвиняют в желании пролить кровь моего народа и что несчастья 10 августа возложены на меня. Признаюсь, многочисленные доказательства моей любви к народу, которые я всегда приводил, должны были бы поставить меня выше этого упрека".

Он вернулся на свое место. Затем Председатель спросил, есть ли у него еще что сказать. Он заявил, что нет, и удалился со своим адвокатом из зала. Когда его вели обратно в Храм, он беседовал с тем же спокойствием, которое проявлял на протяжении всего дня. Было пять часов, и ночной мрак опускался на город, когда он вернулся в свою тюрьму.

Как только король покинул зал, начались бурные дебаты, которые продолжались день за днем, и постоянная череда нетерпеливых, взволнованных ораторов спешила к трибуне в течение двенадцати дней. Одни выступали за немедленное вынесение приговора, другие - за передачу вопроса народу; одни требовали смерти короля, другие тюремного заключения или ссылки. 7 января все, казалось, устали от этих бесконечных речей и бесконечного повторения одних и тех же аргументов. Тем не менее, было много крикунов, и после ожесточенной борьбы было принято решение отложить принятие решающих мер еще на неделю и рассмотреть этот вопрос 14 января.

Роковой день настал. Было постановлено, что тема должна быть представлена Конвенту в виде трех следующих вопросов: *Первый*, виновен ли Луи? *Во-вторых*, должно ли решение Конвенции быть представлено на ратификацию народу? Все 15-е число было занято проведением этих двух голосований. Людовик был единогласно признан виновным, за исключением десяти человек, которые отказались голосовать, объявив себя неспособными выступать как обвинителями, так и судьями. По вопросу об обращении к народу 281 голос был "за", 423 - "против".^[385] И теперь пришел к *третьему* великому и торжественному вопросу, Каким должно быть предложение? Каждый член должен был записать свой голос, подписать его, а затем, прежде чем внести его на хранение, подняться на трибуну и озвучить его вслух с любыми замечаниями, которые он, возможно, пожелает добавить.

Голосование началось в семь часов вечера 16-го числа и продолжалось всю ночь, без каких-либо перерывов, в течение двадцати четырех часов. Весь Париж в то время находился в состоянии наивысшего возбуждения, галереи Конвента были переполнены до удушья. Одни голосовали за смерть, другие за заключение в тюрьму до заключения мира с союзной Европой, а затем за изгнание. Другие проголосовали за смертную казнь с тем ограничением, что казнь должна быть отложена. Они хотели спасти короля и все же боялись обвинения в том, что они роялисты, если они не проголосуют за его смерть. Все якобинцы проголосовали

за смертную казнь. Они обвинили своих противников, жирондистов, в том, что они тайно поддерживали королевскую власть, и поэтому подвергли их проклятию толпы. Жирондисты хотели спасти короля. В их силах было спасти его. Но требовалось больше мужества, как морального, так и физического, чем есть у обычных людей, чтобы отважиться на месть сентябрьских убийц, которые слонялись по залу.

В Конвенте довольно хорошо понимали, что судьба короля зависит от голосования жирондистов, и не сомневались, что партия проголосует так же, как и их лидер. Это был момент пугающей торжественности, когда Верньо взошел на трибуну. Затаившее дыхание молчание охватило Собрание. Все взгляды были прикованы к нему. Лицо его было бледно, как у трупа. На мгновение он замолчал, опустив глаза, словно не решаясь произнести ужасное слово. Затем мрачным тоном, который тронул сердца всех присутствующих, он сказал: *Смерть*.^[386] Почти все жирондисты проголосовали за смертную казнь с ограничением отсрочки казни. Многие из самых чистокровных людей нации проголосовали таким образом с чувством печали, которое невозможно было подавить. Благородный Карно отдал свой голос в следующих выражениях: "Смерть; и никогда еще это слово не давило так тяжело на мое сердце".

Когда был вызван герцог Орлеанский, воцарилось глубокое молчание. Он был двоюродным братом короля и первым принцем крови. По рождению и богатству он стоял на высочайшей вершине аристократического превосходства. Сознывая опасность, он долгое время делал все, что было в его силах, чтобы умиротворить толпу, придерживаясь самых радикальных якобинских взглядов. Герцог, раздутый распутством, опозорившим его жизнь, медленно поднялся по ступенькам, развернул бумагу и бессердечным тоном прочел следующие слова:

"Исключительно занятый своим долгом, убежденный в том, что все, кто покушался или будет покушаться в будущем на суверенитет народа, заслуживают смерти, я голосую за смерть".

Жестокость этого поступка вызвала отвращение у Собрания, и громкий ропот неодобрения проводил принца до его места. Даже Робеспьер презирал его малодушие и говорил:

От несчастного человека требовалось только прислушаться к своему сердцу и сделать для себя исключение. Но он не хотел или не осмеливался этого сделать. Нация была бы более великодушной, чем он".^[387]

Наконец долгое изучение было закончено, и председательствовавший Верньо поднялся, чтобы объявить результат. Он был бледен как смерть, и было заметно, что не только голос его дрогнул, но и все его тело дрожало.

"Граждане, - сказал он, - вы собираетесь совершить великий акт справедливости. Я надеюсь, что человеколюбие прикажет вам хранить самое совершенное молчание. Когда говорит справедливость, к человечеству, в свою очередь, следует прислушаться".

Затем он зачитал результаты голосования. На Съезде присутствовал семьсот двадцать один избиратель. Триста тридцать четыре проголосовали за тюремное заключение или ссылку, триста восемьдесят семь - за смертную казнь, включая тех, кто проголосовал за то, чтобы казнь была отложена. Таким образом, большинством голосов за смертную казнь было пятьдесят три; но поскольку из этих сорока шести человек требовали отсрочки казни, за немедленную смерть выступило лишь большинство в семь человек. Прочитав этот результат, Верньо печальным тоном сказал: "Я заявляю от имени Конвенции, что наказание, вынесенное Луи Капету, - смертная казнь".^[388]

Теперь были представлены адвокаты Людовика XVI, которые во время голосования настаивали на разрешении выступить, но получили отказ. От имени короля Дезеэ обратился к народу с апелляцией на решение Конвента. Он настаивал на апелляции очень небольшого большинства, которое определило меру наказания. Тронше настаивал на том, что уголовный кодекс требует двух третей голосов для вынесения приговора и что король не должен быть лишен привилегии, которой пользуется каждый подданный. Мальзерб попытался заговорить, но был так переполнен эмоциями, что, сильно рыдая, не смог продолжать свою речь и был вынужден сесть. Его седые волосы и слезы так тронули Собрание, что Верньо встал и, обращаясь к Собранию, сказал: "Не окажете ли вы почести защитникам Людовика XVI?" Единогласным ответом было: "Да, да".

Была уже поздняя ночь, и Собрание закрылось. Все 18-е и 19-е числа были заняты обсуждением вопроса об обращении к народу. 20-го, в три часа ночи, было проведено окончательное голосование. Триста десять проголосовали за то, чтобы поддержать апелляцию; триста восемьдесят - за немедленную смертную казнь. Все усилия по спасению короля были теперь исчерпаны, и его судьба была решена. Немедленно была назначена депутация во главе с Гаратом, министром юстиции, для ознакомления с Людовиком XVI. в соответствии с постановлением Конвенции.

В два часа пополудни 20-го Луи услышал шум многочисленной компании, поднимающейся по ступеням башни. Когда они вошли в его квартиру, он встал и с совершенным спокойствием и достоинством шагнул им навстречу. Королю был зачитан декрет Конвента, объявлявший его виновным в государственной измене, что он приговорен к смертной казни, что обращение к народу было отклонено и что он должен быть казнен в течение двадцати четырех часов.

Король равнодушно выслушал чтение, взял бумагу из рук секретаря, аккуратно сложил ее и положил в свой портфель. Затем, повернувшись к Гарату, он протянул ему бумагу со словами:

"Господин министр юстиции, я прошу вас доставить это письмо в Конвент".

Гарат колебался, брать ли бумагу, и король немедленно ответил: "Я прочту это тебе", - и прочел отчетливым, непоколебимым голосом следующее:

"Я требую от Конвента отсрочки на три дня, чтобы подготовиться к тому, чтобы предстать перед Богом. Далее, я требую беспрепятственного свидания со священником, которого я назначу комиссарам Коммуны, и чтобы он был защищен в акте милосердия, который он проявит по отношению ко мне. Я требую, чтобы меня освободили от постоянной слежки, которая велась за мной в течение стольких дней. Я требую, в эти последние минуты, уехать, чтобы повидаться со своей семьей, когда я этого захочу, без свидетелей. Я искренне желаю, чтобы Конвенция немедленно приняла во внимание судьбу моей семьи и чтобы им было немедленно разрешено беспрепятственно удалиться туда, где они сочтут нужным найти убежище. Я рекомендую доброте нации всех людей, привязанных ко мне. Среди них много стариков, женщин и детей, которые полностью зависят от меня и, должно быть, испытывают нужду".

Делегация удалилась. Король твердым шагом прошелся два или три раза взад и вперед по своим покоем, а затем приказал подавать обед. Он сел и поел со своим обычным аппетитом, но слуги отказались дать ему ни нож, ни вилку, и ему дали только ложку. Это вызвало его негодование, и он горячо сказал:

"Неужели они думают, что я такой трус, что наложу на себя руки? Я невиновен и умру бесстрашно".

Покончив с едой, он терпеливо ждал ответа из Конвента. В шесть часов Гарат в сопровождении Сантера вошел снова. Конвент отказался от отсрочки исполнения, о которой просил Людовик XVI. но удовлетворил другие требования.

Через несколько минут прибыл мистер Эджворт, священнослужитель, за которым послали. Он вошел в покои и, переполненный эмоциями, пал к ногам монарха и разрыдался. Король, глубоко тронутый, тоже заплакал и, поднимая мистера Эджворта, сказал:

"Простите мне эту минутную слабость. Я так долго жил среди своих врагов, что привычка сделала меня равнодушным к их ненависти, и мое сердце было закрыто для любых проявлений нежности; но вид верного друга возвращает мне чувствительность, которую я считал мертвой, и невольно заставляет меня плакать".

Король серьезно беседовал со своим духовным наставником относительно своего завещания, которое тот зачитал, и искренне расспрашивал о своих друзьях, чьи страдания глубоко тронули его сердце. Пробыло семь часов, когда король должен был провести свою последнюю встречу со своей семьей. Но даже это не могло быть сделано наедине. За ним должны были присматривать его тюремщики, которые должны были слышать каждое слово и быть свидетелями каждого жеста. Дверь открылась, и королева, бледная и убитая горем, вошла, ведя за руку своего сына. Она бросилась в объятия своего мужа и молча попыталась увлечь его в свою комнату.

- Нет, нет, - прошептал король, прижимая ее к сердцу. - Я могу видеть тебя только здесь.

Мадам Елизавета с дочерью короля последовали за ними. Последовала сцена отчаяния, которую невозможно передать ни пером, ни карандашом. Король сел, королева по правую руку от него, его сестра - по левую, их руки обвились его шею, а головы склонились к нему на грудь. Дофин сидел на коленях у отца, обняв его за шею. Прекрасная принцесса с растрепанными волосами бросилась к отцу между колен и уткнулась лицом в его колени. Прошло более получаса, в течение которого не было произнесено ни одного членораздельного слова; но из толпы раздавались крики, стоны и время от времени пронзительные вопли боли, которые проникали даже сквозь толстые стены Храма и были слышны на улицах.

В течение двух часов продолжался мучительный допрос. Постепенно приходя в себя, они вполголоса шептали послания нежности и любви, прерываемые всхлипываниями, поцелуями и ослепляющими потоками слез. Было уже больше девяти часов, и утром короля должны были вести на гильотину. Королева умоляла разрешить им остаться с ним на ночь. Король, испытывая нежность к своей семье, отказался, но пообещал встретиться с ними снова в семь часов следующего утра. Когда король проводил их до лестницы, их крики усилились, и принцесса в полном беспамятстве упала к ногам своего отца. Королева, мадам Елизавета и Клеры отнесли ее к лестнице, а король вернулся в комнату и, закрыв лицо руками, в изнеможении опустился в кресло. После долгого молчания он повернулся к М. Эджворту и сказал:

"Ах! месье, какая у меня была встреча! Почему я так нежно люблю? Увы! почему меня так нежно любят? Но теперь мы покончили со временем. Давайте займемся вечностью".

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА ЛЮДОВИКА XVI. И ЕГО СЕМЬИ.

Король провел некоторое время в религиозных беседах и молитвах и, договорившись с м. Эджвортом принять причастие Вечери Господней ранним утром, в полночь бросился на свою кровать и почти сразу же погрузился в спокойный и освежающий сон.

Верные Клери и М. Эджворт бодрствовали у постели короля. В пять часов они разбудили его. "Пробило пять?" - спросил король. "По часам на башне еще нет, - ответила Клери, - но несколько городских часов уже пробили". "Я крепко спал", - заметил король. - Вчера я был очень утомлен.

Он немедленно встал. Посреди комнаты был приготовлен алтарь, состоявший из комода, и король, усердно помолившись, принял причастие Вечери Господней. Затем, отведя Клери в нишу у окна, он снял со своих часов печатку, снял с пальца обручальное кольцо и, протягивая их Клери, сказал:

"После моей смерти ты передашь эту печать моему сыну, это кольцо - королеве. Скажи ей, что я с болью отказываюсь от него, чтобы оно не было осквернено моим телом. В этом маленьком свертке пряди волос всей моей семьи: ты передашь их ей. Скажите королеве, моим дорогим детям и моей сестре, что я обещал увидеться с ними сегодня утром, но что я хотел избавить их от мук столь горькой разлуки дважды. Чего мне стоило уехать, не обняв их в последний раз!"

Он больше ничего не мог сказать, потому что рыдания заглушали его слова. Вскоре придя в себя, он потребовал ножницы и отрезал свои длинные волосы, чтобы избежать унижения от палача.

Теперь несколько лучей дневного света начали проникать в мрачную тюрьму сквозь зарешеченные окна, и на улицах слышался бой барабанов и грохот колес тяжелой артиллерии. Король повернулся к своему духовнику и сказал:

"Как я счастлив, что сохранил свою веру на троне! Где бы я мог быть в этот день, если бы не эта надежда? Да, на небесах есть неподкупный Судья, который дарует мне ту меру справедливости, в которой люди отказывают мне здесь, внизу".

Прошло два часа, пока царь прислушивался к тому, как собираются войска во дворе и вокруг Храма. В девять часов послышался шум поднимающихся по лестнице людей. Вошел Сантер в сопровождении двенадцати муниципальных чиновников и десяти жандармов. Король повелительным тоном и жестом указал Сантерру на дверь и сказал:

- Ты пришел за мной. Я буду с тобой через мгновение. Жди меня там.

Упав на колени, он на мгновение погрузился в молитву, а затем, повернувшись к М. Эджворту, сказал:

"Все завершено. Дай мне свое благословение и молись Богу, чтобы он поддержал меня до конца".

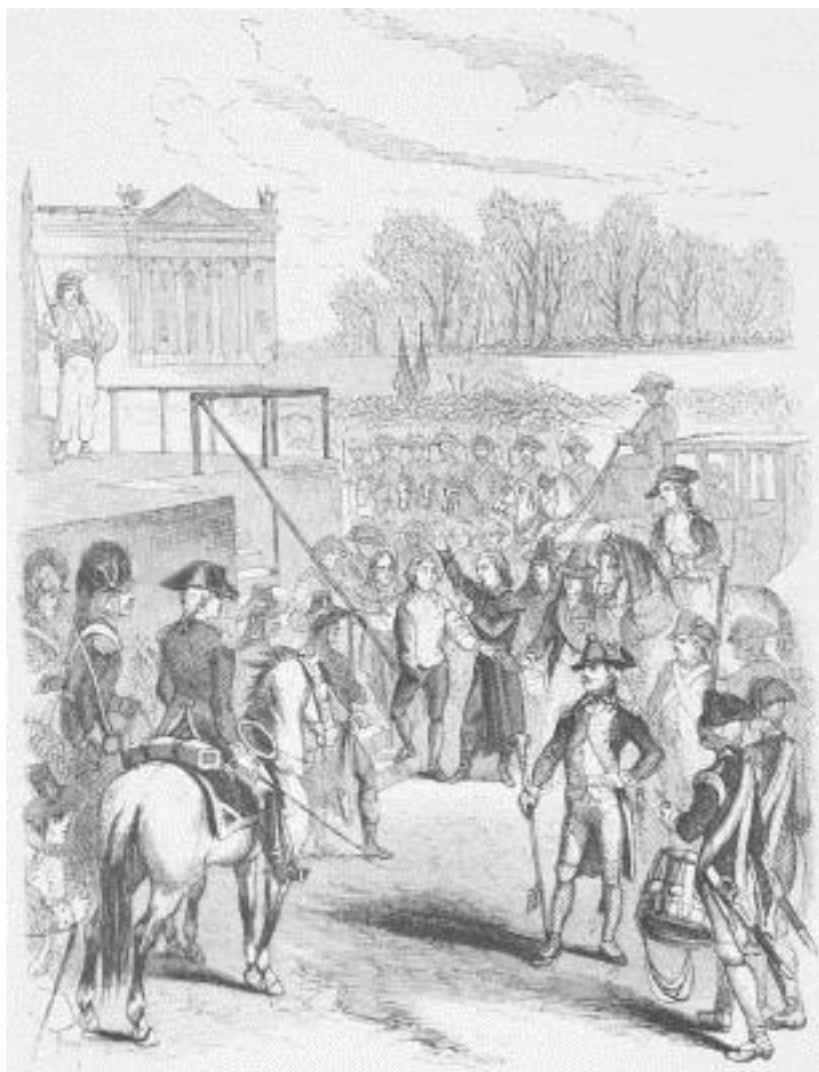
Он встал и, взяв со стола бумагу, в которой содержалась его последняя воля и завещание, обратился к одному из муниципальных гвардейцев со словами: "Прошу вас передать эту бумагу королеве". Человек, которого звали Жак Ру, жестоко ответил: "Я здесь для того, чтобы вести вас на эшафот, а не для того, чтобы выполнять ваши поручения".

- Верно, - сказал король опечаленным тоном, но без малейшего проявления раздражения. Затем, внимательно изучив выражения лиц каждого члена охраны, он выбрал того, чьи черты выражали человечность, и попросил его заняться газетой. Мужчина, которого звали Гобо, взял газету.

Король, отказавшись от плаща, который предложил ему Клери, сказал: "Дайте мне только мою шляпу". Затем, взяв руку Клери, он нежно пожал ее на прощание и, повернувшись к Сантерру, сказал: "Пойдем". Спускаясь твердой поступью по лестнице в сопровождении вооруженного эскорта, он встретил тюремщика, которого накануне вечером упрекнул в какой-то дерзости. Король подошел к нему и сказал добрым тоном:

"Мати, вчера я был несколько тепловат с тобой; извини меня за столь поздний разговор".

Пересекая внутренний двор, он дважды оборачивался, чтобы посмотреть на окна апартаментов королевы в тауэре, где те, кто был ему так дорог, испытывали величайшие страдания, какие только могут вынести человеческие сердца. Два генерала армии сидели на переднем сиденье кареты. Король и месье Эджворт заняли заднее сиденье. Утро было сырым и прохладным, а небо затянули мрачные тучи. Шестьдесят барабанов били по головам лошадей, и целая армия войск со всеми самыми грозными орудиями войны предшествовала карете, окружала ее и следовала за ней. Грохот барабанов мешал каким-либо разговорам, и король молча сидел в карете, очевидно, погруженный в молитву. Процессия двигалась по бульварам так медленно, что прошло два часа, прежде чем они достигли площади Революции. Огромная толпа заполнила площадь, над которой возвышался высокий помост и кроваво-красные столбы гильотины.

КАЗНЬ ЛЮДОВИКА XVI.

Когда карета остановилась, король прошептал М. Эджварту: "Если не ошибаюсь, мы прибыли". Барабаны перестали бить, и вся толпа смотрела в самом торжественном молчании. Оба жана армии вышли. Король положил руку на колено героического священнослужителя месье Эджворта и сказал, обращаясь к армейскому генералу:

"Джентльмены, я поручаю вашему попечению этого джентльмена. Пусть его не оскорбляют после моей смерти. Я умоляю вас присмотреть за ним".

"Да, да", - сказал один из них презрительно. - "успокойтесь, мы позаботимся о нем. Оставьте нас в покое.

Людовик вышел. Двое палачей подошли к подножию эшафота, чтобы снять с него плащ. Король отмахнулся от них, а сам снял сюртук и галстук и отвернул воротник рубашки, чтобы обнажить свое горло для удара ножом. Затем они пришли со шнурами, чтобы связать ему руки за спиной.

- Что ты хочешь делать? - с негодованием спросил король.

"Связать тебя", - ответили они, схватив его за руки и пытаясь связать их веревками.

"Свяжите меня!" - ответил король с глубочайшим чувством. "Нет, нет, я никогда не соглашусь. Делай свое дело, но ты не должен связывать меня.

Палачи грубо схватили его и позвали на помощь. "Сир, - сказал его христианский советник, - потерпите это оскорбление, как последнее подобие того Бога, который вот-вот станет вашей наградой".

"Несомненно, - ответил король, - не требовалось ничего меньшего, чем пример Божий, чтобы заставить меня смириться с таким унижением". Затем, протянув руки к палачам, он сказал: "Делайте, что хотите! Я выпью чашу до дна".

Твердой поступью он взошел по крутым ступеням эшафота, с минуту смотрел на острое и отполированное лезвие топора, а затем, повернувшись к огромной толпе, сказал голосом ясным и без дрожи:

"Люди, я умираю невиновным во всех вменяемых мне преступлениях! Я прощаю виновников моей смерти и молюсь Богу, чтобы кровь, которую вы собираетесь пролить, больше не пролилась на Францию".

Он хотел продолжить, но раздался приказ барабанам бить, и его голос тут же утонул. Палачи схватили его, привязали к доске, горка опустилась, и голова Людовика XVI упала в корзину.

Ни у кого не было лучшей возможности убедиться в истинном характере короля, чем у президента Джефферсона. Говоря о некоторых мерах короля, он сказал: "Эти уступки исходили из самого сердца короля. У него не было иного желания, кроме блага нации; и ради этой цели никакая личная жертва никогда не стоила бы ему ни минуты сожаления; но его ум был самой слабостью, телосложение робким, суждения пустыми, и ему не хватало твердости даже для того, чтобы придерживаться своего слова. Его королева, тоже надменная и не терпящая противоречий, имела над ним абсолютную власть; и вокруг нее сплотились брат короля Д'Артуа, двор в целом и аристократическая часть его министров, особенно Бретей, Бройо, Вогуйон, Фулон, Люцерн — люди, принципы правления которых были присущи эпохе Людовика XIV. Против этого войска добрые советы Неккера, Монморена, Сен-Приста, хотя и совпадали с пожеланиями самого короля, были мало полезны. Утренние решения, принятые по их совету, вечером будут отменены под влиянием королевы и двора".

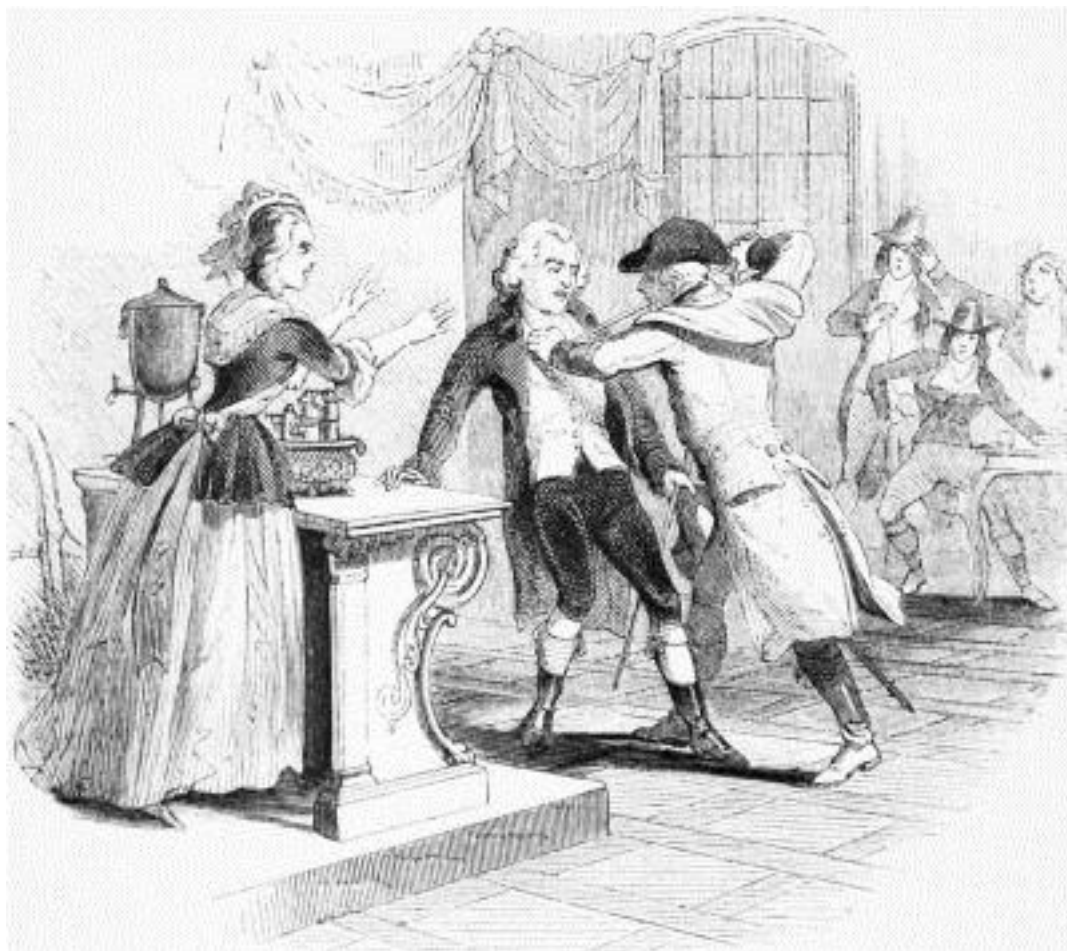
Роялисты были чрезвычайно возмущены осуждением короля. Дворянин Лепелетье Сен-Фаржо, который поддерживал народное дело, проголосовал за смерть короля. Роялисты были особенно возбуждены против него из-за его положения и состояния. Вечером 20 января, когда Людовику сообщили о вынесенном ему приговоре, королевский лейб-гвардеец выследил Лепелетье в ресторане в Пале-Рояле и, как только он сел за стол, подошел к нему и сказал:

- Ты Лепелетье, негодяй, голосовавший за смерть короля?

"Да, - ответил Лепелетье, - но я не злодей. Я голосовал по совести".

"Ну вот, - сказал лейб-гвардеец, - возьми это себе в награду", - и он по самую рукоять вонзил шпагу себе в бок. Лепелетье упал замертво, а его убийца сбежал прежде, чем они успели его арестовать.

Это событие вызвало сильное волнение и усилило убежденность в том, что роялисты сговорились спасти короля силой оружия у подножия эшафота.

УБИЙСТВО ЛЕПЕЛЬТЪЕ ДЕ СЕН-ФАРЖО.

СНОСКИ:

[381] История. Часть, том xxi., стр. 314.

[382] Резюме о взаимоотношениях комиссара Альбертье, Hist. Часть, том xxi., стр. 319.

[383] Одним из первых действий Наполеона после того, как он стал первым консулом, было показать свою признательность за героизм Тронше, поставив его во главе Кассационного суда. "Тронше, - сказал он, - был душой гражданского кодекса, а я был его демонстратором. Он был одарен исключительно глубоким и правильным пониманием, но он не мог снизойти до развития событий. Он говорил плохо и не смог защитить то, что предложил". — *Наполеон на острове Святой Елены*, стр. 192.

[384] Лакретель.

[385] Ламартин, История жирондистов, том ii., стр. 342.

[386] "Толпа на галереях принимала с ропотом все голоса, которые не были за смерть, и они часто обращались с угрожающими жестами к самому Собранию. Депутаты отвечали им из глубины зала, что привело к бурному обмену угрозами и оскорбительными эпитетами. Эта пугающе зловещая сцена потрясла все умы и изменила многие решения. Верньо, который, казалось, был глубоко тронут судьбой Людовика XVI и который заявил своим друзьям, что он никогда не сможет осудить этого несчастного принца, Верньо, при виде этой бурной сцены вообразил, что во Франции разгорается гражданская война, и вынес смертный приговор, добавив, однако, поправку Майе (которая требовала отсрочки казни). На вопрос о том,

изменил ли он свое мнение, он ответил, что, по его мнению, гражданская война вот—вот разразится, и что он не осмеливается ставить жизнь отдельного человека в зависимость от благосостояния Франции". - *"История французской революции" Тьера*, том ii, стр. 68.

[387] "Робеспьер ни в коем случае не был худшим персонажем, участвовавшим в Революции. Он был против суда над королевой. Он не был атеистом; напротив, он публично поддерживал существование Высшего Существа в противовес многим своим коллегам. Он также не придерживался мнения, что необходимо истребить всех священников и знать, как многие другие. Робеспьер хотел объявить короля вне закона, а не подвергать его нелепому издевательствам. Робеспьер был фанатиком, чудовищем; но он был неподкупен и неспособен грабить или быть причиной смерти других ни из личной вражды, ни из желания обогатиться. Он был энтузиастом, но таким, который действительно верил, что поступает правильно, и умер, не стоя ни гроша. В некоторых отношениях Робеспьера можно назвать честным человеком". — *Наполеон на острове Святой Елены*, стр. 590.

[388] "Из тех, кто судил короля, многие считали его умышленным преступником; многие считали, что его существование будет держать нацию в постоянном конфликте с ордой королей, которые будут воевать против поколения, которое могло бы вернуться домой к самим себе, и что лучше умереть одному, чем всем. Мне не следовало голосовать вместе с этой частью Законодательного органа. Мне следовало бы заточить королеву в монастырь, лишив ее власти причинять вред, и поставить короля на его место, наделив его ограниченными полномочиями, которыми, я искренне верю, он честно пользовался бы в меру своего разума". — *Томас Джефферсон, "Жизнь Рэндалла"*, т. i, стр. 533. Очевидно, существовали непреодолимые возражения против плана, предложенного таким образом мистером Джефферсоном.

ГЛАВА XXXII.

ЦАРСТВО ТЕРРОРА.

Обвинения против жирондистов.—Дантон.—Французскому послу приказано покинуть Англию.—Англии объявлена война.—Военно-морской флот Англии.—Внутренняя война.—Заговор с целью убийства жирондистов.—Смелые слова Верньо.—Восстание в Вандее.—Конфликт между Дюмуре и Ассамблеей.—Бегство Дюмуре.—Толпа всполошилась, жирондисты арестованы.—Шарлотта Корде.—Франция массово восстает, чтобы дать отпор союзникам.—Предательская капитуляция Тулона.

Казнь короля подняла всю Европу против республиканской Франции. Якобинцы одержали решительную победу над жирондистами и сумели обратить народную ненависть против них, обвинив их во врагах народа, потому что они выступали против бесчинств толпы; в друзьях королевской власти, потому что они хотели спасти жизнь короля; и во вражде к республике, потому что они выступали за умеренные меры.[389]

Теперь Дантон был признанным лидером якобинцев. Он полностью контролировал парижскую чернь и мог направлять ее ужасную и неудержимую энергию в любом направлении. С этим мощным оружием в руках он был всемогущ, и его политические противники были в его власти. Теперь началось царство террора. Жирондисты предприняли героическую попытку привлечь к ответственности сентябрьских убийц, но якобинцы быстро прекратили разбирательство.

Аристократия по рождению была теперь окончательно сокрушена, и якобинцы начали войну против аристократии богатства и характера. Элегантный особняк, одежда из тонкого сукна и даже утонченные манеры изобличали человека в том, что он аристократ, и обращали против него оскорбления черни. Марат был особенно яростен в своем дневнике против аристократии бюргеров, торговцев и государственных деятелей.

По прибытии в Лондон курьера, доставившего известие о казни короля, месье Шовелену, французскому послу, было приказано покинуть Англию в течение двадцати четырех часов.

"После событий, - сказал Питт, - о которых воображение может заикнуться только на ужасе, и с тех пор, как адская группировка захватила верховную власть во Франции, мы не могли больше терпеть присутствие месье Шовелена, который не оставил без применения средств, чтобы побудить народ восстать против правительства и законов этой страны".

Национальный конвент немедленно объявил войну Англии.^[390] Питт с почти сверхчеловеческой энергией собрал силы Англии и Европы для борьбы. Менее чем за шесть месяцев Англия заключила союзный договор с Россией, Пруссией, Австрией, Неаполем, Испанией и Португалией для ведения войны; а также заключила договоры, по которым она обещала крупные субсидии Гессен-Касселю, Сардинии и Бадену. Таким образом, Англия стала душой этой коалиции, объединившей против Франции всю Европу, за исключением Венеции, Швейцарии, Швеции, Дании и Турции. Эти объединенные армии должны были напасть на Республику с суши, в то время как непобедимый флот Англии должен был обрушить шквал пуль и снарядов на все ее приморские города.

Всего у Франции в то время было всего сто пятьдесят девять боевых кораблей. У Англии было четыреста пятнадцать, а у ее союзницы Голландии - сто. Большинство из них были большими кораблями, хорошо вооруженными; и, следовательно, Англия почти не опасалась, что какие-либо французские армии могут достичь ее островов.^[391] Парламент проголосовал за внеочередное выделение 3 200 000 фунтов стерлингов (16 000 000 долларов). Сто тридцать одна тысяча австрийцев, сто двенадцать тысяч пруссаков и пятьдесят тысяч испанцев быстро выступили в поход, чтобы атаковать Францию во всех пунктах на границе.^[392]

Роялисты в Вандее поднялись с оружием в руках против Республики и развернули белое знамя бурбонов. Теперь Франции более чем когда-либо прежде угрожала внешняя и внутренняя война. Конвент, контролируемый якобинцами и напуганный опасностью, издал указ о наборе трехсот тысяч человек для отражения нападения, а также организовал чрезвычайный революционный трибунал, наделенный неограниченными полномочиями арестовывать, судить и наказывать любого, кого они сочтут опасным для Республики. Насилие заполнило страну, повсюду царил террор, и было слышно, как даже Робеспьер восклицал: "Меня тошнит от Революции".

Дюмуре изгнал австрийцев из Бельгии и Нидерландов и стоял во главе армии численностью около семидесяти пяти тысяч человек. Испытывая отвращение к анархии, царившей во Франции, он разработал смелый план похода на Париж со своей армией, разгона Конвента, отмены Республики, восстановления конституционной монархии путем принятия Конституции 1791 года и возведения на трон короля, вероятно, сына герцога Орлеанского, впоследствии Луи Филиппа. Якобинцы, подстегиваемые этими нарастающими опасностями — вся Европа нападала на Францию извне, а роялисты строили заговоры внутри, — были готовы к любым мерам отчаяния. Жирондисты с напрасным героизмом противостояли неистовым мерам народного насилия, и якобинцы решили избавиться от них всех решительным ударом. Сентябрьские убийцы были готовы пустить в ход кинжал под предлогом того, что убийство было вызвано патриотизмом. Был разработан план поразить их

всех в Конвенте в ночь на 10 марта. Но жирондисты, узнав о заговоре, не явились на собрание, и предприятие провалилось. Смелый дух жирондистов был признан в словах Верньо:

"Мы были свидетелями, - сказал он, - развития той странной системы свободы, в которой нам говорят: "Вы свободны, но думайте вместе с нами, или мы предадим вас мести народа; вы свободны, но склоните голову перед идолом, которому мы поклоняемся, или мы предадим вас мести народа; вы свободны, но присоединяйтесь к нам в преследовании людей, чьей честности и разума мы боимся, или мы предадим вас мести народа". Граждане! у нас есть основания опасаться, что Революция, подобно Сатурну, поглотит последовательно всех своих детей и породит только деспотизм и сопутствующие ему бедствия".

В провинции Вандея проживало около трехсот тысяч человек. Это был сельский округ, где не было среднего класса. Священники и знать полностью подчинили своему влиянию неграмотное крестьянство. Здесь против Республики были подняты три армии, примерно по двенадцать тысяч в каждой. Роялисты из разных частей империи стекались в этот регион, и эмигранты высаживались на побережье, чтобы присоединиться к повстанцам. В течение трех лет здесь велась самая жестокая и кровопролитная война между роялистами и республиканцами.

Известие об этом грозном восстании усилило панику Конвента. Был принят закон, разоружающий всех, кто принадлежал к привилегированному классу, и объявляющий вне закона тех, кто должен быть обнаружен на любом враждебном сборище против Республики. Эмигрантам было запрещено высаживаться во Франции под страхом смертной казни. Каждый дом в королевстве должен был вывешивать на своих дверях имена всех своих обитателей и должен был быть в любое время открыт для визитов Комитета бдительности.

Дюмуре запятнал свою репутацию, сдав австрийцам несколько крепостей и договорившись с ними о том, что он двинется на Париж и восстановит монархическое правление во Франции. Австрийцы верили, что он посадит на трон юного сына Людовика XVI, хотя, несомненно, он намеревался посадить на трон молодого герцога Шартрского (Луи Филиппа), который был бы представителем популярных идей.

Якобинский клуб направил депутацию из трех своих членов в лагерь, чтобы озвучить взгляды Дюмуре. Генерал принял их вежливо, но сказал с военной откровенностью:

"Конвент - это собрание тиранов. Пока рядом со мной три дюйма стали, этого монстра не будет. Что касается Республики, то это пустое слово. Я верил в это в течение трех дней. Есть только один способ спасти страну - восстановить Конституцию 1791 года и короля".

"Вы только подумайте! - воскликнул один из членов делегации. - французы с ужасом смотрят на королевскую власть. Само имя Луи - мерзость".

"Какое значение имеет, - спросил Дюмуре, - будет ли короля звать Людовик, или Жак, или Филипп?"

"И каковы ваши средства для осуществления этой революции?" они спросили.

"Моя армия", - гордо ответил Дюмуре. "Из моего лагеря или из цитадели какой-нибудь крепости они выразят свою решимость избрать короля".

- Но твой план поставит под угрозу жизни остальных членов королевской семьи в Храме.

"Если все члены этой семьи во Франции или в Кобленце погибнут, - ответил Дюмуре, - я все равно смогу найти вождя. И если в Тампле по отношению к бурбонам будут совершены еще какие-либо варварства, я окружу Париж своей армией и заставлю парижан голодать до порабощения".

Депутация вернулась в Париж со своим отчетом, и четверо уполномоченных были немедленно отправлены в сопровождении военного министра вызвать Дюмуре в суд Конвента. Дюмуре немедленно арестовал комиссаров и отправил их к австрийцам, чтобы они удерживали их в качестве заложников.

ДЮМУРЬЕ АРЕСТОВЫВАЕТ ПОСЛОВ.

Конвент немедленно объявил награду за голову Дюмуре, собрал армию в сорок тысяч человек для защиты Парижа и арестовал всех родственников офицеров, находившихся под командованием Дюмуре, в качестве заложников.

Теперь Дюмуре понял, что нельзя терять ни минуты. Опасности сгущались вокруг него. Было много указаний на то, что привести армию к его взглядам может быть трудно. 4 апреля, когда он направлялся к месту встречи с австрийскими лидерами, принцем Кобургским и генералом Маком, батальон солдат, заподозрив предательство, попытался остановить его. Он пришпорил своего коня и оторвался от преследования, в то время как вокруг его головы свистел град пуль. Ему удалось, после бесчисленных опасностей, в течение целого дня кружным путем добраться до главных позиций австрийцев. Они приняли его с большим почетом и предложили ему командовать дивизией своей армии. После двухдневных размышлений он сказал, что именно с солдатами Франции он надеялся восстановить стабильное правительство в своей стране, принимая австрийцев только в качестве вспомогательных сил; но что как француз он не мог выступить против Франции во главе иностранцев. Он удалился в Швейцарию. Герцог Шартрский (Луи Филипп), оставшийся без друзей и в бедности, последовал за ним и в течение некоторого времени был вынужден зарабатывать на жизнь преподаванием в школе.

Теперь якобинцы обвинили своих грозных соперников, жирондистов, в причастности к заговору Дюмуре. Робеспьер в речи, исполненной самой концентрированной и мощной

злобы, настаивал на том, что Франция избавилась от аристократии происхождения, но что есть другая аристократия, аристократия богатства, которой в равной степени следует опасаться, которая должна быть сокрушена, и что жирондисты были лидерами этой аристократии. Это самым эффективным образом разжигало страсти толпы и направляло ее ярость против жирондистов. Жирондисты были теперь в состоянии ужасной тревоги. Они знали о злобности своих врагов и видели лишь слабую надежду на спасение. Они свергли трон деспотизма, надеясь установить конституционную свободу: они всего лишь ввели якобинскую френсию и анархию. Огромные толпы вооруженных людей прошли парадом по улицам Парижа, окружили Конвент и требовали мести вождям Жиронды.[393]

Умеренные республиканцы, противники этих актов насилия, стремясь остановить этот поток, попытались выдвинуть обвинительный акт против Марата. Его обвинили в поощрении убийств и резни, в роспуске Национального собрания и в создании власти, разрушающей свободу.

Марат ответил на обвинение, призвав толпу к себе на помощь. Они собрались огромной, буйной толпой, и трибунал, охваченный благоговейным страхом, после нескольких минут разбирательства единогласно оправдал его. Это было 24 апреля. Толпа проводила его обратно к его месту на Съезде. Его с триумфом внесли в зал на руках его сообщников, его чело было окружено венком победы.

- Гражданин президент, - крикнул один из дюжих мужчин, несших Марата, - мы привели вам достойного Марата. Марат всегда был другом народа, и народ всегда будет другом Марата. Если голова Марата должна пасть, наши головы должны пасть первыми".

Произнося эти слова, он вызывающе размахивал боевым топором, и толпа в проходах и переполненных галереях яростно зааплодировала. Затем он потребовал разрешения для сопровождения пройти через зал. Президент, потрясенный отвратительным зрелищем, не успел дать своего согласия, как вся толпа, мужчины, женщины и мальчики, в лохмотьях и грязи, гурьбой ворвались в зал, заняли места свободных членов и наполнили комнату неопишущим шумом, выкрикивая осанну Марату. Успешный демагог не мог не похвастаться своим триумфом. Взойдя на трибуну, он сказал:

"Граждане! возмущенный тем, что злодейская группировка предает Республику, я попытался разоблачить ее и *накинуть веревку на ее шею*. Она оказала мне сопротивление, выдвинув против меня обвинительный акт. Я вышел победителем. Фракция унижена, но не раздавлена. Не тратьте свое время на провозглашение побед. Защищайтесь с энтузиазмом".

ТРИУМФ МАРАТА.

Теперь Робеспьер потребовал обвинительного акта против жирондистов. Сопротивление было безнадежным. Волна народного гнева была в самом разгаре, сметая все на своем пути. Самые страшные сцены беспорядков происходили на Съезде, члены которого пытались силой стащить друг друга с трибуны.[\[394\]](#)

Теперь весь Конвент был в смятении, восемьдесят тысяч разъяренных людей окружили его с артиллерией и ружейным огнем, заявляя, что Конвент не должен покидать свой зал, пока жирондисты не будут арестованы. Конвент в полном составе попытался уйти и пробиться сквозь толпу, но был с позором оттеснен. В этих обстоятельствах было принято решение о том, что лидеры жирондистов, числом двадцать два человека, должны быть арестованы. Это было 2 июня 1793 года.[\[395\]](#)

Якобинцы, избавившись таким образом от своих врагов и получив полный контроль, немедленно решили принять новую Конституцию, еще более демократическую по своему характеру; и был назначен комитет для представления ее в течение недели. Но то же самое разделение, которое существовало в Конвенте между якобинцами и жирондистами, существовало по всей Франции. Во многих департаментах между двумя партиями разгорелись ожесточенные бои.

Тем временем союзники теснили Францию по всем направлениям. Австрийцы и пруссаки наступали на север; пьемонтцы пересекали перевалы приморских Альп; испанцы были готовы ринуться из Пиренейских ущелий, а английский флот повсюду угрожал побережью Франции на Средиземном море и в Ла-Манше.[396]

С поразительной энергией Конвент поднялся, чтобы противостоять этим опасностям. Была разработана и принята новая Конституция, исключительно демократическая. Каждый француз в возрасте двадцати одного года был избирателем. Пятьдесят тысяч душ имели право на депутата. Существовало всего одно Собрание. Его указы были немедленно приведены в исполнение.[397]

Дантон, Робеспьер и Марат теперь были кумирами парижской черни и настоящими правителями Франции. Все, кто осмеливался противостоять им, были объявлены вне закона и заключены в тюрьму. Повсюду по всей Франции арестовывались члены республиканской или жирондистской партии, а там, где их было достаточно много, чтобы оказать сопротивление, бушевала гражданская война.

В Кане жила очень красивая девушка, Шарлотта Корде, двадцати пяти лет от роду, высокообразованная и образованная. У нее был безупречно чистый характер, и с энтузиазмом мадам Ролан она отстаивала дело народной конституционной свободы. Принципы жирондистской партии, которые она приняла, и благородные лидеры этой партии, к которым она относилась почти с обожанием.

Когда она услышала о свержении жирондистов и их заключении в тюрьму, она решила отомстить за них и надеялась, что, расправившись с лидером якобинцев, она сможет поднять жирондистов, рассеянных по Франции, на сплочение и спасение свободы и своей страны. Это была трехдневная поездка в дилижансе из Кана в Париж. Прибыв в Париж в четверг, 11 июля, она тщательно изучила положение дел, чтобы выбрать свою жертву, но никому не призналась в своих намерениях.

Марат показался ей самым активным, грозным и ненасытным в своем проскрипционном списке. Она написала ему записку следующего содержания:

"Гражданин: Я только что прибыл из Кана. Ваша любовь к своей стране заставляет меня предположить, что вы с удовольствием послушаете о тайных событиях в этой части Республики. Я явлюсь к вам домой. Будьте любезны распорядиться о моем приеме и уделить мне минутку для частной беседы. Я могу указать на средства, с помощью которых вы можете оказать важную услугу Франции".

Она отправила эту записку из своего отеля "Иин де ла Провиденс" на улице Старых Огюстенов, отправилась в Пале-Рояль, купила большой нож в ножнах и, взяв наемную карету, поехала в резиденцию Марата, дом № 44 по улице Медицинской школы. Был субботний вечер. Марат принимал ванну и читал при свете лампы, стоявшей на трехногом табурете. Он услышал стук Шарлотты и громко позвал женщину, которая в качестве служанки и хозяйки сопровождала его, и попросил впустить ее.

Марат был человеком самой беспокойной деятельности. Он нетерпеливо расспрашивал о запрещенных в Кане и о других, кто выступал против якобинского правления. Шарлотта, хладнокровно отвечая, смерила взглядом место, по которому ей следует нанести удар ножом. Когда она упомянула несколько имен, он нетерпеливо схватил карандаш и начал записывать их, говоря:

"Они все отправятся на гильотину".

- На гильотину? - спросил я. - воскликнула Шарлотта и, мгновенно выхватив из-за пазухи нож, вонзила его по самую рукоятку прямо ему в сердце.

Несчастный издал один отчаянный крик "Помогите!" и замертво рухнул обратно в воду. Любовница Марата и слуга ворвались в комнату, сбили Шарлотту со стула и растоптали ее. Вскоре собралась толпа. Без малейшего возмущения она призналась в содеянном. Только ее молодость и красота спасли ее от того, чтобы быть разорванной на куски. Вскоре прибыли солдаты и отвели ее в тюрьму.

"Способ отомстить за Марата, - воскликнул Робеспьер с трибуны таким тоном, что Франция содрогнулась, - это безжалостно расправиться с его врагами".

Останки несчастного человека, которого теперь проклиняет весь мир, были похоронены с самыми высокими почестями. Его похороны в полночь, когда весь Париж, казалось, провожал его в могилу факельным шествием, были одной из самых впечатляющих сцен Революции.

В среду утром Шарлотту отвели в Революционный трибунал во Дворце правосудия. Она появилась там с достоинством, спокойная и красивая. Обвинительный акт был зачитан, и они начали представлять своих свидетелей, когда Шарлотта сказала:

"Эти задержки излишни. Это я убил Марата".

Последовала минутная пауза, и многие оплакивали гибель столь юной и прелестной особы. Наконец президент спросил: "По чьему наущению?"

"Ни от кого", - последовал лаконичный ответ.

"Что вас соблазнило?" - спросил президент.

"Его преступления", - ответила Шарлотта; а затем, продолжая тоном твердым и напряженным, который заставил замолчать и внушил благоговейный трепет всем присутствующим, она сказала:

"Я убил одного человека, чтобы спасти сто тысяч; злодея, чтобы спасти невинных; свирепого дикого зверя, чтобы дать покой моей стране. До революции я был республиканцем. Я никогда не стремился к энергии".[\[398\]](#)

ШАРЛОТТА КОРДЕ АРЕСТОВАНА.

Она с улыбкой выслушала приговор к немедленной смерти, и ее отвели обратно в тюрьму, чтобы оттуда отвести на гильотину. В тот же вечер, чуть позже семи часов, из Консьержери выехала повозка, везущая Шарлотту в красном одеянии убийцы на гильотину. Улицы были запружены огромной толпой, большинство из которых атаковали ее с воплями и проклятиями. Она смотрела на них с безмятежной улыбкой, как будто ехала на увеселительную прогулку. Она была привязана к доске. Сверкающий топор скользнул по роще, и палач, подняв отрубленную голову, показал ее народу, а затем жестоко ударил по щеке.

Робеспьер и Дантон, кумиры толпы, теперь разделили верховную власть между собой. Организация революционного правительства была просто машиной, с помощью которой они действовали.

10 августа в Париже состоялся еще один великолепный фестиваль в честь принятия якобинской конституции. Знаменитый художник Давид устроил праздник с большим художественным мастерством, и снова весь Париж, хотя и находившийся на грани разорения, был в блеске иллюминации и реве триумфа. Австрийские армии находились теперь в пятнадцати днях пути от Парижа, и не было организованной силы, которая могла бы эффективно остановить их продвижение. Но страх перед старым бурбонским деспотизмом сплотил массы, чтобы они предпочитали поддерживать даже ужасы якобинской свирепости. Аристократы раздавили *народ*; якобинцы раздавили *аристократов*. Население, естественно, предпочитало последнее правило.

И вот Франция восстала, как никогда прежде не восставала нация. По предложению Дантона 23 августа было принято решение,

"С этого момента и до тех пор, пока враг не будет изгнан с территории Французской Республики, все французы будут находиться в постоянной реквизиции для службы в армиях. Молодые мужчины отправятся сражаться. Женатые мужчины будут ковать оружие и перевозить припасы. Женщины будут делать палатки и одежду и ухаживать за больницами. Дети будут делать ворсинки из тряпья; старики будут заставлять носить себя в общественные места, чтобы возбуждать мужество воинов, проповедовать ненависть к королям и любовь к Республике".

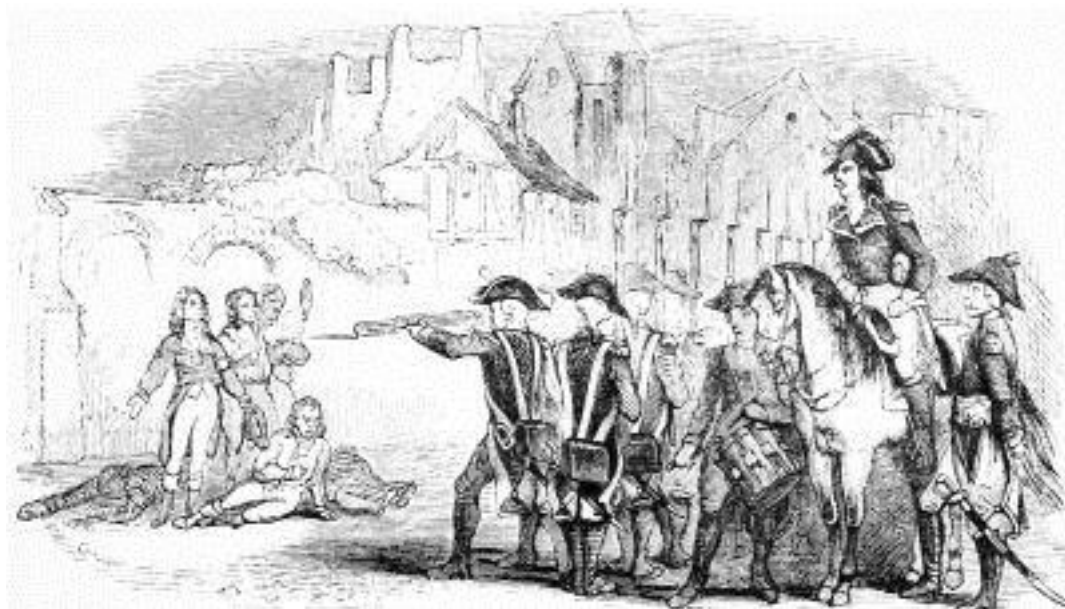

МАРШ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

Все неженатые мужчины или вдовцы без детей в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет должны были собраться в назначенном месте и немедленно выступить. Этот акт собрал армию в миллион двести тысяч человек. Мужчины в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет должны были быть готовы последовать за ними. А те, кому было от тридцати до шестидесяти, должны были быть готовы подчиняться приказам, когда бы их ни вызвали на поле боя. В такой энергии, по крайней мере, есть возвышенность.

Вся Франция мгновенно превратилась в лагерь, оглашенный приготовлениями к войне. В Вандее сплотились друзья Бурбонов. Конвент постановил полностью разрушить его, предать смерти всех мужчин, поджечь жилища, уничтожить урожай и вывезти женщин и детей в какую-нибудь другую провинцию, где они должны содержаться за счет правительства. Было

твёрдо решено не проявлять никакой пощады к французам, которые сотрудничали с иностранцами, чтобы заново заковать Францию в цепи бурбонского деспотизма. Эти указы исполнялись с безжалостной точностью. Прославленный Карно, который, по его собственным словам, "имел честолубие трехсот спартанцев, отправившихся защищать Фермопилы", организовал и дисциплинировал четырнадцать армий и отобрал для них способных военачальников.

КАЗНЬ В ВАНДЕЕ.

Пока дело находилось в таком состоянии, жители Марселя, Лиона и Тулона восстали, одолели якобинцев и, подняв знамя бурбонов, призвали союзников к наступлению. Тулон был военно-морским арсеналом Франции, большой французский флот переполнял его порт, а его склады были забиты военно-морскими припасами. Лорд Худ с английской эскадрой крейсировал у побережья. Роялисты во главе с адмиралом Труевым подали сигнал англичанам и подло сдали им форты, корабли и припасы. Это была ужасная потеря для революционеров. Лорд Худ, британский адмирал, немедленно прибыл со своим флотом, вступил во владение и издал прокламацию, в которой говорилось:

"Принимая во внимание, что секции Тулона через уполномоченных, которых они направили ко мне, сделали торжественное заявление в пользу Людовика XVII. и монархическое правительство, и что они приложат все усилия, чтобы разорвать цепи, сковывающие их страну, и восстановить Конституцию в том виде, в каком она была принята их покойным сувереном в 1789 году, я повторяю этим настоящим заявлением, что я вступаю во владение Тулоном и сохраняю его исключительно в качестве вклада для Людовика XVII., и это только до тех пор, пока во Франции не будет восстановлен мир".[\[399\]](#)

Против мятежного Лиона была направлена шестидесятитысячная армия. Город после длительной осады и бесчисленных бедствий был взят. Конвент постановил, что он должен быть полностью разрушен, и что над его руинами должен быть воздвигнут памятник с надписью: "*Лион объявил войну Свободе: Лиона больше нет!*" Жестокости, которым подверглись роялисты в этом несчастном городе, слишком болезненны, чтобы даже думать о них. Воображение вряд ли может их преувеличить. Фуше и Колло д'Эрбуа, видные деятели этой кровавой мести, были атеистами. Презирая христианство, они приказали нести Библию и Крест по улицам на осле; осла заставляли пить освященное вино из чаши для причастия. Шесть тысяч граждан Лиона погибли в ходе этих кровавых преследований, а двенадцать

тысяч были изгнаны. Революционный трибунал действовал день и ночь, приговаривая к смертной казни. Однажды утром в холл ворвалась молодая девушка, восклицая:

"Из всей нашей семьи у меня остались только мои братья. Мать, отец, сестры, дяди - вы убили всех. И теперь вы собираетесь осудить моих братьев. Из милосердия разрешите мне взойти на эшафот вместе с ними".

Ее мучительная молитва была отклонена, и бедное дитя бросилось в Рону.

Восстание роялистов в Вандее после долгого и ужасного конфликта было подавлено. Ни один язык не может описать ужасы мести, которые последовали за этим. История о жестокости слишком ужасна, чтобы ее пересказывать. Демоны не могли быть более адскими в своей беспощадности.

"Смерть от огня и меча, - пишет Ламартин, - произвела шум, пролила кровь и оставила тела, которые нужно было похоронить и сосчитать. Тихие воды Луары были немы и не давали отчета. Только морское дно знало количество жертв. Карриер приводил моряков такими же безжалостными, как и он сам. Он приказал им, не скрывая этого, проделать пробоины в определенном количестве палубных судов, чтобы потопить их вместе с живым грузом в некоторых частях реки.

"Сначала эти приказы выполнялись тайно и под предлогом навигационных происшествий. Но вскоре эти морские казни, свидетелями которых были волны Луары даже в ее устье, стали зрелищем для Каррье и его придворных. Он оборудовал увеселительную галеру, которую подарил своему сообщнику Ламбертье под предлогом наблюдения за берегами реки. Этот сосуд, украшенный всеми изысками убранства, снабженный всеми винами и всем необходимым для пиршества, стал самым распространенным театром этих казней. Иногда Карриер сам садился на корабль со своими палачами и куртизанками, чтобы совершить путешествие по воде. В то время как он предавался любовным утехам и вину на палубе, его жертвы, запертые в трюме, видели, как по заданному сигналу открываются клапаны и волны Луары поглощают их. Сдавленный стон возвестил команде, что сотни жизней только что испустили дух у них под ногами. Они продолжили свои оргии на этом плавучем склепе.

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА В ЛИОНЕ.

Иногда Карриер, Ламбертье и их сообщники получали жестокое удовольствие от этого зрелища агонии. Они заставляли жертв обоего пола парами подниматься на палубу. Сорвав с них одежды, они связали их лицом к лицу, друг с другом —священника с монахиней, молодого человека с молодой девушкой. Они подвешивали их, обнаженных и переплетенных, на шнуре, пропущенном под плечиками через блок сосуда. Они с ужасным сарказмом потешались над этой пародией на брак после смерти, а затем бросали жертвы в реку. Этот каннибальский спорт назывался "Республиканскими браками".

ЖЕРТВЫ УТОПЛЕНИЯ В ЛУАРЕ.

Робеспьер, узнав об этих дьявольских деяниях, отозвал Карриера, но он не осмелился выдвинуть обвинительный акт против негодея, чтобы тот не подвергал опасности свою голову, будучи обвиненным в сочувствии роялистам. С благодарностью сообщаем, что самого Кэрриера в конце концов, под проклятия сообщества, повели на эшафот.[\[400\]](#)

Парижские тюрьмы теперь были заполнены жертвами. Муниципальные инструкции, изданные Шометтом, следующим образом перечислили тех, кто должен быть арестован как подозреваемые лица: 1. Те, кто с помощью хитрых обращений сдерживает энергию людей. 2. Те, кто таинственно сожалеет о судьбе людей и распространяет плохие новости с притворной скорбью. 3. Те, кто, умалчивая о недостатках роялистов, декламирует о недостатках патриотов. 4. Те, кто жалеет тех, против кого закон обязан принимать меры. 5. Те, кто общается с аристократами, священниками и умеренными, и интересуется их судьбой. 6. Те, кто не принимал активного участия в Революции. 7. Те, кто воспринял Конституцию с безразличием и выразил опасения по поводу ее срока действия. 8. Те, кто, хотя и ничего не сделали против свободы, ничего не сделали для нее. 9. Те, кто не посещает секций. 10. Те, кто презрительно отзывается о официальных органах власти. 11. Те, кто подписал контрреволюционные петиции. 12. Партизаны Лафайета и те, кто шел в атаку на Марсовом поле.

В Париже было лишь несколько человек, которые не подлежали аресту в результате происков какого-либо врага по какому-либо из этих обвинений. Вскоре многие тысячи были заключены в тюрьму. Тюремные Мэра, Ла Форс, Консьержери, аббатства Сент-Пелажи и Мадленетт были переполнены до отказа. Затем большие частные особняки, колледж Дюплесси и, наконец, просторный Люксембургский дворец были превращены в тюрьмы и до отказа заполнены подозреваемыми. В этих жилищах, погруженных в грязь и нищету, где не

на чем было лежать, кроме соломы, самые блестящие мужчины и женщины Парижа ютились вместе с самыми мерзкими изгоями. Однако через некоторое время тем, у кого была собственность, было позволено окружить себя такими удобствами, какие позволяли их средства. Из этих различных тюрем те, кого должен был судить Революционный трибунал, были доставлены в Консьержери, примыкавшую ко Дворцу правосудия, где трибунал проводил свое заседание. Суд был почти неизбежным приговором, и гильотина не знала покоя. Несчастная Франция теперь была отдана во власть террора. Чернь стала сувереном.

СНОСКИ:

[389] Минье, стр. 192.

[390] "Конвент, сочтя Англию уже связанной с коалицией и, следовательно, все ее обещания нейтралитета тщетными и призрачными, 1 февраля 1793 года объявил войну королю Великобритании и штатгальтеру Голландии, которые с 1788 года полностью подчинялись кабинету Сент—Джеймса". - *Минье*, том i., стр. 195.

[391] Ламартин, История жирондистов, том ii., стр. 395.

[392] "Именно в Испании Питт пустил в ход интриги, чтобы подтолкнуть ее к величайшей ошибке, которую она когда—либо совершала, — присоединению к Англии против Франции, ее единственного морского союзника". - *Тьер*, том ii., стр. 82.

[393] Ссылаясь на ужасающий конфликт между привилегированными классами и поработченными людьми, проф. Смит пишет: "Мой вывод заключается в том, что ни высокопоставленная партия, ни низшие слои населения не имеют ни малейшего права радоваться своему поведению во время этой достопамятной революции. Ни один историк, ни один комментатор тех времен не может продолжать ни на минуту, кроме как исходя из предположения, что, осуждая недостатки одного, он прекрасно осознает антагонистические недостатки другого; что каждая сторона должна сделать свое дело; и что все это в целом является ужасным уроком как для той, так и для другой. *Я с большей серьезностью остановился на недостатках популярных лидеров, потому что их недостатки более естественны и более важны; потому что друзья свободы (какими бы горячими и самоуверенными они ни были) все же более доступны для обучения, чем люди с деспотичным темпераментом, чем суды и привилегированные сословия, которые систематически ведут себя иначе.*" — *Профессор Смит, о. преподобный*, том iii, стр. 245.

Историю Французской революции слишком часто рассказывали в таком духе, прикрывая зверства угнетателей и преувеличивая бесчеловечность угнетенных. В то время как истина требует, чтобы все насилие поработченного народа, в отчаянии разрывающего свои оковы, было точно описано, истина не менее властно требует, чтобы также беспристрастно описывалась беспощадность гордых угнетателей, веками сокрушавших миллионы и доводивших целую нацию до безумия отчаяния.

[394] На Съезде каждый, кто обращался к собравшимся, поднимался к столу на платформе, называемой трибуной.

[395] Тьер, том ii., стр. 194.

[396] Союзники действовали без союза и под маской священной войны скрывали самые эгоистичные взгляды. Австрийцы хотели получить Валансьен; король Пруссии - Майнц; англичане - Дюнкерк; пьемонтцы стремились вернуть Шамбери и Ниццу; испанцы, наименее заинтересованные из всех, тем не менее подумывали о Руссильоне.—*Тьер*, том ii., стр. 217.

[397] "Поскольку Конституция, таким образом, предоставляла власть массам, поскольку она передавала власть дезорганизованному органу, это было бы во все времена невыполнимо, но в период всеобщей войны это было особенно важно. Соответственно, оно было сделано не раньше, чем приостановлено". —*Минье*.

[398] Процесс Шарлотты Корде (Hist. Парл., том. xxviii., стр. 311, 338).

[399] После смерти Людовика XVI. Роялисты считали молодого дофина, тогда заключенного в тауэр, законным королем с титулом Людовика XVII.

[400] перевозчика слышал однажды, когда завтракал в ресторане, что Франция была слишком густонаселенных за республику, и что надо было убить не менее одной трети жителей прежде, чем они могли иметь хорошее правительство. Подсчитано, что по его приказу в Вандее было убито пятнадцать тысяч человек.

ГЛАВА XXXIII.

КАЗНЬ МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ И МАДАМ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Мария-Антуанетта в Тампле.—Заговоры ради спасения королевской семьи.—Юного дофина оторвали от Матери.—Френсис королевы.—Ее переводят в консьержери.—Унижения и беды.—Королева предстала перед судом.—Письмо своей сестре.—Казнь королевы.—Мадам Елизавету привели к суду и казни.—Судьба принцессы и дофина.

Теперь население требовало голову Марии-Антуанетты, которую его долгое время учили непримиримо ненавидеть.[401] Мы оставили ее 21 января в Храме, охваченную агонией. Обморок следовал за обмороком, пока она прислушивалась к шуму на улицах, сопровождавшему ее мужа на гильотину. Грохот пушек при их возвращении и крики "*Да здравствует Республика*" под ее окнами возвестили, что трагедия окончена. Коммуна жестоко отказалась сообщить ей какие-либо подробности о последних часах короля, и даже Клери, его верный слуга, был заключен в тюрьму, так что он даже не смог передать ей в руки локон волос и обручальное кольцо, которые доверил ему король.

Было составлено множество заговоров для спасения королевской семьи, что привело к постоянному ужесточению условий их заключения. Королева отказалась возобновить свои прогулки по саду, поскольку не могла вынести, когда проходила мимо дверей королевских апартаментов. Но после долгого затворничества, ради здоровья своих детей, она согласилась каждый день на несколько минут прогуливаться с ними по платформе башни. Коммуна немедленно приказала обнести помост высокими досками, чтобы пленники не могли получать никаких знаков признания от своих друзей.

В течение четырех месяцев Мария-Антуанетта, мадам Елизавета и дети утешались тем, что сочувствовали друг другу в их горе. Но в ночь на 4 июля послышался топот вооруженного отряда, поднимающегося на тауэр, и несколько комиссаров с шумом вошли в ее комнату. Они зачитали ей указ, объявляющий, что ее сын, дофин, должен быть отнят у нее и заключен в тюрьму в одиночку. Бедный ребенок, слушая чтение этого жестокого указа, обезумел от ужаса. Он бросился в объятия матери и закричал:

- О! мама, мама, не оставляй меня этим людям. Они убьют меня, как убили папу.

Королева в бреду агонии схватила своего ребенка и, положив его на кровать позади себя, с глазами, сверкающими, как у тигрицы, бросила вызов офицерам, заявив, что они должны

разорвать ее на куски, прежде чем заберут ее мальчика. Даже полицейские были потрясены ее душераздирающим горем и в течение двух часов воздерживались от насильственного похищения ребенка. Измученная мать в конце концов упала в обморок, и кричащего от ужаса ребенка вынесли из комнаты. Она больше никогда не видела своего сына.

Медленно прошло несколько недель горя, когда в начале августа она была разбужена ото сна сразу после полуночи бандой вооруженных людей, которые пришли, чтобы отвести ее в тюрьму Консьержери, где она должна была ожидать суда. Королева уже осушила чашу страданий до дна, и ничто не могло усугубить ее горе. Она встала в оцепенении отчаяния и начала одеваться в присутствии офицеров. Ее дочь и мадам Елизавета бросились к ногам мужчин и умоляли их не забирать у них королеву. С таким же успехом они могли бы апеллировать к гранитным блокам своей тюрьмы.

Судорожно прижав дочь на мгновение к сердцу, она покрывала ее поцелуями, сказала сестре несколько слов страстной нежности, а затем, словно боясь бросить последний взгляд на эти предметы своей привязанности, поспешила из комнаты. Уходя, она ударила лбом о балку низкой двери.

- Вы ушиблись? - спросил один из мужчин.

"О нет! - был ее ответ. - Теперь ничто больше не сможет причинить мне вреда".

У дверей ее ждал экипаж. В сопровождении *жандармов* ее провели сквозь полуночный мрак в темницу, где она должна была ожидать своего приговора.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА В КОНСЬЕРЖЕРИ.

Всемирно известная тюрьма Консьержери состоит из ряда подземных темниц под полом *Дворца правосудия*. Более мрачных гробниц воображение едва ли может вообразить. Королеву вели вниз по мокрым и скользким ступеням при свете сальной свечи, пока по лабиринту коридоров она не подошла к железной двери своей темницы. Ржавые петли заскрежетали, когда дверь открылась, и ее втокнули внутрь. Ее сопровождали два солдата с обнаженными мечами, которым было приказано, вопреки всем инстинктам деликатности, ни на минуту не выпускать ее из виду. Единственная свеча давала ровно столько света, чтобы можно было разглядеть ужасы ее камеры. Пол был покрыт грязью, а по каменным стенам стекали струйки воды. Жалкое поддонов, с грязной ковэринг грубой и рваной ткани, небольшой сосновый стол, и стул составляли только мебель. Так глубоко было падение в салонах Версаля.

Здесь королева оставалась в течение двух месяцев, и ее страдания были немного смягчены добротой мадам Ришар, жены тюремщика, которая делала все, что допускали строгие правила, чтобы смягчить ее страдания. Она собственноручно готовила еду для королевы, раздобыла для нее несколько предметов мебели и ежедневно сообщала ей все, что могла, о своей сестре и ее детях. Друзья королевы были неутомимы в своих попытках с помощью какого-нибудь заговора добиться ее освобождения. Некий джентльмен получил доступ в камеру королевы и преподнес ей розу, в лепестках которой была спрятана записка. Один из *жандармов* обнаружил это покушение, и тюремщик и его жена, подозреваемые в попустительстве, были арестованы и брошены в темницу.

Для тюрьмы были предоставлены другие тюремщики, мсье и мадам Боло; но у них тоже были гуманные сердца, и они оплакивали горе Марии-Антуанетты. Гардероб королевы состоял всего из двух мантий, белой и черной, и трех сорочек. Из-за влажности в камере они быстро истлели вместе с туфлями и чулками и превратились в лохмотья. Мадам Болт было разрешено помогать королеве в их починке, но ей не разрешалось доставлять новую одежду. Книги и письменные принадлежности также были запрещены. Кончиком иглы она делала краткие записи о событиях на штукатурке своих стен, а также надписывала короткие стихотворные строки и предложения из Священного Писания.

14 октября королеву провели из ее темницы в залы наверху для суда. В окружении сильного эскорта ее отвели к скамье обвиняемых. Ее обвиняли в том, что она питала отвращение к Революции, которая обезглавила ее мужа и ввергла всю ее семью в невыразимое горе.

Королева была одета в одеяние крайней бедности. От горя ее волосы поседели, и они быстро падали с головы. Ее глаза запали, а черты лица осунулись от горя.

"Как вас зовут?" - спросил один из судей.

"В Австрии меня зовут Мария-Антуанетта Лотарингская", - ответила королева.

"Каково ваше состояние?" был следующий вопрос.

"Я вдова Людовика, бывшего короля Франции", - последовал ответ.

- Сколько вам лет?

- Тридцатьсемь.

Затем был зачитан длинный обвинительный акт. Среди других обвинений было и самое жестокое - в попытке развращением собственного сына "с намерением ослабить душу и тело этого ребенка и править от его имени до разрушения его разума".

Королева отшатнулась от этого обвинения с жестом ужаса, и, когда ее спросили, почему она не ответила на обвинение, она сказала:

"Я не ответил на это, потому что есть обвинения, на которые природа отказывается отвечать. Я обращаюсь ко всем матерям, если такое преступление возможно".

Суд продолжался два дня. Когда все обвинения были выслушаны, королеву спросили, есть ли ей что сказать. Она ответила:

"Я была королевой, и вы отняли у меня корону; женой, и вы убили моего мужа; матерью, и вы лишили меня моих детей. Осталась только моя кровь. Возьми это, но не заставляй меня долго страдать".

СУД НАД МАРИЕЙ-АНТУАНЕТТОЙ.

В четыре часа утра 16-го числа она выслушала свой приговор, приговаривающий ее к смерти. В полном достоинства молчании, без дрожи в мускулах, она приняла свою участь. Когда ее вели из зала суда в ее темницу, чтобы подготовить к казни, жестокое население топотом и аплодисментами приветствовало приговор. Балуюсь пером и бумагой в эти последние часы, она написала своей сестре следующее:

"16 октября, половина пятого утра.

"Я пишу тебе, сестра моя, в последний раз. Я был приговорен не к позорной смерти, которая ожидает только преступников, а к возвращению к вашему брату. Каким бы невиновным он ни был, я надеюсь проявить ту же твердость, что и он в эти последние минуты. Я горько скорблю, покидая моих бедных детей; вы знаете, что я существовала только ради них и вас — вас, которые по дружбе пожертвовали всем, чтобы быть с нами. В каком положении я вас оставляю. Из показаний свидетелей на моем процессе я узнал, что мою дочь разлучили с вами. Увы! мое бедное дитя. Я не осмеливаюсь написать ей. Она не смогла получить мое письмо. Я даже не знаю, дойдет ли оно до тебя. Прими мое благословение за обоих.

Я надеюсь, что однажды, когда они станут старше, они смогут воссоединиться с вами и радоваться свободе, вашей нежной заботе. Пусть их дружба и взаимное доверие формируют их счастье. Пусть моя дочь почувствует, что в ее возрасте она всегда должна помогать своему брату советом, на который ее должны вдохновлять большой опыт, которым она обладает, и ее дружба. Пусть мой сын, со своей стороны, окажет своей сестре всю заботу и услугу, какие только может потребовать любовь. Пусть мой сын никогда не забудет последние слова своего отца. Я повторяю их ему со всей определенностью. *Пусть он никогда не пытается отомстить за нашу смерть.*"

Закончив длинное письмо, она сложила его и несколько раз поцеловала, "как будто таким образом могла передать тепло своих губ и влагу своих слез своим детям". Затем она бросилась на тюфяк и спокойно проспала два или три часа. Несколько лучей утреннего света теперь пробивались сквозь решетчатые решетки на окне. Вошла дочь мадам Бо, чтобы одеть ее для гильотины. Она надела свое белое одеяние. Белый носовой платок покрывал ее плечи, а волосы прикрывала белая шапочка, перевязанная на висках черной лентой.

Было холодное осеннее утро, и улицы Парижа окутал промозглый туман. В одиннадцать часов палачи вывели ее из камеры. Она сердечно обняла добросердечную дочь консьержки и, собственноручно отрезав себе волосы, безропотно позволила связать себя и спустилась со ступенек Консьержери. Вместо кареты у ворот тюрьмы ее ждала грубая повозка осужденного. На мгновение она отшатнулась от этого непредвиденного унижения, но тут же взяла себя в руки и взобралась на повозку. В машине не было сиденья, и, поскольку ее руки были связаны за спиной, она не могла удержаться на ногах от тряски на тротуаре. Когда ее грубо толкали назад и вперед в тщетной попытке сохранить равновесие, толпы, заполонившие улицы, насмешливо кричали. Их учили ненавидеть ее, считать не только непримиримым врагом народной свободы, каковой она была, но и самой позорной из женщин, которой она не была. "Это, - кричали они, - не ваши трианонские подушки".

Это был долгий путь к эшафоту, во время которого королева претерпела все возможные оскорбления, насмешки и поношения. Процессия пересекла Сену у *моста Менял* и прошла по *улице Сент-Оноре*. Подъехав к Месту Революции, повозка на мгновение остановилась у входа в сад Тюильри. Мария-Антуанетта несколько мгновений молча созерцала эти сцены былого счастья и величия. Еще несколько оборотов колесиков - и она оказалась у подножия гильотины. Она взошла на эшафот и нечаянно наступила на ногу палачу.

- Прошу прощения, - сказала королева с такой учтивостью, словно находилась в одном из версальских салонов. Преклонив колени, она произнесла короткую молитву, а затем, обратив свой взор к далеким башням Храма, сказала:

- Еще раз прощайте, дети мои; я иду воссоединиться с вашим отцом.

Она была привязана к доске, и когда та опустилась на место, сверкающий топор выскользнул из паза, и голова королевы упала в корзину. Палач схватил окровавленный трофей за волосы и, обойдя эшафот, продемонстрировал его толпе. Раздался протяжный крик: *Да здравствует Республика!* и толпа рассеялась.

Пока происходили эти ужасные сцены, мадам Елизавета и принцесса оставались в башне Тампля. Их тюремщикам было приказано не сообщать им никакой информации. Молодой дофин был заключен в тюрьму в одиночку.

Шесть месяцев мрака и тоски, которые не описать пером, миновали, когда ночью 9 мая 1794 года, когда мадам Елизавета и юная принцесса Мария Терезия укладывались спать, группа вооруженных людей с фонарями ворвалась в их комнату и сказала мадам Елизавете:

- Вы должны немедленно отправиться с нами.

- А моя племянница? - с тревогой спросила кроткая и набожная тетушка, всегда забывавшая о себе в своей заботе о других. "А ей тоже можно пойти?"

"Ты нужен нам только сейчас. Со временем мы позаботимся о ней", - последовал бесчувственный ответ.

Святая мадам Елизавета поняла, что настал долгожданный час разлуки и что ее нежная племянница останется без защиты и одна, беззащитная перед жестокостью своих тюремщиков. Она прижала Марию Терезию к груди и заплакала от безудержного горя. Но все же, пытаясь утешить убитого горем ребенка, она сказала:

- Вероятно, я скоро вернусь снова, моя дорогая Мария.

"Нет, гражданка, вы этого не сделаете", - грубо прервал ее один из полицейских. "Вы никогда больше не подниметесь по этой лестнице. Так что бери свою шляпку и спускайся вниз.

Солдаты схватили ее, спустили по лестнице и затолкали в карету. Была полночь. Яростно мчась по улицам, они вскоре добрались до ворот Консьержери. Революционный трибунал даже в этот час заседал. Принцессу немедленно потащили в их бар. Вместе с двадцатью четырьмя другими людьми всех возрастов и обоих полов она была приговорена к смерти. Ее преступление состояло в том, что она была сестрой короля и в глубине души враждебно относилась к Революции. Ее отвели в одну из темниц, чтобы одеть для эшафота. В этот час христианская вера торжествовала. Доверившись Богу, все ее печали исчезли, и на душе у нее воцарился совершенный мир.

Вместе со своими двадцатью двумя спутницами, все благородного происхождения, ее посадили в повозку для осужденных, связали руки за спиной и повели на гильотину. Мадам Элизабет держалась до последнего. Одного за другим ее спутников повели на эшафот перед ней, и она видела, как их головы падали в корзину. Затем она мирно положила голову на смертную подушку и отошла, одна из самых чистых и в то же время самых страдающих земных душ, в лоно своего Бога.

Молодой дофин провел восемнадцать месяцев в своей камере, терпя невыносимую жестокость со стороны своего тюремщика, негодяя по имени Симон, пока не умер 9 июня 1795 года, на десятом году жизни. Теперь из семьи Людовика XVI осталась только Мария Терезия. К тому времени она провела в тюрьме более двух лет. В конце концов, сочувствие к этому страдающему ребенку было вызвано таким большим, что Ассамблея согласилась обменять ее у австрийского правительства на четырех французских офицеров.

LOUIS XVII. В ТЮРЬМЕ.

19 декабря 1795 года ее вывели из Храма, и, поскольку были сделаны все необходимые приготовления к ее путешествию, со всеми знаками уважения и сочувствия ее проводили до границы. При австрийском дворе ее окружали любовь и восхищение. Но это убитое горем дитя получило раны, которые время никогда не смогло полностью залечить. Прошел целый год, прежде чем удалось добиться, чтобы на ее щеке появилась улыбка. Впоследствии она вышла замуж за своего двоюродного брата, герцога Ангулемского, сына Карла X. С возвращением Бурбонов она вернулась в залы своих предков в Тюильри и Версале. Но после второго изгнания бурбонов она бежала вместе с ними и умерла несколько лет назад в преклонном возрасте, пользуясь всеобщим уважением. Таково было крушение королевской семьи Франции в результате бури революции.

СНОСКИ:

[401] У Томаса Джефферсона во время его пребывания в Париже сложилось крайне неблагоприятное мнение о Марии-Антуанетте. Говоря о благих намерениях Людовика XVI, он говорит: "Но у него была королева, обладавшая абсолютной властью над его слабым умом и робкой добродетелью, а также характером, противоположным его характеру во всех отношениях. Этот ангел, ярко изображенный в "рапсодиях Берка" с некоторой фантазией, но без здравого смысла, был горд, презирал сдержанность, возмущался любыми препятствиями на пути своей воли, стремился к удовольствиям и был достаточно тверд, чтобы следовать своим желаниям или погибнуть в их крушении. Ее неумеренные азартные

игры и расточительство, как и у графа д'Артуа и других членов ее клики, были заметной причиной истощения казны, что привело в действие реформаторскую руку нации; а ее противодействие этому, ее непреклонная порочность и бесстрашие привели ее саму на гильотину, увлекли за собой короля и ввергли мир в преступления и бедствия, которые навсегда запятнают страницы современной истории. Я всегда верил, что если бы не было королевы, не было бы и революции. Король пошел бы рука об руку с мудростью своих более здравомыслящих советников, которые, руководствуясь возросшим светом эпохи, хотели только с той же скоростью продвигать принципы своего общественного устройства. Поступок, положивший конец смертному пути этих монархов, я не буду ни одобрять, ни осуждать". — *"Жизнь Джефферсона", Рэндалл, том i, стр. 533.*

Поскольку Джефферсон был близок с Лафайетом и другими выдающимися народными лидерами, очевидно, что именно таких взглядов в то время обычно придерживалась королева. Вызывает глубокое сожаление тот факт, что никакие последующие события не могут заставить кого-либо усомниться в том, что они были по существу правильными. Оплакивая горе королевы, мы не должны забывать, что она из всех сил старалась сковать цепями неограниченного деспотизма двадцать пять миллионов человек.

ГЛАВА XXXIV.

ЯКОБИНЦЫ ТОРЖЕСТВУЮТ.

Взгляды жирондистов.—Анекдот о Верньо.—Жирондисты предстали перед судом.—Самоубийство Валазе.—Муки Демулена.—Фонфрид и Дюко.—Тайная вечеря жирондистов.—Их казнь.—Герцог Орлеанский; его казнь.—Действие гильотины.—Гуманное законодательство.—Показания дезодорантов.—Анахарсис Клуцс.—Новая эра.

Теперь якобинцы решили освободиться от всех внутренних врагов, чтобы они могли более энергично противостоять всей Европе, поднявшей против них оружие. Мария-Антуанетта была казнена 16 октября. 22-го числа жирондисты, числом двадцать два человека, предстали перед Революционным трибуналом. Они были самыми выдающимися людьми из самой благородной партии, которую породила Революция. Они свергли деспотический трон, чтобы установить конституционную монархию по образцу английской.^[402] С большой щедростью они поместили Людовика XVI. на этом троне, и он притворился, что принимает Конституцию. Но с лицемерием, которого не смогли стереть даже его последующие беды, он тайно сплотил вокруг себя свою знать, или, скорее, позволил им использовать себя как своего лидера, и обратился к армиям иностранных деспотизмов с призывом свергнуть свободную конституцию и восстановить старую феодальную тиранию.

"Вопрос с тех пор не было, то ли их сыновья, как и в прошлые времена (как в г-н Берк Великолепный век рыцарства), будет отправлено навоз Европы с их телами, в войнах, предпринимаемых на кивок куртизанки—ли своих жен и дочерей, проклинал красоту достаточно, чтобы возбудить преходящие эмоции чувственности, следует заманили и оторвали от них, и развратник—каждый ли человек, который осмелился произнести по-мужски политической мысли и отстаивать свои права перед ранг должен быть заключен в удовольствие без слуха—то ли трудящихся масс, с целью поддержки похотливого блеска, от здания *парк-о-Серф*, пенсионирования отброшены любовниц, быстро обогащения коррумпированных избранное и приспешников каждый штамп, должно быть так облагаются

налогом, что свет и воздух небес едва приехал к ним не облагаемых налогом, и именно таким он должен быть потоплен поборы всякого рода подонки бедности, что короткая обрезка тому, что они вынуждены жить на пищевыми продуктами, гончие, если не сволочи, их задача-мастера будут отвергать; и, наконец, был ли, когда, в кровавом поте агония, они просили некоторые смягчения свою тяжелую судьбу, они должны быть услышаны с помощью штыков иностранных наемников; и человек—толстый мужское достоинство, нежной женственности, седой возраст, и тендер фантазии, превратили их бледные лица кверху и закричал на еду, лютой, распущенного вельможи должны презрительно позвал их едят траву."[\[403\]](#)

Оказавшись перед этой ужасной дилеммой, жирондисты почувствовали себя вынужденными отказаться от недавно созданной Конституционной монархии, которая оказалась ненадежной для их доверия, и прибегнуть к республике как к их единственному убежищу от разрушения и как к единственно возможному убежищу французской свободы. Но население Франции, невежественное и нерелигиозное, было непригодно для республики. Всеобщее избирательное право передало власть в руки миллионов недавно освобожденных рабов. Насилие и кровь положили начало их правлению. Жирондисты тщетно пытались остановить наводнение. Они были разбиты. Такова их краткая история.

Некоторое время жирондисты были заключены в темницы Консьержери. Они находились в состоянии крайней нищеты. Верньо, один из самых благородных и красноречивых людей, был их признанным лидером. Его шурин, месье Аллуо, пришел в тюрьму, чтобы принести ему немного денег. Десятилетний сын месье Аллуо сопровождал своего отца. Увидев своего дядю с ввалившимися глазами, изможденными щеками и растрепанными волосами, в разорванной одежде, ребенок пришел в ужас и, разрыдавшись, прильнул к коленям отца.

- Дитя мое, - сказал Верньо, сажая его к себе на колени, - посмотри на меня повнимательнее. Когда вы станете мужчиной, вы сможете сказать, что видели Верньо, основателя Республики, в самый славный период и в самом великолепном наряде, который он когда—либо носил, - в том, в котором он подвергался преследованиям негодяев и в котором готовился умереть за свободу".

Ребенок запомнил эти слова и повторил их пятьдесят лет спустя Ламартину. В десять часов утра 26 октября обвиняемые предстали перед Революционным трибуналом. Два отряда *генералов армии* провели их в зал для аудиенций и усадили на скамью для заключенных.[\[404\]](#) *Обвинительный акт*, составленный Робеспьером и Сен-Жюстом,[\[405\]](#) из чрезвычайно ядовитой брошюры, написанной Камилем Десмуленом, озаглавленной *История фракции Жирондистов* была долгой и горькой. Судебный процесс длился несколько дней.

30 октября в восемь часов вечера дебаты были закрыты. В полночь их вызвали в коллегия адвокатов для оглашения вердикта присяжных. Он объявил их всех виновными в государственной измене и приговорил к смерти утром. Один из осужденных, Валазе, немедленно вонзил спрятанный кинжал себе в сердце и упал замертво на пол. Камилла Демулен, услышав приговор, преисполнилась раскаяния и воскликнула:

"Это мой памфлет убил их. Какой бы я ни был негодяй, я не могу выносить вида своей работы. Я чувствую, как их кровь капает на руку, которая осудила их".

Среди осужденных были два брата, Фонфреде и Дюко, сидевшие бок о бок, обоим не исполнилось и двадцати восьми лет. Фонфреде бросился Дюко на шею и, разразившись слезами, сказал:

"Мой дорогой брат, я стал причиной твоей смерти, но мы умрем вместе".

Верньо сидел молча, с выражением гордого вызова и презрения на лице. Ласурс повторил поучительное высказывание одного из древних: "Я умираю в тот день, когда люди теряют рассудок. Вы умрете, когда они вернут это". Когда они покинули суд, чтобы вернуться в свои камеры, чтобы подготовиться к гильотине, они спонтанно исполнили гимн марсельцев:

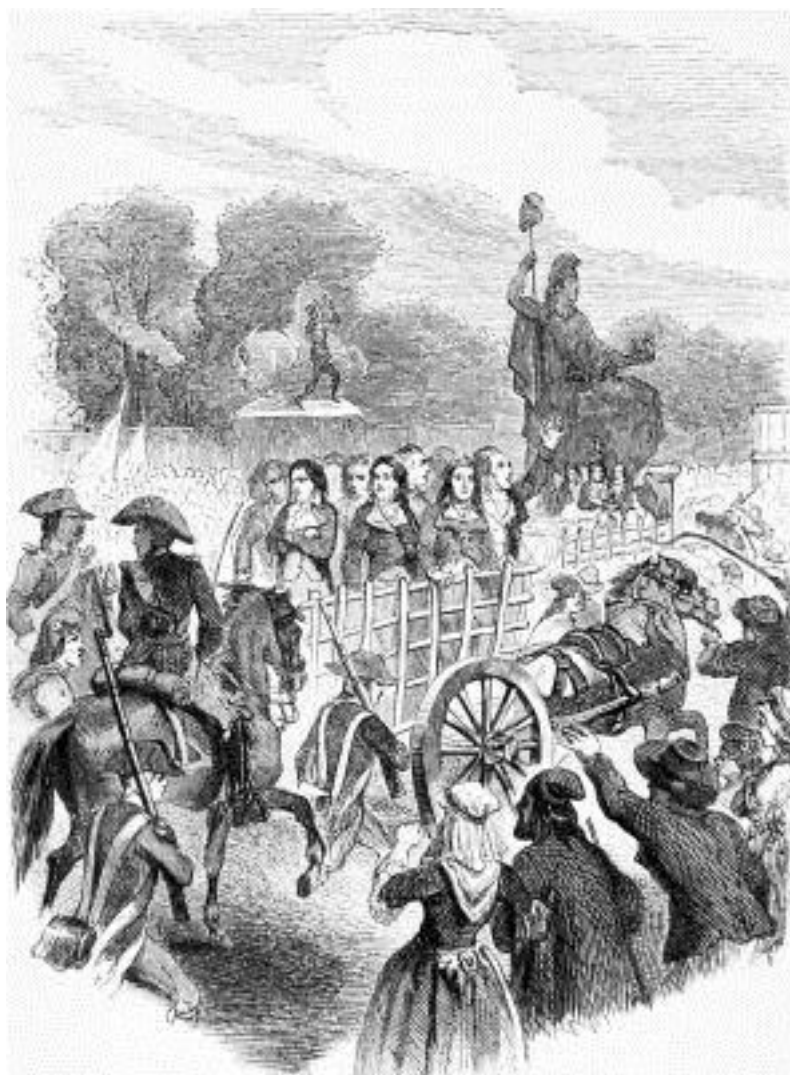
"Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé;
Contre nous de la tyrannie
L'étendard sanglant est levé."[\[406\]](#)

Когда они проходили по коридорам тюрьмы, их возвышенный рекем эхом отдавался под мрачными сводами и будил спящих в самых глубоких подземельях. Все они были помещены в одну большую комнату, разделенную на несколько камер. Безжизненное тело Валазе было спрятано в одном из углов, ибо по постановлению Трибунала его останки должны были быть перевезены в повозке приговоренных к обезглавливанию вместе с остальными. Их друзья устроили для них роскошный банкет в качестве последней трапезы. Стол был богато накрыт, украшен цветами и уставлен всеми деликатесами, какие только мог предложить Париж. Священник-конституционер, аббат Ламбер, друг жирондистов, добился допуска в тюрьму, чтобы передать им последние религиозные обряды и сопровождать их на гильотину. Ему мы обязаны записью этих последних сцен.

Председательствовал Верньо, тридцати пяти лет от роду. У него почти ничего не было, что связывало бы его с жизнью, поскольку у него не было ни отца, ни матери, ни жены, ни ребенка. В тишине и в приглушенных тонах они приступили к трапезе. Когда скатерть была убрана и остались только цветы и вино, беседа стала более оживленной. Молодые люди попытались песнями и притворным весельем обезоружить смерть от ее ужаса; но Верньо, призвав на помощь свое изумительное красноречие, попытался призвать их к более достойным мыслям.

"Друзья мои, - сказал он, скорбя больше о несчастьях Республики, чем о своих собственных, - мы убили дерево, подрезав его. Оно было слишком старым. Почва слишком слаба, чтобы взрастить корни гражданской свободы. Этот народ слишком инфантилен, чтобы применять свои законы, не причиняя вреда себе. Она вернется к своим королям, как младенцы возвращаются к своим игрушкам. Нас обманули относительно эпохи, в которой мы родились и в которой мы умрем за свободу мира".

"Что мы будем делать завтра в это время?" - спросил Дюко. Каждый отвечал в соответствии со своим скептицизмом или верой. Верньо снова заговорил. "Никогда, - говорит аббат Ламбер, - его взгляд, его жест, его речь и его голос так глубоко не воздействовали на слушателей". Его речь была о бессмертии души, которую все слушали глубоко взволнованные, и многие плакали.

ЖИРОНДИСТЫ НА ПУТИ К КАЗНИ.

Несколько лучей утреннего света теперь начали пробиваться в окна их темницы. Вскоре вошли палачи, чтобы отрезать им волосы и одеть их для эшафота. В десять часов их колонной повели к воротам тюрьмы, где их ожидали повозки, окруженные огромной толпой. Сев в повозки, они все хором запели Марсельский гимн и продолжали исполнять страстные мелодии, пока не достигли эшафота. Один за другим они взошли на эшафот. Силлери был первым, кто поднялся на вершину. Он был привязан к доске, но продолжал полным, сильным голосом подпевать песне, пока сверкающий топор не скользнул по желобку и его голова не упала в корзину. Каждый последовал его примеру. Песня становилась все тише по мере того, как падала голова за головой, пока, наконец, не остался только один голос. Это был голос Верньо. Когда он был привязан к доске, он снова начал напрягаться,

"Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé."

Топор опустил, и губы Верньо безмолвствовали в предсмертном молчании. За тридцать одну минуту палач обезглавил их всех. Их тела бросили в одну повозку и опустили в могилу рядом с могилой Людовика XVI. [\[407\]](#)

6 ноября герцог Орлеанский был выведен из тюрьмы и предстал перед Трибуналом. Поскольку против него не было выдвинуто никаких серьезных обвинений, он не ожидал

осуждения. Но он был немедленно обречен на смерть. Когда его отвели обратно в камеру, чтобы подготовить к немедленной смерти, он воскликнул в крайнем негодовании:

- негодяи! Я дал им все — положение, состояние, амбиции, честь, будущую репутацию моего дома — и это награда, которую они приберегают для меня!"

В три часа его поместили в повозку с тремя другими приговоренными к смертной казни заключенными. Принц был элегантно одет, и все взгляды были прикованы к нему. С безразличным видом он взирал на толпу, не произнося ничего, что могло бы выдать характер его мыслей. Когда палач поднимался на эшафот, он хотел снять с него сапоги.

"Нет, нет, - сказал герцог, - тебе будет легче сделать это позже".

Мгновение он пристально смотрел на острый топор и, не говоря ни слова, покорился своей участи. Мадам Ролан и другие самые прославленные друзья свободы и Франции вскоре последовали за ней на эшафот. И теперь гильотина каждый день действовала как эффективный агент правительства, подавляя всякую оппозицию и заглушая всякий ропот. Тюрьмы были переполнены, каждый день производились новые аресты, и тревога парализовала сердца всех. Четыре тысячи шестьсот человек только в парижских тюрьмах ожидали суда, который почти наверняка привел к осуждению.

Лидеры якобинцев, трепетавшие перед вооруженной Европой, чувствовали, что для Франции нет иного спасения, кроме уничтожения всех внутренних врагов. Дантон, Марат, Робеспьер не были людьми, любившими кровь и жестокость; они были решительными фанатиками, считавшими благом отрубить головы многим тысячам известных аристократов, чтобы тридцатимиллионная нация могла пользоваться народной свободой. В то время как Революционный трибунал таким образом безжалостно орудовал топором палача, Национальный конвент, где безраздельно правили эти якобинцы, принимал множество законов, которые дышали духом свободы, справедливости и гуманности. Налоги распределялись поровну пропорционально имуществу. Были предусмотрены средства для бедных и немощных. Все сироты были усыновлены Республикой. Была провозглашена свобода совести. Рабство и работорговля были с негодованием отменены. Были приняты меры по созданию общей системы народного просвещения, и были предприняты решительные усилия по объединению богатых и бедных узами симпатии и союза.[\[408\]](#)

Мы не можем дать лучшего отчета о состоянии Парижа в то время, чем словами Дезодорда, спокойного писателя-философа, который горячо поддерживал дело Революции и которого, следовательно, нельзя заподозрить в преувеличении.

"Что же тогда, - говорит он, - было этим революционным правительством? Все права, гражданские и политические, были уничтожены. Свободе печати и мысли пришел конец. Весь народ был разделен на два класса: привилегированных и запрещенных. Собственность была беспричинно осквернена, *регистрационные документы* восстановлены, жилищные убежища подверглись самой тиранической инквизиции, а правосудие лишено всякого подобия человечности и чести. Франция была покрыта тюрьмами; все проявления анархии и деспотизма боролись среди сбитого с толку множества комитетов; ужас был в каждом сердце; эшафот пожирал сотню человек каждый день и угрожал поглотить еще большее число; в каждом доме меланхолия и траур, а на каждой улице гробовая тишина.

"Война велась против самых нежных эмоций природы. Была ли слеза пролита над могилой отца, жены или друга, это было, по мнению этих якобинцев, ограблением Республики. Не радоваться, когда радовались якобинцы, было изменой свободе. Вся эта толпа низших

должностных лиц юстиции, некоторые из которых едва умели читать, играла жизнями людей без малейшего стыда или угрызений совести. Часто одному человеку предъявлялось обвинение, которое предназначалось другому. Офицер только *менял имя*, осознав свою ошибку, и часто *не* менял его. Безнаказанно совершались ошибки самого немыслимого характера. Герцогиню Бирон судили по акту, составленному против ее агента. Молодой человек *двадцати* лет был гильотинирован за то, что, как утверждалось, его *сын* поднял оружие против Франции. Шестнадцатилетний юноша по фамилии Маллет был арестован по обвинению сорокалетнего мужчины по имени Беллей.

"Сколько вам лет?" - спросил президент, глядя на него с некоторым удивлением.

"Шестнадцать", - ответил юноша.

"Что ж, за вами числится около сорока преступлений, - сказал судья. - отведите его на гильотину".

"Со всех уголков Франции жертв привозили на тележках в Консьержери. Гильотина каждый день опустошала эту тюрьму и пополняла ее из других тюрем. Эти изъятия были произведены втемную, чтобы не вызвать сочувствия общественности. Пятьдесят или шестьдесят несчастных, связанных по рукам и ногам, ведомых людьми свирепого вида, с обнаженной саблей в одной руке и зажженным факелом в другой, прошли таким образом в ночной тишине. Пассажир, случайно встретивший их, должен был подавить свою жалость. Вдох объединил бы его с траурным кортежем.

ЧИТАЮ СПИСОК ЖЕРТВ В ПАРИЖСКИХ ТЮРЬМАХ.

"Тюрьмы были обителью всех видов страданий. Отчаяние, царившее в этих склепах, было ужасающим: один покончил с собой, отравившись; другой заколол себя гвоздем; третий разбил голову о стены своей камеры; некоторые потеряли рассудок. Те, у кого хватало мужества, терпеливо ждали палача. Каждый арестный дом должен был содержать определенное количество жертв. Тюремщики ходили с этими обвинительными мандатами из камеры в камеру глубокой ночью. Заключение, просыпаясь от голоса своих церберов, предположили, что их конец настал. Таким образом, ордера на смертную казнь для тридцати человек повергли сотни в ужас.^[409]

"Сначала шерифы сажали в свои повозки по пятнадцать человек за раз, затем по тридцать, и примерно ко времени падения Робеспьера велись приготовления к казни ста пятидесяти человек одновременно. Для отвода крови был сооружен водопровод. В этих партиях, как их называли, часто объединялись люди самых противоположных систем и привычек. Иногда за один день уничтожались целые поколения. Мальзерб в возрасте восьмидесяти лет погиб вместе со своей сестрой, дочерью, зятем, внуком и внучкой. Сорок молодых женщин были отправлены на гильотину за то, что танцевали на балу, который король Пруссии давал в Вердене. Двадцать две крестьянки, чьи мужья были казнены в Вандее, были обезглавлены".

Таково было рабство, от которого, наконец, империя Наполеона спасла Францию. Ничто иное, как сила его могучей руки, не могло привести к такому успеху.

Посреди таких сцен нет ничего странного в том, что пришлось отказаться от всякого уважения к Евангелию Иисуса Христа. Парижские якобинцы заполнили Конвент, требуя отречения от всех форм религии и всех способов богослужения. Они управляли Конвентом с деспотической властью. Парижская коммуна, наделенная полномочиями местной полиции города, приняла законы, запрещающие духовенству совершать религиозные обряды вне церквей. Никому, кроме друзей и родственников, не разрешалось провожать останки умерших в могилу. Было приказано стереть с кладбищ все религиозные символы и заменить их статуей Спящего. Следующий бред Анахарсиса Клутса, богатого прусского барона, который называл себя оратором от всего человечества и который был одним из самых заметных якобинских агитаторов, убедительно демонстрирует дух времени:[\[410\]](#)

"Париж, столица земного шара, является подходящим местом для оратора человечества. Я не покидал Париж с 1789 года. Именно тогда я удвоил свое рвение против мнимых властителей земли и небес. Я смело проповедовал, что нет другого бога, кроме Природы, нет другого властелина, кроме человеческой расы—народа-бога. Народ самодостаточен. Природа не преклоняет колен перед самой собой. Религия - единственное препятствие на пути к всеобщему счастью. Давно пора ее уничтожить".

Популярное течение в Париже теперь очень решительно настроено против любой религии. Были громко провозглашены принципы неверия и атеизма. Неграмотное население, чья вера была всего лишь суеверием, было легко унесено течением. Конвент оказал слабое сопротивление, но вскоре поддался общему порыву. В различных районах Парижа проходили собрания населения, отвергавшего всякую религию. Фанатизм распространился, как лесной пожар, на отдаленные департаменты. У церквей забрали крестильные таблички и другие сокровища, а награбленное отправили в Конвент. Процессии проходили по улицам, насмешливо распевая "Аллилуйя" и оскверняя святотатственными карикатурами все религиозные церемонии. Таинство Вечери Господней было совершено над ослом.

Конвент назначил комитет из двенадцати человек, названный Комитетом общественного спасения, и наделил их диктаторской властью. Теперь вся революционная власть была сосредоточена в их руках. Они назначали такие подкомитеты, какие им заблагорассудится, и управляли Францией с потрясающей энергией. Революционный трибунал был всего лишь одним из их комитетов. Во всех департаментах они создали свои агентства. Сам Конвент оказался бессильным перед этим ужасающим деспотизмом. Эта диктатура энергично поддерживалась парижской чернью, а городское правительство Парижа состояло из самых яростных якобинцев, которые были в совершенном братстве с Комитетом общественного спасения. Сен-Жюст, предложивший в Конвенте установление этой диктатуры, сказал:

"Вы больше не должны проявлять снисхождения к врагам нового порядка вещей. Свобода должна восторжествовать любой ценой. В нынешних условиях Республики Конституция не может быть установлена; это гарантировало бы безнаказанность посягательствам на нашу свободу, потому что в ней было бы недостаточно насилия, необходимого для их пресечения".

Этот Комитет, внушая благоговейный страх перед Конвенцией, препятствовал наступлению новой эры. Чтобы отменить субботу, они разделили год на двенадцать месяцев по тридцать дней в каждом, каждый месяц должен был состоять из трех недель по десять дней в каждой. Десятый день был посвящен праздникам. Пять дополнительных дней были перенесены в конец года и были посвящены играм и ликованию. Таким образом, были приняты энергичные меры по полному уничтожению всех следов субботы. Тысячи людей во Франции смотрели на эти меры с невыразимым отвращением, но они были подавлены силами анархии. С тревогой

они ждали избавителя. В Наполеоне они нашли того, кто был в равной степени врагом деспотизма бурбонов и деспотизма толпы.

СНОСКИ:

[402] Лафайет был выдающимся членом этой партии. Даже Джефферсон советовал сделать английскую конституцию образцом для Франции. Он присутствовал на открытии Ассамблеи нотаблей и вскоре после этого написал Лафайету: "Держа перед глазами хорошую модель соседней страны, вы можете шаг за шагом продвигаться к хорошей Конституции. Хотя эта модель не идеальна, но, поскольку она объединила бы больше избирательных прав, чем любая новая, которую можно было бы предложить, лучше сделать это целью". — *Жизнь Томаса Джефферсона, Генри С. Рэндалл*, том i, стр. 406.

[403] Генри С. Рэндалл, "Жизнь Джефферсона", том i, стр. 529.

[404] "Никогда с тех пор, как у рыцарей-тамплиеров была партия, она не казалась более многочисленной, более прославленной или более красноречивой. Слава обвиняемых, их долгое обладание властью, нынешняя опасность и та жажда мести, которая зарождается в сердцах людей при зрелище великих превратностей судьбы, собрали толпу на территории Революционного трибунала. Сильные вооруженные силы окружили ворота Консьержери и Дворца правосудия. Пушки, мундиры, часовые, *жандармерия*, обнаженные сабли — все это предвещало один из тех политических кризисов, при которых суд - это битва, а правосудие - казнь". — *История. Жир., Ламартин*, том ii., стр. 169.

[405] Таково утверждение Ламартина. Тьер, однако, утверждает, что акт был составлен Амаром, адвокатом Гренобля.

[406]

"Придите, дети вашей страны, придите,
День славы восходит высоко,
И тирания широко развернула
Свое окровавленное знамя в небе".

[407] Эдмунд Берк самым непростительным образом оклеветал этих благородных людей. Даже проф. Смит, который придерживается его мнения, говорит: "Берк был человеком, который из-за пылкости своего темперамента и неистовства своего красноречия, можно сказать, почти погубил каждое дело и каждую партию, которые он поддерживал. Нет такого ума, каким бы великим он ни был, который не преклонялся бы перед превосходством его гения; и все же нет такого ума, каким бы низшим он ни был, который не чувствовал бы себя время от времени вправе смотреть на него свысока из-за тотальной нехватки, которую он иногда проявляет, всякого спокойствия и искренности, и даже, в определенные моменты, всякой разумности и уместности мыслей". — *Лекции о Французской революции, Ум. Смит*, том iii, стр. 4.

[408] История жирондистов, Ламартин, том iii., стр. 291.

[409] "1 сентября 1793 года в тюрьмах Парижа находилось 597 человек; 1 октября 2400; 1 ноября 3203; 1 декабря 4130; а через шесть месяцев — 11 400". — *История. Фил. de la Rev. de France, par Ant. Фантен Дезодордс*.

[410] Клутс объявил себя "личным врагом Иисуса Христа". Франция приняла атеистические принципы Клутса и отправила его на гильотину. Смотрите статью Клутса, Enc. Am.

ГЛАВА XXXV.

ПАДЕНИЕ ГЕБЕРТИСТОВ И ДАНТОНИСТОВ.

Продолжение преследований жирондистов.—Робеспьер выступает против атеистов.—Дантон, Субербийель и Камиль Демулен.—*Старый Кордельер*.—Казнены эбертисты.—Дантон подвергся нападению.—Интервью Дантона с Робеспьером.—Дантон предупредил об опасности.—Камиль Демулен и другие арестованы.—Люсиль, жена Демулена.—Письма.—Казнь дантонистов.—Арест и казнь Люсиль.—Тулон, возвращенный Бонапартом.

Теперь лидеры жирондистов были уничтожены, а остатки партии подверглись преследованию с беспощадной жестокостью. 11 ноября Байи, бывшего мэра, друга Лафайета, филантропа и ученого, потащили на эшафот. День был холодный и дождливый. Его преступлением было то, что он развернул красный флаг на Марсовом поле, чтобы подавить бунт там 17 июля 1791 года. Он был приговорен к казни на поле, которое было театром предполагаемого преступления. Позади повозки, в которой его везли, прикрепили флаг, который он развернул. За ним следовала толпа, осыпая его самыми жестокими проклятиями. Когда он взошел на эшафот, кто-то крикнул, что поле федерации не должно быть осквернено его кровью. Тотчас же толпа бросилась на гильотину, снесла ее и снова воздвигла на навозной куче на берегу Сены. Они стащили Байи с тележки и заставили его совершить пеший обход Марсова поля. С непокрытой головой, со связанными за спиной руками, без всякой одежды, кроме рубашки, мокрый снег склеил его волосы и замерз на груди. Они забрасывали его грязью, плевали в лицо и били флагом, который опускали в канаву. Старик упал в изнеможении. Они снова подняли его и подстрекали идти дальше. Кровь, смешанная с грязью, текла по его лицу, лишая его человеческого облика. Насмешливые крики приветствовали эти ужасы. Ледяной ветер и усталость вызвали произвольную дрожь. Кто-то крикнул: "Ты дрожишь, Байи". "Да, мой друг, - ответил героический старик, - но это от холода".[411] После пяти часов такого мученичества топор освободил его от страданий.

Петион и Бузо много дней и ночей блуждали по лесу. Наконец были найдены их останки, наполовину обглоданные волками. Погибли ли они от холода и голода или искали облегчения от своих страданий в добровольной смерти, неизвестно.

Знаменитый Кондорсе, одинаково известный своим философским гением и красноречивой защитой прав народа, был объявлен вне закона. В течение нескольких месяцев он прятался в доме мадам Верней, благородной женщины, которая рисковала собственной жизнью, чтобы спасти жизнь своего друга. Наконец Кондорсе, узнав из газет, что всем, кто укрывает объявленного вне закона человека, грозит смертная казнь, решил, несмотря ни на что, покинуть кров своей благодетельницы. Некоторое время он бродил по полям переодетый, пока его не арестовали и не бросили в тюрьму. На следующее утро, 28 марта 1794 года, он был найден мертвым на полу своей комнаты, проглотив яд, который в течение некоторого времени носил с собой.

"В ту или иную эпоху было бы трудно найти двух людей более активных или, по сути, восторженно доброжелательных, чем Кондорсе и Лафайет. Кроме того, Кондорсе был одним

из самых глубоких мыслителей своего времени, и его будут помнить до тех пор, пока среди нас почитают гения. Лафайет, без сомнения, уступал Кондорсе в способностях, но он был близким другом Вашингтона, поведению которого он следовал по образцу своего собственного и на стороне которого сражался за свободы Америки; его честность была и остается незапятнанной, а в его характере были рыцарские черты, которыми Берк в лучшие свои дни первым восхитился бы. Однако оба были уроженцами этой ненавистой страны, свобод которой они тщетно пытались добиться. По этому поводу Берк объявил Кондорсе виновным в "нечестивой софистике", "фанатичным атеистом и яростным республиканцем-демократом" и способным на "как самые низкие, так и самые высокие и решительные злодейства". Что касается Лафайета, то, когда была предпринята попытка смягчить жестокое обращение, которому он подвергался со стороны прусского правительства, Берк не только выступил против предложения, внесенного с этой целью в Палату общин, но и воспользовался случаем, чтобы грубо оскорбить несчастного пленника, который в то время томился в темнице. Он был настолько мертв в этом вопросе, даже для обычных инстинктов нашей природы, что на своем месте в парламенте не мог найти лучшего способа отзываться об этом обиженном и благородном человеке, чем назвать его негодяем. "Я бы не стал, - говорит Берк, - *унижать*^[412] мою человечность, поддерживая заявку от имени столь ужасного негодяя".^[413]

СМЕРТЬ КОНДОРСЕ.

Мадам Ролан была взята на гильотину, проявив героизм, равного которому мир еще не видел. Ее муж, страдающий, неспособный пережить ее, преследуемый теми, кто жаждал его крови, предвосхитил гильотину, вонзив стилет в собственное сердце.

Дантон и Робеспьер оба были против таких жестоких казней, и особенно против установления во Франции той системы атеизма, которая низводила человека всего лишь до мелкого пресмыкающегося. Когда Робеспьеру сообщили о зверствах, сопровождавших казнь Байи, от стыда и горя он заперся в своей комнате, сказав с пророческим предвидением своему хозяину Дюпле: "Таким образом, они предадут мученичеству нас самих".

Эберт^[414] и атеисты теперь доминировали в Парижской коммуне, и Дантон и Робеспьер организовали партию, чтобы сокрушить их. Вскоре Эбер увидел признаки этого движения и задрожал. В Якобинском клубе он пожаловался, что Робеспьер и Дантон замышляют против него заговор. Робеспьер присутствовал при этом событии и со своей обычной дерзостью немедленно взойшел на трибуну и обрушил свои проклятия на головы этих обгаренных кровью фанатиков.

"Есть люди, - сказал он, - которые под предлогом уничтожения суеверий хотели бы превратить сам атеизм в своего рода религию. Каждый человек имеет право думать так, как ему заблагорассудится; тот, кто хочет сделать из этого преступление, безумец. Но законодатель, который принял бы систему атеизма, был бы в сто раз более безумным. Национальное собрание не одобряет такую систему. Это политический орган, а не создатель вероучений. *Атеизм аристократичен.* Идея великого Существа, которое наблюдает за угнетенной невинностью и наказывает торжествующую вину, довольно популярна. Люди, несчастные, аплодируют мне. *Если бы Бога не существовало, человеку следовало бы изобрести его.*"

В один из последних вечеров января Дантон, Субербийель, один из членов Революционного трибунала, и Камиль Демулен вместе вышли из Дворца правосудия. Стояла холодная мрачная зимняя ночь. Это был кровавый день. Пятнадцать голов пали на гильотине, и двадцать семь были приговорены к смерти завтра. Все эти трое были потрясены развитием событий и некоторое время шли молча. Добравшись до Пон-Неф, Дантон внезапно повернулся к Субербьею и сказал:

"Знаете ли вы, что при тех темпах, которыми мы сейчас движемся, скоро ни для кого не будет безопасности? Лучших патриотов путают с предателями. Генералы, пролившие свою кровь за Республику, погибают на эшафоте. Я устал жить. Посмотрите туда: кажется, что сама река течет от крови".

"Верно, - ответил Субербийель, - небо красное, и за этими облаками льется много кровавых потоков. Те, кто должны были быть судьями, стали всего лишь палачами. Когда я отказываюсь подставлять невинную голову под их нож, меня обвиняют в сочувствии предателям. Что я могу поделать? Я всего лишь малоизвестный патриот. Ах, если бы я был Дантоном!"

- Все это, - ответил Дантон, - вызывает у меня ужас. Но молчи. Дантон спит; он проснется в нужный момент. Я человек революции, но не человек резни. Но вы, - добавил он, обращаясь к Камилле Демулен, - почему вы храните молчание?"

"Я устал от молчания", - последовал ответ Демулена. "Моя рука тяжела, и иногда у меня возникает желание превратить перо в кинжал и заколоть этих негодяев. Пусть они остерегаются. Мои чернила более несмываемые, чем их кровь. Это пятнает ради бессмертия".

"Браво!" - воскликнул Дантон. "Приступайте завтра. Вы начали Революцию; именно вы будете теперь самым решительным образом настаивать на ней. Будь уверен, эта рука поможет тебе. Ты знаешь, сильная она или нет".

Трое друзей расстались у двери Дантона. Судьба несчастного Эбера и его компании теперь была предрешена. Робеспьер, Дантон и Камиль Демулен были против него. Они могли оказывать непреодолимое влияние. На следующий день Камиль Демулен начал серию статей под названием "*Вье Кордельер*". Первым номером он достался Дантону, а затем Робеспьеру. Они оба одобрили это, и война против Эбера и его партии была начата. Конфликт был коротким и отчаянным; каждая сторона знала, что гильотина - это судьба побежденных.^[415] Робеспьер и Дантон были победителями. Хеберт, Клутс и их друзья, числом девятнадцать человек, были арестованы и приговорены к смертной казни. 24 марта 1794 года пять повозок, груженных эбертистами, проследовали от Консьержери к гильотине. Клутс умер твердой смертью. Эбер пребывал в пароксизме ужаса, который вызвал презрение и насмешки толпы.

Смелые выпады против господства террора в *Старом Кордельере*, написанные Демуленом, начали тревожить Комитет общественной безопасности. Дантон и Робеспьер были замешаны в этом деле. Их обвинили в том, что они выступали за умеренные меры и против тех кровавых жестокостей, которые считались необходимыми для подавления аристократии. Дантон и Демулен выступали за возвращение к милосердию. Робеспьер, хотя и выступал против жестокости и ненужной резни, сурово относился к смерти как к обреченности каждого, кто не горячо сотрудничал с Революцией. Чтобы спастись от подозрений, он стал обвинителем двух своих друзей. И теперь пришла очередь Дантона и Демулена задрожать. В течение пяти лет Дантон и Робеспьер вместе боролись за свержение королевской власти и основание Республики. Но Дантону была противна резня, и он вышел из Комитета общественного спасения.

"Дантон, знаете ли вы, - сказал ему однажды Эглантайн, - в чем вас обвиняют? Они говорят, что вы запустили машину Революции только для того, чтобы обогатиться, в то время как Робеспьер остался бедным среди монархических сокровищ, брошенных к его ногам".

"Что ж, - ответил Дантон, - знаете, что это доказывает? я люблю золото, а Робеспьер любит кровь. Робеспьер боится денег, чтобы они не запятнали его рук".

Робеспьер искренне желал, чтобы Дантон разделял с ним всю строгость революционного правления, ибо он уважал власть этого смелого, неукротимого человека. Они познакомились на званом обеде через общего друга, когда дело дошло до кризиса. Они вступили в спор, Дантон осуждал и поносил действия Революционного трибунала, а Робеспьер защищал их, пока они в гневе не разошлись. Друзья Дантона убеждали его либо спастись бегством, либо воспользоваться своей популярностью и броситься на армию.

"Моя жизнь не стоит таких хлопот", - сказал Дантон. "Кроме того, я устал от крови. Я предпочел бы быть гильотинированным, чем быть гильотинщиком. Они не посмеют напасть на меня. Я сильнее их.

Ночью было созвано секретное заседание Комитета общественного спасения, на котором Дантона обвинили в "измене милосердию". Младший привратник услышал обвинение и побежал в дом Дантона, чтобы предупредить его об опасности и предложить ему убежище.

Молодая и красивая жена Дантона со слезами на глазах бросилась к его ногам и умоляла его ради нее и ради их детей принять предложенный приют. Дантон гордо отказался, сказав:

"Они будут долго раздумывать, прежде чем решатся ударить такого человека, как я. Пока они будут раздумывать, я застигну их врасплох".

Он отпустил привратника и отправился спать. В шесть часов *генерал армии* вошел в его комнату с приказом о его аресте.

- Значит, они осмеливаются, - сказал Дантон, сминая бумагу в руке. "Они смелее, чем я думал".

Он оделся, судорожно обнял жену, и его отвели в тюрьму. В тот же час Камиль Демулен и четырнадцать других, предполагаемых сторонников Дантона, также были арестованы. Это было 31 марта. Дантона доставили в Люксембург. Здесь он нашел Демулена и других своих друзей уже заключенными. Когда Дантон вошел в мрачные врата тюрьмы, он сказал:

"Наконец-то я понял, что при революциях верховная власть в конечном счете остается у самых заброшенных".^[416]

Вокруг него немедленно собралась толпа *задержанных*, пораженных той причудой судьбы, которая бросила самого выдающегося лидера якобинцев в темницу обвиняемого. Дантон был унижен и раздосадован этим взглядом и попытался скрыть свое смущение под маской насмешки.

- Да, - сказал он, поднимая голову и заставляя себя громко расхохотаться, - это Дантон. Посмотрите на него хорошенько. Трюк хорошо сыгран. Мы должны знать, как восхвалять наших врагов, когда они ведут себя искусно. Я бы никогда не поверил, что Робеспьер мог так манипулировать мной". Затем, смягчаясь и становясь более искренним, он сказал: "Джентльмены, я надеялся, что смогу спасти вас всех из этого места; но вот я среди вас, и никто не может сказать, чем это закончится".

Обвиняемые дантониисты— обвиняемые в пропаганде умеренных мер по отношению к врагам Революции, вскоре были заключены в отдельные камеры. Весть об аресте людей, обладающих такой признанной властью и пользовавшихся такой популярностью как патриоты, посеяла тревогу и уныние по Парижу. Самые близкие друзья арестованных не осмеливались отстаивать свою правоту; это только поставило бы под угрозу их собственные жизни.

Даже в Собрании эти важные аресты вызвали большое волнение. Участники группы собирались группами и разговаривали друг с другом шепотом, спрашивая, что все это значит и когда это должно закончиться. Наконец Легенд отважился взойти на трибуну и сказал:

"Граждане, этой ночью были арестованы четыре члена этого Собрания. Один из них - Дантон. Остальных я не знаю. Граждане, я заявляю, что верю, что Дантон так же чист, как и я сам; и все же он в темнице. Они, без сомнения, опасались, что его ответы опровергнут выдвинутые против него обвинения. Поэтому я предлагаю, чтобы, прежде чем выслушивать какой-либо отчет, вы послали за заключенными и выслушали их".

Робеспьер немедленно поднялся на трибуну и ответил:

"По необычному возбуждению, охватившему это Собрание, по сенсации, которую произвели слова оратора, которые вы только что услышали, очевидно, что перед нами стоит вопрос, представляющий большой интерес, — вопрос о том, следует ли отдать предпочтение двум или трем лицам перед страной. Сегодня вопрос заключается в том, должны ли интересы определенных амбициозных лицемеров превалировать над интересами французской нации. Легенд, похоже, не знает имен тех, кто был арестован. Весь Конвент знает о них. Его друг Лакруа среди заключенных. Почему он притворяется, что не знает об этом? Потому что он знает, что не может защищать Лакруа без стыда. Он говорил о Дантоне, несомненно, потому, что думает, что это имя связано с привилегией. Нет! у нас не будет привилегий. Нет! у нас не будет кумиров. Сегодня мы увидим, разобьет ли Конвент ложного идола, давно истлевшего, или же своим падением он сокрушит Конвент и французский народ.

"Я говорю, тот, кто сейчас дрожит, виновен, ибо невинность никогда не боится общественного надзора. Меня тоже пытались встревожить. Меня пытались заставить поверить, что опасность, угрожающая Дантону, может дойти и до меня. Мне написали. Друзья Дантона присылали мне свои письма, осаждали меня своими назойливыми просьбами. Они подумали, что воспоминание о бывшем знакомом, что прошлая вера в ложные добродетели могут заставить меня ослабить свое рвение и страсть к свободе. Что ж, тогда я заявляю, что ни один из этих мотивов не произвел на мою душу ни малейшего впечатления; моя жизнь посвящена моей стране, мое сердце свободно от страха.

"Я видел в адресованной мне лести, в заботе тех, кто окружал Дантона, только признаки того ужаса, который они испытывали еще до того, как им угрожали. И я тоже был другом Петиона; как только он был разоблачен, я бросил его. Я также был знаком с Роланом; он стал предателем, и я донес на него. Дантон занял бы их место, а в моих глазах он всего лишь враг своей страны".

Ле Жандр, потрясенный, немедленно отшатнулся и, дрожа за свою жизнь, как побитый спаниель, присел на корточки перед ужасным диктатором. В этот момент вошел Сен-Жюст и зачитал длинный отчет против арестованных членов церкви. Суть туманных и бессвязных обвинений заключалась в том, что они были подкуплены аристократами и являлись врагами своей страны. Собрание выслушало его безропотно, а затем единогласно и даже с аплодисментами проголосовало за импичмент Дантона и его друзей. "Каждый стремился выиграть время с тиранией и отдавал чужие головы, чтобы спасти свою собственную".^[417]

Дантонисты были людьми выдающимися, и теперь они вдоволь испили из той горькой чаши, которую подносили столь многим устам. Камиль Демулен, молодой, блестящий, полный энтузиазма, был одним из самых очаровательных мужчин. Свою молодую и красивую жену Люсиль он любил до обожания. У них был маленький ребенок, Гораций, их гордость и радость. Камилл спал в объятиях своей жены, когда его разбудил стук прикладом мушкета о порог его дома. Когда солдаты вручили приказ о его аресте, он в отчаянии воскликнул: "Значит, это награда первому голосу Революции".

Обняв в последний раз свою жену и запечатлев поцелуй на щеке своего ребенка, спящего в колыбели, он был поспешно отправлен в тюрьму. Обезумевшая от горя Люсиль бегала по улицам Парижа, умоляя Робеспьера и других заступиться за ее мужа, но ее причитания были так же бесполезны, как завывающий ветер. В следующем нежном письме Камиль написал своей жене:

"Моя тюрьма напоминает мне сад, где я провел восемь лет, созерцая тебя. Один взгляд на Люксембургский сад вызывает у меня множество воспоминаний о нашей любви. Я одинок, но никогда еще я не был в мыслях, воображении, не чувствовал себя ближе к тебе, твоей матери и моему маленькому Горацию. Я собираюсь провести все свое время в тюрьме за письмами к тебе. Я бросаюсь к твоим коленям; я протягиваю руки, чтобы обнять тебя; я больше не нахожу тебя. Пришли мне стакан, на котором написаны наши имена; книгу о бессмертии души, которую я купил несколько дней назад. Мне нужно убедить себя, что есть Бог более справедливый, чем человек, и что я не могу не увидеть вас снова. Не печалься слишком сильно о моих мыслях, дорогая; я еще не отчаиваюсь в мужчинах. Да! мои возлюбленные, мы снова увидимся в Люксембургском саду. Adieu, Lucile! Прощай, Гораций! Я не могу обнять тебя; но в слезах, которые я проливаю, кажется, что я снова прижимаю тебя к своей груди.

Твоя Камилла".

Обезумевшая от горя Люсиль предпринимала самые отчаянные попытки добраться до Робеспьера, но получила суровый отпор. Затем она с такой мольбой написала ему:

"Можете ли вы обвинить нас в государственной измене, вы, кто так много выиграл от усилий, которые мы приложили для нашей страны? Камилл видел зарождение вашей гордости, путь, по которому вы хотели идти, но он вспомнил о вашей древней дружбе и уклонился от мысли обвинять друга, компаньона в своих бедах. Та рука, которая пожимала вашу, слишком рано оставила перо, так как оно больше не могло проследить за вашей похвалой; а вы, вы посылаете его на смерть. Но, Робеспьер, действительно ли вы осуществите смертоносные замыслы, на которые, несомненно, вдохновили вас окружающие вас мерзкие души? Неужели вы забыли те узы, о которых Камилла никогда не вспоминает без грусти? ты, кто молился о нашем союзе, кто соединил наши руки в своих, кто улыбался моему сыну, чьи детские ручки так часто ласкали тебя? Можете ли вы, в таком случае, отвергнуть мои молитвы, презреть мои слезы и попрасть правосудие? Ибо вы сами знаете, мы не заслуживаем той участи, которую они готовят нам, и вы можете предотвратить это. Если это ударит по нам, именно вы отдадите приказ. Но в чем же тогда преступление моей Камиллы?

У меня нет его пера, чтобы защитить его. Но голос добрых граждан и ваше сердце, если оно разумно, вступятся за меня. Верите ли вы, что люди проникнутся к вам доверием, увидев, как вы приносите в жертву своих лучших друзей? Вы думаете, они благословят того, кто не обращает внимания ни на слезы вдовы, ни на смерть сироты? Бедный Камилл! как далек он был в простоте душевной от того, чтобы подозревать, какая участь ожидает его сегодня! Он думал поработать для вашей славы, указав вам на то, чего еще не хватало нашей республике. Его, без сомнения, оклеветали в ваш адрес, Робеспьер, поскольку вы не можете поверить в его виновность. Учтите, что он никогда не требовал чьей—либо смерти, что он никогда не желал причинить вред вашей силой, и что вы были его старейшим и лучшим другом. И вы собираетесь убить нас обоих! Потому что ударить его — значит убить меня...

Незаконченное письмо она доверила своей матери, но оно так и не попало в руки Робеспьера. Вскоре заключенных отвели в Консьержери и бросили в ту же темницу, в которую бросили жирондистов. День суда был назначен без промедления. Это было 3 апреля. Когда четырнадцать заключенных предстали перед Трибуналом, председатель Германн официальным тоном осведомился у Дантона о его имени, возрасте и месте жительства.

"Мое имя, - последовал гордый и вызывающий ответ, - Дантон, достаточно известный в Революции. Мне тридцать пять лет. Моя резиденция скоро опустеет, и мое имя войдет в Пантеон истории".

На тот же вопрос Камилла Демулен ответила: "Мне тридцать три, роковой возраст для революционеров, возраст *санкюлота* Иисуса, когда он умер".

Процесс длился три дня. Защищаясь, Дантон бился, как лев в сетях. Огромная толпа заполнила суд и прилегающие улицы. Окна были открыты, и раскаты его голоса часто доносились даже до другого берега Сены. Люди на улицах, на которых он, несомненно, намеревался повлиять, подхватывали его слова и передавали их друг другу. Некоторые признаки народного сочувствия встревожили Трибунал, и было принято решение о том, что обвиняемые не пользуются уважением суда и больше не должны заслушиваться в свою защиту. Они были немедленно приговорены к смерти.

Их снова отвели в темницу, чтобы подготовить к гильотине. Стойкость Камиля Демулена была ослаблена силой его семейных привязанностей. "О, моя дорогая Люсиль! О, мой Гораций! что с ними будет!" - беспрестанно восклицал он, и слезы заливали его глаза. Схватив ручку, он поспешно написал Люсиль несколько последних слов, которые остаются одним из самых трогательных памятников скорби.

ЗАЩИТА ДАНТОНА.

"Я мечтал, - писал он, - о республике, которую обожал бы весь мир. Я не мог поверить, что люди настолько жестоки и несправедливы. Я не скрываю, что умираю жертвой своей дружбы к Дантону. Я благодарю своих убийц за то, что они позволили мне умереть вместе с Филиппо. Прости, мой дорогой друг, мою настоящую жизнь, которую я потерял с того момента, как они разлучили нас. Я занимаюсь своей памятью. Я бы предпочел заставить тебя забыть об этом, моя Люсиль. Я заклинаю тебя не взывать ко мне своими криками. Они разорвали бы мое сердце в глубинах могилы. Живи ради нашего ребенка; поговори с ним обо мне; ты можешь сказать ему то, чего он не может понять, что я должна была сильно любить его. Несмотря на мою казнь, я верю, что Бог есть. Моя кровь смывает мои грехи, слабость моей человечности; и все, чем я обладаю хорошего, мои добродетели и мою любовь к свободе, Бог вознаградит за это. Когда-нибудь я увижу тебя снова.

"О моя Люсиль, каким бы чувствительным я ни был, смерть, которая избавляет меня от зрелища стольких преступлений, неужели это такое большое несчастье? Прощай, моя жизнь, моя душа, мое божество на земле! Adieu, Lucile! моя Люсиль! моя дорогая Люсиль! Прощай, Гораций! Аннет! Adèle! Прощай, отец мой! Я чувствую, как берег жизни проносится передо мной. Я все еще вижу Люсиль! Я вижу ее, мою самую любимую! моя Люсиль! Мои связанные руки обнимают тебя, и моя отрубленная голова все еще смотрит на тебя своими умирающими глазами".

Когда Дантон снова вошел в мрачный коридор тюрьмы, он сказал: "Всего год назад я сыграл важную роль в создании Революционного трибунала. Я прошу прощения у Бога и людей. Я задумал это как меру гуманности, чтобы предотвратить возобновление сентябрьских массовых убийств и чтобы ни один человек не пострадал без суда. Я не имел в виду, что это должно стать бичом человечества".

Затем, сжав ладонями свой внушительный лоб, он сказал: "Они думают, что смогут обойтись без меня. Они обманывают самих себя. Я был государственным деятелем Европы. Они не подозревают, какую пустоту оставляет эта голова".

"Что касается меня, - продолжил он в циничных выражениях, - я хорошо наслаждался моментами своего существования. Я наделал много шума на земле. Я хорошо вкусил жизнь. Пойдем спать, - и он сделал движение головой и руками, как будто собирался положить голову на подушку.

После короткой паузы он продолжил: "Мы принесены в жертву амбициям горстки подлых разбойников. Но они недолго будут наслаждаться плодами своего злодейства. Я тащу за собой Робеспьера. Робеспьер последует за мной в могилу". В четыре часа палачи вошли в Консьержери, чтобы связать им руки и отрезать волосы.

"Это будет очень забавно, - сказал Дантон, - для дураков, которые будут глазеть на нас на улицах, но в глазах потомства мы будем выглядеть иначе".

Когда палачи схватили Камиля Демулена, он оказал самое отчаянное сопротивление. Но его быстро бросили на пол и связали, в то время как тюрьма оглашалась его воплями и проклятиями. Все четырнадцать дантонистов были помещены в одну повозку. Демулен, казалось, обезумел от ужаса. Он умоляюще смотрел на толпу и беспрестанно кричал:

"Спасите меня, великодушные люди! Я Камилла Демулен. Именно я призвала вас к оружию 14 июля. Это я вручил тебе национальную кокарду.

Он так корчился в конвульсиях агонии, что одежда у него чуть не сорвалась со спины. Дантон стоял в угрюмом молчании, время от времени пытаясь унять буйство Демулена.

Эро де Сешель первым взошел на эшафот. Выходя из повозки, он попытался обнять Дантона. Вмешался жестокий палач.

- Негодяй, - сказал Дантон, - ты, по крайней мере, не помешаешь нам поцеловаться головами в корзине.

Следующим шел Демулен. В руке он держал прядь волос своей жены. Мгновение он смотрел на клинок, обгаренный кровью своего друга, а затем сказал, обращаясь к толпе:

"Посмотри конец первого апостола свободы. Монстры, которые убивают меня, не переживут меня надолго".

Топор упал, и его голова упала в корзину. Дантон гордо и невозмутимо наблюдал, как одна за другой упали головы его тринадцати товарищей. Он последним взошел на эшафот. На мгновение он смягчился, подумав о своей жене.

"О, моя жена, моя дорогая жена, - сказал он, - неужели я никогда больше не увижу тебя?" Затем, одернув себя, он сказал: "Но, Дантон, никаких слабостей". Повернувшись к палачу, он гордо заметил: "Вы покажете мою голову народу; это будет достойно того, чтобы ее показать".

Его голова упала. Палач, схватив его за волосы, обошел помост, держа его на виду у толпы. Восторженные люди разразились бурными аплодисментами. "Так, - говорит Минье, - погибли последние защитники человечности и умеренности, последние, кто стремился содействовать миру между победителями Революции и состраданию к побежденным. Долгое время после них никто не поднимал голоса против диктатуры террора, и от одного конца Франции до другого она наносила молчаливые и удвоенные удары. Жирондисты стремились предотвратить это насильственное правление, дантонисты - остановить его. Все погибли, и чем больше жертв предстояло нанести завоевателям, тем больше врагов возникало вокруг них".

Робеспьеристы, расправившись таким образом с лидерами умеренной партии, добились своей победы, сокрушив всех сторонников умеренности, от которых они опасались малейшей опасности. День за днем гильотина обагралась кровью. Не пощадили даже преданную жену Камиллы Демулен, которой было всего двадцать три года. Ее преступление заключалось в том, что она любила своего мужа и могла вызвать сочувствие к его судьбе. Блестящую грацией и красотой, ее потащили перед Революционным трибуналом. Маленький Гораций остался сиротой и плакал в своей колыбели. Люсиль проявила героизм на эшафоте, непревзойденный героизмом Шарлотты Корде или мадам Ролан. Когда ее приговорили к смертной казни, она спокойно сказала своим судьям:

- Тогда через несколько часов я снова встречу со своим мужем. Покидая этот мир, в котором теперь не осталось ничего, что могло бы вызвать мою привязанность, я вызываю гораздо меньше жалости, чем ты".

Робеспьер был близким другом Демулена и Люсиль. Он часто ел их хлеб и пил из их чаши в светской беседе. Он был гостем на их свадьбе. Мадам Дюплесси, мать Люсиль, была одной из самых красивых и образованных женщин Франции. Напрасно она обращалась к Робеспьеру и всем его друзьям в почти безумных попытках спасти свою дочь.

ИНТЕРЬЕР РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА.

"Робеспьер, - писала она ему, - разве недостаточно убить вашего лучшего друга; вы желаете также крови его жены, моей дочери? Ваш хозяин, Фукье Тенвиль, только что приказал отвести ее на эшафот. Еще два часа, и ее не будет на свете. Робеспьер, если вы не тигр в человеческом обличье, если кровь Камиллы не опьянила вас до полной потери рассудка, если вы все еще помните наши вечера близости, если вы помните, какими ласками вы расточали маленького Горация и с каким удовольствием держали его на коленях, и если вы помните, что вы должны были стать моим зятем, пощадите невинную жертву! Но если твоя ярость подобна львиной, приди и заberi нас тоже, меня, Адель [другую ее дочь] и Горация. Приди и разорви нас своими руками, все еще обгабренными кровью Камиллы. Приди, приди, и пусть одна-единственная могила воссоединит нас".

На это обращение Робеспьер ничего не ответил. Люсиль была предоставлена своей судьбе. В одном вагоне с осужденными мадам Эбер везли на гильотину. Она оделась по этому случаю с поразительным изяществом. Белая газовая вуаль, частично прикрывавшая ее роскошные волосы, подчеркивала ее изумительную красоту. С готовностью и кажущейся жизнерадостностью она поднялась по ступенькам, положила голову на роковую доску, и улыбка заиграла на ее губах, когда остро заточенный нож с быстротой удара молнии отделил ее голову от тела.

В то время как эти жестокие сцены происходили в Париже и подобные сцены во всех частях Франции, республиканские армии на границах изо всех сил пытались отразить вторжение армий союзников Европы. Именно страх, что внутренние враги восстанут и объединятся с внешним врагом, подтолкнул революционеров к таким отчаянным мерам. Они знали, что триумф бурбонов означал их верную гибель. Теперь англичане владели Тулоном, арсеналом французского военно-морского флота, который был предательски передан английскому флоту друзьями бурбонов. Республиканская армия в течение нескольких месяцев осаждала город, но так и не добила никакого прогресса в изгнании захватчиков.

Наполеон Бонапарт, тогда молодой человек лет двадцати пяти и лейтенант армии, был послан на помощь осаждающим. Его гениальность вскоре поставила его командующим артиллерией. С почти сверхчеловеческой энергией и непревзойденным мастерством он продолжил осаду и в ходе одной из самых ужасающих ночных атак, которые когда-либо были засвидетельствованы, изгнал британцев с территории Франции. Это первый раз, когда Наполеон появляется как актер в драме революции. Это достижение принесло ему большую известность в армии. В этом случае человечность Наполеона была столь же заметна, как и его энергия. Он в равной степени питал отвращение к тираническому владычеству бурбонов и кровавому правлению якобинцев. Один из депутатов Конвента написал Карно, тогдашнему военному министру: "Я посылаю вам молодого человека, который очень отличился во время осады, и настоятельно рекомендую вам как можно скорее продвинуть его вперед. Если вы этого не сделаете, он, несомненно, продвинется сам".

На острове Святой Елены Наполеон сказал: "В начале революции я был очень горячим и искренним республиканцем. Я постепенно остывал по мере того, как приобретал более справедливые и основательные идеи. Мой патриотизм утонул под влиянием политических абсурдов и чудовищных внутренних эксцессов наших законодательных органов".^[418]

СНОСКИ:

^[411] "Немногие жертвы когда-либо встречались с более мерзкими палачами; немногие палачи встречались с такой ликующей жертвой. Стыд у подножия эшафота, слава наверху и жалость повсюду. Человек краснеет от того, что он мужчина, созерцая этот народ. Размышляя о Байи, достаиваешься этого титула". — *Ламартин, История. Gir.*, том iii., стр. 282.

^[412] В Парл. Хист., "Я бы не стал *осквернять* свою человечность".

^[413] История цивилизации в Англии, Генри Томас Бакл, том i, стр. 338.

^[414] Эбер был низким человеком, наглым, невежественным и коррумпированным, связанным с одним из театров Парижа. Он был ярким якобинцем и основал газету под названием "Отец Дюшен", которая из-за своей непристойности пользовалась большим спросом у населения. Он был одним из руководителей массовых убийств в тюрьмах 10 августа. Его газета была ревностным защитником атеизма. Именно он выдвинул против королевы отвратительное обвинение в том, что она пыталась осквернить своего собственного сына и совершила с ним кровосмешение, будучи восьмилетним ребенком. Робеспьер даже возмутился этим грязным обвинением и воскликнул: "Безумец! разве ему было недостаточно утверждать, что она Мессалина, не делая из нее Агриппину?" — *Современная биография.*

[415] В этом знаменитом памфлете "Старый Кордельер" Десмулен таким образом убедительно описывает Францию, притворяясь, что описывает Рим при императорах: "Все при этом ужасном правительстве стало основой подозрений. Избегает ли гражданин общества и живет в уединении у своего камина? То есть размышляет в одиночестве о зловещих замыслах. Богат ли он? Это увеличивает опасность того, что он разврат граждан своей щедростью. Беден ли он? Никто так не опасен, как те, кому нечего терять. Он задумчивый и меланхолический? Он прокручивает в голове то, что называет бедствиями своей страны. Он весел и беспутен? Он скрывает, подобно цезарю, честолюбие под маской удовольствия. Естественная смерть знаменитого человека стала настолько редкой, что историки передают ее, как факт, достойный упоминания, будущим эпохам. Трибуналы, некогда служившие защитниками жизни и собственности, превратились в простые органы резни".

Говоря об Эбере, он сказал: "Эбер, глава этой беспокойной и жестокой группировки, - жалкий интриган, поставщик провизии для гильотины, предатель, оплаченный Питтом, вор, изгнанный за кражу из своей конторы контролера в театре". —*Le Vieux Cordelier*.

[416] Rioufle, стр. 67.

[417] Минье, стр. 245.

[418] Наполеон на острове Святой Елены, стр. 125.

ГЛАВА XXXVI.

ПАДЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА.

Необъяснимый характер Робеспьера.—Сесиль Реньо.—Праздник в честь Высшего Существа.—Увеличение числа жертв.—Триумвират.—Подозрения в адрес Робеспьера.—Борьба между Робеспьером и Комитетом общественного спасения.—Заговор против Робеспьера.—Заседание 27 июля.—Робеспьер и его друзья арестованы.—Попытки спасти Робеспьера.—Опасность для Конвента.—Казнь Робеспьера и его сообщников.

Робеспьер, который сейчас, по-видимому, находился на пике своего могущества, - один из самых необъяснимых людей. Его моральный облик был безупречен; никакие взятки не могли его развратить; он искренне стремился установить республику, основанную на народной свободе и добродетели; и самовозвеличивание, по-видимому, никогда не входило в его цели. Он не был кровожадным человеком, но был готов с холодной беспощадностью сокрушить любую партию, которая встанет на пути его планов. Его душа, по-видимому, была почти так же нечувствительна к любым благородным эмоциям, как лезвие гильотины.[419] Он, похоже, оплакивал очевидную необходимость обезглавливания Дантона. Неоднократно было слышно, как он говорил, возможно, лицемерно,

"О, если бы Дантон был честен! Если бы он был настоящим республиканцем! Чего бы я только не отдал за фонарь Диогена, чтобы заглянуть в сердце Дантона и узнать, друг он Республике или враг?"

Робеспьер с радостью принял бы помощь могущественной руки Дантона, но, обнаружив, что его старый друг враждебно относится к его мерам, он безжалостно отправил его на

гильотину. И все же есть свидетельства того, что временами он очень уставал от этого смертоносного дела, которое считал необходимым преследовать.[\[420\]](#)

"Смерть, - сказал он, - всегда смерть; и негодяи перекадывают всю ответственность на меня. Какую память я оставлю после себя, если это продлится долго! Жизнь - это бремя для меня".

7 мая 1794 года Робеспьер произнес в Конвенте очень красноречивую речь, отстаивая доктрины о Высшем существе и бессмертии души. Он представил следующие декреты, которые были приняты путем аккламации:

"Статья 1. Французский народ признает существование Высшего Существа и бессмертие души.

"Статья 2. Они признают, что поклонение, достойное Высшего Существа, является одной из обязанностей человека".

Теперь было предпринято несколько безуспешных попыток убить Робеспьера; одна, очень необычная по своему характеру, была предпринята красивой девушкой Сесиль Рено, но семнадцати лет от роду. Она позвонила в дом Робеспьера и попросила о встрече с ним. Ее внешний вид вызвал подозрения, и она была арестована. В ее корзинке была найдена смена одежды и два ножа. Ее привели в Суд.

СЕСИЛЬ РЕНЬО АРЕСТОВАНА.

"Какова была цель вашего визита к Робеспьеру?" поинтересовался президент.

"Я хотела, - ответила она, - увидеть, что такое тиран".

- Зачем вы взяли с собой сменную одежду?

"Потому что, - спокойно ответила она, - я ожидала, что меня отправят в тюрьму, а затем на гильотину".

- Вы намеревались заколоть Робеспьера? - спросил я.

"Нет, - ответила она, - я никогда в жизни никому не хотела причинить боль".

"Почему вы роялист?" президент продолжил.

"Потому что, - ответила она, - я предпочитаю одного короля шестидесяти тиранам".

Ее отправили на гильотину вместе со всеми ее родственниками. Поведение этой девушки совершенно необъяснимо, и вызывает сомнения, что она всерьез замышляла какое-либо преступление. Когда она пришла повидаться с Робеспьером, *она оставила свой нож в корзинке в своей комнате!* Восемь повозок были заполнены жертвами, чтобы отомстить за это преступление.[\[421\]](#)

Робеспьер стал теперь настолько популярен среди толпы, что весь Париж сплотился вокруг него с поздравлениями.

8 мая было назначено праздником в честь Верховного Существа. Робеспьер, зачинатель движения, был избран президентом Конвента, чтобы он мог принять самое заметное участие в этом мероприятии. Утро выдалось на редкость великолепным. Ради этого однажды гильотине было приказано остановиться. В центре сада Тюильри был возведен амфитеатр, и просторная территория была заполнена ликующим сборищем. Знаменитый художник Давид обставил праздник с величайшим искусством. В двенадцать часов Робеспьер поднялся в павильон и произнес речь.

"Французы-республиканцы, - сказал он, - наконец-то настал счастливый день, который французский народ посвятил Высшему Существу. Никогда созданный им мир не являл собой зрелища, столь достойного его внимания. Он видел тиранию, преступления и обман, царящие на земле. В этот момент он видит, как целая нация, подвергшаяся нападению всех угнетателей человечества, приостанавливает свой героический труд, чтобы вознести свои мысли и молитвы к Высшему Существу, которое дало ей миссию и мужество выполнить ее".

Закончив свое краткое обращение, он спустился и поджег колоссальную группу фигур, олицетворяющих атеизм, Раздор и эгоизм, которые идея Бога должна была превратить в пепел. Когда они сгорели, на их месте появилась, выходя из пламени, статуя Мудрости. После музыки, песен и различных символических церемоний была сформирована огромная процессия во главе с Робеспьером, которая проследовала от Тюильри к Марсову полю. Здесь, после представления столь впечатляющих представлений, какие только мог придумать парижский гений, и парижской роскоши, процессия вернулась в Тюильри, где фестиваль завершился развлечениями для публики.[\[422\]](#)

Превосходство, которое Робеспьер принял на себя в этом случае, вызвало большое неудовольствие, и до его ушей донеслось много слухов. Робеспьер на следующий день подал жалобы на тех, кто роптал, обвинил их в том, что они дантониисты и враги революции, и хотел отправить их на гильотину. Каждый член Конвента начал чувствовать, что его голова находится полностью в распоряжении Робеспьера, и постепенно осмелел до оппозиции.

Юридический процесс, посредством которого жертвы арестовывались и отправлялись на гильотину, теперь стал предельно простым и энергичным. Любой человек жаловался в Комитет общественной безопасности, на кого бы он ни пожаловался, поскольку *подозревался* в недружелюбии к Революции. Комитет немедленно распорядился об аресте обвиняемого. Таким образом, восемнадцать тюрем Парижа были переполнены жертвами. Каждый вечер общественный обвинитель Фукье Тенвиль получал от Комитета общественного спасения список тех, кого он должен был на следующий день доставить в Революционный трибунал. Если комитет по какой-либо причине не готовил список, Фукье Тенвилю разрешалось выбирать кого ему заблагорассудится. Быть *под подозрением*

означало почти верную смерть. С начала этого года (1794) число казней увеличилось с ужасающей быстротой. В январе было казнено восемьдесят три человека; в феврале - семьдесят пять; в марте - сто двадцать три; в апреле - двести шестьдесят три; в мае - триста двадцать четыре; в июне - шестьсот семьдесят два; в июле - восемьсот тридцать пять.^[423]

От ворот Консьержери постоянно проезжали телеги, груженные заключенными, которых немедленно приговаривали и отправляли на эшафот. Мальзерб, бесстрашный и почтенный защитник Людовика XVI, живший на пенсии в деревне, был взят вместе со всей своей семьей на эшафот. Если человек был богат, его подозревали в аристократизме и отправляли на гильотину. Если он был образован, его известность навлекала на него подозрения, и его приговаривали к смерти. Если бы он был добродетелен, его обвинили бы в сочувствии жертвам гильотины и приговорили к эшафоту. Безопасности больше не было, только порок и деградация. Все маленькие девочки, которых отцы привели на бал, даваемый королем Пруссии в Вердене, были арестованы, доставлены в Париж, осуждены и казнены. "Старшему, - говорит Ламартин, - было восемнадцать. Все они были одеты в белые одежды. Тележка, в которой они ехали, напоминала корзину с лилиями, головки которых покачивались в такт движению руки. Растроганные палачи плакали вместе с ними." Жозефина Богарне, впоследствии невеста Наполеона, находилась в это время в одной из парижских темниц, спала на жалком соломенном тюфяке и ежедневно ожидала, что ее поведут на казнь.

Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон были тремя ведущими людьми в Комитете общественной безопасности, и поэтому их называли Триумвиратом. Теперь все устали от крови, и все же никто не знал, как остановить этот поток и когда прекратится резня. Правление террора стало почти таким же невыносимым, как тирания старых королей, но не до конца; правление террора сокрушило тысячи людей, которые могли донести свои горести до слуха; деспотизм сокрушил миллионы немых. У Франции не было никакой надежды, кроме как на какую-нибудь энергичную руку, которая, установив диктатуру, спасла бы свободу от посягательств королей и от унижения толпой. Робеспьер был теперь самым выдающимся человеком во Франции и самым популярным среди народа. Его друзья убеждали его принять диктатуру.

Теперь начала возникать зависть к честолюбию Робеспьера, и число его врагов быстро росло. Поползли слухи о том, что он стал предателем Республики и стремится к королевской власти. Народные аплодисменты, как известно, непостоянны. Робеспьер вскоре обнаружил, что не может проводить свои мероприятия в Комитете общественного спасения, и, испытывая отвращение и унижение, он отсутствовал на заседаниях. Он попытался остановить кровотечение, но был отвергнут теми, кто был еще более безжалостен, чем он сам. Теперь он решил сокрушить комитет. Политическое поражение означало смерть. Он должен был либо отправить комитет на эшафот, либо склонить свою голову под нож. Это была короткая и решительная схватка насмерть. Были распространены фальшивые списки голов, которых требовал Робеспьер. Многие в Конвенте были потрясены. Проводились тайные ночные советы, чтобы мобилизовать против него силы. Толпой Парижа он мог командовать. Анрио, главнокомандующий вооруженными силами, был полностью подчинен его воле. Он правил безраздельно, и у него не было соперника в якобинском клубе. Его власти, по-видимому, не было сопротивления. Но отчаяние придавало сил его врагам.

Три очень способных человека, привыкших командовать —Тальен, Баррас и Фрерон - возглавили заговор против Робеспьера. Организованная таким образом партия получила название *Термидорианской*, потому что именно в месяце Термидор (июль) они одержали

свою знаменательную победу и, попирая труп Робеспьера и его сторонников, пришли к власти. Но почти все эти люди, из всех этих партий, по-видимому, не имели никакого представления ни об ответственности перед Богом, ни о христианстве как правиле жизни. Они все как один отвергли Евангелие нашего Спасителя и приняли в качестве руководства только человеческую философию. Это были люди, многие из них, с большими способностями, прославленные многими добродетелями, искренне любящие свою страну и слишком гордые, чтобы позволить унижить себя взятками или грабежом. Как генерал на поле битвы отдает приказы о действиях, которые уничтожат тысячи людей, так и эти революционеры, без всяких угрызений совести, ежедневно отправляли сотни людей на гильотину, не из любви к крови, а потому, что они верили, что общественное благо требует жертв. И все же дух трусости руководил этими массовыми убийствами. Никто не осмеливался произнести ни слова в защиту мерси, чтобы его не сочли сочувствующим аристократам. Только тот был в безопасности от подозрений, кто был безжалостен в доносе на подозреваемых. Примечательно, однако, что почти все действующие лица в этих кровавых сценах даже в смертный час заявляли о своей добросовестности и неподкупности.

Робеспьер был теперь вовлечен в непосильный труд. Он устал от крови. Нация испытывала отвращение к такой бойне.^[424] Он был повсеместно признан ведущим умом в правительстве, и каждое действие считалось его деянием. Его враги из Комитета общественного спасения взялись за гильотину с новой энергией, зная, что общественная ответственность ляжет на Робеспьера. Робеспьер был категорически против этой безрассудной резни и все же не осмелился вмешаться, чтобы спасти осужденных. Его самые близкие друзья были арестованы и отправлены на гильотину, и все же Робеспьер был вынужден молчать. Его искренне умоляли принять на себя диктатуру и спасти Францию от безмерного горя. Очевидно, он мог бы сделать это с легкостью. Он отказался; упорно и неоднократно отказывался. Каковы были его мотивы, сейчас никто не может сказать. Некоторые говорят, что ему помешала трусость; другие утверждают, что ему помешала истинная преданность Республике. Факт остается фактом: он отказался от диктатуры, повторяя снова и снова: "Нет! никакого Кромвеля; даже я сам".

Робеспьер на несколько недель ушел в отставку из Комитета общественного спасения, пока лилась кровь, и подготовил очень сложную речь для выступления в Конвенте, защищая себя и нападая на своих врагов.

Утром 26 июля Робеспьер появился в Конвенте, готовый выступить. Его друзья-якобинцы, предупрежденные заранее, столпились вокруг него, а его сторонники заполнили галереи. Его враги были потрясены и трепетали; но они сплотили всех своих друзей. Это был решающий час, и от решения его вопросов зависела жизнь или смерть. Речь, которую он зачитал по тщательно подготовленной рукописи, была длинной и чрезвычайно красноречивой. Его враги почувствовали, что они раздавлены, и на мгновение за этим последовала гробовая тишина. Затем было принято решение о напечатании речи, по-видимому, путем аккламации, и издан приказ о ее распространении по всем коммуна республики.

Отчаяние придало врагам Робеспьера смелости. Казалось, что их судьба предрешена, и, следовательно, никакой жестокой борьбой в целях самообороны они ничего не потеряют. Камбон отважился на атаку, смело заявив: "Один-единственный человек парализует Национальный конвент, и этот человек - Робеспьер". Другие наносили все более и более энергичные удары. Робеспьер был поражен такой смелостью. Очарование его непобедимости исчезло. Вскоре выяснилось, что существует сильная партия, выступающая

против Робеспьера, и подавляющим большинством голосов было проголосовано за отмену резолюции о печати речи.

Робеспьер, онемевший от тревоги, покинул Конвент и поспешил к своим друзьям в Клуб якобинцев. Он зачитал им речь, которую отклонил Конвент. Они встретили ее бурными аплодисментами и клятвами отомстить. Робеспьер, падая в обморок от изнеможения, сказал в заключение:

"Братья, вы слышали мою последнюю волю и завещание. Сегодня я увидел, что союз злодеев настолько силен, что я не могу надеяться спастись от них. Я сдаюсь безропотно! Я оставляю вам свою память; она будет вам дорога, и вы будете защищать ее".

Многие были тронуты даже до слез и, столпившись вокруг него, умоляли его поднять своих друзей на восстание. Анрио заявил о своей готовности выступить со своими войсками против Конвента. Робеспьер, зная, что смерть - неизбежный удел побежденной стороны, согласился, сказав:

Что ж, тогда давайте отделим злых от слабых. Освободим Конвент от тех, кто его угнетает. Продвигайтесь вперед и спасите страну. Если эти благородные усилия не увенчаются успехом, тогда, друзья мои, вы увидите, как я спокойно пью цикуту".

Давид, схватив его за руку, восторженно воскликнул: "Робеспьер, если ты выпьешь цикуту, я выпью ее вместе с тобой". "Да, - прервало множество голосов, - все! мы все погибнем вместе с вами. Умереть с вами - значит умереть вместе с народом".

Один или двое противников Робеспьера последовали за ним от Конвента до Зала якобинцев. Кутон указал на них и осудил. Якобинцы напали на них и выгнали из дома раненых и в разорванной одежде. Им с трудом удалось спастись. Робеспьер был свидетелем этого насилия и, опасаясь последствий всеобщего восстания, отозвал свое согласие на применение столь незаконных и отчаянных средств. Вероятно, он чувствовал, что при такой сильной поддержке, как у него, он сможет на следующий день одержать победу на Съезде.

"На этот отказ, - говорит Ламартин, - возможно, честный, но невежливый, Коффинхол, взяв Пайана за руку и выводя его из комнаты, сказал:

"Вы ясно видите, что его добродетель не могла согласиться на восстание. Что ж! поскольку он не будет спасен, давайте приготовимся защищаться и отомстим за него".

Ночь прошла для обеих сторон в подготовке к решающему сражению следующего дня. Друзья Робеспьера активно организовывали во всех кварталах Парижа народное восстание для штурма Конвента. Тальен, Баррас, Фрерон, Фуше не спали. Они были осведомлены обо всем, что происходило у якобинцев, и их эмиссары ежечасно в течение ночи приносили им сведения о нарастающем народном волнении. Они энергично готовились к дебатам внутри стен и к защите дверей от леса копий, которыми их собирались атаковать. Баррасу была доверена военная оборона. Было решено, что Робеспьер должен быть оплакан внутренними беспорядками и ему не будет позволено говорить. Каждая сторона, не зная силы своих противников, была уверена в успехе.

Наступило утро 27 июля, и когда Робеспьер вошел в Конвент, одетый с необычайной тщательностью и с торжествующей улыбкой на губах, в зале воцарились тишина и безмолвие. Сен-Жюст от имени Робеспьера начал наступление. Немедленно последовала сцена смятения, адекватного описания которой дать невозможно. Робеспьер сразу увидел, что его друзья намного превосходят численностью его врагов, и пришел в отчаяние. Бледный

и взволнованный, он попытался взойти на трибуну. Тальен схватил его за пальто и потащил прочь, в то время как крики *Долой тирана* наполнили дом.^[425]

"Только что, - кричал Тальен, занимая трибуну, с которой он изгнал Робеспьера, - я потребовал, чтобы занавес был опущен; это так; заговорщики разоблачены, и свобода восторжествует. До этого момента я хранил полное молчание, потому что знал, что тиран составил список проскрипций. Но я присутствовал на заседании якобинцев. Я наблюдал за формированием армии этого второго Кромвеля и вооружился этим кинжалом, чтобы пронзить его сердце, если у Национального собрания не хватит смелости отдать приказ о его аресте".

РОБЕСПЬЕР ПЫТАЕТСЯ ЗАЩИЩАТЬСЯ.

С этими словами он выхватил кинжал и угрожающе приставил его к груди Робеспьера. В то же время он добился ареста Анрио и других ведущих деятелей этой партии. Предложение было шумно поддержано. Тщетно Робеспьер пытался добиться слушания. Крики "Долой тирана" наполнили дом, и на него без меры посыпались угрозы, упреки и оскорбления. Несчастный, ошеломленный шумом, побледнел от негодования и закричал: "Президент ассасинов, ты меня слышишь?" "Нет! нет! нет!" - казалось, был единодушный ответ. В разгар беспорядков Луше инициировал арест Робеспьера. Это предложение было встречено

бурными аплодисментами.[\[426\]](#) Брат Робеспьера, молодой человек нежного характера и многих добродетелей, пользовавшийся всеобщим уважением, теперь поднялся и сказал:

"Я виновен так же, как и мой брат. Я разделил его добродетели, я хочу разделить его судьбу".

Робеспьер немедленно вмешался, сказав: "Я принимаю свое осуждение. Я заслужил вашу ненависть. Но, будь то преступление или добродетель, мой брат не виновен в том, что ты в меня вселяешь".

Крики и топот заглушили его голос. Когда со всех сторон раздались крики *Да здравствует Республика*, Робеспьер спокойно скрестил руки на груди и с презрительной улыбкой воскликнул: "Республика! он разрушен, ибо торжествуют негодяи". Было уже три часа пополудни. Двух Робеспьеров, Кутона, Сен-Жюста и Лебюса *генерал армии* провел от Конвента через площадь Карусель к отелю Брионн, где заседал Комитет общей безопасности. Толпа провожала заключенных насмешками и проклятиями. Когда они вошли в Карусель, им навстречу попала процессия повозок с сорока пятью жертвами, направлявшимися на гильотину.

После очень короткого допроса Робеспьера отправили в Люксембургскую тюрьму. Его сообщников распределили по другим тюрьмам Парижа. Мэр Парижа и Анрио тем временем активно пытались поднять восстание, чтобы спасти заключенных. Из Ратуши было выпущено следующее воззвание:

"Братья и друзья! страна в неминуемой опасности! Нечестивцы захватили Конвент, где они держат в цепях добродетельного Робеспьера. К оружию! к оружию! Давайте не лишимся плодов 18 августа и 2 июня".

Анрио, размахивая шпагой, поклялся, что протащит негодяев, проголосовавших за арест Робеспьера, по улицам привязанными к хвосту его лошади. Этот жестокий человек был сейчас в таком состоянии опьянения, что был неспособен к решительным действиям. Размахивая пистолетом, он вскочил на коня и с небольшим отрядом войск поскакал в Люксембург, чтобы спасти своего друга. По дороге он был встречен войсками Конвента, которым было приказано арестовать его. Они схватили его, стащили с лошади, связали ремнями и бросили в караульное помещение, почти мертвецки пьяного. Тем временем чернь спасла всех заключенных и с триумфом отнесла их в комнату мэра в Отель-де-Виль. Робеспьер, однако, несмотря на самые искренние мольбы якобинцев и муниципального правительства, отказался поощрять восстание или принять его, а также скрыться из-под ареста. "Взятый в плен, - пишет ЛамарТайн, - по приказу своих врагов, он решил либо восторжествовать, либо подчиниться только закону; к тому же он твердо верил, что Революционный трибунал оправдает его по всем предъявленным ему обвинениям; или, если нет, и даже если его приговорят к смертной казни, "смерть одного справедливого человека, - сказал он, - менее вредна для Республики, чем пример восстания против национального представительства".

В Отель-де-Виль поступило известие об аресте Анрио. Коффинхаль, вице-председатель Революционного трибунала, немедленно собрал толпу, бросился к Тюильри, освободил Анрио, который к этому времени несколько протрезвел, и доставил его обратно в Отель-де-Виль. Анрио, раздраженный своим арестом, встал во главе своих войск и двинулся с батареей против Конвента. На этой стадии дела никто не мог судить, какая сторона одержит победу. Городские власти, имевшие в своем распоряжении население, были на одной стороне; Конвент со своими друзьями - на другой.[\[427\]](#)

Было уже семь часов вечера, и депутаты Конвента, полностью сознавая грозящую им опасность, казалось, почти потеряли дар речи от ужаса. Робеспьер и его сообщники были спасены и защищены городскими властями; толпа была разбужена, и Национальная гвардия под командованием своего лидера Анрио выступила маршем против Конвента. Опасались, что Революционный трибунал, который единственный мог осудить Робеспьера, оправдает его путем всеобщего одобрения. Затем его с триумфом отведут обратно в Конвент, а его врагов быстро потащат на гильотину. Раздался заунывный бой набата; в якобинском клубе была дана клятва жить или умереть вместе с Робеспьером; из предместий стекались толпы; пушки были направлены против Конвента; и три тысячи молодых студентов схватились за оружие и отправились на встречу в качестве телохранителей Робеспьера.

В этот критический час Конвент, охваченный отчаянием, принял те смелые и энергичные меры, которые только и могли спасти его от гибели. Пока они совещались, Анрио поставил свою артиллерию перед их дверями и приказал взорвать их. Депутаты твердо оставались на своих местах, говоря: "Здесь наш пост, и здесь мы умрем". Друзья Конвента, толпившиеся на галереях, выбежали и рассредоточились по улицам, чтобы сплотить защитников законов. Несколько депутатов тоже вышли из зала, бросились к солдатам и, протестуя против них, указали на Анрио и сказали:

- Солдаты! посмотрите на этого пьяницу! кто, кроме пьяницы, когда-либо поднимет оружие против своей страны или ее представителей? Неужели вы, кто когда-либо заслуживал столь многого от своей страны, обрушите на нее позор и бесчестье сейчас?"

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТИВ КОНВЕНТА, ВОЗГЛАВЛЯЕМАЯ АНРИО.

Конвент объявил Анрио вне закона и назначил Барраса командующим Национальной гвардией вместо него. Солдаты начали колебаться. Испуганный Анрио прищипорил своего коня и бросился бежать. Баррас, энергичный человек, теперь был у руля, и таким образом, ситуация внезапно и решительно повернулась в пользу Конвента. Наступила ночь, и отблеск десяти тысяч факелов отражался от множества людей, хлынувших по улицам. Баррас верхом на лошади, с сильной свитой, объехал центральные кварталы Парижа, призывая горожан на защиту Конвента. Вскоре перед дверями выстроились восемнадцать сотен храбрых, хорошо вооруженных людей. С двумя другими отрядами он прошел маршем по параллельным улицам к Гревской площади, где отогнал беспорядочную толпу и перекрыл всеподходы к Ратуше. Робеспьер все еще находился в одной из комнат Ратуши, окруженный своими сообщниками и членами городского правительства. Они умоляли его санкционировать восстание, уверяя, что его имя сплотит население и спасет их всех от неминуемой гибели. Но Робеспьер упорно отказывался, заявляя, что скорее умрет, чем нарушит законы, установленные народом.

Отряд солдат, посланный Баррасом, осторожно поднялся по ступенькам и вошел в *Зал правосудия*, чтобы снова арестовать спасенных пленников. Когда они поднимались по лестнице, Леба выстрелил из пистолета себе в сердце и упал замертво. Младший Робеспьер выпрыгнул из окна во двор, при падении сломав ногу. Коффинхол, взбешенный зрелищем разорения, в которое их втянула пьяная глупость Анрио, схватил его и выбросил из окна второго этажа на кучу мусора, воскликнув:

"Лежи здесь, жалкий пьяница! Ты недостойн умереть на эшафоте!"

Робеспьер спокойно сидел за столом, ожидая своей участи. Один из *рода войск* выстрелил в него из пистолета. Пуля попала ему в левую щеку, раздробив челюсть и выбив несколько зубов. Его голова упала на стол, залив кровью лежавшие перед ним бумаги. Войска Конвента теперь заполнили Ратушу, арестовав всех ее обитателей. День только начинал рассветать, когда длинную вереницу заключенных вывели на Гревскую площадь, чтобы препроводить в зал заседаний Конвента.[\[428\]](#)

Первым появился Робеспьер, которого несли на носилках четверо мужчин. Его сломанная челюсть была перевязана носовым платком, пропитанным кровью. У Кутона были парализованы конечности. Он не мог ходить, его также несли на руках несколько мужчин. Они небрежно позволили ему упасть, и его одежда была порвана, растрепана и заляпана грязью. Робеспьер младший, оглушенный своим падением и со сломанной конечностью, беспомощно свисающей вниз, был перенесен без чувств на руках двух мужчин. Следующим в этой печальной процессии везли труп Леба, накрытый скатертью, испачканной его кровью. Затем следовал Сен-Жюст, с непокрытой головой, с удрученным выражением лица, со связанными за спиной руками. Более восьмидесяти членов городского правительства, связанных по двое, завершали печальную процессию.

Было пять часов утра, когда пленников привели в Тюильри. Тем временем Легенд прошел в зал собраний якобинцев, разогнал их, запер двери и принес ключи председателю Конвента.[\[429\]](#)

Робеспьера положили на стол в приемной, в то время как нескончаемая толпа теснилась внутри и вокруг, чтобы взглянуть на поверженного диктатора. Несчастный человек был осыпан упреками и оскорблениями и притворился мертвым, чтобы избежать этой моральной пытки. Кровь свободно текла из его раны, сворачивалась у него во рту и душила его, стекая

по горлу. Утро было очень жарким; раненый не мог вдохнуть ни глотка чистого воздуха; его снедали неуголимая жажда и жгучая лихорадка; и так он оставался более часа, испытывая сильнейшие телесные и душевные муки. По приказу Конвента он и его сообщники были затем доставлены в Комитет общей безопасности для допроса; из этого трибунала они были отправлены в Консьержери, где все они были брошены в одну и ту же темницу в ожидании суда, который должен был немедленно состояться в Революционном трибунале.

РАНЕНЬЙ РОБЕСПЬЕР ЛЕЖИТ НА СТОЛЕ В РАТУШЕ.

Прошло несколько часов боли, мучений и отчаяния, когда в три часа пополудни вся группа была доставлена в тот безжалостный суд, который был всего лишь последней ступенькой к смерти. Суд длился всего несколько минут. Они уже были осуждены, и оставалось только установить их личность. Конвент одержал победу, и ни один член Революционного трибунала не осмелился противиться его воле. Если бы Парижская коммуна победила в этой борьбе, подобострастный трибунал с такой же готовностью отправил бы депутатов на гильотину.

В пять часов повозки с осужденными доставили заключенных.^[430] Длинная процессия продвигалась по улице Сент-Оноре к площади Революции. Непостоянная толпа заполонила улицы, осыпая проклятиями человека, которому они прокричали бы осанну, будь он победителем. Робеспьер, его брат, Кутон, Анрио, все искалеченные, истекающие кровью, и со сломанными костями, были брошены в первую повозку вместе с трупом Леба. Когда повозка тряслась по мостовой, у жертв вырвались крики боли. В шесть часов они подошли к ступеням гильотины. Робеспьер взшел на эшафот твердым шагом; но когда палач грубо сорвал повязку с его воспаленной раны, он издал мучительный вопль, который пронзил все уши. Послышался глухой звук падающего топора, и голова Робеспьера с ужасным видом

упала в корзину. На мгновение воцарилась тишина, а затем толпа подняла крик, как будто была одержана великая победа и достигнуты долгожданные блага Революции.[431]

РОБЕСПЬЕРА И ЕГО СПУТНИКОВ ПОВЕЛИ НА КАЗНЬ.

Так умер Робеспьер на тридцать пятом году жизни. Его характер, вероятно, навсегда останется загадкой. "Его смерть была датой, а не причиной прекращения террора. Смерти прекратились бы благодаря его триумфам, как они прекратились благодаря его смерти. Так Божественное правосудие обесчестило его раскаяние и навлекло несчастье на его добрые намерения, превратив его могилу в засыпанную пропасть. Это превратило его память в загадку, разгадку которой история с трепетом произносит, боясь быть несправедливой к нему, если заклеймит это как преступление, или вызвать ужас, если назовет это добродетелью. Этот человек был и всегда должен оставаться темным и неопределенным".[432]

Двадцать два человека были обезглавлены вместе с Робеспьером. На следующий день семьдесят человек, арестованных в Отель-де-Виль, были отправлены на гильотину. На следующий день еще двенадцать истекли кровью на эшафоте. За три дня сто четырнадцать человек погибли без суда от той тирании, которая пришла на смену тирании Робеспьера.[433]

СНОСКИ:

[419] "Mr. Элисон подтверждает чудовищную клевету на Робеспьера, для обоснования которой он не привел никаких доказательств и которая противоречит всем свидетельствам о жизни Робеспьера. "Он (Филипп Эгалите) был задержан, — говорит Элисон, - более чем на четверть часа перед Пале-Роялем по приказу Робеспьера, который тщетно просил руки

своей дочери и обещал, если он смягчится в этой крайности, поднять беспорядки, которые спасли бы ему жизнь". - *Жизнь Робеспьера, Г. Х. Льюис, стр. 265.*

[420] "Дантон считал суровые принципы Робеспьера безумием. Он считал, что республиканцы не смогут сохранить свою власть, если не окружают себя уважением, которое дает богатство, и поэтому он считал необходимым закрыть им глаза на внезапное приобретение богатства некоторыми революционерами. Робеспьер, напротив, льстил себя надеждой, что сможет установить во Франции республику, основанную на добродетели, и когда он был полностью убежден, что Дантон является препятствием для этой системы, он оставил его". — *Всемирная биография.*

[421] Дю Брока.

[422] "В распоряжении Робеспьера были огромные силы. Низшие слои общества, видевшие в его лице Революцию, поддерживали его как лучшего представителя ее доктрин и интересов; вооруженные силы Парижа, которыми командовал Анрио, были в его распоряжении. Он имел полную власть над якобинцами, которых принимал и изгонял по своему усмотрению; все важные посты были заняты его приспешниками; он сам сформировал Революционный трибунал и новый комитет". — *Минье, стр. 256.*

[423] Тьер, том iii., стр. 68, примечание из ежеквартального обзора.

[424] Прюдом, республиканец, писавший в этот период волнений, оставил шесть томов подробностей правления террора. Два из них содержат алфавитный список всех лиц, приговоренных к смертной казни Революционными трибуналами. Он приводит следующее ужасающее заявление жертв:

Дворяне	1,278	
Знатные женщины	750	
Жен рабочих и ремесленников	1,467	
монахини	350	
священники	1,135	
Мужчины незнатного происхождения	13,623	

Всего отправлено на гильотину	18,603	Женщины, умершие от преждевременных родов
3,400		Женщины, умершие при родах от горя
348		Женщин, убитых в Вандее
15,000		Детей, убитых в Вандее.
		22 000
человек , убитых в Вандее		900 000
жертв под носилками в Нанте		32 000
Жертв в Лионе		31 000

Всего		1,022,351

Этот список, каким бы ужасным он ни был, не включает тех, кто был убит в тюрьмах, или тех, кто был расстрелян в Тулоне или Марселе.

[425] Полный отчет об этой ужасной сцене, содержащийся в "Мониторе 11 Термидора", является одним из самых захватывающих повествований в истории. В конфликте Робеспьер кажется неизмеримо превосходящим своих противников достоинством и аргументацией. Но он ошеломлен и раздавлен общим шумом. Он доблестно борется и падает, как сильный вооруженный человек.

[426] "В разгар ужасного конфликта, когда ярость, казалось, лишила Робеспьера способности выражаться, чей-то голос выкрикнул: *"Это кровь Дантона душил вас"*. Возмущенный Робеспьер обрел голос и смелость воскликнуть: "Дантон! Значит, вы сожалеете о Дантоне? Труссы! почему вы не защитили его?" В этой горькой реплике были дух, правда и даже достоинство — последние слова, которые Робеспьер когда-либо произносил публично". -Ежеквартальное обозрение.

[427] Положение дел в times иллюстрируется тем фактом, что, как сообщается, Баррер отправился на Съезд с двумя речами в кармане, одна из которых была направлена против Робеспьера, а другая - в его защиту. Он не знал, какая партия восторжествует, и был готов присоединиться к сильнейшей.

[428] Хотя в целом утверждалось, что Робеспьер пытался покончить жизнь самоубийством, теперь, похоже, имеются убедительные доказательства того, что он этого не делал. См. "Историю жирондистов" Ламартина, том iii, стр. 527.

[429] Мясник Легенд был депутатом Конвента. Он был человеком необычайных нервов и был одним из самых яростных членов общества якобинцев.—*Buor. Universelle*.

[430] Существует некоторая путаница в отношении дат этих событий; но мы следуем датам, указанным Ламартином.

[431] "Робеспьер, - сказал Наполеон, - ни в коем случае не был худшим персонажем, участвовавшим в Революции. Он был против суда над королевой. Он не был атеистом; напротив, он публично поддерживал существование Высшего Существа в противовес многим своим коллегам. Он также не придерживался мнения, что необходимо истребить всех священников и знать, как многие другие. Марат, например, утверждал, что необходимо, чтобы пало шестьсот тысяч голов. Робеспьер хотел объявить короля вне закона, а не подвергать его нелепому издевательствам. Робеспьер был фанатиком, чудовищем, но он был неподкупен и неспособен грабить или быть причиной смерти других либо из личной вражды, либо из желания обогатиться. Он был энтузиастом, но таким, который действительно верил, что поступает правильно, и умер, не стоя ни гроша. В некоторых отношениях Робеспьера можно назвать честным человеком". — *Наполеон на острове Святой Елены*, стр. 590.

ГЛАВА XXXVII.

ТЕРМИДОРИАНЦЫ И ЯКОБИНЦЫ.

Правление комитетов.—The Jeunesse Dorée.—Реакция.—Ходатайство против Фукье Тенвиля.—Апофеоз Руссо.—Битва при Флерюсе.—Жестокий приказ Комитета общественного благосостояния.—Состав двух партий.—Речь Бийо Варенна.—Речь Легенд.—Клуб якобинцев закрыт.—Победы Пишегрю.—Союз между Голландией и Францией.—Продвижение Клебера.—Мир с Пруссией.—Киберон.—Бунт в Лионе.

Падение Робеспьера было встречено со всеобщим энтузиазмом, поскольку считалось, что он был главным зачинщиком той бойни, которую на самом деле в момент своего падения он изо всех сил пытался подавить. Теперь в Конвенте были обезглавленные останки четырех партий: жирондистов, эбертистов, дантонистов и робеспьеристов. Способные лидеры всех этих партий, каждый в свою очередь, погибли на эшафоте. Теперь из этих руин поднялась партия, получившая название, как мы уже отмечали, *термидорианцев*, по месяцу Термидор (*июль*), с которого началось ее господство. Новое правительство было сформировано немедленно и бесшумно, как результат необходимости. Крайняя концентрация власти в Комитете общественной безопасности, над которым Робеспьер должен был править как диктатор, теперь сменилась широким и неэффективным распределением власти. Шестнадцать комитетов стали исполнительной властью Франции; одно Собрание - законодательной властью. Эти комитеты состояли из членов численностью от двенадцати до пятидесяти. Комитет общественного благосостояния состоял из двенадцати человек и руководил военными и дипломатическими операциями; комитет общей безопасности - из шестнадцати, и им руководила полиция; комитет финансов - из сорока восьми. Таково было новое правительство, при котором после падения Робеспьера Республика боролась за выживание.

Ужасы правления террора теперь вызывали решительную реакцию. Многие молодые люди Парижа, которым претили прошлые сцены насилия, организовались в группу под названием *Jeunesse Dorée*, или Позолоченная молодежь, и начали энергичное сопротивление якобинцам. Они носили характерную одежду и вооружались короткими дубинками, начиненными свинцом. На улицах происходили частые столкновения между двумя партиями, в которых, как правило, побеждали молодые женщины. Поскольку террористы стали непопулярны и находились в решительном меньшинстве, гильотине вскоре позволили остановиться. Милосердие быстро сменило жестокость. Пленники, переполнявшие парижские тюрьмы, постепенно освобождались, и даже Революционный трибунал был сначала изменен, а затем упразднен.

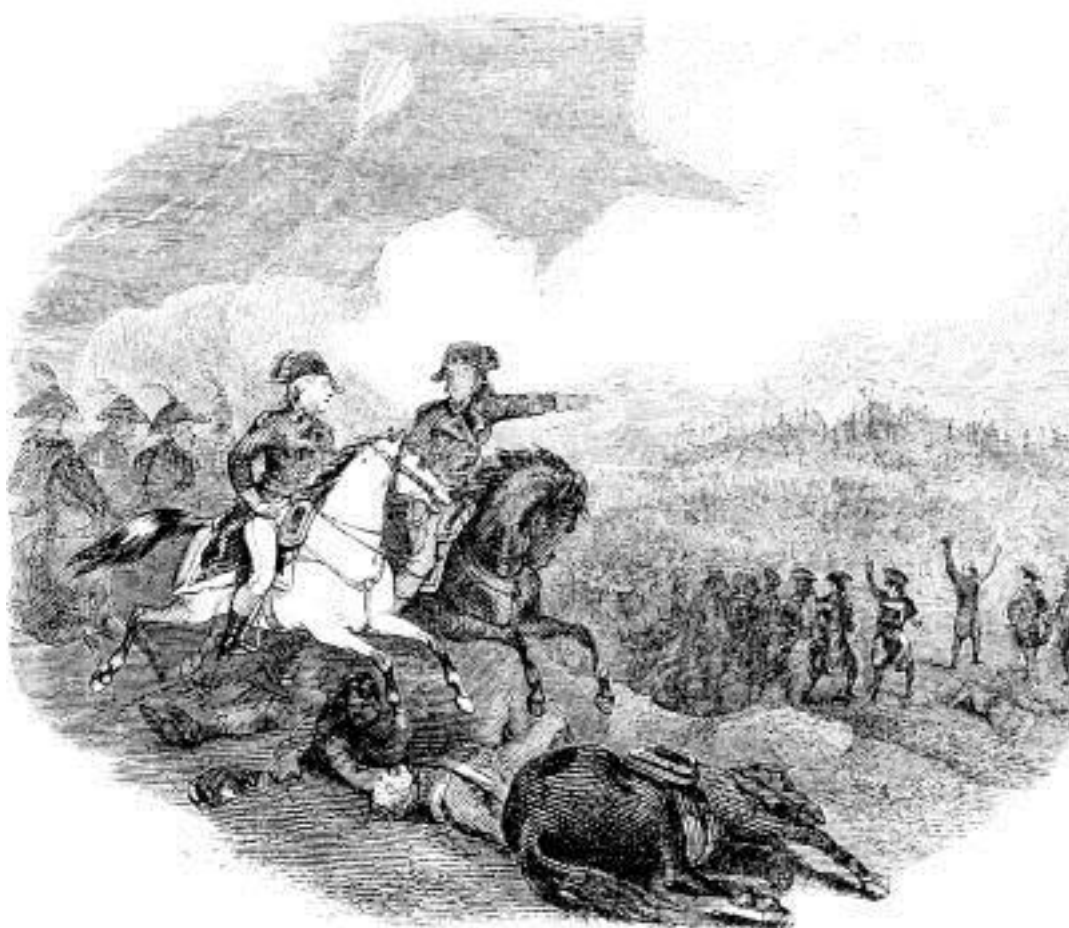

АПОФЕОЗ РУССО, 11 октября 1794 года.

Реакция была настолько сильной, были отменены прошлые декреты, освобождены подозреваемые лоялисты и наказаны яростные революционеры, что даже многие из истинных друзей народных прав были встревожены тем, что нация снова скатится под власть старого феодального деспотизма. Месье Фрерон в следующих выражениях выдвинул в Конвенте обвинительный акт против отвратительного Фуке Тенвиля, который был публичным обвинителем:

Я требую, чтобы земля была, наконец, избавлена от этого чудовища и чтобы Фуке был отправлен в ад, чтобы он барахтался там в пролитой им крови".

Указ был принят путем аккламации. В течение восьми или десяти дней после падения Робеспьера из десяти тысяч подозреваемых лиц в парижских тюрьмах не осталось ни одного.^[434] В течение многих недель на Съезде не происходило ничего существенного, кроме мелкой борьбы фракций. 11 октября останки Руссо были перенесены в Пантеон со всеми церемониями похорон. Их поместили рядом с останками Вольтера. На его могиле были начертаны слова: "Здесь покоится человек природы и истины".

БИТВА ПРИ ФЛЕРЮСЕ.

Примерно за месяц до падения Робеспьера, 26 июня, состоялась знаменитая битва при Флерюсе. Кровавопролитное сражение растянулось по полукругу протяженностью почти тридцать миль. Французы подтянули около восьмидесяти тысяч солдат, чтобы противостоять равному числу союзников. Французы под командованием Пишегрю одерживали победы на каждом этапе, и союзники были вынуждены отступить. На короткое время они сплотились в окрестностях Брюсселя, но вскоре снова были вынуждены отступить, и вся Бельгия перешла в руки республиканцев.

Примерно в середине июля две французские армии численностью сто пятьдесят тысяч человек соединились в городе Брюсселе. Комитет общественной безопасности издал бесчеловечный указ о том, что англичанам не должно быть пощады. Солдаты отказались подчиниться этому указу. Сержант, взяв в плен нескольких англичан, привел их к офицеру.

"Почему вы сохранили им жизни?" спросил офицер.

"Потому что, - ответил сержант, - это сэкономило так много выстрелов".

"Верно, - согласился офицер, - но представители Власти обяжут нас расстрелять их".

"Это не мы, - возразил сержант, - будем их расстреливать. Отправьте их представителям. Если они достаточно варвары, что ж, пусть убивают и едят их, если хотят".^[435]

В то время как французские армии одерживали эти знаменательные победы на всем протяжении Рейна, война бушевала с почти равной жестокостью в ущельях Альп и у

подножия Пиренеев, поскольку республиканцы изо всех сил пытались отразить вторжение войск Австрии, Англии и Испании.

Термидорианцы и якобинцы теперь были двумя великими партиями, борющимися за власть по всей Франции. Термидорианцы были умеренно-консервативной партией, и якобинцы называли их аристократами. Якобинцы были радикальной, прогрессивной, революционной партией, а термидорианцы называли их террористами. Наиболее интеллигентная и уважаемая часть общества была на стороне термидорианцев; женщины, уставшие от беспорядков и крови, в основном были с ними; и очень боеспособный военный отряд молодых людей, называемый *Jeunesse Dorée* (золотая молодежь), принадлежавший к богатым и средним классам, были очень умелыми сторонниками этой партии, бросали вызов якобинцам и всегда были готовы к уличной драке со своими дубинками. Якобинцы состояли из толпы, обычно возглавляемой теми энергичными, безрассудными, решительными людьми, которые обычно образуют то, что Тьер называет "свирепой демократией". Журнал Фрерона, "*Народный оратор*", был красноречивым защитником термидорианцев, которые теперь быстро пришли к власти, и он обрушивал непрерывные и беспощадные анафемы на *революционера канайля*. Женщин, выступавших за якобинизм, называли *фуриями гильотины*, потому что они часто ходили кругами вокруг эшафота, осыпая жертв непристойными оскорблениями. Эти две партии были разделены поровну, и борьба между ними была такой ожесточенной, что сцены страшного негодования часто происходили не только в Конвенте, но и по всей Франции. Дух якобинцев того времени можно увидеть в следующем кратком отрывке из речи Бийо Варенна:

- Люди говорят, - сказал он, - о расстрелах и утоплениях, но они не помнят, чтобы люди, к которым они испытывают жалость, оказывали помощь бандитам. Они не помнят жестокости, совершенной над нашими добровольцами, которых вешали на деревьях и расстреливали целыми рядами. Если требуется месть бандитам, пусть семьи двухсот тысяч безжалостно убитых республиканцев также придут требовать мести. Курс контрреволюционеров известен. Когда во время Учредительного собрания они хотели предать Революцию суду, они называли *Jacobins дезорганизаторами* и расстреляли их на Марсовом поле. После 2 сентября, когда они хотели предотвратить установление Республики, они называли их *кровопийцами* и обвинили их в чудовищной клевете. Сейчас они возобновляют те же махинации; но пусть они не рассчитывают на триумф. Патриоты смогли на мгновение замолчать, но лев не мертв, когда он спит, а когда он просыпается, он истребляет всех своих врагов. Окопы открыты, патриоты вот-вот воспрянут духом и соберут всю свою энергию. Мы уже тысячу раз рисковали своими жизнями. Если нас ждет эшафот, давайте вспомним, что именно эшафот покрыл славой бессмертного Сиднея".

Эта речь, опубликованная в "Журнале якобинцев", называемом "*Журнал горы*", вызвала большое волнение и послужила поводом для одной из самых бурных дискуссий в Конвенте. Якобинцев обвинили в желании направить толпу против Конвента. С другой стороны, они обвинили термидорианцев в освобождении известных роялистов из тюрем и в том, что они поощряют таким образом контрреволюцию. Легенд, выступая от имени термидорианцев в ответ якобинцам, сказал:

"На что вам жаловаться, вы, кто постоянно обвиняет нас? Это потому, что граждан больше не отправляют в тюрьму сотнями? потому что гильотина больше не отправляет на смерть пятьдесят, шестьдесят или восемьдесят человек в день? Ах! Я должен признаться, что в этом пункте наше удовольствие отличается от вашего, и что наша манера подметания тюрем отличается. Мы сами посетили их; мы провели, насколько это было возможно, различие между аристократами и патриотами; если мы поступили неправильно, вот наши головы,

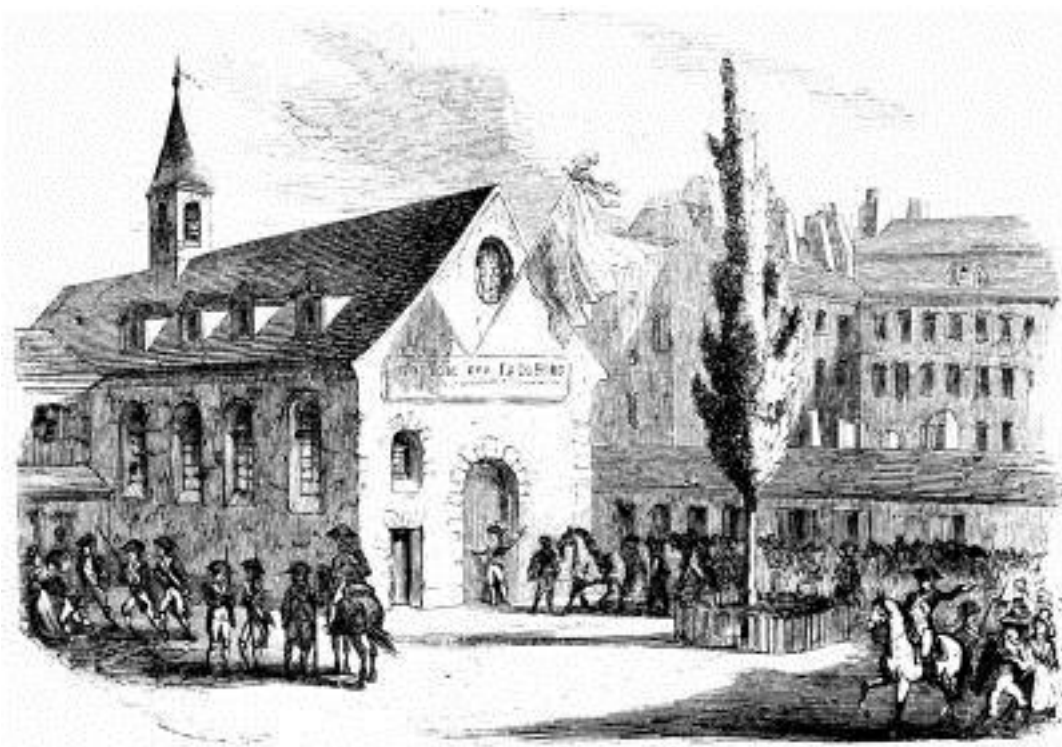
которые ответят за это. Но в то время как мы возмещаем ущерб за преступления, в то время как мы стремимся заставить вас забыть, что эти преступления - ваши собственные, почему вы идете в печально известное общество, чтобы осудить нас и ввести в заблуждение людей, которые посещают его, к счастью, в небольшом количестве? Я предлагаю, чтобы Конвент принял меры для предотвращения того, чтобы его члены ходили и проповедовали восстание у якобинцев".

Конфликт перекинулся со Съезда на улицы, и в течение нескольких дней там происходили серьезные беспорядки. Разъяренные группы в составе враждебных банд прошли парадом по садам Тюильри и Пале—Рояля - сторонники термидорианцев кричали *"Долой террористов и хвост Робеспьера"*. Их противники кричали *"Якобинцы навсегда! Долой аристократов!"*

9 ноября на улице Сент-Оноре, в зале якобинцев и вокруг него, произошла битва между двумя партиями, которая продолжалась несколько часов. Несколько женщин, которых называли Фуриями Гильотины, участвовавших в драке, были схвачены *женессой Доре*, и, вопреки всем правилам рыцарства, с них сорвали одежду и позорно выпороли плетью. Была только полночь, когда беспорядки были подавлены. На следующий день в Конвенте разгорелись бурные дебаты.

"Где была организована тирания, - спросил Ребель, -? У якобинцев. Где она нашла своих сторонников и сателлитов?" У якобинцев. Кто покрыл Францию трауром, принес отчаяние в семьи, наполнил страну тюрьмами и сделал Республику настолько отвратительной, что раб, придавленный тяжестью своих кандалов, отказался бы жить при ней? Якобинцы. Кто сожалеет об ужасном правительстве, при котором мы жили? Якобинцы. Если у вас сейчас не хватит смелости заявить о себе, у вас больше нет Республики, потому что у вас есть якобинцы".

Под влиянием таких настроений Конвент принял декрет "о закрытии дверей мест, где возникают фракции и проповедуется гражданская война".

КЛУБ ЯКОБИНЦЕВ ЗАКРЫЛСЯ.

Так закончилось долгое правление Якобинского клуба. Этот акт был с одобрением встречен общим голосом Франции.[436]

Французы, имевшие под ружьем тысячу двести человек, овладели теперь всеми важными пунктами на Рейне и повсюду сдерживали своих противников.[437] Во второй половине декабря Пишегрю, ведя перед собой союзных голландцев, англичан и австрийцев, пересек Маас по льду и вступил в Голландию. Республиканская партия в Голландии была многочисленной и ненавидела своих правителей. Они немедленно приготовились встать и приветствовать своих друзей, французов. В этой отчаянной ситуации штатгальтер умолял о перемирии, предлагая в качестве условия мирного нейтралитета компенсацию военных расходов.[438] Пишегрю отказался от перемирия; но отправил условия мира на рассмотрение правительства в Париже. Предложенные условия были отклонены, и Пишегрю получил приказ продвигаться вперед и восстановить Голландскую республику. Во главе двухсоттысячного войска он, подобно потоку, распространился по всей Голландии. Повсюду его принимали с распростертыми объятиями и как освободителя. Союзники вместе с эмигрантами бежали во всех направлениях, кто по суше, а кто и по морю. Часть голландского флота, стоявшего на якоре близ Текселя, замерзла из-за беспрецедентно суровой зимы. Эскадрон конной артиллерии галопом проскакал по льду и призвал его сдаться. Флот был вынужден поднять свои флаги перед этими новыми противниками. 20 января 1795 года Пишегрю с триумфом въехал в Амстердам. Жители толпились у стен, чтобы встретить его, крича: *"Французская республика навсегда! Свобода навсегда!"*

ФРАНЦУЗЫ ВЪЕЗЖАЮТ В АМСТЕРДАМ ПО ЛЬДУ.

Голландия, организованная как Республика Соединенных провинций, 16 мая вступила в наступательный и оборонительный союз с Французской Республикой, который должен был действовать вечно в течение всей войны. Две зарождающиеся республики нуждались во взаимной поддержке, чтобы противостоять объединенным монархиям Англии и Континента.[439]

В то время как Пишегрю одерживал такие победы на Нижнем Рейне и в Голландии, Клебер также на Верхнем Рейне гнал перед собой австрийцев. Он смело переправился через реку в стремительном преследовании и принес ужасы войны в страну врагов. Вскоре, однако, его окружило такое количество противников, что он был вынужден, в свою очередь, начать отступление. И снова, когда прибыли подкрепления, он перешел в наступление. Так волна войны спадала и переливалась.

Пруссия, встревоженная этими знаменательными победами республиканских войск и находящаяся под угрозой вторжения, стремилась выйти из коалиции. Король послал уполномоченного в штаб Пишегрю с предложением мира. Представители двух стран встретились в Базеле, и 5 апреля был подписан мирный договор. Французы согласились эвакуировать оккупированные ими прусские провинции на правом берегу Рейна, и прусская монархия согласилась с тем, что между королем Пруссии и Французской Республикой должны быть мир, дружба и хорошее взаимопонимание.

ФРАНЦУЗЫ ПЕРЕПРАВЛЯЮТСЯ ЧЕРЕЗ РЕЙН ПОД КОМАНДОВАНИЕМ КЛЕБЕРА.

Испания, также трепещущая перед триумфальным маршем Дюгомье по Пиренейским ущельям, сделала предложения о примирении, пообещав признать Республику и выплатить контрибуции за войну. Мир с полуостровом был подписан в Базеле 12 июля. Этот мир, отделивший Бурбонов от коалиции, был встречен по всей Франции радостными возгласами.[\[440\]](#)

ПОБЕДА КИБЕРОНА.

РЕЗНЯ В ЛИОНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СВЯЩЕННИКОВ.

Англия, Австрия и Неаполь все еще оставались тверды в своей решимости сокрушить Республику. Уильям Питт возглавил министерство своими воинственными мерами и одержал победу над мирной политикой Шеридана и Фокса. Таким образом, на четверть века он превратил всю Европу в поле крови. Воодушевленное энергией Питта, английское правительство организовало очень грозную экспедицию, которая должна была высадиться в Вандее, чтобы разбудить и сплотить роялистов по всей Франции и таким образом придать

новый импульс гражданской войне. Была сформирована эскадра, состоящая из трех 74-пушечных кораблей, двух фрегатов по 44 орудия, четырех фрегатов по 30-36 орудий и нескольких канонерских лодок и транспортов. Это была первая дивизия, за которой, как только она была создана во Франции, должна была последовать другая. Флот бросил якорь в бухте Киберон 25 июня. Разношерстная масса численностью около семи тысяч человек была быстро высажена на берег; вскоре к ним присоединились роялисты, составив армию численностью около тринадцати тысяч человек. Генерал Гош, который в течение некоторого времени доблестно и самым гуманным образом боролся за умиротворение Вандеи, выступил им навстречу. Последовало несколько кровопролитных сражений, в ходе которых несчастные захватчики были загнаны на узкий полуостров, где в результате полуночного штурма они самым жалким образом погибли. Лишь немногие спаслись на кораблях; многие утонули, и большое количество было безжалостно предано мечу. Конвенция установила смертную казнь для любого француза, который въедет во Францию с оружием в руках.

В Лионе произошло всеобщее восстание роялистов и реакционной партии против революционеров. Роялисты доказали, что ни на йоту не уступают якобинцам в энергии, с которой они могли продвигать свое Царство террора. Возглавляемая священниками толпа роялистов ворвалась в тюрьмы и убила семьдесят или восемьдесят заключенных, которых обвинили в революционном насилии. Одна тюрьма была подожжена, и все ее заключенные трагически погибли в огне.

Беспорядки в Лионе были вскоре подавлены, и Гошу, уничтожив силы, высаженные англичанами в Киберонском заливе, постепенно удалось установить спокойствие в Вандее. Многие роялисты пришли в его лагерь, чтобы добиться условий примирения с Республикой.

СНОСКИ:

[432] История жирондистов, Ламартин, том iii., стр. 535.

[433] "Мирабо, Марат, Бриссо, Дантон, Робеспьер были отрублены головы подряд; и все последующие головы были спасены только благодаря тому, что император Наполеон использовал одну голову и одну руку". — *Жизнь и труды Джона Адамса*, том vi., стр. 547.

Хотя Мирабо умер естественной смертью, он, несомненно, был бы гильотинирован, проживи он на несколько месяцев дольше.

Меда, офицер Конвента, арестовавший Робеспьера и его сообщников в Ратуше, так описывает это событие: "Голова моей колонны двинулась вперед; поднялся ужасный шум; мои десять артиллерийских орудий были выдвинуты вперед и приведены в боевую готовность; те, кто противостоял мне, поступили точно так же. Я бросился между двумя линиями. Я полетел к артиллеристам противника. Я говорил с ними об их стране; об уважении, подобающем национальному представительству; короче говоря, я не очень хорошо помню, что я говорил, но в результате они все перешли к нам. Я немедленно спешился, схватил пистолеты, обратился к своим гренадерам и направился к лестнице Ратуши". Он описывает, как он пробился вверх по лестнице, взломал дверь и обнаружил около пятидесяти человек, собравшихся в комнате в большом замешательстве. Робеспьер сидел за столом, подперев голову рукой. "Я бросился на него, - продолжает он в своем повествовании, - приставил саблю к его груди, "Сдавайся, предатель!" - закричал я. "Это ты предатель, - ответил он, - и я прикажу тебя пристрелить". Я мгновенно выхватил один из своих пистолетов и выстрелил в него. Я целился ему в грудь, но пуля попала ему в подбородок и

раздробила всю левую челюсть. Он упал со стула. При звуке взрыва его брат выбросился в окно. Шум поднялся неимоверный. I cried '*Vive la République!*'"

[434] Лакретель.

[435] Тьер, том iii., стр. 84.

[436] "Это народное объединение мощно послужило Революции, когда для того, чтобы дать отпор Европе, было необходимо доверить правительство массе и отдать Республике всю энергию защиты; но теперь оно только препятствовало новому порядку вещей". — *Минье*, 282.

[437] "Когда—то во Франции было тысяча семьсот тысяч пеших бойцов". — *Туллонжон*, том iii., стр. 194.

[438] Тьер, том iii., стр. 186.

[439] "Первым актом представителей было опубликование прокламации, в которой они заявили, что будут уважать всю частную собственность, за исключением, однако, собственности штатгальтера; что последний, будучи единственным врагом Французской Республики, его собственность принадлежала победителям в качестве компенсации расходов на войну; что французы вступили как друзья батавской нации". , не для того, чтобы навязывать ему какую-либо религию или какую-либо форму правления вообще, но для того, чтобы избавить его от его угнетателей и предоставить ему средства выражения своих желаний. Это провозглашение, за которым последовали соответствующие акты, произвело самое благоприятное впечатление". — *Тьер*, т. iii, стр. 184.

[440] "Тоскане, вынужденной, помимо ее воли, отказаться от своего нейтралитета английским послом, который, угрожая ей английской эскадрой, дал ей всего двенадцать часов на принятие решения, не терпелось возобновить свою роль, тем более что французы были у ворот Генуи. Хорошее взаимопонимание и дружба были восстановлены между двумя государствами". — *Тьер*, т. iii., стр. 230.

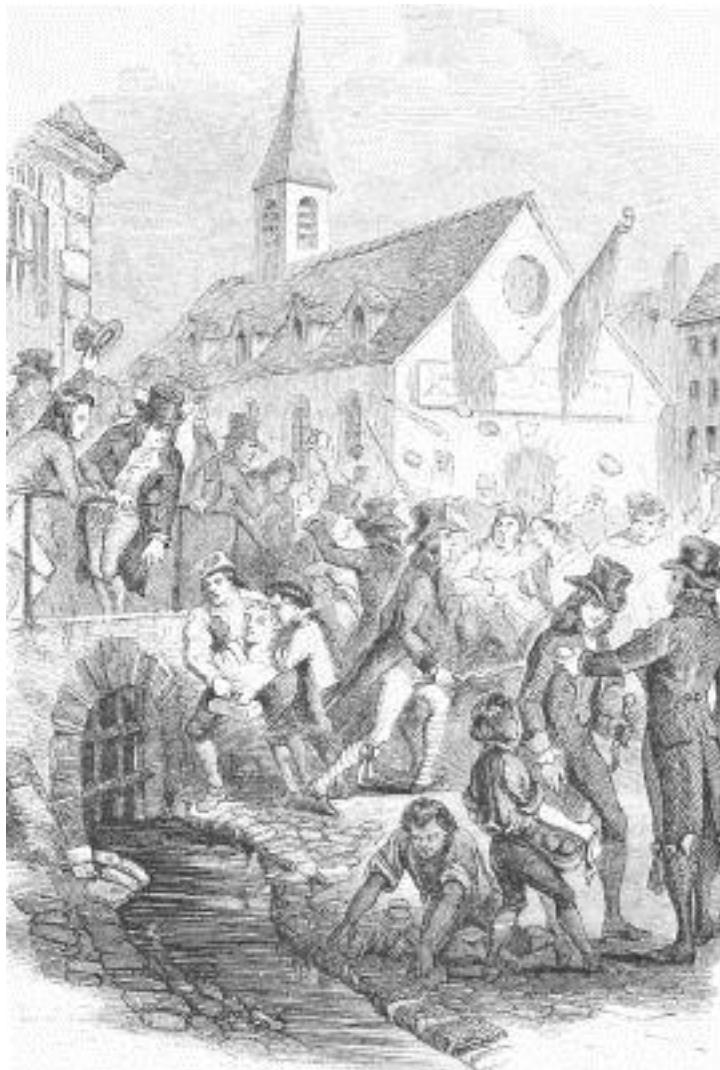
ГЛАВА XXXVIII.

РОСПУСК КОНВЕНЦИИ.

Голод в Париже.—Борьба между Женой Доре и якобинцами.—Беспорядки.—Сцена в Конвенте.—Война с союзниками.—Новая конституция.—Восстание секций.—Энергия генерала Бонапарта.—Поражение секций.—Рассказ герцогини Абрантес.—Милосердие Конвенции.—Ее заключительные акты, роспуск и учреждение Директории.

Давайте вернемся в Париж. Беспрецедентно суровая зима вызвала ужасные страдания среди населения Парижа. Смутные времена нарушили все обычные мирные занятия . Война, унесшая жизни полутора миллионов человек с оружием в руках, оставила поля необработанными и опустевшими. Жестокий голод опустошил и город, и страну. Якобинцы, которые, хотя их клубы были закрыты, все еще встречались на углах улиц и в кофейнях, воспользовались этой общественной нищетой, чтобы обратить народное негодование против победоносных термидорианцев. Беспорядки снова возобновились, и враждебно настроенные партизаны сошлись в ожесточенных столкновениях. Молодые люди двух партий часто сталкивались в партере театра, бросая друг другу вызов и часто доходя до драк.

В театре Фейдеан, как и во многих других местах, был установлен бюст Марата, которого якобинцы все еще боготворили. Молодые люди из "Молодой женщины", выражая свое отвращение к Марату и в качестве оскорбления якобинцев, взобрались на балкон, сбросили бюст и с криками негодования протащили его по уличной грязи.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА ВЫБРАСЫВАЕТ БЮСТ МАРАТА В КАНАВУ.

Разъяренные якобинцы поклялись отомстить за оскорбление. Хорошо вооруженные, они прошли парадом по улицам, торжествующе неся бюст Марата и клянясь в кровавой мести любому, кто попытается помешать их шествию. Только твердость Конвенции предотвратила кровопролитный конфликт. Общественное бедствие, сильное и почти всеобщее, привело в замешательство и завалило Съезд самыми сложными вопросами в попытке оказать помощь. 15 марта запасы продовольствия в Париже были настолько малы, что было сочтено необходимым ввести для жителей рацион питания, при котором каждому человеку разрешалось съедать не более одного фунта хлеба в день. Волнения и беспорядки теперь быстро нарастали, и беспорядки происходили ежедневно. Конвент постоянно подвергался осаде и оскорблениям со стороны изможденных толп с петициями, которые принимали тон самых яростных угроз. Последовали сцены смятения, которые были нарушением всех законов и которые не было никакой власти подавить.

20 мая произошло одно из самых страшных волнений, которые когда-либо видела Революция. В пять утра на площадях бил *генеральный* колокол, а в предместьях звонили в

набат. Население быстро готовилось к любым актам насилия, к которым могли подтолкнуть их лидеры. В одиннадцать часов Конвент начал свое заседание. Один из участников принес тайно раздобытый им план очень эффективно организованного восстания. Толпа, в основном женщины, заполнила галереи. Когда был зачитан план, повергший депутатов в ужас, галереи громко зааплодировали. Конвент принял несколько безобидных декретов, таких как, 1-е, что городские власти несут ответственность за любое нападение на Конвент; 2-е, что все граждане обязаны получать приказы Конвента; и 3-е, что восстания быть не должно. Эти указы вызвали лишь насмешки галерей. Суматоха стала такой большой, женщины кричали "Хлеба!" и грозили кулаками президенту и депутатам, что все дела остановились, и не было слышно ни слова из дебатов.

В конце концов, несколько солдат были отправлены на галереи со штыками, а женщин выгнали на улицы. Однако вскоре они вернулись с помощью своих друзей. Они выломали все двери, ворвались внутрь и наполнили зал вооруженной, кричащей, жестокой толпой. Некоторые граждане сплотились в защиту Съезда, и в зале и у дверей разгорелась ожесточенная битва. Стреляли пистолеты и мушкеты, лязгали шпаги, штык скрещивался со штыком, в то время как крики, визг и проклятия оглушали слух. Пьяные женщины перешагивали через скамейки и карабкались к президентскому креслу. Молодой депутат Феро был заколот, затем застрелен; ему отрубили голову и, пронзив пикой, ткнули в лицо президенту Буасси д'Англасу, который самым героическим образом сохранял свой пост и самообладание во всех этих опасных сценах. В течение шести часов беспорядки не утихали. Было уже семь часов вечера, и толпа согнала всех депутатов, как стадо овец, в центр зала, окружила их ошестившимися штыками и пиками и приказала им издать декреты в помощь народу. Наконец, около полуночи прибыл отряд национальной гвардии, разогнал толпу вокруг дворца и, войдя в зал с примкнутыми штыками, рассеял бунтовщиков. Когда спокойствие было восстановлено, один из членов клуба поднялся и сказал:

"Тогда верно, что это Собрание, колыбель Республики, снова едва не стало ее могилой. К счастью, преступление заговорщиков предотвращено. Но, представители, вы были бы недостойны нации, если бы не отомстили за это достойным образом".

СЦЕНА НА НАЦИОНАЛЬНОМ СЪЕЗДЕ.

Остаток ночи прошел в разработке планов сокрушения якобинской власти, организовавшей это восстание. Герцогиня Абрантес, находившаяся в то время в Париже, так намекает на эти события: "В то время как в Конвенте происходили самые ужасные сцены, - пишет она, - респектабельные жители Парижа заперлись в своих домах, спрятали свои ценности и со страшной тревогой ожидали результата. Ближе к вечеру мой брат, которого мы не видели в течение дня, пришел домой, чтобы перекусить; он почти умирал с голоду, так как с утра не ел. Беспорядки все еще бушевали, и мы слышали ужасающий шум на улицах, смешанный с боем барабанов. Мой брат едва успел покончить со своей наскоро приготовленной трапезой, когда прибыл генерал Бонапарт, чтобы также воспользоваться нашим гостеприимством. Он также ничего не пробовал с утра, поскольку все рестораны были закрыты. Он быстро разделался с тем, что оставил мой брат, и, пока ел, рассказал нам новости дня. Это было очень прискорбно; мой брат сообщил нам лишь часть. Он не знал об убийстве несчастного Феро, чье тело было разрезано почти на куски. "Они отрубили ему голову, - сказал Бонапарт, - и преподнесли ее бедному Буасси д'Англасу, и потрясение от этого дьявольского поступка едва не привело к смерти президента в его кресле. Поистине, - добавил он, - если мы продолжим таким образом пятнать нашу Революцию, быть французом будет позором". "[441]

Встревоженный распространением анархии, Конвент немедленно возбудил дело против нескольких видных членов якобинства, которые, как было известно, были главарями

восстания. Они были арестованы и отправлены в заточение в замок Хэм. Париж был объявлен на осадном положении, и Пишегрю, находившийся тогда в полном блеске своей славы, был назначен командующим вооруженными силами. Экипажи, доставлявшие арестованных депутатов в замок Хэм, должны были проезжать через Елисейские поля. Якобинцы собрались в большом количестве и попытались спасти их. Энергия Пишегрю отразила эту попытку. Завязался бой с применением пушек и стрелкового оружия, в результате которого погибло несколько человек.

В то время как в Париже происходили эти печальные сцены, объединенные флоты и армии Англии, Австрии и Неаполя яростно атаковали Республику в каждом уязвимом месте. Англии, будучи бесспорной владычицей морей, нечего было опасаться пожара, который она разжигала по всей Европе. Чтобы подтолкнуть обедневшую Австрию к войне, британское правительство предоставило ей займы 23 000 000 долларов (4 600 000 фунтов стерлингов). Она увеличила свои собственные военно-морские силы до ста тысяч моряков, ввела в строй сто восемь линейных кораблей и увеличила свои сухопутные силы до ста пятидесяти тысяч человек.[442]

Вопрос, который предстояло решить, заключался в том, имела ли Франция право отменить монархию и установить республику. Напрасно союзники говорят, что они боролись с бесчинствами, которые существовали во Франции, поскольку их враждебные действия предшествовали этим сценам резни и были действительной причиной почти всех последовавших за этим бедствий. И каким бы плачевным ни было положение Франции во время правления террора, даже это правление было гораздо более терпимым для народных масс, чем господство старого феодального деспотизма.

Карлейль делает следующее ужасающее заявление, истинность которого не будет опровергнута ни одним внимательным исследователем Старого режима:

История, оглядываясь на эту Францию с давних времен — например, во времена Тюрго, когда тупой Каторжник, шатаясь, добрался до королевского дворца и, среди желтых лиц, убожества и крылатого оборванца, представил иероглифически свою жалобную петицию и в ответ был повешен на новой виселице высотой в сорок футов, — скорбно признает, *что нет периода, в который двадцать пять миллионов человек во Франции страдали меньше, чем в этот период, который они называли Царством террора. !*

"Но здесь страдали не миллионы немых; это были говорящие тысячи, сотни и единицы, которые визжали, издавали звуки и заставляли мир звенеть своим воем, как они могли и должны были; в этом великая особенность. Самые страшные рождения времени никогда не бывают громкоговорящими, потому что они скоро умирают; это безмолвные рождения, которые живут из века в век".[443]

Эмигранты-роялисты, воспользовавшись милосердием термидорианцев, начали теперь в большом количестве возвращаться во Францию и повсюду проявляли большую активность, пытаясь способствовать контрреволюции и составляя заговоры с целью свержения Республики и восстановления власти бурбонов. Их снабжали огромными суммами денег для использования в качестве взяток.

Была принята новая Конституция, отвечающая новым чрезвычайным ситуациям в стране. Вместо одной Генеральной ассамблеи у них было два законодательных органа. Сенат, называемый *Советом древних*, состоял из двухсот пятидесяти членов в возрасте не менее сорока лет, и все они должны были быть либо вдовцами, либо женатыми; треть должна была обновляться каждый год. Нижняя палата, называемая *Советом пятисот*, должна была

состоять из членов не моложе тридцати лет и также ежегодно обновляться на одну треть. Вместо исполнительного органа, состоящего из шестнадцати комитетов, исполнительная власть была передана *пяти директорам*, которые должны были ежегодно обновляться на одну пятую. Организованный таким образом, государственный корабль снова отправился в свое бурное плавание, чтобы встретиться с внешними бурями и мятежом внутри. Эта Конституция была работой умеренной республиканской партии и восстановила господство среднего класса. Как таковая она была неприятна якобинцам.^[444] Франция теперь была настолько захвачена враждебными партиями, что никакая Конституция не могла долго существовать.

Старое Учредительное собрание своим декретом, который должен был быть очень патриотичным и самоотверженным, исключило себя из состава Законодательного собрания, которое должно было прийти ему на смену. Этот акт, однако, оказался неразумным и катастрофическим. Законодательное собрание, желая обеспечить себе большинство, дружественное умеренному республиканизму, в двух органах, которые должны быть избраны в соответствии с новой Конституцией, *постановило, что две трети их собственных членов должны быть избраны* в два новых законодательных органа. Этот декрет, который был принят с большим единодушием всей Францией, был чрезвычайно неприятен роялистам и якобинцам Парижа, которые надеялись получить большинство в соответствии с новой Конституцией. Теперь эти две крайности взялись за руки и, как обычно, призвали к поддержке восстания и ужасов толпы. Этому насилию не было оправдания, поскольку Конституция была принята Францией почти единогласно, а декреты - подавляющим большинством. Только в Париже существовала какая-либо оппозиция, да и то там оппозиция была только декретам. Тем не менее, роялисты и якобинцы объединились, чтобы подавить волю нации парижской толпой.

Париж был разделен на сорок восемь избирательных участков. Район Лепельтье оказался в центре надвигающейся бури. Звонили в набат, били в барабаны и собирались вооруженные отряды. Конвент послал генерала Мену, человека с добрым сердцем, окружить этот участок и разоружить его. Благоговейный трепет перед высоким рангом вождей, Мену вступил с ними в переговоры и, наконец, встревоженный их численностью, силой и решимостью, своего рода капитуляцией, с позором отступил.

Наполеон Бонапарт в то время находился в Париже без работы и в тот вечер был в театре Фейдо. Пришли несколько друзей и сообщили ему о происходящих сценах. Он немедленно покинул театр и поспешил на галерею Собрания, чтобы увидеть, какой эффект произведет на это собрание известие об отступлении Мену.^[445]

Он застал Собрание в большом волнении. Кто-то добился ареста Мену и суда над ним по обвинению в государственной измене. Это была сцена смятения и тревоги, многие говорили одновременно. Баррас, который приобрел некоторую репутацию бесстрашного и энергичного человека, был назначен главнокомандующим войсками вместо Мену. Баррас, который был хорошо знаком с энергичным характером Наполеона и, вероятно, видел его на галерее, немедленно потребовал назначить генерала Бонапарта его заместителем. Баррас знал своего человека и был готов передать молодому бригадному генералу все руководство военными действиями по подавлению восстания.

В распоряжении Конвента было пять тысяч солдат. Теперь секции с шумом и смятением двинулись на них сорока пятью тысячами. Баррас был человеком командирского роста и мощного телосложения. Наполеон, хотя и приобрел в Тулоне высокую репутацию в армии,

был мало известен в Париже. Когда Баррас представил Конвенту молодого генерала, невысокого, стройного, с бледным лицом и гладкими щеками юношу, которому на вид было не более восемнадцати лет, все были удивлены.

НАПОЛЕОН ПЕРЕД КОНВЕНТОМ.

"Готовы ли вы, - спросил председатель, - взять на себя защиту Конвенции?"

- Да, - последовал лаконичный ответ.

Президент колебался, а затем продолжил: "Но отдаете ли вы себе отчет в масштабах этого предприятия?"

Наполеон устремил на него тот орлиный взор, который немногие могли встретить без дрожи, и ответил: "Совершенно; и у меня есть привычка доводить до конца то, за что я берусь. Но одно условие обязательно. Я должен иметь неограниченное командование, совершенно не стесненное никакими приказами Конвента".

Времени на споры не было; и даже самые глупые понимали, что в такой час общественная безопасность могла быть обеспечена только быстрыми, сосредоточенными действиями единого разума, достаточно мощного, чтобы справиться с чрезвычайной ситуацией. Характерные черты характера Наполеона, пожалуй, никогда не проявлялись так ярко, как в этом случае, — его уверенность в себе, его мастерство в выборе агентов, его тщательная подготовка к возможному поражению и его стойкость в выполнении всего, что могло потребоваться для осуществления его планов.

Нельзя было терять ни минуты. В Саблоне, в нескольких милях от Парижа, находился парк из сорока артиллерийских орудий. Наполеон отправил молодого солдата, которого он хорошо знал, отличавшегося рыцарской отвагой и порывистостью, Иохима Мюрата, охранять орудия. Во главе трехсот всадников он почти мгновенно перешел на галоп и прибыл в Саблон как раз вовремя, чтобы спасти артиллерию от меньшего отряда повстанцев, которые также были отправлены для ее обеспечения. Орудия были доставлены в Тюильри. Их быстро

расставили по всем аллеям, ведущим к Тюильри. Кавалерия и часть пехоты были размещены в резерве в саду дворца и в Карусели. Конвент полностью осознал свою опасность и энергию своего командующего, когда солдаты принесли в зал восемьсот мушкетов, которыми депутаты должны были вооружиться и при необходимости выступить в бой. Были отправлены отряды войск, чтобы захватить врасплох всю провизию и боеприпасы в Париже и доставить их в безопасное место в Тюильри. Во дворце был устроен госпиталь для раненых, обеспеченный всем необходимым на всякий случай. Войска всех родов, находившиеся в распоряжении Наполеона, по разным оценкам, от пяти до восьми тысяч, были усиленно размещены на главных улицах, у мостов, на Вандомской площади и на площади Революции. Сильный отряд был направлен для занятия Медонских высот, Наполеон намеревался отступить туда вместе с Конвентом в случае поражения. Одна секция в Париже проголосовала за декреты подавляющим большинством населения. В этот участок были отправлены сундуки с оружием, чтобы вооружить избирателей в защиту законов. На дорогу, ведущую в Сен-Жермен, был отправлен отряд, чтобы перехватить любую пушку, которую привезут с этого направления.

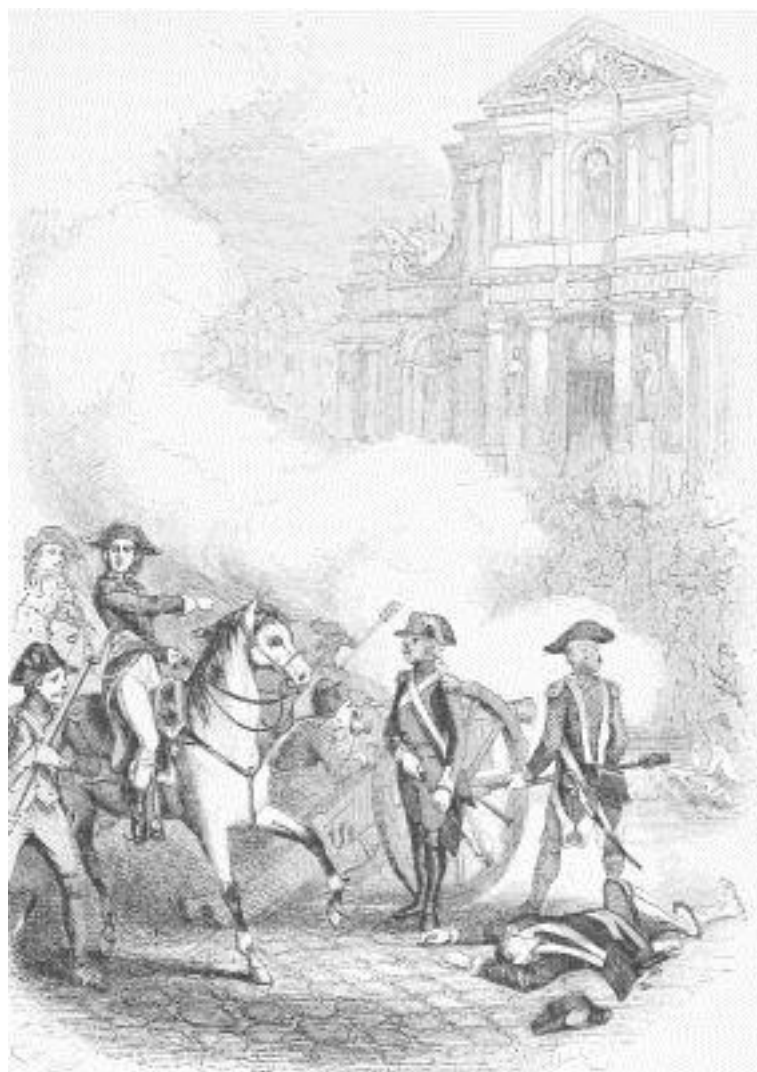
Все это было совершено за одну короткую ночь, 4 октября, Наполеон, казалось, вливал свою энергию в каждого вокруг себя. Тем временем секции, хотя и никоим образом не осознавали, с каким духом им суждено столкнуться, не бездействовали. Они организовали своего рода повстанческое правительство, объявили вне закона комитеты Конвента и учредили трибунал для наказания тех, кто будет сопротивляться его суверенитету. Несколько энергичных генералов, якобинцев, а также роялистов, выбравшихся из своих убежищ, предложили свои услуги, чтобы возглавить атаку на Конвент. Генерал Даникан, роялист, который был бригадным генералом во время гражданской войны, опустошившей Вандею, был назначен главнокомандующим силами восстания. Под его командованием была Национальная гвардия, сорок тысяч человек, хорошо вооруженных, с офицерами и дисциплиной. Наступило утро 5-го числа.

Теперь звонили тревожные колокола и *бил* генерал. Вооруженные отряды секций собирались в назначенном месте встречи и готовились выступить на Съезд. Члены совета, сидя на своих местах, в молчании и благоговейном страхе ожидали нападения, в результате которого их жизни были приостановлены. Наполеон, бледный, торжественный и совершенно спокойный, ждал, решив, что ответственность за первый удар ляжет на его противников и что он возьмет на себя ответственность за второй.

Вскоре было видно, как враг наступал со всех сторон, толпами заполняя узкие улочки города. С музыкой и знаменами они двинулись в атаку на осажденных со всех сторон, уверенные, судя по их численности, в легкой победе. Они не верили, что немногочисленные и слабые войска Конвента осмелятся оказать сопротивление населению Парижа, но лелеяли иллюзию, что несколько выстрелов с их стороны обратят в бегство всю оппозицию. Таким образом, они без колебаний оказались на расстоянии полета картечи, которой Наполеон зарядил свои пушки. Войска Конвента стояли твердо. Повстанцы обрушили на них град пуль. Это был сигнал к мгновенному разряду, прямому, кровожадному, беспощадному, из всех аккумуляторов. Виноградная гроза пронеслась по улицам. Колонны нападавших дрогнули, повернули, обратились в бегство, а буря все еще преследовала их. Один из самых сильных батальонов повстанцев расположился на ступенях церкви Сен-Рош, где он занял командную позицию для ведения огня по артиллеристам Конвента. Наполеон приказал своей артиллерии наступать на них со стороны тупика Дофина и немедленно обрушил на их скученные ряды шквал картечи. Некоторое время повстанцы мужественно сражались, но вскоре были вынуждены отступить, оставив ступени церкви покрытыми убитыми. Пока они

бежали, Наполеон выдвинул свою артиллерию вверх по улице и, поворачивая направо и налево, пронесся по всей длине улицы Сент-Оноре. За два часа победа была одержана, сорок тысяч человек были разбиты пятью тысячами, улицы были очищены, и Наполеон со спокойным триумфом вернулся в Тюильри.^[446]

Интересно взглянуть на Наполеона в его домашней жизни в это время. Герцогиня Абрантес пишет: "Мои родители прибыли в Париж 4 сентября. Через два дня после этого мой отец тяжело заболел. Бонапарт, извещенный моим братом, немедленно приехал навестить нас. Казалось, на него подействовало состояние моего отца, который, хотя и испытывал сильную боль, настоял на встрече с ним. Он приходил каждый день, а утром посылал или звонил сам, чтобы узнать, как он провел ночь. Я не могу вспоминать о его поведении в тот период без искренней благодарности.

СЕКЦИИ В СЕН-РОШЕ.

Он сообщил нам, что Париж находится в таком состоянии, которое неизбежно должно привести к потрясениям. Секции подняли если не открытое, то, по крайней мере, почти открытое восстание. Район Лепельтье, который принадлежал нам, был самым беспокойным и, по сути, вызывал наибольший страх. Его ораторы не стеснялись произносить самые зажигательные речи. Они утверждали, что власть собравшегося народа превышает законы.

"Дела становятся все хуже и хуже, - сказал Бонапарт. - контрреволюция вскоре разразится, и в то же время она станет источником бедствий".

Как я уже сказал, он приходил каждый день; обедал с нами и проводил вечер в гостиной, тихо разговаривая рядом с креслом моей матери, которая, измученная усталостью, на несколько минут задремала, чтобы набраться сил, потому что она никогда не покидала подушки моего отца. Я вспоминаю, что однажды вечером, когда мой отец был очень болен, моя мать плакала и пребывала в великой скорби. Было десять часов. В то время было невозможно заставить кого-либо из слуг отеля выйти после девяти. Бонапарт ничего не сказал. Он сбежал вниз по лестнице и отправил сообщение Дюшанне, которого привел с собой, несмотря на его возражения. Погода была ужасная; дождь лил как из ведра. Бонапарту не удалось нанять наемную карету, чтобы отправиться к месье Дюшанне; он промок насквозь. Да, действительно, в тот период у Бонапарта было сердце, восприимчивое к привязанностям.

Тем временем мы с каждым днем становились все более и более встревоженными опасностями, которые проявлялись вокруг нас. Париж зазвенел от возмущения фракций, каждая из которых обнажила меч и водрузила свой штандарт. Против Конвента, тогда единственной реальной власти, выступили секции, которые несколько дней назад снова объявили ему войну. Париж напоминал гарнизонный город. Ночью мы слышали, как часовые окликали друг друга и отвечали друг другу, как в осажденном городе. Был произведен строжайший досмотр оружия и боеприпасов.

"В течение нескольких лет моя мать была подвержена нервным припадкам. В такие моменты ей не нравилось, когда рядом с ней кто-то был. Войдя в гостиную, я застал ее всю в слезах и в одном из самых сильных припадков. Генерал Бонапарт был с ней, стараясь успокоить ее. Он рассказал мне, что по прибытии застал ее готовой напасть на адъютанта секции, чтобы помешать ему войти в комнату моего отца. - Я был бы рад избавить вашу мать от подобных сцен, - сказал он. - У меня мало влияния, тем не менее я сам пойду в секцию. Если возможно, я увижусь с президентом и немедленно улажу это дело. Париж весь в огне, особенно с сегодняшнего утра. Необходимо быть очень осторожным во всем, что делаешь и говоришь. Твой брат больше не должен выходить на улицу. Позаботься обо всем этом, потому что твоя мать в печальном состоянии.

"Это была ужасная ночь для моего отца. На следующее утро *женераль* был избит. Улицы уже были очень небезопасны, хотя люди в Париже все еще ходили взад и вперед, как будто они не собирались перерезать друг другу глотки несколько часов спустя. С наступлением сумерек суматоха усилилась; театры, тем не менее, были открыты. Воистину, мы - нация сумасшедших!

"Утром 12-й Вандеи (4 октября) Бонапарт, явившийся по обычаю, казалось, был погружен в свои мысли. Он вышел, вернулся, снова вышел и снова вернулся, когда мы приступили к десерту. - Я завтракал очень поздно, - сказал он, - у Бурьена. Они говорили там о политике, пока я совсем не устал от этой темы. Я постараюсь узнать новости, и если у меня будет что-нибудь интересное, я приду и расскажу вам".

Больше мы его не видели. Ночь была беспокойной, особенно в нашем районе. Вся улица ла Лой оцетинилась штыками. На наших улицах уже были возведены баррикады. Утром 13-го (5 октября) мой отец был очень болен. В течение нескольких часов мы льстили себя надеждой, что отношения между Конвентом и повстанцами будут улажены; но около половины пятого

началась пушечная пальба. Это произвело ужасное впечатление на моего бедного отца. Он пронзительно закричал, призывая на помощь, и был охвачен сильнейшим бредом. Все сцены Революции проходили перед ним, и каждый выстрел, который он слышал, был ударом, нанесенным лично ему. Что за день! что за вечер! что за ночь! Каждое оконное стекло было разбито вдребезги. К вечеру секция снова обрушилась на нас. Бой продолжался почти под нашими окнами, но когда дело дошло до Сен-Роша, нам показалось, что дом рушится у нас на глазах.

"Мой отец был в предсмертной агонии; он кричал, он плакал. Никогда, нет, никогда я не перенесу того, что натворил в ту ужасную ночь. На следующий день, как нам сказали, в Париже восстановилось спокойствие. Я едва ли могу дать какой-либо отчет о 14-м. Ближе к вечеру на минутку зашел Бонапарт; он застал меня в слезах. Когда он узнал причину, его веселое и открытое выражение лица внезапно изменилось. В этот момент вошла моя мать. Она не больше меня знала, какую важную роль сыграл Бонапарт в тот великий день. "О! - воскликнула моя мать. - Они убили моего мужа. Ты, Наполеон, можешь посочувствовать моему горю. Ты помнишь, что на первом Прериале, когда ты пришел поужинать со мной, ты сказал мне, что только что помешал Баррасу бомбардировать Париж? Ты помнишь это? Что касается меня, то я этого не забыл.

"Многие утверждали, что Наполеон всегда сожалел о том дне. Как бы то ни было, он всегда был чрезвычайно добр к моей матери в эти тяжелые минуты, хотя сам находился в обстоятельствах, которые не могли не перевесить все остальные интересы. Он был мне как сын, как брат".[\[447\]](#)

Конвент отнесся к повстанцам, которые, таким образом, были столь сурово наказаны, с величайшим милосердием.[\[448\]](#) Наполеон получил благодарность Конвента и блестящий прием. Конвент объединил Бельгию с Францией; постановил, что смертная казнь должна быть отменена, как только будет достигнут всеобщий мир с Европой; изменил название Места Революции на Место Согласия; объявил амнистию за все действия, связанные с революцией, за исключением одного человека, замешанного в последнем восстании; и затем, 26 октября 1795 года, президент Конвента произнес эти слова:

"Национальное собрание объявляет, что его миссия выполнена, и его сессия закрыта".

С единым криком —*Республика навсегда!*— депутаты покинули зал и разошлись по домам.

Перед Генеральными штатами после ужасающей борьбы с королем и знатью встала задача создать Учредительное собрание, великий национальный конгресс, в функции которого входило умерить деспотизм трона путем предоставления двадцатипятимиллионной нации после веков угнетения конституционной свободы. Учредительное собрание, пришедшее на смену Генеральным штатам, отменило те старые институты феодального рабства, которые стали совершенно невыносимыми, и установило конституционную монархию, взяв за образец, в основном, британскую конституцию. Затем Законодательное собрание заняло место Учредительного собрания, чтобы принимать законы в соответствии с этой Конституцией. Вскоре, однако, выяснилось, что король был в сговоре с деспотической Европой, чтобы свергнуть конституционную свободу и восстановить старый деспотизм. Следовательно, он отстранил короля и Конституцию, с которой была неразрывно связана его власть, и распался сам по себе.[\[449\]](#) Национальное собрание, которое добились успеха, начало свои обсуждения 21 сентября 1792 года.

"Конвент, - говорит Тьер, - обнаружил свергнутого короля, аннулированную конституцию, полностью разрушенную администрацию, дискредитированные бумажные деньги, старые

скелеты полков, изношенные и пустые. Таким образом, это была не свобода, которую она должна была провозглашать в присутствии ослабленного и презируемого трона, это была свобода, которую она должна была защищать от всей Европы — очень трудная задача. Ни на минуту не смутившись, она провозгласила Республику перед лицом враждебных армий; затем она пожертвовала королем, чтобы отрезать себе путь к отступлению; впоследствии она взяла всю власть в свои руки и установила диктатуру. В его груди зазвучали голоса, говорившие о *человечности*, когда оно не желало слышать ни о чем, кроме *энергии*; оно заглушило их. Эту диктатуру, которую необходимость общего сохранения вынудила ее присвоить себе над всей Францией, двенадцать ее членов вскоре присвоили себе над ней по той же причине и в силу той же необходимости. От Альп до моря, от Пиренеев до Рейна эти двенадцать диктаторов захватили все, как людей, так и вещи, и начали величайшую и ужаснейшую борьбу с народами Европы, когда-либо зарегистрированную в истории. Они проливали потоки крови, пока, став бесполезными после победы и одиозными из-за злоупотребления силой, не пали.

Затем Конвент снова взял диктатуру в свои руки и начал постепенно ослаблять пружины этой ужасной администрации. Обретя уверенность в победе, он прислушался к человечеству и потакал его духу возрождения. Она стремилась ко всему хорошему и великому и преследовала эту цель в течение года; но партии, раздавленные ее безжалостной властью, возродились благодаря ее милосердию. Две фракции, в которых смешались, под бесконечным разнообразием оттенков, друзья и враги Революции, атаковали ее по очереди. Он победил и то, и другое и до последнего дня проявлял себя героически среди опасностей. Наконец, оно выработало Республиканскую конституцию и после трехлетней борьбы с Европой, с фракциями, с самим собой, изувеченное и истекающее кровью, самораспустилось и передало правительство Франции Директории".[450]

СНОСКИ:

[441] Воспоминания герцогини д'Абрантес, стр. 90.

[442] Тьер, том iii., стр. 242. Новый Ежегодный реестр.

[443] "История французской революции" Карлейля, том ii., стр. 460.

[444] "Эта Конституция была лучшей, мудрейшей, либеральной и предусмотрительной из всех, которые когда-либо были созданы или проектировались; она содержала результат шестилетнего революционного и законодательного опыта".-*Минье*, стр. 301.

[445] Лас Касас.

[446] В следующем отчете о состоянии Франции в это время нет преувеличения: "С тех пор, как Франция стала республиканской, все виды зла обрушились на ее преданную голову. Голод, полное прекращение торговли, гражданская война с ее обычными спутниками — пожарами, грабежом, мародерством и убийствами. Правосудие было прервано; беззаконие взяло в руки меч закона; имущество разграблено; конфискация стала нормой дня; эшафот возведен навсегда; клеветнические доносы получили наивысшую оценку. Во всеобщем запустении не было недостатка ни в чем". —*Хист. de la Conv.*, том ii., стр. 215, 216.

[447] Воспоминания герцогини д'Абрантес, стр. 118.

[448] "После этого памятного конфликта, когда Конвент публично с энтузиазмом принял Бонапарта, заявившего, что он и Баррас заслуживают блага своей страны, в нем произошла большая перемена, и перемена во внимании к его персоне была не менее примечательной.

Теперь он выезжал на улицу только в красивом экипаже и жил в очень respectable доме на улице Капуцинок. Короче говоря, он стал важной, необходимой личностью, и все это без шума, как по мановению волшебной палочки". — *Герцогиня Абрантес*.

[449] Генеральные штаты провели свою сессию 6 мая 1789 года.

[450] Тьер, отв. ред., том iii., стр. 333.

ГЛАВА XXXIX.

СПРАВОЧНИК.

Создание Директории.—Тревожное состояние государственных дел.—Новая экспедиция в Вандею.—Смерть дофина.—Освобождение принцессы.—Усмирение Вандеи.—Беспорядки в Лондоне.—Казнь Шаретта.—Наполеон принимает командование итальянской армией.—Первая прокламация.—Триумфы в Италии.—Письмо генерала Гоша.—Мир с Испанией.—Создание Чиспаданской республики.—Переговоры с Англией.—Предполагаемое вторжение в Ирландию.—Мемориалы Вулфа Тона.—Плачевное состояние государственных дел.—Описание Наполеона.—Состав каталога.

Правительство Директории приступило к работе 27 октября 1795 года. Два законодательных органа, Совет древних и Совет Пятисот, встретились и выбрали пятерых директоров - Ларевильера Лепо, Ле Турнера, Ребеля, Карно и Барраса. "Среди них, - говорит Тьер, - не было ни одного гениального человека, ни даже человека с высокой репутацией, за исключением Карно. Но что было делать в конце кровавой революции, которая за несколько лет поглотила несколько поколений гениальных людей всех мастей? В Ассамблеях не осталось ни одного выдающегося оратора; в дипломатии не осталось ни одного знаменитого переговорщика". [451] Состояние общественных дел в то время было крайне плачевным. Бесчисленные группировки беспокоили государство. На границах бушевала очень кровопролитная война. Угли гражданской войны все еще тлели и часто вспыхивали пламенем. Три могущественные партии боролись почти с энергией отчаяния за господство — старые роялисты, термидорианцы, или умеренные республиканцы, и якобинцы, которые использовали в качестве великого инструмента террора энергию парижской черни. Многие из самых умных людей уже предвидели, что у смятенной Франции нет другой надежды, кроме как на действие некоего могущественного ума, который мог бы упорядочить буйные стихии и создать порядок из неразберихи. [452]

Британское правительство, ничуть не смущенное катастрофой при Кибероне, направило теперь еще одну экспедицию к берегам Вандеи, чтобы поднять роялистов на восстание. Экспедиция состояла из двух тысяч английских пехотинцев, пятисот всадников, нескольких полков французских эмигрантов, большого количества офицеров, которые должны были принять командование над мобилизованным крестьянством, и оружия, боеприпасов, провизии, одежды и золота в изобилии. Если бы эта экспедиция успешно высадилась и сплотила вокруг себя повстанцев-роялистов в многообещающем количестве, за ней немедленно последовала бы другая, еще более могущественная. Командовать этими силами был назначен граф д'Артуа (Карл X.). Шаретт, очень бесстрашный вождь роялистов, собрал около десяти тысяч крестьян и командовал побережьем, чтобы приветствовать захватчиков. Но генерал Гош напал на восставших вандейцев и рассеял их; и английский флот, пробыв

некоторое время у побережья, будучи неспособным произвести высадку и разочаровавшись в поддержке, которую они надеялись встретить, отказался от предприятия и вернулся в Англию.[453]

В то время как побережье Франции находилось, таким образом, под угрозой, союзники на Рейне одержали несколько очень решающих побед и отбросили разбитых республиканцев от себя. В казне Директории не было денег. Бумажные деньги, которые выпускались бесплатно, почти обесценились, и армии теперь были в нужде и лохмотьях. Таковы были трудности, с которыми пришлось столкнуться новому правительству.[454]

8 июня дофин скончался в Тампле. Пока он был жив, роялисты считали его законным королем Франции под титулом Людовика XVII. После его смерти эмигранты провозгласили графа Прованса королем, и он принял титул Людовика XVIII. Следует помнить, что Конвент послал нескольких депутатов арестовать Дюмуре, и что он схватил этих комиссаров и передал их австрийцам в качестве заложников. Теперь Директория обменяла юную принцессу, которая все еще находилась в горестном плену, на этих комиссаров и нескольких других выдающихся военнопленных, удерживаемых австрийцами. Было 19 декабря, когда это несчастное дитя покинуло свою камеру, где она перенесла такие муки, каких мало кто на земле знал, чтобы быть доставленной обратно во дворцы своих предков по материнской линии.

Пушки Наполеона, подавив мятежные отряды, установили правительство Директории. Чтобы обезопасить Париж и Францию от подобных сцен насилия, были организованы внушительные силы, названные Внутренней армией, и Наполеон был назначен командующим. Как по волшебству, под его умелым командованием это подразделение было организовано с высочайшей дисциплиной и эффективностью и, наводя страх на недовольных, поддерживало общественный порядок. Внушительный лагерь этих войск был разбит в Гренеле. Если бы не Napoleon, Каталог не мог бы появиться на свет. Если бы не Наполеон, она не смогла бы прожить и года, борясь с заговорами, которые когда-либо переполняли ее.[455] Генерал Гош, действуя с исключительной мудростью и гуманностью, преуспел в умиротворении жителей Вандеи. Они сложили оружие, и в этом обезумевшем регионе был восстановлен мир. Уильям Питт по-прежнему призывал к войне против Французской Республики. Английский *народ* был возмущен этими несправедливыми нападками на соседнюю нацию, пытающуюся сбросить цепи невыносимого рабства, и потребовал мира с Францией. Свободолюбивые англичане собирались огромными собраниями под открытым небом и осуждали военную систему в самых смелых и решительных выражениях. Когда король ехал в парламент, чернь преследовала его, забрасывала камнями его карету, била окна, и утверждалось, что в него стреляли из пневматического оружия. Питт, ехавший верхом на лошади, был узан населением и с трудом вырвался из их покрытых грязью рук. Фокс и Шеридан в парламенте громко и красноречиво осуждали военные меры министерства.[456] Питт пытался защититься от нападков оппозиции, заявив, что *английская кровь* не проливалась. "Верно, - ответил Шеридан, - английская кровь не была пролита, но английская честь сочилась из каждой поры".

Союзники, воодушевленные своими успехами на Рейне, приготовились вести войну с новой энергией. Питт добился от парламента нового займа в размере тридцати пяти миллионов долларов. Генерал Бонапарт был переведен с должности командующего армией внутренних дел на должность командующего армией Италии. Он немедленно начал итальянскую кампанию, которая принесла ему известность во всем мире.

Хотя вандейцы сложили оружие и радовались миру, Шаретт бродил по стране, отвергая все попытки примирения и с большой энергией стремясь поднять новые силы восстания. Полное умиротворение Вандеи теперь зависело от захвата Шаретта. С почти беспрецедентной энергией и храбростью ему удавалось в течение нескольких месяцев ускользать от своих врагов. Наконец, 24 марта 1796 года он попал в засаду. Он был вооружен до зубов и сражался со свирепостью загнанного тигра. Он получил несколько ударов саблей, прежде чем упал и был закреплен. На допросе он с достоинством подтвердил свое отвращение к республиканизму и свою преданность королевской власти. Он залил землю кровью гражданской войны и, как предатель, был обречен на смерть. 30 марта его вывели на казнь. Всего в нескольких шагах перед ним выстроился взвод солдат. Он стоял прямо, с непокрытыми глазами, и, по-видимому, без малейшего нервного трепета отдал команду стрелять. Он упал замертво, пронзенный множеством пуль. Он проявил изумительный героизм в плохом деле. Отказываясь подчиняться законам, установленным подавляющим большинством его соотечественников, он заливал землю кровью в попытке снова заковать Францию в цепи самого невыносимого деспотизма. Роялисты по всей Европе оплакивали его смерть. Но Франция ликовала, поскольку падение Шаретта положило конец гражданской войне.

Сто тысяч человек находились под командованием генерала

Гош в борьбе в Вандее. Теперь они были вольны выступить против иностранного захватчика. Две мощные армии, по восемьдесят тысяч каждая, были собраны на Рейне. Но они не смогли удержать свои позиции против превосходящих численностью австрийцев. В одном из таких сражений был убит выдающийся молодой генерал Марсо. В него попала пуля, выпущенная тирольским стрелком, и он упал с лошади, смертельно раненный. Его солдаты, быстро отступая, не смогли спасти его, и он был оставлен в своей крови на милость победителей. Австрийцы великодушно сделали все, что было в их силах, чтобы помочь ему, но через три дня он умер на двадцать седьмом году жизни.

ЛА ШАРЕТТ ВЗЯТ В ПЛЕН.

Около тридцати тысяч французских солдат, одетых в лохмотья, без боевого снаряжения и почти умирающих от голода, безуспешно сражались со своими врагами на южных склонах Апеннин. Наполеон был назначен командующим этими голодающими войсками, но правительство не смогло выделить ему никаких средств для ведения войны. 27 марта он встал во главе этих ослабленных и обескураженных батальонов. Офицерами его штаба были молодые генералы, впоследствии получившие большую известность, — Анжеро, Массена, Лагарп, Серрюрье и Бертье. Призыв в *массовом порядке* пополнился молодыми людьми из хороших семей, хорошо информированными, отчетливо понимающими природу конфликта, ненавидящими старый феодальный деспотизм, который союзная Европа пыталась навязать им заново, и с энтузиазмом преданными принципам свободы и равных прав, которые Революция пыталась внедрить. Хотя большинство из них были молоды, многие из них провели годы в полевых условиях, видели много кровопролитных сражений и, привыкнув к тяготам войны, были солдатами-ветеранами. Шестьдесят тысяч пьемонтцев и австрийцев под командованием Колли и Болью заняли северные склоны и гребни гор, пытаясь прорваться через ущелья во Францию. Первые слова Наполеона, обращенные к своим войскам, пробудили их, как электрический разряд.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА МАРСО.

"Солдаты, - сказал он, - вас плохо кормят, вы почти голые. Правительство вам многим обязано, но ничего не может для вас сделать. Ваше терпение, ваше мужество делают вам честь, но не приносят вам ни славы, ни преимуществ. Я собираюсь повести вас на самые плодородные равнины в мире. Вы найдете там большие города, богатые провинции; вы найдете там честь, славу и богатство. Солдаты Италии, неужели ваше мужество покинет вас?"

12 апреля его войска пришли в движение. Последовала серия отчаянных сражений и блестящих побед. По прошествии двух недель Наполеон издал следующее воззвание:

"Солдаты, за две недели вы одержали шесть побед, взяли двадцать одну пару знамен, пятьдесят пять пушек, несколько крепостей и завоевали богатейшую часть Пьемонта. Вы взяли пятнадцать тысяч человек в плен и убили или ранили более десяти тысяч человек. До сих пор вы сражались за голые скалы, прославленные своим мужеством, но бесполезные для страны. Своими заслугами вы теперь соперничаете с армией Голландии и на Рейне. Лишенный всего, вы удовлетворили все свои потребности. Вы выигрывали сражения без пушек, форсировали реки без мостов, совершали форсированные марши без обуви, разбивали биваки без бренди и часто без хлеба. Республиканские фаланги, одни только солдаты свободы, могли бы вынести то, что вынес ты. Спасибо тебе за это, солдат. Ваша благодарная страна будет обязана вам своим процветанием; и если ваша победа при Тулоне предвещала славную кампанию 1793 года, то ваши нынешние победы предвещают еще более славную. Две армии, которые так недавно смело атаковали вас, в ужасе бегут перед вами. Порочные люди, которые смеялись над вашим горем и мысленно радовались триумфу ваших врагов, сбиты с толку и трепещут.

"Но, солдаты, вы ничего не сделали, поскольку многое еще предстоит сделать. Ни Турин, ни Милан не ваши. Прах победителей Тарквиния до сих пор попирается убийцами Бассевиля".[457]

Теперь Наполеон собрал все свои силы, чтобы изгнать австрийцев из Италии. За два месяца работа была закончена, и Париж, Франция, Европа была наэлектризована рассказами о дерзких и успешных деяниях, каких война никогда прежде не совершала. Во всех городах Италии французские армии были встречены как освободители, ибо поработанные итальянцы стремились сбросить ненавистное иго австрийского деспотизма. Наполеон, безгранично уверенный в себе и очень мало уважающий слабаков, составлявших Директорию, взял все вопросы дипломатии, равно как и войны, в свои руки и, поддерживаемый энтузиазмом своих солдат, уладил дела Италии в соответствии со своими собственными представлениями о целесообразности.

Роялисты, надеявшиеся на свержение Республики и возвращение Людовика XVIII, были чрезвычайно огорчены этими победами. Они не оставили без применения ни одного средства клеветы, чтобы запятнать имя Наполеона. Европа была полна лжи о нем, и ходили слухи, что из Парижа должны были прислать генерала Гоша, чтобы арестовать его в окружении его армии. Эти слухи приобрели такую важность, что правительство написало письмо Наполеону, опровергающее их; а генерал Гош с великодушием человека, неспособного к ревности, от своего имени опубликовал письмо, выражающее его восхищение командующим итальянской армией.

"Люди, - писал он, - которые, скрываясь или оставаясь неизвестными в первые годы основания Республики, теперь думают только о поиске средств ее уничтожения и говорят об этом только для того, чтобы оклеветать ее самых стойких сторонников, уже несколько дней распространяют слухи, наиболее вредные для армий и для одного из командовавших ими генералов. Неужели они больше не могут достичь своей цели, открыто переписываясь с ордой заговорщиков, проживающих в Гамбурге? Должны ли они, чтобы заручиться покровительством хозяев, которых они желают передать Франции, очернять предводителей армий? Почему же тогда Бонапарт является объектом гнева этих дворян? Это потому, что он избил их самих и их друзей в Вандеии?[458] Это потому, что он распускает армии королей и предоставляет Республике средства для доведения этой почетной войны до славного завершения? Ах, храбрый юноша, где тот солдат-республиканец, сердце которого не горело бы желанием подражать тебе? Мужайся, Бонапарт! веди наши победоносные армии на Неаполь, на Вену; ответь своим личным врагам унижением королей, приданием нового блеска нашим армиям и оставь нам задачу поддерживать твою славу".

Тем не менее роялисты были заняты непрекращающимися заговорами и интригами с целью свержения правительства. Казначейство было совершенно разорено, бумажные деньги, почти ничего не стоящие, наводнили страну, а финансы находились в состоянии неразрешимого замешательства. Якобинцы и роялисты в равной степени стремились свергнуть Директорию любыми мыслимыми мерами государственной измены и насилия. Никогда еще нация не была в более плачевном состоянии, измученная иностранной войной, потребовавшей всех ее сил, и раздираемая внутренними раздорами, которые, казалось, никакая человеческая мудрость не могла излечить.

Якобинцы пошли даже на отчаянную меру, инсценировав восстание роялистов; они разбросали белые кокарды, эмблему власти Бурбонов; они кричали *Да здравствует король!* и стрелять из ружей и бросать петарды на улицы, чтобы люди, встревоженные опасностью реставрации Бурбонов, могли броситься в объятия якобинцев за защитой.[459]

Толпа из почти тысячи самых решительных мужчин ночью 10 сентября двинулась маршем на лагерь в Гренеле, надеясь побрататься с солдатами в этом предательском стремлении свергнуть правительство. Несколько сотен человек пали убитыми или ранеными в этой отчаянной попытке.

НОЧЬ НА 10 сентября 1796 ГОДА.

Теперь Директория попыталась вступить в мирные отношения с другими державами и заключила с Испанией союзный договор, наступательный и оборонительный. С той же целью были отправлены послы в Османскую Порту и Венецию. Пьемонт запросил мира и получил его. Итальянцы Верхней Италии, ликующие по поводу своего освобождения от австрийцев, под покровительством Наполеона основали Чиспаданскую республику. Без поддержки его сильной руки они и дня не смогли бы противостоять посягательствам окружающих деспотизмов. Первое Национальное собрание этой молодой республики собралось в Модене 16 октября 1796 года. Народ был наэлектризован восторгом от этого неожиданного достижения свободы. Ассамблея направила обращение Наполеону, информируя его о принципах своего нового правительства.

"Никогда не забывайте, - сказал Наполеон в своем ответе, - что законы - это просто ничтожество без силы, необходимой для их поддержки. Позаботьтесь о своей военной организации, которую у вас есть средства поставить на достойную основу. Тогда вам повезет больше, чем народу Франции, ибо вы обретете свободу, не пройдя через суровые испытания революции".

Директория в течение некоторого времени пыталась заключить мир с Англией. 18 декабря британское правительство заявило, на каких условиях оно согласится вложить меч в ножны. М. Тьер выражает чувства Франции в связи с этим предложением в следующих выражениях:

Таким образом, Франция, несправедливо втянутая в войну, после того как она потратила огромные суммы и вышла из нее победительницей, не получила ни одной провинции, в то время как северные державы только что разделили между собой королевство (Польшу), а Англия недавно сделала огромные приобретения в Индии. Франция, которая все еще занимала линию Рейна и была хозяйкой Италии, должна была покинуть Рейн и Италию по первому требованию Англии! Такие условия были абсурдны и неприемлемы. Само их предложение было оскорблением, и их нельзя было слушать".[\[460\]](#)

Чтобы добиться мира, Директория теперь замышляла прямое нападение на Англию. Ирландские католики, насчитывавшие более трех миллионов человек, непримиримо ненавидевшие своих английских завоевателей, были полны решимости восстать под гарантии Франции и установить республиканское правительство. Они послали секретных агентов в Париж для переговоров с Директорией. Вулф Тон, один из лидеров ирландских революционеров, обратился с письмами к Французской директории с просьбой о помощи.

"Католиков Ирландии, - сказал он, - 3 150 000 человек, и все они с младенчества воспитаны в наследственной ненависти и отвращении к английскому имени. В течение этих пяти лет они самым пристальным образом смотрели на Францию, которая, по их мнению, с большой справедливостью ведет их битвы, а также битвы всего угнетенного человечества. Из этого класса, я готов поспорить головой, найдется 500 000 человек, которые встали бы под знамена Республики, если бы увидели, как они однажды подняли их во имя свободы и своей страны.

Республика также может с уверенностью рассчитывать на поддержку инакомыслящих, руководствующихся разумом и размышлениями, а также католиков, движимых нищетой и воспламеняемых отвращением к английскому имени. В 1791 году диссиденты Белфаста впервые сформировали Клуб объединенных ирландцев, названный так потому, что в этом клубе впервые диссиденты и католики были замечены вместе в гармонии и единстве. Были быстро сформированы соответствующие клубы, целью которых было свергнуть тиранию Англии, установить независимость Ирландии и создать свободную республику на широкой основе свободы и равенства.

"У католиков тоже есть организация, возникшая примерно в то же время, что и упомянутые выше клубы, но состоящая только из католиков. В июне прошлого года оно охватило все крестьянство провинций Ольстер, Лейнстер и Коннот, то есть трех четвертей нации, и я почти не сомневаюсь, что с тех пор оно распространилось на Мюнстер, оставшуюся провинцию. Взоры всего этого сообщества, о котором можно сказать, почти без указания конкретных цифр, что это народ Ирландии, с самым тревожным ожиданием обращены к Франции за помощью и поддержкой. В присяге их союза говорится, что они будут верны объединенным нациям Франции и Ирландии".[461]

Было тайно решено организовать экспедицию в Ирландию. Флот из пятнадцати линейных кораблей, двадцати фрегатов, шести люггеров и пятидесяти транспортов, на борту которых находилось шестнадцать тысяч военнослужащих, отплыл 16 декабря, чтобы высадиться в заливе Бантри на побережье Ирландии. Но в ту же ночь после того, как эскадра покинула порт, разразился сильный шторм, в результате которого одно судно затонуло, а флот был широко рассеян. Последовала необычная серия жертв. Некоторые корабли вошли в бухту, но, не найдя своих товарищей, выждав некоторое время, вернулись во Францию. Вскоре вошли другие корабли экспедиции, но, обнаружив бухту пустынной, они также вернулись. Таким образом, экспедиция оказалась полной неудачей.[462]

Неэффективная Директория была совершенно неспособна исправить беспорядки, в которые были ввергнуты внутренние дела государства. Они громко жаловались, что лишь усиливало недовольство и отвращение. Пресса, будучи совершенно свободной, предавалась крайнему насилию; роялисты и якобинцы безжалостно нападали на слабое правительство и всячески препятствовали его деятельности. Армия Италии одержала победу — почти чудесным образом. Везде, где еще была Республика, она была в опале. Директория попыталась

возложить вину за общественные бедствия на два Совета и опубликовала следующее сообщение, которое было столь же правдивым, сколь и опрометчивым:

"Все ведомства в бедственном положении. Войскам не выплачивается жалование; защитники страны, одетые в лохмотья и изнемогающие от нужды, с отвращением вынуждены дезертировать. В больницах нет мебели, огня и лекарств. Благотворительные учреждения, доведенные до крайности, отталкивают бедных и немощных. Кредиторы государства, подрядчики, снабжающие армии, с трудом получают лишь малую часть причитающихся им сумм. Бедственное положение удерживает в стороне людей, которые могли бы оказывать те же услуги лучше и дешевле. Дороги перерезаны, связь прервана. Государственные чиновники остались без жалования; от одного конца Республики до другого судьи и администраторы, как можно видеть, поставлены перед ужасной альтернативой: либо влачить со своими семьями жалкое существование, либо быть обесцеленными, продав себя интриганам. Злонамеренные люди повсюду заняты делом. Во многих местах организуются убийства, и полиция без активности, без энергии, потому что у нее нет финансовых средств, не может положить конец этим беспорядкам".

Все взоры были устремлены на достижения Наполеона, который со сверхчеловеческой энергией уничтожал армию за армией союзников, поражая Европу своими подвигами и вызывая восхищение своих соотечественников. Тьер так описывает положение, которое он тогда занимал в общественном сознании:

"Болезнь вкупе с чрезмерной усталостью во время кампании чрезвычайно ослабили его. Он едва мог сидеть верхом; его щеки были впалыми и багровыми. Весь его вид был плачевен. Только глаза, по-прежнему яркие и пронзительные, как всегда, указывали на то, что огонь его души не угас. Его физические пропорции составляли странный контраст с его гением и известностью, контраст, забавляющий солдат, одновременно веселых и восторженных. Несмотря на упадок его сил, его необычайная энергия поддерживала его и придавала активность, которая применялась ко всем объектам сразу.

- Он начал то, что сам называл *войной с разбойниками*. Интриганы всех мастей стекались в Италию с целью внедриться в управление армиями и поживиться богатствами этой прекрасной страны. В то время как простота и нищета царили в армиях на Рейне, в Италии царила роскошь — роскошь столь же великая, как и ее слава. Солдат, хорошо одетых и накормленных, повсюду принимали радушно, и они жили в удовольствии и изобилии. Офицеры, генералы участвовали во всеобщем изобилии и заложили основы своего состояния.

"Бонапарт, в котором были все страсти, но который в тот момент был поглощен одной страстью - славой, жил просто и аскетично, ища отдыха только в обществе своей жены, к которой он был нежно привязан и которая по его желанию приехала в его штаб-квартиру. Возмущенный беспорядками администрации, он строго изучил мельчайшие детали, проверил путем личного досмотра счета компаний, безжалостно осудил нечестных администраторов и привлек их к ответственности".

Среди режиссеров Карно был одним из благороднейших людей. Чистоту его характера клевета никогда не пыталась запятнать. Баррас был бесстрашным солдатом и бесстыдным развратником. Он хвастался распутством, которому открыто предавался, и бунтовал в безграничной расточительности, которую поддерживал с помощью коррупции и взяток. Ребель был юристом, человеком способным и честным.^[463] Эти трое мужчин принадлежали к разным политическим партиям во время Революции, и каждый ненавидел других. Ларевильер был честным человеком, но лишенным тех командирских качеств, которые столь

необходимы для занимаемого им поста. Ле Турнер был тщеславным, добродушным человеком, который просто повторял голос Карно. Все директора, кроме Барраса, вместе со своими семьями занимали апартаменты в Люксембургском дворце. В общественном сознании эта противоречивая Директория состояла из двух партий: Баррас, Ребель и Ларевильер составляли большинство, а Карно и Ле Турнер - оппозицию.

СНОСКИ:

[451] Тьер, История Французской революции, том iii., стр. 338.

[452] "Франция, измученная всеми видами страданий, потеряла даже способность жаловаться; и мы все достигли такой точки депрессии, что смерти, если бы она не сопровождалась болью, пожелал бы даже самый молодой человек, потому что она предлагала перспективу отдохновения, и каждый жаждал этого благословения любой ценой. Но было предопределено, что многие дни, месяцы и годы все еще должны продолжаться в состоянии ужасного возбуждения, истинного предвкушения адских мук". — *Воспоминания герцогини Абрантешской*, стр. 296.

[453] А *Republican* не рассматривает это стремление британского правительства разжечь гражданскую войну во Франции так, как это рассматривает *роялист*. "Больно размышлять о том, - говорит мистер Элисон, - насколько иным мог бы быть исход кампании, если бы Великобритания действительно выставила свои силы в борьбе и, вместо того чтобы высаживать несколько тысяч человек на побережье, оцетинившемся штыками, послала тридцать тысяч человек сражаться с республиканцами, пока силы роялистов не будут организованы настолько, что смогут выступить на поле боя с регулярными войсками". Именно эта настойчивая решимость британского правительства и союзной Европы не допустить во Франции свободных институтов привела почти ко всем кровавым сценам Французской революции и почти на четверть века обогрела Европу кровью.

[454] "Все эти силы [Республики] находились в состоянии крайней нищеты и были полностью лишены снаряжения, необходимого для ведения кампании. У них не было ни кессонов, ни лошадей, ни складских запасов. Солдаты были почти голыми, и даже генералы часто испытывали недостаток в самом необходимом для жизни. Множество людей воспользовалось ослаблением власти после падения Робеспьера, чтобы дезертировать и вернуться в свои дома, а правительство, столь далекое от того, чтобы вернуть им их цвета, было даже не в состоянии набрать призывников во внутренних районах, чтобы занять их место". — *Элисон*, том i, стр. 369.

Бумажных денег было выпущено почти невероятное количество в 2 000 000 000 долларов, или 10 000 000 000 франков. Эти бумажные деньги настолько обесценились, что фунт сахара стоил восемьдесят долларов бумажными деньгами.

[455] Тьер, История. Французское издание, том iii., стр. 353.

[456] Там же, том iii., стр. 364.

[457] Месье Бассевиль, посланник Французской Республики в Риме, подвергся нападению толпы и был жестоко убит.

[458] Подавление повстанческих отрядов.

[459] Французская революция Тьера, том iv., стр. 10.

[460] Французская революция Тьера, том iv., стр. 66.

[461] Первый мемориал Вулфа Тона французскому справочнику, том ii., стр. 187.

[462] "Любопытно предположить, каким мог бы быть результат, если бы Гошу удалось высадиться с шестнадцатью тысячами своих лучших войск на берегах Ирландии. Тем, кто действительно принимает во внимание патриотический дух, неукротимую доблесть и стойкий характер английского народа, а также полное господство, которое они имели на море, конечный исход такого состязания не может показаться сомнительным; но столь же очевидно, что добавление таких сил и столь способного командира к многочисленным отрядам ирландских недовольных вызвало бы ужасную внутреннюю войну и что вся энергия империи могла бы в течение очень длительного периода быть направлена на то, чтобы спасти себя от расчленения". — *История Европы Элисон*, том i., стр. 444.

[463] "Карно, Баррас, Ребель и Ларевильер были членами Конвента; и, хотя ни один из них не прославился во время правления террора каким—либо зверским актом, все же трое первых проголосовали за смерть короля — голосование, которое, несмотря на фатальные, хотя и весомые соображения, которые могут быть представлены в качестве смягчения, поместило их в число самых яростных Якобинцев и наносил ущерб тому уважению, с которым к ним следовало относиться". - *Воспоминания Лавалетта*.

ГЛАВА XL.

СВЕРЖЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ И УЧРЕЖДЕНИЕ КОНСУЛЬСТВА.

Провозглашение Наполеона.—Поход в Австрию.—Письмо эрцгерцогу Карлу.—Предварительные условия заключения мира.—Союз партий против Директории.—Триумф Директории.—Агентура Наполеона.—Суровые меры Директории.—Возмущение Наполеона.—Диктатура Директории.—Смятение роялистов.—Кампо-Формийский мирный договор.—Обращение Наполеона к Чиспаданской республике.—Замечания Наполеона.—План вторжения в Индию.—Экспедиция в Египет.—Новая коалиция.—Раштадт.

Шел март 1797 года, и Наполеон, изгнав австрийцев из Италии, издал следующую прокламацию, ничем не преувеличенное изложение фактов, которые поразили и ужаснули враждебную Европу:

- Солдаты! взятие Мантуи положило конец войне в Италии. Вы одержали победу в четырнадцати ожесточенных битвах и семидесяти боевых действиях. Вы взяли 100 000 пленных, 500 полевых орудий, 2000 тяжелых пушек и четыре понтонных поезда. Вносы, внесенные в завоеванные вами страны, накормили, содержали и платили армии; кроме того, вы направили тридцать миллионов (6 000 000 долларов) министру финансов для использования в государственной казне. Вы обогатили Парижский музей тремя сотнями шедевров древней и современной Италии, на создание которых потребовалось тридцать столетий. Вы завоевали для Республики лучшие страны Европы. Короли Сардинии и Неаполя, папа римский и герцог Пармский вышли из коалиции. Вы изгнали англичан из Ливорно, Генуи и Корсики. Вас ожидают еще более высокие судьбы. Вы докажете, что достойны их. Из всех врагов, которые объединились, чтобы задушить нашу Республику при ее рождении, остался только император".

16 марта маленькая армия Бонапарта пересекла Тальяменто и двинулась на Вену, чтобы заставить Австрию прекратить незаконную войну, которая вот уже шесть лет опустошала Европу. Последовало сражение за сражением, и австрийцы встретились с французами только для того, чтобы потерпеть поражение. 31 марта Наполеон написал эрцгерцогу Карлу, который был братом императора и главнокомандующим австрийскими войсками, следующее:

Главнокомандующий: храбрые солдаты развязывают войну и желают мира. Разве эта война не длилась шесть лет? Разве мы недостаточно убили людей и причинили достаточно бедствий страдающему человечеству? Это вопиет со всех сторон. Европа, которая подняла оружие против Французской Республики, сложила его. Осталась только ваша нация, и все же крови вот-вот прольется больше, чем когда-либо.

"Исполнительная директория Французской Республики сообщила его величеству императору о своем желании положить конец войне, от которой страдают обе нации. Вмешательство Лондонского суда воспротивилось этому желанию. Значит, нет никакой надежды на достижение договоренности? И должны ли мы продолжать убивать друг друга ради интересов и страстей нации, которая ничего не знает о бедствиях войны? Вы, генерал, который по рождению так близок к трону и превышает всех мелких страстей, которые так часто движут министрами и правительствами, полны решимости заслужить титул благодетеля всего человечества и настоящего спасителя Германии?"

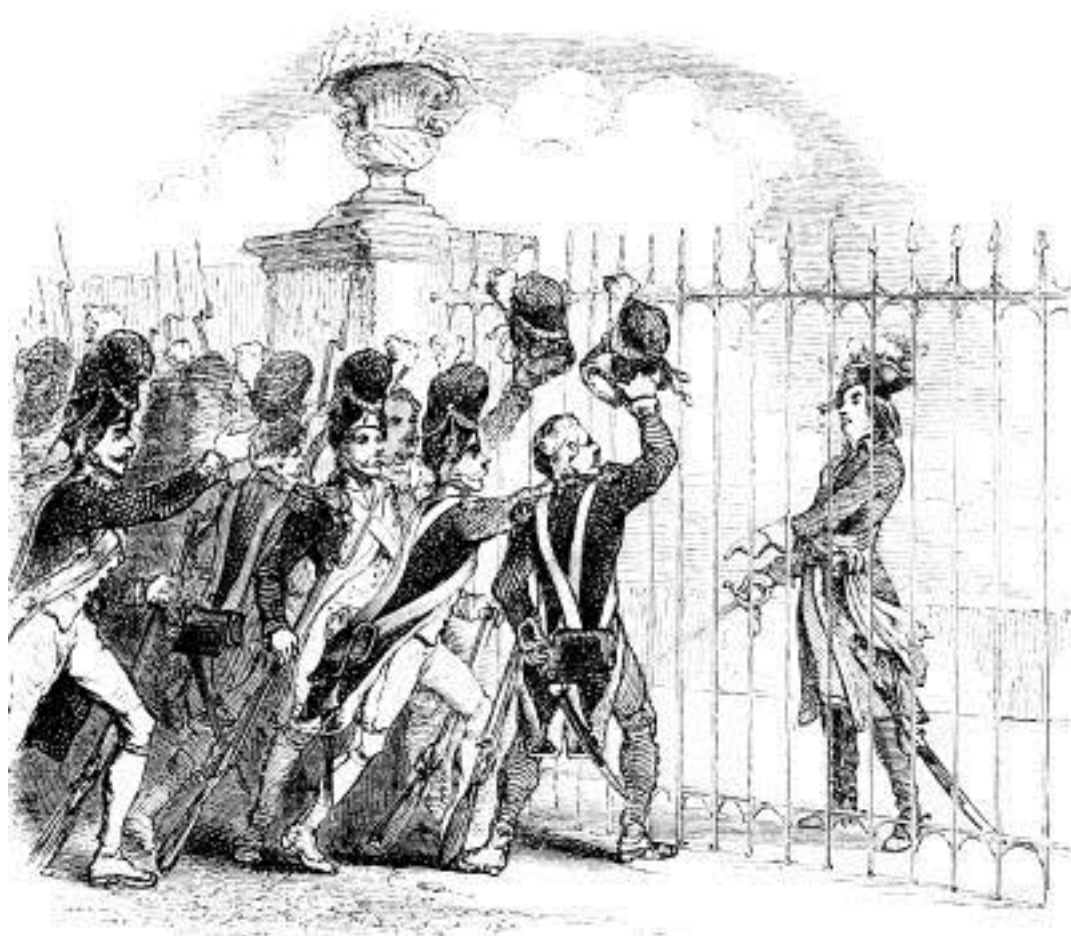
- Не воображайте, генерал, что я имею в виду, что спасти ее силой оружия невозможно. Но, даже предположив, что шансы войны повернутся в вашу пользу, Германия от этого не станет менее разоренной. Что касается меня, генерал, если увертюра, которую я имею честь предложить вам, может спасти жизнь хоть одному человеку, я буду больше гордиться гражданской короной, которую, как я буду чувствовать, заслужил, чем печальной славой, которая может быть результатом военных успехов".[\[464\]](#)

Эрцгерцог ответил, что ему приказано вести войну, и у него нет полномочий вступать в переговоры об условиях мира.[\[465\]](#) Война теперь развернулась с новой силой, поскольку французы прогнали австрийцев через ущелья Тироля и вступили на равнины Германии. Но прошло несколько дней, прежде чем Наполеон приблизился к венским шпилям. Столица была в смятении; народ требовал мира; эрцгерцог настаивал на этом, заявляя, что он совершенно неспособен защитить город. Австрийский двор теперь умолял завоевателя о помиловании и направил уполномоченных к Наполеону в его штаб-квартиру в Леобене со всеми полномочиями для установления основ мира. Предварительные соглашения были подписаны в Леобене 18 апреля, что положило конец кровопролитию.

На выборах в мае трети из двух законодательных органов контрреволюционеры получили большинство в обеих палатах. Это чрезвычайно обрадовало роялистов. Теперь оба Совета начали яростную войну против Республиканской директории, стремясь свергнуть ее и восстановить не старый деспотизм Бурбонов, а конституционную монархию 1791 года. Теперь на поле боя действовали четыре партии. Старая партия Бурбонов, друзья конституционной монархии, республиканцы и якобинцы. Три из этих партий объединились против Директории, каждая из которых надеялась, свергнув Директоров, установить свои собственные принципы. Один из директоров должен был уйти. Роялистам удалось поставить на его место контрреволюционера Бартеlemi. Возникший теперь конфликт заключался в том, следует ли упразднить Республиканскую директорию или сохранить ее. Очевидно, назревал острый конфликт. Директория возглавляла одну партию, два Совета - другую. В соответствии с катастрофическим характером времени обе партии начали подсчитывать

штыки вместо голосов, чтобы решить вопрос на поле крови. Эмигранты и священники возвращались в большом количестве, им пересылали поддельные паспорта из Парижа.

Советы располагали законодательной гвардией численностью в полторы тысячи человек и надеялись воспользоваться Национальной гвардией, тогда еще не полностью реорганизованной. Они также возлагали большие надежды на Пишегрю, который замышлял измену с целью реставрации Бурбонов. Конституция не позволяла ни одному из подразделений постоянной армии приближаться к Парижу ближе чем на тридцать шесть миль. Вопреки этому положению Директория под предлогом отправки новой экспедиции в Ирландию собрала под стенами метрополии двенадцать тысяч ветеранов. Генерал Бонапарт, сознавая опасность, грозящую Директории, и опасность восстановления королевской власти, послал бесстрашного Ожеро в Париж, чтобы помочь Директории в любой чрезвычайной ситуации. Директория была признанным правительством нации, и, каким бы идиотским оно ни было, ее насильственное свержение в то время могло привести только к анархии и крови.[466]

ОЖЕРО У МОСТА ТУРНАН.

В полночь 17 Фруктидора (3 сентября) двенадцать тысяч человек при сорока орудиях молчаливым маршем вошли в город и окружили Тюильри. Отряд законодательной гвардии был размещен на мосту Турнан, у входа в сад. Ожеро подошел к ним во главе многочисленного штаба. "Вы республиканцы?" - сказал он. Солдаты немедленно опустили оружие и закричали: "Да здравствует Ожеро! *Vive le Directoire!*" Они сразу же вступили в братство с войсками Директории. Победа была одержана; кровь не пролилась. В шесть часов утра, когда граждане проснулись, они с удивлением обнаружили, что ночью произошла революция.

Три победивших директора приговорили к изгнанию двух своих коллег, Карно и Бартелеми, сорок два члена Совета пятисот, одиннадцать членов Совета древних, нескольких агентов роялистов и сорок два редактора, издателя и владельца контрреволюционных журналов. Утверждение, что, если бы Советы одержали победу, они поступили бы с Директорией точно так же, является всего лишь жалким оправданием этих актов насилия. Директория, таким образом, установила диктатуру над несчастной, растерянной Францией; но даже это было лучше, чем анархия, и почти все было лучше, чем возврат к старому бурбонскому деспотизму.^[467] Это сигнальное поражение сокрушило надежды роялистов. Меньшинство Советов, действовавших в интересах Директории, было вновь собрано в Одеоне и Медицинской школе, и с помощью этой организации правительство попыталось заняться отвлеченными делами нации.^[468]

12 августа Ожеро написал генералу Бонапарту:

"Нет ничего более определенного, чем то, что, если общественное мнение существенно не изменится до приближающихся выборов, все будет потеряно, и гражданская война останется нашим последним ресурсом".

23 сентября Наполеон писал Ожеро: "Вся армия приветствует мудрость и энергию, которые вы проявили в этом кризисе, и искренне радуется успеху патриотов. Теперь остается только надеяться, что умеренность и мудрость направят ваши шаги. Это самое горячее желание моего сердца".^[469]

Но Наполеон был возмущен, когда услышал о чрезмерной строгости, принятой Директорией. "Возможно, было бы правильно, - писал он, - лишить Карно, Бартелеми и пятьдесят депутатов их назначений и установить за ними наблюдение в некоторых городах во внутренних районах страны. Пишегрю, Вилло, Имберт, Колонн и еще один или двое других могли бы справедливо искупить свою измену на эшафоте."^[470] Но видеть людей большого таланта, таких как Порталис, Дюкудре, Фонтанес; испытанных патриотов, таких как Буасси д'Англас, Дюмолар, Муриэн; верховных судей, таких как Карно и Бартелеми, осужденных без суда и следствия, ужасно. Что? наказать высылкой нескольких авторов памфлетов, заслуживавших лишь презрения и незначительного исправления, означало возобновить проскрипции римских триумвиров. Это означало действовать более жестоко, чем Фуке Тенвиль; поскольку он, по крайней мере, отдал обвиняемых под суд и приговорил их только к смерти. Все армии, весь народ были за Республику. Государственная необходимость не могла быть оправдана столь возмутительной несправедливостью, столь вопиющим нарушением законов и прав граждан".^[471]

Роялисты были встревожены этим внезапным бедствием. Священники и эмигранты, вернувшиеся в большом количестве, снова бежали к границам. Те, кто продвигался во Францию, отступили обратно в Швейцарию и Германию. Месье Мерлен и месье Франсуа — один юрист, другой литератор, и оба честные республиканцы — были выбраны вместо Карно и Бартелеми. Вина Пишегрю была полностью установлена. Моро, переходя Рейн, захватил бумаги генерала Клинглина, в которых он обнаружил всю предательскую переписку Пишегрю с принцем Конде.

Теперь директора с революционной энергией продвигали правительственные меры. Британское правительство, оказавшись лишенным всех союзников, отправило лорда Малмсбери в Париж для переговоров о мире. Британское министерство было готово отказаться от колоний, которые они отвоевали у Франции, но не откажется от колоний, которые они отвоевали у союзников Франции, Испании и Голландии. Трудно понять, как Директория, обладающая каким бы то ни было чувством чести, могла при таких

обстоятельствах отказаться от своих союзников. На этом этапе произошел разрыв, и война с Англией продолжала бушевать.[472]

28 октября был подписан Кампо-Формийский мирный договор, закрепивший мир с императором Германии. Директора направили Наполеону ультиматум, который исключил бы возможность заключения мира. Наполеон смело отверг их требования и заключил мир на своих собственных условиях. Нация приветствовала мир с такой радостью, а Наполеон был теперь так безгранично популярен, что Руководители не посмели отказать в его ратификации. Теперь Наполеон был готов вернуться во Францию. Он учредил Цизальпинскую республику и вынудил признать ее единственными державами, которые могли поставить под угрозу ее существование. Перед отъездом из Италии он обратился к этому государству в период зарождения его свободы следующим образом:

"Вы - первые люди в истории, которые стали свободными без фракций, без революций, без потрясений. Мы дали вам свободу; позаботьтесь о том, чтобы сохранить ее. Чтобы быть достойным своего предназначения, издавайте только сдержанные законы; добивайтесь их энергичного исполнения; поощряйте распространение знаний и уважайте религию. Составьте свою армию не из людей с дурной репутацией, а из граждан, проникнутых принципами Республики и тесно связанных с ее процветанием. Вам, в общем, необходимо произвести на себя впечатление ощущением своей силы и достоинства, подобающего свободному человеку. Разделенный и веками согбенный тиранией, вы бы без посторонней помощи не завоевали свою свободу. Через несколько лет, если вы будете предоставлены самим себе, никакая сила на земле не будет достаточно сильна, чтобы вырвать это у вас. До тех пор Франция будет защищать вас от нападений ваших соседей; ее политическая система будет объединена с вашей".[473]

Благословения итальянцев осыпали Наполеона, когда он уезжал. Когда он вступил во Францию, его повсюду встречали с любовью, восхищением и энтузиазмом. Его продвижение по департаментам было триумфальным шествием. В Париже его встретили артиллерийскими залпами, звоном колоколов, иллюминацией и одобрительными возгласами толпы. В лаконичном обращении Наполеона к правительственным властям на их торжественном приеме он выразил чувства в полном соответствии со всем своим предыдущим опытом и последующей карьерой.

"Французский народ, - сказал он, - чтобы стать свободным, должен был сражаться с королями. Чтобы добиться Конституции, основанной на разуме, ему пришлось преодолеть предрассудки восемнадцати веков. Конституция ТРЕТЬЕГО года. и вы победили, преодолев все препятствия. Религия, феодализм, королевская власть последовательно правили Европой на протяжении двадцати веков. Но с мира, который вы только что заключили, начинается эра представительных правительств. Вам удалось организовать великую нацию, чья огромная территория ограничена только потому, что сама природа установила ее границы. Вы сделали больше. Две прекраснейшие страны Европы, некогда столь известные искусствами, науками и великими людьми, колыбелью которых они были, с величайшими надеждами взирают на гений и свободу, исходящие из могилы их предков. Это два пьедестала, на которые судьба собирается возвести две могущественные нации. Я имею честь вручить вам договор, подписанный на Кампо Формио и ратифицированный его величеством императором. Мир обеспечивает свободу, процветание и славу Республики. Когда счастье французского народа будет основано на *лучших органических законах*, вся Европа станет свободной".

Наполеон, вернувшись в Париж, искал уединения, снял военную форму и с большим усердием посвятил себя изучению естественных и политических наук. Он был избран членом Института и занял свое место между выдающимися философами Лагранжем и Лапласом. В знак признания своего избрания он написал следующую записку:

"Избирательное право выдающихся людей, составляющих Институт, делает мне честь. Я здраво понимаю, что, прежде чем я смогу стать им равным, я должен долго быть их учеником. Единственные истинные победы, те, которые не вызывают сожаления, - это те, которые мы одерживаем над невежеством. Самым почетным, как и наиболее полезным занятием народов, является то, что способствует развитию человеческого интеллекта. Истинное величие Французской Республики отныне должно заключаться в том, чтобы не допустить существования ни одной новой идеи, которая не была бы добавлена к национальному фонду".

Впоследствии, говоря об этом периоде своей жизни, он заметил: "Человечеством, в конце концов, всегда управляет превосходство интеллектуальных качеств, и нет никого более чувствительного к этому, чем профессия военного. Когда, вернувшись в Париж из Италии, я надел институтскую одежду и общался с людьми науки, я знал, что делаю. Я был уверен, что самый низший барабанщик армии не будет понят превратно".

Директория часто консультировалась с ним по важным вопросам. Он не доверял правительству Директории и оказывал ему поддержку лишь постольку, поскольку препятствовал восстановлению королевской власти. Директория желала, чтобы он принял командование новой армией и попытался заключить на берегах Англии мир с тем правительством, которое теперь в одиночку продолжало войну. С этой целью он посетил побережье и тщательно изучил имеющиеся в его распоряжении ресурсы для вторжения в Англию. Он, однако, объявил проект слишком опасным и убедил Директорию, что единственное уязвимое место, которое представляла Англия, было в Индии. В соответствии с этим предложением была снаряжена секретная экспедиция для вторжения в Индию через Египет.

19 мая 1798 года египетская экспедиция отплыла из Тулона. Для урегулирования бесчисленных мелких дел, связанных с германскими государствами, в Раштадте уже несколько месяцев заседал Конгресс послов Австрии, Франции и Германии. Британское правительство тем временем энергично начало попытки объединить монархии Европы в новой войне против Франции. Он воззвал к страхам всех государей, показав им, что терпимость к любым республиканским институтам в Европе ставит под угрозу все их троны.

"Англия, - говорит Тьер, - с целью разжечь этот страх наполнила все дворы своими эмиссарами. Она убеждала нового короля Пруссии отказаться от своего нейтралитета и уберечь Германию от наводнения. Она пыталась воздействовать на своевольного и жестокого императора Павла. Она стремилась встревожить Австрию и предлагала ей субсидии, если та возобновит войну. Она разжигала глупые страсти неаполитанской королевы".^[474]

По всей Европе снова началась война, угрожавшая Франции. Пока комиссары вели переговоры в Раштадте, армии новой коалиции начали свой марш. Перед ними не было альтернативы. Принципы свободы быстро распространялись по Европе; и деспотические монархи могли сохранить свои троны, только утолив этот дух кровью. Они были вынуждены либо сражаться, либо сдаться. "Монархи поступили правильно, защитив свои троны", - говорят роялисты. "Народ поступил правильно, защитив свои свободы", - говорят республиканцы. До тех пор, пока в мире существуют сторонники аристократических

притязаний и поборники народных прав, до тех пор эти пункты будут оспариваться. Королева Неаполя начала военные действия без какого-либо объявления войны, отправив армию в пятьдесят тысяч человек, чтобы изгнать французов из Италии в ноябре 1798 года. Французские армии теперь перешли Рейн и вошли в Германию. Русская и австрийская армии немедленно пришли в движение. Французские послы в Раштадте получили приказ выступить в течение двадцати четырех часов. В девять часов вечера 28 апреля три министра, Дебри, Боннье и Робержо, отправились в путь со своими семьями. Они заняли три экипажа. Едва они покинули город, как в темноте на них бросился отряд австрийских гусар и, вытащив беспомощных послов из карет, зарубил их на глазах у их жен и детей. Негодяи разграбили вагоны и унесли все бумаги. Дебри, хотя и остался без чувств и считался мертвым, ожил и, покрытый ранами и кровью, пополз обратно в Раштадт. Это отвратительное нарушение международного права, столь неслыханное среди цивилизованных людей, вызвало отвращение в Европе. Война, свирепая и неумолимая, снова возобновилась во всех своих ужасах.[\[475\]](#)

УБИЙСТВО ПОСЛОВ В РАШТАДТЕ.

Теперь все было в смятении, и всеобщее недовольство поднялось вокруг Директории. Франция была отвлечена враждебными партиями, в то время как победоносные армии теснились у ее границ. Все социальные связи были разорваны. Беспринципная алчность характеризовала меры правительства. Религия была упразднена, а отправление правосудия казалось фарсом. Законы игнорировались; насилие царило бесконтрольно; интригующие группировки сменяли друг друга, в то время как якобинцы, роялисты и республиканцы боролись за господство. Народ, испытывающий отвращение к этому состоянию анархии, жаждал избавителя, который спас бы правительство от позора и в то же время спас Францию от возвращения под власть деспотизма бурбонов.

Наполеон в Египте, узнав о таком положении дел, решил немедленно вернуться во Францию. Он высадился во Фрежусе 9 октября 1799 года и пересек Францию от Средиземного моря до

Парижа, где постоянно царил ликование. Его ожидал такой всеобщий энтузиазм, что, не пролив ни капли крови, он сверг слабоумное правительство Директории и учредил Консульство. Нация встретила это изменение почти всеобщими аплодисментами. Для повествования об этих событиях и последующей карьере Революции читателю следует обратиться к Истории Наполеона Бонапарта.

СНОСКИ:

[464] Воспоминания о Наполеоне, диктант. au Montholon et Gourgaud, vol. iv., p. 96, 97.

[465] "Несомненно, сэра, - ответил герцог, - я не меньше вашего желаю достижения мира ради счастья народа и человечества. Принимая, однако, во внимание, что в положении, которое я занимаю, не входит в мои обязанности расследование и разрешение ссоры воюющих держав, и что я не наделен со стороны императора какими-либо полномочными полномочиями для ведения переговоров, вы извините меня, генерал, если я не вступлю с вами в переговоры, касающиеся вопроса высочайшей важности, но который не входит в сферу моего ведения. Что бы ни случилось, будь то с учетом будущих шансов на войну или перспектив установления мира, я прошу вас быть в равной степени уверенными в моем глубоком уважении".

[466] "Директория встревожилась за собственное существование. Уже было установлено, что 190 депутатов были привлечены к восстановлению изгнанной королевской семьи, в то время как Директория могла рассчитывать только на поддержку 130; и Древние решили значительным большинством перенести резиденцию Законодательного собрания в Руан из-за его близости к западным провинциям, чьи роялистские принципы всегда были таковы. Ожидалось, что следующие выборы почти уничтожат Революционную партию; и Директория понимала, что для цареубийц, какими были большинство из них, переход от Люксембургской тюрьмы к эшафоту был легким". —*Элисон*, том i, стр. 491.

[467] "Мы можем сказать, что 18-го Фруктидора V года было необходимо, чтобы Директория восторжествовала над контрреволюцией, уничтожив Советы; или чтобы Советы восторжествовали над Республикой, свергнув Директорию. Поставленный таким образом вопрос, остается выяснить, *во—первых*, могла ли Директория одержать победу каким-либо иным способом, кроме *государственного переворота*, и, *во—вторых*, whether it misused its victory." —*Mignet*, стр. 338. В

[468] "Хотя Франция чрезвычайно пострадала от узурпации, которая свергла ее выборное правительство и заменила химеры демократии империей силы, кажется, нет оснований полагать, что в тот период в ее кабинете могло быть заменено более справедливое правительство". —*Элисон*, том i, стр. 496.

[469] Бурьен, том i, стр. 250.

[470] Эти люди находились в постоянной переписке с Бурбонами и составляли заговор с целью их реставрации.

[471] Воспоминания Наполеона, изреч. au Montholon et Gourgaud, vol. iv., p. 233.

"18-й Фруктидор - это настоящая эпоха зарождения военного деспотизма во Франции. Последующее управление страной было всего лишь чередой незаконных узурпаций со стороны хранителей власти, в которых народ не принимал участия и в результате которых в равной степени нарушались их права, пока энергичной рукой Наполеона не было восстановлено спокойствие". —*Элисон*, том i, стр. 496.

[472] Минье говорит: "Предложения Питта не были искренними, Директория не позволила обмануть себя дипломатическими уловками. Переговоры дважды прерывались, и война между двумя державами продолжалась. Пока Англия вела переговоры в Лилле, она готовила в Санкт—Петербурге тройственный союз, или вторую коалицию". -*Минье*, стр. 341.

[473] Память Наполеона, диктант. весь месяц, et Gourgaud, том iv., стр. 271.

Английские историки-тори, такие как Скотт и Элисон, яростно осуждают Францию за отказ бросить своих союзников, Испанию и Голландию, ради мира с Англией. В то же время они осыпают Наполеона позорными эпитетами за отказ продолжать кровопролитную войну с Австрией ради защиты аристократического и вероломного врага, Венеции, от алчности Австрии, союзницы Венеции в несправедливой войне против Франции. Замечания Элисон по этому поводу представляют собой печальную демонстрацию силы предрассудков, препятствующих чувству справедливости. "Австрия, — пишет Т.У. Редхед, - гнусно присвоила имущество верного и преданного союзника, в то время как Франция всего лишь согласилась на разграбление враждебного правительства, готового напасть на нее при малейшем отступлении". -*Французские революции*, том ii, стр. 100.

[474] Тьер, том iv., стр. 334.

[475] "Наши полномочные представители были убиты в Раштадте, и, несмотря на возмущение, выраженное всей Францией по поводу этого зверства, возмездие все еще очень запоздало, настигнув убийц. Оба Совета были первыми, кто отдал печальную дань уважения жертвам. Кто из тех, кто видел эту церемонию, когда-либо забывал о ее торжественности? Кто может без волнения вспоминать религиозное молчание, царившее в зале и на галереях, когда проводилось голосование? Затем председатель повернулся к курульным креслам жертв, на которых лежали официальные костюмы убитых представителей, обтянутые черным крепом, склонился над ними, произнес имена Робержо и Бонье и добавил голосом, тон которого всегда был волнующим: "Убит на конгрессе в Раштадте". Все представители немедленно отреагировали: *"Да будет их кровь на головах их убийц"*. —*Герцогиня Абрантешская*, стр. 206.